А. В. Бузгалин
А. И. Колганов
О. В. Барашкова

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

URSS

А. В. Бузгалин
А. И. Колганов
О. В. Барашкова

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Современное марксистское направление

Базовый уровень

•

Продвинутый уровень

Издание третье

URSS
МОСКВА

ББК 65я73 65.02 65.5 87.6

Бузгалин Александр Владимирович, Колганов Андрей Иванович,
Барашкова Ольга Владимировна
Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление.
Базовый уровень. Продвинутый уровень: Учебник. Изд. 3-е, стереотип. — М.: ЛЕНАНД, 2020.
560 с. (Размышляя о марксизме. № 155.)

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. интерес в мире и в России к теоретическому наследию Карла Маркса и классической политической экономии резко возрос, но современной, отвечающей на вызовы экономики XXI века учебной литературы ничтожно мало.

Учебник впервые на русском языке дает целостную характеристику современных экономических отношений в исторической ретроспективе. В нем читатель найдет ответы на основные вопросы экономической жизни, узнает о том, что такое рынок, деньги и капитал и каковы их особенности в XXI веке; почему и как корпорации манипулируют потребителем и какую роль государство играет в современной экономике; что делает человека «экономическим эгоистом», что такое денежный фетишизм и рынок симулякров; что такое собственность и почему сегодня 1 % населения концентрирует в своих руках более половины мировых богатств; каковы экономические причины социального неравенства и бедности; какие экономические системы существовали тысячелетиями до рынка и какие идут ему на смену, и мн. др.

Отличительной чертой данного учебника является то, что он не только воспроизводит классическое политико-экономическое наследие, прежде всего — экономическую теорию К. Маркса, но и существенно дополняет ее достижениями современной мировой и отечественной экономической теории западноевропейских, американских и российских авторов.

Учебник ориентирован не только на бакалавров, которые могут получить базовые знания в области политической экономии, но и на магистров (Приложение 1), для которых авторы раскрывают противоречия современного глобального капитализма и его российские особенности.

Учебник рекомендован изучающим экономику, политологию, социологию и философию. Мы надеемся, что учебник окажется востребован читателями, стремящимися понять не только современные механизмы функционирования рынка развитых стран (а именно это является реальным основным предметом учебников экономикс), но и противоречия, закономерности, тенденции развития социально-экономических систем во всем их многообразии. Именно таким читателям авторы и адресуют свою работу.

Рецензенты:

научный руководитель Института экономики РАН, чл.-корр. РАН Р. С. Гринберг;
заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета СПбГУ,
д-р экон. наук, проф. В. Т. Рязанов

Рекомендовано кафедрой политической экономии экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим направлениям и специальностям

При работе с книгой рекомендуется использовать дополнительные материалы, доступные на сайте www.interpolitec.su

ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.
Формат 70×100/16. Печ. л. 35. Зак. № 147965.

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии». 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

ISBN 978-5-9710-7400-7

© ЛЕНАНД, 2018, 2019

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
Тел./факс (многоканальный):
+ 7 (499) 724 25 45
URSS

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Оглавление (краткое)

Предисловие ко второму изданию 15

Предисловие 17

Введение. Классическая политическая экономия, марксизм и «экономикс» 25

ЧАСТЬ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД 42

Глава 1. Философские основы метода марксистской политической экономии 42

Глава 2. Социально-исторические основы метода марксистской политической экономии. Источники и исторические этапы развития человеческого общества 53

Глава 3. Предмет политической экономии 64

Глава 4. Экономика в системе общественных отношений 76

ЧАСТЬ 2. ЭКОНОМИКА ДО КАПИТАЛА: ДОБУРЖУАЗНЫЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА 85

Глава 5. Архаическая (предэкономическая) формация. Первобытный способ производства 85

Глава 6. Экономическая общественная формация. Азиатский, античный и феодальный способы производства 97

ЧАСТЬ 3. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАПИТАЛИЗМА (ВВЕДЕНИЕ В «КАПИТАЛ» К. МАРКСА, ИЛИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ «РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ») 141

Глава 7. Становление капиталистического способа производства (введение к части 3) 141

Глава 8. Анатомия рынка: товар, деньги и теория стоимости 146

Глава 9. Сущность капиталистического производства и накопления: труд, капитал и теория прибавочной стоимости 160

Глава 10. Обращение и превратные формы капитала: зарплата, прибыль, процент и рента. Воспроизводство и кризисы 179

Глава 11. Доходы и их источники: экономические основы социально-классовой структуры капитализма 203

ЧАСТЬ 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА 209

Глава 12. Развитие капитализма на собственной основе 209

Глава 13. Начало процесса разложения капитализма 231

ЧАСТЬ 5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ 247

Глава 14. Социально-экономическая система СССР: природа, причины возникновения и кризиса 247

Глава 15. Постсоветские трансформации: предварительные итоги 265

Глава 16. Система производственных отношений постсоветской России: мутации позднего капитализма полупериферийного типа 277

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА 302

Глава 17. Пределы «царства необходимости» и капитализма: исследование предпосылок и ростков посткапиталистических отношений возможно и необходимо 302

Глава 18. Политическая экономия социализма 319

Глава 19. Размышляя о коммунизме... 341

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА, ИЛИ АНАТОМИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (ОТ «КАПИТАЛА» XIX ВЕКА К «КАПИТАЛУ»-XXI) 351

Введение. Первая стадия позднего капитализма: монополистический капитал как подрыв основ рынка. Империализм 351

ЧАСТЬ 1. ТОВАР И ДЕНЬГИ 356

Глава 1. Тотальный рынок сетей 356

Глава 2. Рынок симулякров 382

Глава 3. Виртуальные деньги 398

ЧАСТЬ 2. КАПИТАЛ 409

Глава 4. Новое бытие всеобщей формулы капитала: фиктивный финансовый капитал 409

ЧАСТЬ 3. ЭКСПЛУАТАЦИЯ 421

Глава 5. Содержание и структура отношений эксплуатации (от наемного рабочего и прибавочной стоимости к homo creator'у и интеллектуальной ренте) 421

Глава 6. Творческая деятельность и капитал: взгляд сквозь призму неоклассики 434

Глава 7. Подчинение труда, свободного времени и Человека: капитал, его гегемония и пределы в мире креатосферы 450

ЧАСТЬ 4. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА 467

Глава 8. Социальная структура позднего капитализма: к методологии исследования 467

Глава 9. Социальная структура позднего капитализма: классы, меж-/внутриклассовая диффузия и противоречия 472

Глава 10. Человек и социум как функции капитала и как его предел: к критике теорий «человеческого» и «социального» капитала 481

ЧАСТЬ 5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ 510

Глава 11. Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации 510

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КУРСУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ» 530

Тезаурус 541

Предметный указатель 547

Оглавление (подробное)

Предисловие ко второму изданию **15**

Предисловие **17**

Введение. Классическая политическая экономия, марксизм и «экономикс» **25**

1. Политическая экономия возвращается 26
2. Что позволяет изучить классическая политическая экономия и не позволяет «экономикс» 34

P. S. К проблеме плюрализма экономических теорий 40

ЧАСТЬ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД **42**

Глава 1. Философские основы метода марксистской политической экономии **42**

1.1. Философские предпосылки развития марксистского метода исследования 43
1.2. Философский материализм 43
1.3. Основные категории философии 44
1.4. Диалектика 47

Глава 2. Социально-исторические основы метода марксистской политической экономии. Источники и исторические этапы развития человеческого общества **53**

2.1. Материалистический подход к общественным явлениям 53
2.2. Производительные силы. Труд 54
2.3. Исторические стадии развития производительных сил 58

Глава 3. Предмет политической экономии **64**

3.1. Производственные отношения 65
3.2. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Способ производства 66
3.3. Периодизация социально-экономического развития общества. Общественные формации и способы производства 68

Глава 4. Экономика в системе общественных отношений 76

4.1. Экономический строй и общественный строй 76
4.2. Классы и классовая борьба 77
4.3. Государство (политическая и юридическая надстройка) 79
4.4. Соотношение классового и национального 82

ЧАСТЬ 2. ЭКОНОМИКА ДО КАПИТАЛА: ДОБУРЖУАЗНЫЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА 85

Глава 5. Архаическая (предэкономическая) формация. Первобытный способ производства 85

5.1. Первобытная община и формирование более широких общностей людей 86
5.2. Разложение первобытной общины 90

Глава 6. Экономическая общественная формация. Азиатский, античный и феодальный способы производства 97

6.1. Азиатский и античный способы производства — первая ступень экономической общественной формации 98
6.2. Азиатский способ производства 103
6.3. Античный способ производства 108
6.4. Феодальный способ производства 113
6.4.1. Возникновение феодализма 113
6.4.2. Классический (развитый) феодализм 119
6.4.3. Позднее Средневековье. Разложение феодализма 128
6.4.4. Особенности российского феодализма 135

ЧАСТЬ 3. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАПИТАЛИЗМА (ВВЕДЕНИЕ В «КАПИТАЛ» К. МАРКСА, ИЛИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ «РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ») 141

Глава 7. Становление капиталистического способа производства (введение к части 3) 141

7.1. Первоначальное накопление капитала и возникновение мануфактурного производства 142
7.2. Развитие торгового и ростовщического капитала. Промышленный переворот 143

Глава 8. Анатомия рынка: товар, деньги и теория стоимости 146

8.1. Марксистский вариант трудовой теории стоимости 147

8.2. Деньги, или обращение товаров 152

Глава 9. Сущность капиталистического производства и накопления: труд, капитал и теория прибавочной стоимости 160

9.1. Капитал и прибавочная стоимость. Заработная плата 161

9.2. Анализ стадий развития капитализма в промышленности. Формальное и реальное подчинение труда капиталу 167

9.3. Капиталистическое накопление. Капиталистический закон народонаселения 172

Глава 10. Обращение и превратные формы капитала: зарплата, прибыль, процент и рента. Воспроизводство и кризисы ... 179

10.1. Обращение капитала. Чистые и дополнительные издержки обращения 180

10.2. Превращение прибавочной стоимости в прибыль, а стоимости — в цену производства 185

10.3. Промышленный и торговый капитал. Производительный и непроизводительный труд 188

10.4. Ссудный капитал и процент. Процент и предпринимательский доход. Фиктивный капитал 190

10.5. Капиталистическая земельная рента 194

10.6. Воспроизводство и кризисы 198

Глава 11. Доходы и их источники: экономические основы социально-классовой структуры капитализма 203

11.1. Капиталистические формы дохода и их источники 203

11.2. Классовая структура капиталистического общества 205

ЧАСТЬ 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА 209

Глава 12. Развитие капитализма на собственной основе 209

12.1. Монополистический капитализм 210

12.2. Государственно-монополистический капитализм 215

12.3. Изменения межклассовых и внутриклассовых отношений при монополистическом капитализме 218

12.4. Поздний капитализм (позднее индустриальное общество) 220
12.5. Крах колониальной системы 224

Глава 13. Начало процесса разложения капитализма 231

13.1. Развитие постиндустриальных тенденций 231
13.2. Капиталистическая глобализация 237
13.3. Изменение социальной структуры современного капиталистического общества 241

ЧАСТЬ 5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ 247

Глава 14. Социально-экономическая система СССР: природа, причины возникновения и кризиса 247

14.1. Альтернативные взгляды на экономическую систему «реального социализма» 248
14.2. Советский строй с точки зрения политической экономии социализма: теория и реальность 249
14.3. Деформированный социализм? 256
14.4. Зигзаг истории? 258
14.5. Объяснение «реального социализма» как особой ступени всемирно-исторического процесса перехода от «царства необходимости» к «царству свободы» 260

Глава 15. Постсоветские трансформации: предварительные итоги 265

15.1. Постсоветские социально-экономические трансформации: вводные замечания 265
15.2. Формирование основ рыночной экономики как главный результат трансформаций 266
15.3. Динамика основных макроэкономических индикаторов в трансформационный период 269

Глава 16. Система производственных отношений постсоветской России: мутации позднего капитализма полупериферийного типа 277

16.1. Отношения координации в российской экономике 278
16.1.1. Специфика рынка и его локального корпоративного регулирования 278

16.1.2. Теневое государственное регулирование и «ручное» государственное управление ... 280
16.1.3. Дорыночные отношения координации ... 281
16.2. Собственность: негативная конвергенция отношений государственно-бюрократического, капиталистического и добуржуазного отчуждения и присвоения ... 282
16.2.1. Отношения и права собственности в России: основные особенности ... 282
16.2.2. Отношения собственности в кланово-корпоративной группе ... 285
16.2.3. Отношения присвоения и отчуждения ... 290
16.3. Воспроизводственный процесс в России: причины и последствия экстенсивной модели эволюции ... 292
16.3.1. Экстенсивный тип воспроизводства: причины и последствия ... 292
16.3.2. Воспроизводственная ловушка постсоветской экономики ... 294

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА ... 302

Глава 17. Пределы «царства необходимости» и капитализма: исследование предпосылок и ростков посткапиталистических отношений возможно и необходимо ... 302

17.1. Рождение нового общества: исторические масштабы и общие черты качественного скачка. Классическая постановка вопроса ... 303
17.2. Границы капиталистического способа производства и материальные предпосылки социализма ... 306
17.3. Производительные силы, производственные отношения и социальные предпосылки социализма ... 313

Глава 18. Политическая экономия социализма ... 319

18.1. Политэкономия социализма и опыт «реального социализма» ... 319
18.2. Генезис посткапиталистической экономики («переходный период») ... 321
18.3. Социально-экономическая система неполного коммунизма ... 324
18.3.1. Производительные силы социализма. Формальное и реальное освобождение труда ... 324
18.3.2. Производственные отношения социализма ... 326
18.3.3. Социализм и товарное производство ... 338

Глава 19. Размышляя о коммунизме... ... 341

19.1. Условия перехода к высшей фазе коммунизма. Что такое «полный» коммунизм? ... 341

19.2. Различие деятельности в необходимое и свободное время 342
19.3. Производственные отношения 343
19.4. Освобождение человека. Человек как субъект истории. Источники развития 345

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА, ИЛИ АНАТОМИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (ОТ «КАПИТАЛА» XIX ВЕКА К «КАПИТАЛУ»-XXI) 351

Введение. Первая стадия позднего капитализма: монополистический капитал как подрыв основ рынка. Империализм 351

ЧАСТЬ 1. ТОВАР И ДЕНЬГИ 356

Глава 1. Тотальный рынок сетей 356

1.1. Тоталитарный рынок: сети и их хозяева («рынок пауков и паутин») 357
1.2. Каналы корпоративного манипулирования («поля зависимости» — «паутины») 366
1.3. Кооперация и борьба корпоративных сетей («рынок пауков») 371
1.4. Неоприватизация: «ренессанс» частной собственности как результат и предпосылка тоталитарного рынка 378

Глава 2. Рынок симулякров 382

2.1. Некоторые предварительные замечания о рынке симулякров 383
2.2. Возможность и необходимость генезиса рынков симулякров 387
2.3. Политическая экономия товара-симулякра 389
2.4. Удвоение фетишизации: рыночные симулякры как превратные формы товарного фетишизма 395

Глава 3. Виртуальные деньги 398

3.1. Феноменология современных денег: «финансиализация» и не только 398
3.2. Виртуальный фиктивный финансовый капитал: differentiae specificae 403

ЧАСТЬ 2. КАПИТАЛ 409

Глава 4. Новое бытие всеобщей формулы капитала: фиктивный финансовый капитал 409

4.1. Прибыль без производства, или Превратные формы «долговой экономики» 410

4.2. Виртуальный фиктивный финансовый капитал: гиперреализованные угрозы кризиса и дерегулирования 412

4.3. Виртуальный фиктивный финансовый капитал как феномен превратного сектора экономики 418

ЧАСТЬ 3. ЭКСПЛУАТАЦИЯ 421

Глава 5. Содержание и структура отношений эксплуатации (от наемного рабочего и прибавочной стоимости к homo creator'у и интеллектуальной ренте) 421

5.1. Капиталистическая эксплуатация: классический марксизм 422

5.2. Эксплуатация XXI века: контрапункты «диффузии» капитала и присвоения прибавочной стоимости, монополистической [сверх]прибыли и интеллектуальной ренты 428

Глава 6. Творческая деятельность и капитал: взгляд сквозь призму неоклассики 434

6.1. Эксплуатация homo creator'а и мира культуры (присвоение интеллектуальной ренты как снятие присвоения прибавочной стоимости) 437

6.2. Эксплуатация творческой деятельности: специфика объекта, содержания и форм 438

6.3. Количественные аспекты эксплуатации творческой деятельности 442

6.4. Интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства 445

Глава 7. Подчинение труда, свободного времени и Человека: капитал, его гегемония и пределы в мире креатосферы 450

7.1. Креативная деятельность и ее субъект: контрапункты формального подчинения капиталу 451

7.2. Противоречия трансформаций реального подчинения труда капиталу: личность и свободное время как объекты гегемонии 453

7.3. Невозможное возможно: парадоксы реального подчинения капиталу творческой деятельности и «двоякое замещение» [креатосферы и творца] 457
7.4. Подчинение капиталу Человека: заключительные ремарки 460

ЧАСТЬ 4. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА 467

Глава 8. Социальная структура позднего капитализма: к методологии исследования 467

Глава 9. Социальная структура позднего капитализма: классы, меж-/внутриклассовая диффузия и противоречия 472

9.1. Внутренние противоречия и основные характеристики класса наемных работников в условиях глобального капитализма 472
9.2. Структура мирового класса наемных работников в условиях позднего капитализма 474
9.3. Прекариат 477
9.4. Классовая борьба в условиях позднего капитализма 479

Глава 10. Человек и социум как функции капитала и как его предел: к критике теорий «человеческого» и «социального» капитала 481

10.1. Человек в экономике: к критике теории «человеческого капитала» 482
10.2. Некапиталистические социально-экономические отношения или «социальный капитал»? 491
10.2.1. «Социальный капитал»: как ищут и что находят западные и копирующие их отечественные авторы? 491
10.2.2. Отступление. Несколько предварительных определений 495
10.2.3. Отношения и процессы, скрытые за понятием «социальный капитал»: базовые социальные взаимодействия 497
10.2.4. Феномены, скрытые за понятием «социальный капитал»: генезис нового класса отношений, переходных к посткапиталистическим 499
10.2.5. Генезис посткапиталистических отношений: эмпирические проявления 502
10.2.6. Новая реальность, скрытая за видимостью «социального капитала»: что было бы полезно увидеть бизнесу и наемному работнику 507

ЧАСТЬ 5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ 510

Глава 11. Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации 510

11.1. Глобализация: вводные замечания 511
11.2. Глобализация производительных сил 512
11.3. Глобализация производственных отношений 513
11.4. Транснациональная корпоративная сеть: анатомия, структура, доминирование 522
11.5. Каналы внешней власти корпораций: некоторые дополнительные замечания 527

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КУРСУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ» 530

Аннотация курса 530
Содержание основных тем 530
Экзаменационные вопросы 533
Тематика деловых игр, предусмотренных по курсу 534
Темы рефератов и эссе 534
Темы коллективных проектов 535
Требования к эссе и рефератам 535
Критерии оценивания работы по курсу 536

Тезаурус 537

Предметный указатель 547

Предисловие ко второму изданию

Пожалуй, самым знаменательным событием, прошедшим после выхода 1-го издания учебника, стало для авторов 200-летие Маркса. И дело не только в том, что по всему миру прошли активные юбилейные торжества, в которых в Германии и Китае приняли участие лидеры стран. В научной среде и общественном мнении стало меняться отношение к марксизму. Из как будто бы умирающего экзотического феномена наше течение все более превращается в обновленный, методологически и теоретически востребованный инструмент познания и преобразования общественной жизни. В России свидетельством этого стал, в частности, Международный конгресс «Маркс-XXI», выступая на котором ректор Московского государственного университета академик В. А. Садовничий подчеркнул: «Марксизм не может и не должен претендовать на монопольное положение, на истину в последней инстанции, но игнорирование этого научного направления в научных исследованиях и в учебном процессе недопустимо»[1]. Не менее важно, что практически все крупнейшие академические журналы посвятили серии статей современному марксизму[2]. Для авторов книги немаловажным стало то, что их идеи также были отражены в этих публикациях[3]. Все растущее признание получает Постсоветская школа критического марксизма, представители которой были приглашены с докладами на крупнейшие конгрессы марксистов не только в России, но и в Пекине, Шанхае, Нью-Йорке, Лондоне, Кембридже, Берлине и др. Более того, в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова на философском факультете создан *Научно-образовательный центр современных марксистских исследований*[4].

---

[1] *Садовничий В. А.* Марксизм не имеет монополии на истину, но его игнорирование в научных исследованиях и в учебном процессе недопустимо (выступление на Международном форуме «Маркс-XXI». Москва, МГУ, 16 мая 2018 г.) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 5. С. 8.

[2] Серии статей были опубликованы в журналах «Вопросы экономики» (№ 8/2018), «Вопросы философии» (№ 6/2018, № 7/2018), «Социологические исследования» (№ 5/2018), «Terra Economicus» (Т. 16. № 2/2018), «Экономика региона» (№ 3/2018), «Вестник Московского университета. Серия 7: Философия» (№ 5/2018 и № 6/2018), «Эпистемология и философия науки» (Т. 55. № 3/2018), «Философские науки» (№ 4/2018) и др.

[3] См.: *Бузгалин А. В.* Ключ к пониманию противоречий современной экономики (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 2. С. 40–55; *Бузгалин А. В.* Маркс-XXI: реактуализация философского наследия (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 20–34; *Бузгалин А. В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141; *Бузгалин А. В.* Ответы на вопросы оргкомитета Второго международного марксистского конгресса. Пекин, Пекинский университет, 5–6 мая 2018 г. // Философские науки. 2018. № 4. С. 80–95; Роль изучения «Капитала» К. Маркса в формировании российских экономистов (круглый стол в МГУ имени М. В. Ломоносова) / В. С. Автономов, А. А. Аузан, Л. М. Григорьев, А. И. Колганов, Р. М. Нуреев, А. Г. Худокормов, А. Е. Шаститко, А. А. Курдин // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 102-117; *Бузгалин А. В.* Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 190–201; *Колганов А. И.* Маркс-XXI: пределы и потенциал социальной философии. Критические ремарки // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 180–193.

[4] Подробнее о деятельности см. на официальных ресурсах: https://marxiststudies.ru и https://vk.com/marxistcenter

Да, жизнь не стоит на месте. Похоже, наступает эпоха, которую мы бы назвали ***концом «конца истории»***. Не зря же адепт оного «конца истории» через двадцать лет после выхода своей нашумевшей статьи и книги заговорил о возвращении марксизма и социализма в повестку дня...[1] Авторы осмысливают эти изменения в своих новых текстах[2], и будут рады, если по итогам ознакомления с настоящим — вторым — изданием учебника читатели найдут для себя полезные методологические и теоретические основания, позволяющие продвинуться в собственных поисках ответов на вызовы современной социально-экономической жизни.

[1] В своем недавнем интервью журналу The New Statesman Фрэнсис Фукуяма заговорил о том, что социализм до конца не исчерпал свой потенциал, а Маркс в определенном смысле был прав (см.: Francis Fukuyama interview: "Socialism ought to come back" by George Eaton. 17 October 2018 / Newstatesman.com Accessed: January 25, 2019. https://www.newstatesman.com/culture/observations/2018/10/francis-fukuyama-interview-socialism-ought-come-back?fbclid=IwAR3iVR4pD6lbzu66j5C_q-ITxmuKeHNJckIPnHCK4AXKkzSgq6WTCt2SlZk). См. также: Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 1.

[2] См., напр.: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28; *Бузгалин А. В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141; *Бузгалин А. В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38. В этих текстах с марксистских позиций исследуются наиболее современные противоречия капиталистического способа производства, связанные с одной стороны, с назревающими в его недрах технологическим сдвигами, а с другой, с неспособностью капитала дать простор этому новому витку производительных сил в интересах общественного прогресса.

Предисловие

Выбор авторами классической традиции политической экономии в качестве основы для учебника не случаен: после нескольких десятилетий «забвения» в конце XX века ситуация изменяется: ***в XXI веке классическая политическая экономия вновь возвращается в университеты***. Особенно востребованной оказалась в последнее десятилетие ее марксистская версия. Мировой финансовый и экономический кризис, потрясший мир в 2007–2010 годах, был предсказан марксистами вопреки всем заверениям господствовавшей экономической науки. Этот кризис вновь напомнил всем нам: мы живем не просто в рыночной экономике. Наш мир — это мир, где экономико-политическая власть принадлежит не людям, а капиталу. *Капитализм же — это экономическая система, для которой характерны глубокие противоречия, и без изучения этих конфликтов, их причин и последствий нельзя не только успешно вести предпринимательскую деятельность, но и просто нормально, стабильно жить; нельзя поддерживать нормальный ход национальных экономик и мирового хозяйства.*

А *для того, чтобы знать глубинные противоречия капитализма и формы их разрешения, надо изучать классическую политическую экономию.*

Это тем более необходимо, что наша наука далеко не ограничивается тем, что написал 150 лет назад Карл Маркс: *классическая политическая экономия развивается и дает ответы на самые актуальные вопросы современности*: от глобализации до финансиализации.

Итак, именно здесь, в базовых знаниях в области классической политической экономии, ищущий понимания тайн экономической жизни ум может найти ответы на ***фундаментальные вопросы экономической теории***:

- *Что из себя представляет экономическая сфера человеческого общества во всем многообразии ее исторических и пространственных проявлений* и, в частности, что из себя представляет современный этап развития глобальной экономики и экономики России?
- Есть ли *объективные законы функционирования и развития экономики* и если да, то каковы они? И можно ли, познав их, разумно *управлять экономическим развитием*, а не только гадать при помощи суперкомпьютеров, каким будет курс рубля послезавтра или через две недели?
- *Кому в мировой экономике и в России принадлежит реальная экономико-политическая власть,* и какие *интересы* преследуют реальные хозяева экономики? Лучше или хуже от этого становится нашей экономике и людям и что такое «хуже» и «лучше» с экономической точки зрения?
- Что есть *Человек в его социально-экономическом бытии* и только ли денег, денег и еще больше денег он хочет? Возможно ли соединить экономическую эффективность с социальной справедливостью, и что они такое?

На эти и многие другие вопросы дает ответы современная политическая экономия, творчески наследующая достижения классики. А эти ответы принципиально важно знать даже тем, кого в жизни не интересует ничего кроме умения делать деньги, ибо и им надо учитывать, что экономика — это не только движение денег и конъюнктура рынков. В ней происходят грандиозные качественные подвижки: возникают и исчезают альтернативные хозяйственные системы (чего стоит хотя бы 70-летнее развитие с немалыми достижениями, а не только пороками, не-рыночной экономики СССР), радикально меняется геополитическая расстановка сил, появляется и «неожиданно» (для не знающих политэкономии) становятся принципиально значимыми экологи-

ческие, социальные и гуманитарные ограничения экспансии капитала...

Именно поэтому *каждому, кто хочет понять, что такое современная экономика, чьи интересы и как в ней борются, как и почему одни обогащаются, а другие нет, почему одни страны подчиняют себе экономику других и какое будущее ждет экономику России и нас с вами — граждан нашей страны, важно знать не только микро- и макроэкономику, но и классическую политическую экономию.*

* * *

Мир признал ограниченность economics.

Подчеркнем, что признают недостаточность economics для объяснения реалий социально-экономической жизни и обращаются в поисках ответов на современные вызовы к альтернативной теории, в том числе к достижениям классической политической экономии, не только российские, а и зарубежные, в том числе — американские — ученые[1]. В США существуют ассоциации радикальной политической экономии и гетеродоксальной экономической теории, ряд других научных сообществ, нацеленных на развитие плюрализма в экономической теории. Аналогичные сети и сообщества существуют в Европе, Японии, Китае. Успешно развиваются Всемирная ассоциация политической экономии (World Association for Political Economy) и Международная инициатива по развитию политической экономии (International Initiative for Promoting Political Economy) и др.[2]

Дискуссии о проблемах развития и взаимодействия различных школ экономической теории и вопросах использования их багажа в экономических исследованиях и экономическом образовании не только не утихают, но и нелинейно нарастают, о чем свидетельствуют выступления студентов против засилья формализованной и чрезмерно математизированной неоклассической экономической теории.

✓ Признание ограниченности положений economics для объяснения социально-экономической реальности: письма студентов Парижа и Гарварда

Весьма симптоматичной стала публикация в 2007 г. в газете Mond открытого письма французских студентов, недвусмысленно выступивших против засилья формализованной и математизированной неоклассической экономической теории. Ниже мы приводим некоторые выдержки из этого письма:

«Мы, студенты-экономисты ***разных стран мира***, заявляем, что мы принципиально не удовлетворены получаемым нами преподаванием экономики. Для этого имеются следующие причины.

1. Мы хотим вырваться из выдуманного мира!

Подавляющее большинство из нас выбрало изучение экономической теории для того, чтобы максимально глубоко понять те феномены экономики, с которыми сегодня сталкиваются граждане. Однако то обучение, которое мы получаем, в большинстве своем состоящее из неоклассической теории или подходов, производных от нее, в целом не отвечает нашим ожиданиям. Даже тогда, когда теория обоснованно абстра-

[1] См., например: *Аккерман Ф., Ананьин О., Вайскопф Т., Гудвин Н.* Экономика в контексте (вопросы преподавания экономической теории) // Вопросы экономики. 1997. № 2; позднее эти авторы выпустили учебник с аналогичным названием. См. также: *Ноув А.* Какой должна быть экономическая теория переходного периода (критический обзор) // Вопросы экономики. 1993. № 11; *Ormerod P.* The Death of Economics. 2nd edition. New York, John Wiley & Sons: 1997 и мн. др.

[2] См. более подробную информацию на сайтах этих ассоциаций: *Association for Heterodox Economics* — Ассоциация гетеродоксальной экономики: www.hetecon.net; *The World Association for Political Economy* (*WAPE*) — Всемирная ассоциация политической экономии: www.wtpe.org; *International Initiative for Promoting Political Economy* (*IIPPE*) — Международная инициатива по развитию политической экономии www.iippe.org; *Union for Radical Political Economics* (*URPE*) — Ассоциация радикальной политической экономии: www.urpe.org; *Institute for New Economic Thinking* (*INET*) — Институт нового экономического мышления: www.ineteconomics.org.

гируется на первом этапе от случайностей, она в дальнейшем не возвращается к их объяснению. Фактическая сторона (исторические факты, функционирование институтов, изучение поведения и стратегий агентов...) почти не существует. Более того, этот отрыв преподавания от конкретных реалий создает огромные проблемы для тех, кто хотел бы быть в дальнейшем полезен для экономических и социальных акторов.

2. Мы против бесконтрольного использования математики...

3. Мы выступаем за плюрализм подходов в преподавании экономической теории.

Преподаватели слишком часто не оставляют места для рефлексии. Из множества существующих подходов к экономическим проблемам нам, как правило, дается только один. Этот подход претендует на то, чтобы объяснить все чисто аксиоматическими средствами, так, как будто это является истиной в последней инстанции. Мы не принимаем догматизм. Мы хотим плюрализма подходов, адекватного многообразию и сложности объектов и неоднозначности решений, характерных для большинства больших проблем экономики (безработица, неравенство, место финансовых рынков, достоинства и недостатки свободной торговли, глобализации, экономическое развитие и т. д.)...

Мы не хотим более иметь эту навязанную нам аутистическую [замкнутую на себя — *прим. перев.*] ***науку...».***

Результатом этого письма, позднее подписанного десятками тысяч студентов и преподавателей всего мира, стало появление и растущая популярность Интернет-журнала «Post-Autistic Economics Review» (в 2008 г. журнал изменил название на «Real World Economics Review»)[1].

Весьма известным продолжением этих инициатив стала вызвавшая большой резонанс своеобразная забастовка в 2011 г. студентов Гарвардского университета, ушедших с лекции по экономике профессора Мэнкью — всемирно известного автора учебника «Economics», изданного миллионными тиражами на десятках языков[2].

Приведем это открытое письмо студентов Гарварда, направленное Грегори Мэнкью организаторами «Ухода с „Экономикс 10“»[3]:

Университетский городок — 2 ноября 2011 2 : 23 утра

Уважаемый профессор Мэнкью!

Сегодня мы уходим с ваших занятий по «Экономикс 10» для того, чтобы выразить свое недовольство предвзятостью, присущей этому вводному курсу экономики. Мы глубоко обеспокоены тем, что эта предвзятость влияет на студентов, университет, и на все общество.

Как студенты Гарварда, мы выбрали курс «Экономикс 10» надеясь получить широкие вводные основы экономической теории, которая поможет нам в наших интеллектуальных занятиях и различных дисциплинах, которые варьируются от экономики до управления, наук об окружающей среде и публичной политики. Вместо этого, мы получили курс, демонстрирующий специфический и ограниченный взгляд на экономику, который, мы считаем, увековечивает проблематичную и неэффективную систему экономического неравенства в нашем обществе сегодня.

---

[1] Сайт журнала: http://www.paecon.net/PAEReview/

[2] Об этой акции можно подробнее прочесть в статье А. И. Московского, приводящего систему важных аргументов, доказывающих недостаточность «основного направления» экономической теории (см.: *Московский А. И.* Почему экономисты Гарварда выступают против лекций Грегори Мэнкью? // Экономист. 2012. № 1).

[3] Источник: Harvard Political Review. URL: http://hpronline.org/harvard/an-open-letter-to-greg-mankiw/ Перевод — Д. Джабборов. Публикуется по: Вопросы политической экономии. 2012. № 1. С. 183–184. URL: http://vopoliteco.ucoz.com/mgz/wpe2012-01.pdf.

Правильное изучение экономики должно включать критическое обсуждение как преимуществ, так и недостатков различных экономических моделей. Так как ваши занятия не включают в себя первичные источники и редко публикуемые статьи из научных журналов, у нас очень ограниченный доступ к альтернативным подходам в экономике. Нет никаких оснований для представления экономических теорий Адама Смита, как более фундаментальных или базовых, чем, например, кейнсианская теория.

Забота о представлении объективного взгляда на экономику особенно важна для вводного курса для 700 студентов, которые обеспечивает прочную основу для дальнейших исследований в области экономики. Многие студенты Гарвардского университета не имеют возможность отказаться от «Экономикс 10». Этот курс необходим для изучающих экономику, экологию и государственное управление, в то время как студенты, изучающие социальные науки, должны изучать вводный курс экономики, а единственно доступный альтернативный предмет преподает профессор Стивен Марголин — «Критические перспективы экономики», — предлагается только раз в два года (но не в этом году). Многие студенты просто хотят иметь аналитическое понимание экономики как части качественного гуманитарного образования. Кроме того, «Экономикс 10» делает трудным эффективное изучение последующих курсов экономики, так как она предлагает только один серьезный взгляд, вместо фундаментальных основ, на базе которых могут преподаваться другие дисциплины. Нельзя создавать атмосферу, в которой студенты будут вынуждены уходить с этого курса или экономикс вообще для того, чтобы выразить свое недовольство.

Выпускники Гарварда играют важную роль в финансовых учреждениях и в формировании государственной политики по всему миру. Если Гарвард не сможет оснастить своих студентов широким и критическим пониманием экономики, их действия могут нанести ущерб мировой финансовой системе. Экономические потрясения последних пяти лет были достаточным доказательством этого.

Мы выходим на улицы сегодня, чтобы присоединиться к бостонскому маршу протеста против акционирования высшего образования как части глобального движения Захвата. Так как «Экономикс 10» носит предвзятый характер, способствует и символизирует растущее экономическое неравенство в Америке, мы уходим с ваших занятий сегодня в знак протеста против недостаточного внимания базисной экономической теории и чтобы оказать поддержку движению, которое меняет американский дискурс экономической несправедливости. Профессор Мэнкью, мы просим Вас отнестись серьезно к нашему беспокойству и нашему уходу с занятий.

С уважением, студенты «Экономикс 10»

* * *

О названии учебника

Напомним читателю, что ***классическая политическая экономия*** возникла задолго до современных теоретических представлений об экономике, представленных в учебных курсах в первую очередь пособиями по микро- и макроэкономике. Оставим в стороне предысторию и подчеркнем, что с работ великого английского экономиста Адама Смита (1723–1790) и его соотечественника Давида Рикардо (1772–1823) начинается та история классической политической экономии, которая стала основанием нашей науки более двухсот лет назад и остается им до сих пор.

В работах этих авторов была раскрыта природа возникавшей тогда капиталистической системы отношений с такими характерными для нее атрибутами как *рынок*,

где действуют обособленные, конкурирующие между собой частные производители; *капитал* — деньги и другие активы, которые вкладываются в производство с целью получения прибыли; *рациональный экономический человек*, минимизирующий издержки и максимизирующий доход и т. д., и т. п.

Свой наиболее развитый вид, путем критического переосмысления вклада предшественников, эта наука получила в фундаментальном трехтомном (если не считать текстов по истории политической экономии) труде Карла Маркса (1818–1883) «Капитал», ставшем одной из величайших экономико-теоретических книг всех времен и народов, регулярно издаваемой и переиздаваемой на всех основных мировых языках.

Именно эту — *марксистскую* — версию классической политической экономии мы и положили в основание нашего учебника.

Учитывая тот факт, что во многих современных учебниках по истории экономической мысли марксизм обособляется и представляется в автономном разделе учебника, вне раздела, посвященного характеристике классической политической экономии, мы считаем необходимым дать краткое пояснение нашей позиции, отличной от названной выше.

Согласно традиции советского марксизма марксизм квалифицировался как продолжение классической политической экономии, но по своим основным положениям, методологии — не простое продолжение, а качественно новый этап политической экономии. В соответствии с этой традицией авторы полагают правомерным считать марксизм высшим этапом развития классической политэкономической традиции и поэтому используют термин «классическая политическая экономия» в заголовке учебника.

Главным основанием для такого решения стала общность предмета и основных концептуальных положений домарксовой классической политэкономии и марксизма: приоритет материального производства, исследование в качестве предмета прежде всего объективных общественных отношений в процессе материального производства, обусловленное этим исследование капиталистического способа производства (называемого ныне «рыночной экономикой») на основе таких теоретико-методологических подходов, как трудовая теория стоимости и обусловленное ей понимание природы отношений между капиталом и наемным трудом как отношений эксплуатации, отношений воспроизводства и др.

Еще одна особенность данного учебника состоит в том, что его основное содержание отражает diiferentia specifica постсоветской школы критического марксизма, сформировавшейся в последние десятилетия в нашей стране на основе традиций критического советского марксизма. Эта школа существенно отличается по своей методологии и основным выводам от догматического марксизма советской эпохи. Мы принципиально открыты к диалогу с другими направлениями общественной мысли, конструктивно-критически относимся к опыту экономик «реального социализма», акцентируя как огромные достижения, так и глубокие противоречия первого мирового опыта создания пострыночной экономики и нового общества. Нашей школой многое сделано в области исследования современного капитализма, и это наследие нашло свое отражение в Приложении 1 к настоящему учебнику.

Кому адресован учебник и какова его структура

Предлагаемый вниманию читателей *учебник ориентирован на вдумчивого, готового к серьезной интеллектуальной работе читателя*. Ему он позволит узнать фундаментальные основы экономической теории, овладеть категориальным аппаратом и методом исследований, позволяющих понимать сущностные, глубинные закономерности экономического прогресса и регресса, взлетов и падений экономических систем, кризисов и «чудес» ускоренного развития, превращающих сверхдержавы в периферийные страны, а нищие и отсталые системы — в мировых гигантов.

Учебник позволяет не только получить базовые знания в области политической экономии (его основная часть ориентирована на

студентов-бакалавров), *но и освоить на продвинутом уровне современные достижения классической политической экономии в области изучения современного глобального капитализма и его российских особенностей* (*приложение 1 ориентировано на студентов магистратуры*).

Наша книга включает круг вопросов, традиционный для классической политической экономии, но несколько необычный с точки зрения господствующих учебников экономической теории, ориентированных на отображение основных положений микро- и макроэкономической теории в соответствии с аксиоматикой неоклассики. Отвечая на фундаментальные вопросы экономической теории, далеко выходящие за пределы ключевой темы неоклассики — как рационально (т. е. максимизируя доход) использовать ограниченные ресурсы или, как любят говорить студенты, как делать деньги — наш учебник, как уже было сказано, имеет существенно иную ***структуру***.

Он начинается с постановки проблемы *об отличии классической политической экономии вообще и марксизма как ее вершины, в частности, от неоклассической теории* (введение).

Продолжение нашего анализа — характеристика *добуржуазных экономических систем* — раздел, отсутствующий в подавляющем большинстве учебников, основанных на неоклассической парадигме. Между тем человечество тысячелетиями производило, распределяло и потребляло общественное богатство, не опосредуясь рынком и капиталом. Строго говоря, большая часть человечества (а оно состоит из жителей не только США, Канады и Европы, но и Латинской Америки, Африки, Китая, Индии и других стран Азии), только к середине XX века стало производить и потреблять продукцию, опосредуясь рынком. До этого большая часть из нас — жителей Земли — жила вне рыка и капитала, имея дело с деньгами едва ли раз в год на ярмарке и концентрируя в своих руках власть и богатство при помощи насилия, кровнородственных связей, аристократических и иных привилегий, ренты... И пережитки этих отношений живут и поныне (в том числе, в российской экономике XXI века, где полуфеодальные отношения своеобразной вассальной зависимости и клановой сращенности с теми или иными представителями власти являются одним из важнейших условий успешного бизнеса).

Центральный раздел учебника — классическая политико-экономическая характеристика содержания *товарных отношений, стоимости, денег и капитала,* а также тех форм, которые они обретают на поверхности хозяйственной жизни капитализма (системы, называемой в неоклассике рыночной) — *прибыли и заработной платы, процента и ренты*. Этот раздел основан на «Капитале» К. Маркса — фундаментальном теоретическом труде, признанном и поныне одним из величайших произведений мировой экономической теории. Этот раздел позволит читателю понять, что рынок — это не только пространство обмена, в котором цена зависит от соотношения спроса и предложения, но и форма товарного производства — особых общественных отношений, в которые вступают обособленные производители — мир конкуренции, где «каждый сам за себя», где высшая ценность товары и вещи, где, в то же время развивается предприимчивость, обогащение одних и разорение других. Мы покажем, как К. Маркс доказывает, что общественная стоимость, в том числе прибавочная стоимость, имеющая форму прибыли, создается исключительно трудом и что присвоение прибыли капиталистом есть не «естественное» вознаграждение за предприимчивость и риск и не продукт капитала. Один из важнейших сюжетов этого раздела — марксистская теория воспроизводства капитала, раскрывающая причины возникновения сверхкорпораций и концентрации богатства в руках немногих (этот процесс спустя 150 лет после Маркса вновь «открыл», став всемирно знаменитым, французский ученый Пикетти в книге со знаменательным название «Капитал в XXI веке»), причины, экономических взлетов и кризисов...

Продолжением анализа классического капитализма станет раздел, написанный на основе работ ученых XX и начала XXI веков, продолжавших работать в рамках классиче-

ской политэкономической теории, критически развивая идеи своих предшественников. Этот материал дает базовые представления об *анатомии современного глобального капитализма*. Освоив материал этого раздела, вдумчивый читатель узнает, как изменился рынок, став сферой, где отношения свободной конкуренции уже подорваны где хозяином давно является не потребитель, который якобы «всегда прав», а *манипулирующие людьми и государствами транснациональные корпорации*, где деньги превратились в продукт *фиктивного виртуального финансового капитала*, где эксплуатация перешагнула национальные границы, а капитал присваивает *интеллектуальную и империалистическую ренту*, превращает творческий потенциал человека, мировые культурные ценности и даже дружбу в новые средства преодоления границ перенакопления...

Естественно, что в авторы не могли в этом учебнике обойти проблемы *специфики российской экономической системы*. Политико-экономический подход к ее исследованию позволил нам показать основные особенности социально-экономических отношений постсоветской России, позитивные и негативные результаты более чем 25-летних трансформаций, *причины того, что наша экономика вот уже третье десятилетие не может избавиться от сырьевой зависимости и чрезмерного социального неравенства*, решить задачи перехода к социально-ориентированному, интенсивному типу воспроизводства.

Заключение учебника посвящено краткой характеристике тех ростков *пострыночных и посткапиталистических* (называемых еще социалистическими) *отношений*, которые широко развиваются в экономике последних десятилетий. Это и общественно-государственное регулирование экономики, ограничивающее механизмы и свободной конкуренции, и корпоративного манипулирования; социально-ориентированное перераспределение богатства в пользу общественно-значимых сфер (бесплатные образование, здравоохранение и др.) и обездоленных слоев населения; широкое распространение общественного присвоения в наиболее передовых сферах экономики (общественные школы и университеты, научные и культурные центры, клиники и национальные заповедники); все более широкое распространение форм бесплатного и неограниченного распространения благ (*викиномика*) и мн. др.

Наш учебник ориентирован на специфическую аудиторию.

С одной стороны, он не соответствует непосредственно учебным программам по экономической теории, используемым в большинстве вузов. Но, с другой стороны, он позволяет существенно расширить те, весьма ограниченные на наш взгляд, знания, которые содержатся в учебниках, воспроизводящих исключительно неоклассическую теорию. Поэтому мы надеемся, что наша работа окажется востребована читателями, стремящимися понять не только современные механизмы функционирования рынка развитых стран (а именно это является реальным основным предметом неоклассики), но и противоречия, закономерности, тенденции развития социально-экономических систем во всем их многообразии. Именно им мы и адресуем нашу работу.

Упомянем также, что данный учебник подготовлен на основе ряда глав и разделов работы А. И. Колганова «Что такое социализм» (они составили ядро данного учебника), а также двухтомной теоретической работы А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал» (избранные главы из монографии, переработанные с учетом стилевой специфики учебника и дополненные учебно-методическим аппаратом, составили основу приложения).

Что касается вклада каждого автора в создание учебника, то большая часть глав основной части учебника подготовлена А. И. Колгановым; некоторые главы подготовлены при участии А. В. Бузгалина. Текст приложений подготовлен в основном А. В. Бузгалиным; некоторые фрагменты подготовлены А. И. Колгановым. Окончательная редакция текста готовилась соавторами совместно. Учебно-методический аппарат и редакционная работа по подготовке рукописи к печати выполнены О. В. Барашковой.

* * *

Настоящий учебник стал продолжением научно-педагогического наследия наших учителей — профессоров Николая Владимировича Хессина и Эрнеста Мандела, и развитием методолого-теоретической традиции кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, в пространстве которой развивается наша научно-педагогическая жизнь и благодаря которой мы смогли стать авторами этой книги.

Благодаря этому творческому наследию стала возможна данная работа.

Авторы выражают свою искреннюю благодарность как официальным, так и неофициальным рецензентам, высказывавшим нам свои конструктивные замечания и пожелания, а также всем коллегам по многочисленным диалогам, посвященным проблемам политической экономии: М. Бри, М. И. Воейкову, Н. Ф. Газизуллину, Р. С. Гайсину, А. Е. Городецкому, Р. С. Гринбергу, Э. П. Дунаеву, Д. Котцу, Е. В. Красниковой, В. М. Кулькову, Д. Лайбману, Д. Лейну, П. С. Лемещенко, О. Ю. Мамедову, А. И. Московскому, Б. Оллману, А. А. Пороховскому, В. Т. Рязанову, А. В. Сорокину, В. Н. Тарасевичу, К. А. Хубиеву, А. Г. Худокормову, Г. Н. Цаголову, В. В. Чекмареву, В. Н. Черковцу, Чен Энфу, Д. Б. Эпштейну.

Введение

Классическая политическая экономия, марксизм и «экономикс»

Структура главы

- Политическая экономия возвращается
- Что позволяет изучить классическая политическая экономия и не позволяет «экономикс»
- К проблеме плюрализма экономических теорий

Основные понятия:

теория товарного фетишизма
экономический человек
предмет классической политической экономии
методы исследования классической политической экономии
проблема человека в экономической теории
междисциплинарный подход к изучению социально-экономических проблем

Углубление отдельных вопросов темы:

✓ О превратных формах: особенности и примеры
✓ О разработках проблемы человека в новом институционализме

➢ **Обращаясь к первоисточникам:**
Закон денежного обращения у К. Маркса и «уравнение Фишера»

Начиная наши вводные ремарки, сразу оговоримся: предпосылаемое основному тексту *введение к нашему учебнику ориентировано не только на начинающего читателя* (для которого главным образом и пишутся учебники), но и *на профессионала*, скорее всего — преподавателя, которым мы хотим пояснить, каково место нашей книги в многомерном пространстве различных пособий по экономической теории. Поэтому и студенту (и любому иному начинающему изучать экономическую теорию читателю), желающему стать настоящим профессионалом, и в особенности преподавателю, намеревающемуся хотя бы частично использовать этот учебник в процессе преподавания, мы всячески рекомендуем ознакомиться с предлагаемыми ниже текстами.

Как мы отметили в предисловии, обращение в данном учебнике к багажу классической политической экономии неслучайно.

Эта наука, с одной стороны, доказала свою значимость, став в XVIII–XIX веках главным течением экономической теории и была таковой в рамках мировой системы социализма в XX столетии.

С другой стороны, классическая политическая экономия вот уже более столетия лежит «по ту сторону» основного течения («main stream») экономических исследований и, соответственно, находится вне основ-

ных направлений учебного процесса. Образно выражаясь, можно сказать, что в конце XX века наша наука была изгнана из большинства университетов Европы и США, а вслед за этим и других стран, включая Россию.

Это «изгнание», однако, ныне оборачивается существенными потерями как в области теоретико-экономических исследований, так и в процессе преподавания экономической теории, что постепенно ведет к переоценке роли классической политической экономии.

Как следствие, экономическая теория последней четверти века ознаменовалась многими интересными подвижками, среди которых мы хотели бы выделить три, посвятив им первый раздел нашего введения.

1. Политическая экономия возвращается

Первая подвижка — все большее внимание интеллектуального сообщества в нашей стране и за рубежом к масштабным историческим и социопространственным сдвигам, происходящим на наших глазах. И теоретики, и практики все больше убеждаются, что «конец истории» не состоялся, и в мире начинаются существенные изменения, которые не описываются при помощи модификаций и усложнения моделей функционирования рыночной экономики. Дискурс «**история**» стучится в двери экономической науки.

Вторая — широко известный феномен растущего «**экономического империализма**». Его экспансия едва ли не очевидна: сошлемся хотя бы на то, что все больше нобелевских лауреатов получает премии по экономике за исследование не собственно экономических объектов. И это выглядит как новое торжество неоклассики.

Парадокс, однако, состоит в том, что сам феномен «экономического империализма», на наш взгляд, все более становится своеобразным «доказательством от обратного» того, что экономическая теория должна рассматривать не только функционирование рынка, рыночные трансакции и «провалы рынка», но и некоторые другие, выходящие «по ту сторону» традиционной проблематики, явления. Так, размышления о критериях успешности экономического развития привели к появлению «экономики счастья», исследование «человеческого капитала» — к «открытию» долгосрочных альтруистических потребностей, обращение к феномену «социального капитала» позволило неоклассике «открыть» наличие отношений солидарности как важного фактора экономического прогресса, а теоретики нового институционализма всерьез анализируют не только рыночные способы взаимодействия экономических акторов даже там, где нет государственного «вмешательства»...

Третья подвижка — своеобразное **«возвращение» классической политической экономии**. Для большинства представителей «основного течения» экономической науки оно оказалось мало заметно. Да, в период мирового экономического и финансового кризиса 2007–2009 годов резко возрос интерес к «Капиталу» К. Маркса, но что из того? Кризис если и не преодолен до конца, то для большинства стран остался в прошлом, как и интерес к марксистскому экономическому наследию...

Все, однако, далеко не столь однозначно. Анализ сначала постиндустриальной экономики, а затем императивов реиндустриализации заставил зарубежных, а вслед за ними и отечественных авторов обратить внимание на необходимость включения в сферу исследования экономической теории процессов *производства* (причем не только в его роли предпосылки обмена). Более того, серьезные общественные противоречия все чаще заставляют обращаться к проблеме реального исследования *объективных экономических отношений* и взаимодействий общественных социальных сил, выступающих как целое, противоречий социально-экономических отношений больших социально-экономических общностей, уходя от принципа методологического индивидуализма и продвигаясь в сферу других методов исследования и другого категориального аппарата, нежели тот, что характерен для т. н. «твердого ядра» микроэкономики.

Все эти подвижки не случайны. Дело в том, что современная экономика характеризуется двумя противоположными трендами. Один — тотальная экспансия рынка и капитала во все сферы жизни общества, в том числе и те, что лежат вне производства и обмена товаров и услуг в их традиционном понимании — в сферу межличностных отношений, свободного времени и т. п. Второй — развитие социально-экономических отношений, не сводимых к рынку и его «провалам».

Оба этих феномена заставляют сделать шаг **«по ту сторону» «рыночноцентричной» модели экономической теории** (мы еще вернемся к этой теме во введении). Кроме того, присутствует и еще одно — историко-пространственное — измерение всех этих процессов, о чем мы упомянули выше.

И экономическая наука начала постепенно отвечать на эти объективные вызовы. Но делает это, опять же, противоречиво. В большинстве случаев используется традиционный для начальной стадии исследования прием редукционизма: новая роль человека в экономике объявляется человеческим *капиталом*, для исследования поисков счастья используется тот же теоретический аппарат, что для максимизации *прибыли* и т. д., и т. п.

Между тем, была, есть и продолжает развиваться гетеродоксальная экономическая теория, которая позволяет исследовать все эти явления при помощи адекватных им методов, языка, категориального аппарата... Это пространство экономической теории многообразно и представлено разными течениями (от классической политэкономии марксизма до посткейнсианства и классического институционализма), во многом близкими друг к другу и в той или иной степени переплетающимися с ортодоксальной экономической теорией, но «твердым ядром» гетеродоксальной теории являются методология и категориальный аппарат, вырастающие из марксизма.

Тот факт, что неоклассическая теория, отрицая многие положения классической политической экономии, тем не менее, многое из нее позаимствовала, как бы не замечается в большинстве современных работ. Но от этого он не перестает быть фактом, и ниже мы коротко прокомментируем его, сформулировав следующий тезис: *неоклассика многое позаимствовала из классической политической экономии, став теоретическим отражением превратных форм капиталистического мира.*

Ныне принято «забывать», что современный economics и его микроэкономические теоретические основания (теория предельной полезности, предельной производительности, вырастающие из них теории человека и его поведения, фирмы, денег и т. п.) явились одновременно и продолжением, и отрицанием классической политической экономии, прежде всего — работ Адама Смита. Что касается Рикардо и, особенно, Маркса, то неоклассика, как правило, воспринимается как нечто абсолютно не связанное с этим направлением экономической мысли.

Это утверждение правомерно лишь в определенном отношении. Действительно, базовые *положения марксистской политической экономии в неоклассике отрицаются.* Это касается как предмета и метода, так и самой теории.

В первом случае неоклассика отказалась от исследования объективных экономических закономерностей (но в итоге пришла к формулировке целого ряда теоретических выводов, используемых именно как отражение законов «рыночной экономики» и частично позаимствованных из классической политической экономии) и от претензий на создание системы категорий, диалектически, на основе восхождения от абстрактного к конкретному, отражающих систему производственных отношений (но пришла к набору жестких формул, воспроизводимых как аксиомы во всех работах, основанных на «твердом ядре» микроэкономики).

Во втором случае неоклассика выступила с теоретическими альтернативами трудовой теории стоимости, теории капитала и эксплуатации и др.

Однако *многое из классики* (в том числе, как ни странно, и из марксизма) *в неоклассику вошло*, хотя и *без каких-либо упоми-*

наний (во всяком случае, в современных работах) о позаимствованных у оппонентов тезисах.

Выделим лишь некоторые из таких положений.

Исходная категория марксистской политической экономии капитализма — *товар — предполагает единство стоимости и потребительной стоимости*. Последняя есть способность вещи удовлетворять потребность другого (нежели производитель) лица, т. е., говоря современным языком, полезность вещи для покупателя. Сие есть исходный пункт любой теории полезности. Далее, неоклассика, естественно, не обходится без опоры на категорию издержек, которые в конечном счете оказываются ничем иным, как суммой затрат живого и овещненного труда. В конечном итоге, оказывается, что в основе неоклассической теории цены лежит соотношение трудозатрат и полезности. Вспомнив, что при анализе формы стоимости (о котором «забывает» большинство критиков марксизма) в «Капитале» утверждается, что единственным зеркалом, в котором может отразиться стоимость товара А, является потребительная стоимость (т. е. полезность) товара Б, легко понять, что в основе неоклассики лежат во многом те же аксиомы, что и в основе марксизма. Почему? Да очень просто: *их диктует практика*. Другое дело, что из этих базовых понятий далее делаются прямо противоположные выводы...

Продолжим. Еще одним кажущимся парадоксом выглядит совершенно неслучайное *совпадение сущностных определений рыночной экономики в классической политической экономии и неоклассике*.

При всем том, что рынок в рамках последней парадигмы определяется крайне разнообразно и во многих случаях предельно общо, так что он вообще совпадает с любой системой обмена благами (в последнем случае и феодальное натуральное хозяйство, и экономика СССР оказываются всего лишь особыми видами рынка), в ядре неоклассики заложено довольно четкое понимание того, что есть рынок. Достаточно поставить перед выучившим аксиомы неоклассики неолиберальным экспертом вопрос о переходе к прямому продуктообмену или об увеличении бесплатного для потребителя распределения благ (например, в сфере образования или здравоохранения), или о введении директивного планирования, или хотя бы об ограничении свободного движения товаров и капиталов, как он тут же возразит — эти меры, скажет он, ведут к ограничению или даже подрыву рыночных отношений, и... будет прав. Ибо де факто он исходит из того, что *атрибутами рынка являются общественное разделение труда и обособленность производителей*. Уберите первое, и вы получите натуральное, *до*-рыночное хозяйство. Уберите (или хотя бы ограничьте) второе, и вы окажетесь в мире сознательного регулирования экономики, чего всячески стремятся не допустить последовательные сторонники свободной рыночной экономики.

Как ни странно, но марксисты в этом с ними абсолютно солидарны. Более того, восходящее еще к Смиту и Рикардо, но более глубоко развитое Карлом Марксом, понимание сущности товарного производства зиждется именно на этом строгом диалектическом определении экономического пространства-времени, формой которого является рынок. *Диалектическое единство общественного разделения труда, делающего труд производителей общественным, и обособленности производителей, делающей труд частным, и есть основа противоречия и единства труда абстрактного и конкретного, стоимости и потребительной стоимости, составляющих две неразрывных стороны товара — «клеточки» системы отношений товарного производства, называемой в неоклассике «рынком»*.

В этом смысле последовательные сторонники свободного рынка — *наиболее жесткие и последовательные неоклассики* — неявно, но *последовательно пользуются именно марксистским, а не неким расплывчато-неопределенным, из «здравого смысла» почерпнутым определением рынка*.

Другое дело, что марксисты, исходя из этого определения сущности товарного производства, делают вывод о его историческом характере, показывая причины и

природу его генезиса и подрыва, его прогрессивную и регрессивную роль и т. п., а неоклассики останавливаются на констатации когда-то справедливого положения о прогрессивности (по сравнению с натуральным хозяйством) «рынка», и далее превращают последний в вечный, «естественный» и единственно эффективный способ экономической организации.

Более того, логика «Капитала», снимающая достижения предшествующей классической политэкономии, далее выводит (не постулирует, а именно выводит, проверяя теорию практикой) целый ряд других атрибутов товарного производства, также включенных неоклассикой в свой теоретический арсенал.

Выделим лишь один из них — *теорию товарного фетишизма*. В рамках этого небольшого раздела К. Маркс критически развивает идею Адама Смита о т. н. *«экономическом человеке»*, показывая, что стремление к максимизации стоимостного богатства (товаров, денег) есть не некая «естественная», вечная и от бога или от незыблемой природы человека идущая страсть, а результат господства определенного типа производственных отношений — отношений товарного производства, формирующего именно этот тип человека, его ценностей и мотивов.

Соответственно, другая система экономических отношений формирует другой тип человека, примеры чему знала и знает история общественной жизни. Это простое, но принципиально важное теоретическое положение, относящееся к азбуке марксизма XIX века, неоклассика в лице лишь некоторых своих представителей и в крайне усеченном виде «открыла» только в конце XX столетия, когда появились теории «социального» и т. п. капитала и признание того, что человек и в долгосрочной перспективе может максимизировать не только свой частный доход, и что это надо учитывать в экономической теории.

Продолжая логику «Капитала», укажем на *теорию денег*, где К. Марксом были показаны не только их сущность и функции, но и *количественная* сторона. Первое — это теоретический багаж, утерянный неоклассикой, причем совершенно напрасно: он очень актуален в свете анализа противоречий современных виртуальных денег и финансовых пузырей, ибо позволяет показать причины возникновения последних и пути их снятия. Второе неоклассика использовала, причем буквально, но без каких-либо ссылок на первоисточник и с присвоением чужого имени открытию Маркса. Хорошо известно, что знаменитое «уравнение Фишера» есть не более чем заимствование (причем с упрощениями) формулы количества денег в обращении, выведенной (а не постулированной, как у Фишера) в 3 главе I тома «Капитала».

➢ Обращаясь к первоисточникам: закон денежного обращения у К. Маркса и «уравнение Фишера»

«Для процесса обращения за данный промежуток времени: [сумма цен товаров] / [число оборотов одноименных денежных единиц] = [массе денег, функционирующих в качестве средств обращения]»[1]. С учетом наличия кредитных денег закон денежного обращения у Маркса приобретает следующий вид: «Если мы теперь рассмотрим общую сумму денег, находящихся в обращении в течение данного промежутка времени, то окажется, что она — при данной скорости циркуляции средств обращения и платежа — равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма платежей, которым наступил срок, минус взаимно погашаемые платежи и, наконец, минус сумма оборотов, в которых одни и те же деньги функционируют попеременно то как средство обращения, то как средство платежа»[2].

[1] См.: *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 130.
[2] Там же. С. 150.

Для наглядности этот закон денежного обращения, выведенный К. Марксом, можно представить в следующем виде: КД = (ЦТ – КЦ + П – ВП)/n, где КД — количество денег, необходимых в данный период для обращения, ЦТ — сумма цен товаров, подлежащих реализации, КЦ — сумма цен товаров, проданных в кредит, платежи по которым выходят за рамки данного периода, П — сумма цен товаров, проданных в кредит в предшествующий период, сроки по которым наступили, ВП — сумма взаимопогашаемых платежей, n — число оборотов денежной единицы.

Ирвинг Фишер уравнение MV = PQ (где M — количество денег, необходимых для обращения, P — средний уровень цен, Q — совокупный объем товаров и услуг, V — скорость обращения денег) предложил в 1911 г. в работе «Покупательная сила денег»[1].

Как видно из представленного выше, закон денежного обращения К. Маркса является более детальным, чем уравнение обмена И. Фишера[2].

Презентацию различного рода «наследований» (но, как правило, без указания «родства») легко продолжить. Однако это уведет нас слишком далеко в сторону от основной проблематики нашего введения, поэтому ограничимся простым указанием на несколько наиболее важных полных или частичных заимствований из классиков, имеющихся у неоклассиков.

Среди этих положений — тезис о прибыли как продукте функционирования капитала, а не труда наемного работника. В 3 томе «Капитала» Маркс подробно раскрывает механизм, благодаря которому на поверхности капиталистических явлений складывается система превратных форм, создающих такую видимость. Существенно, что Маркс подчеркивает: эта видимость объективна, неслучайна. У нее есть свои причины и основания, но это именно видимость. Игнорирующая различие содержания экономических отношений и их превратных форм, сущности и явления неоклассика вполне обоснованно говорит: процесс функционирования рынка доказывает, что прибыль создается капиталом. Марксизм отвечает: да, Вы правы. И это до вас показал Маркс, но, в отличие от вас — позитивистов — Маркс исследовал не только непосредственную данность фактов, но и лежащие в их основании причинно-следственные связи, основания явлений и благодаря этому показал, что лежащую в основе прибыли прибавочную стоимость создает наемный работник, а процесс воспроизводства и, особенно *обращение* капитала создает видимость того, что прибыль есть продукт капитала.

То же самое касается заработной платы: в «Капитале» показывается, как и почему эта форма дохода кажется платой за труд, хотя по содержанию это [*превратная*] форма стоимости товара рабочая сила. Объективно данную как факт функционирования рынка *превратную* форму — зарплату как плату за труд — и фиксирует (вполне обоснованно) неоклассика. Обладающая, в отличие от этой науки, диалектическим методом и инструментарием классическая политическая экономия показывает и то, что есть действительное содержание этой категории (стоимость товара рабочая сила) и то, почему и как оно обретает *превратную* форму заработной платы.

И это лишь два из многочисленных примеров, показывающих, что марксистская политическая экономия исследует фундаментальные основания тех экономических процессов, формы и проявления которых отображает неоклассика.

---

[1] См.: *Фишер И.* Покупательная сила денег. Ее определение и отношение к кредиту, процентам и кризисам. М.: Дело, 2001. С. 42–43.

[2] Подробнее о соотношении этих двух формул см.: *Чуньков Ю. И.* Экономическая теория. Часть 2. Законы развития общественного производства. М.: ИТРК, 2013, гл. «Закон денежного обращения»; *Лоскутов В. И.* Основы современной экономической теории. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2000. 359 с. Гл. 10.4 «Закон количества денег в обращении».

✓ О превратных формах: особенности и примеры:

В качестве отступления заметим: превратные формы характеризуются одним очень важным свойством: они создают видимость иного, чем реальное, основания. Само имя этих форм говорит о том, что они что-то «превращают» [в нечто иное]. Другой перевод — «превратные формы» — еще жестче: это формы, которые есть нечто иное, чем действительность, нечто превратное, как бы «наведенное» (подобно мороку, который в сказке наводит колдун). Смысл этой категории диалектической логики состоит в том, что в определенных социальных условиях содержание общественных процессов таково, что оно объективно и неизбежно являет себя на поверхности в виде феноменов (этих самых преврат[щен]ных форм), создающих видимость иного, чем действительное, содержание. Эти предварительные ремарки позволяют нам дать первый намек на возможное определение: превратные формы — это феномены («факты») мира отчуждения, отношения которого «выворачивают наизнанку», «переворачивают вверх тормашками» действительную общественную практику.

Примеры таких форм хорошо известны из «Капитала» К. Маркса. Это, прежде всего, феномен товарного, денежного фетишизма, создающего видимость того, что товар и деньги есть высшая ценность человеческого сообщества и нечто, определяющее жизнь человека[1]. Весь мир товарных отношений доказывает, что это именно так, хотя на самом деле деньги и товары — это не более, чем одна из специфических исторически ограниченных форм экономического богатства.

Другая категория — заработная плата. Она неслучайно создает видимость того, что это — плата за труд. Между тем, труд — это процесс, который сам по себе не продается и не покупается. Продается и покупается товар «рабочая сила», стоимость которого принципиально отлична (меньше), чем та стоимость, которую создает труд наемного работника. Точно так же превратной формой является категория «прибыль», которая в марксистской системе категорий создает опять-таки объективную видимость того, что «избыток» (прибавочная стоимость) создается всем капиталом, а не только трудом наемного работника, рабочая сила которого покупается за часть капитала («переменный капитал»).

Впрочем, эти примеры говорят что-то только тем, кто хорошо знаком с марксистской политико-экономической теорией. Ниже мы приведем другой, более простой пример. Представим себе базарную площадь, на которой танцует барыню косолапый медведь и ряженая баба. Доверчивый крестьянин удивляется тому, что медведь танцует лучше бабы и радостно хлопает в ладоши. Чуть более внимательный и менее пьяный посетитель базара, однако, заметит, что медведь-то на самом деле не медведь, а мужик, напяливший на себя шкуру этого зверя; а вот баба, напротив, наряженный в цветастое платье медведь, которого научили танцевать под дудку. И в первом, и во втором случае перед нами простейшие примеры превратных форм. Неискушенным

[1] Здесь следует сразу сделать оговорку: даже в мире отчуждения далеко не все эмпирически данные феномены могут трактоваться как формы и не все формы являются превратными. Так, восхождение от абстрактного к конкретному вначале фиксирует в качестве предельной абстракции бытие системы, имеющее как свое наличное бытие (то, что непосредственно дано в практике), так и внутреннюю противоположность в-себе-бытия и бытия-для иного. Поэтому, строго говоря, товар — этот факт практики рыночной системы — есть не форма, а наличное бытие этой системы. Другое дело — товарный фетишизм. Это уже феномен превращения товара (наличного бытия системы) в социальный фетиш — превратную форму общественной жизни. Почему эта превратная форма нашла свое место в I томе «Капитала» — весьма интересный вопрос. Но это уже тонкости, которые интересны едва ли не исключительно для узкого круга специалистов по логике «Капитала». Почему, когда и как содержание обретает именно превратные формы, мы рассмотрим чуть ниже.

посетителям базара *кажется то, что есть на самом деле* (заметим: последнее также есть одно из определений превратной формы: она существует там и тогда, где и когда кажется то, что есть на самом деле). Кажется, что хорошо танцует медведь. И в рамках базарного мира все так и есть: тот, кто надел медвежью шкуру, действительно, хорошо танцует. Отсюда «наведенное» содержание — медведи танцуют лучше баб; мужики счастливы и платят деньги. Но эта правда базарного мира есть не более чем видимость, превратная форма («настоящее», не наведенное содержание состоит в том, что человек танцует лучше медведя, хотя факты базарной жизни доказывают обратное).

Этот простейший пример указывает на первый серьезный шаг в понимании природы превратных форм: в той мере, в какой мы остаемся в рамках общественных процессов, вызвавших к жизни эти превратные формы (на базаре — в нашем примере), «наведенное» содержание остается единственно реальным. Это содержание имеет весьма специфическую природу. Оно существует не как таковое, не как содержание некоторого реального феномена (мужик и медведь, танцующие на площади), а только как следствие доминирования превратных форм. «Нормальная» связь между содержанием (оно первично) и формой (она вторична, хотя и оказывает на первое обратное влияние) в случае с превратными формами и «наведенным» содержанием «переворачивается»; последнее не просто порождается формой, оно порождается *единственно* формой и вне этого порождения не существует (медведь танцует лучше бабы только потому, что это видимость, «наведенная» на зрителей костюмами, надетыми на мужика и зверя). Само же это «наведение», вызывающее переворачивание действительного содержания, порождено той системой, в которой единственно и живет эта форма и это содержание — системой базарного представления.

Эмпирические феномены, факты базарной жизни доказывают только одно: есть формы, которые выглядят «обычными» (танцуют обычная баба и обычный медведь), есть содержание, подтверждаемое фактами (хорошо танцующий медведь и плохо танцующая баба), есть закономерности их соотношения (медведь танцует лучше бабы). Проникнуть в то, что здесь произошло превращение, переворачивание действительного содержания и «наведение» видимостного, порожденного господством превратных форм, можно только одним путем — путем диалектического исследования парадокса (медведь танцует лучше бабы). Это исследование предполагает рассмотрение данного парадокса не как факта, который подлежит фиксации (прагматизм), или, в лучшем случае, обобщению, выделяющему некоторые функциональные связи (позитивизм, математическое моделирование), а как открытой проблемы, которую предстоит «разложить по полочкам».

Начать этот процесс исследования следует с того, что признать факт не догмой, а формой, которая может переворачивать (а может и адекватно отображать — исследователю предстоит еще в этом разобраться) некоторое содержание. Далее следует исследовать, какое именно содержание скрыто за данной формой. Для этого необходимо понять, что кажущееся содержание (баба танцует плохо, медведь — хорошо) может быть ложно. Ложно оно или нет, можно понять только при условии *системного историко-логического подхода*, который покажет границы той системы, в рамках которой единственно и существуют данные превратные формы и «наведенное» содержание.

Так, вне системы «базар» артист, снявший медвежью шкуру, конечно же, умеет плясать лучше медведя, а избавившийся от тряпок зверь мечтает побегать в лесу, а не мучиться, изображая танец. Точно так же рабочая сила не была товаром, не продавалась и не порождала превратной формы заработной платы в условиях не-капиталистической экономики.

Поэтому, введя понятие качественных (исторических и теоретических) границ системы, ее системного качества, мы, выводя некоторый феномен за границы той системы, в которой он имеет исключительно превратную форму, можем показать, как данный феномен «снимает» с себя тот «морок», который «наводит» на него создающая превратные формы система. При этом, правда, следует иметь в виду, что выходя за рамки данной системы мы попадем в рамки другой системы, где, скорее всего, так же будут царить превратные формы и мы вместо одного морока получим другой. Впрочем, сравнение этих мороков может показать, что это именно превратные формы и ничто иное.

Доказательством же того, что исследователь показал именно превратность форм, раскрыл действительное содержание, которое скрыто за наведенным содержанием, может быть только общественная практика, которая снимает мороки, революционизируя действительность и очищая ее от превратных форм.

Здесь, однако, следует еще раз вернуться к сделанной выше в примечании оговорке: даже в мире отчуждения далеко не все эмпирически данные феномены есть формы и далеко не все формы являются превратными.

Абсолютизируя эти превратные формы, неоклассика дает им теоретическое обоснование, вытекающее как раз из превратной природы данных экономических форм. Так возникают теории предельной полезности, предельной производительности и т. д.

Возвращаясь к проблеме наследования (заимствования) неоклассикой научного багажа классики, укажем на категории *безработицы*, ее форм и видов; *издержек*, включая важные классификации издержек обращения; уже упомянутые понятия *заработной платы* и *прибыли*, а также *нормы прибыли*; специфики *ссудного капитала*, включая выделение капитала-собственности и капитала-функции (а это фундаментальная основа неоклассической проблемы отношений «принципал — агент» и теории «революции управляющих»); самоотрицания капитала внутри капиталистического способа производства вследствие развития акционерного капитала (исходный пункт т. н. «*диффузии собственности*» и «*посткапитализма*») и мн. др.

И это только некоторые положения классиков XVIII–XIX веков и, прежде всего, «Капитала». Между тем, и в XX веке, и в начале XXI века появилось немало фундаментальных работ, развивающих традиции классической политической экономии и дающих немало импульсов для развития теории монополистического и финансового капитала, государственного регулирования экономики, социальных ограничений рынка, глобализации и мн. др., что также в той или иной мере воспринимается «основным течением» экономической теории.

Подчеркнем: *дело здесь не в уточнении приоритетов*. Наука всегда развивается через снятие предшествующих достижений, и то, что многие из нынешних неоклассиков являются «Иванами, родства не помнящими», есть следствие не столько их злого умысла (коего у них, скорее всего, нет), сколько пугающего всякого настоящего ученого патологического безразличия большинства представителей этого течения к фундаментальным основам своей теории, методологии теоретико-экономических исследований и истории мысли.

Дело в другом и гораздо более важном обстоятельстве. *«Забвение» классических основ, легших в основу современной экономической теории, в том числе — неоклассической, и их игнорирование как в исследовательской деятельности, так и — что особенно тревожно — в процессе преподавания, ведет к потере огромного пласта знаний, абсолютно необходимых для понимания закономерностей эволюции (и инволюции) современной экономики, и провоцированию теоретико-образовательных лакун, ведущих к очень опасным ошибкам в деятельности эконом-политиков.*

Авторы этих строк, в отличие от иных мировых авторитетов, не считают, что президенты и министры делают то, чему их научили их университетские профессора.

Практика доказывает: эконом-политики в первую очередь делают то, что соответствует интересам правящего политико-экономического класса. А на нюансы политики, конечно, может повлиять академический багаж тех, кто ее проводит. Но, тем не менее, фундаментальное политико-экономическое образование способно влиять на общественное мнение, которое, в свою очередь, способно формировать общественный запрос на иную экономическую политику. А этот запрос, в конечном итоге, может, как минимум, ограничивать аппетиты правящего класса, как максимум — приводить к его замене...

Так мы вплотную подходим к ключевой проблеме нашего текста: *ответ на какие вопросы экономической жизни дает классическая политэкономия и ее современные разработки*?

2. Что позволяет изучить классическая политическая экономия и не позволяет «экономикс»

Прежде, чем обсудить эту тему, подчеркнем: политэкономия отличается от «экономикс» еще и тем, что ставит те вопросы, которые как бы не видит «основное течение». Политэконом, в отличие от своего собрата неоклассика, отражая объективные социально-экономические проблемы и противоречия, несводимые к задачам максимизации дохода и обеспечения макроэкономического равновесия, склонен, наподобие воспетого еще Сократом овода, приставать к спокойно работающим «профессионалам» со странными вопросами:

А не превратные ли (т. е. не искажающие ли содержание до противоположности) формы вы исследуете, коллеги?

А не лежит ли рядом с вами бездна иных исследовательских полей и проблем, которые принципиально важны для понимания природы и судеб нынешней экономики и общества, но не поддаются анализу при помощи ваших методов и инструментария?

А нет ли совсем рядом с вами (и даже внутри ваших же университетов) иных, нежели бизнес и государство, заказчиков, которые задают науке иные, нежели те, на которые вы привыкли отвечать, вопросы?

Эти вопросы сегодня все чаще задает не столько уходящее поколение выросших на марксизме и не предавших его забвению постсоветских (в экс-СССР) или принадлежащих к «поколению-68» (на Западе) профессоров, сколько молодые генерации студентов и иных интеллектуалов, о требованиях которых мы рассказали в предисловии; эти вопросы задают активисты многомиллионных социальных движений Европейского Союза и Азии, США и Латинской Америки, СНГ и Африки...

Вопреки мнению многих специалистов в области общественных наук авторы считают, что на вопросы этих субъектов исторического процесса надо отвечать.

Отвечающие же на эти вызовы и выступающие в качестве альтернативы «экономическому империализму» подходы предполагают принципиально иной акцент, генетически восходящий к классической политической экономии — *использование широкого социо- и гуманитарно- (в современных условиях — еще и эко-) ориентированного подхода и методологии к исследованию собственно экономических процессов*, которые в этом случае рассматриваются как всего лишь одна из сфер общественного развития, причем сфера, где формируются его средства, а не цели и ценности, и потому сфера подчиненная задачам прогресса Человека, Общества и Природы и ограниченная последними. Такова, на наш взгляд, главная определенность и классической и *современной политической экономии*.

Последняя в данном контексте предстает как эко-социо-гуманитарно-ориентированная экономическая теория, противопоставляющая своего рода *«экспансию» социо-гуманитарных и экологических подходов в область экономических явлений в противоположность нынешней — «экономиксовской» — экспансии узко-экономических (рыночных)*

подходов в социальные, политические и гуманитарные сферы. При этом собственно *«политический» аспект* политэкономии никуда не исчезает, составляя одну из центральных проблем широкого социального блока.

Эта «экспансия» социальной (в т. ч. политической) и гуманитарной проблематики не является чем-то принципиально новым для классической политической экономии (поэтому, в частности, мы и используем столь часто термин «реактуализация»). Начиная с Адама (в данном случае имеется в виду Смит) классическая политическая экономия исходила из принципиального единства нравственного и экономического начал. Для Карла Маркса широкий социальный, политический и гуманитарный (а в ряде работ и «натуралистический», т. е., говоря сегодняшним языком, «экологический») контекст экономических процессов был очевиден. Не менее очевиден он был и для таких его последователей как В. И. Ульянов, Г. Лукач и мн. др. Более того, даже «продвинутые» советские учебники исторического материализма всячески боролись с «грубым экономическим материализмом», игнорирующим обратное влияние «надстройки» на производственные отношения и не учитывающим сложный комплекс *взаимо*действий производственных отношений и производительных сил, общества и природы.

Но в данном контексте это не главное. Человечество вступает в период заката мира, который Маркс назвал «экономической общественной формацией», и в эту эпоху проблемы *взаимо*действия экономических и социо-гуманитарных, экологических, технологических аспектов развития становятся принципиально значимыми. Сие есть банальность. Вопрос, однако, в том, как отвечать на эту банальность — методом «экономического империализма» (т. е. путем навязывания рыночного фундаментализма не-экономическим сферам) или путем эко-социо-гуманитарной трансформации экономики.

Эта стратегическая альтернатива прямо связана и с теоретическими дебатами между возрождающейся классической политической экономией и все еще господствующей экономикс.

Эти две парадигмы существенно различным образом отвечают на все «вечные» вопросы экономической теории, поразному определяя сам феномен экономики (т. е. свой предмет) и методы ее исследования, ее акторов и основные категории. На этом, пожалуй, стоит остановиться чуть подробнее, проведя краткий сравнительный анализ этих двух парадигм по обозначенным выше параметрам.

Итак, сама ***экономика*** в трактовке экономикс предстает как сфера индивидуального выбора рациональным экономическим индивидом наиболее эффективного пути использования ограниченных ресурсов. Эта теза может несколько корректироваться (в частности, в свете нынешних дебатов о мере ограниченности рациональности индивида), но принципиальная постановка вопроса не изменяется: центральная проблема — это выбор атомизированным актором оптимальной модели совершения трансакций, которые по определению носят рыночный характер. Именно эта модель переносится и на другие сферы общественной жизни. Более того, в большинстве случаев мэтры монетаризма (определяющие мэйнстрим в рамках экономикс) вообще стремятся свести экономическую науку к теории денег (высказывание: «экономика — это деньги» приписывается десяткам «классиков» экономикс и даже российским министрам финансов).

Наша наука принципиально иначе рассматривает «экономику». ***Предмет обновляющейся классической политической экономии*** — это совокупность (1) качественно различных (2) исторически конкретных (3) объективно-обусловленных (4) систем (5) производственных отношений, в которые не только индивиды, но и (6) их социальные группы вступают в (7) процессе вос*производства человеческого общества.* Эти системы (8) *взаимо*действуют с природой и технологическими основами экономики, а также (9) ее социо-гуманитарным оформлением в процессе (10) исторического развития, критерии прогресса которого и задают высшие критерии эффективности экономического процесса.

Все эти акценты радикально отличают политэкономический подход. Но в то же

время ряд объектов у политэкономии и экономикс совпадает: и та, и другая анализирует процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство...), имеют сходные категории (стоимость или ценность, деньги, капитал, рента...). Поэтому сравнение этих прадигм имеет смысл.

Методы исследования этих дисциплин так же весьма различны.

Если для экономикс *исходный пункт* исследования — это, прежде всего, количественно измеримые (в подавляющем большинстве случаев — в деньгах) эмпирические данные, то для политической экономии — *общественная практика*, понятая как деятельность общественного индивида, а эмпирические данные в большинстве случаев — это не более чем косвенное отражение видимостей и превратных форм, которые надо исследовать с тем, чтобы добраться до истины, а не принимать как факт = критерий истины.

Само исследование для экономикс есть прежде всего позитивное, верифицируемое моделирование (как правило — математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка, поведения его акторов, отчасти — регулирующих воздействий.

Ключевое звено ***метода политической экономии*** — это диалектическое отображение в системе категорий объективных экономических отношений, их противоречий, исторического развития. В этой системе одни категории (видимость) отрицают другие (сущность) и лишь вся система категорий в целом дает конкретное представление о предмете, а противоречия есть свидетельство не ошибки, а приближения к истине. Математические же модели в политэкономии играют роль одной из форм отображения количественных взаимодействий, далеко не исчерпывающих сложный мир отношений экономической системы.

Столь же различно понимание акторов экономики.

Как мы уже писали, ***человек*** в экономикс есть более (для одних школ) или менее (для других школ) рациональный эгоист, максимизирующий свою полезность (которая, как правило, отождествляется с деньгами) и минимизирующий свои затраты (прежде всего — труда). Если в этой парадигме и встает проблема человеческих качеств, то только для того, чтобы превратить человека в особый вид капитала и далее рассматривать лишь под одним углом зрения: в развитие каких из них наиболее прибыльно инвестировать.

В *классической политической экономии Человек* не случайно пишется с большой буквы, ибо, во-первых, его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности любой экономической системы.

Во-вторых, показывается, что в разных экономических системах Человек качественно различен по своему социально-экономическому бытию: в условиях добуржуазных систем он мог быть объектом внеэкономического принуждения, стремился к воспроизведению традиционного типа и объема деятельности, а максимизацию денег считал аморальным занятием; в условиях рыночной экономики рождается тот самый экономический человек, который экономикс видится «естественным», хотя на самом деле этот тип личности и соответствующие ему системы ценностей и мотивов стали господствующими в мире едва ли сто лет назад: до этого большинство людей производило и потребляло под влиянием совершенно других интенций. Более того, в настоящее время все более активно развивается новый тип личности — субъект творческой деятельности, для которого труд становится ценностью, а не тягостью...

В-третьих, с точки зрения политической экономии — и классической, и современной — человек в условиях «экономической общественной формации» включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т. п.), которые в свою очередь так же существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы.

Соответственно, в-четвертых, проблема *рациональности* в политической экономии — это, вопрос, прежде всего, не большей или меньшей рациональности, а *типа рациональности*. Мы исходим из того, что

существуют качественно различные виды рационального поведения человека. И потому для нас главным является вопрос не о том, *насколько* рационален человек, а о том, *как* он рационален, что и почему он максимизирует (соблюдение чести и традиций, деньги, творческую деятельность, справедливость и солидарность...), что и почему он минимизирует и, главное, как и почему он совершает те или иные *поступки* в своей *общественно-исторической практике*, как и почему он самоопределяет себя, поддерживая или отвергая эко-социо-гуманитарные реформы, инициируя (поддерживая) или нет революции (в том числе — антифеодальные, например Войну за независимость в Северной Америке) и т. п.

И последнее (по месту, но не по значению): с точки зрения теории марксизма *человек — это не только продукт определенных производительных сил и объективных общественных отношений (прежде всего, производственных), но и творец истории*. Это две противоположных и единых в рамках общественной экономической формации ипостаси бытия Человека.

✓ **О разработках проблемы человека в новом институционализме:**

Существенно, что за последние десятилетия в неоклассике и теориях, базирующихся на ее методологии, появились относительно новые разработки в области проблемы человека.

К числу таких «открытий» относятся разработки представителей *нового институционализма,* обнаруживших, что на процесс принятия решений и выбор индивидов влияют институты. Здесь, что называется, комментарии излишни: это прямое заимствование одного из выводов марксизма. Как мы уже не раз отмечали, представители нашей школы полтора столетия назад показали, что, в частности, производственные отношения определяют социальный тип человека, его интересы, ценности и мотивы. «Перевод» этого тезиса с языка марксизма на язык институционализма и сведение проблемы к описанию форм производственных отношений (без анализа сущности и ее противоречий) — такова была бы «заслуга» данного направления в этом вопросе, если бы не существенный «нюанс». А «нюанс» этот неслучаен и значим: новый институционализм предлагает конкретные разработки, раскрывающие важные для процессов накопления капитала формы отчужденного бытия человека в условиях позднего капитализма. В последнем вопросе новый институционализм и неоклассические разработки последних десятилетий действительно преуспели, раскрывая вслед за Беккером все новые и новые формы «орыночнивания» человека и его подчинения глобальной гегемонии капитала. Для практики главных акторов рыночной системы (мы скажем жестче и определеннее: буржуазии вообще и номенклатуры глобального капитала в частности) это, спору нет, весьма важные теоретические результаты, имеющие большие перспективы практического применения.

Не менее важны вопросы о том, актуальны ли для теоретического экономического анализа такие «акторы» как ***коллективы, социальные страты, классы*** и, наконец, вопрос о том, что есть ***общество*** и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными экономическими интересами. Утверждая, что с точки зрения политической экономии общенародные интересы — это не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведем только один пример. Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы — это реальный фактор, обусловливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществления значимых затрат, это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической

эффективности к показателям, учитывающим сокращение не возобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды и т. п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т. п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей и не только...

Еще более сложен вопрос ***о государстве и его роли в экономике.*** В политической экономии государство предстает как *исторически различный актор, специфический для разных экономических систем*, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого института). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации — учет, контроль, регулирование, программирование и т. п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т. д.

Кажущееся сходство в определении «***фирмы***» в постклассической политэкономии и экономикс тоже оказывается видимостью.

С одной стороны, экономикс (и даже новый институционализм) по сути дела заимствовали классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: (1) обособленный владелец товара (в развитом виде — капитала), для которого (2) характерны планомерные внутренние и конкурентно-рыночные внешние связи (вспомним данное в «Капитале» определение капиталистической кооперации — исторически и логически исходной формы капиталистической «фирмы»). Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) первое, новый институционализм — второе.

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в *разных* экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном были поместье, крестьянская община; раннего капитализма — простая капиталистическая кооперация, развитого индустриального капитализма — капиталистическая фабрика, постиндустриальной системы — капитал-сеть и т. д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэкономии «фирма» — это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии классического институционализма и экономической социологии).

Вот почему вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке, различных в экономикс и политической экономии...

И все это в конечном итоге потребует ответа на *ключевые вопросы*:

- что и для чего изучают эти науки;
- кем поставленные задачи решают и на чьи вызовы отвечают;
- что, как и почему они (вследствие этого) изучают.

Так мы вновь (надеемся, что на новом витке исследования) вернулись к выводу одного из предыдущих подразделов: ***практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе***. Этот тезис позволяет нам продолжить сравнительный анализ экономикс и политической экономии.

А продолжим мы его апелляцией к банальному положению: признаем ли мы, что мир *качественно изменчив* и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад «реального социализма»), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; если мы признаем, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; если, более того, мы признаем, что необходимая для практики в широком смысле слова политико-экономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых economics? Если мы признаем все это, а так же примем во внимание сформулированные выше различия политической экономии и экономикс, то мы сможем сформулировать весьма важные *методологические гипотезы,* показывающие ***спектр проблемных полей, которые экономикс не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономии,*** причем заимствуя поверхностно, неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода постклассической политэкономии и экономикс.

1. *«По ту сторону» economics по сути дела остаются все вопросы исследования не рыночных экономических систем и не-рыночных экономических отношений, эта теория «рыночноцентрична»;* все, что не-рынок, для нее не существует или оценивается исключительно как «провалы» рынка, которые должны быть сведены к минимуму (о «рыночноцентричности» современного mainstream'а мы будем специально размышлять в следующем тексте, а о некоторых современных исключениях — например, экономической теории счастья — мы упомянем ниже).

2. Даже если абстрагироваться от нерыночных систем, *economics дает теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» — сложную систему производственных отношений капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката — эта теория даже не ставит и не может ставить.*

3. *Economics оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей* (классами, слоями) в процессе *производства и распределения*, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как *производственно*-экономические, так и *социально*-экономические проблемы, а вместе с этим экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций etc.

4. *По ту сторону economics оказываются каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства).* Ответы на вопросы о *причинах* кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного *качества* роста, соотношения роста и *развития*, экономических основах и *критерии* социально-гуманитарного *прогресса* (регресса) и т. п. найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя дает только характеристику (более или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не кванитифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т. п.).

5. За небольшим исключением работ, написанных, как правило учеными, пришедшими в неоклассику из классического институционализма и/или марксизма, *economics игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов.* За ее бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, влияния их на экономические процессы, отношения, даже поведение экономических агентов. Не рассматривает вопрос о том, почему и как определенный

тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции — доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего феодализма, вещный фетишизм рыночной экономики, подмеченная еще Бодрийяром ориентация на производство симулякров (об этом типе рынка мы пишем приложении 1 нашей книги), все более характерное для капитализма эпохи постмодерна... Эти проблемы активно разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

6. *Наконец, для economics по большому счету существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены.* От всего остального — по сути дела от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, — эта теория просто уходит, объявляя вненаучным все то, что нельзя «строго» (т. е., по их мнению, при помощи сколь угодно далекой от реалий, но математически выверенной модели) отобразить и верифицировать.

P. S. К проблеме плюрализма экономических теорий

Даже предложенные выше весьма беглые заметки об ограниченности economics позволяют вновь, продолжая аргументы сотен известных ученых, тысяч мало- и просто не- известных преподавателей, десятков тысяч студентов, сделать вывод: *для успешного развития экономической теории вообще, а в эпохи перемен — в особенности, должны быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода.* В эпоху перемен ученый (и его собрат-педагог), равно как и студент и всякий человек, желающий профессионально разбираться в вопросах экономической теории и стремящийся оказаться, что называется, «на передовых рубежах», должен быть способен к критическому восприятию любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть *странное* в обыденном, привычном мире (в эстетике существует очень точное понятие: «остранение»; как у Льюиса Кэрролла: «Чем дальше, тем страньше»).

Едва ли не единственный путь к формированию такой способности и, более того, установки у исследователя — разностороннее, не догматическое образование, построенное по принципу постоянного сомнения, *поиска точек взаимодействия различных парадигм,* взаимной критики. Применительно к нашей теме данная установка может быть прокомментирована следующим образом.

Во-первых, опасным (в частности, с точки зрения угрозы утраты открытости и диалогичности теории) является характерное для современной ситуации в экономической науке и образовании *доминирование* (причем едва ли не абсолютное) *economics как базовой, универсальной системы знаний и языка, экспансия которых в рамках методологии экономического империализма распространяется не только на всю экономическую теорию, но и на другие общественные науки.* Очень частыми в России стали параллели между необходимостью всеобщего знания «марксизма-ленинизма» (в нашем недавнем прошлом) и необходимостью всеобщего знания economics (в нашем настоящем) как основ любой научно-педагогической деятельности. Не знать economics нельзя, но не хуже ли знать *только* economics?

Между тем множество подходов лежит в стороне от mainstream'а, а иные и вообще не связаны с этой линией. Многообразие теорий и их равноправие *как принцип* науки вообще мало кем подвергается сомнению. Тем более странно (опять же с *принципиальной* точки зрения) характерное ныне для России (как, впрочем, и для большинства других стран) некритическое копирование американских стандартов экономического образования с абсолютным доминированием лишь одной из школ. Но надо ли нам воспроизводить этот уходящий в прошлое образец?

Во-вторых, принципиально важным является акцентирование *междисциплинарного подхода* и соответственно наиболее пристальное внимание к тем школам в области экономической теории, которые в наибольшей степени открыты в этом на-

правлении, обращаются к предмету, лежащему на пересечении различных пластов жизни общества, не замыкаясь экономикой в узком смысле слова. А economics и базирующейся на этом направлении экономический империализм — это не просто акцент на узко экономическом подходе, но и сведение к нему всех сфер жизни общества и Человека. И если сегодня реальные курсы микро-, а особенно макроэкономики включают в дополнительных главах сведения из других дисциплин, то это не является органической частью mainstream как такового, а представляет собой лишь уступку давлению обстоятельств.

Иными словами, необходимо признать, что предмет нашей теории и нашего образования вышел далеко за рамки описания абстрактных основ функционирования рыночной экономики, что является действительным (а не декларируемым во введении) предметом economics.

В-третьих, для открытости и диалогичности теоретических исследований и соответственно открытости и диалогичности учебного процесса необходимо использование различных методов и, что не менее важно, *различных языков* науки. Точно так же, как невозможно вести естественнонаучные исследования на языке богословия, так же невозможно исследовать глобальную экономику периода генезиса информационного общества и качественных социальных трансформаций, используя только язык и инструментарий economics. Для таких исследований, для такого образования нужны выход за рамки одного языка и использование языков различных научных школ экономики и смежных дисциплин. В еще большей степени сказанное касается необходимости применения *разных методов исследования,* ибо метод не был и не может быть безразличен к предмету и содержанию науки.

Наконец, важнейшей задачей экономистов России является творческое воспроизведение достижений отечественной теории в критическом сравнении с западными разработками. При этом под отечественной экономической мыслью мы подразумеваем не только работы российских экономистов до 1917 г., но и советскую политическую экономию, содержание которой в действительности не сводилось лишь к апологии «социализма». Впрочем, это особая материя, требующая специального исследования.

Итак, для научных исследований и образования в области экономики, адекватных «вызову» качественно изменяющегося глобального мира, *необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов.* Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства.

Литература для самостоятельного изучения

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала: www.interpolitec.su] и в других периодических изданиях:

- *Благих И. А.* Из истории учебных курсов по политической экономии дореволюционной России: особенности построения и содержания // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 64–72.
- *Гловели Г. Д.* Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 73–81.
- *Цаголов Г. Н.* Неугасающие звезды // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 82–98.
- *Якутин Ю. В.* Значение работ А. К. Шторха — первого русского академика-политэконома // Вопросы политической экономии. 2015. № 3. С. 99–117.
- *Пороховский А. А.* Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 8–22.
- *Хубиев К. А.* Экономическая теория: между прошлым и будущим // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 3. С. 58–62.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Политическая экономия и эко [Пост]классическая политическая экономия: потенциал решения проблем социально-экономической политики // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 10–35.

Часть 1

Политическая экономия: предмет и метод

Глава 1

Философские основы метода марксистской политической экономии

Структура главы

- Философские предпосылки развития марксистского метода исследования
- Философский материализм
- Основные категории философии
- Диалектика

Основные понятия:

философский материализм
абстракция*[1]
абстрактное и конкретное*
всеобщее-особенное-единичное
конкретно-всеобщее (генетически-всеобщее)
восхождение от абстрактного к конкретному
основной вопрос философии*
распредмечивание и опредмечивание*
свобода*
необходимость*
революционная практика в марксизме*
диалектика
диалектический подход

[1] Здесь и далее знаком * выделены понятия, определения которых включены в тезаурус, расположенный в конце главы, а также в сводный тезаурус ко всему учебнику, приведенный в конце книги.

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Об 11-м тезисе К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»
- ✓ Краткая характеристика основных категорий диалектики

➢ **Обращаясь к первоисточникам:**

К. Маркс об отличии своего диалектического метода от диалектики Гегеля

1.1. Философские предпосылки развития марксистского метода исследования

Собственные философские позиции К. Маркса и Ф. Энгельса сформировались в первую очередь в ходе освоения и критики философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля — наиболее развернутой и глубокой философской системы того времени, а также под влиянием критики традиционной христианской философии и мифологии, предпринятой младогегельянцами. Эта критика принимала весьма острый характер, приближаясь подчас к атеистическим выводам. У одного из виднейших представителей германской философии того периода, Людвига Фейербаха, данная тенденция привела к переходу на позиции философского материализма.

Почему К. Маркс и Ф. Энгельс извлекли из философского багажа своей эпохи именно диалектику и философский материализм? Потому что именно эти концепции соответствовали тем исследовательским задачам, которые они ставили перед собой в области изучения закономерностей жизни человеческого общества. Материализм позволял поставить это исследование на прочное основание практики, диалектика позволяла взглянуть на социальную жизнь в развитии, охватить ее во всем богатстве ее действительных взаимосвязей и противоречий.

При этом классики марксизма не ограничились простым заимствованием приглянувшихся им философских концепций. И в материализм, и в диалектику ими было внесено немало принципиально нового.

1.2. Философский материализм

Стихийный материализм естествоиспытателей имел немалое влияние среди многих виднейших представителей мировой философии, начиная с античной древности. К. Маркс впервые ввел в этот созерцательный материализм, ограничивавшийся признанием объективной природы реальности, существующей вокруг нас, понимание активной роли субъекта познания. Познание при этом представало уже не как созерцание, или даже опыт, а как практическая деятельность преследующего свои цели человека.

Человек познает окружающий мир, прежде всего, тем, что практически воздействует на него, а уж затем выражает эту практику в понятиях, вырабатываемых мышлением. Мышление при этом представляет собой не произвольную игру понятий, а развивается по законам, являющимся отражением закономерностей развития самого материального мира. Понятия человеческого разума способны отразить этот материальный мир и служить человеку действенной опорой в дальнейшем его взаимодействии с природой *именно потому*, что они, во-первых, вырабатываются как выражение и инструмент человеческой практики, и, во-вторых, вырабатываются мышлением по законам самого материального мира.

Понятия и категории мышления не выступают простым слепком фактов и явлений реального мира. Они выражают этот мир в обобщенной форме, путем силы **абстракции** выделяя в хаосе явлений типичное, закономерное, присущее многим явлениям, но не сводимое целиком ни к одному из них.

1.3. Основные категории философии

Марксизм не создал какого-то совершенно особого понятийного аппарата как для выражения своих мировоззренческих позиций, так и для понимания метода исследования действительности. Он использовал те категории, которые уже были выработаны к тому времени философской наукой. Однако смысл, вкладываемый в эти категории, у разных философских школ несколько различается, и марксизм тут не является исключением. Поэтому ниже дается краткая трактовка основных философских категорий в марксизме.

Абстракция —

способность человеческого мышления выделять общие свойства, присущие целому классу явлений или процессов, отвлекаясь от тех свойств, которые составляют особые, специфические черты этих явлений или процессов.

Все понятия человеческого разума (как и выражающие их слова) являются в той или иной степени **абстрактными**, то есть полученными в результате **абстрагирования** от бесконечного многообразия реального мира, выделения в нем путем абстракции существенного, типичного, присущего целым классам явлений или процессов. Любое слово — например, «пуговица» — уже является абстрактным понятием, ибо выражает то общее, что свойственно всем пуговицам как целому классу предметов, отвлекаясь от многообразных специфических свойств множества различных пуговиц.

Такое свойство человеческого разума и языка является продуктом исторического развития мышления и речи человека. У народов, по каким-либо причинам находящихся на относительно низких ступенях общественного развития, язык также оперирует абстрактными понятиями, но степень абстракции при этом существенно ниже, чем в языках, прошедших дальше по пути исторической эволюции. В этих менее развитых языках могут содержаться десятки специальных слов для обозначения явлений, в исторических развитых языках описываемых одним понятием.

Абстрактному противостоит **конкретное** — предмет, взятый во всем многообразии его различных сторон.

Конкретное —

предмет, взятый во всем многообразии его различных сторон.

Конкретное в познании человека не сводимо к хаотической совокупности эмпирически наблюдаемых признаков предметов. Конкретное может быть понято лишь как результат, во-первых, абстрактного мышления, позволяющего выделить абстрактные стороны предмета (*движение от эмпирического конкретного к абстрактному*), и, во-вторых, изучения их связей и взаимодействий. Поэтому, кстати говоря, знание о предмете как о конкретном не может быть получено без диалектического подхода.

Категории абстрактного и конкретного *относительны*. То, что предстает как конкретное по отношению к абстрактному, само может выступать как абстрактное по отношению к более богатому и многообразному конкретному.

Всеобщее — особенное — единичное. Наивысшая степень абстракции — выделение всеобщих свойств для какого-либо класса предметов. Особенное — тоже абстракция, указывающая на наличие разных свойств у объектов, обладающих общими свойствами. Единичное — указание на отдельное свойство предмета, как на его специфический отличительный признак, отделяющий его ото всех других предметов. Это также абстракция, поскольку она отвлекается от всех остальных свойств данного предмета.

Однако всеобщее выступает не только как *абстрактно-всеобщее*. В действительности роль всеобщего, как носителя признаков, общих для данного класса предметов или явлений, может играть многообразное конкретное целое. Именно во всей своей конкретности и многообразности оно есть совокупность свойств, всеобщих в рамках

рассматриваемого класса предметов (или *системы*). Такое **конкретно-всеобщее** само есть некий действительный предмет (объект), *в своем развитии разворачивающийся в сложную систему*, наделяя все ее элементы своими признаками — как биологический родоначальник наделяет своими генами всех потомков. Поэтому, под углом зрения этой связи и преемственности, конкретно-всеобщее может быть названо также **генетически-всеобщим**.

Итак, в данном случае не наше сознание абстрагирует всеобщие признаки из некоего класса предметов, а действительное развитие ставит некий предмет, выступающий исходным пунктом развития, на роль всеобщего для данной системы (класса предметов). Такое конкретно-всеобщее выступает как абстрактное по отношению к конкретному многообразию всей системы. Движение, таким образом, происходит *от абстрактного к конкретному*. Таков *путь действительного развития, и таков же путь диалектического познания*, схватывающего действительность в ее развитии и в многообразии ее связей и взаимодействий.

Не следует, однако, прямолинейно догматизировать это положение, и рассматривать процесс познания как обязательное следование от более абстрактной ступени к более конкретной. Процесс познания подвержен колебаниям, влиянию внешних обстоятельств, случайностей, нередко идет зигзагами и петлями. В тоже время для последовательного изложения результатов исследования в виде логически связной системы категорий и понятий, достаточно строгое следование принципу *восхождения от абстрактного к конкретному* является наиболее адекватным.

Познавая действительность, человек не может не ставить и не решать для себя вопрос о том, что первично — познаваемый нами материальный мир, или знание о нем, которым мы обладаем? Является ли материя внешнего мира источником наших знаний, или же она лишь воплощение наших собственных (либо исходящих свыше) идей, мыслей? Этот вопрос именуется иногда *основным вопросом философии*.

Основной вопрос философии:

вопрос о том, что первично — познаваемый нами материальный мир, или знание о нем, которым мы обладаем? Является ли материя внешнего мира источником наших знаний, или же она лишь воплощение наших собственных (либо исходящих свыше) идей, мыслей?

Марксизм *однозначно* решает данный вопрос, *настаивая на первичности материи по отношению к сознанию человека, к его идеальному миру*. Однако первичность материи по отношению к сознанию имеет однозначное толкование *только* в пределах этого основного вопроса философии, а за его пределами их соотношение уже довольно относительно: одно взаимодействует с другим, одно перетекает в другое.

Само определение материи и сознания имеет строгий смысл только через их соотношение. Материя есть то, что существует вне и независимо от нашего сознания. Сознание есть присущий человеку способ восприятия материального мира. *Бытие определяет сознание.*

Однако человек не пассивен по отношению к материальному миру. Своей деятельностью он способен изменять его. Человек не может создать материю из ничего, но своей деятельностью он может менять форму материи, данную природой. И именно благодаря этой своей преобразующей деятельности — благодаря **практике** — человек познает мир, извлекая знание из деятельности, из опыта, из реакции внешнего материального мира на оказываемое воздействие, совершая *распредмечивание*.

Распредмечивание —

деятельность, позволяющая извлечь знание из предмета.

Практика выступает одновременно и как способ познания, и как критерий его истинности, т. е. соответствия действительности. Человек не может иначе проверить истинность своих знаний о мире, кроме как через использование этих знаний в

практической деятельности, и достижение (или не достижение) предполагаемых результатов, совершая *опредмечивание*.

Опредмечивание —

деятельность, позволяющая воплотить знание в предмете.

В своей деятельности, опирающейся на познание, человек достигает свободы. **Свобода** вообще возможна только как соответствие желаемых и достигаемых результатов действий человека. Свобода невозможна *ни без постижения истины, ни без практических действий* как по постижению истины, так и по предметному воплощению полученных знаний. Таким образом, ***свобода выступает как свойство человека преодолевать границы того, что изначально дано ему внешним миром*** (ниже будет показано, как это свойство преломляется в мире социальных отношений человека).

Свобода —

свойство человека преодолевать границы того, что изначально дано ему внешним миром.

Человек в своей деятельности выступает как активный *субъект*, противостоящий *объективному* миру. Категории субъективного и объективного могут быть поняты как категории практики: субъект, как деятельное существо, воздействует на инертный, внешний, объективный мир. Субъективное оказывается тем, что зависит от деятельности субъекта. Объективное, напротив, — то, что не зависит от субъекта, то, с чем субъект вынужден считаться как с границами (и внешними, и внутренними — ведь субъект по своим способностям тоже ограничен) своей практической деятельности.

Поэтому человеческая практика не только дает человеку *свободу*, но и сталкивает его с **необходимостью**.

Необходимость —

такая сторона человеческой практики, которая определяется объективными обстоятельствами.

Известная формула *о свободе как осознанной необходимости* на самом деле является лишь одной стороной марксистского понимания диалектики необходимости и свободы, которая унаследована от гегелевской философии. Действительно, поскольку человек живет в объективном мире, он в своей деятельности вынужден считаться с законами этого объективного мира, ибо иначе он не может добиваться поставленных целей. Однако есть и другая сторона — человек своей деятельностью меняет этот мир, приспосабливая его к своим целям, выходит за пределы того, что дано обстоятельствами.

Марксизм материалистическим образом решает вопрос и о соотношении *общественного бытия* и *общественного сознания*. Но в этом вопросе, еще более, чем в вопросе о соотношении бытия и сознания вообще, марксизм обращает внимание на деятельную, субъективную сторону. Известная формула К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе» (11-й тезис) гласит, что философы до сих пор лишь объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменять его.

✓ Об 11-м тезисе К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»:

11-й тезис К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе», в котором Маркс дает характеристику роли теории в общественной жизни, высечен в качестве эпитафии на надгробии К. Маркса на Хайгейтском кладбище в Лондоне, наряду с призывом из «Манифеста коммунистической партии» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Также 11-й тезис высечен золотыми буквами на входе в Берлинский университет имени Гумбольдта.

Обычно этому тезису дают упрощенное, чисто политическое толкование, сводя его к призыву к революционному преобразованию мира. Однако 11 тезис имеет более

глубокий философский смысл. Это — не просто призыв к активному вмешательству в дела мира, но и указание на то, что объяснить (то есть познать) мир, можно только относясь к нему деятельно-практически, то есть изменяя его. Человек в состоянии действительно познать мир, только будучи субъектом практической деятельности, в том числе и в своих общественных отношениях.

Человек, согласно марксизму, формируется общественными обстоятельствами, которые не им созданы, и которые имеют для него объективное значение. Однако сами эти обстоятельства имеют свойство исторически меняться, и меняются они не «сами». История есть деятельность преследующего свои цели человека. Совпадение объективно назревших исторических перемен и действий человека, направленных на эти перемены, выступает как **революционная практика**.

Революционная практика —

совпадение объективно назревших исторических перемен и действий человека, направленных на эти перемены.

Именно общественной практикой, и в особенности революционной практикой, переводящей общественное бытие на новую историческую ступень, человек завоевывает в своей общественной жизни свободу (или, точнее, делает очередной шаг к свободе), закрепляет и развивает новый сложившийся уровень свободы.

Либеральное понимание свободы («моя свобода заканчивается там, где начинаются права другого человека»[1]) фактически сводит ее к максимально широким при данных обстоятельствах *ограничениям* человеческой деятельности, допустимым в таких пределах, чтобы они не сужали свободу других. Основанием свободы, при таком понимании, выступает по существу *сложившийся баланс противоположных интересов*, что вполне соответствует духу товарного хозяйства.

Для марксизма свобода выступает как способность человека *преодолевать ограничения*, накладываемые объективно сложившимися общественными отношениями, и, в конечном счете, преодолеть сам *отчужденный характер общественных отношений*, то есть бытие их как обособленных от человека и противостоящих ему сил. Поэтому свобода в общественной жизни достигается не как принятие ограничений, накладываемых интересами других людей (как в либеральной трактовке), а как добровольное объединение с другими людьми для совместной борьбы за реализацию своих интересов. Тогда и общественные отношения людей не выступают как отчужденные от них силы, а являются делом их свободного объединения.

Почему общественные отношения людей отчуждаются от них и противостоят им, и как возможно преодолеть такое состояние? Поиску ответа на эти принципиальные вопросы будет, по существу, посвящено почти все дальнейшее изложение.

1.4. Диалектика

Переход к диалектическому способу мышления был подготовлен развитием диалектики понятий в классической философии (Гераклит, Спиноза, Кант, Фихте и в особенности — Гегель), приближением естествознания к осознанию противоречивости реального мира, и необходимостью исследования общественной жизни человека в ее развитии и противоречиях. Диалектика выступает как единственный метод, обеспечивающий изучение условий и обстоятельств революционного преобразования общественных отношений.

[1] Ст. 4. Декларации прав человека и гражданина (принята Национальным собранием 26 августа 1789 г.) гласит: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами» (Документы французской революции. http://www.vostlit.info/ Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780–1800/Dokumenty_fr_rev_1789/text.htm).

Обращаясь к первоисточникам: К. Маркс об отличии своего диалектического метода от диалектики Гегеля:

«Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург* действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. (...)

Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую существующую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»[1].

Диалектика понятий получила наиболее развернутое и систематическое представление в гегелевской системе. В марксизме диалектика, которая у Гегеля выступала как форма движения Абсолютного Духа, получила материалистическое толкование, как форма движения реального мира. Соответственно, для исследователя, применяющего диалектический метод материалистически, категории диалектики выступают *не как готовые, заданные свыше формы, в которые надо уложить реальные явления и отношения*, а лишь как подсказка, помогающая вскрыть диалектические связи и отношения в развитии явлений реальной действительности.

Центральное место в диалектике занимает *проблема противоречия*. Если формальная логика строится на исключении противоречий, то диалектический метод опирается на изучение противоречий. Это различие обусловлено тем, что формальная логика изучает соотношение застывших, неизменных, равных самим себе понятий. Диалектика же рассматривает понятия в их изменении и развитии, в котором они могут становиться неравными сами себе, представляя собой тем самым воплощенное противоречие.

Наличие формально-логических парадоксов поэтому может скрывать за собой реальную диалектическую проблему, но, равным образом, это может быть и формально-логическая ошибка. Точно также формально-логическая непротиворечивость может отражать как логически правильное соотношение категорий, так и скрывать за собой научный тупик в поиске истины, которую невозможно найти формально-логическими методами, если речь идет о развивающемся предмете. Все это говорит о том, что логические методы могут помочь в поисках истины, но не могут заменить исследование конкретного предмета, которое одно только способно дать истинное знание — ведь истина всегда конкретна, и не может быть добыта применением абстрактных логических схем.

Диалектика, в отличие от формальной логики, носит системный характер. Она нацелена не на разрозненное применение диалектических «законов» или «принципов» к любому, произвольно очерченному предмету, а на изучение сложных систем, которые должны быть отражены в позна-

[1] *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию «Капитала» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 21–22.

нии также в виде системы научных категорий и понятий, выстроенных в соответствии с реальной диалектикой самой познаваемой системы. Поскольку в реальной действительности сложные системы качественно различаются между собой, а также могут образовывать подсистемы друг друга, то *реальная диалектика не может быть понята путем наложения на действительность априорно заданной схемы диалектических категорий*, а требует изучения реальной взаимосвязи процессов и явлений.

Тем не менее, диалектика в своих категориях фиксирует некоторые общие свойства развития сложных систем через противоречия, показывая нам определенные уровни развития противоречий этих систем и, соответственно, уровни их познания. Такие категории диалектики, как качество, свойство, определенность, граница, предел, количество, мера, сущность и т. д. как раз и показывают нам различные ступени познания и грани диалектического взаимодействия.

✓ **Краткая характеристика основных категорий диалектики:**

Поскольку в данном учебнике мы не можем уделять очень много места собственно проблемам диалектики, ниже будет дана лишь самая краткая характеристика некоторых ее категорий.

Все категории диалектики раскрываются только через соотнесение со своими противоположностями. Вне такого соотнесения, более того, без единства со своими противоположностями, они вообще не существуют. Например, в рамках понятия «качество» категория «нечто» может быть понята только через категорию «иное», и, кроме того, нечто вообще существует, только «отталкиваясь» от своей противоположности, от иного. В свою очередь, иное не существует самое по себе, а только как иное некоего нечто. При этом две стороны ***диалектического противоречия*** нельзя рассматривать как равноправные «оппозиции». Они асимметричны, и хотя их существование взаимообусловлено, одна из них выступает как основание для другой. Именно в силу такой асимметрии противоречие является движущимся противоречием, а не застывшей «оппозицией».

Категория ***«качество»*** как характеристика сложной системы сама является сложным понятием, опираясь на систему противоречиво взаимодействующих категорий (нечто, иное, определенность, свойство, граница...) и выражает собой то, что отделяет данную сложную систему от других, то, что является специфичным только для этой системы и одновременно образует самое общее свойство этой системы, присущее всем ее элементам.

Категория ***«количество»*** выражает собой такую ступень развития системы и такую форму ее движения и изменения, которая характеризуется неизменностью принадлежащего ей качества. Количественные изменения системы приобретают определенную «меру», которая, при достижении некоторого «предела», означает переход системы на новую ступень развития. Если качество, количество и мера в совокупности образовывали ступень развития, обозначаемую категорией «бытие», то новая ступень развития системы обозначается категорией ***«сущность»***.

Любой диалектический переход означает «снятие» того противоречия, которое задавало форму движения системы на данной ступени, и переход к новому противоречию и новой форме движения. Одно противоречие отрицает другое, новая форма движения отрицает предшествующую. Однако для ***диалектического развития*** характерна не просто смена одного противоречия другим, одной формы движения другой, а такая смена (***«снятие»***), которая одновременно означает и отрицание, и позитивное удержание предшествующего содержания. То есть при переходе от качества к количеству,

от количества к мере, от меры (точнее, от бытия в целом) к сущности, все эти категории сохраняются в системе (приобретая, однако, подчиненный характер по отношению к более сложным и развитым категориям), становящейся тем самым все более богатой и сложной.

«Содержание», которое приобретает система в своем развитии, реализует себя лишь в некоторой «форме». Форма не выступает как лишь внешний слепок содержания, оно оформляет его, играет по отношению к нему активную роль. Это создает потенциальную возможность отрыва формы от содержания, образования таких форм, которые искажают содержание системы (превращенные формы).

«Сущность» системы выражает себя через ***«явление»***. Сущность является, явление существенно. Однако проявления сущности могут создавать ***«видимость»***, «кажимость», которые, если и соответствуют сущности, но не совпадают с ней, создавая такую ситуацию, когда, например, *кажется то, что и существует на самом деле*. Но все-таки «кажется», а не просто «существует».

В учебниках советского периода непременным атрибутом объяснения того, что такое диалектика, были так называемые ***«законы диалектики»***: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в коренные качественные, закон отрицания отрицания. Эти «законы» — либо формулировка некоторых частных диалектических переходов (например, между качеством и количеством), либо наблюдение над некоторыми общими характеристиками диалектического движения. Если о первых «законах» кое-что было сказано выше, то по поводу отрицания отрицания следует кое-что добавить.

Как уже было отмечено выше, диалектическое движение идет путем отрицания одной категории другой, одной ступени развития другой. Например, количество отрицает качество, а мера, в свою очередь, отрицает количество. Первое отрицание (качества количеством) отрицается следующим (количества мерой) — вот и получается ***отрицание отрицания***. Но если первое отрицание, в свою очередь, отрицается, то это означает восстановление первой отрицаемой категории — не в прежнем виде (вспомните про снятие, которое одновременно есть и отрицание, и удержание), а виде *синтеза со своей противоположностью*. Таким образом, движение происходит по принципу ***«диалектической триады»***: тезис — антитезис — синтез.

Вопросы для самопроверки

1.1. Какова связь марксизма с предшествующим развитием мировой философской мысли?

1.2. Какими исследовательскими задачами был обусловлен выбор диалектики и философского материализма в качестве философских оснований марксистского метода?

1.3. В чем заключается особенность материалистического взгляда на мир в марксизме?

1.4. Какую роль в марксистском материализме играет человеческая деятельность, практика?

1.5. Назовите основные философские категории, применяемые в марксизме, и дайте их характеристику.

1.6. В чем заключается сущность диалектического метода, каким образом он может выступать в качестве одного из инструментов познания?

1.7. В чем состоит отличие диалектического метода К. Маркса от диалектики Гегеля?

1.8. В чем состоит отличие диалектики от формальной логики?

1.9. Назовите основные категории диалектики и дайте их характеристику.

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 7–544.
- *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 1–4.
- *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Отдел первый. Философия // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 33–149. (Гл. III «Подразделение. Априоризм», Гл. IV «Мировая схематика», Гл. V «Натурфилософия. Время и пространство», Гл. XI «Мораль и право. Свобода и необходимость», Гл. XII «Диалектика. Количество и качество», Гл. XIII «Диалектика. Отрицание отрицания»).
- *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 269–317.
- *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. («Старое предисловие к „[Анти]-Дюрингу". О диалектике». С. 364–372; «Диалектика». С. 384–390; «[Диалектика]. [а) Общие вопросы диалектики. Основные законы диалектики]», [б) Диалектическая логика и теория познания. О «границах познания»]. С. 526–557).

В следующей подборке текстов К. Маркса приведены три отрывка из работ К. Маркса, где он излагает свое видение относительно предмета и метода политической экономии:

Карл Маркс о предмете и методе политической экономии. Составитель и автор предисловия *Колганов А. И.* // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 95–104.

Хотя Ленин не считается первой величиной в марксистской философии, его выписки на полях работ Гегеля свидетельствуют о его глубоком понимании значения диалектики и весьма полезны в качестве введения к ее самостоятельному изучению:

- *Ленин В. И.* Философские тетради // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969. («Конспект книги Гегеля „Наука логики"». С. 79–322).

«Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения»[1]*:*

- *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. В 3-х т. М.: Мысль, 1970–1972.

Работы одного из крупнейших советских знатоков марксистской диалектики, специально занимавшегося сопоставлением диалектики Маркса и Гегеля:

- *Вазюлин В. А.* Логика «Капитала» К. Маркса. 2-е изд. М., 2002. С. 13.
- *Вазюлин В. А.* Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). М., 1975. 250 с.

Работа известного советского философа, посвященная диалектике Маркса, написанная в 1960 году и впервые изданная лишь после его смерти, в 1997 году:

- *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.

При жизни Ильенкова была опубликована только часть этой рукописи в виде книги:

- Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960.

Текст исходной рукописи 1960 года:

- *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Институт философии АН СССР, 1960.

В этой книге содержится изложение концепции конкретно-всеобщего:

- *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Второе издание, дополненное. М.: Политиздат, 1984.

Современный взгляд на проблемы диалектики представлен в следующей работе:

- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: Ленанд/URSS, 2015. (Часть 1. Обновление диалектики: альтернативы позитивизму и постмодернизму в методологии XXI века. С. 81–209); Изд. 4-е, доп. М.: Ленанд/URSS, 2018.

Масштабный анализ возможностей применения методологии марксизма для объяснения проблем современной социально-экономической жизни представлен в следующей коллективной монографии:

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Послесловие ко второму изданию // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.

- Маркс после Маркса: Постсоветская школа критического марксизма (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / Под ред. А. В. Бузгалина и М. И. Воейкова. М., 2018.

Читателям, владеющим английским языком, полезно будет ознакомиться с работами двух крупных западных специалистов по марксистской диалектике:

- *Ollman B.* Dance of the Dialectic: Steps in Marx's Method. Urbana—Chicago: University of Illinois Press, 2003.
- *Arthur C. J.* Dialectics of Labour: Marx and his Relation to Hegel. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- *Arthur C. J.* The New Dialectic and Marx's «Capital». Leiden, Boston, Köln: Brill. 2002, 2004.

Сравните содержание рекомендованных работ со статьей Сталина:

- О диалектическом и историческом материализме // *Сталин И. В.* Соч. Т. 14. https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_55.htm

Тезаурус к главе 1

АБСТРАКЦИЯ — способность человеческого мышления выделять общие свойства, присущие целому классу явлений или процессов, отвлекаясь от тех свойств, которые составляют особые, специфические черты этих явлений или процессов.

КОНКРЕТНОЕ — предмет, взятый во всем многообразии его различных сторон.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ: вопрос о том, что первично — познаваемый нами материальный мир, или знание о нем, которым мы обладаем? Является ли материя внешнего мира источником наших знаний, или же она лишь воплощение наших собственных (либо исходящих свыше) идей, мыслей?

РАСПРЕДМЕЧИВАНИЕ — деятельность, позволяющая извлечь знание из предмета.

ОПРЕДМЕЧИВАНИЕ — деятельность, позволяющая воплотить знание в предмете.

СВОБОДА — свойство человека преодолевать границы того, что изначально дано ему внешним миром.

НЕОБХОДИМОСТЬ — такая сторона человеческой практики, которая определяется объективными обстоятельствами.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА В МАРКСИЗМЕ — совпадение объективно назревших исторических перемен и действий человека, направленных на эти перемены.

Глава 2

Социально-исторические основы метода марксистской политической экономии. Источники и исторические этапы развития человеческого общества

Структура главы

- Материалистический подход к общественным явлениям
- Производительные силы. Труд
- Исторические стадии развития производительных сил

Основные понятия:

производственные отношения*
производительные силы
средства производства
рабочая сила*
средства труда
предметы труда
труд*
техносфера
технология производства*
процесс производства*
общественное разделение труда*
прибавочный продукт*
эксплуатация*
обмен
машины*
постиндустриальная эпоха

Углубление отдельных вопросов темы:

✓ Потребление как элемент общественного воспроизводства

2.1. Материалистический подход к общественным явлениям

Понимание той значительной роли, которую производство материальных условий жизни человека, и материальные условия самого производства, играют в судьбах человеческого общества, формировалось задолго до возникновения научного социализма. Заслугой основоположников марксизма в этом вопросе является, во-первых, ясное утверждение, что именно производство материальных условий жизни человека является определяющим в развитии всех

остальных сфер человеческого общества — государства, права, политики, религии, идеологии и т. д. Во-вторых, К. Маркс и Ф. Энгельс впервые предложили концепцию, раскрывающую детальное строение общественного производства, соотношение и взаимодействие его структурных элементов, источники, закономерности и формы его развития.

Наиболее общие положения исторического материализма превратились в конце XIX – первой половине XX вв. в неотъемлемую составную часть мировой науки, а концепция в целом в той или иной мере продолжает оказывать влияние на виднейших представителей общественных наук, в том числе и не придерживающихся марксистских взглядов, и даже на активных противников марксизма.

Констатация того факта, что человек должен производить, чтобы существовать, отнюдь не является заслугой марксизма. До марксизма был сделан и вывод о том, что именно производство является специфическим способом существования человека, отличающим его ото всех других живых существ. Однако только марксизм показал, как именно производство реализует свой определяющий характер в жизни человеческого общества.

Научный социализм указал на то обстоятельство, что в процессе производства материальных условий своего существования люди вступают в специфические общественные отношения — **производственные отношения**.

Производственные отношения —

специфические общественные отношения, в которые люди вступают в процессе производства материальных и духовных условий своего существования; при этом материальное производство выступает определяющим.

Эти *производственные отношения* люди не выбирают по собственному произволу. Характер *производственных отношений* зависит не от воли и сознания людей, а является объективным, поскольку определяется данным, наличным уровнем развития материальных условий производства, то есть уровнем развития **производительных сил** человеческого общества.

Производственные отношения, в свою очередь, не являются нейтральными, или пассивными, по отношению к *производительным силам*. Производственные отношения могут ускорять развитие производительных сил, или замедлять его.

2.2. Производительные силы. Труд

Два важнейших элемента производительных сил общества — это, во-первых, *человек*, обладающий способностью к труду, совокупностью знаний, навыков, приемов производства. Во-вторых, это материальные средства производства.

Следует особо подчеркнуть, что именно *человек* со своими способностями к труду является *ведущим элементом* производительных сил. Именно он своей деятельностью создает, видоизменяет, совершенствует средства производства и приводит их в движение. Человек, одаренный способностью к труду, является (наряду со средствами производства) *материальным* фактором производительных сил общества. Эти факты нередко забываются, и *производительные силы* часто сводятся к одним лишь **средствам производства**, а эти последние — к **орудиям труда**. Данного упрощения иногда не избегали и основоположники научного социализма, являющиеся авторами излагаемой концепции.

Человек, как элемент производительных сил, не сводится только к **рабочей силе** — совокупности навыков, умений, приемов производства и способности привести их в действие, которыми обладает индивид. Человек (как элемент производительных сил) характеризуется также *знаниями* и способностью к *творческой деятельности*, которые он может применять в процессе производства, для его поддержания, развития, совершенствования. Эти качества определяются уровнем *культуры*, которой обладает человек (понимаемый в данном случае как родовое существо, т. е. как человеческое общество).

Рабочая сила — совокупность навыков, умений, приемов производства и способности привести их в действие, которыми обладает индивид.

Развитие человека с той его стороны, которая характеризуется его способностью к труду (т. е. человека, как элемента производительных сил), совершается, с одной стороны, путем накопления приемов и навыков трудовой деятельности, изобретения новых приемов, приобретения и передачи соответствующего опыта. С другой стороны, сильнейшее воздействие на характер трудовой деятельности человека, на совершенствование его способности к труду, оказывает развитие и совершенствование *средств производства*. Следует сказать, что активной стороной в этом процессе также выступает человек. Однако, раз определенный уровень развития средств производства сложился, формируется *объективная зависимость* уровня трудовых способностей человека от этого уровня развития средств производства.

Средства производства, в свою очередь, могут быть разделены на два больших элемента — **средства труда** и **предметы труда**.

Средства труда подразделяются на **орудия труда** и **условия труда**. *Орудия труда* используются человеком для активного воздействия на природные объекты с целью изменения их формы таким образом, чтобы они могли служить целям удовлетворения человеческих потребностей. Сюда можно отнести, например, металлообрабатывающие станки, землеройные машины, электрогенераторы, транспортные средства, зерноуборочные комбайны, химические реакторы, трубопроводы и т. п.

Условия труда сами активно не воздействуют на природные объекты, но служат для того, чтобы, как вытекает из их названия, создавать условия для применения орудий труда. Сюда относятся различного рода производственные здания и сооружения (здания заводских цехов, дороги, мосты и т. д.).

К *предметам труда* относятся все те природные объекты, *на которые* человек воздействует при помощи средств труда, видоизменяя природу для своих целей и превращая тем самым природные объекты в **продукты труда**. Разделение средств производства на средства труда и предметы труда определяется не их природными (физическими, химическими и т. д.) свойствами, а их местом в процессе производства. Например, трактор, работающий на пашне или в карьере, является *средством труда* (и еще точнее — *орудием труда*). Тот же трактор, отправленный в ремонтную мастерскую, выступает там как *предмет труда*. Столь же подвижна грань между *средствами производства* и *продуктами труда*, и она также определяется их местом в процессе производства. Например, зерно пшеницы выступает как *продукт труда* хлеборобов. Отправленное же на мукомольную фабрику, оно выступает как *средство производства* (а именно, *предмет труда*) для изготовления муки. Большая часть средств производства (за исключением естественных ресурсов и естественных условий производства) представляет собой продукты труда людей.

Предметами труда являются любые природные объекты, на которые воздействует человек — металл, дерево, сельскохозяйственные растения, минералы, электромагнитные поля, вода и т. д. Часть предметов труда представляет собой уже обработанные человеком продукты труда, часть — предметы природы в их естественном состоянии (например, рыба в море). С этой точки зрения географическая среда обитания человека играет очень важную роль в производстве — и как своего рода кладовая предметов труда, и как один из важнейших факторов, определяющих условия труда.

Однако *природная среда не может рассматриваться лишь как пассивный объект воздействия* человека. Видоизменяя природу для своих целей, человек вторгается в сложные взаимосвязи, определяющие функционирование и само существование биогеохимической оболочки Земли. Такое вторжение может нарушать естественный баланс в природе, ухудшая условия существования для самого человека (накопление

отбросов и отходов производства, химическое загрязнение, гибель видов животных и растений, гибель лесов и степей, истощение источников воды и запасов полезных ископаемых, нарушение озонового слоя, «парниковый эффект» и т. д.).

Зарождение общественного производства означает тем самым и формирование противоречия между человеком и природой. Пока существует человек, это противоречие неустранимо, но формы его движения могут носить характер как разрушительный для взаимодействия человека и природы, так и гармонизирующий их взаимное развитие.

Первоначально человек относится к природе как к источнику средств существования. На низшем, первобытном уровне развития человек ощущает свою зависимость от природы, и это заставляет его приспосабливаться к природе, опасаться мести за чересчур резкое вторжение в ее мир. В этот период формируется система ограничений и запретов (отчасти рациональных, отчасти магических), призванных не допустить разрушения тех источников существования, которые человек находит в окружающей природной среде.

Когда экономические отношения меняются таким образом, что на первый план выходит производство богатства, это первоначальное осторожное отношение к природе сменяется ее безудержной эксплуатацией. Без такой перемены не было бы прогресса человеческого общества. Однако подобный способ прогресса мстит сам за себя — чем эффективнее и масштабнее становятся производительные силы человеческого общества, тем более сильное разрушающее воздействие на природу они оказывают, создавая, в конечном счете, реальную угрозу гибели всей природной среды обитания человека.

Это противоречие было отмечено еще К. Марксом в середине XIX века, однако широкое признание данная позиция получила лишь более, чем столетие спустя, когда угроза экологической катастрофы стала очевидной. Значительные естественнонаучные предпосылки для понимания характера взаимодействия человека и природы заложили разработки российского ученого академика Вернадского (концепция человека, как геологической силы, концепция ноосферы).

Для того, чтобы устранить угрозу человечеству, исходящую от созданных самим человеком производительных сил, необходимо изменение отношений человека и природы. Человек не может перестать воздействовать на природу для достижения собственных целей, для обеспечения средств существования. Однако это воздействие должно быть гармонизировано с законами самой природы, и для этого природа не должна более рассматриваться как источник богатства, — к ней следует формировать отношение как с самостоятельной ценности, а необходимость считаться с ее законами должна быть признана как непременное условие существования самого человека. Однако достижение подобных перемен в отношениях с природой невозможно до тех пор, пока в человеческом обществе господствуют производственные отношения, которые все вокруг — и природу, и самого человека, — неизбежно сводят лишь к источнику накопления богатства.

Труд —

целесообразная деятельность по изменению формы природных объектов, приспосабливающая их для удовлетворения человеческих потребностей.

Процесс производства —

взаимодействие человека и средств производства в процессе труда.

Производство является более широким понятием, чем труд. Производство включает в себя не только непосредственно целесообразную деятельность человека по преобразованию объектов природы, но и взаимодействие со средствами производства, и многие виды деятельности, возникшие в связи с осуществлением человеком своих трудовых функций — **управление, обмен, распределение, потребление**.

✓ **Потребление как элемент общественного воспроизводства:**

Следует подчеркнуть, что человеческое *потребление* — отнюдь не естественный процесс, а элемент общественного производства. Человеческое потребление отличается от потребления животных теми же самыми характеристиками, какими трудовая деятельность человека отличается от деятельности животных. Как состав человеческих потребностей, так и форма их удовлетворения диктуются в первую очередь общественными условиями производства. Кроме того, потребление средств производства и предметов труда образует часть производственного процесса, а потребление человеком жизненных благ — элемент процесса воспроизводства рабочей силы.

Производство в человеческом обществе образует сложные общественные системы, развивающиеся сначала до национальных, а затем и до всемирных масштабов.

Трудовая деятельность человека отличается от трудоподобной деятельности животных несколькими важнейшими свойствами.

Во-первых, трудовая деятельность человека носит *социально обусловленный* характер, трудоподобная деятельность животных *инстинктивна*. Характеристики человеческого труда определяются — если отвлечься от тех ограничений, которые налагаются совокупностью наличных материальных условий производства — общественными отношениями, в которые включен человек. Эти отношения, преломляясь через личные качества человека и его мышление (которое также не носит абсолютно индивидуального характера, являясь отражением коллективной практики людей), определяют выбор или перемену основных составляющих трудовой деятельности — содержания самого процесса труда, характера применяемых орудий труда, предметов труда и результатов трудовой деятельности.

От деятельности т. н. коллективных животных (пчел, муравьев) труд человека отличается тем, что он не ограничен строго очерченной совокупностью функций, определяемых инстинктами и закрепляемых за определенными особями в силу их биологической специализации. Человек в своих функциях универсален, способен менять их и создавать новые, что не свойственно миру животных. Кроме того, инстинктивная трудоподобная деятельность животных заключена в довольно простую рефлекторную взаимосвязь «привычный стимул — привычная реакция». Стимул при этом выступает как типичный элемент состояния природной среды (в том числе и состояния самого живого организма — например, голод), а реакция — как необходимый элемент функционирования живого организма. Человеческий же труд является такой деятельностью, *цель и мотив которой не совпадают*.

Если для животного мотивом (стимулом) является утоление голода, то и деятельность его будет направлена на утоление голода — поиск и поглощение пищи. Примеры с обезьянами и птицами, использующими палочки для добычи пищи, не являются исключением из правила. Для некоторых видов птиц использование палочек для извлечения насекомых из трещин коры деревьев является инстинктивно закрепленным способом добычи пищи и вне непосредственной связи с этими насекомыми не имеет никакого смысла. Точно также и для обезьян применение палок выступает только как составная часть действий, позволяющих им достать пищу — например, съедобные плоды, и вне связи с этими плодами просто не может иметь места.

Для человека трудовая деятельность почти всегда совершается *вне непосредственной связи с удовлетворением его потребностей*. Даже первобытный человек, испытывая голод, определенную часть своего времени тратил не на добывание пищи, а, например, на оббивание кромки одного камня другим камнем. В данном случае мотив (стимул) — утоление голода, а цель деятельности — изготовление ручного рубила, причем нередко вне связи с каким-то конкретно намеченным объектом, призванным

имеющийся голод утолить. У современного же человека трудовая деятельность и непосредственное удовлетворение потребностей отдалены друг от друга огромной цепью опосредствований. Для множества людей основной род их занятий вообще никогда не соприкасается с непосредственным удовлетворением их потребностей, и возможность удовлетворить их существует лишь благодаря деятельности других людей.

Еще одним отличительным признаком человеческого труда выступает использование средств производства. Некоторые животные, как уже упоминалось, также помещают между собой и природой искусственно созданные опосредствующие звенья — обезьяны приспосабливают палки для добычи плодов, бобры строят плотины, птицы — гнезда, пчелы — соты... Однако эти «орудия» выполняют какую-то одну функцию и носят стереотипный характер в рамках, строго очерченных инстинктами и условными рефлексами. Во всех остальных своих функциях животные полностью обходятся без каких-либо орудий. Лишь человек помещает между собой и природой огромный искусственный мир, ***техносферу***. Человек практически во всех своих жизненных функциях не обходится без средств производства. Эта «вторая природа» постоянно развивается вместе с человеком и ее развитие составляет существенную часть человеческой истории наряду с развитием отношений между самими людьми.

2.3. Исторические стадии развития производительных сил

Стадии развития производительных сил первоначально различали *по основным материалам*, из которых изготавливались орудия труда. Другим важным критерием, позволяющим различать стадии производительных сил, служило также выделение господствующих ***технологий производства***, *то есть определенной комбинации элементов производительных сил (простых элементов процесса труда) и характера их взаимодействия в процессе производства*. Соответственно базовым технологиям выделяются и основные отрасли хозяйства. Кроме того, с усложнением орудий труда серьезное значение приобретает не столько определение материала, из которого эти орудия изготавливаются, сколько изучение строения этих орудий. *С развитием производительных сил эти последние критерии начинают играть наиболее важную роль.*

Технология производства — определенная комбинация элементов производительных сил (простых элементов процесса труда) и характера их взаимодействия в процессе производства.

Как ни странно, в рамках марксизма, обратившего внимание на *ключевую роль человека* в системе производительных сил общества, этот тезис достаточно редко применялся при решении конкретных вопросов оценки уровня развития производительных сил. Этот недостаток был характерен и для классиков марксизма, и для его последователей. Возможно, именно с ним связаны многие нерешенные проблемы исследования экономического развития общества. По мере сил постараемся преодолеть этот недостаток. Но сначала несколько слов о традиционном делении стадий развития производительных сил.

Каменный, медный и железный века

Каменный век. Первоначально главным материалом, из которого изготавливались орудия труда, служил камень. Основной технологией производства таких орудий являлась обработка камня каменными же орудиями. Однако основной технологией, служившей для обеспечения человеку средств существования, служило собирательство, а затем, по мере совершенствования технологии изготовления орудий и навыков совместной и индивидуальной деятельности — также и охота. Такого рода занятия условно относят к **«присваивающему**

хозяйству», поскольку человеческая деятельность (производство) была направлена главным образом на присвоение готовых продуктов природы. Человек, конечно, на всех стадиях своего развития присваивает вещество природы для своих нужд. Но в данном случае речь идет о *прямом присвоении готовых природных продуктов*. Обработка орудий труда, и даже приготовление пищи и заготовка пищевых запасов (которые развиваются на поздних стадиях каменного века, в период неолита) занимали в производственном процессе первобытного человека куда как меньшее место.

Уже в пределах каменного века человек, помимо механических технологий (обработка камня, дерева, кости, шкур...), осваивает важную физико-химическую технологию — добывание огня и использование его для приготовления пищи и обработки различных материалов (например, гончарное производство). В позднем каменном веке (неолите) человек начинает вмешиваться в естественные процессы воспроизводства живой природы — приручает, а затем одомашнивает животных, начинает культивировать растения. Однако эти технологии приобретают главенствующую роль, как правило, лишь с переходом к использованию металлов.

Еще на основе использования каменных орудий труда в некоторых местностях развивается примитивное подсечно-огневое и мотыжное земледелие. Однако, за немногими исключениями, его продуктивность еще довольно низка.

Медный (бронзовый) век. Использование меди, а затем и бронзы (сплава меди с оловом) означало не только появление металлургии, как новой отрасли производства, но в первую очередь появление орудий, делавших гораздо более эффективными обработку камня, дерева, металлов, и занятия земледелием и скотоводством. Земледелие и скотоводство выходят на первый план в добыче средств к существованию, оттесняя собирательство и охоту. Однако неустойчивость урожаев при примитивном земледелии, зависящем от капризов погоды, и неустойчивость естественной кормовой базы скотоводства (по тем же причинам) длительное время делали охоту и собирательство весьма важными дополнительными источниками жизненных средств для человека.

Переход к земледелию и скотоводству означает переход к так называемому **«производящему хозяйству»** (термин не очень точный, поскольку не производящего хозяйства быть не может — *«присваивающее хозяйство»* есть тоже разновидность производства). Этот термин отражает *факт перехода от производства, направленного на присвоение готовых природных продуктов, к производству, обеспечивающему массовое изготовление продуктов, видоизмененных человеком,* не являющихся плодами стихийно протекающих природных процессов. И выращивание одомашненных животных, и возделывание культурных растений, и ремесло — все эти отрасли хозяйства позволяют создавать и присваивать продукты, имеющие форму, отличную от природной.

Вместе с выплавкой и обработкой металла впервые появляются предпосылки для значительного развития **общественного разделения труда** — сначала путем разделения земледелия и скотоводства, а затем — отделения ремесла (металлургии, кузнечного дела, гончарного дела...) от сельского хозяйства.

Общественное разделение труда:

возникновение **общественного разделения труда** означает постоянное закрепление конкретных лиц за определенными видами деятельности, т. е. специализацию людей. Такое разделение труда носит наименование общественного потому, что эти виды деятельности и занятые ими люди не могут существовать вне общественных (выходящих за пределы кровнородственных) связей, экономических отношений (отношений обмена деятельностью) между собой.

Первоначально в первобытной общине существовало **половозрастное разделение труда**, *устанавливающее распределение различных функций между членами общины в зависимости от физиологических особенностей половозрастных групп.*

Железный век. Развитие металлургических технологий (повышение температуры плавки руды) позволило перейти к выплавке и обработке железа. Этот переход обеспечил дальнейшее повышение производительности в земледельческих технологиях и в ремесле, при обработке самых разнообразных материалов. Прирост производительности обеспечил систематическое производство **прибавочного продукта** (т. е. излишка сверх необходимых текущих потребностей).

Отмечены случаи производства прибавочного продукта при благоприятных условиях даже в присваивающем хозяйстве (интенсивное рыболовство в некоторых районах акватории Тихого океана) и при использовании каменных орудий труда в земледелии (Мезоамерика, Африка). Однако производство прибавочного продукта получает заметное распространение в районах с благоприятными для земледелия природно-климатическими условиями только в медном веке, а как общее правило, именно с наступлением железного века. Вместе с производством прибавочного продукта развиваются такие явления, как **эксплуатация** и **торговля**.

Прибавочный продукт и эксплуатация:

Когда человек становится способен производить больше, чем нужно для его текущего потребления (для поддержания жизни), то излишек — **прибавочный продукт** — может присваиваться другими людьми. **Эксплуатация** означает применение человека как своего рода живого орудия труда — принуждение его к производству прибавочного продукта с целью последующего присвоения последнего.

Обмен существовал уже в каменном веке. Поскольку природно-климатические и геологические условия различны в разных регионах, то это обусловило возникновение обмена, основанного на данных различиях. Однако обмен носил случайный, несистематический характер, и вовлекалась в него незначительная часть производимого продукта (как правило, уникальное природное сырье). Систематическое производство излишков вместе с развитием общественного разделения труда не только позволяет расширить масштабы обмена и сделать его систематическим, но и превращает в особую отрасль — **торговлю**, становящуюся необходимым элементом функционирования общественного производства в условиях общественного разделения труда. Ведь теперь, например, ремесленник не может жить и работать, не обменивая плоды своего труда на продукты питания, а скотовод нуждается в обмене животноводческих продуктов на зерно и т. д.

Можно сказать, что мы до сих пор живем в железном веке. Ведь основным конструкционным материалом в современном производстве по-прежнему остается железо и сплавы на его основе. Однако, как уже было сказано выше, теперь важнейшее значение приобретают иные критерии оценки уровня развития производительных сил.

Средневековье принесло такие технологические процессы, как изготовление и применение пороха, книгопечатание, гораздо менее заметный, но не менее значимый прогресс в обработке, консервации и хранении продуктов питания (что позволяло увеличить реальное потребление при прежней продуктивности сельского хозяйства). Именно в Средневековье, например, получили распространение такие технологии, как засолка рыбы, дистилляция этилового спирта.

Однако не эти технологии определили переход к новой ступени развития производительных сил. Этот переход был связан с развившейся в течение Средневековья *специализацией трудовых процессов и орудий*, подготовившей замену ручных орудий труда **машинами,** *т. е. такими орудиями труда, которые передают воздействие человека на предмет труда через специальный передаточный механизм и приводятся в движение, как правило, не мускульной силой человека или животных.* Таким образом, машина состоит из трех основных частей — двигателя, передаточного механизма и рабочего орудия.

Машины — орудия труда, которые передают воздействие человека на предмет труда через специальный передаточный механизм и приводятся в движение, как правило, не мускульной силой человека или животных. Таким образом, машина состоит из трех основных частей — двигателя, передаточного механизма и рабочего орудия.

Первыми широко распространенными машинами были водяные и ветряные мельницы, а позднее — механические часы. Массовое распространение машин с технологической точки зрения связано как с повышением прочности применяемых металлических сплавов и повышением точности их обработки, так и с появлением двигателей, не зависящих от географической среды (которая ограничивала применение силы ветра или воды). Появление паровой машины, а затем двигателя внутреннего сгорания и электрического двигателя дало важнейший технический толчок промышленному перевороту (индустриализации) — перестройке всех отраслей хозяйства на основе машинной техники и соответствующих технологий.

С развитием машинной техники произошло некоторое ослабление роли человека как ведущего элемента производительных сил (но одновременно возникли предпосылки для последующего невиданного укрепления этой роли). В домашинную эпоху от накопленных навыков, индивидуального умения и мастерства человека прямо зависела успешность как ремесленного, так и сельскохозяйственного производства (а нередко мускульная сила человека выступала главным энергетическим источником при ручном труде). Машинное производство дает возможность крайне примитивизировать человеческие функции, что нашло свое наиболее выпуклое воплощение в конвейерном производстве.

Однако в дальнейшем создание и совершенствование машин постепенно потребовали, напротив, усилить роль человека в машинную эпоху. Потребовалось применение научных знаний к разработке индустриальных технологических процессов и к созданию машинной техники. Изобретательство стало превращаться едва ли не в особую отрасль производства. *Техническое совершенствование и усложнение машин постепенно повлекло за собой и увеличение требований к квалификации и образованности рядовых работников.*

Но эти сдвиги затрагивали первоначально довольно узкий круг людей. Положение изменилось во второй половине XX века. Следующим крупным шагом в развитии производительных сил стало в этот период превращение технологического применения знаний в господствующую производительную силу, и вместе с этим — бурный расцвет информационных технологий. Производство, обмен и применение знаний теперь претендуют на то, чтобы играть более важную роль, чем трансформация материально-вещественных предметов труда.

Такого рода сдвиги в производительных силах оцениваются многими исследователями, как наступление ***постиндустриальной*** эпохи. Значение машинного производства (промышленности в широком смысле слова), и даже материального производства вообще, с этой точки зрения, падает, и вместе с этим растет удельный вес и значение отраслей нематериального производства (сферы услуг, в особенности сферы духовного производства). Есть немало оснований, чтобы скептически оценивать вывод о том, что данная эпоха уже наступила. Но в любом случае наше время характеризуется продолжающимся ростом значения человека, как ведущего элемента производительных сил.

Вопросы для самопроверки

2.1. На чем основан материалистический подход к общественным явлениям?
2.2. Каковы источники развития производительных сил?
2.3. Какой ведущий элемент производительных сил исключается из рассмотрения в случае, когда производительные силы сводятся лишь к средствам производства?
2.4. Дайте характеристику человека как элемента производительных сил.

Можно ли сказать, что развитие машинной техники безвозвратно привело к ослаблению роли человека как ведущего элемента производительных сил?

2.5. Назовите основные составляющие средств производства и дайте их развернутую характеристику.

2.6. В какой мере производительные силы человека зависят от естественной природной (географической) среды?

2.7. С чем связано возникновение противоречия между человеком и природой? В чем оно проявляется?

2.8. Как соотносятся понятия «труд» и «производство»: какое из этих понятий является более широким?

2.9. Назовите основные отличия трудовой деятельности человека от трудоподобной деятельности животных.

2.10. Что представляет собой техносфера?

2.11. Назовите основные исторические стадии развития производительных сил и дайте их характеристику.

2.12. Когда появляются предпосылки для развития общественного разделения труда?

2.13. Какие характеристики постиндустриальной эпохи Вы можете назвать?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Капитал. Т. I. Глава 5, § 1. Процесс труда // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.
- *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. ч. I.

В следующей подборке текстов К. Маркса, ранее приводимой в списке литературы, рекомендуемой к главе 1, содержатся три отрывка из работ К. Маркса, где он излагает свое видение относительно предмета и метода политической экономии:

- Карл Маркс о предмете и методе политической экономии. Составитель и автор предисловия *Колганов А. И.* // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 95–104.

Известная работа Плеханова, содержащая систематическое изложение материалистического подхода к общественным процессам:

- *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю// Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956.

В данной работе советского периода можно найти весьма неплохое изложение материалистического понимания истории:

- *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история (проблемы теории исторического процесса). М.: Политиздат, 1981.

Один из наиболее творческих представителей советского марксизма в области философии истории представляет свой взгляд на проблемы исторического материализма:

- *Семенов Ю. И.* Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М.: Изд-во МФТИ, 1996. 179 с.
- *Семенов Ю. И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

Работы, посвященные проблематике производительных сил:

- *Шелике В. Ф.* Методология определения К. Марксом И Ф. Энгельсом производительных сил в работе «Немецкая идеология» // К. Маркс и Ф. Энгельс о вопросах социальной диалектики (сборник научных трудов). КГУ, Фрунзе, 1983. http://www.wtschaelike.ru/?page_id=54
- *Гринин Л. Е.* Производительные силы и исторический процесс. 3-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2006.

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала: www.interpolitec.su]:

- Карл Маркс о предмете и методе политической экономии. Составитель и автор предисловия Колганов Андрей Иванович // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 95–104.
- *Карасева Л. А.* Путь к интеграционному экономическому знанию: к вопросу о практичности методологии марксизма // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 29–35.
- *Мамедов О. Ю.* Методология современного политико-экономического анализа (азы экономико-теоретического исследования) // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 10–13.
- Политическая экономия в 21 веке: предмет и метод (фрагменты учебного пособия «Общая экономическая теория. Вводный курс»). Под редакцией Пороховского Анатолия Александровича // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 105–117.
- *Мареев С. Н.* Метод «Капитала» и метод экономикс // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 24–36.

- *Цаголов Н. А.* Актуальные вопросы методологии политической экономии [републикация работы 1982 г.] // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 119–129.
- *Васина Л. Л.* «Капитал» К. Маркса в исторической ретроспективе // Вопросы политической экономии. 2017. № 3. С. 79–91.

Тезаурус к главе 2

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — специфические общественные отношения, в которые люди вступают в процессе производства материальных условий своего существования.

РАБОЧАЯ СИЛА — совокупность навыков, умений, приемов производства и способности привести их в действие, которыми обладает индивид.

ТРУД — целесообразная деятельность по изменению формы природных объектов, приспосабливающая их для удовлетворения человеческих потребностей.

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА — взаимодействие человека и средств производства в процессе труда.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА — определенная комбинация элементов производительных сил (простых элементов процесса труда) и характера их взаимодействия в процессе производства.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА: возникновение общественного разделения труда означает постоянное закрепление конкретных лиц за определенными видами деятельности, т. е. специализацию людей. Такое разделение труда носит наименование общественного потому, что эти виды деятельности и занятые ими люди не могут существовать вне общественных (выходящих за пределы кровнородственных) связей, экономических отношений (отношений обмена деятельностью) между собой.

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ: когда человек становится способен производить больше, чем нужно для его текущего потребления (для поддержания жизни), то излишек — *прибавочный продукт* — может присваиваться другими людьми. *Эксплуатация* означает применение человека как своего рода живого орудия труда — принуждение его к производству прибавочного продукта с целью последующего присвоения последнего..

МАШИНЫ — орудия труда, которые передают воздействие человека на предмет труда через специальный передаточный механизм и приводятся в движение, как правило, не мускульной силой человека или животных. Таким образом, машина состоит из трех основных частей — двигателя, передаточного механизма и рабочего.

Глава 3

Предмет политической экономии

Структура главы

- Производственные отношения
- Противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Способ производства
- Периодизация социально-экономического развития общества. Общественные формации и способы производства

Основные понятия:

производственные отношения*
источник развития общественного производства
способ производства*
социальная революция*
предпосылки социальной революции
производство как общественный процесс*
общественные формации
архаическая формация
экономическая формация
коммунистическая формация
личная зависимость
вещная зависимость*
социальное отчуждение*
инволюция
цивилизационные особенности страны; их объяснение в рамках материалистического понимания истории
азиатский способ производства

Законы и закономерности:

закон соответствия характера производственных отношений уровню и характеру производительных сил

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Об отношении сталинского «марксизма-ленинизма» к марксовой концепции азиатского способа производства
- ✓ О прогнозе К. Маркса по отношению к странам, еще не вставшим на путь капиталистического развития (к этой группе стран на конец XIX в. относилась и Россия)

Политическая экономия, в отличие от экономикс, рассматривает экономическую систему через призму объективных отношений в процессе производства, а не через призму функционирования и поведения индивидуальных экономических агентов (строго говоря, и к понятию «экономическая система» неоклассика не обращается).

Каждая экономическая система представляет собой исторически определенную и субординированную систему *производственных отношений*, соответствующую тому уровню *производительных сил*, на которые она опирается. Диалектическое единство исторически определенных производительных сил и производственных отношений представляет собой *способ производства*. Именно различные способы производства, соответствующие им системы производственных отношений (то есть общественные условия производства) и отражающие их законы производства и обмена представляют собой *предмет политической экономии*[1].

Выше было дано определение *политической экономии в широком смысле слова*. Некогда было распространено понимание предмета политэкономии, опирающееся на ограничительную трактовку слов Маркса из Предисловия к I-му тому «Капитала»: «Предметом моего исследования в настоящей работе, — писал он, — является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена»[2]. Если игнорировать оговорку Маркса — «в настоящей работе» — то можно превратить это определение предмета *политической экономии в узком смысле слова* (используя формулировку Энгельса из работы «Анти-Дюринг») в «единственно верное» толкование всего предмета политической экономии, и заявлять, что политическая экономия марксизма изучает только капиталистический способо производства. Такой подход стал подвергаться критике еще в 20-е годы XX века, а затем и вовсе утратил популярность.

Другой вопрос, вызывавший не меньше дискуссий, заключается в том, сохраняет ли политическая экономия свой предмет с уходом в прошлое капиталистического способа производства? Отталкиваясь от слов классиков марксизма о том, что в социалистическом обществе отношения производства станут ясными и прозрачными, утверждалось, что для их изучения тогда и не будет нужна особая наука. Мы здесь не будем ставить точку в данном споре, предоставив читателю самому судить, нужна ли наука для изучения тех отношений посткапиталистического общества, которые уже проявили себя в исторической действительности.

В настоящей главе мы подробно рассмотрим все те основополагающие понятия политической экономии, которые были упомянуты выше.

3.1. Производственные отношения

Выше уже было сказано, что в процессе производства материальных условий своего существования люди вступают в специфические общественные отношения — **производственные отношения**.

Производственные отношения — общественные отношения между людьми, возникающие в процессе и по поводу производства их собственной материальной жизни. Содержание *производственных отношений* является объективным (не зависит от воли и сознания людей), поскольку определяется данным, наличным уровнем развития материальных условий производства, то есть уровнем развития *производительных сил* человеческого общества.

Следовательно, каков характер производства, каков уровень производительных сил, при котором это производство совершается на данной исторической ступени его развития, таковы же и те производственные отношения, в которые вступают люди между собой. Никогда не следует упускать из виду, что основным элементом производительных сил являются сами люди, и потому в определенном смысле можно даже сказать, что производительные силы вступают между собой в производственные отношения. Но даже люди, как элемент производительных сил, не могут выбирать

[1] Подробнее см.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Отдел II. Политическая экономия. Глава 1. Предмет и метод // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 150-155.

[2] *Маркс К.* Капитал. Том I. Предисловие к первому изданию // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. С. 6.

уровень своего развития по собственному произволу, всякий раз будучи сами определены имеющимися налицо на данной исторической ступени материальными условиями производства.

Итак, *производственные отношения* люди не выбирают по собственному произволу. Эти отношения *зависят от уровня развития производительных сил общества.* Характер приобретенных обществом средств производства, совокупность трудовых умений и навыков людей, определяют собой, в конечном счете, и то, какие производственные отношения будут установлены между людьми. Охота и собирательство дают нам первобытную общину, плуг с железным лемехом и ручная прялка — античное или феодальное общество, а если дополнить их сетью оросительных каналов — азиатскую деспотию. Машинная техника везде порождает капиталистические производственные отношения.

Однако производственные отношения являются не просто слепком с производительных сил общества. Производственные отношения способны оказывать активное *обратное влияние* на развитие производительных сил.

3.2. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Способ производства

Зависимость производственных отношений от наличных производительных сил определяет *объективный, материальный характер производственных отношений.* Можно сформулировать эту зависимость даже как ***закон*** *соответствия характера производственных отношений уровню и характеру производительных сил.* Но этот подход является односторонним, в то время как связь между производительными силами и производственными отношениями не сводится к такой односторонней и однозначной зависимости.

Сами *производственные отношения, образуя необходимую социально-экономическую форму движения производительных сил (без которой производительные силы не могут функционировать и обеспечивать процесс общественного производства), активно влияют на их развитие,* будучи в состоянии (в некоторых пределах, которые еще недостаточно точно изучены) опережать уровень развития производительных сил, или, напротив, отставать от него, ускорять, или, наоборот, замедлять экономический прогресс общества.

В Италии XIV века, на основе ручных орудий труда, могли зарождаться капиталистические отношения, а в США в середине XIX века, в эпоху промышленного переворота, могло сохраняться рабство. Пример современной России показывает, что при одном и том же уровне развития производительных сил (то есть при том же наборе качеств работников и при той же технике) могут сложиться разные системы производственных отношений.

Тем не менее, определенная устойчивая связь между производительными силами и производственными отношениями, хотя и не абсолютно жесткая, все же существует. Благодаря этой связи, производительные силы общества, находящиеся на некотором уровне развития, и функционирующие в рамках соответствующих им производственных отношений, образуют **способ производства**.

Способ производства — ступень развития общественного производства, в основе которой лежит противоречивое взаимодействие производительных сил исторически определенного уровня и характера, и соответствующей им системы производственных отношений.

Противоречивое взаимодействие производительных сил и производственных отношений составляет главный ***источник развития общественного производства.*** Производительные силы, развиваясь, и переходя на качественно новую ступень, разрывают оболочку устаревших производственных отношений. Установленные в резуль-

тате качественного скачка, носящего характер **социальной революции,** новые производственные отношения дают толчок дальнейшему прогрессу производительных сил.

Историческое развитие имеет в своей основе периодический переход от эволюционных этапов развития к *революционной смене способов производства*, выступающей как *форма разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями*. Таким образом, переход от одного способа производства к другому имеет форму **социальной революции.**

Социальная революция —

качественный скачок во всей системе общественных отношений при переходе от одного способа производства к другому. Когда старые производственные отношения становятся препятствием на пути развития новых производительных сил, происходит социальная революция как неэкономическое вмешательство в экономический строй общества, приводящее к разрушению устаревших производственных отношений и замене их новыми производственными отношениями, создающими возможность для быстрого роста производительных сил общества. На этой основе происходит и революционный переворот в общественной надстройке.

Предпосылками социальной революции являются: рост производительных сил, вступающий в противоречие с прежними производственными отношениями, которые исчерпывают свои прогрессивные возможности; выход части производительных сил общества к качественно новому историческому уровню развития, формирование адекватных этому уровню новых производственных отношений, развитие тем самым зачатков нового способа производства в недрах старого и формирование на этой основе новых социальных групп и классов с новыми интересами. Активную роль в социальной революции играют именно те социальные группы и классы, которые по своему объективному положению связаны экономическими интересами с развитием нового способа производства.

При переходе от одного способа производства к другому исторически длительное время элементы старой и новой систем производственных отношений *сосуществуют*. В процессе своего возникновения новые производственные отношения появляются не сразу в целостном, готовом виде, существуя некоторое время как *переходные* производственные отношения, обремененные некоторыми элементами производственных отношений прежнего способа производства. Постепенно, в процессе приобретения новой системой производственных отношений своей целостности, вместе с развитием адекватных ей производительных сил, элементы старых производственных отношений преобразуются, служа своего рода «строительным материалом» для новой системы, и исчезают.

Производство как общественный процесс

Производство в человеческом обществе всегда приобретает определенную общественную форму и невозможно вне этой формы, вне определенных общественных связей людей. Сама эта социально-экономическая форма (производственные отношения), как уже было сказано, зависит от материальных условий производства (уровня развития производительных сил). Поэтому *общественное производство выступает не только как производство продуктов труда, но и как производство самих общественных связей людей, самого человеческого общества* (как с точки зрения вещественных, так и с точки зрения социальных условий его жизни) *или общественно-определенного человека.* Именно характер производства определяет, какие именно материальные условия жизни получит человек, и в какие именно общественные связи он вступит.

Производство как общественный процесс:

общественное производство выступает одновременно и как производство продуктов труда, и как производство самих общественных связей людей, самого человеческого общества (как с точки зрения вещественных, так и с точки зрения социальных условий его жизни) *или общественно-определенного человека.*

Таким образом, постоянное возобновление производственного процесса обеспечивает как само существование человека, так и постоянное возобновление и развитие общественных связей людей. Производство постоянно создает само человеческое общество.

3.3. Периодизация социально-экономического развития общества. Общественные формации и способы производства

Поскольку политическая экономия изучает различные, исторически определенные способы производства, то понимание ее предмета предполагает и понимание тех социально-экономических этапов, которые проходит историческое развитие человечества.

С социально-экономической точки зрения историческое развитие человечества делится на три больших общественных формации — архаическую, экономическую и коммунистическую. Эти общественные формации отличаются друг от друга господствующим типом общественной связи людей, который определяется господствующими производственными отношениями, а последние, в свою очередь, зависят, прежде всего, от состояния общественного производства.

Для *архаической* формации характерна высокая степень зависимости человека от природной среды, преобладание процессов приспособления к внешней среде обитания, даже подчинения ей, над процессами активного приспособления природы для собственных целей. Этому соответствует низкий уровень производительности общественного труда, едва достаточный для поддержания существования естественно сложившихся небольших человеческих коллективов (общин). Общественная связь людей здесь вырастает из их естественной (кровнородственной) связи, и покоится на личной зависимости людей друг от друга в совместной борьбе за выживание. Самовоспроизводство (поддержание жизни) общинных коллективов выступает в этот период главной целью производства.

Для *экономической* общественной формации характерен возросший уровень производительности труда, позволяющий обеспечить производство прибавочного продукта. Этот фундаментальный факт ведет *к возникновению эксплуатации* человека человеком. Хотя самовоспроизводство общинных коллективов длительное время продолжает играть важную роль, наряду с ним развивается накопление вещного богатства, становящееся постепенно главной целью и критерием эффективности. Поначалу главной формой общественной связи здесь остается ***личная зависимость***, но, в отличие от архаической формации, она направлена, прежде всего, на принуждение одних людей другими к прибавочному труду.

Стремление к накоплению богатства определяет собой природу этой общественной формации как экономической, то есть нацеленной на увеличение вещных результатов производства с возможно меньшими хозяйственными затратами. Тем самым производственные отношения начинают с определенной ступени развития экономической общественной формации определяться уже не личной, а ***вещной*** *зависимостью* людей друг от друга, то есть зависимостью, определяемой их ролью и местом в производстве вещей. Главной формой этой зависимости становится рынок. Такой характер производственных отношений приводит на поздней стадии экономической общественной формации к безудержному развитию производительных сил в погоне за накоплением вещного богатства.

Вещная зависимость:

зависимость, определяемая ролью и местом человека в производстве вещей. Главной формой этой зависимости являются отношения *товарного производства* и *рынок*, как их поверхностное выражение. Вещная зависимость людей создает условия для быстрого развития производительных сил в погоне за накоплением вещного богатства.

Значительный рост производительных сил человека в рамках экономической обще-

ственной формации обеспечивает возможность существенного сокращения времени, затрачиваемого на производство средств существования, и, в тоже время, значительное расширение времени и средств, которые могут быть направлены на развитие самого человека, на всестороннее совершенствование его способностей. Если ранее значительный прогресс в развитии личности человека было невозможно обеспечить без эксплуатации одних людей другими, для того, чтобы сосредоточить в руках у части человечества материальные средства, необходимые для такого развития, то теперь это условие отпадает. Это открывает путь к следующей, *коммунистической* общественной формации, где человек, уже не связанный необходимостью большую часть времени тратить на добычу средств к существованию и на обеспечение накопления вещного богатства в руках других людей, будет свободно развивать собственную индивидуальность. Свободный союз людей, выступающих как независимые индивиды (свободная и равная ассоциация), становится здесь основной формой их общественной связи.

Последний тезис по видимости вступает в противоречие с материалистическим пониманием истории. Как человек может быть свободен в своих общественных связях, если они определяются способом производства материальных условий жизни и основанным на нем характером производственных отношений?

В том-то и дело, что развитие производства на этой ступени освобождает человека от борьбы за средства существования (разумеется, производство средств существования сохраняется, но главной задачей теперь выступает минимизация затрат времени на эти цели). Поэтому человек приобретает обширное свободное время, используемое как пространство для развития человеческой личности. И именно такой *характер общественного производства*, где развитие личности человека является главной целью, занимая основное время активной деятельности, и определяет свободный характер образуемых людьми общественных связей. Именно свобода и равноправие людей в этой области обеспечивают наилучшим образом решение задачи свободного развития индивидуальности каждого человека.

Ранее подчинение человека задаче увеличения производства вещного богатства вело к образованию различных форм принуждения человека к труду, и противопоставляло ему образованные на этой основе его собственные общественные связи как чуждые.

Социальное отчуждение — отчуждение людей друг от друга, от образуемых ими общественных связей, от социальных процессов и явлений. Выражается в противопоставлении людям их общественных связей, как чуждых, враждебных, навязанных им. Наиболее общей причиной отчуждения являются противоречия экономических интересов, особенно связанные с эксплуатацией труда. Это приводит не только к разобщению людей друг от друга, но и к тому, что сама трудовая деятельность, ее результаты и возникающие на основе этой деятельности общественные отношения выступают как навязанные человеку извне, чуждые ему.

Такое **отчуждение** общественных отношений преодолевается вместе с освобождением человека от принудительной необходимости тратить основные силы на производство вещного богатства — как для себя, так и для других. Поскольку человек более не подчинен (по крайней мере, в основную часть своего времени) этой необходимости, он свободен в выборе своих общественных связей, что обеспечивает ему наилучшие условия для развития своих способностей. И поэтому теперь общественные связи человека не противостоят ему как нечто чуждое. Отчуждение человека от своих общественных отношений, от труда, человека от человека, вместе с развитием свободной человеческой деятельности уходит в прошлое.

Постольку, поскольку задача производства достаточных средств существования для всех людей будет решена, отпадет необходимость подчинения всей системы производственных отношений задаче наи-

более эффективного накопления вещного богатства. Новая, коммунистическая общественная формация постольку *перестает быть экономической формацией*. Хотя задача экономии общественного труда не снимается, и даже приобретает более важное значение, она направлена уже не на рост производства вещей, а на расширение рамок свободного времени.

Для человеческой истории различных народов характерны такие явления, как: наличие попятных движений (*инволюции*), утрата достигнутого уровня производительных сил, недостаточность внутренних предпосылок для перехода на следующую ступень общественной эволюции. Поскольку различные общества развиваются неравномерно, в историческом развитии огромную роль играет взаимодействие обществ, находящихся на разных ступенях развития, что может для некоторых из них прерывать ход эволюции, определяемый внутренними причинами. Нередко, напротив, переход на следующие ступени происходит под влиянием не внутренних источников развития, а внешних воздействий, что накладывает специфический отпечаток на дальнейшее историческое развитие.

Такой сложный характер реальной истории дает основания для попыток выдвинуть на первое место среди факторов исторического развития народов так называемые *цивилизационные* особенности, формируемые главным образом не в сфере общественного производства, а в сфере специфичных для данного этноса бытовых и моральных традиций, духовного склада, религии, особенностей государственного и правового режима и т. д. Эта концепция противостоит материалистическому толкованию истории, сводя последнюю к комбинациям черт «национального духа», обусловленным случайными или вообще непостижимыми для человеческого разума причинами. Тем самым история превращается в произвольный набор «цивилизаций», в возникновении и гибели которых нет никаких общих закономерностей, а есть каждый раз лишь конкретные обстоятельства. История, таким образом, перестает быть наукой.

Несомненно, то, что принято именовать цивилизационными особенностями, играет значительную роль в историческом развитии стран и народов, накладывая значительный отпечаток на своеобразные формы проявления и пути развития способов производства. Однако, для того, чтобы оставаться на позициях научного истолкования человеческой истории, мы должны обращаться к поиску закономерностей исторического развития, лежащим под пестрой поверхностью хаоса явлений, кажущихся случайными.

Цивилизационные особенности могут получить в рамках материалистического истолкования истории вполне рациональное объяснение. Это такие специфические черты исторического развития, которые вызваны длительным предшествующим историческим опытом, и коренятся в особенностях географической среды, наличных хозяйственных ресурсов и вытекающих из них особенностей хозяйственного быта (отраслевая структура, технологии, структура потребления и т. д.), экономической системы, традиций хозяйственного поведения, политического и правового устройства, социальной психологии, семейно-бытовых традиций, этнических особенностей культуры и много другого. Эти особенности далеко не всегда нивелируются характером данного способа производства, а могут закрепляться (главным образом в сфере духовной жизни общества — в хозяйственной и социальной психологии, традициях, верованиях, культурных стереотипах и т. д.) на протяжении больших исторических эпох, оказывая обратное модифицирующее воздействие на тот специфический облик, который в данном обществе примет тот или иной способ производства.

В рамках классического марксизма традиционно выделялись следующие *способы производства*: первобытный, античный, азиатский, феодальный, капиталистический. Вопрос о том, можно ли говорить о социалистическом или коммунистическом способе производства, является предметом дискуссии. Во всяком случае, в классическом марксизме отсутствуют такие понятия

Таблица 3.1

Принципы исторической периодизации развития человеческого общества

Принцип деления	Исторические периоды				
Способы производства	Первобытно-общинный	Античный / Азиатский	Феодальный	Капиталистический	?
Основа общественной связи	Личная зависимость			Вещная зависимость	Свободная индивидуальность
Общественные формации	Архаическая	Экономическая			Коммунистическая
Отношение к эксплуатации	Доэксплуататорское общество	Эксплуататорское общество			Неэксплуататорское общество
Классовое деление	Доклассовое общество	Классовое общество			Бесклассовое общество
Отношение человека к своим общественным связям	«Царство необходимости» — человек подчинен тем общественным связям, которые образует				«Царство свободы» — человек свободно образует свои общественные связи
Наличие отчуждения	Человек не отчужден от своих общественных отношений	Человек отчужден от своих общественных отношений			Человек не отчужден от своих общественных отношений

как социалистический (или коммунистический) способ производства, которые широко использовались в советском «марксизме-ленинизме». Ленин, к слову сказать, также этих терминов не употреблял.

Вероятно, это связано с тем, что термины «социализм» и «коммунизм» вводились в марксизме не для характеристики способов производства, а для характеристики в целом исторического движения, ведущего к выходу за пределы предыстории человечества. Что же качается способа производства, формирующегося как результат разрешения противоречий капиталистического способа производства, то для его характеристики употреблялись такие формулировки, как «товарищеский способ производства», «свободный союз людей, работающих по общему плану» и др.

Дискуссионными являются и многие вопросы, связанные с азиатским способом производства и границей между азиатским и феодальным способами производства. Некоторыми исследователями выдвигались предположения о том, что К. Маркс к концу жизни отказался от концепции азиатского способа производства, однако, хотя некоторые основания для такого утверждения есть, эта гипотеза пока не имеет достаточно убедительных подтверждений. Другие исследователи предлагают собственное решение вопроса о характере способа производства в ряде ранних эксплуататорских обществ (кабальный способ производства и др.).

Об отношении сталинского «марксизма-ленинизма» к марксовой концепции азиатского способа производства:

В идеологической доктрине «марксизма-ленинизма», сформировавшейся в СССР при Сталине, господствовало утверждение о жесткой механической последовательности способов производства во времени — так называемая «пятичленка». Согласно «пятичленке», в истории последовательно сменяли друг друга пять способов производства — первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический.

Этот подход грубым образом расходился как с классическим марксизмом, так и с историческими фактами. Помимо того, что Маркс никогда не говорил о «социалистическом»

или «рабовладельческом» способе производства, для него, повторю еще раз, также *не существовало жесткой последовательности способов производства, которую должно было обязательно пройти в своем историческом развитии любое общество.* Именно поэтому «марксизм-ленинизм» отрицал, например, существование азиатского способа производства, несмотря и на массу исторических фактов, и на высказывания Маркса по этому поводу. Для этой механистической прямолинейной доктрины было невозможно признание параллельного существования двух разных способов производства (античного и азиатского), ни один из которых исторически не следовал за другим.

Такая механистическая доктрина стремилась обходить «неудобные» факты, демонстрировавшие возможность существования своеобразного характера протекания исторических последовательностей способов производства во многих обществах, и, при всей ее «европоцентричности», игнорировала многие проблемы исторического развития не только неевропейских, но также и ряда европейских обществ.

Одной из причин резко отрицательного отношения сталинского «марксизма-ленинизма» к марксовой концепции азиатского способа производства было стремление представить историческое развитие России как почти типичный случай перехода от феодализма к капитализму, а от него — к социализму. Ведь сомнения в классически феодальном (или, уж тем более, вообще феодальном) характере докапиталистического общества в России ставили под сомнение утверждения о зрелости российского капитализма, а тем самым — и концепцию «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» в российском исполнении.

Для К. Маркса было очевидным, что *не существует строго определенной последовательности способов производства, которую от начала и до конца должно пройти каждое общество.* Он вполне определенно заявил, что не создавал «теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются»[1]. Именно потому, что в целом зависимость общественных отношений от характера производственных отношений и уровня развития производительных сил *касается любой общности людей*, историческое развитие идет *по более сложным закономерностям,* нежели линейное поступательное движение, происходящие одинаковым образом для любых обществ, несмотря на различие исторических предпосылок развития.

В письме в редакцию «Отечественных записок» и в письме Вере Засулич К. Маркс разъяснял, что его теоретический анализ развития капитализма имеет отношение только к странам Западной Европы[2], — либо к любой другой стране, которая «имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы», а «очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы»[3].

Маркс неоднократно подчеркивал, что с развитием капитализма история в полной мере превращается во всемирную историю, и потому правильным было бы рассматривать развитие способов производства не просто как абстрактных экономических систем, и не как национальных экономических систем, а со всемирно-исторической точки зрения. Такая постановка вопроса выводит нас на необходимость при анализе закономерностей исторического развития способов производства не замыкаться на изучении национальных экономических систем, а изучать совокупность тех международных исторических условий, при которых протекает такое развитие.

Определенный шаг вперед в таком понимании исторического развития сделала

[1] *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 120.

[2] *Маркс К.* Письмо В. И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 250.

[3] *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 120.

школа «мир-системного» подхода (Иммануил Валлерстайн, Самир Амин, Джованни Арриги, Андре Гундер Франк и др.)[1], а попытку синтеза марксистской стадиальной концепции развития с мир-системным подходом предпринял Ю. И. Семенов[2].

О прогнозе К. Маркса по отношению к странам, еще не вставшим на путь капиталистического развития (к этой группе стран на конец XIX в. относилась и Россия):

Но если нация *еще не встала* на путь капиталистического развития? Является ли *тогда* этот путь для нее обязательным? К. Маркс пытался найти ответ и на этот вопрос, поставив его и сделав попытку его разрешения в первую очередь применительно к России последней трети XIX века. В общем, этот ответ сводился к следующему: если развитие частной собственности и рынка не успеют разложить архаические общинные структуры, то, в случае, если революция прервет движение России к капитализму, российское общество сможет усвоить достижения капиталистической эры, взяв общину как исходный пункт для формирования системы коллективного производства, и не проходя для этого весь путь исторического развития капиталистического способа производства[3].

Мы видим здесь, по меньшей мере, две предпосылки для реализации такого своеобразного варианта развития. Первая — наличие возможности совершения революции, ориентированной на социализм; вторая — наличие возможности усвоить достижения капитализма. Однако возникал вопрос: а есть ли в России XIX века (или в любой другой стране, находящейся в аналогичном положении) достаточные *внутренние основания* для достижения этих двух предпосылок? Ответ будет категорическим: нет. Обе эти предпосылки могут быть *только заимствованы из внешних, международных условий исторического развития*.

Следовательно, для такого развития событий должна существовать, прежде всего, готовность развитых стран капитализма к всемирной социалистической революции. При этом неважно, что именно явится исторически исходным пунктом такой революции — им может стать и революция в стране с архаическими общинными структурами. Главное в том, чтобы в обозримой исторической перспективе ход событий привел, в конечном счете, к развитию всемирной социалистической революции.

В реальности конца XIX века таких условий не существовало (хотя К. Маркс надеялся на их наличие). А когда российская революция позже все же вспыхнула, она не стала сигналом к мировой революции. Поэтому позиция Маркса в качестве конкретно-исторического прогноза не нашла подтверждения. Однако остается открытым вопрос: а не сможет ли этот прогноз реализоваться в иных условиях, когда окажутся действительно налицо те предпосылки, на которые надеялся Маркс?

---

[1] *Amin S.* Accumulation on a World Scale. Critique of the Theory of Underdevelopment. New York and London: Monthly Review Press, 1974; *Amin S.* Unequal Development. An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York and London: Monthly Review Press 1976; *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Сб. статей]. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001; *Frank A. G.* The Development of Underdevelopment // Monthly Review. 1966. № 9; *Wallerstein I.* The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. University of California Press, 2011; The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. University of California Press, 2011; The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s-1840s. University of California Press, 2011; The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. University of California Press, 2011.; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2006; Т. 2. Игры обмена. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2006; Т. 3. Время мира. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2007.

[2] *Семенов Ю. И.* Философия истории. Части 2 и 4. М.: Современные тетради, 2003. (http://scepsis.net/library/id_1065.html)

[3] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 400–421.

Вопросы для самопроверки

3.1. Как определяется предмет политической экономии в узком и в широком смысле слова?
3.2. В чем заключается объективный характер производственных отношений, и как они зависят от развития производительных сил?
3.3. Что такое способ производства?
3.4. В чем заключаются результаты процесса общественного производства?
3.5. На какой основе формируются исторические этапы развития человеческого общества и переходы от одного этапа к другому?
3.6. Что такое социальная революция?
3.7. Каково соотношение формаций и способов производства?
3.8. В чем недостатки однонаправлено-линейной модели периодизации исторического процесса?
3.9. В чем заключается принципиальное различие марксистского формационного и цивилизационного подходов к периодизации человеческой истории? Имеются ли у них точки пересечения?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Наброски ответа на письмо Вере Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.

Небезынтересная работа венгерского философа, отличающаяся менее догматическим подходом к марксизму, чем большая часть работ советского периода:

- *Текеи Ф.* К теории общественных формаций. Проблема анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М.: Прогресс, 1975.

Последовательный защитник т. н. «пятичленки» пришел к отказу от старой схемы, и предложил восьмичленку, из которой устранил рабовладельческую формацию, но по-прежнему отстаивает линейно-стадиальную схему периодизации исторического процесса:

- *Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига/URSS, 2010.

Работы советского историка с собственной трактовкой периодизации исторического процесса:

- *Илюшечкин В. П.* Теория стадийного развития общества: История и проблемы. М., 1996.

Известный медиевист представляет критический взгляд на формационную теорию, ее применение советскими историками, показывает трудности и неразрешенные проблемы, но в то же время фактически признает, что новой, более гибкой и совершенной концепции исторического процесса, решающей эти проблемы, мировая наука так еще и не выработала:

- *Гуревич А.* Философия и история. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11.

Работа, посвященная проблематике производительных сил и производственных отношений:

- *Эйххорн В., Бауэр А., Кох Г.* Диалектика производительных сил и производственных отношений. Пер. с нем. М., 1977.

Далее предлагается серия работ, в которых раскрываются различные аспекты взгляда на историческое развитие как всемирный процесс, содержащий сложную систему взаимодействия обществ, находящихся на разных ступенях развития («мир-системный» подход):

- *Amin S.* Accumulation on a World Scale. Critique of the Theory of Underdevelopment. New York and London: Monthly Review Press, 1974.
- *Amin S.* Unequal Development. An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York and London: Monthly Review Press 1976.
- *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Сб. статей]. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.
- *Frank A. G.* The Development of Underdevelopment // Monthly Review. 1966. № 9.
- *Wallerstein I.* The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. University of California Press, 2011; The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. University of California Press, 2011; The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s-1840s. University of California Press, 2011; The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. University of California Press, 2011; рус. пер.: *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Тома I–IV. М.: РФСОН, 2016.
- *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1.

Структуры повседневности: возможное и невозможное. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2006; Т. 2. Игры обмена. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2006; Т. 3. Время мира. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2007.

- *Семенов Ю. И.* Философия истории. Части 2 и 4. М.: Современные тетради, 2003. (http://scepsis.net/library/id_1065.html)

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [Электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала: www.interpolitec.su]:

- *Бузгалин А. В.* Классическая политэкономия: путь в университеты // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 8–23.
- Карл Маркс о предмете и методе политической экономии. Составитель и автор предисловия Колганов Андрей Иванович // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 95–104.
- Политическая экономия в 21 веке: предмет и метод (фрагменты учебного пособия «Общая экономическая теория. Вводный курс»). Под редакцией Пороховского Анатолия Александровича // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 105–117.

Тезаурус к главе 3

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — общественные отношения между людьми, возникающие в процессе и по поводу производства их собственной материальной жизни. Содержание производственных отношений является объективным (не зависит от воли и сознания людей), поскольку определяется данным, наличным уровнем развития материальных условий производства, то есть уровнем развития производительных сил человеческого общества.

СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА — ступень развития общественного производства, в основе которой лежит противоречивое взаимодействие производительных сил исторически определенного уровня и характера, и соответствующей им системы производственных отношений.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — качественный скачок во всей системе общественных отношений при переходе от одного способа производства к другому. Когда старые производственные отношения становятся препятствием на пути развития новых производительных сил, происходит социальная революция как неэкономическое вмешательство в экономический строй общества, приводящее к разрушению устаревших производственных отношений и замене их новыми производственными отношениями, создающими возможность для быстрого роста производительных сил общества. На этой основе происходит и революционный переворот в общественной надстройке.

ПРОИЗВОДСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС: общественное производство выступает одновременно и как производство продуктов труда, и как производство самих общественных связей людей, самого человеческого общества (как с точки зрения вещественных, так и с точки зрения социальных условий его жизни) или общественно-определенного человека.

ВЕЩНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ — зависимость, определяемая ролью и местом человека в производстве вещей. Главной формой этой зависимости являются отношения товарного производства и рынок как их поверхностное выражение. Вещная зависимость людей создает условия для быстрого развития производительных сил в погоне за накоплением вещного богатства.

СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ — отчуждение людей друг от друга, от образуемых ими общественных связей, от социальных процессов и явлений. Выражается в противопоставлении людям их общественных связей, как чуждых, враждебных, навязанных им. Наиболее общей причиной отчуждения являются противоречия экономических интересов, особенно связанные с эксплуатацией труда. Это приводит не только к разобщению людей друг от друга, но и к тому, что сама трудовая деятельность, ее результаты и возникающие на основе этой деятельности общественные отношения выступают как навязанные человеку извне, чуждые ему.

Глава 4

Экономика в системе общественных отношений

Структура главы

- Экономический строй и общественный строй
- Классы и классовая борьба
- Государство (политическая и юридическая надстройка)
- Соотношение классового и национального

Основные понятия:

экономический базис общества
политическая и юридическая надстройка
экономический материализм
обратное влияние надстройки на базис
семья и брак как отношения по производству самого человека
классы*
классообразующие признаки
классовая борьба*
идеология*
государство*
бюрократия*
нормы права
политические отношения*
политика*

Углубление отдельных вопросов темы:

✓ Об ограниченности возможностей анализа общественных явлений с помощью дихотомии «базис — надстройка» и неприменимости ее к таким явлениям, как культура, производительные силы и т. п.

➢ **Обращаясь к первоисточникам:**

Ф. Энгельс о классовой борьбе
Ф. Энгельс о государстве

4.1. Экономический строй и общественный строй

Экономический строй общества, образующие его производственные отношения можно охарактеризовать как **экономический базис общества**. Это означает, что все остальные общественные отношения покоятся на этом базисе, т. е. определяются природой господствующей системы производственных отношений. Базис определяет характер **политической и юридической надстройки**. Надстроечный характер политики и права как раз и вытекает из того, что

политические и юридические отношения *в конечном счете* определяются отношениями экономическими.

Следует особо обратить внимание на эти слова — *в конечном счете*. Частое забвение этих слов приводит к вульгарной интерпретации указанных закономерностей, именуемой *«экономическим материализмом»*. Экономический материализм пытается вывести все социальные явления *непосредственно* из экономических отношений, игнорируя относительно самостоятельные закономерности, присущие сферам политики и права (как и всем другим сферам жизни общества), а также сложный, опосредованный многими промежуточными ступенями характер влияния экономического базиса на надстроечные явления.

Кроме того, существует и *обратное влияние надстройки на базис*, которое не является определяющим, но, не меняя содержания производственных отношений, тем не менее, накладывает заметный отпечаток на формы протекания экономических процессов. Таков вообще принцип взаимодействия производственных отношений и всех других общественных отношений.

Об ограниченности возможностей анализа общественных явлений с помощью дихотомии «базис — надстройка» и неприменимости ее к таким явлениям, как культура, производительные силы и т. п.:

Сталинизированный марксизм-ленинизм пытался все общественные явления уложить в прокрустово ложе дихотомии «базис — надстройка», по принципу: все в обществе, что не базис, то — надстройка, и наоборот. Это приводило к схоластическим словопрениям, например, на тему: язык — это базисное или надстроечное явление? Полная безуспешность попыток отнести язык к базису либо к надстройке, привела к тому, что язык возвели в ранг третьей крупной социальной структуры: общество = базис + надстройка + язык. Точно так же невозможно уложить в дихотомию «базис — надстройка» такие явления, как производительные силы общества, культура и т. д. Дело в том, что и язык, и культура есть социальные явления, имеющие исторически более устойчивое и фундаментальное значение, чем меняющиеся общественные отношения по поводу производства. Производительные силы — социальное явление, не представляющее собой *общественного отношения*. Соотношение же «базис — надстройка» характеризует *только иерархию общественных отношений*, покоящихся на исторически определенных способах производства.

В системе общественных отношений, помимо производственных отношений, складывающихся в процессе производства *материальных условий* жизни человека, и определяющих, в конечном счете, характер всех остальных его общественных отношений, есть и отношения, складывающиеся по поводу *производства самого человека*. Эти отношения занимают весьма существенное место в структуре общества, также оказывая заметное влияние на другие общественные отношения. Наиболее известные отношения такого рода, это *семья* и *брак*. Возникновение и исторический характер семьи и брака зависят от наиболее фундаментальных оснований способа производства, от типа экономического строя общества, но и сами составляют одну из его важных характеристик. Ведь именно через семью в значительной мере осуществляется воспроизводство главной производительной силы общества — человека-работника.

4.2. Классы и классовая борьба

Характер производственных отношений и уровень развития производительных сил в рамках экономической общественной формации предопределяют раскол общества на большие социальные группы — *классы* — характеризующиеся различным положением в системе общественного производства.

Классы:

Согласно известному классическому определению В. И. Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[1].

Итак, существование классов и их положение в обществе определяются тем, что крупные группы людей объединены некими общими им социальными свойствами, отличающими их от других крупных групп людей. Эти группы характеризуются: 1) различным местом в системе общественного разделения труда; 2) различным местом в системе производственных отношений (в особенности их отношением к средствам производства и местом, занимаемым в системе эксплуатации); 3) различным местом в системе организации производства; 4) различиями в источниках, формах и размерах получаемого дохода. Все признаки классов (классообразующие признаки) носят исторический, меняющийся с развитием общества характер.

Классы возникают с развитием подчинения человека общественному разделению труда, возникновением частной собственности и формированием отношений эксплуатации. Когда эти условия будут устранены, исчезнут и те различия между людьми, которые носят классовый характер.

Классовая структура обществ, основанных на эксплуататорских способах производства, неизбежно связана с конфликтом экономических интересов различных классов (в первую очередь, с конфликтом эксплуататоров и эксплуатируемых), что является основанием для развития *классовой борьбы*.

Классовая борьба —

действия представителей классов (и больших внутриклассовых или межклассовых социальных групп), направленные на представителей других классов, с целью изменения условий реализации классовых интересов, т. е. экономических, политических, правовых и т. п., условий существования борющихся классов, вплоть до борьбы за государственную власть и использование ее для подрыва условий существования противостоящих классов.

Классовое неравенство, формируясь в экономической сфере жизни общества, пронизывает собой и все остальные его сферы, образуя политическое и юридическое неравенство, неравенство в общественном сознании и т. д. Соответственно, борьба классов пронизывает собой все эти сферы.

➢ Обращаясь к первоисточникам: Ф. Энгельс о классовой борьбе:

«...Всякая историческая борьба, совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»[2].

[1] *Ленин В. И.* Великий почин // *Ленин В. И.* Полн. Собр. соч., т. 39. С. 15

[2] *Энгельс Ф.* Послесловие ко второму изданию «Капитала» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1960, с. 259.

Основные *формы* классовой борьбы — экономическая, политическая, идейная[1].

Враждебные классы находятся в постоянном конфликте из-за своих экономических интересов. Эксплуатируемые классы стараются уменьшить тяжесть труда и увеличить размер получаемого дохода. Эксплуататоры стремятся усилить эксплуатацию трудящихся классов и увеличить свои доходы. Такая экономическая борьба является постоянным спутником обществ, характеризующихся классовым расслоением, на всем протяжении их истории. Рабы и рабовладельцы, крепостные и феодалы, пролетарии и буржуа — все они во взаимной борьбе стремятся изменить условия производства и распределения в свою пользу. Помимо такой повседневной экономической борьбы, враждующие классы могут придти и к стремлению полностью изменить сами экономические условия, определяющие их классовое положение. Но это невозможно без политической борьбы.

Политическая борьба выступает как средство достижения целей, определяемых экономическими причинами. *Политика* поэтому, по известному выражению В. И. Ленина, *выступает как концентрированное выражение экономики*. Обладание политической властью делает возможным применение систематического принуждения против своих классовых противников, позволяет обратить против них правовые нормы. Только обладание политической властью дает возможность всерьез бороться за сохранение либо ниспровержение фундаментальных условий, определяющих данную классовую структуру общества.

Вся история представляет собой деятельность людей, наделенных волей и сознанием. Классовая борьба, как важнейшая составная часть исторического процесса, не исключение. Поэтому от состояния умов, от процессов, происходящих в общественном сознании, от борьбы идей зависит во многом исход политической борьбы. Идейные концепции, которые используются противостоящими классами для обоснования своей борьбы, приобретают в классовом обществе форму идеологии.

Идеология:

Идеология есть не просто отражение социальных, классовых интересов в духовной жизни общества, а выражение подчинения идейной сферы, духовного производства классовым интересам.

Идеология не обязательно выступает как «ложное сознание» (по выражению классиков марксизма). Если речь идет об идеологии классов, интересы которых в данных исторических условиях совпадают с объективным направлением исторического прогресса, то элементы «ложного сознания» (т. е. приспособления истины к классовым интересам) в их идеологии занимают подчиненное место.

Наконец, если речь идет о классовом сознании таких классов и социальных групп, собственные классовые интересы которых выходят за узко классовые пределы, нацеливаясь на ликвидацию классовых различий вообще, то в таком случае идеология вообще может освобождаться от элементов «ложного сознания», и идейное движение таких классов принимает открытый и неискаженный привнесенными соображениями характер. Тем не менее, пока классовая борьба остается фактом, сохраняется опасность, что текущие интересы этой борьбы могут оказывать искажающее влияние на идейные позиции и самых исторически прогрессивных классов.

4.3. Государство (политическая и юридическая надстройка)

Главной формой организации общества и одновременно главным орудием классовой борьбы в обществах, расколотых на антагонистические классы, является **государство**. Государство исторически сменяет общинное и племенное самоуправление (через промежуточные ступени вождества либо военной демократии), отличаясь от него отделением власти от общества, созданием обособленного механизма осущест-

[1] Часто применяется термин «идеологическая», однако, как будет показано ниже, это термин имеет слишком узкое значение.

вления власти независимо от массы членов общества. Такой характер устройства государства определяется его ролью как орудия власти господствующих классов.

Государство —

характеризуется отделением власти от общества, созданием обособленного механизма осуществления власти независимо от массы членов общества. Такой характер устройства государства определяется его ролью как орудия власти господствующих классов.

Государство первоначально возникает как результат присвоения родоплеменной верхушкой ряда функций, вытекающих из экономической и социальной необходимости (организация общественных работ, ирригация, оборона...). Но этот шаг выступает в качестве инструмента ускорения процесса классообразования, а раз общество раскалывается на антагонистические классы, то государство используется господствующим классом для закрепления своего господства.

➢ Обращаясь к первоисточникам: Ф. Энгельс о государстве:

«...Государство, к которому стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин в результате своего развития пришли сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов (например, на Востоке — орошение) и для защиты от внешних врагов, отныне получает в такой же мере и назначение — посредством насилия охранять условия существования и господства правящего класса против класса угнетенного»[1].

Приведенная выше точка зрения Ф. Энгельса о государстве свидетельствует о необоснованности попыток представить классиков марксизма сторонниками теории политогенеза (образования государства) только как *следствия* раскола общества на различные классы.

Государство, однако, выступает не только как комитет по управлению делами господствующих классов, как орудие подавления эксплуатируемого большинства, но и как инструмент регулирования классовой борьбы (и вообще борьбы различных социально-экономических интересов), вводящий эту борьбу (в том числе и со стороны господствующего класса) в определенные рамки и препятствующий ей разрушить общество. Кроме того, государство исполняет ряд общественных функций, проистекающих из экономической необходимости или необходимых для регулирования отношений в классовом обществе.

Государство опирается на слой профессионального чиновничества, верхушка которого в своей эволюции (особенно с периода абсолютизма) все более приобретает черты **бюрократии.**

Бюрократия —

устойчивый, относительно замкнутый профессиональный слой высших государственных служащих со своими особыми интересами, которые относительно обособляются даже от интересов господствующего класса, которому служит эта бюрократия.

В государстве нормы поведения людей, ранее регулировавшиеся обычаями и традицией, приобретают форму норм **права** — таких норм, которые имеют по большей части формализованный (закрепленный в законах) характер и принудительно осуществляются аппаратом государства. Как государство есть орудие классового принуждения, так и право есть возведенная в закон воля господствующего класса.

В своем историческом развитии государство принимает различные формы, различающиеся способом формирования государственного аппарата. Две основные такие формы — *монархия* и *республика*. **Монархия** основана на единоличном (как правило, наследственном, реже — выборном) правлении. **Республика** основывается на различных формах участия граждан в формировании государственного аппарата. Республиканские формы правления могут колебаться от *олигархических* до *демократических*.

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 152.

Демократическая республика, формально предоставляя гражданам право на определение состава — обычно через процедуру выборов — некоторых (далеко не всех!) органов государственной власти, остается инструментом власти господствующего общественного класса. Занимая в обществе доминирующее экономическое и социальное положение, этот класс способен использовать демократические процедуры для формирования послушного ему государственного аппарата. *Если же в силу остроты классовых противоречий демократические формы правления оборачиваются против интересов господствующего класса, он всегда идет на уничтожение демократии.*

Отношения, возникающие по поводу государственной власти, называются политическими отношениями, а деятельность, связанная с борьбой за использование государственной власти — **политикой**.

Политические отношения —

отношения, возникающие по поводу государственной власти.

Политика —

деятельность, связанная с борьбой за использование государственной власти.

С самого возникновения государства его существование сопровождается политической борьбой. Для целей политической борьбы создаются массовые организации, называемые политическими партиями. Деление на политические партии вовсе не обязательно совпадает с классовым делением, хотя в основе политической борьбы и лежат классовые противоречия. Наличие внутриклассовых различий и противоречий может приводить к выделению одним классом нескольких политических партий. Степень осознания классами своих интересов и степень выражения этих интересов в политических программах может быть различна. Разные классы могут иметь некоторые общие политические интересы. Поэтому политические партии могут иметь весьма пестрый классовый состав.

Государство, как общественный институт, развивается исторически. При этом формы государственного устройства, охарактеризованные выше, меняются в зависимости от изменений социально-экономических основ государственного строя. Поэтому типы государств различаются не только формами государственного строя, но и характером влияния социально-экономических процессов на государственный строй.

Так, позднее Средневековье в Европе характеризуется переходом от династического государства к национальному государству. Первое основывалось на системе феодальных отношений сюзеренитета-вассалитета, в которой династические отношения монархов выступали как своеобразная форма отношений феодального сюзеренитета на самой вершине господствующей элиты. Экономической основой такого государства была система отношений феодального землевладения, основанного на наследственных земельных пожалованиях и системе феодального иммунитета.

Вместе с формированием единого национального рынка, означавшего новый уровень экономических и социальных связей населения внутри границ государственных образований, происходило формирование нового уровня общности людей: наций и национального языка. Тем самым и государства приобретали характер национальных государств. Национализм (т. е. защита интересов национального государства) становится идеологией растущей буржуазии (как мелкой, так и крупной), заинтересованной в укреплении национального рынка и в его защите со стороны государственной власти.

Однако первоначально национальное государство, как и династическое, оставалось сословно-монархическим, что означало консервацию привилегий дворянской элиты и мешало последовательной реализации тенденций национального государства. Эта реализация становится возможной с буржуазными революциями, опрокидывающими сословно-монархические принципы. Недаром патриотизм был одним из знамен буржуазной революции.

Своеобразным промежуточным вариантом между династическим и национальным государством были имперские государства XVIII – начала XX веков (Австро-Венгерская, Российская, и отчасти Британская империи). Как в метрополиях, так и в провинциях этих многонациональных империй происходило формирование национальных рынков, наций, а вместе с этим — и предпосылок национальных государств, что, в конце концов, привело к распаду этих империй. Если поначалу крупное имперское государство играло во многом покровительственную роль по отношению к социально-экономическому развитию национальных провинций, то затем, когда провинции получили основания претендовать на бóльшую самостоятельность, империя превращалась в тормоз этого развития и закономерно рушилась.

4.4. Соотношение классового и национального

Как было отмечено выше, нации, национальные государства, а вместе с этим — и национальные интересы, являются продуктом сравнительно позднего исторического развития. Самой первичной исторической общностью людей является род. Объединение нескольких родов дает племя. Возникновение у племен государственности становится основой формирования народностей. И лишь затем приходит черед наций...

Довольно сложным для марксизма — не в общетеоретической формулировке, а для определенных конкретно-исторических условий, — является решение вопроса о соотношении классового и национального.

Марксизм не отвергает защиту национальных интересов. Но не с позиций национализма, который прячет за якобы «общенациональным» интересом интересы господствующих классов, в лучшем случае выражающих прогрессивную тенденцию общественного развития (в период образования национальных государств, в ходе буржуазных революций и национально-освободительных движений). Защищая национальные интересы, необходимо ясно видеть под именем «общенационального» конкретные позиции конкретных классов, что фактически означает, что у каждого класса есть свое видение «общенационального» интереса. И эти различные позиции нередко вступают в конфликт, обнажая фальшь тезиса о единстве нации.

Тем не менее, наличие наций и национальных государств в классовом обществе означает наличие конфликта национально-государственных интересов. И хотя такой конфликт может быть синонимом конфликта господствующих классов разных наций, вполне могут возникать такие ситуации, когда для трудящихся классов защита национальных интересов (хотя бы и формулируемых господствующими классами) совпадает с их собственными интересами. Однако ситуация может складываться и прямо противоположным образом, вынуждая трудящиеся классы выступать против «своего» национального государства. Но такое положение вещей возможно лишь как исключение — оно, как правило, возникает тогда, когда налицо революционная ситуация и трудящиеся классы готовы бросить вызов государственной власти.

Признавая процесс формирования национальных государств прогрессивным историческим явлением, марксисты в свое время выдвинули известный принцип признания «права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования собственного государства». Но было бы грубой ошибкой превращать этот лозунг в универсальную абстрактную истину.

Во-первых, *признание права* на отделение *не значит*, что марксисты являются *сторонниками* отделения. «Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения»[1] — подчеркивал В. И. Ленин, разъясняя свое понимание этого лозунга. Для марксистов союз пролетариев различных наций является предпочтительным, и лишь в случае, когда совместное бытие народов в одном государстве порождает столь глубокие меж-

[1] *Ленин В. И.* Письмо С. Г. Шаумяну. 13 декабря 1913 // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

национальные конфликты, что они разрушают единство пролетариев разных наций, отделение становится более приемлемым выходом.

Во-вторых, интересы классовой борьбы пролетариата и социалистической революции марксисты ставят выше национальных интересов. И если борьба за самоопределение какой-либо нации наносит ущерб делу социального освобождения пролетариата, то с марксистской точки зрения национальная борьба в таком случае приобретает реакционное содержание.

В-третьих, право наций на самоопределение — это не поддержка сепаратизма любой этнической или квазиэтнической группы. Лозунг государственного отделения касается только сформировавшихся или формирующихся наций и национальных групп.

Можно заметить в заключение, что сложность решения вопроса о соотношении классовых и национальных интересов заключается в том, что «национальные интересы» представляют собой сложный сплав различных культурных, классовых, политических, идеологических, конфессиональных, региональных и т. д., противоречий. Понять результирующий характер взаимодействия этих многообразных элементов, к тому же прихотливо преломляющихся в общественном и индивидуальном сознании, и соотнести его с классовыми интересами в данной, конкретно-исторической обстановке — естественно, крайне непростая задача.

Вопросы для самопроверки

4.1. Каков характер прямого и обратного взаимного влияния экономического строя общества и его общественного строя?
4.2. По каким основаниям общество делится на различные классы?
4.3. Почему раскол общества на классы приводит к превращению уже существующего государства в орудие господствующего класса?
4.4. Каково соотношение классовых и так называемых правомерных функций государства?
4.5. Как формируется общественное сознание в классовом обществе?
4.6. Что такое классовая борьба, и какова ее роль в историческом развитии?
4.7. Каково соотношение экономической, политической и идейной составляющей в классовой борьбе?
4.8. На какие факторы следует обращать внимание при конкретно-историческом решении вопроса о соотношении классового и национального?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3.
- *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3.
- *Маркс К.* К критике Гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1.
- *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Отдел первый. Главы IX–XI; Отдел второй. Главы I-IV // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20.
- *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.
- *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22.
- *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства// *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22.

Накануне и в начале 1-й мировой войны Ленин написал две крупных работы специально по национальному вопросу:

- *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24.
- *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25.

О возможностях господствующих классов манипулировать сознанием масс:

- *Лимнатис Н.* Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. М.: Экономическая демократия, 2000.

Работа Троцкого, где разъясняется классовая природа морали и раскрывается диалектика моральной оценки политических целей и средств:

- *Троцкий Л. Д.* Их мораль и наша. http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotckii/moral1.htm

Тезаурус к главе 4

КЛАССЫ: согласно известному классическому определению В. И. Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [*Ленин В. И.* Великий почин // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39. С. 15].

КЛАССОВАЯ БОРЬБА — действия представителей классов (и больших внутриклассовых или межклассовых социальных групп), направленные на представителей других классов, с целью изменения условий реализации классовых интересов, т. е. экономических, политических, правовых и т. п., условий существования борющихся классов, вплоть до борьбы за государственную власть и использование ее для подрыва условий существования противостоящих классов.

ИДЕОЛОГИЯ: Идеология есть не просто отражение социальных, классовых интересов в духовной жизни общества, а выражение подчинения идейной сферы, духовного производства классовым интересам.

ГОСУДАРСТВО — характеризуется отделением власти от общества, созданием обособленного механизма осуществления власти независимо от массы членов общества. Такой характер устройства государства определяется его ролью как орудия власти господствующих классов.

БЮРОКРАТИЯ — устойчивый, относительно замкнутый профессиональный слой высших государственных служащих со своими особыми интересами, которые относительно обособляются даже от интересов господствующего класса, которому служит эта бюрократия.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — отношения, возникающие по поводу государственной власти.

ПОЛИТИКА — деятельность, связанная с борьбой за использование государственной власти.

Часть 2

Экономика до капитала: добуржуазные способы производства

Глава 5

Архаическая (предэкономическая) формация. Первобытный способ производства

Структура главы

- Первобытная община и формирование более широких общностей людей
- Разложение первобытной общины

Основные понятия:

род*
община*
племя*
дарообмен
прибавочный продукт*
семья
брак*
патриархат
эксплуатация*
частная собственность
общая (общинная) собственность
патриархальное рабство*
предгосударственный строй (вождество)
военная демократия
города
раннеклассовое общество

Архаическая формация объемлет собой один способ производства — первобытнообщинный. Для архаической формации характерна незавершенность процесса возникновения ряда общественных отношений людей, нерасчлененность (синкретизм) некоторых из них, сохранение значительной (а подчас и определяющей) зависимости развития человеческого общества не от общественных, а от природных факторов.

Лишь постепенно в течение этой формации создаются предпосылки приобретения собственно экономическими отношениями своего определяющего общественное развитие характера. Поэтому данная формация может именоваться также **предэкономической**.

Таким образом, архаическая формация есть историческая эпоха становления человеческого общества как такового, и для нее присуща незавершенность становления или непроявленность многих законов общественного развития, свойственных более зрелым стадиям.

5.1. Первобытная община и формирование более широких общностей людей

Реконструкция происхождения человеческого общества представляется крайне сложным делом. До сих пор нет достаточно убедительной теоретической концепции, которая объясняла бы причины и механизм качественного скачка от животного состояния предковых форм человека к человеку, как социальному существу, обладающему способностью к труду, речью и сознанием. Однако в любом случае не является научной попытка избегнуть этой сложности, проводя прямую и непосредственную связь между сложными условными рефлексами животных и человеческим мышлением, орудийной деятельностью животных и человеческим трудом, дистантными звуковыми сигналами животных и человеческой речью. Иными словами, объяснение происхождения человека путем постепенного развития и усложнения имеющихся в животном мире предпосылок человеческих свойств, является несостоятельным, ибо уходит от вопроса о качественной границе между человеком и животным, переход которой, собственно, и следует объяснить.

Недостаточно изученным является и вопрос о естественных предпосылках перехода от животного к человеку. Одной из таких предпосылок является переход к прямохождению, создавший возможность развития манипулятивных функций человеческой руки. Однако другие вопросы, связанные с особенностями образа жизни и поведения предковых форм человека, которые создали условия для этого качественного скачка, являются предметом дискуссии в силу недостаточности доказательной базы различных гипотез.

Немалые сложности представляет и понимание экономического строя первобытного общества, что связано не только с удаленностью этого общества от нас в историческом времени. Первобытное общество находилось на заре формирования социального бытия человечества, и *свойственные ему производственные отношения не выделились еще окончательно из других общественных отношений, образовывали с ними неразрывное (синкретическое) единство.* Сами производственные отношения также были совершенно не дифференцированы, а некоторые из них вообще еще не сложились (например, отношения собственности). Другой особенностью первобытного способа производства была высокая степень зависимости человека и складывающихся социальных структур от естественной среды обитания.

В силу этих обстоятельств процесс производства и производственные отношения находились под значительным и трудно различаемым влиянием различных нехозяйственных социальных факторов и мотивов деятельности человека, равно как и под влиянием природных условий, в которых жил первобытный человек. Во всяком случае, от этих последних в решающей степени зависел характер производственной специализации тех локальных социальных общностей (первобытных общин), в которые объединялись люди, а во многом — и перспективы добычи достаточных средств существования и самого выживания людей.

Основными социальными общностями в первобытную эпоху были **община, род и племя.**

Род — союз кровных родственников, ведущих происхождение по одной линии (сначала родство считалось по материнской линии, позднее — по отцовской).

Община — естественно возникший коллектив охотников и собирателей, позднее — сельскохозяйственных производителей. Первобытная родовая община характеризовалась общностью происхождения (родством) и общностью занимаемой хозяйственной территории. Община могла совпадать с **родом** или быть продуктом его территориального дробления.

Племя — объединение нескольких родов. Первоначальной ячейкой племени был союз двух родов, члены которых были связаны взаимными брачными узами, а затем и общим культом и общими органами самоуправления. Такой союз именуется также **фратрией**.

Итак, само слово **община** свидетельствует о тесной общности объединенных в ней людей. Это был не сознательно сформированный союз. Люди, имевшие общность происхождения (кровное родство), держались вместе и совместно присваивали хозяйственные ресурсы какой-либо территории. Община могла совпадать с **родом**, а могла быть результатом дробления рода на несколько общин в силу сложности освоения хозяйственной территории группой большой численности (например, если территория вблизи поселения общины уже не могла удовлетворить ее потребности, часть рода могла отделиться и образовать самостоятельную общину на другой территории). В более поздний период, когда кровнородственные связи несколько утратили свое первоначальное значение, община могла складываться из людей, принадлежащих к нескольким разным родам. **Племя** было менее тесной, чем община или род, но более крупной социальной общностью первобытных людей. Племя обычно характеризовалось значительной территориальной разбросанностью.

Хотя *ведущим* мотивом совместного существования людей в общине, роде и племени был мотив обеспечения совместного производства средств существования, принципом их объединения была *не хозяйственная, а кровнородственная связь.*

Личные связи людей внутри общины были менее прочными по сравнению с тем, что объединяло их в саму общину. Институт семьи на стадии родовой общины еще не сформировался. Брак первоначало был довольно неустойчивым социальным институтом и играл, во всяком случае, меньшую роль, нежели кровнородственные связи.

Ближайшие кровные родственники (братья, сестры) долгое время считались более близкими людьми, нежели супруги, и даже дети и родители. Этому состоянию общественных связей соответствовало определение родства по материнской линии. Род, соответственно, первоначально был организован как *материнский род.*

Поскольку уровень производства средств существования в первобытном обществе был *крайне низким*, и, кроме того, носил весьма неустойчивый характер, *отдельный человек вообще не мог бы выжить без объединения с другими людьми.* В советском «марксизме-ленинизме» получило широкое распространение представление, что объединение людей в первобытной общине основывалось на коллективном характере их труда. Однако современные данные науки свидетельствуют о том, что труд первобытного человека носил в основном индивидуальный или мелкогрупповой характер, и лишь в некоторых случаях выступал как коллективно-организованный труд (загонная охота, коллективное рыболовство, расчистка участков для земледелия).

Гораздо более серьезная хозяйственная основа объединения людей в первобытную общину лежала в том, что отдельный человек не мог гарантированно произвести объем жизненных средств, необходимых для его выживания. Лишь объединенный продукт производства всей общины мог в какой-то степени дать такую гарантию. *Случайности индивидуальной добычи средств существования погашались в совокупном продукте общины.* Кроме того, суммирование индивидуальной добычи, полученной путем охоты и собирательства, позволяло создавать запасы, необходимые для выживания в неблагоприятные сезоны.

Что же касается земли (территории) как главного средства производства в первобытную эпоху — это было и пространство для собирательства, и охотничьи и рыбо-

ловные угодья, и участки для земледелия, и пастбища, и месторождения гончарной глины и пригодного для обработки камня — то между членами общины вообще не возникало никаких отношений собственности по поводу нее. Эти отношения касались лишь внешнего мира, других, соседствующих общин, родов и племен. *Община рассматривала территорию своего проживания как естественный придаток к себе самой, как продолжение ее природного коллективного тела.* Межобщинные конфликты по поводу определения границ занимаемых ими территорий были единственным видом чисто хозяйственных конфликтов в тот период.

Впрочем, отнести этот конфликт к сфере социальных противоречий можно лишь с определенной долей условности. Объективно он был таковым, но довольно долгое время субъективно не осознавался подобным образом. *Люди за пределами своего рода вообще не признавались подобными себе самим существами.* Убийство сородича рассматривалось как тягчайшее преступление и встречалось крайне редко. Убийство чужака, напротив, считалось при некоторых условиях даже похвальным.

Лишь постепенно между соседствующими общинами устанавливались хотя бы эпизодические экономические контакты, и возникало некоторое переплетение кровнородственных связей. Этому соответствовало появление обычая **экзогамии** (т. е. запрета брачных отношений внутри данного рода[1]) в противоположность ранее существовавшей **эндогамии** (т. е. брачных отношений внутри кровнородственного коллектива)[2]. В результате члены общины переходили из одного рода в другой (муж переходил из своего рода в род жены — уксорилокальное[3] семейное поселение, или, позднее, наоборот, жена переходила в род мужа — вирилокальное[4] семейное поселение, либо жена и муж жили раздельно, каждый в своей родовой общине — дислокальное семейное поселение как переходная форма между упомянутыми двумя), что создавало основу для развития личных контактов между различными родами. На этой основе формировалась культурно-языковая общность соседствующих родов.

Таким образом, создавались предпосылки для сближения родов сначала во **фратрии**[5] (объединения небольшого числа родов, первоначально двух, связанных брачными обменами, периодическими военными союзами и т. д.), а затем и объединения их в **племена** (объединения родов и фратрий по признаку культурно-языковой общности). Первобытные люди постепенно начинали признавать не только в сородичах, но и в соплеменниках таких же людей (хотя долгое время и это признание оставалось далеко не полным). Люди же за пределами племени по прежнему не рассматривались как такие же существа (чему соответствовало и наличие обычая эндогамии, но уже внутри племени — союза взаимнобрачных экзогамных родов).

Следует заметить, что *языковая общность существовала исторически существенно раньше племенной*, что позволяет не отбрасывать гипотезу, согласно которой рода и общины, пользующиеся схожими диалектами, образовались в результате дивергенции некогда единых архаических сообществ. Причиной такой дивергенции мог быть (в числе других, пока до конца не ясных

[1] Точные причины появления этого обычая наукой не установлены. Наиболее вероятным объяснением считается нарастание запретов на половые контакты внутри общины (рода) для того, чтобы избегнуть внутриобщинных конфликтов на этой почве. Другое объяснение (которое может дополнять первое) — отбор в качестве более успешных тех общин, которые практиковали экзогамию и тем самым избегали генетических отклонений, связанных с близкородственными браками.

[2] Первоначальная эндогамия не существовала как определенный обычай, а была стихийно сложившейся ситуацией, характерной для первобытного стада предковых форм человека. В период разложения первобытного строя у некоторых народов (как правило, малочисленных) происходит временное возрождение эндогамии внутри общин как средства закрепления имущественных прав и сохранения накопленного имущества внутри рода.

[3] От латинского *uxor* — жена.

[4] От латинского *vir* — муж.

[5] Такова распространенная трактовка. Однако существуют данные, позволяющие утверждать, что фратрия существовала еще до оформления собственно родовой организации.

факторов) простой рост населения, дробление первоначальной общины и расселение отделившихся от нее групп людей по соседству, на незанятых территориях (в условиях существовавшей незначительной плотности населения и огромного массива свободных земель).

Характер внутриобщинных отношений, хотя и включал существенный элемент равенства по отношению к производимому в рамках общины продукту, не означал полного социального равенства в общине. Те элементы неравенства, которые существовали, основывались главным образом на естественных факторах — на половозрастных различиях, которые определяли неравные возможности членов общины участвовать в добыче средств к существованию и защите своей территории от других общин. Внутри же половозрастных групп в социально-экономическом отношении господствовало полное равенство.

Это равенство определяло и характер социальной организации общины. В решении общинных дел участвовало все взрослое население общины — как мужчины, так и женщины. *Организация жизни общины строилась на началах* **самоуправления**. В руководстве общиной формальное лидерство совпадало с неформальным. Вожди были выборными и сменяемыми в любой момент (выражение «обломать рога» имело тогда *буквальный* смысл — лишить вождя символов его власти). Кроме вождей, власть в общине принадлежала старейшинам, выдвигавшимся по принципу меритократии (на основе личных заслуг и жизненного опыта). Особое положение в общине занимал жрец (маг, колдун, шаман...). Его авторитет был достаточно высок, но в тоже время находился в сильной зависимости от удач или неудач в общинных делах, которые, соответственно, приписывались удачному или неудачному общению жреца с потусторонними силами.

Отношения собственности в первобытной общине находились в стадии возникновения. Касательно основного средства производства — территории с ее природными ресурсами — никаких отношений собственности не существовало. *Поскольку земля рассматривалась как естественное продолжение самой общины, то зачатки отношений собственности возникали только там, где сталкивались претензии на территорию со стороны различных общин, и появлялась необходимость в разграничении территории.*

Что же касается орудий труда и произведенного продукта, то здесь господствовала общая (групповая) собственность членов общины. Однако следует сразу предостеречь от перенесения на первобытную общину современных представлений об общей собственности. *Ни орудия труда, ни произведенный продукт, как правило, не составляли в общине единого фонда, которым бы распоряжались вожди или старейшины, или собрание общины.* Ошибочным является также выведение общей собственности в первобытной общине из коллективного характера труда (хотя такой подход и был общепринятым у большинства обществоведов советского периода).

Структура отношений общей собственности в первобытной общине была непривычной для современного понимания. Хотя коллективные трудовые процессы были достаточно характерны для общины (например, загонная охота), большая часть деятельности в сфере собирательства, охоты (рыболовства), изготовления орудий труда покоилась на индивидуальном или мелкогрупповом труде. Соответственно орудия труда находились в *индивидуальном* пользовании (за небольшим исключением — например, большие лодки для морского рыболовства), а продукты охоты, рыболовства, собирательства *чаще всего не составляли* общего фонда. Однако *в отношении орудий труда действовал обычай свободного заимствования временно свободных орудий у любого члена общины.* Существовал также обычай взаимопомощи при изготовлении сложных трудоемких изделий (например, жилищ или больших лодок).

Продукты труда, будучи индивидуальной добычей, далее перераспределялись между членами общины. *Обычаи, регулирующие такое перераспределение, базировались на передаче относительных излишков, временно возникавших у наиболее удачливых*

охотников или собирателей, тем членам общины, которые испытывали относительный недостаток. При этом распределение было основано на принципе *равнообеспеченности* (а не примитивной уравнительности). Это означало учет половозрастных различий в потребностях в пище, а также приоритет тех половозрастных групп, от которых зависела добыча средств к существованию и тем самым выживание общины. Позднее сформировались обычаи, согласно которым удачливые добытчики имели право на фиксированную долю своей добычи, а остальные — лишь на излишек сверх этого, что обеспечивало заинтересованность в продуктивности охоты и собирательства. Часть относительных (временных, случайных) излишков пополняла общинные запасы. Механизм перераспределения излишков мог состоять в непосредственной передаче продуктов нуждающимся (что позднее приняло пережиточную форму прямого **дарообмена**). Мог существовать и обычай временного формирования *общего фонда*, который затем подвергался разделу (чаще всего в случае скудности совокупной добычи).

Таким образом, в общине действовали отношения *уравнительно-равнообеспечивающего перераспределения* продукта. Эта уравнительность покоилась на факте негарантированности индивидуальной добычи средств существования, необходимых для выживания. Поэтому *выживание общины в целом требовало сглаживания индивидуальных различий в уровне добываемых средств существования, а также образования общинных запасов, чтобы обеспечить сглаживание сезонных колебаний добычи.* Но даже этот механизм не давал достаточных гарантий — нередки были случаи вымирания от голода целых родов. Однако без уравнительности выживание общины вообще было бы сомнительным.

Потребности выживания родовой общины с течением времени подталкивали к ее укрупнению. Укреплялись контакты с соседствующими общинами, между ними устанавливались кровнородственные связи (в связи с формированием обычая *экзогамии*, что также помогало избегать отрицательных последствий близкородственных браков внутри одного рода). Формировались более крупные социальные общности, включающие несколько родов. В результате *община постепенно фактически утрачивала свой узкородовой характер* (хотя формально он сохранялся незыблемым), поскольку через браки ее состав пополнялся членами соседствующих родов. В дальнейшем, как было сказано, это вело к формированию племенной организации, состоящей из нескольких групп соседствующих родов, располагавшихся в нескольких поселениях или стойбищах.

Переход от изолированного рода к племенам создавал лучшие предпосылки для более глубокого разделения труда и перехода к т. н. производящему хозяйству (скотоводству и земледелию). Этот переход требовал отвлечения части рабочего времени членов общины от непосредственной добычи средств к существованию. Ведь скотоводство, и в еще большей степени — земледелие, не дают *немедленного* полезного эффекта. Поэтому переход к скотоводству и земледелию предполагает накопление страховых запасов, позволяющих поддерживать потребление продовольствия за пределами сезонов урожая или забоя скота. В более крупных общностях — племенах — как отвлечение части времени от охоты и собирательства, так и накопление страховых запасов было значительно легче обеспечить в таких размерах, которые сводили риски к минимуму.

5.2. Разложение первобытной общины

Вместе с развитием производящего хозяйства происходит развитие индивидуального характера труда, возникает производство **прибавочного продукта**. Эти изменения выступают предпосылками возникновения **частной собственности** и **семьи**.

Производство **прибавочного продукта** — *т. е. продукта, выходящего за рамки необходимого для текущего потребления* — позволяет увеличить степень гарантированности как общинного, так и индивидуального существования. Систематическое производ-

ство прибавочного продукта и создание на этой основе запасов делает ненужным постоянное уравнительное перераспределение средств существования. Однако при доиндустриальном производстве уровень развития производительных сил еще не может обеспечить *полностью гарантированного* производства достаточного объема продуктов для текущего потребления и страховых запасов, так что те или иные случайные или чрезвычайные обстоятельства могут потребовать применения механизма перераспределения для выживания членов общины. Поэтому как сама община, так и *обычаи взаимопомощи в общине* (которая продолжает существовать теперь уже внутри племенной организации) в особо сложных случаях — неурожай, падеж скота, пожар, строительство дома и т. п. — *сохраняются еще на протяжении нескольких исторических эпох, а кое-где и вплоть до настоящего времени* (хотя бы в форме пережитков).

Прибавочный продукт —

продукт, выходящий за рамки необходимого для текущего потребления.

Длительное время производство прибавочного продукта сочеталось с сохранением обычая дарообмена в форме расточительного потребления. Главы семей, производивших значительные излишки, по меньшей мере часть из них расточали среди своих соседей по общине — например, в форме массовых угощений, во время празднеств и т. п. То же самое могли делать и представители общинной верхушки, используя для этой цели находящиеся в их распоряжении общинные запасы. Это вело к укреплению их престижа в общине. Таким образом, общий фонд стал средством укрепления личного престижа, хотя еще и не объектом частного присвоения (поскольку распределялся среди всех членов общины). Данный обычай в пережиточной форме сохранялся и в классовом обществе (например, раздача «хлеба и зрелищ» в Древнем Риме).

Индивидуальное или мелкогрупповое производство прибавочного продукта приводит к формированию новой устойчивой социальной общности, в рамках которой осуществляется присвоение и накопление производимого продукта. *Это* ***семья*** *— общность, основанная на* ***браке,*** *кровнородственной связи ближайших родичей (в первую очередь родителей и детей) и их совместной хозяйственной деятельности. Семья становится первичной хозяйственной ячейкой общества.*

Ранее **брак** — *социально закрепленный союз лиц противоположного пола* — не приводил к созданию устойчивой воспроизводимой социальной общности, имеющей хозяйственное значение. Господствовавшая форма парного брака могла вести к образованию достаточно устойчивого союза. Однако существовали реальные возможности расторжения такого союза, значительная добрачная и брачная половая свобода (обычаи добавочных мужей, охотничьих девушек и т. п.), а сам союз не создавал постоянной особой устойчивой связи между родителями и детьми, равно как и не создавал оснований для присвоения сколько-нибудь значимой собственности. Родство при этом считалось только по материнской линии, что представлялось и естественным, и единственно достоверным.

Брак —

социально закрепленный союз лиц противоположного пола.

По выходе детей из младенчества их дальнейшее воспитание становилось в значительной мере общинной функцией. Кровнородственные отношения с детьми сестры или брата считались не менее (а по отношению к отцу — и более) значимыми, чем кровнородственные узы с собственными детьми. С достижением детьми совершеннолетия и вступления в брак (и, соответственно, при переходе в род мужа или жены) значительно большее значение приобретала их принадлежность к роду в целом, нежели узы с родителями.

Производство прибавочного продукта и возможность его индивидуального накопления создают заинтересованность в создании более прочной формы брачного союза.

Возникает ***моногамный брак****, а затем, на его основе, —* ***патриархальная*** *(в буквальном смысле — основанная на власти отца)* ***семья.*** Моногамный брак предполагал исключительное право супругов на обладание друг другом, что создавало возможность использовать счет родства по отцовской линии. Накопление брачной парой прибавочного продукта создавало экономическую основу зависимости детей от родителей, а непрерывность процесса накопления обеспечивалась возникновением института **наследования**.

Первоначально патриархальная семья, основанная на моногамном браке, не имела формы моногамной семьи, а формировалась в виде т. н. **большой семьи** *— брачной пары с детьми, включая взрослых детей с образованными ими брачными парами и с их собственными детьми.* Такие семьи достигали размеров нескольких десятков человек, нередко превышая сотню. Выделение брачной пары в самостоятельную семью происходило достаточно поздно, так как темп накопления необходимых для этого хозяйственных ресурсов (для создания самостоятельного семейного хозяйства с достаточным числом рабочих рук, с собственным домом, земельным участком, скотом, инвентарем и т. д.) был довольно медленным, а без этого самостоятельное хозяйствование семейной пары не могло быть успешным.

Переход к патриархальной семье *происходил одновременно с развитием* ***патриархата (патриархальной общины)****, в противоположность существовавшему ранее примерному равноправию полов* (современные палеоэтнографические исследования в общем отвергают представления о ***матриархате*** как об обязательной стадии, предшествовавшей патриархату[1]). Патриархальная община выступает как форма разложения родовой общины и перехода к *соседской* общине, сформированной из группы *больших семей*. Но почему же переход к моногамному браку привел к господству мужчины и формированию именно патриархальной формы семьи? *Дело здесь не столько в моногамии, сколько в том, что переход к ней совпал с изменением условий хозяйственной деятельности.*

Во-первых, пастушеские и земледельческие функции были по преимуществу мужскими, на основе половозрастного разделения труда.

Если, например, огородничеством и мотыжным земледелием могла заниматься и женщина (чаще всего так оно и было), то ирригационные работы или подсечно-огневое земледелие требовали применения тяжелого физического труда мужчин. Пахотное земледелие было связано с применением рабочего скота, что так же, как и скотоводство, являлось мужской функцией. Кочевое или отгонное скотоводство были связаны со значительным удалением от поселений или стойбищ, являясь опасным занятием, нередко требовавшим вооруженной защиты стад от хищников или грабителей. В ряде регионов Земли ведущая роль в земледелии (главным образом там, где оно сводилось к работе на небольших придомовых участках) длительное время принадлежала женщинам, и именно в этих регионах до сих пор сохранился родовой строй или серьезные его пережитки, как и пережитки матриархата.

Доминирование мужчин в скотоводстве и земледелии, соответственно, передавало им в руки распоряжение продуктами этих отраслей. Переход к преимущественно семейному характеру производства, присвоения и распределения средств существования давал в руки мужчине экономическую власть над членами семьи.

Во-вторых, *моногамный характер брака, дававший возможность счета родства по отцовской линии, обеспечивал и наследование по отцовской линии.* Если первоначально сохранялись некоторые элементы равноправия в наследственных правах сыновей и дочерей, а также братьев, сестер и племянников, то закрепление патриархальной формы семьи вело к передаче основной части наследного имущества от отца к сыну, что дополнительно поддерживало патриархальный характер семьи.

[1] Матриархат возникает исторически одновременно с патриархатом. Матриархальные общины возникают главным образом там, где ведется мотыжное земледелие, основанное на женском труде, и женщина сохраняет, таким образом, доминирующее хозяйственное положение в общине.

Переходу к патриархальной семье и патриархальной общине соответствует переход от родовой к ***соседской общине.*** Племенная организация общества, объединявшая несколько родов, вела к тому, что далеко не все люди в одном поселении могли быть связаны кровным родством. Кроме того, *развитие частного (семейного) характера труда и присвоения произведенного продукта вело к формированию элементов* **частной собственности** как на продукты и орудия труда, так и на основное средство производства — землю — сначала в виде формирования на общинной земле семейных наделов и **частного пользования** этими наделами. *Одновременно с возникновением частной собственности формируется и институт* **общей (общинной) собственности.** Вся территория, которой пользуется община, за возможным исключением семейных наделов, рассматривается как общая собственность членов общины. Да и над семейными наделами сохраняется верховный суверенитет общины (существовал ли в древности обычай регулярного передела семейных наделов — вопрос спорный). Надел мог получить лишь тот, кто признавался равноправным членом общины. Однако дома и придомовые участки, хозяйственные постройки, домашний скот, инвентарь, и, главное, производимый продукт (за некоторыми вычетами, диктуемыми обычаем) — уже рассматриваются как объект не общинного, а семейного владения.

В такой общине кровное родство имеет уже значительно меньшее хозяйственное значение (хотя существенные пережитки обычаев взаимопомощи, особенно родственной, долго сохраняются). *Патриархальные семьи теперь уже не столько сородичи, сколько соседи.* Общинное самоуправление сохраняется, но постепенно мужчины почти полностью оттесняют женщин от участия в общинных делах, оставляя за ними лишь кое-какие функции, связанные со специфически женской обрядностью (исполнение обрядов инициации девочек, участие в свадебных церемониях и т. п.). Этот период борьбы мужчин и женщин за общинную гегемонию связан в истории с формированием тайных мужских и женских обществ, служивших инструментами такой борьбы. Если угодно, здесь можно увидеть зачатки политических отношений.

Одновременно с этими процессами происходит *выделение человеческой личности из однородной массы членов общины, преодоление безусловной власти общинной традиции над человеческой индивидуальностью.* Это преодоление носит как позитивный (развитие индивидуальной предприимчивости, личностного своеобразия), так и негативный (непризнание прав личности за женой и детьми в патриархальной семье, дальнейшая борьба за утверждение отношений господства и подчинения) характер.

Систематическое производство прибавочного продукта влечет за собой еще два важных следствия — ***эксплуатацию*** *и грабительские войны.*

Переход к систематическому производству прибавочного продукта делает возможным осуществлять **эксплуатацию.**

Эксплуатация — принуждение одного человека другим к труду с тем, чтобы присвоить производимый им прибавочный продукт, оставив лишь необходимые средства существования.

Такому принуждению подвергались бесправные лица — пленные, захваченные в столкновениях с чужими общинами (племенами), или изгои (лица, изгнанные из своей общины, либо лишившиеся общины).

Ранее подобные люди, строго говоря, просто не признавались людьми. Поэтому их либо убивали, либо принимали в члены общины (точнее, в члены конкретного рода), что придавало им статус кровного родственника, т. е. человека. Теперь же таких людей превращали *в неполноправных членов патриархальных семей* — в **рабов** (отсюда термин — **патриархальное рабство**).

Патриархальное рабство — превращение людей (пленных или изгоев) в неполноправных членов патриархальных семей — в *рабов.*

На рабов в патриархальной семье возлагались работы, отвлекавшие хозяев от производительного труда — например, ведение домашнего хозяйства, переноска тяжестей (особенно в местностях, где не было одомашненного тяглового скота — например, в Центральной Америке), земляные работы в строительстве или ирригации. Таким образом, функция рабов в тот период была вспомогательной. Они обеспечивали рост производительности труда полноправных членов семьи в семейном хозяйстве.

Вместе с ростом производительности происходит углубление разделения труда. Сначала разделяются скотоводство и земледелие (при этом могут формироваться преимущественно пастушеские и преимущественно земледельческие племена). *Затем происходит отделение ремесла от сельского хозяйства.* Оно также не является полным. Однако некоторые ремесленные специальности (кузнеца, гончара) становятся профессиональными — занятые в них уже не затрачивают на сельскохозяйственные работы время, достаточное для того, чтобы полностью обеспечивать себя продуктами питания.

С развитием разделения труда происходит дальнейший рост производительности труда и развивается обмен продуктами специализированного производства. Накопление богатства растет не только количественно, но и приобретает все более разнообразное материальное выражение. Тем самым появляется возможность приобретать самые различные богатства не только на основе труда, но и путем захвата. *Спорадические столкновения соседних племен или общин из-за разграничения территории или кровной мести превращаются в систематические грабительские набеги и войны.*

Ведение грабительских войн повышает авторитет мужчин-воинов. Однако в регионах, где длительное время сохранялись пережитки родового строя, *дислокальной* и *уксорилокальной* семьи (соответственно, когда супруги проживают раздельно в своих общинах, и когда муж переходит на жительство в общину жены), где возникли *матриархальные общины*, например, в Западной экваториальной Африке, еще в XIX веке были не редкостью женские воинские контингенты. Орды фанатично свирепых девиц нередко обращали в бегство дружины закаленных в боях суровых воинов-мужчин. Отголоски такого же рода фактов получили в Античности отражение в мифах об амазонках.

Вместе со значением войн и военной организации растет также авторитет **военного вождя**. Раньше это была временная выборная должность, замещаемая лишь на период непосредственных военных столкновений. С ростом как постоянной опасности грабительских набегов, так и желания самим такие набеги совершать, эта должность становится постоянной. Например, в «Илиаде» Гомера функцию временного выборного военного вождя в войске союзных ахейских племен под Троей выполняет Агамемнон, а вот в своем племени он уже постоянный военный вождь.

Авторитет военного вождя начинает превосходить авторитет всех остальных представителей родо-племенной организации. Рядом с военным вождем формируется группа профессиональных воинов — **дружина**, обеспечивающая постоянную готовность для защиты от нападений и для проведения набегов.

Масштабы племени делают выполнение всех (не только военных) функций племенного самоуправления постоянным делом. Происходит специализация выборных должностных лиц на исполнении этих функций, а затем передача соответствующих навыков, а с ними — и претензий на занятие самой должности — по наследству. Однако это наследование еще требует санкции народного собрания. Еще сохраняется реальная возможность смещения должностных лиц, вызвавших явное недовольство племени.

Формируется *родо-племенная верхушка* (**знать**), возникает деление на знатные (представленные в племенной верхушке) и незнатные роды. Функции общего собрания племени — точнее, теперь уже только мужчин-воинов — тем самым значительно сужаются.

Такой строй рассматривается как *предгосударственный* и получил в исторической науке название **вождества** (chiefdom). Одной из разновидностей вождества является строй

военной демократии, когда значительную роль в общеплеменных делах (в том числе решающую — в выборах вождя) играет общее собрание мужчин-воинов. Это еще не государство — то есть не отделенная от народа публичная власть. В тех делах, в которых требуется участие племени, вождество не знает никакого способа заставить народ делать что-либо помимо его согласия.

Стремление к укреплению своих военных сил перед лицом грабительских набегов соседей (или для успешных грабительских набегов на соседей) приводит к образованию крупных *племенных союзов* (например, союз сабинян и латинян с участием некоторых этрусских родов, положивший начало городу-государству Риму; союз семи племен дакота в Северной Америке, оказавший наиболее упорное сопротивление европейским колонистам). Такие союзы поначалу являются неустойчивыми и легко распадаются (например, союз ахейских племен для похода на Трою; союзы западных славян или племенной союз пруссов, противостоявшие германской экспансии).

В период вождества (военной демократии) меняется характер поселений. Села или деревни обносятся оборонительными сооружениями, или с самого начала строятся укрепленными, а наряду с ними возникают укрепленные **города** — места дислокации военных вождей с дружиной и центры религиозного культа, затем — место концентрации всей остальной родоплеменной знати, а за ними — ремесленников, торговцев и земледельцев, стремящихся под защиту городских укреплений и одновременно — к рынку сбыта. Первоначально специализированное ремесло (кроме кузнечного и гончарного, специализированных раньше) развивается в основном в пределах обслуживания городской знати. Главными заказчиками выступают военные вожди с дружиной, постепенно приобретающие деспотическую царскую власть, и жрецы.

Для содержания дружин, строительства и укрепления городов, содержания храмов, жрецов, совершения религиозных обрядов, для ведения войн требуются немалые ресурсы. Их получают путем более или менее регулярных натуральных поборов с рядовых общинников, обычно на основе сохраняющихся пережитков обычаев общинной взаимопомощи. Но размер таких поборов обычно недостаточно велик. Поэтому, как правило, с тех общин, родов и племен, которые вошли в племенной союз недавно, или были присоединены насильственно, взимаются дополнительные коллективные поборы, которые носят название *дани.*

Обрисованный выше тип общества называется **раннеклассовым.** Он характеризуется довольно высокой степенью социальной однородности. Имущественная дифференциация уже приводит в раннеклассовом обществе к появлению богатых и бедных, но между ними пока не возникает устойчивых различий в системе общественных отношений. Явным образом выделяются лишь, с одной стороны, неполноправные рабы, а с другой — родоплеменная верхушка, закрепляющая за собой монополию на общественные функции. Появляются специализированные социально-профессиональные группы — жречество, дружинники. Однако эти социальные слои составляют меньшинство населения в противоположность преобладающей массе свободных полноправных общинников. В этот период постепенно распадается *большая семья* и происходит переход к *моногамной семье,* включающей лишь брачную пару с детьми (возможно, так же и некоторых из родителей брачной пары, обычно со стороны мужа).

Вопросы для самопроверки

5.1. Какие существуют научные проблемы при решении вопроса о происхождении человека и человеческого общества?

5.2. Почему распределение продукта в первобытной общине носило равнообеспечивающий характер?

5.3. В чем социально-экономические основы перехода от родовой к племенной структуре первобытного общества?

5.4. Какой была структура общинного самоуправления?

5.5. Каковы были социально-экономические основы возникновения патриархата и матриархата?

5.6. Почему возникла и приобрела господствующий характер патриархальная семья?
5.7. Каковы социально-экономические основы перехода от родовой к соседской общине?
5.8. Чем строй вождества (военной демократии) отличался от общинного самоуправления?
5.9. Какой была социальная структура раннеклассового общества?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21.
- *Энгельс Ф.* Диалектика природы. [Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека] // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20.

В данной работе содержится обзор современного уровня знаний о биологической стороне процесса антропогенеза:

- *Марков А. В.* Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии. Доклад, прочтенный в Институте Биологии Развития РАН 19 марта 2009 г. http://www.evolbiol.ru/markov_anthropogenes.htm

Далее излагаются две наиболее интересные теоретические концепции происхождения человека с точки зрения общественных наук. Следует отметить, что критическая и методологическая стороны работы Поршнева значительно сильнее, чем его собственная (во многом умозрительная) версия происхождения человеческого труда, речи и сознания. С другой стороны, более практичная и хорошо обоснованная фактами версия Семенова не до конца преодолевает те методологические недостатки, на которые указывал Поршнев:

- *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.
- *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. 2-е изд. М.: Изд-во ГПИБ, 2002.

Эти работы Семенова посвящены уже собственно первобытному обществу. Желательно не ограничиваться изучением только этих работ, а обратиться так же и к тем источникам, на которые ссылается Семенов в своих книгах:

- *Семенов Ю. И.* На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989.
- *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2017.
- *Семенов Ю. И.* Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Чч. 1–3 // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Экономическая этнология. Книга 1. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993.
- *Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М.: Изд-во МФТИ, 1997.
- *Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: Изд-во МФТИ, 1999.

Тезаурус к главе 5

РОД — союз кровных родственников, ведущих происхождение по одной линии (сначала родство считалось по материнской линии, позднее — по отцовской).

ОБЩИНА — естественно возникший коллектив охотников и собирателей, позднее — сельскохозяйственных производителей. Первобытная родовая община характеризовалась общностью происхождения (родством) и общностью занимаемой хозяйственной территории. Община могла совпадать с родом или быть продуктом его территориального дробления.

ПЛЕМЯ — объединение нескольких родов. Первоначальной ячейкой племени был союз двух родов, члены которых были связаны взаимными брачными узами, а затем и общим культом и общими органами самоуправления. Такой союз именуется также фратрией.

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — продукт, выходящий за рамки необходимого для текущего потребления.

БРАК — социально закрепленный союз лиц противоположного пола.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ — принуждение одного человека другим к труду с тем, чтобы присвоить производимый им прибавочный продукт, оставив лишь необходимые средства существования.

ПАТРИАРХАЛЬНОЕ РАБСТВО — превращение людей (пленных или изгоев) в неполноправных членов патриархальных семей — в рабов.

Глава 6

Экономическая общественная формация. Азиатский, античный и феодальный способы производства

Структура главы

- Азиатский и античный способы производства — первая ступень экономической общественной формации
- Азиатский способ производства
- Античный способ производства
- Феодальный способ производства

Основные понятия:

экономическая общественная формация*
экономические отношения*
многоукладность*
сословия*
аллод*
бенефиций*
лен, феод*
вассалитет*
вотчинный иммунитет*
поместье*
вотчина*
феодальная рента*
отработочная рента (барщина)*
продуктовая рента (оброк)*
денежная рента*
мануфактура*
мелкая буржуазия*
первоначальное накопление капитала*
абсолютизм (абсолютная монархия)*
меркантилизм*

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Марксизм о соотношении политогенеза и частной собственности
- ✓ Особенности азиатской общины
- ✓ Роль внешней экспансии в азиатском способе производства
- ✓ О сочетании экономических и архаических черт в азиатском способе производства
- ✓ О концепции «революции рабов»
- ✓ Проблема регресса производительных сил в феодальную эпоху
- ✓ О втором издании крепостничества

Разложение первобытнообщинного способа производства знаменует собой и переход от архаической (доэкономической) к **экономической общественной формации**.

Экономическая общественная формация:

характеризуется *выделением из общественных отношений производственных отношений*, и сложной дифференциацией последних. *Производственные отношения* в рамках экономической общественной формации окончательно *приобретают роль определяющих общественных отношений.*

Вместе с изменением целей хозяйственной деятельности — переходом от выживания и самовоспроизводства общинных коллективов к частной добыче вещного богатства — происходит приобретение производственными отношениями характера *экономических отношений*.

Экономические отношения —

такие производственные отношения, которые связаны со стремлением к наиболее эффективному получению вещного богатства, т. е. к увеличению размеров этого богатства при относительном сокращении затрат на его приобретение.

С формированием государства происходит формирование **политической и юридической надстройки** — совокупности политических и юридических отношений людей. Между **экономическим базисом** (системой производственных отношений) и общественной надстройкой устанавливается взаимосвязь, при которой базис имеет определяющее значение по отношению к надстройке. Вместе с развитием эксплуатации развивается деление общества на **классы** и классовое неравенство.

Эксплуатация меньшинством населения (господствующими классами) трудящегося большинства является тем способом, которым в рамках экономической общественной формации обеспечивается экономический и социальный прогресс человечества. С одной стороны, эксплуатация позволяет сконцентрировать в руках господствующих классов экономические ресурсы, позволяющие представителям этих классов специализироваться на умственном труде, создавать условия для развития науки, образования и культуры. С другой стороны, эксплуатация как принуждение к труду эксплуатируемого большинства, обеспечивает выжимание из этого большинства прибавочного труда, как материальной базы прогресса. Таким образом, в определенных исторических рамках марксизм признает эксплуатацию объективно необходимым экономическим явлением. Тем не менее, марксизм признает прогрессивной (и никак не менее объективной) и борьбу за преодоление тех условий, при которых человечество может развиваться лишь за счет угнетения одних социальных групп другими.

6.1. Азиатский и античный способы производства — первая ступень экономической общественной формации

Название «**азиатский способ производства**» не означает его жесткой географической привязки именно к Азии. Дело лишь в том, что данный способ производства был первоначально изучен именно на примере азиатских деспотий. Однако общества данного типа встречались не только в Азии, но и в Африке, и в Центральной и Южной Америке, и в Европе (например, Хазарский каганат; даже в Древней Греции социально-экономическая структура Спарты несла в себе ряд черт, сближавших ее с азиатским способом производства). Название «**античный способ производства**» восходит к латинскому слову antiquitas (означающему древность, старина). Слово «античный» стало применяться для обозначения Древней Греции и Древнего Рима, изучение социально-экономических порядков которых и положило начало концепции античного способа производства.

Указанные два способа производства формируются исторически почти одновременно (хотя античный явным образом кон-

ституируется несколько позже азиатского), на базе примерно одинакового уровня развития производительных сил. Существует определенная сложность разграничения поздних этапов эволюции раннеклассовых обществ и ранних этапов становления как азиатского, так и античного способов производства (позднее станет видно, что та же самая сложность касается и ранних этапов феодализма). Один из главных «диагностических признаков» при этом — завершение формирования **государства**, что свидетельствует о достаточно глубоком классовом расслоении общества и остроте классовых противоречий.

Государство *возникает как аппарат управления и аппарат насилия, отделенный от остальной части общества* (то есть государственная служба имеет, с одной стороны, профессиональный характер, а с другой — от нее отстраняются все остальные члены общества, в отличие от системы самоуправления, а отчасти — и от военной демократии). Так, например, выборный и сменяемый *военный вождь* превращается в несменяемого наследственного **царя** (монарха).

Государственная организация порывает с родовым принципом организации общества и заменяет его территориальным. На первых порах верхушка государственного аппарата в основном совпадает с верхушкой родо-племенной знати. Однако достаточно быстро происходит переход к замещению высших государственных должностей *по имущественно-классовому и отчасти по профессиональному, а не по родовому признаку* (успешная борьба богатых плебеев за равноправие с патрициями, выдвижение «сильных малых» в Древнем Египте, превращение слов «богатый человек» в титул в обществе древних майя, допуск свободных простолюдинов к чиновничьим должностям в Древнем Египте и Китае).

Происходящее в раннеклассовом обществе, вместе с развитием частного производства и частного накопления, формирование экономического неравенства, как и складывание родовой знати, захватывающей монополию на властные (а вместе с этим — и на перераспределительные) и идеологические (жреческие) функции, становится предпосылкой возникновения *классового деления*. Наряду с неравенством в производстве, присвоении и перераспределении прибавочного продукта формируется и неравенство во владении основными средствами производства — землей, а затем и рабами.

Но эти процессы развиваются первоначально (на стадии медного, а кое-где и позднекаменного века) лишь там, где имеются достаточные предпосылки для дальнейшего роста производительных сил — в основном в субтропических и близких к ним регионах. На территориях, где *производительные силы либо недостаточны* на данной стадии развития для производства прибавочного продукта (умеренная полоса, Север, тропические леса, полупустыня), *либо не создают стимулов к наращиванию производительности труда* (изобилие природных ресурсов для охоты, рыболовства и собирательства, как в некоторых районах Океании), *переход к классовому обществу замедляется, или вообще не происходит.*

С ростом экономического неравенства (все равно, создано оно частным накоплением, принимая форму имущественного неравенства, или монополией на общинные функции, принимая форму неравенства в доступе к общинным фондам) между прежде равноправными общинниками возникают отношения зависимости. Прежняя взаимопомощь постепенно вытесняется кабальными ростовщическими сделками. Имущество и земельные наделы отчуждаются за долги. Богатые и знатные захватывают также в частное владение некоторые общинные земли, и земли, приобретенные в результате внешней экспансии. Обработка этих земель осуществляется уже не собственным трудом новых хозяев, а зависимыми от них людьми — рабами, обезземеленными общинниками-арендаторами, общинниками, отрабатывающими долги, разорившимися общинниками и изгоями, работающими по найму.

Между этими категориями населения, имеющими уже различный социально-классовый статус, существует рознь экономических интересов, разгораются острые социальные конфликты. *Государство, как отдельная от народа публичная власть, призвано:*

- *во-первых, удержать за богатыми и знатными господствующее положение в обществе, закрепить с помощью норм* ***права*** *и организованного принуждения (опирающегося на вооруженное насилие) их привилегированный социальный статус;*
- *во-вторых, сгладить социальные конфликты, ограничить и «рационализировать» эксплуататорские устремления господствующих классов, с тем, чтобы чрезмерная алчность отдельных представителей господствующего класса не повлекла за собой возникновение реальной угрозы выживанию социума, а вместе с этим — и всей системе классового господства.*

✓ **Марксизм о соотношении политогенеза и частной собственности:**

В советской исторической науке в 80-е годы получили хождение, а затем и широкое распространение взгляды, согласно которым марксизм рассматривает возникновение государства и классового деления только как прямой результат возникновения частной собственности и основанного на ней имущественного неравенства. Такой подход основан на *двойной* вульгаризации марксизма — сначала на вульгаризации классического марксизма в сталинизированном «марксизме-ленинизме», а затем на примитивизации и этого последнего в учебных курсах, которые «проходили» (не утруждая себя изучением подлинного марксизма) многие советские историки. Вполне понятное возмущение усвоенной ими примитивно-догматической концепцией они обратили, однако, не на тех, кто навязывал им эту концепцию, и не на собственную леность, а на классический марксизм.

Даже в работе Ф. Энгельса «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где политогенез (образование государства) и классообразование рассматриваются только на примере Античности, *не утверждается,* что государство было *лишь следствием* частной собственности и основанного на ней классового расслоения. Напротив, он трактует государство, как инструмент, при помощи которого ускорялся и закреплялся начавшийся процесс формирования частной собственности и имущественного неравенства[1].

Если же обратится к собственно марксовой трактовке этого вопроса, то его анализ азиатской формы собственности[2] явственно показывает, что экономическое неравенство в ней основано не на накоплении частной собственности (которая в азиатской общине не получает значительного развития), а на противопоставлении рядовых общинников знати, в которой воплощается единое начало общины либо совокупности общин. Знать в силу этого претендует на распоряжение прибавочным продуктом общины для некоторых общих нужд и целей (ирригация, война, храмовое строительство...), и в конечном счете происходит концентрация прибавочного продукта в руках деспота и его сатрапов.

Чтобы социальные конфликты не похоронили под обломками само классовое общество, государство, уже на ранней стадии истории эксплуататорских обществ, принимает меры по ограничению эксплуатации. Это ограничение не ликвидирует эксплуатации и касается лишь семей полноправных общинников, формирующих этническое ядро государства и поставляющих воинов для армии. Обычно вводился запрет (или ограничение по срокам) на обращение полноправных общинников в рабство за долги, декларировалась неприкосновенность общинных наделов, иногда устанавливался максимум частного землевладения и проводилась кассация (отмена) долгов. Реформы такого рода характерны для об-

[1] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 21, с. 108.

[2] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 463–464.

ществ, развивающихся по пути как античного, так и азиатского способов производства (реформы Перикла в Афинах, реформы Сервия Туллия в Риме, реформы Урукагины в Лагаше, ограничение сроков долгового рабства и неотчуждаемый характер земельной собственности воинов по кодексу Хаммурапи в Вавилоне и т. д.).

Вообще на ранней (раннеклассовой) стадии своего развития общества, переходящие затем к античному и азиатскому способам производства, довольно схожи. Ранние азиатские города-государства (в Междуречье, долине Инда, в Иньском Китае) имеют свои античные (города-государства крито-микенского периода), а также африканские (ранние египетские номы, города-государства йоруба) и мезоамериканские (города-государства ацтеков и майя) аналоги.

Крупное частное землевладение на начальной стадии и там, и там развито слабо. Применение труда рабов имеет весьма ограниченные масштабы. Государство (царь) не выступает верховным собственником земли, но не существует и строгого разграничения прав царя, общин и частных собственников на распоряжение земельными участками. Государь своими распоряжениями может выделять из общинных земель участки в частное (служебное) пользование, или участки, урожай с которых обращается на обеспечение общественных работ.

Однако уже на ранней стадии начинают просматриваться и различия. Земледельческие семейные хозяйства в античном полисе в производственном отношении практически самостоятельны. В азиатском городе-государстве (Хараппа в долине Инда, Ур в Междуречье, Мен-Нофр и Уасет[1] в долине Нила) земледелец зависит от системы орошения, которая организуется не одним хозяйством и даже не одним селением. Либо имеется какая-либо другая производственная необходимость, объединяющая работу целого ряда общин (например, совместная защита и расширение территории отгонного или кочевого скотоводства у пастушеских обществ).

Промежуточное положение занимает степень самостоятельности семейных хозяйств в городах-государствах майя: с одной стороны, подсечно-огневое земледелие для культивирования маиса (система *milpa*) требует совместных общинных работ на соответствующих участках. С другой стороны, масштаб этих работ, так же, как и в террасном земледелии, и при системе «возвышенных полей» («приподнятых полей»), не выходит за рамки небольших сельских общин. Поскольку майя до испанской конкисты так и не превзошли данный уровень хозяйственного развития, невозможно твердо установить, пошла бы дальнейшая эволюция раннеклассовых городов-государств майя по античному или же по азиатскому варианту (как это было у ацтеков, или у кечуа в государстве Инков).

В азиатских городах-государствах уже на ранней стадии формируются значимые храмовые и царские хозяйства, основанные на труде рабов, чего почти нет в античных полисах.

В азиатском обществе изначально выше степень государственной централизации и отделения государства от общества. Рядовые общинники, и даже та часть привилегированных сословий, которая принадлежит к числу не самых богатых и знатных, уже на ранней стадии утрачивают всякие политические права и могут рассчитывать в лучшем случае на чисто исполнительскую роль мелкого или среднего чиновника. Хотя даже рядовой писец в азиатском обществе стоит неизмеримо выше рядового общинника, он стоит вне формирования политики.

В античном полисе, даже при монархической форме правления, сохраняются те или иные формы участия рядовых *граждан* (само это понятие чуждо азиатскому обществу) в решении государственных дел — через народное собрание, пусть и весьма урезанное в своих функциях, через выборы некоторых должностных лиц, либо, в крайнем случае, через закрепляемые правом формы участия знати в решении государственных дел (римский сенат, афинский ареопаг, аналогичные формы представительства знати в Карфагене — Совет десяти, Совет 104-х, — и в Спарте).

[1] Мен-Нофр и Уасет — египетское наименование городов, в более привычном нам в греческом написании именующихся Мемфис и Фивы.

Слабость производительных сил раннеклассовых обществ определила тот факт, что *далеко не все из них перешли к античному или азиатскому способу производства* (а в некоторых из них в следующую историческую эпоху не сложилось и феодальное общество, во всяком случае, в достаточно полной мере). В какой-то мере относительной слабостью производительных сил объясняется и широкое распространение необходимости в поддержании функционирования семейных земледельческих хозяйств на основе совместных усилий целого ряда общин. *Хотя коллективная ирригация и обеспечила обществам азиатского типа значительный первоначальный скачок в уровне развития производительных сил, она, в конечном счете, спровоцировала формирование факторов, сковывающих такое развитие.*

Лишь на сравнительно ограниченной территории, там, где при данном уровне производительных сил оказалось возможным эффективное ведение относительно небольших (семейных) самостоятельных земледельческих хозяйств (большая часть Средиземноморья — Греция, Рим, Карфаген, Финикия и их колонии на Иберийском и Апеннинском полуострове, на Средиземноморских островах, в Причерноморье, в Малой Азии, на побережье Северной Африки), развился античный способ производства. Некоторую типологическую близость к античному способу производства обнаруживает древнее общество Японии.

Античное и азиатское общества характеризуются такой специфической чертой, как принципиальная **многоукладность** экономических систем.

Многоукладность — сочетание в рамках одного способа производства систем производственных отношений, качественно различающихся между собой, образующих самостоятельные (т. е. с относительно полным циклом воспроизводства продукта и общественных отношений) ***хозяйственные уклады.***
В переходных обществах *многоукладность* выступает как сочетание в рамках единого национального хозяйства укладов, опирающихся *на разные способы производства.*

В современную эпоху *многоукладность* обычно выступает как признак переходного общества. Азиатский и античный способы производства складывались из разнородных укладов, взаимодействовавших между собой. Одно из отличий азиатского и античного способов производства друг от друга состоит в разном значении и удельном весе различных укладов. Среди этих укладов были:

- производство в рамках сельской общины (главным образом сельскохозяйственное, но в небольших масштабах и ремесленное), опиравшееся на труд самих общинников и на ограниченное применение вспомогательного рабского труда (в патриархальной форме), в основном носившее натуральный характер и лишь в малой степени обращавшееся к рынку (что было характерно главным образом для пригородных хозяйств). *Азиатский и античный тип общины сильно отличались друг от друга, что предопределяло и различие самих этих способов производства*;
- производство в частных хозяйствах знати, основанное на рабском труде или труде частно-зависимых общинников (арендаторы, должники), отличавшееся, как правило, полунатуральным характером, хотя в античном мире существовали и интенсивные товарные частные хозяйства. Особой разновидностью таких хозяйств в азиатском обществе выступали царские и храмовые хозяйства;
- городское товарное хозяйство ремесленников, купцов и мелких торговцев, основывающееся на собственном труде, с ограниченным применением рабского и наемного труда;

Среди отличавшихся друг от друга производственных отношений, обычно не образовывавших особых самостоятельных укладов, были:

- ограниченно использовавшийся (сезонные работы в частных хозяйствах на селе, городское ремесло) наемный труд;

- патриархальное рабство (в сельских общинах и в городском ремесле);
- пережитки древних доклассовых общинных порядков.

Другой характерной чертой азиатского и античного способов производства (как и докапиталистических способов производства вообще) является оформление их социальной структуры в виде **сословий**. Социальная структура этих обществ, безусловно, носила классовый характер, однако эти классы на поверхности социальных отношений, в том числе в своих правовых формах, выступали как сословия.

Сословия — форма проявления классового деления общества при докапиталистических способах производства. Сословные группы характеризовались *различным юридическим положением*; носили, как правило, *наследственный* и *относительно замкнутый характер*.

Сословное деление могло быть весьма близким к фактическому классовому делению, а могло и не совпадать с последним, разделяя тот или иной класс на разные сословия, либо объединяя различные классы в одном сословии. Внутри сословий нередко выделялись подгруппы с различным правовым статусом (на который могло накладываться также деление по профессиональному, этническому, религиозному и др. принципам). Наиболее жесткой формой сословного деления выступает **кастовая система**, абсолютно воспрещавшая переход из одного сословия (касты) в другое.

Существование сословных форм классового деления общества определялось в первую очередь тем фактом, что отношения эксплуатации в докапиталистических способах производства строились на *внеэкономическом* принуждении к прибавочному труду. Именно поэтому *была необходима открытая правовая фиксация классового неравноправия*. Наиболее четко был фиксирован неравноправный статус рабов, которые, например, в античном обществе, стояли вообще вне официальной сословной структуры. Тем не менее, негативными нормами права (запретами — запрет на самостоятельное заключение сделок, на владение имуществом, на выступление в суде даже в качестве свидетеля и т. п.) их правовой статус был определен в близком соответствии к их фактическому социально-экономическому положению.

С течением времени сословный статус мог сильно отрываться от фактического социально-экономического положения человека. Например, в некоторых азиатских деспотиях лица, являвшиеся по сословному статусу рабами, могли занимать посты министров и даже первых визирей.

6.2. Азиатский способ производства

Высокая степень государственной централизации в азиатском обществе тесно связана с необходимостью обеспечения совместных усилий (в масштабе значительных территорий) для создания необходимых условий ведения земледельческого хозяйства. Соответствующая деятельность отдельных семейных хозяйств и общин координируется в местном и в общегосударственном масштабе. Разумеется, эта деятельность не обязательно охватывает все возделываемые земли. Но раз возникает необходимость надобщинной координации хозяйственных работ, соответствующие отношения закрепляются и становятся господствующими на всей территории данного государства. Кроме того, для обществ азиатского типа вообще характерно применение ручных технологий в земледелии, распространение строго координированного во времени массового применения рабочей силы (например, в технологии возделывания рисовых полей).

Значительная роль совместных усилий определяет невысокую степень разложения первобытной соседской общины. Более того, знать, справедливо рассматривая общину как необходимый инструмент функционирования сельскохозяйственного производства и одновременно как фискальный механизм, в определенной мере оберегает ее от разложения (гарантия надела, запрет обращения общинника в рабство). Это, однако, не исключает применения жестких

мер принуждения и даже произвола как по отношению к отдельным общинникам, так и к целым общинам (круговая порука при уплате податей, насильственное переселение, сгон на массовые работы).

В азиатской общине[1] земля находится в собственности самой общины, но выступающей в данном качестве лишь как представитель некоего верховного объединяющего начала (государя или бога, причем эти две фигуры могут взаимопроникать). Отдельный человек растворен в общине, получая от нее надел лишь в личное владение. *Такой характер азиатской общины сближает ее с первобытной соседской общиной, придает азиатскому способу производства архаические черты*, и облегчает надстраивание азиатской деспотии над первобытными общинами покоренных народов, находящихся на доклассовой и догосударственной ступени.

Особенности азиатской общины:

Азиатская община достаточно стойко противостоит разлагающему влиянию отношений личной зависимости — рабства, ростовщичества, кабальных сделок и т. д., ибо они, в общем, не противоречат характеру отношений в общине. Азиатский общинник «по определению» находится в зависимости от общины, а через нее — от государевых сатрапов и самого деспота. Расслоение в общине, выделение обедневших слоев, превращающихся в арендаторов и должников знатной и богатой верхушки общества, не приводит к распаду самой общины. Разлагающее действие указанных отношений проявляется тогда, когда оно приводит к *массовому* обезземеливанию общинников, либо к перемене «вектора» зависимости — зависимость от монарха и знати, как представителей государства, превращается в частную зависимость.

В обществах азиатского типа имущественное укрепление знати происходит (во всяком случае, первоначально) *главным образом не за счет* узурпации общинных земель и частной эксплуатации общинников. *Знать эксплуатирует общинников через систему общегосударственной иерархии.* Должность в государственном аппарате дает знати право на получение части доходов (*рента-налог*) с подведомственной территории. Для должностного лица могут выделяться земли (селения), доход с которых целиком поступает на его содержание. Принадлежность к знати фактически совпадает с занятием должности в государственном аппарате, и без последнего условия знатность легко утрачивается (хотя, конечно, происхождение из знати дает фактические преимущества при занятии должностей).

Поскольку распределение должностей находится в руках монарха (деспота), он и окружающая его узкая верхушка знати (двор) приобретают исключительный политический вес. В таких условиях развитие частного землевладения объективно ограничено и это лишает господствующий класс экономической независимости от государя. (Нередко азиатскую деспотию характеризуют как общество «поголовного рабства», имея в виду значительную степень бесправия всех социальных групп). Кроме того, поскольку в данных условиях деспот и фактически, и юридически выступает как центральная фигура, олицетворяющая систему общинной собственности на землю, частные земельные владения, в том числе и знатной верхушки, имеют весьма слабую правовую гарантию.

Не следует рассматривать азиатскую деспотию как совершенно монолитную систему, основанную *только* на редистрибуции (перераспределении) производимого общинами продукта через систему государ-

[1] При рассмотрении здесь и далее характерных черт азиатской, античной и германской общин следует учитывать, что к этим типам далеко не сводится своеобразие форм общин, существующих в ранних классовых обществах, и указанные три формы вовсе не представляют собой исчерпывающую классификацию, а лишь выделяются как наиболее ранее изученные характерные типы.

ственной иерархии. Хотя эта система отношений была главенствующей, частная собственность и основанные на ней отношения, в том числе и частное накопление, и наследование имуществ, имели заметное распространение (не только в ремесле и торговле, но и в земледелии). В связи с этим происходил и рост частно-зависимого населения (арендаторов, должников, кабальников).

Однако отношения частнохозяйственной эксплуатации носили подчиненный характер по сравнению с основополагающими, основанными на перераспределении прибавочного и части необходимого продукта через систему государственной власти. Вообще для азиатской деспотии характерна низкая степень гарантированности частной собственности, что касается не только землевладения. Ремесло и торговля жестко регламентируются, подчас подвергаясь весьма суровым ограничениям (известен пример даже заговора против китайского императора недовольных такими ограничениями купцов). Однако при этом уровень развития городского ремесла и торговли довольно высок.

Значительная концентрация доходов в руках государя и правящей верхушки приводит к более раннему, чем в античном мире, возникновению крупных городов с развитой государственной администрацией, ремеслом и торговлей. Высокая концентрация спроса (со стороны знати) обеспечивает выгодность развития высокоспециализированного ремесла. Не случайно античные историки ставили ремесленные изделия Востока выше ремесленных изделий античного мира. Эта же концентрация спроса обеспечивала и выгодность торговых экспедиций за экзотическими товарами. Помимо того, централизованная азиатская деспотия, как правило, заботилась (из военных соображений) о состоянии путей сообщения на своей территории.

Большая концентрация знати, служилого, торгового и ремесленного населения в городах создавала и широкий рынок для сельскохозяйственных продуктов. Однако в сколько-нибудь значительных масштабах на рынок выходили только пригородные хозяйства. У остальных потребность в деньгах была минимальной — подати взимались натурой, натурой же расплачивались с сельскими кузнецами, гончарами, ткачами, сапожниками.

В силу неразвитости частной собственности и товарного хозяйства на селе не является широко распространенным и производительное частное рабовладение. Рабы могут принадлежать как членам господствующего класса, так и зажиточным рядовым общинникам, и общинам. Но их хозяйственное значение невелико. Это либо слуги, либо работники, выполняющие наиболее тяжелые непроизводительные функции, что характерно для системы патриархального рабства. Исключение составляют царские и храмовые земли, где производительный труд рабов применялся в широких масштабах.

Одной из немногих возможностей экспансии частного землевладения в азиатской деспотии являются внешние завоевания. Они же являются каналом ослабления противоречий, связанных с **аграрным перенаселением** (нехватка обрабатываемых земель при росте земледельческого населения, что приводит к дроблению наделов, падению доходов с одного надела, росту массы люмпенизированного населения).

Стремление к внешней экспансии имеет также более фундаментальную причину, коренящуюся в самих основах азиатского способа производства. Застойный характер развития производительных сил оставляет господствующему классу лишь *один путь увеличения массы присваиваемого прибавочного продукта — увеличение численности податного населения и площади обрабатываемых земель*. Ведь рост производительности труда происходит крайне медленно, почти незаметно, а увеличение нормы эксплуатации быстро натыкается на абсолютные пределы. Содрать, конечно, можно и три шкуры, и семь шкур, но так дело скоро дойдет и до исчезновения объекта эксплуатации.

Поэтому *для азиатских деспотий свойственно стремление к постоянной внешней экспансии.*

Роль внешней экспансии в азиатском способе производства:

К определенным исключениям относятся деспотии Древнего и Средневекового Китая. Освоив территорию современного Китая, они затем почти не прибегали к внешней экспансии по той простой причине, что соседние территории (пустыня Гоби, Южно-сибирская тайга, Тибет, гористые джунгли Индокитая) не имели сколько-нибудь больших массивов готовых сельскохозяйственных земель.

Внешняя экспансия легче осуществляется по отношению к народам, стоящим на догосударственной ступени развития. Однако нередко нет другого пути, как обратить эту экспансию против подобных же соседних азиатских деспотий. В таких случаях взаимная борьба может продолжаться с переменным успехом сотни лет. Сами азиатские деспотии нередко становятся объектами экспансии со стороны раннеклассовых обществ, преимущественно кочевых. Особенности социально-экономической структуры последних (каждый мужчина — конный воин) дают им массовое подвижное войско.

Достаточно часты случаи эффективных завоеваний, осуществляемых кочевыми племенами. Однако создаваемые ими империи существуют обычно недолго. Разнородные в хозяйственном отношении, разноплеменные, раскинувшиеся на обширных пространствах (империя хеттов, Хазарский каганат, империя Чингисхана, империя Тимура) они в исторически короткие сроки распадаются.

Возможен и другой исход — столкнувшись с регулярным войском крупного земледельческого государства, кочевники постепенно истощают свои силы в набегах, ослабевают и отступают (гунны и Китайская империя, хазары и Русь).

Стремление знати азиатского общества к внешней экспансии имело далеко идущие последствия. При удаче могли формироваться огромные империи. Однако постоянная внешняя экспансия истощала силы коренного земледельческого населения, которое являлось основным поставщиком воинов. Войны требовали расходов, и дополнительные поборы также ложились на рядовых общинников. Ухудшение экономического положения семейных хозяйств вовлекало их в разного рода кабальные и ростовщические сделки.

С течением времени, вопреки принятым правовым нормам, происходит рост частного землевладения знати за счет земель общин и наделов рядовых общинников, часть из которых превращается в арендаторов на кабальных условиях или даже в рабов. Растут частные хозяйства знати на новых покоренных землях. Если в начальный период формирования империй степень эксплуатации коренного земледельческого населения была не столь велика, как степень эксплуатации покоренных народов, то описанные выше процессы ведут к сближению их положения.

Такая эволюция азиатского общества имеет двоякие последствия. Во-первых, *ослабевает массовая социальная база азиатской деспотии в виде рядовых общинников, принадлежащих к коренному этническому ядру.* Их относительно привилегированный статус (гарантия надела, гарантия от рабства, фиксация податей на уровне более низком, чем у покоренных народов, льготы, связанные со службой в войске или с государственной службой) размывается. Войско, рекрутируемое из их рядов, становится менее надежным. Кроме того, рост величины империи уже не позволяет обходиться «этнически чистым» войском. Оно становится разноплеменным, что также снижает его стойкость и управляемость.

Во-вторых, *рост частного землевладения знати ведет и к росту ее экономической независимости от государя.* Правители отдельных территорий (которые ранее нередко были самостоятельными государственными или полугосударственными образованиями — например, номы в древнем Египте, или города-государства Междуречья) начинают претендовать на самостоятельную политическую роль. Этому способ-

ствует трудность поддержания единой централизованной администрации при росте масштабов империй азиатского типа.

Рост тенденций к территориальной и экономической раздробленности ведет к нарастанию внутренних противоречий и ослабляет государство. В лучшем случае оно переживает череду социальных конфликтов (междоусобицы, восстания крестьян и рабов, подчас успешные), что обычно заканчивается сменой правящей династии и большей части знатной верхушки. Новая династия восстанавливает начальные условия развития азиатского общества (сведение доходов знати к должностным, подтверждение гарантированного экономического статуса крестьян-общинников). Подобное развитие событий можно проследить на примерах из истории Древнего Египта и Китая.

Однако нередко ослабление государства приводит к его падению в результате внешнего завоевания. Такое завоевание, впрочем, имеет последствия, схожие с предыдущим вариантом. Происходит восстановление начальных условий развития азиатского способа производства, хотя *в случае завоевания меняется этническое ядро государства* — меняется этнический состав как господствующего класса, так и той части общинного крестьянства, которая имеет гарантированный экономический статус. Эти позиции теперь занимают представители народа-завоевателя.

На одной и той же территории такого рода события могут повторяться несколько раз. Эта особенность исторического развития стран с азиатским способом производства получила название ***«азиатского цикла»***.

Почему же нарастание внутренних противоречий в азиатском способе производства не ведет к социальной революции и переходу к новому способу производства, а имеет своим результатом развитие по циклическому типу? Потому что отсутствует важнейшая предпосылка для социальной революции — выход производительных сил общества на новый уровень и обострение в силу этого противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

О сочетании экономических и архаических черт в азиатском способе производства:

Не лишено оснований утверждение, что застойный характер деспотии азиатского типа связан с тем, что ее главное хозяйственное основание — уклад, образуемый системой соседских общин — унаследовано от архаической общественной формации, а тип азиатской общины сходен с первобытной соседской общиной, и потому сам азиатский способ производства с большим сомнением может быть отнесен к экономической общественной формации. Ведь собственно экономические формы ведения хозяйства здесь выступают лишь небольшой надстройкой над архаическими общинами. Но эти архаические элементы сочетаются с наличием разветвленной системы *государственной власти*, социальная структура азиатской общины *отличается* от структуры первобытной общины, для азиатской деспотии характерны социально-классовое расслоение общества и систематическая эксплуатация, что и не позволяет отнести азиатскую деспотию в один типологический ряд с доэкономическими (архаическими) обществами. Эксплуататорский характер азиатского способа производства делает экономический (то есть нацеленный на присвоение богатства) характер производственных отношений господствующим в данном обществе, что и определяет включение азиатского способа производства в рамки экономической общественной формации. *В силу этих причин нет достаточных оснований саму азиатскую деспотию относить к архаической общественной формации, и поэтому отказываться от концепции азиатского способа производства.*

Тем не менее, не следует игнорировать фундаментальное противоречие между экономическим характером отношений знати с общинным крестьянством, и почти

совершенно архаическим характером производственных отношений внутри общинной системы хозяйства. Это противоречие в длительной исторической перспективе определило особенности исторической эволюции обществ азиатского типа, которые в подавляющем большинстве так и не вошли в капиталистическую эпоху за счет внутренних источников развития.

В конечном счете, и азиатское общество способно пережить социальную революцию (но далеко не всегда в силу развития внутренних противоречий). Хотя экономическое развитие азиатской общины носит довольно застойный характер, а частная хозяйственная инициатива существенно ограничена, эволюция производительных сил происходит и в таком обществе. С течением времени на ее основе становится возможным эффективное функционирование локальных хозяйственных общностей (поместий). Может исчезать или значительно сокращаться (например, из-за климатических сдвигов, в том числе и техногенных) возможность ведения земледелия, основанного на крупномасштабной ирригационной сети. Может происходить откол от больших деспотий (империй) территорий, на которых нет необходимости опираться на общегосударственную ирригационную сеть.

Тем самым создается экономическая возможность для превращения должностных наделов в наследственное землевладение и для связанного с этим частного закабаления крестьян-общинников, между которыми и частными землевладельцами возникают отношения **крепостного** и **сеньора**. Такое наследственное землевладение не является, однако, полной частной собственностью, а санкционируется со стороны государственной иерархии. Между государственными должностными лицами разных уровней, приобретающими статус самостоятельных землевладельцев, устанавливаются отношения **сюзерена** и **вассала**. Формируются **феодальные** отношения. Качественный переход от азиатского способа производства к феодальному в условиях азиатского общества обычно растянут во времени и редко носит выраженный скачкообразный характер. Очень часто феодализация в азиатском обществе сопровождается сохранением многих черт азиатской деспотии.

6.3. Античный способ производства

Формирование античного способа производства связано с возможностью относительно самостоятельного ведения семейного хозяйства, приносящего прибавочный продукт. Как и в азиатском способе производства, его функционирование проблематично без сохраняющихся традиций общинной взаимопомощи и без опоры на фонд общинных земель (леса, покосы, выпасы...). Однако семейное хозяйство вполне может развиваться без других дополнительных хозяйственных условий, контролируемых государством (например, организуемых государством ирригационных работ).

Античная община выступает как *союз частных собственников* (и в этом ее принципиальное отличие от азиатской общины, определяющее, в конечном счете, и разную историческую судьбу античного и азиатского общества). Этот союз есть нечто отличное от самих собственников, существуя в виде античного полиса. В античной общине общинная земля (ager publicus древних римлян) четко отделена от частных наделов общинников. Античный город-государство есть форма союза земельных собственников (тогда как азиатский город есть государев стан или ставка крупнейших сатрапов верховного деспота, опирающаяся на *принудительное* объединение сельских общин в городское поселение). Но и в античном обществе земельный собственник является таковым лишь как член общины.

Как и в азиатской общине, античные крестьяне-общинники отдают свой прибавочный труд государству — однако этот прибавочный труд не является источником доходов всего эксплуататорского класса, а предназначен лишь на содержание государственного аппарата (не руководящего, в отличие от азиатской деспотии, хозяйствен-

ной деятельностью общин), в первую очередь — на обеспечение войска. Поэтому часть общинников — зажиточные крестьяне и ремесленники — получает возможность накапливать некоторую долю прибавочного продукта в своих руках. Античная община опирается на более высокий уровень общественного разделения труда — ремесло в античном обществе в большей мере концентрируется в городе в противоположность деревне. Сами сельскохозяйственные технологии связаны с применением более сложной системы средств производства, чем в «азиатских» обществах.

Такого рода условия сложились в Древнем мире главным образом в районах Северного и Восточного Средиземноморья и некоторых прилегающих к ним. Это *не значит*, что в Азии, Африке или Америке *не было территорий, позволяющих вести аналогичное самостоятельное семейное или частное хозяйство*. Однако там, как правило, *систематическое производство прибавочного продукта в массовом масштабе* в тот период было возможно главным образом на территориях, требующих значительных работ, организуемых на обширном пространстве *с участием государства*. Поэтому господствующие социально-экономические отношения сложились по типу азиатского способа производства.

Государство в античном обществе несет ограниченные хозяйственные функции (сбор налогов и ресурсное обеспечение работы государственного аппарата, организация войска, поддержание дорожной сети, чеканка монеты, судебные и полицейские функции, правовое регулирование хозяйственной деятельности, поддержка государственного культа). Сами размеры античных государств-полисов обычно меньше, чем размеры азиатских деспотий (хотя на раннем этапе и те, и другие представляют собой города-государства).

В античном обществе быстро получает развитие частная земельная собственность. Наделы общинников начинают отчуждаться за долги, поскольку ссуда деньгами или натурой нередко давалась под залог земельного участка. Это явление получило название **ипотека**.

Поскольку процесс обезземеливания общинников ведет к размыванию массовой социальной базы античного полиса, то государство на определенном этапе принимает меры к ограничению этого процесса, равно как и к ограничению долгового рабства общинников.

Однако, несмотря на эти ограничения, в античном обществе значение частного хозяйства более велико, чем в азиатском. Соответственно и экспансия крупного частного землевладения принимает здесь более интенсивные формы. *Вся история античных обществ проникнута борьбой мелкого частно-общинного и крупного частного землевладения*.

Одной из форм разрешения противоречия между мелким и крупным землевладением, как и снятия проблем аграрного перенаселения, служит (подобно тому, как это обстоит и в азиатской деспотии) внешняя экспансия. Менее острой формой такой экспансии выступает **колонизация** (образование на относительно необжитых землях новых полисов-колоний греческими или финикийскими городами-государствами). Более острая форма внешней экспансии — формирование империй (империя Александра Македонского и созданные на ее основе эллинистические государства, Римская империя).

Но и на территориях этнического ядра античных государств происходит заметное развитие крупного частного землевладения. Обработка таких частных земельных владений производится трудом рабов или зависимых крестьян. Поскольку возможности закабаления свободных общинников ограничены, то для античного крупного частного землевладения динамика ресурсов рабского труда приобретает весьма существенное значение.

Рабство в античном полисе во многом теряет свой патриархальный характер. Рабы в крупном частном хозяйстве выполняют уже не вспомогательные, а основные хозяйственные функции, что ведет и к возросшей интенсивности их эксплуатации. Относительно низкая эффективность рабского труда в силу незаинтересованность

рабов в труде, что выражается в небрежном или нарочито плохом обращении с рабочим скотом, в порче орудий и т. п., ведет к развитию жесткого внеэкономического принуждения, чему соответствует бесправный статус рабов («говорящее орудие»). Широкие масштабы приобретает работорговля, как канал поступления рабов, захваченных в грабительских войнах, в частные хозяйства. Существует и долговое рабство сограждан, но законы и обычаи стремятся придать ему ограниченный характер.

Хотя крупные (как и мелкие) частные хозяйства носили в основном натуральный характер (ориентировались на самообеспечение), потребности господствующего класса не могли быть удовлетворены за счет лишь натурального хозяйства. Потребность в деньгах ведет к созданию в частных земельных владениях отраслей специализации, ориентированных на городские рынки либо на внешнюю торговлю. Таковы были древнеримские виллы и большинство рабовладельческих поместий в древних Афинах. Рыночную ориентацию с самого начала имели ремесленные хозяйства, использовавшие труд рабов (которым доверяли обычно лишь наиболее примитивные операции).

Товарное производство и торговля в античном обществе (как и в азиатском) концентрировались вокруг городов. Торговля подвергалась регламентации, хотя и не столь жесткой и произвольной, как в азиатских деспотиях. Права торговцев гарантировались, но существовала разница в уровне правовых (а не только фактических) гарантий для соотечественников и для иностранцев. В основном торговля затрагивала неземледельческую часть городского населения, крупных землевладельцев, и отчасти — пригородные хозяйства крестьян-общинников. Роль торговли и товарного производства в античном мире несколько выше, чем в «азиатском». Поскольку крестьянское и ремесленное хозяйство в античном мире более самостоятельно (и нередко может удержать в своих руках часть прибавочного продукта), крестьяне и ремесленники чаще обращаются к рынку, и в меньшей мере используют натуральный обмен внутри общин. Довольно высокая степень гарантий прав частной собственности и частного накопления, и меньшая стесненность торговли способствовали также более широкому распространению торговых операций за пределы локальных, местных рынков.

Наличие массы мелких самостоятельных крестьянских, ремесленных и торговых хозяйств, и личная свобода занятых в них лиц (в противовес принципу «поголовного рабства» в азиатской деспотии) создает в античном обществе социально-экономические предпосылки для политической демократии. Нередко происходит переход от свойственной раннеклассовому обществу деспотической формы правления к демократическому государству. *Если азиатский крестьянин и ремесленник — лишь подданный, то античный — гражданин.*

Однако с ростом значения крупного частного землевладения, и с формированием зажиточной торгово-ростовщической верхушки, античная демократия постепенно оттесняется аристократической или олигархической формой правления, а затем и монархией, сохраняющей, однако, некоторые демократические атрибуты.

Борьба крупного и мелкого землевладения наряду с внешней экспансией приводит к эволюции античного общества. Внешняя экспансия поначалу ослабляет пресс аграрного перенаселения, обеспечивает земельные наделы для воинов (ветеранов или воинов-поселенцев), создает приток рабов, обеспечивающий ведение интенсивного рабовладельческого хозяйства. В условиях постоянного притока свежих контингентов рабов их можно эксплуатировать «на износ», присваивая не только весь производимый ими прибавочный, но и часть необходимого продукта.

Однако затем начинают обостряться порожденные уже отмеченными выше противоречиями проблемы (некоторые из которых были обрисованы на примере азиатской деспотии). Отчасти эти противоречия связаны с пределами внешней экспансии, что первой продемонстрировала быстрая фрагментация империи Александра Македонского, а затем и исторически не слишком

долговременное существование большинства ее осколков — крупных эллинистических государств. Попытки синтеза местных азиатских и привнесенных античных порядков в конечном счете не удались, не только в силу объективного значения местных хозяйственных условий, но и в силу ограниченности людских ресурсов античной колонизации соответствующих территорий. Фактически это привело не столько к эллинизации Востока, сколько к «варваризации» эллинистических государств.

Если для древних Финикии, Карфагена, Афин, Македонии, Эпира, Рима внешняя экспансия, обращенная на варварскую периферию, была необходимым способом разрешения внутренних противоречий, то она наталкивалась на определенные границы. Экспансия расширяла завоеванную территорию, которую надо было контролировать при помощи военной силы, и увеличивала протяженность границы соприкосновения с враждебными варварскими племенами и государствами. Это требовало наращивания воинских контингентов, истощая силы коренной народности.

Параллельно с этим внутри метрополии происходила ползучая экспансия частного землевладения за счет общинных земель и частных наделов свободных общинников.

Какое-то время шла борьба между демократическим и олигархическим проектами разрешения этих противоречий. Первый был представлен в древнем Риме реформами братьев Гракхов, в Спарте — реформами Агиса и Клеомена, характерной чертой которых было принудительное ограничение крупного землевладения, и поддержка за счет него мелкого землевладения. Второй — переходом к цезаризму в Риме, и к олигархической тирании — в греческих полисах.

Ранний цезаризм (режим *принципата*) можно рассматривать как первый исторический пример ***диктатуры бонапартистского типа*** *— диктатуры, опирающейся на лавирование между классами и социальными слоями в условиях неустойчивого равновесия между ними*. Цезаризм привел к прекращению в Древнем Риме гражданских войн, основой которых был конфликт из-за разрешения аграрного вопроса. Произошло временное смягчение остроты проблемы обезземеливания общинников путем наделения ветеранов землей в завоеванных провинциях и в конфискованных владениях политических противников, а также путем вывода колоний на завоеванные территории. Укрепив политические позиции знати путем ограничения демократии, цезаризм в тоже время укрепил контроль государственного аппарата и над знатью, обеспечив принудительную консолидацию господствующего класса, ограничив разрушительные внутренние конфликты и соперничество в его среде.

Однако с течением времени все большее число общинников теряло землю, превращаясь либо в зависимых крестьян-арендаторов (римские **колоны**), либо в люмпенизированных городских жителей (**«пролетариат»** античного мира, лишь часть которого реально представляла собой ресурсы наемного труда). Неизбежное замедление внешней экспансии ограничивало приток рабов, препятствовало их безудержной эксплуатации, вынуждало идти на смягчение форм рабской зависимости (**«рабы с хижинами»** — рабы, за которыми фактически признавались права на движимое и частично недвижимое имущество, в том числе на пользование наделом, и на создание семьи).

Все это означало *падение качества и эффективности применяемой в сельском хозяйстве рабочей силы*, вело к росту паразитических, люмпенизированных слоев, существовавших за счет подачек государства и аристократии. Сокращение числа самостоятельных крестьянских хозяйств и рост числа городских люмпенов, живших на натуральные хлебные раздачи, означали рост натуральной налоговой нагрузки и сокращение внутреннего рынка, что вело к падению товарности хозяйств. Уменьшение возможностей вести частное хозяйство, основанное на крайне интенсивной эксплуатации рабского труда, вело к упадку специализированного производства и переходу от интенсивных хозяйств, ориентированных

на рынок (*виллы* в Древнем Риме) к более замкнутым многоотраслевым поместьям, имевшим в силу этого и более крупные размеры (*латифундии*).

Сверхкрупное латифундиальное землевладение в условиях вновь нарастающей политической нестабильности порождает феномен **прекария,** — условного частного землевладения, когда значительные земельные участки с расположенными на них хозяйствами передаются знатным лицам в пользование в обмен на личную поддержку.

На какое-то время повсеместный переход к автократическим режимам резко ослабил размах внутренних политических конфликтов и позволил замедлить нарастание внутренних социально-экономических противоречий в античном обществе. Но отменить эти противоречия смена формы правления была не в состоянии.

Античный мир рухнул под тяжестью сокращения числа самостоятельных крестьянских хозяйств, падающей эффективности сельского хозяйства, растущих государственных расходов, и сокращения надежных воинских контингентов, натолкнувшись также на пределы экспансии и сокращение притока рабов извне. Эти процессы сопровождались падением эффективности государственного аппарата, ростом коррупции, сепаратизмом провинций, чередой государственных переворотов, расстройством денежного обращения, упадком нравов, падением авторитета господствующей религии...

В конечном итоге, как Карфаген (под натиском Рима) и греческие полисы (под натиском сначала Македонии, а затем Рима), так и Римская империя пала под натиском завоевателей. В Восточной Римской империи, устоявшей под ударами «варваров», переход от античного способа производства к новым, феодальным отношениям, не сопровождался такими разрушительными последствиями, как на территории остального античного мира. Однако и там этот переход потребовал качественных сдвигов в господствующих производственных отношениях.

О концепции «революции рабов»:

В сталинском «марксизме-ленинизме» в полном противоречии с историческими фактами гибель античного мира представлялась как результат некой вымышленной «революции рабов» (в послесталинский период эта доктрина была пересмотрена и теоретическое описание революционного перехода к феодализму было приведено в большее соответствие с историческими фактами). Восстания рабов были несомненным фактом античного мира и сопровождали всю его историю с того момента, как разложение хозяйства свободных общинников и расширение массы применяемого рабского труда приобрело заметные масштабы. Однако, поскольку класс рабов не являлся порождением тенденции к формированию нового, более прогрессивного способа производства, и даже не был основным эксплуатируемым классом античного общества, «революция рабов» не могла быть основным фактором социальной революции, приведшей к превращению античного общества в феодальное. Восстания рабов (так же, как и в азиатском обществе) никогда не приводили к сколько-нибудь существенным последствиям в системе социально-экономических отношений. Кроме того, в отличие от азиатского общества, античное не знает ни массовых восстаний крестьян, ни успешных восстаний крестьян совместно с рабами, хотя бы потому, что социальные интересы рабов и свободных крестьян-общинников резко расходились. Концепция «революции рабов» была создана как логическое следствие из концепции «рабовладельческого способа производства», опиралась на искаженные представления о классовой структуре античного общества и на крайнюю примитивизацию роли классовой борьбы и механизмов социальной революции в истории.

6.4. Феодальный способ производства

6.4.1. Возникновение феодализма

Социальная революция, определявшая переход к феодальному способу производства на территории бывшей Римской империи (даже в пределах Византии) *нигде не носила характера прямого превращения римских античных порядков в феодальные.* Этот процесс был опосредован развитием на бывшей территории античного мира свободной общины нового типа.

Наличие массы свободных общинников в Западной Европе определялось варварским завоеванием территории Западной Римской империи. Римское крупное землевладение было подорвано, удельный вес лично зависимых крестьян (колонов) и рабов существенно снизился. По выражению Энгельса, между римским колоном и средневековым крепостным стоит свободный франкский крестьянин.

В Византии распространение свободной общины в VII–VIII вв. н. э. было обусловлено массовыми народными движениями против крупного землевладения, нередко выступающими в оболочке религиозных ересей, а также широкомасштабной славянской колонизацией Балкан и отчасти Малой Азии. Все это привело к значительному упадку крупного землевладения (вплоть до раздела крупных имений между крестьянами), сокращению или полному исчезновению лично зависимого крестьянства, восстановлению свободной общины.

Следует обратить внимание на тот факт, что германская (как и славянская) община отличается как от античной, так и от азиатской. Германская община представляет собой дальнейший шаг по пути развития частного хозяйства. Она есть объединение самостоятельных частных семейных хозяйств, объединение, существующее лишь для выполнения некоторых общих функций (защита от внешнего врага, расчистка леса под пашню и т. п.). Общинные земли существуют, но выступают как совместное владение частных собственников. Такая форма общины содержит в себе больший потенциал для развития частного характера труда, а значит и участия в товарном хозяйстве.

Варварские завоевания на территории Западной Римской империи привели к формированию феодального общества постольку, поскольку произошел *синтез* предпосылок феодализма, сложившихся, с одной стороны, в поздней Римской империи, а с другой — в раннеклассовом общественном устройстве племен (преимущественно германских и кельтских), занявших территорию Западной Европы в ходе «великого переселения народов». Следует заметить, что феодальные порядки сложились и на тех территориях Европы, которые не испытали сколько-нибудь сильного (или вообще никакого) римского влияния — в Северной, Центральной и Восточной Европе. Народы, населяющие эту территорию, *перешли к феодализму непосредственно от раннеклассовых обществ, минуя азиатский или античный способ производства.*

Вне зависимости от особенностей генезиса феодализма — возник ли он на основе *синтеза* раннеклассовых и позднеантичных порядков, или полностью основан на развитии внутренних противоречий раннеклассового общества, *этот переход представлял собою социальную революцию.* Она состояла в насильственном разрушении прежнего общественного устройства — античного и/или раннеклассового — и утверждении нового, феодального способа производства.

Слагаемыми такого перехода были, во-первых, утверждение новой формы общины, основанной на частном семейном хозяйстве и семейном земелевладении (**аллод**); во-вторых, развитие различных форм личной и поземельной зависимости крестьянства при длительном сохранении значительной прослойки свободных общинников; в-третьих, развитие условного частного землевладения, эволюционирующего от условного держания «за службу» (**бенефиций**) к наследственному, хотя и по-прежнему условно-служилому, землевладению (**лен, феод**); в-четвертых, формирование системы **вассалитета** и **вотчинного иммунитета**.

Аллод — наследственный надел земледельца-общинника, обладавший свойством отчуждаемости — перехода от условного держания, санкционируемого общиной, к условному держанию, санкционируемому частным магнатом или церковью.

Бенефиций — пожалование земли (первоначально от лица королевской власти, а затем и крупных земельных магнатов) в личное условное держание (обычно на условиях несения военной или военно-административной службы).

Лен, феод — наследственное держание участка земли на условиях несения военной или военно-административной службы.

Вассалитет — система отношений внутри господствующего класса (феодалов), предполагавшая несение вассалом службы своему сюзерену в обмен на покровительство последнего.

Социальная структура раннефеодальных государств была весьма пестрой. Ее составляли свободные (полноправные) общинники, принадлежащие к этническому ядру государства, полусвободные (неполноправные общинники) — обычно жители покоренных территорий, а также рабы и лица, находящие в различных, первоначально весьма многообразных, формах личной и поземельной зависимости.

В процессе формирования феодальных отношений происходит размывание права собственности общинников на их наделы, находящиеся в частном владении (условной частной собственности). Следует заметить, что этот процесс занял несколько столетий, ибо *право семей, составлявших общину, на земельный надел гарантировалось общиной и это право рассматривалось как неотчуждаемое.* Тем не менее, постепенно (под влиянием как интересов самостоятельного, частного хозяйствования семьи, так и интересов светской и церковной знати, стремившейся наложить руку на общинные земли) надел смог становиться предметом отчуждения — залога, дарения, и т. д. Однако эта возможность не означала превращения надела в полную частную собственность и перехода к свободному обороту земельных участков. Крестьянин-общинник по-прежнему оставался связан со своим наделом, хотя его права могли быть, в силу указанных обстоятельств, в той или иной мере ограничены.

Именно в силу того, что теперь собственность крестьянской семьи принимает форму **аллода** — то есть частного, отчуждаемого земельного надела, — хозяйственные потери от различных государственных повинностей (податных, военных, судебных), от долговых сделок, от военных конфликтов вели к угрозе утраты части прав собственности общинника на аллод. Широко распространенным в ходе военных конфликтов был и прямой грабительский захват крестьян, и обращение их в рабов или крепостных. Однако *эти процессы в большинстве случаев не принимали форму обезземеливания крестьянства (как в Античности), а вели к превращению аллода в условное держание, обремененное повинностями в пользу его нового номинального собственника — феодала.* Переход части прав собственности на надел крестьянина к феодалу происходил путем формирования отношений личной зависимости крестьянина от своего сеньора[1]. Таким образом, реальные *экономические* отношения землевладения и землепользования принимают при феодализме форму *личной* зависимости. Эта зависимость могла принимать весьма разнообразные формы, вплоть до крепостной зависимости (каковая в раннем феодализме встречается редко, но уже возникает, наряду с сохранением пережитков рабства). Именно борьба против формирования отношений личной зависимости, за сохранение личной свободы крестьянина выступает в раннефеодальную эпоху основной формой социальных конфликтов между крестьянами и господствующим сословием.

[1] См.: *Гуревич А.* Начало феодализма в Европе // А. Я. Гуревич. Избранные труды в 2 т., т. 1, М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999. С. 217–222.

Личная зависимость крестьянина-общинника от сеньора означает в то же время предпосылку формирования и поземельной зависимости. И все же «прикрепление к земле» редко принимает в Западной Европе крайние формы. В раннефеодальную эпоху сеньоры были более заинтересованы в увеличении числа подданных, нежели в размерах ренты, получаемой с земли. Именно число подданных определяло, прежде всего, социальный статус нового, феодального сословия. В ряды последнего попадала обычно военно-служилая знать, превращавшаяся в крупных землевладельцев, а также королевская власть и церковь (последняя широко использовала право дарения и завещания земель в свою пользу).

Формы личной и поземельной зависимости в период раннего феодализма были весьма разнообразны. Однако общая тенденция состояла в постепенном, весьма медленном сведении этих многообразных форм зависимости к единой форме крепостной зависимости, и к образованию из многочисленных категорий зависимого и полузависимого крестьянства (включая унаследованных от античных и раннеклассовых порядков — рабов и колонов) единого слоя крепостных крестьян (английских вилланов, французских сервов, русских холопов и т. д.). Такое сведение различных форм зависимости к единой произошло лишь позднее, в эпоху классического феодализма, и далеко не везде было до конца завершенным.

В правовом отношении для феодальных государств характерна развившаяся в ходе массового закрепощения крестьянства тенденция рассматривать крепостных как рабов с точки зрения норм римского права. Тем не менее, по своему фактическому экономическому положению (владение движимым и недвижимым имуществом, земельным наделом, совершение сделок от своего имени, наличие семьи) и по целому ряду элементов правоотношений (отделение в правовых документах крестьянского надела от домена сеньора, легализация семейно-брачных отношений и т. п.) крепостные явно отличались от античных рабов.

Военно-служилая знать в раннефеодальных королевствах консолидировалась вокруг королевской власти через развитие отношений вассалитета. Вассальный договор предполагал взаимные обязательства вассала и сюзерена. Реальным содержанием этого договора было несение военной и административной службы вассалом в пользу сюзерена в обмен на покровительство последнего. Такая система отношений в зародыше содержала уже элемент признания и гарантии личных прав представителей господствующего сословия (чего не было в азиатской деспотии, и что в античном обществе имело зыбкое и частичное правовое оформление лишь по отношению к некоторым категориям господствующего класса, — например, римским сенаторам).

Довольно быстро эта система личных отношений внутри феодального класса слилась с отношениями различных имущественных пожалований (бенефиций), и бенефициарий (получатель бенефиция) стал выступать одновременно и вассалом, а пожалователь — сюзереном. Такие пожалования могли носить разнообразный имущественный характер, состоять в пожаловании прав на взимание дохода с какой-либо территории, либо в праве занятия какой-либо приносящей доход деятельностью. Однако поскольку главным источником доходов в тот исторический период выступала земля, то и основной формой пожалований стали выступать земельные пожалования[1]. Система вассалитета постепенно приобрела иерархическую структуру и из двухступенчатой (король — военно-служилая знать) нередко приобретала многоступенчатый характер, когда наиболее сильные представители знати, будучи вассалами короля, сами стали принимать вассальные клятвы и раздавать пожалования. Возникает дробление прав собственности на определенную территорию между представителями различных уровней вассальной иерархии.

Земельные пожалования в форме бенефиция сами служили инструментом феодализации, поскольку свободные общинники, проживавшие на пожалованных землях,

[1] См.: *Гуревич А.* Начало феодализма в Европе // А. Я. Гуревич. Избранные труды в 2 т., т. 1, М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999. С. 222–224.

обременялись государственными повинностями в пользу бенефициария. Эти повинности, наряду с частными долговыми отношениями, кабальной арендой, поиском личного покровительства и защиты со стороны могущественных представителей военно-служилой знати служили рычагами превращения семейно-общинной собственности крестьянина на свой надел в условное держание, обремененное повинностями в пользу феодала.

Поскольку бенефициарий экономически полностью осуществлял присвоение результатов прибавочного труда общинников (за исключением налогов в пользу церкви), а также получал право осуществления всей полноты административно-юридических функций на территории бенефиция (**вотчинный иммунитет**), то неизбежным являлось и закрепление этой хозяйственной и административной независимости в отношениях собственности. Бенефиций с течением времени превращается из личного в наследственное держание (лен, феод, вотчина). Стоит заметить, что подобное превращение претерпевают и не земельные личные пожалования. В лен, например, могла даваться должность городского палача или право на ведение горных разработок[1].

Вотчинный иммунитет — право осуществления всей полноты административно-юридических функций на территории бенефиция.

Однако это владение по-прежнему опирается на санкцию королевской власти или иного сюзерена, и обременено личными обязательствами несения службы в пользу последнего. И здесь, как и в отношениях между крестьянином и сеньором, *поземельные отношения выступают в форме личных.*

Раннефеодальный государственный строй характеризуется существованием высокоцентрализованной королевской власти, опирающейся как на значительную массу свободных общинников, так и на зависимую от короля военно-служилую знать. Закрепощение общинников и приобретение военно-служилой знатью хозяйственно-административной самостоятельности (превращение личных земельных пожалований в наследственные, вотчинный иммунитет) создавало предпосылки децентрализации государства (**феодальная раздробленность**).

Некоторые черты раннефеодального общества роднят его с азиатским — сильная централизованная государственная власть, король как верховный собственник земли, крестьяне-общинники как численно преобладающая социальная группа, частное землепользование господствующего класса в виде личных пожалований за исполнение военно-административных функций. Однако коренные отличия состоят в разном типе общин (и соответственно, разном типе земельной собственности — азиатская деспотия не знает ничего подобного *аллоду*), на которые опираются раннефеодальное государство и азиатская деспотия (унаследовавшая свою общинную структуру от архаической формации), и в возможности экономически эффективного ведения в Европе обособленного общинного и домениального хозяйства, независимого от общегосударственных хозяйственных функций. Этим предопределяется и быстрая трансформация в раннефеодальном обществе черт, схожих с чертами азиатской деспотии, вплоть до их почти полного исчезновения.

Особенности генезиса феодализма на основе раннеклассовых обществ

На территориях, где процесс феодализации происходил без синтеза с предшествующими отношениями античного (или азиатского) способа производства, он характеризовался целым рядом особенностей.

Прежде всего, следует заметить, что такой путь возникновения феодализма определялся объективными (природно-климатическими) ограничениями развития производительных сил, препятствовавшими

[1] См.: *Гуревич А.* Начало феодализма в Европе. С. 222–224.

эффективному производству прибавочного продукта на основе античных или азиатских производственных отношений. Лишь систематическое производство и совершенствование железных орудий труда, и накопление навыков ведения земледелия и скотоводства в лесной полосе умеренного пояса (за пределами субтропиков и примыкающих к ним регионов) сделало возможным систематическое производство прибавочного продукта и формирование классового общества.

Это производство развилось на основе германского или славянского типа общины, предполагавшего высокую степень частнохозяйственной обособленности производства на семейном наделе. Кроме того, на этих территориях в силу высокой степени территориальной обособленности как семейных хозяйств, так и общин (что препятствовало эффективной защите территории войском, состоявшим только из народного ополчения), получила особо высокий общественный статус военно-служилая знать (профессиональные дружинники и их предводители — князья), уже в условиях раннеклассового общества быстро оттеснившая иные слои родовой знати. Поэтому формирование классового общества происходило здесь сразу по феодальному типу, минуя античный и азиатский.

Однако этот процесс на данных территориях был весьма растянут по времени и характеризовался длительным сохранением значительных элементов раннеклассовых социально-экономических отношений (высокий удельный вес свободных общинников, сохранение архаических черт общинного землевладения, наличие патриархального рабства, слабость крупного землевладения, перевес в поземельной собственности государственных элементов над частно-вотчинными). Если на пост-античной территории процесс становления феодализма характеризовался более или менее синхронным развитием описанных выше сторон феодализации, то при генезисе феодализма из раннеклассовых обществ элементы этого процесса оказывались разорваны во времени и характеризовались длительной и заметной гипертрофией какого-либо одного из них.

В ряде обществ (север и восток Евразии — Норвегия, Исландия, Северная Русь, Сибирь, за исключением части южной) объективные ограничения развития производительных сил длительное время препятствовали формированию феодального способа производства, уже зародившегося или развившегося у их соседей, или он возникал лишь в виде уклада в рамках раннеклассового общества.

Особенности восточного феодализма

Особенности восточного феодализма определяются тем, что он возникает на основе перехода не от античного, а от азиатского способа производства, либо от раннеклассовых обществ, в том числе кочевого типа. Это предопределило медленный темп феодализации либо в силу медленного темпа разложения азиатской общины, либо в силу медленного и фрагментарного формирования предпосылок классового общества у кочевых народов (арабы, монголы, ряд тюркских племен).

Для развития восточного феодализма характерны:

- сохранение значительной роли государственно-общинной земельной собственности и коллективной эксплуатации общинного крестьянства господствующим классом через взимание ренты-налога, чему соответствует длительность формирования частной крепостной зависимости крестьян;
- формирование частной крепостной зависимости крестьян без опосредования этого перехода формированием отчуждаемой семейно-общинной собственности крестьян на свои наделы, а путем прямой эволюции государственной зависимости в частную;
- длительная борьба между государственно-общинным и частным феодальным землевладением при медленной и непоследовательной тенденции к возобладанию последнего;
- длительность процесса укрепления наследственного характера частного землевладения и длительность существо-

вания личных пожалований за службу (типа западноевропейских бенефициев, российских поместий или индийского икта);

- слабое развитие вассальных отношений и большое значение служилых отношений в среде господствующего класса и соответствующая этому ограниченность становления личных прав господствующего сословия;
- отсутствие феномена свободных городов (и сословных корпораций свободного населения — цехов, гильдий, университетов).

Длительность существования элементов азиатского способа производства в восточном феодализме в конечном счете определяется сохранением в структуре производительных сил тех черт, которые в свое время предопределили формирование самого азиатского способа производства — зависимости земледельческого производства от государственного покровительства (имеет ли оно вид систематической военной защиты или же организации широкомасштабных ирригационных работ). В общественных отношениях этому соответствует установление единства разрозненных общин через сакрализованную личность государя. Существенное значение имеет и сформировавшаяся в азиатских деспотиях прочная историческая традиция всепроникающей роли централизованного государства.

Медленность перехода от азиатского способа производства к феодальному вовсе не означает, что этот переход не носил характера социальной революции. Качественный скачок от одного способа производства к другому принял здесь формы целой череды социальных потрясений (внешних завоеваний, династических переворотов, распада и, наоборот, слияния государств, крестьянских бунтов и т. д.), включая и попятные движения (подчас неоднократные).

Синтез феодальных отношений и отношений азиатского способа производства является характерной чертой не только «восточного феодализма», но и ряда других обществ — Византии, Древней Руси. На Древней Руси черты азиатского способа производства обязаны своему существованию в большей мере географическим и надстроечным факторам (последние коренятся, впрочем, в некоторых особенностях хозяйственного быта). Это необходимость значительной государственной централизации для защиты разбросанных общин, колонизующих обширные лесные и лесостепные пространства в условиях постоянной военной угрозы со стороны кочевых народов Степи. В связи с этим стоит гипертрофированная роль военно-служилого сословия, для которого характерны отношения с государем (князем, царем) не столько на началах вассалитета, сколько на началах государственной службы, что получило отражение в значительном и длительном распространении **поместья** наряду с **вотчиной**.

Поместье (на Руси) — земельное пожалование дворянину по месту службы (отсюда название). Носило личный характер, не могло продаваться, передаваться по наследству и т. д., что сближало его с западноевропейским *бенефицием*. Только в XVII веке разница между поместным и вотчинным землевладением сглаживается, а затем и исчезает.

Вотчина (на Руси) — наследственное земельное пожалование на условиях несения службы.

Начальный период феодализма на Руси характеризовался довольно быстрым образованием наследственного землевладения (вотчины) на началах служебной собственности, в определенной мере аналогичной западноевропейскому феоду. На этой основе на Руси формируется феодальная раздробленность еще до широкого распространения личного условного держания (поместья). Лишь позднее, после монгольского завоевания и преодоления феодальной раздробленности на внеэкономической базе борьбы против татаро-монгольского ига, развитие Руси на путях внешней экспансии (колонизации) вызывало замедление процесса феодализации. Эта колонизация характеризовалась повышенной ролью

государственной поземельной собственности и поместного землевладения, длительностью существования общинного землепользования и свободного крестьянства, а впоследствии привела к росту жестких, доходящих до полурабского состояния, форм личной (крепостной) зависимости в целях предотвращения бегства крестьян на свободные окраины.

Только в XVI–XVII вв., после слияния статуса вотчинного и поместного землевладения, наследственное частное землевладение становится господствующим.

Так называемый **кочевой феодализм** обладает особенностями, вытекающими из характера производственной деятельности кочевых скотоводческих народов. У кочевников имеет место частная (семейная) собственность на стада и общинная собственность на кочевые угодья и источники воды. Основой формирования феодальных отношений у кочевых народов выступает имущественная дифференциация, выражающаяся в различном количестве скота, находящегося в семейной собственности, и фактическая узурпация родо-племенной верхушкой права распоряжения пастбищами и источниками воды. Заметное распространение у кочевых народов имеет патриархальное рабство, а временами — и работорговля.

Государства, формировавшиеся на основе «кочевого феодализма», нередко захватывали обширные земледельческие районы (империя Чингисхана, империя Тимура, государство турков-сельджуков). Однако чаще всего, ввиду более отсталого характера социально-экономических отношений у кочевых народов по сравнению с покоренным земледельческим населением, такого рода «кочевые империи» распадались. Османская империя турок оказалась более устойчивой именно в силу перехода господствующей народности к оседлому образу жизни.

«Кочевой феодализм» еще недостаточно изучен. Спорный характер носят вопросы о сравнительной роли собственности на скот и на пастбища, о существовании и характере крепостной зависимости в кочевых обществах, о возможности выхода кочевых обществ за пределы раннего феодализма. Вероятно, на чисто кочевой основе могут формироваться лишь раннеклассовые и в лучшем случае — раннефеодальные общества. Их дальнейшее развитие неизбежно связано с возможностью перехода к оседлости.

6.4.2. Классический (развитый) феодализм

Развитый феодализм характеризуется завершением становления всех основных черт феодального строя — системы отношений между крепостными и сеньором, системы вассалитета, наследственного феодального землевладения.

Крепостное крестьянство образует основную массу производительного населения. К этому времени из прежнего множества форм личной и поземельной зависимости формируются одна-две преобладающие формы крепостной зависимости. Хозяйство крестьянина является по преимуществу натуральным, натуральный характер носят и феодальные повинности: либо в форме барщины (отработочная рента), либо в форме оброка (продуктовая рента, более распространенная на территории романизированных государств — Италии, Испании, Юга Франции).

Феодальная рента — основная форма присвоения прибавочного продукта в феодальном обществе путем несения крепостными повинностей в пользу сеньора (в разных формах — отработочная рента или барщина, рента продуктами или оброк, денежная рента).

Отработочная рента (барщина) — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем работы в господском хозяйстве (домене).

Продуктовая рента (оброк) — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем передачи последнему части продуктов, произведенных на собственном наделе.

Денежная рента — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем уплаты ему части своих денежных доходов, полученных в результате производства на рынок (со своего надела либо на *отхожих промыслах*). Перевод феодальных повинностей в денежную форму называется ***коммутацией***.

Развитие феодальных отношений способствовало прогрессу производительных сил, поскольку обеспечивало экономическую стабилизацию крестьянского хозяйства путем превращения земельного надела крестьянской семьи в условное пожалование сеньора (и тем самым защищало его от обезземеливания), и в тоже время обеспечивало эффективную мобилизацию прибавочного продукта. Крепостной крестьянин (не говоря уже о свободном) имел экономически более гарантированное существование, нежели раб или общинный крестьянин в азиатской деспотии, в классической и поздней Античности. Даже над свободным общинником дофеодальных способов производства висела угроза попасть в кабальную зависимость и лишиться надела. *Крепостной такой опасности не подвергался.* Норма эксплуатации крепостного была довольно стабильна.

Эта относительная экономическая самостоятельность крестьянина также служила предпосылкой роста производительных сил. В феодальный период происходит распространение трехполья, расширение площади культивируемых земель за счет т. н. внутренней колонизации, развитие садоводства и огородничества, улучшение обработки земли за счет более широкого распространения плугов с железными лемехами.

Однако не следует переоценивать прогресс производительных сил в эпоху раннего и развитого (классического) феодализма. Культура земледелия в этот период все еще уступала достигнутой в эпоху расцвета Римской империи. Урожайность зерновых в средневековой Италии не превышала урожайности, достигнутой на этой же территории в древнеримскую эпоху. Ряд достижений римлян в области садоводства, огородничества, ремесла, строительства был практически утерян и затем восстанавливался в течение весьма длительного исторического периода.

Проблема регресса производительных сил в феодальную эпоху:

Описанная выше ситуация дает основания поставить под вопрос основные тезисы материалистического понимания истории — об обусловленности производственных отношений уровнем и характером развития производительных сил и о закономерной смене способов производства под воздействием перехода производительных сил на качественно более высокую ступень.

Однако эта проблема выглядит неразрешимой лишь в рамках механистического толкования материалистического понимания истории, скатывающегося к упрощенчеству в понимании основных постулатов классического марксизма (и поэтому сталинский «марксизм-ленинизм» предпочитал вообще не замечать существования этой проблемы).

Следует обратить внимание на тот факт, что данные закономерности, как и вообще *любые закономерности общественного развития, осуществляются лишь в конечном счете и не действуют с механическим автоматизмом.* А в конечном счете феодальное общество превзошло и античное, и азиатское и по продуктивности сельского хозяйства, и по техническому прогрессу в деле переработки и хранения пищевых продуктов, и по развитию ремесла и строительства, и по уровню культурных достижений в таких областях, как медицина, образование и т. д.

Кроме того, не следует забывать, что *важнейшим компонентом* производительных сил с точки зрения марксизма является сам *человек*. С этой точки зрения феодальное общество дает нам новую фигуру основного производителя материальных благ — относи-

тельно экономически самостоятельного (хотя и зависимого) крестьянина. Этот крестьянин, не будучи лично вполне свободным и полноправным, все же является более свободным, чем крестьянин в азиатской деспотии, и хотя уступает античному свободному крестьянину в юридическом полноправии, в хозяйственном отношении более свободен, ибо имеет прочную гарантию своего надела и меньше связан общинной регламентацией. Эти его качества в наибольшей мере раскрывают свой потенциально прогрессивный характер к концу периода классического феодализма вместе с началом процесса освобождения крестьян от личной зависимости.

Другой такой фигурой является свободный городской житель. Цеховая регламентация городских занятий и сословное неравноправие не делают его полностью свободным, но он более свободен, чем житель античного или азиатского города, поскольку, несмотря на сословное неравноправие, обладает не только личными правами и свободами, но и принадлежит к корпорации горожан, которая защищает права своих членов (цеха и гильдии в свободных городах Средневековья).

Эти две фигуры в классическом Средневековье вступают во взаимодействие, и крестьянин находит в горожанине растущий рынок для развития своего товарного хозяйства, а горожанин в крестьянине — поставщика сырья и продовольствия для экспансии своего ремесленного производства.

Наконец, следует считаться с тем, что эпохи социальных революций и связанные с ними потрясения нередко приводят к *временному регрессу* и даже упадку производительных сил, который может носить исторически длительный характер (в зависимости от степени разрыва культурной преемственности с предшествующим обществом).

Итак, экономическая система классического феодализма покоилась на двух основных классах общества — феодалах и крепостных крестьянах. Господствующий класс (феодалы) был структурирован с помощью иерархии вассальных отношений, на верхушке которых находился монарх (король). Отношения вассал-сюзерен не обязательно были скреплены поземельной зависимостью (вассал не обязательно получал свои земли в пожалование от непосредственного сюзерена), однако действовали взаимные обязательства, связанные с военными, политическими и административными функциями. *Монарх, как верховный сюзерен, с ростом наследственного феодального землевладения и развитием вотчинного иммунитета постепенно утрачивал деспотическую власть раннефеодального короля.* Король становится лишь *«первым среди равных»*. Его крупнейшие вассалы, концентрируя в своих руках огромные земли, нередко превосходящие королевский домен (например, герцоги Бургундские во Франции), стали играть в государстве самостоятельную роль, претендуя подчас на статус независимых монархов.

Наступил **период феодальной раздробленности**, нередко приводивший к распаду и перекройке границ первоначальных феодальных государств. Наличие у вассалов короля своих собственных вассалов, по отношению к которым первые выступали как сюзерены, превращало их земли вместе с землями их вассалов едва ли не в самостоятельные государства. В некоторых странах этому способствовало утверждение принципа *«вассал моего вассала — не мой вассал»*, что в значительной мере выводило мелких вассалов, объединившихся вокруг крупнейших представителей феодальной верхушки, из-под прямой власти короля.

Именно в этот период в ряде государств Европы возникают **институты сословного представительства** (*парламент* в Англии и Шотландии, *Генеральные Штаты* во Франции, *кортесы* в Испании), на практике игравшие роль политической формы ограничения власти короля властью дворянских группировок, и происходит юридическая фиксация личных прав дворянского сословия (хрестоматийный пример — *«Великая Хартия вольностей»*, подписанная

английским королем Иоанном Безземельным в 1215 г.).

Феодальная эксплуатация в тот период принимала форму главным образом натуральной или отработочной ренты (в России — оброк и барщина), величина которой регулировалась традицией. С одной стороны, эта величина не могла быть установлена сеньором произвольно (как в силу традиции, так и в силу наличия объективных пределов изъятия прибавочного продукта), с другой — не существовало никаких формальных юридических препятствий для этого. Лишь в более поздний период, под влиянием крестьянских выступлений, с разложением крепостного права и с ростом хозяйственной мощи крестьянских хозяйств, кое-где происходит кодификация феодальных повинностей.

Феодальная рента изымалась в различных формах, зачастую имевших вид платежей, предназначенных для «выкупа» крестьянами ряда традиционных феодальных прав — *«права мертвой руки»* (т. е. права сеньора на имущество умершего крепостного, так что для перехода имущества к наследникам они должны были платить выкуп), *«права первой ночи»* (соответствующий выкупной платеж и плата за право жениться носили во Франции наименование «формарьяж», что буквально и означает — за женитьбу). Разумеется, эти права далеко не всегда осуществлялись реально, и довольно быстро приобрели характер лишь предлога для взимания феодальных повинностей. Нередко повинности выступали под личиной традиционной общинной взаимопомощи (рубка леса, расчистка пашни, прокладка дорог и строительство мостов и т. п.). Наряду с этим существовали и произвольно назначаемые сеньором повинности (*талья* во Франции, впоследствии, с 1439 г., превратившаяся в государственный налог; повинности *«по воле лорда»*, закрепленные ассизами английского короля Генриха II в XII в.). С течением времени феодальные повинности нередко консолидируются в ограниченном числе форм.

Работа в господском хозяйстве или уплата ренты продуктами сочеталась со значительной степенью контроля сеньора над хозяйственной деятельностью сельской общины. Община выступала для него, прежде всего, как инструмент принудительного взимания феодальных повинностей (через круговую поруку).

Разумеется, хозяйственная деятельность общинных крестьян основывалась главным образом на традиции: на системе ***принудительного севооборота*** при ***трехполье*** (чередование яровых посевов, озимых посевов и пара), системе ***«открытых полей»*** — свободном выпасе скота после снятия урожая и на землях, оставленных под пар. Кроме того, община использовалась крестьянами как инструмент фиксации традиционных повинностей (через установление сельскими сходами т. н. общинных уставов). К периоду классического Средневековья относится и появление элементов правовой защиты статуса земельного надела крепостных крестьян в Западной Европе.

Города

К одной из весьма характерных и в то же время весьма специфичных черт западноевропейского феодализма относится феномен **свободных городов**. *Европейские города развивались в Средневековье не только как административные центры* (столицы государств и административных подразделений), *но и как пункты концентрации ремесла и торговли, возникавшие в силу экономических причин*, а не только в результате концентрации спроса со стороны знати, обитавшей в столицах (как это было на Востоке), или оседания населения, обслуживавшего крепости и подобные укрепленные пункты.

После периода значительного упадка античных городов (за определенным исключением Византии) процесс роста городов получил развитие в X–XII вв. вместе с процессом постепенного отделения ремесла от земледелия. Города образовывались из поселений у перекрестков торговых путей, у портов, в центрах рыбной ловли, добычи полезных ископаемых, на местах проведения регулярных ярмарок и т. д. Такие города имели довольно немного знати в составе своего населения (первоначально по

большей части это были рядовые дружинники), а состояли главным образом из ремесленников и торговцев. Многие города были невелики, обслуживая лишь прилегающие сельские местности. Но в это время формируются и крупные города (часто на базе уцелевших городов Античности, особенно в Южной Европе — Италии, Испании, Южной Франции), ориентированные на производство ремесленных изделий и торговлю для нужд обширных территорий, включая и экспорт.

Причиной роста европейских средневековых городов был, несомненно, как экономический прогресс, достигнутый в аграрной сфере, так и особенности социально-экономического положения европейского средневекового крестьянства. Происходил рост производства в крестьянском хозяйстве, а его относительно обособленный (частный) характер реализовался в возможности продажи зажиточной частью крестьян излишков сельскохозяйственной продукции на рынке. Первоначально эта торговля носила эпизодический, сезонный характер (от ярмарки к ярмарке; само слово ярмарка немецкого происхождения — Jahrmarkt — и означает в буквальном переводе «ежегодный рынок») и обслуживала в основном процесс обмена специализированными продуктами крестьянского хозяйства и излишками крестьянского ремесленного производства. Но этот обмен постепенно создавал рынок и для выделения специализированного ремесла — и в смысле роста денежного спроса крестьян и дворянства на более качественную ремесленную продукцию, и в смысле расширения поставок сырья для ремесленного производства (дерево, шкуры, овечья и козья шерсть, лен, продукция горнодобывающих промыслов и т. д.).

Последовавший за этим процесс концентрации такого специализированного ремесла и торговли в городах сам, в свою очередь, вел к расширению как спроса на продукцию крестьянских хозяйств, так и предложения ремесленных изделий, и способствовал дальнейшему втягиванию крестьянства в товарное производство.

Первоначально города, основанные на земле, принадлежащей какому-либо светскому или церковному феодалу, имели статус, схожий со статусом сельских общин. Горожане несли повинности в пользу своего сеньора (причем среди этих повинностей с самого начала существенную долю занимали не натуральные, а денежные повинности). Однако имелись и существенные различия, связанные не только с преобладающим родом занятий населения, но и с тем, что значительная часть горожан (многие ремесленники, лавочники, купцы, менялы и ростовщики, наемные слуги, наемные солдаты) уже на раннем этапе развития городов, в противоположность крестьянам, рассматривались как лично свободные люди (насколько это вообще возможно в феодальном обществе). Нищий городской поденщик, в отличие от зажиточного виллана или серва, мог быть лично свободным человеком.

Довольно быстро *после образования сколько-нибудь значительных городов начинается их борьба за приобретение различных вольностей и даже за полное освобождение от феодальной зависимости.* Она принимала различные формы — от выкупа вольностей до вооруженных восстаний. *Эта борьба облегчалась особенностями социально-экономического положения городского населения: концентрацией населения, наличием значительной прослойки лично свободных горожан, зачатками городского самоуправления, наличием городских укреплений и воинской организации, наличием сословных и корпоративных объединений, защищающих права своих членов.* Чем в большей мере эти особенности городского быта фиксировались законодательно и получали правовую санкцию, тем в большей мере горожане могли опираться на них в дальнейшей борьбе за расширение вольностей.

Некоторые города превратились в самостоятельные города-государства с прилегающей зависимой территорией (города-государства Северной Италии), другие приобрели статус имперских или королевских городов (Германия, Франция, Нидерланды). Все же далеко не все города сумели освободиться от феодальной зависимости. Тем не менее, большинство западноевропейских городов приобрело следующие привилегии:

- личная свобода всех членов городской общины, т. е. горожан (определенный срок, прожитый в городе, делал свободным даже беглого крепостного: «Городской воздух делает свободным» — гласила немецкая пословица);
- право иметь особый городской суд;
- отмена многочисленных сеньориальных повинностей (или, в случае сохранения зависимости от сеньора или короля, замена их определенным денежным взносом);
- признание за городской общиной прав военной корпорации;
- право иметь выборные органы власти (коммунальное самоуправление), обладавшие, в том числе, правом взимания городских налогов и управления военными силами города (ополчением, отрядами наемников).

Города имели сложную социальную структуру. В самом низу находились нищие, поденщики, пришлые жители (часто беглые крепостные), еще не приобретшие статуса горожан, ученики ремесленников, образовывавшие вместе слой **городского плебса**. Далее шли мастера и подмастерья, лавочники, купцы, менялы и ростовщики. И на самом верху стоял **городской патрициат**. В него входила верхушка наиболее зажиточных мастеров, купцов и ростовщиков, а также дворянская знать, проживавшая в городах. Все эти социальные и профессиональные группы (за исключением дворянства) были объединены в **различные корпорации — цехи**, создававшиеся по профессиональному признаку, купеческие **гильдии** и т. п. Часть горожан состояла в городском ополчении (также опиравшемся на цеховую организацию). В крупных городах собственные цеховые организации нередко имели даже нищие и воры.

Цеховая организация городской экономики отражала неразвитый характер товарного производства и рынка в средневековых городах, ориентацию производства в первую очередь на ограниченные местные рынки. Основная задача цехов состояла вовсе не в обеспечении экспансии предпринимательской деятельности, а в ее *регламентации с целью стабилизировать производство и рынок*, обеспечить воспроизводство городского хозяйства в неизменных масштабах. Цехи регламентировали объем производства и цены, качество продукции, понимавшееся как ее соответствие установленным образцам (что препятствовало техническому прогрессу), количество учеников и подмастерьев у мастера, сроки ученичества и правила перехода с одной ступени на другую (из учеников в подмастерья, из подмастерьев в мастера), нормы оплаты труда. Ремесленники и торговцы, не входившие в цехи, и купцы, не являвшиеся членами гильдий, как правило, не допускались на городские рынки или облагались высокими пошлинами.

Средневековые города использовали свои корпоративные союзы для организации борьбы за освобождение от феодальной зависимости. Внутригородские классовые противоречия на начальном этапе истории западноевропейских средневековых городов не имели открытого характера и редко выступали в острых формах (бунты и волнения городского плебса). Гораздо более заметный характер носило соперничество городских патрицианских родов за доминирование. Особенно яркие формы это соперничество принимало в итальянских городах-государствах (отголоски такого соперничества видны в воспетой Шекспиром вражде Монтекки и Капулетти в Вероне). Величественные стены и башни патрицианских городских домов, украшенные крепостными зубцами, до сих пор хранят память о настоящих внутригородских войнах того времени.

Городская культура Средневековья породила такое важное культурное явление, как университеты. Они возникли в конце XII–XIII вв. в Южной и Западной Европе, с XIV века распространились на Центральную Европу, с XV века — на Северную. Университет был разновидностью средневековой городской корпорации с внутренним самоуправлением. Исходное латинское название университетов переводится как «корпорация (*universitas*) магистров и студентов».

Университеты образовались как независимая от церкви система высшего обра-

зования (в первую очередь медицинского и юридического), хотя все университеты обязательно имели и теологический факультет. Наряду с университетами формируется также и организационно независимая от церкви светская школа. Университеты представляли собой подобие интернациональной корпорации, чему способствовало преподавание на общем для образованной Европы латинском языке, а также взаимное признание присуждаемых университетами степеней.

Университеты очень быстро стали центрами свободомыслия и распространения городских религиозных ересей. Католическая церковь и королевская власть соперничали в своем влиянии на университеты (в конечном счете, многие университеты оказались подчинены католическим орденам), в том числе путем предоставления им разнообразных привилегий. Церковь видела в них важный пункт идеологической борьбы, королевская власть — систему подготовки квалифицированного государственного аппарата и правящей элиты.

Университеты были одним из немногих в Средневековье каналов вертикальной социальной мобильности. Хотя значительная часть студенчества принадлежала к дворянству, в университеты могли поступать и лично свободные представители других сословий. Окончившие университет могли претендовать на занятие значительных церковных должностей, а также на вхождение во влиятельные корпорации юристов или медиков. В ряде городов привилегии студентов были близки к дворянским (например, право на ношение шпаги).

Развитие и рост городов вели к существенному росту внутреннего рынка. Городское население создавало спрос на продукты питания и сырье для ремесла, увеличивая, в свою очередь предложение ремесленных продуктов. Мелкие торговцы и купцы, скупая ремесленную и сельскохозяйственную продукцию, в том числе и для внешней торговли, способствовали интенсификации и специализации ремесленного производства, росту его масштабов, а также втягивали в товарный оборот продукцию крестьянских хозяйств и сеньориальных доменов.

Этот процесс оказал двоякое влияние на производственные отношения в аграрном секторе. С одной стороны, развивалось специализированное (в основном пригородное) крестьянское хозяйство, во все большей мере ориентированное на рыночный сбыт своей продукции, и само, в свою очередь, попадавшее в зависимость от рынка (крестьянин, специализировавшийся на производстве шерсти, был вынужден приобретать продукты питания). Развитие купеческой торговли через скупку продукции крестьянских хозяйств втягивало в товарное производство и те крестьянские хозяйства, которые были расположены вдали от городов.

Что касается домена (хозяйства в поместье сеньора), то рост товарных отношений оказывал на него неоднозначное влияние. Часть доменов переходила от отработочной ренты к продуктовой (от барщины к оброку), и домен самостоятельно выходил на рынок с крупными партиями собранной таким образом крестьянской продукции. Другие прямо переходили к *коммутации* феодальных повинностей, т. е. заменяли прежние повинности денежной рентой (которую крестьяне, перешедшие к товарному хозяйству, теперь могли выплачивать).

С другой стороны, рост товарного хозяйства обернулся т. н. ***сеньориальной реакцией.*** Многие сеньоры, преследуя выгоды от возможностей сбыта сельскохозяйственной продукции на рынке, стремились значительно увеличить производство пользующейся спросом продукции в господском хозяйстве (домене) и с этой целью увеличивали объем отработочной ренты, т. е. продолжительность работы в поместье сеньора.

Все эти тенденции в совокупности послужили причиной обострения классовой борьбы в западноевропейской деревне в период классического Средневековья. Если в раннем Средневековье крестьянские волнения носили в основном локальный характер, и были направлены на протест против процессов формирования личной зависимости крестьян и нарушения традиций в установлении крестьянских повинностей, то классическое Средневековье сталкивается с крупными крестьянскими восстаниями.

Эти восстания отражали растущую хозяйственную самостоятельность крестьянства, его стремление закрепить эту самостоятельность, ограничив феодальную эксплуатацию (снизив норму изъятия феодальной ренты), и одновременно — протест против сеньориальной реакции. Отсюда как более умеренные требования фиксации феодальных повинностей на более низком уровне, требования освобождения от личной зависимости, так и более радикальные требования — например, требование равноправия сословий. Подобные черты достаточно явственно видны в известном восстании Уота Тайлера в Англии в 1381 г.

Развитие товарного хозяйства в городах уже в период классического Средневековья привело, в наиболее развитых с этой точки зрения районах Европы, к росту предпосылок капиталистических производственных отношений. В итальянских городах (Венеция, Генуя, Милан) уже XII–XIII вв. происходит развитие банковского дела, развивается торговля, а Венеция и Генуя формируются как торговые республики, ориентированные на внешнюю торговлю.

Рост торговли и ремесла сопровождается разложением феодальных отношений. В конце XIII века Флоренция и Болонья декларируют на подвластных им землях освобождение крестьян от крепостной зависимости. Это освобождение не сопровождалось закреплением прав крестьянина на земельный участок, что превращало его на селе в арендатора, либо принуждало в поисках заработка переселяться в города, на положение наиболее бесправной части городского плебса.

Разложение крепостничества подрывает влияние земельных феодалов. Политическая гегемония в итальянских городах-государствах переходит от феодалов (грандов) к зажиточным горожанам (пополанам).

Дальнейшее развитие товарного производства ведет к зарождению первых форм капитализма. Так, в Северной Италии (во Флоренции, Сиене, Перудже и др. городах) к середине XIV века наблюдается рост сукнодельческих **мануфактур**, основанных на наемном труде. В словесный оборот в Италии вводится слово «капитал». Слабость этих ранних форм капитализма выражалась в том, что основание мануфактуры было еще не под силу индивидуальному капиталисту. Мануфактуры находились в коллективной собственности смешанных торгово-промышленно-банковских компаний.

Мануфактура — крупное предприятие, основанное на использовании ручных орудий труда и разделения труда (попредметного или пооперационного) при изготовлении готовой продукции. Характерно для периода XIV – начала XIX вв. С точки зрения производственных отношений на мануфактурах мог применяться как крепостной, так и наемный труд.

Мануфактура может быть централизованной или *рассеянной*, когда разрозненные мелкие производители подчиняются мануфактурному разделению труда в силу их зависимости от скупщика (поставляющего сырье и скупающего готовые изделия), выступающего нередко и их кредитором.

Во Флоренции в XIV веке было около 30 тыс. ***чомпи*** (от итальянского *ciompi*) — наемных рабочих, работавших в сукнодельческих мастерских и мануфактурах, что составляло около четверти населения города. Уровень эксплуатации труда был ужасающим: рабочий день длился 14–16 часов, рабочие подвергались многочисленным штрафам, телесным наказаниям, тюремному заключению в создававшихся при мануфактурах тюрьмах. Владелец мануфактуры мог уволить рабочего безо всякого предупреждения. Система штрафов уменьшала реальный заработок, не обеспечивавший прожиточного минимума. Чомпи не были членами цехов и, соответственно, были лишены в городе всяких политических прав.

В 1345 г. флорентийский чесальщик шерсти Чуто Брандини создает первую организацию наемных рабочих. Его арест и казнь послужили поводом к произошедшей в том же году первой крупной забастовке. В 1371 г. вспыхивают значительные волнения наемных рабочих в Перудже и Сиене. В 1378 г. чомпи поднимают восстание во Флоренции и более месяца удерживают в городе государственную власть. Это были

первые классовые бои нарождающегося предпролетариата.

В более отсталых районах Италии XIV века, где не столь заметно проявлялось влияние развитой городской промышленности, развитие товарного хозяйства сопровождалось усилением феодальной эксплуатации (*сеньориальная реакция*). В результате в Италии происходит ряд крестьянских восстаний (восстание Дольчино и др.).

Именно городская культура, сформировавшаяся в классическое Средневековье, стала той почвой, на которой на рубеже классического и позднего феодализма выросло мощное культурное движение, получившее наименование **Возрождения** (или **Ренессанса**, от французского *Renaissance*). Это движение возникло в Италии (в XIV–XVI вв.) и распространилось затем, в конце XV–XVI веках, на страны Южной, Западной и Центральной Европы. Возрождение знаменовало собой переход феодализма на его позднюю стадию, зарождение и развитие в его рамках новых буржуазных отношений, предопределивших существенные сдвиги в средневековой культуре и мировоззрении.

Феодальное общество классического Средневековья было многоукладным и имело сложную социальную структуру. Оно, как и античное и азиатское, носило классовый характер, однако классы феодального общества на поверхности социальных отношений, в том числе в своих правовых формах, выступали как *сословия* (особенности сословного деления общества уже были рассмотрены в предыдущей главе).

Основные уклады феодального общества были следующие:

Крепостное хозяйство. Оно состояло из семейных хозяйств лично зависимых крестьян-крепостных, являвшихся держателями земельных наделов, полученных от своего сеньора, и обязанных сеньору рентой (отработочной, натуральной или денежной); а также из хозяйства, ведущегося в господском домене силами тех же крепостных (сеньориальное хозяйство). Крепостное хозяйство было по преимуществу натуральным, но с течением времени как семейное хозяйство крестьян, так и сеньориальное хозяйство начинает втягиваться в товарный оборот.

Хозяйство свободных крестьян. Свободные крестьяне были собственниками своих наделов (формально они могли рассматриваться и как держатели королевской земли, хотя и не были крепостными короля), и несли повинности только в виде королевских налогов и церковной десятины, а также, при определенных условиях — в виде военной службы. Их хозяйство, не связанное крепостнической регламентацией, быстрее втягивалось в товарный оборот, чем хозяйство крепостных.

Городской ремесленно-торговый уклад. Свободные горожане — ремесленники и торговцы — вели самостоятельное товарное хозяйство. Оно регламентировалось цеховыми и гильдейскими уставами, решениями городских магистратов. В таком хозяйстве в небольших масштабах мог применяться наемный труд, получивший более широкое распространение с развитием мануфактур.

Не только для раннего, но, в некоторых странах, и для классического феодализма было характерно наличие довольно заметных пережитков рабовладельческого уклада.

Такая многоукладность выражалась в еще более пестрой социальной структуре. В феодальном обществе можно было выделить три основных сословия, подобно тому, как это было юридически закреплено в позднефеодальной Франции: первое — духовенство, второе — дворянство, третье — простолюдины. Однако внутри каждого из этих сословий выделялись различные по статусу социальные группы. В первом сословии: священники; служители церкви, не имевшие сана; монашество. Во втором: монарх и его родичи; верхушка дворянства — нобилитет; незнатное (нетитулованное), мелкопоместное и безземельное дворянство. Позднее возникло деление на личных и потомственных дворян. Для третьего сословия было характерно резкое различие между свободными и лично зависимыми простолюдинами. Лично свободные в городах: зажиточная верхушка горожан — богатые купцы и мастера, члены цехов и гильдий;

рядовые горожане — мелкие лавочники, не входящие в гильдии, и подмастерья; низший слой горожан — ученики, поденщики, деклассированные элементы. Лично свободные в деревне: лично свободные крестьяне, не находившиеся в поземельной зависимости от какого-либо сеньора; лично свободные держатели господских наделов; безземельные лично свободные крестьяне — батраки. Статус лично зависимых также различался. Существовали разные формы крепостной зависимости, отличавшиеся как основаниями ее возникновения, так и объемом обязательств крепостных перед сеньором, пределами ограничения их прав, возможностями обрести свободный статус. Например, на Руси: холопы, рядовичи, закупы, бобыли и т. д. С течением времени статус различных групп крепостных сближался и нередко они сливались в единую группу, но далеко не везде этот процесс получил полное завершение.

6.4.3. Позднее Средневековье. Разложение феодализма

Поздний феодализм характеризуется упрочением зародившейся еще в классическое Средневековье тенденции переноса центра производства прибавочного продукта из домена в крестьянское хозяйство. Эта тенденция означала постепенное разложение реальных хозяйственных функций господствующего класса и развитие экономического значения самостоятельного крестьянского хозяйства.

Вместе с ростом производства в крестьянских хозяйствах, концентрацией ремесла в городах и происходящим на этой основе углублением общественного разделения труда, происходит рост товарного производства и расширение товарного обращения. В Европе под влиянием потребностей товарного хозяйства происходит значительный технологический прогресс. Находят широкое применение такие изобретения как порох и книгопечатание, компас, механические часы. Заметный прогресс происходит в области судостроения, в строительстве сети каналов, расширяется применение водяных и ветряных мельниц (в том числе в промышленности), водяных насосов для откачки воды из шахт и т. д. В сельском хозяйстве, с разложением крепостничества и упадком общинных отношений начинается переход от трехполья к плодосменной и травопольной системам земледелия.

Увеличение объемов торговли и товарно-денежного обмена увеличивает роль денег и создает основу для возрастания значения денежной ренты.

Рост экономической самостоятельности крестьянского хозяйства выступает основой для борьбы крестьян за освобождение от крепостной зависимости. В условиях роста значения товарно-денежных отношений и денежной ренты часть феодалов оказывается объективно заинтересована в личном освобождении крестьян (при сохранении феодальных повинностей, основанных на поземельной зависимости). Лично свободный крестьянин имеет больше возможностей для организации эффективного производства на рынок (как в области сельского хозяйства, так и в сфере ремесла), а значит, могут расти и размеры уплачиваемой им денежной ренты. Начинает развиваться конкуренция крестьянских ремесленных промыслов с цеховым ремеслом в городах, связанным многочисленными регламентациями.

В результате в странах и регионах с развитым товарным производством (Англия, Северная Италия, Южная Франция, Голландия) в XIV–XVI вв. *начинается постепенное освобождение крестьян от личной зависимости*. В XVII–XVIII вв. этот процесс распространяется и на ряд других стран Западной Европы. Однако это не устраняет системы феодальной эксплуатации, поскольку лично свободный крестьянин остается условным держателем земельного надела от своего сеньора (например, английские *копигольдеры* в отличие от гораздо менее многочисленных *фригольдеров* — свободных держателей).

В ряде стран Северной Европы (Норвегия, Исландия, отчасти Дания, Швеция и Финляндия) и в Швейцарии в этот период

остается еще весьма многочисленным (а кое-где и преобладающим) сословие свободных крестьян. В этих странах постепенный рост товарного производства и капиталистических отношений не требовал массовой борьбы против крепостной зависимости. Сословное неравноправие в этих странах не приобретало столь выраженных черт, как в других европейских странах.

Расширение масштабов товарного производства и торговли означали значительное расширение внутреннего рынка. Сельскохозяйственное и ремесленное производство, ориентированное на рынок, выходит за рамки пригородных хозяйств и городского цехового ремесла. Рамки цеховой регламентации начинают сдерживать развитие товарного хозяйства и частного предпринимательства. В городах идет рост мануфактурного производства, развивающегося по существу вне цеховой регламентации. Получает заметное развитие ремесленное производство вне городов, развивающееся из крестьянских промыслов (т. н. *домашняя промышленность*). Зажиточное крестьянство начинает выделять из своих рядов торгово-ремесленную верхушку.

Таким образом, развитие товарного производства ведет к *превращению зажиточного слоя крестьян и ремесленников, имеющих возможность вести интенсивное специализированное производство на рынок* (или заниматься торговлей), *в* **мелкую буржуазию.**

Мелкая буржуазия — товаропроизводители, ведущие хозяйство в основном за счет собственного труда.

Наряду с мелкой буржуазией формируется **средняя и крупная буржуазия** из числа купцов и ростовщиков, которые уже не столько паразитируют на феодальном укладе, сколько активно обслуживают товаропроизводителей через кредитные операции и торговое посредничество, нередко подчиняя мелких товаропроизводителей своему контролю и ведя к их пролетаризации. В результате возникает еще одна группа средней и крупной буржуазии — мануфактуристы. В этом процессе генезиса буржуазии участвует и та часть представителей феодального землевладения, которая втягивается в производство на рынок и в частное предпринимательство, перестраивая свое сеньориальное хозяйство (домен) на основах капиталистических отношений — например, сдавая земли в аренду зажиточным крестьянам, ведущим интенсивное товарное хозяйство.

Внутри старых городских цехов растут противоречия между мастерами, с одной стороны, учениками и подмастерьями — с другой. В условиях растущей конкуренции мастера пытаются отстоять свое привилегированное положение за счет ограничения членства в цехах, продления сроков ученичества и ужесточения условий перехода подмастерьев в мастера. Это увеличивает замкнутость цехового ремесла, придает цеховой организации реакционный характер, препятствующий росту производительных сил.

Получает значительное развитие международная торговля, как на территории Европы, так и за ее пределами. В условиях турецкой экспансии в Восточном Средиземноморье и на Балканах оказываются перерезанными традиционные торговые пути на Восток, что, с одной стороны, приводит к упадку торгово-ремесленных городских республик Италии, в значительной мере ориентированных на левантийскую торговлю, и к развитию феодальной реакции в Италии, а с другой — ведет к настойчивым поискам новых торговых путей. Эти поиски положили начало эпохе Великих географических открытий (второе открытие европейцами Америки, открытие морского пути в Индию и Юго-Восточную Азию вокруг Африканского континента). Рука об руку с развитием мировой торговли шли и колониальные захваты.

Геноцид местного населения в испанских колониях в Центральной и Южной Америке вызвал нехватку рабочих рук и положил начало активному участию ведущих европейских колониальных держав (Испании, Англии, Португалии) в работорговле. Рабовладельческий уклад в колониях стал одной из основ первоначального накопле-

ния капитала и развития частного предпринимательства в метрополиях.

Колониальная экспансия и развитие мировой торговли означали бурный рост рынка и расширение возможностей для товарного производства и частного предпринимательства в Европе. В товарные отношения втягивается значительная часть национального хозяйства многих европейских стран. Начинается эпоха формирования единых национальных рынков и так называемого *первоначального накопления капитала.*

Первоначальное накопление капитала — историческое явление, отнюдь не соответствующее обывательскому представлению о постепенном бережливом собирании богатств, которым предстояло быть использованными в качестве капитала. Если, в духе марксистского подхода, понимать капитал не как вещь, а как общественное отношение, то для развития такого отношения нужны, по меньшей мере, две фигуры. Первая — владелец денег, намеревающийся использовать принадлежащее ему богатство в сфере товарного производства и обращения — т. е. не для расточительного потребления, и не для приобретения новых земель либо крепостных, а для приумножения стоимости. Вторая — свободный рабочий. Свободный в двояком смысле: как от пут феодальной или цеховой регламентации, так и от средств производства. Это не оставляет ему другого выхода, кроме как наниматься к владельцу капитала, то есть продавать свою рабочую силу — единственное достояние, которым он еще располагает.

Первоначальное накопление капитала — процесс формирования исторических предпосылок капиталистических производственных отношений, выражающийся в концентрации денежного богатства на одном социальном полюсе, и развитии отделения лично свободных мелких товаропроизводителей от средств производства и источников средств существования — на другом. Тем самым возникает возможность превращения денег в капитал путем найма и эксплуатации свободной рабочей силы.

Если феодалы, верхушка городских мастеров, купцы и ростовщики не имели непреодолимых препятствий для накопления денежных богатств (впрочем, некоторые препятствия все же имелись и о борьбе с ними будет еще сказано), то формирование свободной рабочей силы требовало целого переворота в производственных отношениях.

Средневековый крестьянин отличался от крестьян античного и азиатского способа производства тем, что ему, в рамках отношений «сеньор — крепостной», не грозило обезземеливание. Его надел был гарантирован его статусом как крепостного. Постепенная ликвидация в классическом и позднем Средневековье отношений личной зависимости не устраняла поземельной зависимости. Крестьянин оставался держателем надела определенного сеньора. Чтобы превратить его в свободного рабочего, его надо было лишить этого надела.

Но зачем помещику лишать своих крепостных земельных наделов? Ведь именно этот надел является для сеньора основным источником феодальной ренты. Да, это так, но только до тех пор, пока сам сеньор не втягивается в товарное производство и капиталистическое предпринимательство.

Обезземеливание крестьян исторически могло происходить различными путями. В Англии выгоды производства шерсти на экспорт для голландских мануфактур подтолкнули занявшихся этим лендлордов («новые дворяне») к расширению пастбищ для овец и для этого — к сгону крестьян с их наделов, что получило название «огораживания» («овцы пожрали людей» — по выражению Томаса Мора). Этот процесс породил множество нищих и бродяг, против которых британское государство применяло методы кровавых репрессий (смертная казнь за бродяжничество и за кражи), чтобы принудить их к превращению в наемных работников на условиях, продиктованных нанимателями.

В Северной Италии укрепившаяся городская знать принуждала местных феодалов освободить крестьян от феодальных повинностей — но без закрепления за ними

земельных наделов, что вело к превращению крестьян в батраков или арендаторов, а также пополняло ресурсы бесправной рабочей силы в городах.

В ряде других стран выделение свободных рабочих рук происходило более постепенно, в основном под воздействием неизбежной при товарном производстве имущественной дифференциации товаропроизводителей, как сельских, так и городских. Разорение ремесленников ускорялось ликвидацией цеховой регламентации ремесла, что оставляло учеников и подмастерьев без каких-либо имущественных прав и гарантий занятости. Разорение и обезземенивание свободных крестьян ускорялось значительным ростом государственных налогов и конкуренцией крупных помещичьих хозяйств с маленькими и менее эффективными крестьянскими, которые к тому же были ущемлены феодальными повинностями. Дробление крупных феодальных владений, рост числа малоземельных и безземельных дворян, ограничения феодального иммунитета, накладываемые крепнущей королевской властью, также вели к росту свободного неимущего населения за счет ликвидации феодальных дружин и резкого сокращения численности челяди в феодальных поместьях.

Так или иначе, с использованием насильственных методов или в основном без таковых, поздний феодализм ознаменовался быстрым процессом формирования слоя личного свободного, но лишенного собственности населения, образовавшего базу для класса наемных работников. Разумеется, при всей массовости этого слоя он далеко еще не превосходил численность крестьян, ремесленников и прислуги, оставшихся крупнейшими группами трудящихся классов.

Широкомасштабное развитие товарного хозяйства приводило, в конце концов, к становлению такого феномена, как *единый национальный рынок*, сменявший совокупность мало связанных между собой местных рынков. Вместе с формированием единого национального рынка, означавшего новый уровень экономических и социальных связей населения внутри границ государственных образований, происходило формирование нового уровня общности людей: *наций* и *национального языка*. Тем самым и государства приобретали характер *национальных государств*.

Национализм (т. е. защита интересов национального государства) становится идеологией растущей буржуазии (как мелкой, так и крупной), заинтересованной в укреплении национального рынка и в его защите со стороны государственной власти. Развитие товарного производства и национального рынка сталкивалось внутри страны с препятствиями в виде феодальных перегородок: национальный рынок был рассечен на части феодальными уделами, на границах которых приходилось уплачивать различные сборы и пошлины. Феодальный иммунитет препятствовал единообразному применению законодательства на всей территории страны и лишал предпринимателей твердых правовых гарантий их деятельности. Предпринимательская деятельность была связана многочисленными регламентами и исключительными привилегиями, предоставляемыми тем или иным лицам или компаниям, обладавшим связями с монаршим двором.

Именно эта эпоха разворачивавшейся борьбы за освобождение от различных феодальных пут и перегородок, а вместе с этим и против прежней, сковывавшей творческие силы человека религиозной морали, породила феномен Возрождения. Возрождение представляло собой в первую очередь процесс, происходивший в сфере культуры, и выражавший собой утверждение нового мировоззрения, проникнутого **гуманизмом.** Гуманизм как идейное течение отстаивает суверенитет человеческой личности[1], приоритет личных потенций и способностей человека над сословной моралью,

[1] Вопреки распространенному суждению, гуманизм никак не может быть сведен к жалости к «униженным и оскорбленным». Его идеал, напротив — человек-титан, человек-борец. В этом смысле Ф. М. Достоевский, заметивший как-то — «Широк человек. Я бы сузил», а в своей речи в честь юбилея А. С. Пушкина прямо провозгласивший: «Смирись, гордый человек!» — выступает как явный антигуманист.

предписывавшей человеку раз и навсегда отведенную ему роль и правила поведения в соответствии с унаследованным социальным статусом. В тоже время идеал возрожденческого гуманизма покоится на индивидуализме, и почти все гуманисты той эпохи с резким неодобрением относились к массовым социальным движениям низов, видя в них лишь разрушительное начало, подавляющее условия для расцвета свободной индивидуальности.

Эпоха Возрождения, начавшаяся в XIV в. Италии — стране, где ранее других развились основы капиталистических отношений — в последующие столетия распространилась и на другие европейские страны. Она сопровождалась небывалым прогрессом в изобразительном искусстве и литературе (начавшись с формирования национального литературного языка взамен латыни), в науке, в идейной жизни, в морали и стереотипах повседневного поведения человека. Значительную роль в Возрождении сыграло широкое освоение античного духовного наследия, а затем и зарождение интереса к культурным достижениям Востока.

В идейной сфере наиболее ярким проявлением Возрождения стала церковная Реформация. Католическая церковь была существенно потеснена идеологией протестантства, выступившего против мелочной регламентации жизни человека церковью, против церковного стяжательства и за ограничение имущественных притязаний церкви, за поиск спасения души не столько в идее покорности, сопровождающейся мелочным соблюдением церковных обрядов и ритуалов, сколько путем достижения праведной жизни через добродетели, свойственные скорее буржуазному образу жизни.

Во многих случаях Реформация послужила предлогом для *секуляризации церковных имуществ* (прежде всего земельной собственности), то есть отчуждения этих имуществ в пользу светской (королевской) власти.

В тоже время Возрождение неразрывно связано с развитием свободомыслия и с прогрессом науки, выступавшей как антитеза религиозному объяснению окружающего мира. Именно в эпоху Возрождения появляется гелиоцентрическая система Коперника, которую подхватили Джордано Бруно и Галилео Галилей; Мигель Сервет впервые создает научную картину системы кровообращения человека; исследования Везалия по патологоанатомии дают огромный толчок пониманию анатомии человеческого тела; Томас Мор и Томмазо Кампанелла публикуют свои социальные утопии. Все эти мыслители подвергались нещадным гонениям церкви (как католической, так и протестантской), а Джордано Бруно и Мигель Сервет окончили свои жизни на костре инквизиции (первый — католической, второй — кальвинистской).

Развитие экономических отношений в эпоху позднего феодализма вело к постепенному упадку феодального уклада. С течением времени (хотя бы в силу роста дворянского населения) происходит дробление крупных феодальных владений, растет численность малоземельного (мелкопоместного) и безземельного дворянства. Эти слои дворянства нередко оказываются под угрозой разорения, и либо деклассируются, либо вынуждаются искать новые источники дохода в частном предпринимательстве или на государственной службе (Д'Артаньян, описанный в «Трех мушкетерах» А. Дюма, как раз представляет собой яркий пример последнего случая). Деклассированные дворяне пополняют собой и возглавляют шайки менее «благородных» по происхождению авантюристов, ринувшихся на захват новых земель и богатств, совершив попутно многое из того, что впоследствии получило название великих географических открытий. Они же, попадая на государственную службу, формируют верную опору королевской власти.

Королевская власть, опираясь на мелкопоместное и безземельное дворянство, на торгово-ростовщическую буржуазию и мануфактуристов, постепенно укрепляет свои позиции в борьбе со слабеющими крупнейшими феодалами. Период феодальной раздробленности сменяется формированием централизованной государственной власти вместе с формированием национальных государств (взамен прежней пестрой

совокупности феодальных владений, связанных сложными отношениями сюзеренитета-вассалитета и династическими узами). Наиболее завершенное выражение этот процесс находит в эпохе **абсолютизма**.

Абсолютизм (абсолютная монархия) — форма феодального государства периода позднего феодализма. Характеризуется законченной политической централизацией — сосредоточением законодательной и исполнительной власти в руках монарха, опирающегося на подчиненный ему разветвленный бюрократический аппарат. Возникает единая государственная судебная, полицейская и фискальная система. Войско, комплектовавшееся из совокупности феодальных дружин и народного ополчения, сменяется постоянной королевской армией.

Абсолютизм характеризовался изменением формы правления господствующего сословия — дворянства. Оставаясь господствующим классом, феодальные землевладельцы утратили многие государственные (политические, судебные, военные и т. п.) функции, перешедшие к централизованному бюрократическому аппарату королевской власти. Возникает относительная независимость государственного аппарата от господствующего класса (что является характерной чертой **бюрократии**). Абсолютизм характеризуется появлением в государстве новой политической силы — буржуазии, которая еще не может потеснить дворянство у руля государственной власти, но уже в состоянии выдвигать и отстаивать собственные интересы, пользуясь тем, что королевская власть заинтересована как в росте доходов от торгово-промышленной деятельности, так и в наличии определенного противовеса сепаратизму крупного феодального дворянства.

Относительная независимость королевской власти выражалась в эпоху абсолютизма также в принижении роли или вообще в отказе от систем сословного представительства, появившихся в предшествующую эпоху.

Сеньориальное хозяйство (домен) в борьбе с ориентированным на рынок хозяйством крестьян, освобожденных от личной зависимости, постепенно утрачивает свои позиции — если оно само не переводится на начала частного предпринимательства, либо если крупный феодал не превращается в лендлорда, сдающего землю в аренду капиталистическим фермерам, вырастающим из зажиточного крестьянства, купцов и ростовщиков, вкладывающих капиталы в сельское хозяйство. Эффективность изъятия феодальной ренты падает, и значительная часть дворянства вынуждена жить уже не столько на доходы от своего поместья, сколько на служилые доходы и королевские пенсии. Соответственно происходит сдвиг в формах эксплуатации крестьянства — удельный вес сеньориальной ренты падает, и растет значение государственных (королевских) налогов, как источников выплаты жалования и пенсий дворянскому сословию.

Это еще больше укрепляет позиции монарха в борьбе с крупнейшей феодальной знатью. Она шаг за шагом лишается феодального иммунитета. Судебные и военные функции изымаются у феодалов и сосредотачиваются в руках королевских чиновников. В этой борьбе королевская власть находит поддержку со стороны буржуазии, заинтересованной в единообразном применении законов на территории государства и в устранении феодальных барьеров для развития национального рынка. В свою очередь, королевская власть принимает ряд мер по поощрению предпринимательства (политика **меркантилизма**).

Меркантилизм — экономическая политика европейских государств в ранний период развития капитализма. Была ориентирована в первую очередь на накопление денег (благородных металлов) в руках королевской казны. С этой целью проводилась политика активного торгового баланса, торгового протекционизма (повышенное обложение импорта), поощрения мануфактурной промышленности, основания монопольных внешнеторговых компаний, торговой и колониальной экспансии. Эта политика вела к столкновениям европейских держав в борьбе за торговое и промышленное преобладание.

Разумеется, меры поощрения королевской властью торговли и промышленности (что нашло наиболее последовательное выражение в политике Кольбера, министра финансов короля Людовика XIV во Франции) были рассчитаны не столько на то, чтобы задобрить своего союзника в борьбе с феодальным сепаратизмом, сколько на то, чтобы расширить базу поступления налогов в королевскую казну. Эта политика далеко не во всем отвечала интересам класса буржуазии (мелочная регламентация производства, система королевских привилегий, создание монопольных торговых и промышленных компаний). С течением времени узость политики меркантилизма перестала устраивать буржуазию, но в период становления абсолютизма эта политика играла объективно прогрессивную роль, способствуя развитию капитализма.

Развитие товарного хозяйства привело к быстрому росту капиталистических производственных отношений не во всей Европе. *В тех регионах Европы, где товарное производство не приобрело еще глубоких корней, расширение рынков для продукции сельского хозяйства вызвало явления феодальной реакции* (о которых уже упоминалось в предыдущем разделе применительно к Англии и Северной Италии). Феодалы стремились использовать возможности сбыта товарной сельскохозяйственной продукции для личного обогащения путем расширения производства в господском хозяйстве (домене). С этой целью они ужесточали формы крепостной эксплуатации — увеличивали оброк или расширяли барщину (до 5–6 дней в неделю).

В политической сфере феодальная реакция ознаменовалась углублением сословного неравноправия, превращением дворянства в еще более замкнутую привилегированную касту, частичным возвратом к феодальной раздробленности или превращением абсолютизма в открытую форму дворянской диктатуры.

Если в Англии явления феодальной реакции в XIII–XIV вв. носили локальный характер и были изжиты с дальнейшим ростом буржуазных отношений, то в других странах в XVI–XVIII вв. феодальная реакция получила более прочные основания. Наиболее широко явления феодальной реакции давали себя знать в Испании, Италии, во Франции (вторая половина XVIII в.), Центральной и Восточной Европе. В ряде случаев (в восточной части Германии, в Чехии, Словакии, Венгрии, Польше, России) эти явления приобрели форму т. н. *второго издания крепостничества* — т. е. применения уже изжитых в других странах форм личной зависимости, к расширению и усугублению крепостничества. В России особую активность в насаждении полурабских форм крепостничества и в распространении его на прежде независимое население проявила Екатерина II (несмотря на личное понимание исторической бесперспективности крепостного состояния), которую современные поклонники крепостничества и дворянской диктатуры объявляют за это «Великой».

Развитие капиталистических производственных отношений с течением времени приводит к превращению капиталистического уклада в ведущий или даже в господствующий. Буржуазия начинает претендовать на участие в политической власти, в первую очередь для того, чтобы ликвидировать сдерживающие развитие капитализма пережитки феодальных отношений (сословное неравноправие, регламентация торговли и промышленности, отстранение недворянских сословий от выработки экономической политики, отсутствие свободного земельного рынка и т. д.).

Фактически происходящая *социальная революция* — т. е. переход от преимущественно феодальных к преимущественно буржуазным экономическим отношениям — сопровождается развертыванием политических столкновений буржуазии с сохраняющим монополию на политическую власть дворянским сословием. В этой борьбе буржуазия опирается на поддержку массового слоя мелкой буржуазии и крестьянства, страдающего от роста королевских налогов. В большинстве европейских стран эта политическая борьба выливается в буржуазные **политические революции**. Начало им было положено революциями в Голландии (XVI в.) и Англии (XVII в.).

В ряде стран Северной Европы социальная революция — переход к капиталистическим производственным отношениям — не облекалась в форму политической революции. Поскольку крепостнические отношения и сословное неравноправие в Исландии, Норвегии, Швеции не получили столь сильного распространения, как в континентальной Европе, а в Исландии и Норвегии свободное крестьянство составляло большинство сельского населения вплоть до перехода к капитализму, здесь не возникало и столь острых форм классовой (межсословной) политической борьбы. Проблема модернизации политического и правового строя в этих странах могла быть решена реформистским путем.

6.4.4. Особенности российского феодализма

О некоторых особенностях российского феодализма уже упоминалось при описании становления феодального способа производства. Феодализм в России начинает формироваться позднее, чем в Западной Европе. В IX–X веках на Руси складывается раннеклассовое общество (отсутствие крепостничества, небольшие масштабы патриархального рабства, основной формой эксплуатации выступает взимание князьями нерегулярной дани — *полюдье*), а в X–XII веках начинается процесс его феодализации (рост различных категорий лично зависимых крестьян — закупов, холопов и т. д., развитие церковного и боярского землевладения в форме вотчины). Русь по уровню экономических отношений быстро приближается к раннефеодальной Европе. С конца XI в. происходит развитие феодальной раздробленности, а XII–XIII вв. ознаменовались ростом товарного производства, ремесла и городов, что сближало уровень хозяйственного развития Руси и европейских стран.

Эта социально-экономическая динамика Руси была прервана в середине XIII в. монгольским нашествием. Происходит резкий упадок городского ремесла, денежного обращения, падение роли городов, разрушаются экономические и политические связи с Западной Европой. Переход от феодальной раздробленности к формированию централизованного государства начинается только во второй половине XV в., и не опирается на становление единого национального рынка, рост буржуазии и т. д., вырастая из военного объединения в борьбе против ига Золотой Орды. Медленно происходит процесс складывания крепостной зависимости — когда в Европе во многих странах она уже разлагалась, на Руси она только приобретала законченные формы (конец XVI века). В XV–XVI веках происходит поворот отношений феодального землевладения от вотчины к поместью — не наследственному, а личному держанию за службу. Уравнивание статуса поместья с вотчиной происходит только в середине XVII – начале XVIII века.

Господствующий класс длительно сохраняет черты военно-служилого сословия, отношения которого с монархом строятся не столько на началах вассалитета, сколько на началах государственной службы. Складывание централизованного государства в условиях незавершенной феодализации определялось гипертрофией военных функций в условиях постоянной угрозы со стороны кочевых народов, а затем — Золотой Орды и ее преемников. Усиление роли централизованного государства определялось также необходимостью защиты разбросанных общин и контроля над ними в условиях длительной эпохи колонизации обширных лесных и лесостепных пространств.

В результате в России не сложился феномен свободных городов со свободными самоуправляющимися сословными корпорациями (цехами, гильдиями, университетами). Городское (посадское) население по своему социально-экономическому положению было в основном *тягловым* — зависимым от определенного феодала (или царя) и несшим соответствующие феодальные повинности (тягло). Сословные права даже господствующего сословия — дворянства — не были фиксированы до второй половины XVIII века.

О втором издании крепостничества:

В строгом смысле слова «второе издание крепостничества» в Центральной и Восточной Европе было вторым только по отношению к Западной Европе. На самих же этих территориях не шло и речи о каком-то повторении уже существовавших и исчезнувших черт крепостной зависимости, а происходил процесс усиленного первичного закрепощения крестьян (в то время как в Западной Европе крепостничество разлагалось). Это определялось относительной нехваткой рабочих рук при относительно более широкой возможности колонизации свободных земель, что подталкивало землевладельцев к насильственному удержанию крестьян на своей земле. Кроме того, имевшиеся в Западной Европе черты сеньориальной реакции не смогли превратиться в нечто подобное «второму изданию крепостничества», поскольку этой тенденции противостоял развитый городской хозяйственный уклад, опиравшийся на лично свободное и корпоративно-организованное население. В Центральной Европе городской уклад был относительно слабее, а в Восточной феномен свободных городов вообще почти не получил развития.

Второе издание крепостничества (вплоть до развития полурабских форм личной зависимости) привело в России к тому, что еще в середине XIX века барщина и оброк были основными формами феодальной эксплуатации. Рост мануфактурного производства в XVIII в. происходил в значительной мере в форме крепостных (посессионных) мануфактур (где работники имели статус крепостных, прикрепленных к мануфактуре или заводу). Постепенное разложение личной зависимости под влиянием растущих потребностей развития товарного хозяйства происходило крайне медленно. Отмена крепостничества приняла форму «революции сверху», в условиях, когда большинство помещичьих хозяйств не было в достаточной мере втянуто в капиталистическое предпринимательство, а крестьянское хозяйство лишь начало переходить на рельсы мелкотоварного производства. В результате посткрепостнические отношения крестьян и помещиков развивались в основном в форме кабальной аренды полуфеодального типа («отработки»).

Вопросы для самопроверки

6.1. В чем заключается переход от архаической к экономической общественной формации?
6.2. Какие черты объединяют азиатский и античный способы производства?
6.3. Какие предпосылки со стороны производительных сил определяют формирование азиатского способа производства?
6.4. В чем специфика «азиатской» общины?
6.5. Какова экономическая и классовая структура азиатского способа производства?
6.6. Что такое «азиатский цикл»?
6.7. Какие предпосылки со стороны производительных сил определяют формирование античного способа производства?
6.8. В чем специфика античной общины?
6.9. Какова экономическая и классовая структура античного способа производства?
6.10. В чем заключается сложность классификации древних классовых обществ?
6.11. Какие существуют альтернативные концепции ранних эксплуататорских способов производства?
6.12. Каковы различия в причинах и ходе разложения азиатского и античного способов производства?
6.13. Попробуйте разобраться в специфике социальной революции, опосредующей переход к феодализму.
6.14. Каковы были опосредствующие звенья в процессе перехода от античного (и азиатского) общества к феодальному?
6.15. Роль перехода от отчуждаемой семейно-общинной собственности на землю к условному наделу крепостного.

6.16. Факторы формирования поземельной и личной зависимости крестьянства.
6.17. Факторы формирования вотчинного иммунитета.
6.18. Как связана условная крупная земельная собственность и отношения вассалитета?
6.19. Чем вызван переход к феодальной раздробленности и формированию вотчинного иммунитета?
6.20. Каковы движущие силы образования феномена свободных городов?
6.21. В чем состоит прогрессивный характер городских корпораций (цехов, гильдий, университетов)?
6.22. Каковы предпосылки роста товарного производства и расширения рынка при феодализме?
6.23. Каковы предпосылки преодоления феодальной раздробленности и формирования национальных государств?
6.24. Каковы характерные черты абсолютистского государства?
6.25. Каковы причины упадка крепостничества? Что такое «второе издание крепостничества»?
6.26. Каковы основные экономические и социальные факторы разложения и кризиса феодального способа производства?
6.27. Каковы особенности «восточного» и, в том числе, русского феодализма?

Литература для самостоятельного изучения

По проблемам азиатского и античного способа производства:

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. ч. I.
- *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21.
- *Энгельс Ф.* Марка // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.
- *Энгельс Ф.* Франкский период // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.

В работах Нуреева специально анализируется экономический строй азиатского способа производства:

- *Нуреев Р. М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: ДОНИШ. 1989. 245 С.
- *Нуреев Р. М.* Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.

Дьяконов убедительно показал слабое развитие рабства в древнем Шумере, но объявил его строй рабовладельческим (хотя в постсоветский период и отказался от этого утверждения):

- *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

В работах Семенова предложен вместо термина «азиатский способ производства» термин «политарный строй», исключающий ограниченную географическую привязку. Автор строй СССР считает неополитарным строем, вводит понятия неосновных способов производства — не образующих основу формации:

- *Семенов Ю. И.* Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // *Перщиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А.* Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1994.
- *Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н. э. – XX в. н. э.). М.: Изд-во МФТИ, 2001.
- *Семенов Ю. И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: «Волшебный ключ», 2008.

Другие взгляды на природу ранних классовых обществ:

- *Илюшечкин В. П.* Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука. 1986.
- *Илюшечкин В. П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990.
- *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.
- *Krader L.* The Asiatic mode of production : sources, development and critique in the writings of Karl Marx. Assen : van Gorcum, 1975.

В следующей работе дается полезный обзор дискуссий по проблемам социально-экономического строя древних обществ, несмотря на стремление автора втиснуть решение вопроса в рамки официальной доктрины «марксизма-ленинизма»:

- *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М.: Наука, 1971.

Работа по проблемам соотношения формации и уклада. Стоит обратить внимание и на другие статьи на данную тему, появившиеся в этот же период на страницах журнала «Вопросы философии»:

- *Гуревич А. Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии, 1968, № 2.

По проблемам феодального способа производства:

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Капитал. Т. I, гл. 24 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.
- *Маркс К.* Капитал. Т. III, гл. 36 и 47 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II.
- *Энгельс Ф.* Марка // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.
- *Энгельс Ф.* Франкский период // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.

Книга известного представителя исторической школы «Анналов»:

- *Блок М.* Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

Книга написана под значительным влиянием западной медиевистики и представляет собой неплохой очерк ее достижений:

- *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.

Этот же автор об особенностях феодальной собственности и о роли личной зависимости при феодализме:

- *Гуревич А. Я.* Начало феодализма в Европе // А. Я. Гуревич. Избранные труды в 2 т., т. 1, М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999.

Известный британский историк-марксист излагает свой взгляд на феодальное общество:

- *Андерсон П.* Переходы от Античности к феодализму. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.
- *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

В статье советского историка Сказкина, изданной в 1958 году, заложены основы понимания феномена «второго издания крепостничества»:

- *Сказкин С. Д.* Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // Вопросы истории, 1958, № 2.

В работе Владислава Иноземцева формулируется взгляд на внутренние закономерности развития экономической общественной формации, в том числе на потенциал перехода к капиталистическому способу производства в различных типах общества:

- *Иноземцев В. Л.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996.

В этой работе вводятся в научный оборот забытые было дискуссии российских экономистов, посвященные проблемам капиталистической эволюции российского земледелия:

- *Гловели Г. Д.* Геополитическая экономия в России: от дискуссий о «самобытности» к глобальным концепциям. СПб.: Алетейя, 2008.

Тезаурус к главе 6

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ: характеризуется выделением из общественных отношений производственных отношений, и сложной дифференциацией последних. Производственные отношения в рамках экономической общественной формации окончательно приобретают роль определяющих общественных отношений.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — такие производственные отношения, которые связаны со стремлением к наиболее эффективному получению вещного богатства, т. е. к увеличению размеров этого богатства при относительном сокращении затрат на его приобретение.

МНОГОУКЛАДНОСТЬ — сочетание в рамках одного способа производства систем производственных отношений, качественно различающихся между собой, образующих самостоятельные (т. е. с относительно полным циклом воспроизводства продукта и общественных отношений) хозяйственные уклады. В переходных обществах многоукладность выступает как сочетание в рамках единого национального хозяйства укладов, опирающихся на разные способы производства.

СОСЛОВИЯ — форма проявления классового деления общества при докапиталистических способах производства. Сословные

группы характеризовались различным юридическим положением; носили, как правило, наследственный и относительно замкнутый характер.

АЛЛОД — наследственный надел земледельца-общинника, обладавший свойством отчуждаемости — перехода от условного держания, санкционируемого общиной, к условному держанию, санкционируемому частным магнатом или церковью.

БЕНЕФИЦИЙ — пожалование земли (первоначально от лица королевской власти, а затем и крупных земельных магнатов) в личное условное держание (обычно на условиях несения военной или военно-административной службы).

ЛЕН, ФЕОД — наследственное держание участка земли на условиях несения военной или военно-административной службы.

ВАССАЛИТЕТ — система отношений внутри господствующего класса (феодалов), предполагавшая несение вассалом службы своему сюзерену в обмен на покровительство последнего.

ВОТЧИННЫЙ ИММУНИТЕТ — право осуществления всей полноты административно-юридических функций на территории бенефиция.

ПОМЕСТЬЕ (НА РУСИ) — земельное пожалование дворянину по месту службы (отсюда название). Носило личный характер, не могло продаваться, передаваться по наследству и т. д., что сближало его с западноевропейским бенефицием. Только в XVII веке разница между поместным и вотчинным землевладением сглаживается, а затем и исчезает.

ВОТЧИНА (НА РУСИ) — наследственное земельное пожалование на условиях несения службы.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА — основная форма присвоения прибавочного продукта в феодальном обществе путем несения крепостными повинностей в пользу сеньора (в разных формах — отработочная рента или барщина, рента продуктами или оброк, денежная рента).

ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА (БАРЩИНА) — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем работы в господском хозяйстве (домене).

ПРОДУКТОВАЯ РЕНТА (ОБРОК) — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем передачи последнему части продуктов, произведенных на собственном наделе.

ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем уплаты ему части своих денежных доходов, полученных в результате производства на рынок (со своего надела либо на отхожих промыслах). Перевод феодальных повинностей в денежную форму называется коммутацией.

МАНУФАКТУРА — крупное предприятие, основанное на использовании ручных орудий труда и разделения труда (попредметного или пооперационного) при изготовлении готовой продукции. Характерно для периода XIV – начала XIX вв. С точки зрения производственных отношений на мануфактурах мог применяться как крепостной, так и наемный труд. Мануфактура может быть централизованной или *рассеянной*, когда разрозненные мелкие производители подчиняются мануфактурному разделению труда в силу их зависимости от скупщика (поставляющего сырье и скупающего готовые изделия), выступающего нередко и их кредитором.

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ — товаропроизводители, ведущие хозяйство в основном за счет собственного труда.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА — процесс формирования исторических предпосылок капиталистических производственных отношений, выражающийся в концентрации денежного богатства на одном социальном полюсе, и развитии отделения лично свободных мелких товаропроизводителей от средств производства и источников средств существования — на другом. Тем самым возникает возможность превращения денег в капитал путем найма и эксплуатации свободной рабочей силы.

АБСОЛЮТИЗМ (АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ) — форма феодального государства периода позднего феодализма. Характеризуется за-

конченной политической централизацией — сосредоточением законодательной и исполнительной власти в руках монарха, опирающегося на подчиненный ему разветвленный бюрократический аппарат. Возникает единая государственная судебная, полицейская и фискальная система. Войско, комплектовавшееся из совокупности феодальных дружин и народного ополчения, сменяется постоянной королевской армией.

МЕРКАНТИЛИЗМ — экономическая политика европейских государств в ранний период развития капитализма. Была ориентирована в первую очередь на накопление денег (благородных металлов) в руках королевской казны. С этой целью проводилась политика активного торгового баланса, торгового протекционизма (повышенное обложение импорта), поощрения мануфактурной промышленности, основания монопольных внешнеторговых компаний, торговой и колониальной экспансии. Эта политика вела к столкновениям европейских держав в борьбе за торговое и промышленное преобладание.

Часть 3

Классическая политическая экономия капитализма (введение в «Капитал» К. Маркса, или фундаментальные основы теории «рыночной экономики»)

Капиталистический способ производства знаменует собой кульминацию экономической общественной формации. В капитализме все свойства этой формации и присущие ей противоречия реализуются наиболее последовательно, выпукло и ярко. Именно поэтому капитализм выступает как завершающая стадия развития экономической общественной формации, как период формирования предпосылок новой общественной формации человечества.

Глава 7

Становление капиталистического способа производства (введение к части 3)

Структура главы

- Первоначальное накопление капитала и возникновение мануфактурного производства
- Развитие торгового и ростовщического капитала. Промышленный переворот

Основные понятия:

первоначальное накопление капитала
экспроприация
мануфактурное производство
процесс превращения сельского населения в наемных работников
торговый и ростовщический капитал

промышленный переворот
капиталистическая индустриализация производства
промышленная монополия

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Национальные особенности первоначального накопления капитала (примеры Франции, Германии и России)

7.1. Первоначальное накопление капитала и возникновение мануфактурного производства

Становление капитализма, как было показано выше, происходит в недрах феодального способа производства, и исторически выступает как процесс так называемого *«первоначального накопления капитала»*. Основу этого процесса составляет отделение непосредственных производителей от средств производства и формирование свободного работника — свободного как от внеэкономической регламентации и принуждения, так и от средств производства. Понятно поэтому, почему первоначальное накопление именуется «так называемым» — это, собственно, было не накопление в привычном понимании, а процесс *экспроприации* непосредственных производителей, протекавший в более жестких или более мягких формах.

Первоначально наемный труд применяется в небольшом объеме, и лишь спорадически — в крупных масштабах (при крупных строительных работах или в сезонных работах в сельском хозяйстве). Такое применение наемного труда ограничивалось условиями простой кооперации наемных работников. Методы простой кооперации труда не представляли собой чего-либо нового, возникнув еще в доклассовых (а как способ организации принудительного труда — в раннеклассовых) обществах. Капиталистический уклад заимствовал их практически в готовом виде.

Развитие общественного разделения труда и расширение рынков для массового товарного производства потребовало создания более эффективного производства специализированной товарной продукции, способного обеспечить ее массовый выпуск. Так возникло **мануфактурное производство** — метод производственной кооперации, основанный на разделении труда (попредметном или пооперационном). Мануфактура представляла собой элемент производительных сил, созданный под влиянием потребностей развития капиталистического производства, под влиянием противоречий капиталистических производственных отношений.

Именно бурный рост мануфактурного производства создал впервые массовую потребность в свободных наемных работниках. Выше уже говорилось о проведенном по инициативе североитальянской городской верхушки (в которой большую роль играли мануфактуристы) принуждении сельских помещиков к личному освобождению крестьян. Голландские суконные мануфактуры были ближайшей причиной *«огораживаний»* в Англии. Сначала голландские мануфактуры лишь увеличивали рынок сбыта для английской шерсти и вызывали у феодалов потребность в расширении овечьих пастбищ, что и достигалось путем безжалостного сгона крестьян с их наделов (причем нередко «под горячую руку» лишались земли не только феодально-зависимые крестьяне, но и свободные держатели — фригольдеры). Но затем потребности роста собственной английской текстильной промышленности для конкуренции с голландской превратили согнанных с земли крестьян, превращенных в нищих и бродяг, в необходимый ресурс для английских суконных и хлопкопрядильных мануфактур. Именно поэтому появляется английское «кровавое законодательство против экспроприированных» (по выражению К. Маркса),

призванное *превратить* некогда свободное и экономически самостоятельное, а ныне *деклассированное сельское население в наемных работников*.

Методы т. н. первоначального накопления капитала, применявшиеся в Великобритании, и опиравшиеся на насильственную экспроприацию сельского населения, были положены К. Марксом в основу его изложения проблемы первоначального накопления в «Капитале». Однако не следует думать, что везде этот процесс протекал аналогичным образом. Например, роль насилия в ускорении процесса первоначального накопления была менее велика во Франции и значительно менее велика в Северной Европе.

✓ **Национальные особенности первоначального накопления капитала (примеры Франции, Германии и России):**

Во Франции в ходе буржуазной революции была проведена экспроприация и распродажа имений дворян-мятежников. Это привело к появлению массы мелких самостоятельных крестьянских хозяйств, основанных на частной собственности, рядом с которыми появилась (в менее значительных масштабах) и крупная частная земельная собственность. Дальнейшее развитие процесса т. н. первоначального накопления происходило за счет действия законов товарного производства, при котором конкуренция приводит к разорению одних товаропроизводителй и обогащению других. Этот процесс развивался во Франции на протяжении всего XIX века и первой половины XX века. Постепенно произошло разрушение системы *парцеллярного* крестьянского хозяйства (*парцелла* — небольшой участок земли), основанного на собственном труде, и концентрация земельной собственности в небольшом числе мелких, средних и крупных фермерских хозяйств капиталистического типа.

Несколько иначе этот процесс происходил в Германии и России. Там основой этого первоначального накопления была отмена крепостной зависимости при лишь частичной передаче крестьянам земельных наделов, и при сохранении крупного помещичьего землевладения. Такая ситуация вела к сохранению форм полукрепостнической эксплуатации крестьян (кабальная аренда, издольщина) и лишь к очень медленному переходу как помещичьих, так и крестьянских хозяйств на рельсы интенсивного товарного и капиталистического производства, что сопровождалось постепенным разорением наиболее бедных крестьянских хозяйств. В Российской Империи этот процесс так и не был закончен (его историческим суррогатом выступила сначала сталинская коллективизация, а затем передача земли в частную собственность в начале XXI века), а в Германии он развивался с начала XIX века по начало XX века.

7.2. Развитие торгового и ростовщического капитала. Промышленный переворот

Мануфактурное производство представляло собой лишь надстройку над морем мелких самостоятельных товаропроизводителей и торговцев, хотя конкуренция мануфактур уже начала способствовать вытеснению мелкого производства. Промышленная буржуазия еще занимала более скромное место по сравнению с представителями купеческого и ростовщического капитала, от которых во многом зависят и мелкие производители, и мануфактурное производство.

В эту эпоху происходит также бурное развитие *торгового и ростовщического капитала*, обслуживающего как возросшие товарные обороты на внутренних рынках, так и выросшие возможности внешней торговли. В поисках новых заморских товаров и рынков сбыта для европейского производства, в погоне за золотом и серебром происходит быстрая внешняя экспансия, начавшаяся с рубежа XV–XVI вв. Европейские авантюристы основывают форпосты

на новых территориях, завязывают с ними торговые отношения, совершают грабительские экспедиции, захватывают земли, превращая их в свои колонии, нередко безжалостно истребляя местное население. Попутно совершаются географические открытия — как это сделал английский пират Фрэнсис Дрейк: стремясь избегнуть засады испанского флота в Магеллановом проливе (после того, как он ограбил Атлантическое побережье испанских колоний в Южной Америке), он открыл новый пролив, ныне носящий его имя.

Мануфактурная промышленность положила начало формированию экономического перевеса европейских стран в международной торговле и массовой экспансии мануфактурных товаров в менее развитые страны под влиянием потребности промышленного капитала в новых, более широких рынках сбыта.

Однако и мануфактурное производство не удовлетворяло полностью интересам капитала в безудержном расширении производства и рынков сбыта. Ручные орудия труда не могли обеспечить достаточную массовость производства, а поскольку производство носило ручной характер, то издержки на наем рабочих рук были главными издержками производства. Решить обе эти проблемы — увеличить выпуск товаров в массовом масштабе и понизить издержки найма рабочей силы — смог переход к машинному производству. (В последующих главах будет дан теоретический анализ причин и последствий этого перехода).

С конца XVIII века в Великобритании, а несколько десятилетий спустя и в других европейских странах начинается **промышленный переворот** или **капиталистическая индустриализация производства**. Капитал начинает в массовом масштабе применять технические нововведения, обеспечивающие замену ручного труда машинным. Появляется широкий спрос на изобретения.

Промышленный переворот резко изменяет облик общества, в котором развивается капиталистический способ производства.

Переход к капиталистической машинной промышленности привел к уже массовому разорению мелких товаропроизводителей, занятых ручным трудом. Начальная стадия промышленного переворота, поскольку он прямо диктовался потребностью капитала в понижении издержек найма рабочей силы, ознаменовалась ухудшением положения наемных работников. Кроме того, под влиянием этого же интереса, происходил переход к использованию более дешевого и лучше поддающегося нажиму фабрикантов женского и детского труда в массовых масштабах. Эти процессы вызывали резкое обострение классовых противоречий и конфликтов, носивших со стороны рабочих еще слабо организованные формы, но нередко выливавшихся в вооруженные выступления (восстания английских ткачей в конце XVIII века, силезских ткачей в Германии — в начале XIX, лионских ткачей во Франции — в 1830 г.).

А в мировой торговле промышленный переворот обеспечил формирование *промышленной монополии* сначала Великобритании, а затем и ряда других европейских держав. Конкуренция европейской промышленности разоряла мелких производителей как в Европе, так и за ее пределами. Однако в Европе мелкое производство замещалось национальным промышленным капиталом, организующим крупное машинное производство, и разорившиеся мелкие производители превращались в наемных работников. В колониальных же странах разорение крестьян и ремесленников, работавших на рынок, сопровождалось установлением торговой гегемонии иностранного (европейского) промышленного капитала и полным упадком местной доиндустриальной промышленности (а отчасти и сельского хозяйства), что вело к пауперизации, а зачастую — и к голодной смерти миллионов разоренных ремесленников и крестьян.

Эта промышленная монополия дополнялась прямым разграблением человеческих ресурсов колоний, как путем организации работорговли, так и путем организации массового принудительного труда непосредственно местного населения. Разграблению подвергались также и сырьевые ресурсы. Все это в совокупности обеспечило резкий отрыв европейских стран по уровню

экономического могущества от всех остальных стран мира — отрыв, который в основном сохраняется до сих пор.

В странах, претерпевших промышленный переворот, происходит быстрое сокращение удельного веса самостоятельных крестьян, ремесленников и мелких торговцев, разорение землевладельцев (в том числе и крупных), не перешедших на современные капиталистические методы производства, падение численности непроизводительных работников, обслуживавших интересы феодальной аристократии. Наряду с этим существенно возрастает численность рабочего класса (особенно фабрично-заводского пролетариата), происходит рост численности и укрепление экономических позиций промышленных капиталистов, оттесняющих торгово-финансовую буржуазию.

Таким образом, капиталистический способ производства приобретает господствующий (или, по крайней мере, ведущий) характер в экономике стран, проходящих через промышленный переворот. Капиталистический уклад вытесняет и преобразует все добуржуазные, раннебуржуазные и переходные формы производства, если и не ликвидируя их полностью, то отодвигая на второй план. Внешняя экспансия промышленного капитализма оказывает противоречивое влияние на экономику колоний, создавая в них элементы упадка и регресса, закрепляя отсталые экономические и политические формы, но, с другой стороны, создавая и некоторые предпосылки для развития капиталистических отношений.

Большинство буржуазных революций происходит в начале эпохи промышленного переворота (в Бельгии, Германии, Испании, Италии и т. д.) или непосредственно перед ней (во Франции, в США, в Японии). Именно в этой эпохе пролетариат впервые появляется на общественной сцене как самостоятельная политическая сила и начинают формироваться классические марксистские представления об экономической системе капитализма.

Вопросы для самопроверки

7.1. Что такое так называемое первоначальное накопление капитала? Каковы его особенности в различных странах?
7.2. В чем причина формирования на основе капиталистических отношений мануфактурного производства?
7.3. Каковы экономические движущие силы промышленного переворота?
7.4. Какую роль в развитии капитализма сыграло формирование промышленной монополии капиталистических государств?
7.5. Какую роль в развитии капитализма сыграло формирование колониальной системы?
7.6. К каким социальным сдвигам привела капиталистическая социальная революция?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Капитал. Т. I, гл. 24 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.

Работы историков — представителей школы «Анналов», внесших значительный вклад в освещение процесса становления капитализма:

- *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс. Т. 1, 1986; Т. 2, 1988; Т. 3, 1992.
- *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Глава 8

Анатомия рынка: товар, деньги и теория стоимости

Структура главы:

- Марксистский вариант трудовой теории стоимости
- Деньги, или обращение товаров

Основные понятия:

товар*
потребительная стоимость товара*
меновая стоимость товара*
двойственная природа товара*
трудовая теория стоимости*
затраты живого труда
общественно-необходимое рабочее время*
конкретный труд*
абстрактный труд*
частный труд*
общественный труд*
форма стоимости товара*
цена товара*
товарный фетишизм*
деньги*

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Неоклассическая теория об определении меновой стоимости товара (пропорции обмена)
- ✓ Рассматривает ли неоклассическая теория природу денег?
- ✓ Отличия трактовки трудовой теории стоимости К. Марксом от трактовки ее в классической политической экономии А. Смитом и Д. Рикардо

Рекомендуемые разделы Приложения для расширения и углубления знаний по теме:

Часть 1. Товар и деньги
Глава 1. Тотальный рынок сетей
Глава 2. Рынок симулякров
Глава 3. Виртуальные деньги

8.1. Марксистский вариант трудовой теории стоимости

Наиболее общим свойством капиталистического производства является *производство продуктов как товаров*. Если для других способов производства в рамках экономической общественной формации производство продуктов для обмена, на рынок, выступает лишь одним из укладов (и не самым значительным), а основное производство ведется на основе натурального хозяйства, то для капитализма товарное производство является универсальной, всеобъемлющей формой производства.

Поэтому именно на основе капиталистического способа производства товарное производство наиболее полно проявляет все свои свойства и потенции, и, соответственно, могут быть созданы наиболее точные научные представления о товарном производстве.

Товары —

продукты независимых друг от друга, частных работ, поступающих в общественное потребление через обмен их на рынке.

Естественные свойства продукта труда приобретают при товарном производстве форму **потребительной стоимости** товара — т. е. его полезности, способности удовлетворять определенные общественные потребности. Речь идет не о потребностях самого товаропроизводителя, а, поскольку продукт предназначается для продажи, о потребностях других людей, о полезности товара для них. Наличие у товара потребительной стоимости является необходимым условием его производства и продажи.

Способность товара обмениваться на рынке в определенной пропорции на другие товары выступает как **меновая стоимость** товара.

Потребительная стоимость товара —

полезность товара, способность удовлетворять определенные общественные потребности.

Меновая стоимость товара —

способность товара обмениваться на рынке в определенной пропорции на другие товары.

Итак, товар предстает как вещь, имеющая *двойственную* природу. Он выступает, с одной стороны, как *потребительная стоимость*, с другой — как *меновая стоимость*.

Двойственная природа товара:

товар выступает, с одной стороны, как потребительная стоимость, с другой — как меновая стоимость.

Но чем же определяется меновая стоимость товара, его способность обмениваться на другие товары, и та пропорция, в которой этот обмен совершается?

Неоклассическая теория об определении меновой стоимости товара (пропорции обмена):

Современная неоклассическая теория, имеющая наибольшее распространение, вообще не дает определенного ответа на этот вопрос. Пропорция обмена, согласно этой теории, устанавливается путем согласования предпочтений покупателей и продавцов (т. е. спроса и предложения). Спрос и предложение, в свою очередь, определяются множеством различных факторов.

При этом неоклассическая теория сразу же допускает несколько грубейших логических ошибок. Во-первых, пропорция обмена сразу же рассматривается как цена, то есть денежная оценка товара, в то время как категория денег на данном этапе анализа еще не вводилась и не определялась. Тем самым величины спроса и предложения также предполагаются как взятые в денежной форме, хотя мы еще ничего не знаем о природе денег.

Во-вторых, в качестве наиболее важных факторов, воздействующих на формирование спроса, называются такие, как денежные доходы потребителей и цены на сопряженные товары, а при формировании предложения — такие, как цены на ресурсы и цены на другие товары. Тем самым для определения цены используется понятие... цены. Возникает замкнутый логический круг в определении. Кроме того, опять используется не введенное и не определенное понятие денежного дохода.

Такая «небрежность» не случайна. Неоклассическую теорию на самом деле *не интересует природа цены* или основа установления пропорций обмена. Ее интересует только механизм согласования спроса и предложения, и даже не столько сам механизм, сколько его количественное выражение. Однако в тоже время неоклассическая теория категорически не приемлет принятую в классической политической экономии трудовую теорию стоимости. Тем не менее в дальнейшем анализе неоклассическая теория фактически признает издержки производства (затраты труда и материальных ресурсов — т. е. овеществленного труда) определяющими факторами формирования цены.

Трудовая теория стоимости исходит из того, что при обмене самых разнообразных товаров единственной возможной основой их приравнивания друг к другу выступает тот общий для подавляющего большинства из них факт, что товары есть продукты труда. Кроме того, товаропроизводители, совершая обмен товаров, должны в этом обмене экономически возместить свои затраты на производство товаров. И, соответственно, *количество затраченного на их производство труда выступает основой установления пропорции обмена*. Можно возразить, что на изготовление товаров тратится не только труд, но и другие ресурсы. Однако эти ресурсы сами есть ни что иное, как продукты труда (*овеществленный труд*). Поэтому в конечном счете все затраты на производство товаров могут быть сведены к человеческому труду: к затратам *живого труда*, т. е. к рабочему времени, израсходованному на производство товара, и к затратам *овеществленного* (*прошлого*) *труда*, т. е. затратам использованных при изготовлении товара средств производства (сырья, материалов, орудий труда).

Трудовая теория стоимости:

исходит из того, что при обмене самых разнообразных товаров единственной возможной основой их приравнивания друг к другу выступает тот общий для подавляющего большинства из них факт, что товары есть продукты труда. Кроме того, товаропроизводители, совершая обмен товаров, должны в этом обмене экономически возместить свои затраты на производство товаров. И, соответственно, количество затраченного на их производство труда выступает основой установления пропорции обмена.

Затраты овеществленного труда (стоимость израсходованных сырья и материалов и стоимость износа орудий труда) переносятся на готовый продукт благодаря живому труду. Именно целесообразная деятельность работника позволяет израсходованным средствам производства воплотиться в полезном продукте и тем самым позволяет им не утратить свои полезные свойства, а включить их в свойства созданного продукта труда. Поэтому и их стоимость переносится на продукт труда и добавляется к стоимости израсходованного живого труда.

При товарном производстве пропорция обмена (меновая стоимость товара) определяется *не фактически затраченным трудом*, не тем количеством часов труда, которое было потрачено на изготовление данного товара. При товарном производстве в обмене признается *только общественно-необходимое рабочее время*. Это среднее при данных условиях рабочее время, потраченное на производство (точнее, на воспроизводство — т. е. на регулярно возобновляемое производство) той массы товаров данного вида, которая признана рынком отвечающей потребностям покупателей.

Именно данное количество труда, определяющее меновую стоимость (т. е. пропорцию обмена) товара, выступает как **стоимость** этого товара.

Общественно-необходимое рабочее время —

среднее при данных условиях рабочее время, потраченное на производство (точнее, на воспроизводство — т. е. на регулярно возобновляемое производство) той массы товаров данного вида, которая признана рынком отвечающей потребностям покупателей.

Производители, которые тратят на производство данного товара рабочее время, большее, чем общественно-необходимое (т. е. имеющие более низкую производительность труда), получают в обмен на свои товары относительно меньшее количество товаров другого вида, поскольку сами за определенный отрезок времени производят на продажу меньше товаров, чем производители с более высокой производительностью труда. Тем самым производственные отношения товарного производства подталкивают производителей, под угрозой обнищания и разорения, к повышению производительности труда.

Итак, если первоначально товар предстал перед нами как единство *потребительной стоимости* и *меновой стоимости*, то теперь мы обнаруживаем, что в основе меновой стоимости лежит такое свойство товара, как его *стоимость*. Таким образом, теперь товар предстает *как единство потребительной стоимости и стоимости.*

Различие этих двух сторон товара определяет и различие свойств труда, затрачиваемого на его изготовление. Труд, который создает потребительную стоимость товара, определяется необходимостью придания товару определенных, конкретных физических свойств, с тем, чтобы товар представлял собой полезный продукт. Такой труд получил название **конкретного труда**. (Упомянутый выше перенос стоимости средств производства на готовый продукт, поскольку он обусловлен целесообразным характером трудового процесса, есть свойство именно конкретного труда).

Конкретный труд —

труд, который создает потребительную стоимость товара, определяется необходимостью придания товару определенных, конкретных физических свойств, с тем, чтобы товар представлял собой полезный продукт.

Труд, величина затрат которого определяет пропорцию обмена, и который лежит в основе стоимости товара, выступает как безразличный к какой бы то ни было своей особенной конкретной форме. Это любой вид труда, затраченного на производство товара, признанного рынком. Имеет значение лишь тот факт, что это затраты человеческого труда, получившие общественное признание, что и придает товарам, при всем их различии, качественную однородность, как продуктов труда. Такой труд, безразличный к любой конкретной форме, выступает как **абстрактный труд**.

Абстрактный труд —

труд, безразличный к любой конкретной форме, для которого значим лишь тот факт, что это затраты человеческого труда, получившие общественное признание, что и придает товарам, при всем их различии, качественную однородность, как продуктов труда, обладающих свойством стоимости.

Тем самым труд, производящий товар, также предстает как нечто двойственное — как единство конкретного и абстрактного труда.

Поскольку товары являются продуктами труда частных, независимых друг от друга индивидов, то их труд выступает как **частный труд**.

Частный труд —

труд, совершаемый независимыми друг от друга, частными индивидами, на свой страх и риск и за собственный счет.

Однако это труд, который совершается в системе *общественного разделения труда*. Каждый производитель специализируется

на производстве какого-либо товара, предназначенного для удовлетворения потребности других людей, для удовлетворения *общественной потребности* в данном товаре. Поэтому труд товаропроизводителя выступает одновременно и как **общественный труд**.

Общественный труд — труд, совершаемый в системе общественного разделения труда, и предназначенный для удовлетворения общественной потребности (то есть потребности других людей, а не самого производителя).

Однако труд, воплощенный в товаре, *не является* общественным трудом непосредственно, сразу при его производстве. Ведь он является и частным трудом, то есть выполнен товаропроизводителем на его страх и риск, вне прямого влияния со стороны общества. Поэтому он еще должен *доказать* свой общественный характер, свою способность удовлетворять *общественные потребности* и быть *необходимым звеном общественного разделения труда*, через обмен на рынке.

Таким образом, труд, производящий товар, предстает также и как единство частного и общественного труда.

Каким образом на рынке выясняется меновая стоимость товара, какую видимую форму выражения она получает? Уже применительно к самому простому обмену товара на товар мы должны поставить и выяснить этот вопрос. Для продавца товара единственной мерой стоимости его товара выступает количество другого товара, получаемого в обмен на свой. В уравнении:

$$x \text{ товара A} = y \text{ товара B}$$

«y товара B» является эквивалентом для «x товара A». Таким образом товарное тело, то есть *потребительная стоимость* товара B, выступает **формой стоимости** товара A. Приведенное выше уравнение является формулой *простой формы стоимости*.

Форма стоимости товара — выражение стоимости одного товара через его меновую стоимость, то есть через количество потребительной стоимости, на которую обменивается данный товар.

В более развитом обмене, когда товару A может быть противопоставлен не только товар B, но и множество других товаров-эквивалентов, форма стоимости товара A получает в них свое развернутое выражение. Формула:

$$x \text{ товара A} = y \text{ товара B} = \ldots = z \text{ товара C} = \ldots \text{ и т. д.}$$

есть *развернутая форма стоимости*.

Когда товарное производство приобретает достаточно развитый характер, и в виде товаров производится значительная масса различных продуктов труда, любому конкретному товару потенциально противостоит в качестве эквивалентов весь остальной товарный мир. Соответственно, в качестве эквивалентов товару A выступают все имеющиеся на рынке товары. Такая форма выражения стоимости товара в потенциально бесконечном числе противостоящих ему товарных тел (потребительных стоимостей) товаров-эквивалентов есть *всеобщая форма стоимости*.

В свою очередь, в выражении стоимости товара A через все остальные товары, для их владельцев эквивалентом стоимости их товаров выступает товар A. Когда эта роль эквивалента прочно срастается с товарным телом какого-то одного определенного товара, этот товар получает свойства *всеобщего эквивалента*. **Устойчивое бытие некоего конкретного товара в роли товара — всеобщего эквивалента придает ему свойство денег**.

Цена товара: Выражение стоимости товара **в деньгах** называется ценой товара.

Рассматривает ли неоклассическая теория природу денег?

Неоклассическая экономическая теория отказывается от выяснения и рассмотрения природы денег. Для нее деньгами является все что угодно, что может выступать в качестве таковых. То есть деньги по существу определяются только через их функции. Сами эти функции вводятся эмпирически, без какого-либо теоретического обоснования. Например, указание на то, что деньги выполняют функцию меры стоимости, не сопровождается объяснением категории стоимости и выяснением того, в каком отношении стоимость находится к цене. Таким образом, *теоретический анализ* природы денег *подменяется описанием* их эмпирически наблюдаемого бытия. Не выясняя природы денег, неоклассическая теория в тоже время не в состоянии объяснить пропорции обмена товаров без введения в исследование категории денег, т. е. независимо от их денежной оценки

На ранних ступенях развития товарного производства у разных народов в роли всеобщего эквивалента выступали самые различные товары — зерно, скот, морские раковины, шкурки пушных зверей, ювелирные украшения. Но с течением времени эта роль прочно закрепляется за благородными металлами — золотом и серебром. Золото и серебро играют роль денег потому, что их природные свойства наилучшим образом подходят для этой роли. Небольшие весовые доли благородных металлов имеют большую стоимость. Золото и серебро легко делится на части, не портится при хранении, медленно снашивается в процессе обращения.

Поскольку товары есть продукты независимых друг от друга частных работ, то производители товаров могут вступить в отношения друг с другом лишь через обмен продуктами своего труда — товарами — на рынке. Поэтому частные работы образуют необходимые звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда. Поэтому производителям общественные отношения их частных работ *кажутся тем, что они и есть на самом деле*, то есть не непосредственно общественными отношениями людей в их труде, а вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Общественный характер равенства разнородных видов труда, заключенного в продукте, предстает для товаропроизводителей в той форме, что все эти различные продукты труда обладают стоимостью. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, производители приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они вовсе не обязательно осознают это, но они это делают.

Специфической чертой товарного производства является то, что общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда. *В глазах товаропроизводителей их собственные общественные отношения принимают форму движения внешних вещей — товаров, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать.* «Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства»[1]. Эта вещная видимость общественных определений труда и составляет *фетишизм*, присущий товарному миру.

Товарный фетишизм:

превращение вещного мира, созданного человеком, в независимую от него и господствующую над ним общественную силу.

[1] *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 23, с. 86.

Товарный фетишизм есть первая и наиболее общая основа *отчуждения* общественных отношений при капитализме. В дальнейшем изложении мы увидим новые, многообразные и более сложные проявления этого отчуждения.

Отличия трактовки трудовой теории стоимости К. Марксом от трактовки ее в классической политической экономии А. Смитом и Д. Рикардо:

Теперь мы можем резюмировать отличия марксовой трактовки трудовой теории стоимости от трактовки ее в классической английской политической экономии (Адам Смит и Давид Рикардо). Это следует сделать, поскольку широко распространено невежественное заблуждение об отсутствии таких отличий.

Указанные отличия заключаются, во-первых, в четком и последовательном проведении через весь анализ товара понимания его двойственного характера — с одной стороны, как стоимости, с другой, как потребительной стоимости. Хотя эти две стороны товара были известны экономистам задолго до Маркса, для большинства из них было характерно частое смешение этих двух сторон, и, во всяком случае, невнимание к той различной роли, которую играет в экономических отношениях товарного производства та или иная сторона товара. Соответственно, отсутствует и четкость в обращении на той или иной ступени исследования именно к определенной из сторон товара.

Во-вторых, К. Маркс впервые показал двойственную природу труда, создающего товар: как единство, с одной стороны, конкретного целесообразного труда, создающего потребительную стоимость, а с другой — абстрактного труда (труда, проявляющегося и рассматриваемого отвлеченно от его конкретных разновидностей), создающего стоимость товара. Такая двойственность трудовой человеческой деятельности в условиях товарного производства до Маркса никем не исследовалась.

В-третьих, К. Маркс выдвинул собственную концепцию происхождения и природы денег на основе анализа формы стоимости товара (само понятие формы стоимости было впервые введено Марксом) и исторической эволюции этой формы.

Наконец, К. Маркс через анализ категорий, характеризующих природу стоимости товара, раскрыл противоречия производственных отношений людей в товарном производстве, вскрыл причину фетишистского (отчужденного) характера этих отношений, и показал развитие этих производственных отношений через движение присущих им противоречий.

8.2. Деньги, или обращение товаров

Деньги (или товар, закрепивший за собой функции всеобщего эквивалента) есть товар особого рода. Он отличается по своим свойствам от всех остальных товаров. Прочно приобретенное деньгами свойство всеобщего эквивалента означает, что деньги могут быть обменены на любой товар. Деньги получают способность *всеобщей обмениваемости,* в отличие от всех остальных товаров, которые еще только должны доказать свою необходимость через рыночный обмен. Деньги выступают как воплощенная стоимость, их стоимость выглядит как заранее данная (хотя на самом деле она также определяется общественно-необходимым трудом, затраченным на изготовление золота или серебра), в отличие от остальных товаров, которые еще должны доказать наличие в них стоимости через обмен на рынке.

Деньги — товар особого рода, натуральная форма (потребительная стоимость) которого прочно срослась с исполнением этим товаром роли всеобщего эквивалента для всех остальных товаров. Тем самым деньги, в отличие от всех остальных товаров получают свойство всеобщей обмениваемости.

Первая функция, в которой выступают деньги — быть **мерой стоимости** товаров. Деньги могут выступать мерой стоимости товаров потому, что они сами — товар, т. е. обладают (как золото и серебро) определенной реальной потребительной стоимостью и стоимостью. Деньги выполняют эту функцию первоначально в виде *идеальных денег* — каждый товар, еще не воплотившийся в денежном эквиваленте, не обменный на деньги (т. е. не купленный), уже выходит на рынок с идеальным выражением своей стоимости в виде цены.

Однако наличие у товара такой идеальной формы выражения стоимости в виде цены еще не означает, что такова его действительная цена и что он будет реально куплен за эту цену, т. е. будет обменен на реальные деньги. Если владелец денег свободно может купить на свои деньги любой товар соответствующей стоимости, то перед товаровладельцем стоит *проблема реализации*. Товар может быть вообще не продан или продан не за первоначально обозначенную цену.

Для удобства исполнения золотом и серебром функции денег как меры стоимости их стали делить на строго определенные весовые доли (это нашло отражение в исторических наименованиях денежных единиц — например, фунт стерлингов и означал ранее определенную весовую долю серебра; весовым наименованием был и античный талант). Чтобы исключить ошибки и недобросовестность при определении веса денежных единиц, и в тоже время избежать необходимости каждый раз перевешивать кусочки золота и серебра, государство стало удостоверять вес этих кусочков, ставя на этих кусочках штемпель с наименованием денежной единицы, изображением герба государства или портретом его правителя.

Так появилась **монета**. Выпуск монеты стал государственной монополией (монетной регалией), которая охраняла монету от подделки или порчи (сознательного снижения установленного веса монеты с целью присвоения соответствующего количества золота или серебра). Впрочем, подчас само государство прибегало к порче монеты, чтобы увеличить доходы казны.

В простом обмене товара на товар (Т—Т), владелец товара обменивает его на другой потому, что товар — эквивалент представляет для него потребительную стоимость, в которой он имеет потребность. В товарно-денежном обмене владелец товара продает его за деньги, в которых воплощена *возможность удовлетворения любых потребностей*. Имея деньги, можно купить любой товар. И товаровладелец, продавший свой товар и получивший за него деньги, так и поступает. Обычно никто не продает исключительно ради получения денег. Продав свой товар и получив деньги, их используют для покупки тех товаров, в которых имеется потребность. Обмен товара на деньги (Т—Д) сменяется обменом денег на товары (Д—Т).

Таким образом, *деньги в таком отношении выступают посредником при обмене одного товара на другие товары*. Формула прямого товарообмена Т—Т сменяется формулой товарно-денежного обращения Т—Д—Т. Эта формула имеет смысл в том случае, если не забывать, что товары, обозначенные буквой Т в начале и конце формулы — это непременно *разные* товары, товары, обладающие различной потребительной стоимостью.

Итак, *вторая функция денег* — быть **средством обращения** товаров. Если товары, будучи проданы, уходят с рынка, из обращения, и поступают в сферу потребления, то деньги не потребляются. Их специфическая потребительная стоимость как денег (которой они обладают сверх потребительной стоимости золота и серебра) — это их свойство всеобщей обмениваемости. Они вновь и вновь используются для покупки и продажи товаров, и, временно уходя из обращения, тут же поступают на рынок вновь — одни покупают товары за деньги (Д—Т), а затем вновь выносят их на рынок, чтобы другие продали им свои товары за эти же деньги (Т—Д). Тем самым поддерживается непрерывный процесс товарно-денежного обращения. Деньги постоянно остаются в этом процессе, совершая свое обращение: Д—Т—Д.

Когда товарно-денежное обращение стало устойчивым явлением, довольно бы-

стро было сделано наблюдение, что монета подчас может исправно выполнять свою функцию и тогда, когда обозначенное на ней весовое количество золота или серебра не соответствует ее действительному весу. Это породило иллюзию, что стоимость монеты (и вообще денег) устанавливается государством (государем) и целиком зависит от его воли. Так появилась *номиналистическая теория денег*: согласно этой теории, установление *номинала* монеты (т. е. количественного выражения ее ценности) и превращает ее в деньги; причем государство (государь) могут по собственному произволу присваивать монете любой номинал.

Ошибочность этого взгляда была подтверждена многочисленными кризисами денежного обращения в античные времена и в Средневековье. Выше уже было сказано, что деньги могут выступать мерой стоимости товаров потому, что они сами — товар, т. е. обладают (как золото и серебро) определенной реальной стоимостью и потребительной стоимостью. То же самое касается и их функции как средства обращения. Однако реальностью является и тот факт, что номинал монеты в некоторых случаях способен отклоняться от его действительного металлического содержания и не вызывая денежных кризисов и расстройств обращения.

Это может происходить потому, что в своей функции средства обращения деньги выступают лишь как мимолетный посредник, и в этом своем качестве участников обращения, собственно, и не интересует их золотое или серебряное содержание. Продал свой товар, получил деньги, и тут же обменял их на товары, нужные мне — и какая мне разница, сколько золота или серебра было в монетах, на несколько минут (или часов) задержавшихся у меня в руках? Деньги в этой функции способны освобождаться от своей золотой и серебряной телесности, поскольку вполне достаточно того, что они выступают просто как некий *знак стоимости*. Да и на практике монета из драгоценных металлов, как оказалось, смогла быть заменена в обращении долговыми расписками или векселями.

Выяснилось, что *как средство обращения металлические деньги могут быть заменены любыми знаками стоимости*. В конечном итоге монета из драгоценных металлов была повсеместно вытеснена бумажными деньгами.

Однако и снижение золотого (серебряного) содержания монеты по сравнению с номиналом, и замена металлической монеты бумажными деньгами не могут производиться по произволу, в любых масштабах и количествах. Существуют объективные экономические законы товарно-денежного обращения, нарушение которых приводит к расстройству этого обращения и к кризисам.

Денежное обращение остается стабильным до тех пор, пока суммарный номинал обращающейся металлической монеты соответствует количеству золота или серебра, необходимого для нормального товарного обращения. Как же определить это количество?

Количество золота (или серебра), необходимого для обращения на определенный период (например, на год), равно сумме стоимостей товаров, находящихся в обращении в этот период, деленной на скорость обращения денег (т. е. на среднее количество сделок, которое совершается одной денежной единицей).

Как мы уже упоминали во «Введении», эта закономерность была сформулирована К. Марксом в I томе «Капитала» в следующей форме: «Для процесса обращения за данный промежуток времени: [сумма цен товаров] / [число оборотов одноименных денежных единиц] = [массе денег, функционирующих в качестве средств обращения]». С учетом наличия кредитных денег закон денежного обращения у Маркса приобретает следующий вид:

$$КД = (ЦТ - КЦ + П - ВП)/n,$$

где:

КД — количество денег, необходимых в данный период для обращения,

ЦТ — сумма цен товаров, подлежащих реализации,

КЦ — сумма цен товаров, проданных в кредит, платежи по которым выходят за рамки данного периода,

П — сумма цен товаров, проданных в кредит в предшествующий период, сроки по которым наступили,

ВП — сумма взаимопогашаемых платежей,

n — число оборотов денежной единицы.

В 1911 году эта же закономерность была сформулирована (без ссылок на К. Маркса) экономистом И. Фишером и выражена в виде буквенной формулы[1]:

$$MV = PQ,$$

где:

M — масса денег в обращении,

V — скорость обращения денег,

P — цены товаров,

Q — физический объем товаров, находящихся в обращении.

Таким образом, если номинал денег, находящихся в обращении, окажется меньше указанной величины, наступают затруднения со сбытом товаров из-за недостатка денег. Это приводит к тому, что стоимости товаров, представленных на рынке, начинают выражаться в относительно меньшем количестве денежных единиц; номинальные цены товаров снижаются, а спрос на золото и серебро растет. Обычно это подстегивает их дополнительную добычу и равновесие на рынке восстанавливается.

Если же номинал денег, находящихся в обращении, превысит необходимое количество, то цены обращающихся товаров начинают выражаться в относительном большем количестве денежных единиц; цены товаров возрастают. Покупательная способность единицы денег (монеты) падает. Это также приводит к расстройству в сбыте товаров. Если речь идет об избытке полновесной монеты, то подобная заминка устраняется довольно быстро — избыточное количество монеты просто оседает на руках и уходит из обращения.

Более серьезные кризисы часто возникали в древности тогда, когда государство, чтобы оплатить расходы казны (или монаршего двора), регулярно выпускало в обращение избыточное количество монеты с пониженным весовым содержанием золота или серебра. Все товаровладельцы стараются как можно скорее избавиться от таких обесценивающихся денег, что увеличивает скорость обращения и тем самым увеличивает относительный избыток денег. Соответственно выход из такого кризиса возможен, например, путем принудительной замены обесценившейся монеты новой, полновесной, выпущенной в строго необходимом количестве.

Обращение бумажных денег подчиняется той же самой закономерности. Поскольку бумажные деньги выступают как заместители золота и серебра, то необходимое *номинальное количество бумажных денег в обращении должно соответствовать стоимости золота или серебра, которое эти бумажные деньги замещают*. Точно также недостаток бумажных денег в обращении приводит к дефляции (снижению цен товаров), а избыток — к инфляции (росту цен товаров).

Наличие в товарно-денежном обращении (Т—Д—Т) двух последовательных актов — обмена товара на деньги (Т—Д) и обмена денег на товар (Д—Т) — создает возможность значительного разрыва этих актов во времени. Такая возможность реализуется, например, в том случае, если товар в первом акте передается покупателю, а встречное движение денег откладывается. Возникает ситуация отсроченного платежа. Первый акт товарно-денежного обращения остается незавершенным. Вполне вероятно, что эта незавершенность (продавец не получил реальные деньги в обмен на свой товар) вызвана незавершенностью другого акта товарно-денежного обращения, в котором участвует покупатель. Он сам, в свою очередь, еще не продал свой товар, и ему пока нечем расплатиться.

При наступлении оговоренного срока уплаты денег, деньги теперь уже реально оказываются в руках продавца, и он в состоянии сам приобретать товары, совершить второй акт товарно-денежного обращения. Когда наступает отсроченная ранее передача реальных денег продавцу товара, деньги при этом используются в функции **средства платежа**.

[1] Подробнее см. вставку «Обращаясь к первоисточникам: закон денежного обращения у К. Маркса и „уравнение Фишера"», приведенную нами во «Введении».

Функционирование денег в качестве средства платежа создает формальную возможность кризисов товарно-денежного обращения. Если акт покупки товара не завершен реально, и если возникает ситуация отрыва это акта товарно-денежного обращения от последующего, то любой сбой, любая заминка на товарном рынке может спровоцировать платежный кризис. Если я по каким-то причинам не смог продать свой товар, не получил за него деньги, то я не смогу расплатиться за купленный мною товар с другим продавцом. Он, в свою очередь, также не сможет совершить оговоренные платежи и т. д.

Ситуация еще более осложняется, если мы имеем дело с оформлением отсроченных платежей в виде векселей, и эти векселя сами совершают обращение, заменяя в расчетах реальные деньги. Тогда вызванный любыми причинами отказ от погашения векселя в оговоренный срок может вызвать цепную реакцию невозможности совершения оговоренных расчетов другими контрагентами. Доверие к векселям, как к средствам обращения, оказывается подорвано, их отказываются принимать для расчетов, реализация товаров приостанавливается...

Функционирование денег в качестве средства платежа усложняет определение количества денег, необходимых для обращения. Товаровладельцы, имеющие взаимные обязательства при торговых операциях, могут не использовать для расчетов реальные деньги, не совершать встречные платежи реально, а производить взаимный зачет задолженности. Таким образом, деньги на соответствующую сумму операций оказываются на деле не нужны.

Кроме того, в определенные периоды времени может складываться ситуация, когда платежи, срок которых наступил, превышают по объему отложенные платежи. На величину этой разницы реальных денег в обращении потребуется больше. Может быть и обратная ситуация — сумма отложенных платежей за данный период времени будет превышать сумму наступивших платежей. Соответственно, на величину разницы этих сумм реальных денег потребуется меньше.

Поэтому формула Маркса в конечном счете приобрела следующий вид:

$$\text{Количество денег в обращении} = \frac{\text{Сумма стоимостей товаров, находящихся в обращении} + \text{Сумма платежей, срок которых наступил} - \text{Сумма отсроченных платежей} - \text{Сумма взаимопогашающихся платежей}}{\text{Скорость денег в обращении}}$$

Можно легко заметить, что эта формула значительно точнее, чем формула Фишера, учитывает реалии денежного обращения, и позволяет избежать ошибочных толкований, связанных с игнорированием тех проблем, которые потенциально несет в себе функция денег как средства платежа. В частности, на основе формулы Фишера оказывались совершенно необъяснимыми процессы в российском денежном обращении в 1992–1998 гг., когда широчайшее распространение приобрели отсроченные платежи (наращивание задолженности), взаимные зачеты платежей и неденежный обмен (бартер).

Когда деньги временно извлекаются из сферы обращения — например, для того, чтобы постепенно накопить необходимую сумму для совершения платежа — они тем самым выполняют **функцию сокровища**.

Функционирование денег как сокровища имеет значение не только как способ сохранения и накопления личных богатств. Деньги как сокровище играют весьма важную роль в обеспечении устойчивости денежного обращения. Когда количество золота и серебра в обращении превышает необходимое для поддержания равновесия товарно-денежного обращения, оно откладывается в запас, оседает в виде сокровища (т. е. происходит *тезаврация* золота). Когда золота в обращении не хватает, оно изымается из запасов и вновь пускается в обращение.

Аналогичным образом действует механизм поддержания в равновесии бумажно-денежного обращения при системе свободного размена бумажных денег на золото по фиксированному курсу. Если бумажных денег в обращении слишком много (и, соответственно, происходит рост цен на товары и обесценение денег), их владельцы предпочитают не покупать товары по растущим ценам, а обменять бумажные денежные знаки на золото. Когда денег в обращении не хватает, происходит обратный процесс — золото обменивается на бумажные деньги и последние пускаются в обращение.

Гораздо сложнее функционирует механизм денежного обращения при отсутствии свободного обмена бумажных денежных знаков на золото. Но такой механизм основывается на отношениях высокоразвитого капитализма и обращаться к его анализу на данной ступени исследования преждевременно.

Бытие денег в качестве сокровища порождает специфические противоречия. Деньги, как уже было показано выше, это универсальный товар, обладающий свойством всеобщей обмениваемости. Деньги предоставляют их владельцу качественно безграничную возможность удовлетворения потребностей — за деньги может быть куплен любой, самый экзотический товар. За деньги подчас можно купить и то, что по природе своей не является товаром — честь, совесть, преданность.

Однако при всей своей качественной безграничности деньги количественно ограничены. Ты можешь купить на свои деньги любой товар — но хватит ли на это имеющейся у тебя суммы денег? Именно противоречие между качественной безграничностью денег с точки зрения их способности служить удовлетворению любых потребностей, и их количественной ограниченностью, ставящей предел удовлетворению этих потребностей, служит одним из важнейших побудительных мотивов к накоплению сокровищ в погоне за все растущей возможностью покупать, которая сталкивается с необходимостью отказывать себе в этих покупках ради накопления денег.

Нет в богатстве предела, который бы видели люди.
Тот, кто имеет уже множество всяческих благ,
Столько же хочет еще. И всех невозможно насытить.

Феогнид[1]

Последняя функция, в которой выступают деньги, и где исчезает специфически национальное обличье денежных и монетных систем, а остается лишь роль денег как обособившегося стоимостного бытия товара, как всеобщего универсального эквивалента товарных стоимостей — это их функция как **мировых денег**. В этой функции деньги совлекают с себя все специфические национальные одежды, проникают через границы национальных рынков, и выступают средством объединения всех товарных рынков в международный рынок.

Вопросы для самоконтроля

8.1. Что такое товар? Каковы два фактора товара?
8.2. Что такое абстрактный и конкретный труд? Что такое частный и общественный труд?
8.3. Что такое стоимость, как свойство товара?
8.4. Какой труд лежит в основе стоимости товара?
8.5. Какова связь между затратами труда на производство товара и его стоимостью?
8.6. Каковы противоречия товарной формы продукта труда?
8.7. Что такое форма стоимости товара?
8.8. Что такое товарный фетишизм?
8.9. Чем определяется переход от простой формы стоимости к денежной форме?
8.10. Чем деньги отличаются от товара — всеобщего эквивалента?
8.11. Почему золото закрепляется в роли денежного товара?
8.12. Чем определяется развитие функций денег?
8.13. Каковы закономерности, определяющие количество денег в обращении?

[1] Античная лирика. Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1968, с. 144.

8.14. Чем определяется возможность замены в обращении золота бумажными деньгами?

8.15. Какие противоречия связаны с развитием функций денег как средства платежа и как сокровища?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Капитал. Т. I, первый отдел // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- *Розенберг Д. И.* Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.

Будет весьма полезно сопоставить позиции двух наиболее глубоких знатоков теории товара и стоимости в «Капитале» — К. П. Тронева и Н. В. Хессина:

- *Тронев К. П.* О предмете и содержании первого отдела I тома «Капитала» К. Маркса // Российский экономический журнал. 2007. № 9/10.
- *Тронев К. П.* Вопросы товарного производства при капитализме и социализме в свете экономических рукописей 1857–1859 годов К. Маркса // Вестник Московского университета, Серия 7. Экономика. 1970, № 4.
- *Хессин Н. В.* В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд. Моск. ун-та, 1968.
- *Хессин Н. В.* Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма. Вопросы экономики, 1964, № 7.
- *Хессин Н. В.* Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М., 1964.

Материалы дискуссии конца 20-х годов XX века об абстрактном труде до сих дают весьма ценный материал для понимания теории К. Маркса:

- *Рубин И. И.* Очерки по теории стоимости Маркса. С новым дополнением к статье Ответ критикам. 4-е изд. Москва; Ленинград: Госиздат. 1930.
- *Дволайцкий Ш.* К теории ценности Маркса (о различном толковании понятия «Общественно необходимый труд») // Экономические науки. 1975. № 10.

Кое-что о современной судьбе теории стоимости:

- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Трудовая теория стоимости: проблемы адекватной трактовки и реактуализации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2010. № 1. С. 94–105. URL: https://www.econ.msu.ru/science/economics/archive/2010/1/

Тезаурус к главе 8

ТОВАРЫ — продукты независимых друг от друга, частных работ, поступающих в общественное потребление через обмен их на рынке.

ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ТОВАРА — полезность товара, способность удовлетворять определенные общественные потребности.

МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ ТОВАРА — способность товара обмениваться на рынке в определенной пропорции на другие товары.

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ТОВАРА: товар выступает, с одной стороны, как потребительная стоимость, с другой — как меновая стоимость.

ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ: исходит из того, что при обмене самых разнообразных товаров единственной возможной основой их приравнивания друг к другу выступает тот общий для подавляющего большинства из них факт, что товары есть продукты труда. Кроме того, товаропроизводители, совершая обмен товаров, должны в этом обмене экономически возместить свои затраты на производство товаров. И, соответственно, количество затраченного на их производство труда выступает основой установления пропорции обмена.

ОБЩЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ — среднее при данных условиях рабочее время, потраченное на производство (точнее, на воспроизводство — т. е. на регулярно возобновляемое производство) той массы товаров данного вида, которая признана рынком отвечающей потребностям покупателей.

КОНКРЕТНЫЙ ТРУД — труд, который создает потребительную стоимость товара, определяется необходимостью придания товару определенных, конкретных физических

свойств, с тем, чтобы товар представлял собой полезный продукт.

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД — труд, безразличный к любой конкретной форме, для которого значим лишь тот факт, что это затраты человеческого труда, получившие общественное признание, что и придает товарам, при всем их различии, качественную однородность, как продуктов труда, обладающих свойством стоимости.

ЧАСТНЫЙ ТРУД — труд, совершаемый независимыми друг от друга, частными индивидами, на свой страх и риск и за собственный счет.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД — труд, совершаемый в системе общественного разделения труда, и предназначенный для удовлетворения общественной потребности (то есть потребности других людей, а не самого производителя).

ФОРМА СТОИМОСТИ ТОВАРА — выражение стоимости одного товара через его меновую стоимость, то есть через количество потребительной стоимости, на которую обменивается данный товар.

ЦЕНА ТОВАРА: выражение стоимости товара в деньгах называется ценой товара.

ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ: превращение вещного мира, созданного человеком, в независимую от него и господствующую над ним общественную силу.

ДЕНЬГИ — товар особого рода, натуральная форма (потребительная стоимость) которого прочно срослась с исполнением этим товаром роли всеобщего эквивалента для всех остальных товаров. Тем самым деньги, в отличие от всех остальных товаров получают свойство всеобщей обмениваемости.

Глава 9

Сущность капиталистического производства и накопления: труд, капитал и теория прибавочной стоимости

Структура главы:

- Капитал и прибавочная стоимость. Заработная плата
- Анализ стадий развития капитализма в промышленности. Формальное и реальное подчинение труда капиталу
- Капиталистическое накопление. Капиталистический закон народонаселения

Основные понятия:

необходимое рабочее время*
прибавочное рабочее время*
необходимый продукт*
прибавочный продукт*
прибавочная стоимость*
капитал*
превращенная форма*
абсолютная прибавочная стоимость*
относительная прибавочная стоимость*
машина*
фабрика*
формальное подчинение труда капиталу*
реальное подчинение труда капиталу*
накопление капитала*
органическое строение капитала*

Формулы:

всеобщая формула капитала*
норма прибавочной стоимости*

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Закон сохранения энергии и теория прибавочной стоимости
- ✓ Эволюция представлений о необходимом уровне удовлетворения потребностей работника: от теории рабочего фонда к расширению круга потребностей, удовлетворяемых за счет заработной платы
- ✓ К. Маркс об особенностях производительных сил будущего общества
- ✓ О резервной армии труда и относительном перенаселении
- ✓ О важности корректировки результатов первоначального анализа на основе новых фактов

➢ **Обращаясь к первоисточникам:**
К. Маркс о тенденции к абсолютному ухудшению положения рабочего класса при капитализме

Рекомендуемые разделы Приложения для расширения и углубления знаний по теме:
Часть 3. Эксплуатация
Глава 7. Подчинение труда, свободного времени и Человека: капитал, его гегемония и пределы в мире креатосферы

9.1. Капитал и прибавочная стоимость. Заработная плата

Со своей стоимостной стороны капитал отличается от обычных денег тем, что величина его стоимости не остается неизменной, а испытывает тенденцию к постоянному возрастанию. Владелец капитала стремится извлечь из обращения больше, чем бросил в него. Но как это возможно? Если мы исходим из предпосылки эквивалентного обмена по стоимости, то из обращения можно извлечь лишь эквивалент той стоимости, которая была обменена. Когда товар обменивается на деньги, то в итоге получается сумма денег, равная стоимости товара.

Даже если эквивалентность обмена нарушается, то это не приводит нас к решению задачи. Если в результате неэквивалентного обмена некто извлек из обмена больше, чем предложил к обмену, то его выигрыш целиком складывается из потери другого участника обмена. Таким образом, мы имеем дело не с ростом богатства, а всего лишь с его перераспределением между различными людьми.

Тем не менее, на практике мы постоянно сталкиваемся с тем, что формула простого денежного обращения Д—Т—Д сменяется на формулу капиталистического обращения Д—Т—Д' (где Д' = Д + ΔД, т. е. деньги с приростом).

Ничего не изменится, и если мы обратимся к сфере производства. Да, труд создает новую стоимость. Но в обмен за свой овеществленный в товарах труд можно получить только эквивалент этого труда — и ничего больше.

Как же владелец денег *постоянно* ухитряется продавать дороже, чем он заплатил сам при покупке товаров, и тем самым извлечь из обращения больше денег, чем бросил в него?

Такое явление становится возможным, если предположить, что владелец денег имеет дело со специфическим товаром, особенности участия которого в обмене и в производстве позволяют капиталисту входить во второй акт обмена, имея на руках бóльшую стоимость, нежели была потрачена на покупку в первом акте. Подобный товар был известен задолго до формирования капиталистической системы. Это — рабочая сила, или способность человека к труду, приобретшая самостоятельное товарное бытие, отчужденная (в экономическом, а не в физическом смысле) от человека-носителя.

Способность человека производить продукт в большем количестве, чем нужно для обеспечения его собственного существования, известна очень давно, и с успехом использовалась в докапиталистических эксплуататорских обществах. Различие между этими обществами и капитализмом заключается в том, что если в них осуществлялось принудительное изъятие прибавочного продукта на основе внеэкономического принуждения, то эксплуатация при капитализме осуществляется на основе законов товарного производства и обращения, на основе обмена эквивалентов. Так как же обмен эквивалентов приводит нас к продукту, в котором содержится больше стоимости, чем в исходном пункте?

Владелец денег, приобретая рабочую силу, платит за нее ровно столько, сколько она стоит — то есть столько, сколько при

нормальных условиях нужно затратить на ее воспроизводство (на то, что купить и потребить товары, необходимые для восстановления рабочей силы, и на замещение выбывающего с возрастом работника, т. е. на поддержание жизни его семьи). А затем в дело вступает уже упомянутая способность человека произвести за рабочий день больше продуктов труда, нежели нужно для поддержания его собственной жизни и жизни его семьи. И если наемный работник обладает рабочей силой, которая в процессе своего расходования позволяет трудиться за пределами того времени, которое нужно для воспроизводства самого работника, т. е. за пределами **необходимого рабочего времени,** то задача решена. Ведь работник, отработав необходимое рабочее время и создав **необходимый продукт** (необходимый для возмещения его рабочей силы) теперь может продолжать трудиться уже в **прибавочное рабочее время**, в течение которого он создает для владельца денег (капиталиста) **прибавочный продукт**, создавая тем самым и **прибавочную стоимость**.

Необходимое рабочее время —

время, которое нужно для создания продукта, обеспечивающего воспроизводство самого работника, то есть возмещающего затраты его рабочей силы, и обеспечивающего физическое замещение работника по истечении его работоспособного возраста.

Необходимый продукт —

продукт, обеспечивающий воспроизводство самого работника, то есть возмещающий затраты его рабочей силы, и обеспечивающий физическое замещение работника по истечении его работоспособного возраста.

Прибавочное рабочее время —

время труда сверх необходимого рабочего времени. В течение прибавочного рабочего времени создается *прибавочный продукт.*

Прибавочный продукт —

продукт, производимый сверх производства необходимого продукта.

Прибавочная стоимость —

та часть стоимости товаров, которую наемный работник создает в силу принуждения к труду сверх необходимого рабочего времени (то есть стоимость создаваемого им в течение прибавочного рабочего времени прибавочного продукта).

И это происходит при полном соблюдении эквивалентности обмена, при обмене рабочей силы на деньги точно по ее стоимости.

✓ Закон сохранения энергии и теория прибавочной стоимости:

Защитники эксплуатации нередко любят указывать сторонникам трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости Маркса, что заявления об эксплуатации противоречат закону сохранения энергии. Согласно их рассуждениям, если мы измеряем стоимость затратами человеческой трудовой энергии, то утверждение, будто человек может создать стоимость большую, нежели нужно для возмещения той энергии, которую он затратил (то есть для восстановления его способности к труду), абсурдно с точки зрения закона сохранения.

На удочку такого рассуждения довольно часто клюют те представители естественных и общественных наук, которых подкупает *видимость* естественно-научной аргументации. Между тем подобные рассуждения построены на непонимании (или сознательном извращении) как раз физической стороны трудового процесса.

Дело в том, что и сам работник, для восстановления затраченной трудовой энергии, и его эксплуататор (для своих целей) *потребляют вовсе* ***не энергию, затраченную***

в процессе труда, и даже не стоимость *созданного продукта, измеряемую этой энергией,* ***а продукт,*** *полученный с ее помощью.* И хотя на продукт, потребляемый работником (необходимый продукт), затрачена лишь *часть* израсходованной им энергии (израсходованной только в течение необходимого рабочего времени), его может быть *вполне достаточно для полного возмещения* затрат его труда.

Но разве такое возможно? Разве это не прямое нарушение закона сохранения энергии? Нет, никакого нарушения здесь нет. Ведь человек не создает продукт из ничего, или только из собственной энергии (это касается даже таких специфических продуктов, как знания, хотя они и выглядят чистым порождением усилий человека). Исходная материя природы, которую преобразует в труде человек, уже содержит в себе энергию. Человек своим трудом лишь преобразует физическую форму того, что дано природой, делая эту материю пригодной для человеческого потребления.

Скажем, для примера, что человек возмещает затраты своей энергии на дойку коровы не за счет этой самой затраченной энергии, и даже не за счет воплощения этой энергии в надоенном молоке, а за счет надоенного молока, *в котором содержится больше энергии, чем потрачено на дойку человеком, поскольку энергия в молоке — это его природное свойство, имевшееся еще до процесса дойки.* Человек своей энергией *не создает молоко* — он его выдаивает, стерилизует, упаковывает, перевозит. Поэтому в готовом к потреблению молоке есть *не только та энергия, что привнесена усилиями человека, но и та, что запасена природой.* Так что с законом сохранения все в порядке.

Капитал:

деньги, способные приносить прибавочную стоимость, есть капитал.
(это первое, наиболее абстрактное и поверхностное определение)

Разумеется, капиталисту — владельцу денег, чтобы обеспечить эксплуатацию труда, нужно приобретать не только наемную рабочую силу, но и средства производства, которыми будет работать наемный работник. Таким образом, формула простого денежного обращения Д—Т—Д, превращаясь в формулу капиталистического обращения, или во **всеобщую формулу капитала** Д—Т—Д' (всеобщую потому, что ею определяется движение всех форм капитала), раскрывается следующим образом:

Всеобщая формула капитала:

$$Д - Т \left\langle \begin{matrix} РС \\ СП \end{matrix} \right. \ldots П \ldots Т' - Д',$$

где РС — рабочая сила, СП — средства производства, П — процесс производства.

Средства производства и рабочая сила, вступая в процесс производства капитала, сами приобретают капиталистическую форму. Стоимость средств производства выступает как постоянный капитал (c), поскольку их стоимость не меняется в процессе производства (хотя она полностью или частично переносится на готовый продукт). Стоимость рабочей силы выступает как переменный капитал (v), постольку, поскольку обладает способностью приносить стоимость большую, чем сама имеет, приносить прибавочную стоимость (m). Таким образом, стоимость капиталистически произведенного продукта распадается на величину, равную стоимости возмещения истраченных и изношенных средств производства, величину, равную стоимости затраченной рабочей силы, и величину прибавочной стоимости:

$$Т' = c + v + m.$$

Степень способности наемной рабочей силы, выступающей как переменный капитал, приносить капиталисту прибавочную стоимость, называется **нормой прибавочной стоимости** (m'), или нормой эксплуатации, и измеряется отношением величины прибавочной стоимости к величине переменного капитала:

Норма прибавочной стоимости:

$$m' = \frac{m}{v}.$$

Пределы эксплуатации капиталист не может установить совершенно произвольно. Если он продлевает рабочий день в погоне за увеличением массы прибавочной стоимости, то это ведет к увеличению расходования рабочей силы, а значит, требует и больше средств для ее восстановления. Однако это дополнительное рабочее время приносит капиталисту не только дополнительные расходы на рабочую силу, но и дополнительную прибавочную стоимость.

Вопрос о том, каковы должны быть границы рабочего дня в рамках капиталистических отношений, не имеет совершенно жесткого и строго определенного экономического решения в рамках законов товарного обмена. Продолжительность рабочего дня имеет нижний предел — рабочий день в капиталистическом производстве не может длиться меньше, чем время производства необходимого продукта для возмещения стоимости потраченной рабочей силы. Иначе капиталист вообще не будет нанимать работников, и организовывать производство — ведь он им занимается не ради производства как такового, а ради увеличения авансированного капитала путем производства прибавочной стоимости.

Верхний предел продолжительности рабочего дня определяется физической способностью работника восстановить затраченные в ходе работы силы.

В этих пределах продолжительность рабочего дня определяется соглашением между наемными работниками и капиталистом. Результаты этого соглашения зависят от баланса сил сторон, которые имеют противоположные интересы: рабочие заинтересованы в сокращении продолжительности рабочего дня, капиталисты заинтересованы в более длительном рабочем дне. «При столкновении двух равных прав решает сила» — заметил по этому поводу К. Маркс[1].

Длительное время рабочие вынуждены были соглашаться на крайне невыгодные для себя условия продолжительности рабочего дня. Этому способствовало не только давление экономической необходимости, заставлявшее пролетариев продавать свою рабочую силу на тяжелых условиях, но и применение государством и частным капиталом методов внеэкономического принуждения (ограничение верхнего предела заработной платы, репрессивная политика в отношении безработных, произвол надсмотрщиков на фабриках и т. д.).

В мануфактурный период капитализма продолжительность рабочего дня составляла 14–16 часов в сутки, в начальный период промышленного переворота — 11–12 часов. Затем, в результате длительной ожесточенной (и нередко сопряженной с многочисленными жертвами) борьбы рабочего класса, в середине XIX века в Великобритании, а затем и в других европейских странах, продолжительность рабочего дня начинает регулироваться законодательством. Это был единственный способ избежать постоянных столкновений, дестабилизирующих капиталистическое общество, не устраняя объективную основу конфликта, но в тоже время, вводя его в определенные рамки. В первой трети XX века, после нескольких предшествующих десятилетий борьбы уже политически организованного рабочего класса, и под давлением результатов Октябрьской революции 1917 г. в России, в странах развитого капитализма нормой сделался 8-часовой рабочий день.

Таким образом, фабричное законодательство появилось как первое изъятие из чисто рыночного принципа формирования отношений между наемным трудом и капиталом, как первое устойчивое вмешательство общества в стихийные рыночные процессы. Необходимость такого вмешательства появилась на сравнительно ранней стадии развития капитализма постольку, поскольку капиталистическое отношение придало рыночной сделке между капиталистом и наемным работником специфический характер (невозможность строго определить продолжительность рабочего дня в рамках

[1] *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 23, с. 246.

законов рынка). Разрешение этих специфических противоречий самой рыночной сделки и потребовало отхода от следования чисто рыночным принципам.

Как определяется в отношении между капиталистом и рабочим стоимость продаваемой последним рабочей силы (а значит, и соотношение между необходимым и прибавочным трудом в течение рабочего дня)? Так же, как и стоимость любого товара — средним общественно-необходимым рабочим временем, требуемым для воспроизводства данного товара. Что же необходимо для воспроизводства товара — рабочая сила?

Это, как уже было сказано, совокупность жизненных средств, необходимых для восстановления работоспособности самого рабочего и для поддержание жизни его семьи, с тем, чтобы обеспечить процесс естественного воспроизводства рабочей силы. А что же должно включаться в эту совокупность? Во-первых, это материальные блага, необходимые для поддержания физического существования и работоспособности в физическом смысле. Во-вторых, это затраты на обучение работника и обучение подрастающего поколения.

Напомним, что речь идет о среднем общественно-необходимом количестве жизненных средств. Этот «средний, общественно-необходимый» уровень есть величина историческая. Какие именно из потребностей работника будут признаны рынком рабочей силы общественно-необходимыми, зависит от множества социально-исторических факторов.

✓ **Эволюция представлений о необходимом уровне удовлетворения потребностей работника: от теории рабочего фонда к расширению круга потребностей, удовлетворяемых за счет заработной платы:**

Когда-то рынок полагал достаточным для работника быть более или менее сытым, чтобы не валиться с ног, иметь крышу над головой в виде угла в бараке или в подвале, и обзавестись парой каких-нибудь обносков, чтобы прикрыть тело. Простая грамотность, расходы на элементарную медицинскую помощь, наличие в жилище водопровода и канализации — все это не относилось к «общественно-необходимым затратам». Такая ситуация даже породила теорию (т. н. теория рабочего фонда), согласно которой стоимость рабочей силы работника (заработная плата) определяется *минимумом* необходимых работнику средств существования. Однако в дальнейшем историческом развитии капитализма, как под влиянием возрастающей организованности рабочего класса в борьбе за свои интересы, так и под воздействием потребности капитала в более квалифицированной рабочей силе, ситуация изменилась. Рабочие уже очевидным образом не довольствуются минимумом средств существования, да и обеспечить длительную подготовку квалифицированного работника, а затем его длительное функционирование (с тем, чтобы оправдать затраты на его обучение) невозможно без удовлетворения возросшего круга потребностей. Это и потребности, вытекающие из более высокого уровня образования, даже не просто грамотности (т. е. растущие общекультурные потребности), и из необходимости обеспечить медицинскую помощь, рациональную структуру питания, гарантировать содержание в старости и т. д.

Разумеется, *цена* рабочей силы может *отклоняться от ее стоимости* под воздействием конъюнктуры рынка труда, т. е. колебаний спроса и предложения на рабочую силу. Когда классу капиталистов противостояли раздробленные и неорганизованные наемные работники, ситуация на рынке труда складывалась в пользу капитала, которому систематически удавалось покупать рабочую силу ниже ее стоимости. Это положение изменилось с ростом организованности рабочего класса, образованием проф-

союзов, затем их легализации, признания права на коллективный договор и т. д.

Переменный капитал, применяемый капиталистом для покупки *рабочей силы*, предстает на поверхности капиталистических отношений как **заработная плата**, то есть плата *за труд*. Здесь мы при исследовании капиталистических производственных отношений сталкиваемся с феноменом *превращенной формы*.

Капиталист на самом деле вовсе не оплачивает *труд* работника. Это утверждение неверно как с количественной, так и с качественной стороны. Количественно капиталист вовсе не возмещает работнику эквивалент его труда — то есть стоимость, воплощенную в товаре (пусть даже за вычетом перенесенной на товар стоимости средств производства, не принадлежащих рабочему). Что касается качественной стороны, то капиталист покупает и оплачивает вовсе не труд, представляющий из себя процесс целесообразной деятельности, а рабочую силу — способность работника трудиться в течение определенного времени, достаточного для производства как необходимого, так и прибавочного продукта.

С точки зрения капиталиста вообще было бы нелепо оплачивать *процесс труда* вне зависимости от его результатов. Но точно так же капиталист не оплачивает и эти результаты — ибо в таком случае ничего не останется на его долю. Поэтому капиталист покупает *специфическое свойство работника трудиться сверх необходимого рабочего времени*, способность работать больше, чем необходимо для возмещения затраченных трудовых усилий. *Это свойство есть свойство товара — рабочая сила*.

Однако на поверхности капиталистических отношений та плата, которую получает работник за свою рабочую силу, привязывается капиталистом именно к процессу труда, выступая как плата за время труда (повременная оплата) или плата за созданный трудом продукт (сдельная оплата). Рациональная основа такой зависимости понятна — чем дольше работает наемный работник и чем больше он выпускает изделий за время работы, тем больше затраченные им трудовые усилия, а значит тем больше и величина необходимого продукта для их возмещения, тем выше, стало быть, стоимость рабочей силы. Но такая привязка создает *видимость*, что капиталист платит работнику *за все рабочее время* или *за весь созданный продукт*, в то время как капиталист не только не оплачивает *все* рабочее время или *весь* продукт, но и вообще платит *не за время* и *не за продукт*, а только за способность к труду, *за рабочую силу*.

Превращенная форма:

Когда форма явления создает искаженное, или даже прямо противоположное действительному содержанию представление о нем, она выступает тем самым как **превращенная форма**.

Превращенные экономические формы — явление, характерное для капиталистических производственных отношений (подробнее см. п. «О превратных формах: особенности и примеры» во «Введении»). Истоки образования превращенных форм лежат в фетишистском характере исходной для капитализма товарной формы. Фетишизм товарных отношений перерастает в фетишизм капитала. В этой сфере общественные отношения людей также принимают вещную форму, и сам капитал представляется внешней по отношению к человеку вещью или вещной силой, воплощенной в деньгах, станках и машинах и т. п. Однако действительная природа капитала состоит в том, что это не вещь, а общественное отношение между капиталистом и наемным работником, основанное на эксплуатации наемного труда с целью извлечения прибавочной стоимости.

Капитал —

общественное отношение между капиталистом и наемным работником, основанное на эксплуатации приобретаемой капиталистом рабочей силы лично свободного наемного работника с целью извлечения прибавочной стоимости (второе, углубленное и развернутое определение).

9.2. Анализ стадий развития капитализма в промышленности. Формальное и реальное подчинение труда капиталу

Итак, капитал обеспечивает свое самовозрастание путем производства прибавочной стоимости. Производство прибавочной стоимости происходит благодаря тому, что процесс производства длится дольше, чем необходимо для возмещения стоимости переменного капитала, то есть для производства эквивалента стоимости жизненных средств наемного работника. Это значит, что время труда превосходит абсолютную продолжительность необходимого рабочего времени.

Абсолютная прибавочная стоимость — производство прибавочной стоимости путем удлинения рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени.

Абсолютная прибавочная стоимость выступала исторически первой формой производства прибавочной стоимости. Одновременно абсолютная прибавочная стоимость есть общая форма производства прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость вообще не может быть произведена иным путем — если не принуждать рабочего трудиться сверх необходимого рабочего времени, то прибавочная стоимость не появится на свет.

Первоначально стремление капиталистов увеличить норму эксплуатации рабочего (то есть норму прибавочной стоимости) реализовывалось путем удлинения прибавочного рабочего времени. Это вело к значительной продолжительности рабочего дня. Если обычный рабочий день в Англии в первой трети XIX века колебался в пределах 11–12 часов, то в ряде отраслей он мог достигать 18 часов. Более того, границы суток вовсе не являются непреодолимым пределом для капиталиста, одержимого жаждой прибавочного труда ради умножения своего капитала — отмечены случаи, когда продолжительность одной рабочей смены достигала 36 часов!

Однако капитал не может длительное время основывать свое развитие на истощении наемной рабочей силы, ибо ее нормальное воспроизводство все же необходимо для нормального функционирования самого капитала. При достижении естественных пределов продолжительности рабочего дня единственным резервом увеличения нормы эксплуатации становится сокращение необходимого рабочего времени, времени возмещения стоимости переменного капитала. Таким образом, соотношение между необходимым и прибавочным временем меняется в пользу последнего.

Относительная прибавочная стоимость — прибавочная стоимость, производимая путем сокращения необходимого рабочего времени и изменения соотношения между величиной необходимого и прибавочного рабочего времени.

Относительная прибавочная стоимость есть в тоже время и абсолютная прибавочная стоимость, ибо и в этом случае процесс производства продолжается за пределы необходимого рабочего времени. Однако производство прибавочной стоимости при этом покоится не на простом удлинении рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени, а на изменении продолжительности самого необходимого рабочего времени. Добиться этого можно, только меняя условия производства и увеличивая производительность труда. Только тогда на производство необходимых рабочему жизненных средств будет потрачено относительно меньше рабочего времени, либо на производство тех же самых товаров понадобится меньше рабочих, а значит и меньшие затраты переменного капитала.

Поскольку с определенного исторического предела производство относительной прибавочной стоимости выступает в большинстве случаев единственным возможным путем увеличения (или даже сохранения) нормы эксплуатации, *для капитала становится принудительной необходимостью применение технических нововведений,*

позволяющих экономить на издержках найма рабочей силы. Капитал становится горячим поборником технического прогресса.

Как было отмечено выше, эволюция организационной и технической основы капиталистического производства под влиянием совершенствования методов производства прибавочной стоимости проходит несколько стадий.

Капитал застает и первоначально применяет методы производства, основанные на индивидуальном или групповом ручном труде, сложившиеся еще в добуржуазных способах производства. Стремление капитала к самовозрастанию (так же, как и жажда прибавочного труда в других эксплуататорских обществах) побуждает его увеличивать число наемных работников. Вообще превращение самостоятельного товаропроизводителя, применяющего собственный труд, в капиталиста, еще не происходит окончательно с появлением у него первого наемного рабочего. Необходимо, чтобы совокупная масса прибавочной стоимости, производимой наемными работниками, была достаточна для того, чтобы предоставить нанимающему работников товаропроизводителю доход, дающий ему возможность отказаться от приложения собственного труда и целиком сосредоточиться на выполнении функций капиталиста. Капитал, и персонифицирующий его капиталист, выступают теперь как сила, определяющая и организующая простую кооперацию труда.

Концентрация наемных работников, основанная на ***простой кооперации труда****, является первым шагом капиталистического производства.* Уже этот первый шаг создает некоторый прирост производительности труда, обеспечиваемый разнообразными эффектами от простой кооперации работников (а некоторые виды ручных работ вообще не могут быть выполнены без концентрации работающих — например, в строительстве или при погрузочно-разгрузочных работах). Таким образом, простая капиталистическая кооперация труда есть и первый, пока еще не слишком эффективный шаг в производстве относительной прибавочной стоимости.

Первым же самостоятельным (использующим не унаследованные от прежней эпохи методы организации производства) преобразующим воздействием, которое капитал оказывает на материальный способ производства, является переход от простой кооперации к мануфактуре. **Мануфактура**, как уже отмечалось ранее, это способ организации производства, основанный на ручных орудиях труда и разделении труда между занятыми работниками. Мануфактура может быть по происхождению *органической* (возникшей путем расчленения технологического процесса на отдельные операции, чему соответствует пооперационная специализация работников) или *гетерогенной* (возникшей путем соединения самостоятельного производства отдельных деталей в единый технологический процесс по созданию конечного продукта, чему соответствует попредметная специализация работников).

Одна из ранних форм капиталистической мануфактуры — *рассеянная мануфактура* — вырастает из *капиталистической работы на дому.* Последняя формируется таким образом, что прежде самостоятельные ремесленники становятся зависимыми от купца, скупающего у них товар на продажу. Нередко этот скупщик выступает одновременно и их кредитором, и поставщиком сырья (также в кредит). Прежде самостоятельные ремесленники, формально сохраняя свой самостоятельный статус, по существу постепенно превращаются в наемных работников. Если работа на дому развивается на основе сельских промыслов, капиталист еще и экономит на том, что ему не нужно полностью оплачивать своим работникам средства к существованию — занимающиеся ремеслом крестьяне в значительной степени обеспечивают себя продовольствием сами.

С течением времени скупщик для увеличения производительности труда начинает регулировать разделение труда между ремесленниками — скупая сырье у одних, он продает его другим для осуществления дальнейших стадий последовательной переработки. Так и возникает рассеянная ма-

нуфактура — в противоположность обычной, где работники, занятые специализированным трудом, как правило, концентрируются в одном помещении.

Развитие специализации трудовых операций в мануфактуре обеспечивает рост производительности труда, расширяет возможности производства относительной прибавочной стоимости и увеличивает зависимость труда от капитала. Мануфактурному работнику, специализирующемуся на какой-то одной операции, или на изготовлении полуфабрикатов, весьма сложно покинуть мануфактуриста и вновь превратиться в самостоятельного ремесленника, ибо он не имеет навыков, необходимых для полного изготовления готового продукта.

Тем не менее, переход из рядов мануфактурных рабочих в ряды самостоятельных ремесленников возможен — навыки можно приобрести, ремеслу можно обучиться, и приобретение набора ручных орудий труда не является совершенно уж непосильным делом. Да и на самой мануфактуре довольно независимым является положение наиболее искусных мастеров, которые являются живыми носителями навыков и опыта в ремесленном деле, и без которых нельзя добиться необходимого качества выделки готовых изделий.

Следующим шагом капитала в преобразовании условий производства является переход от ручного труда к машинному.

Машина:

Машина — орудие труда, соединяющее в себе двигатель, передаточное устройство, преобразующее движение в необходимую целесообразную форму, и собственно рабочее орудие, непосредственно воздействующее на обрабатываемый предмет.

Первоначально машинами замещался ручной труд в некоторых отраслях, производящих предметы потребления (в мукомольном производстве — еще до промышленного переворота, в прядении, ткачестве). Затем машинное производство распространяется и на производство средств производства — теперь и сами машины производятся при помощи машин. Позднее машинная техника проникает в сельское хозяйство, еще позднее (и менее глубоко) — в сферу услуг.

Полное преобразование производства на основе машинной техники приводит к появлению **фабрики.**

Фабрика —

предприятие, процесс производства на котором основан на системе машин.

Венцом развития фабрики является появление *автоматической системы машин*, т. е. такой системы, взаимодействие отдельных элементов которой обусловлено технической природой составляющих ее машин и не зависит от человека, на долю которого приходится только обслуживание, контроль и регулировка этой системы.

Фабричная система приводит к формированию внутреннего противоречия капитализма между планомерной организацией процесса производства на фабрике и господствующими в общественном хозяйстве стихийными рыночными отношениями. С развитием капитализма отмечается значительное нарастание остроты этого противоречия.

Массовое вытеснение ручного труда машинным позволяет капиталисту сократить относительное количество применяемой рабочей силы. Для обслуживания машины рабочему уже не нужны сложные навыки ремесленного работника. Сама *целесообразность процесса труда* определяется уже не человеком, а *заложена в системе машин* — вещественных элементах постоянного капитала. Рабочий превращается в придаток машины, а его *труд*, по выражению К. Маркса, *сводится к простой абстракции деятельности*, к действию определенным образом выдрессированной силы природы.

Такая роль рабочего как придатка к машине позволила капиталу на ранней стадии индустриализации в массовом масштабе провести замену труда взрослых мужчин трудом женщин и детей, что сокращало ка-

питалу издержки на наем рабочей силы и на надзор за ней. Однако это привело к значительному сопротивлению рабочего класса, и, помимо этого, подрывало нормальный процесс воспроизводства рабочей силы. Капитал был принужден поставить пределы своей собственной алчности и смириться с законодательным ограничением детского и женского труда.

Переход к машинному производству знаменовал собой и ***переход от формального подчинения труда к реальному***.

Формальное подчинение труда капиталу —

такое подчинение труда, которое определяется капиталистической формой процесса производства, то есть капиталистическими производственными отношениями, и, прежде всего — характером отношений между капиталистом и наемным работником.

Реальное подчинение труда капиталу —

такое подчинение труда, которое, помимо характера капиталистических производственных отношений, определяется также и самим характером процесса производства, превращением наемного работника в придаток машины, техническим подчинением человека движению вещественных элементов постоянного капитала.

Реальное подчинение труда капиталу, помимо всего прочего, лишает основную массу работников возможности вырваться из рамок отношений труда и капитала, поскольку делает наемного работника неспособным к самостоятельному ведению процесса производства за рамками его специализированной функции по обслуживанию того или иного процесса, протекающего в системе машин. Если рабочий только и обучен тому, чтобы прикручивать двумя шурупами определенную деталь к изделию, движущемуся на конвейере, то за пределами этой функции он не способен ни к чему и никому не нужен.

Впрочем, парадоксальным образом такая примитивизация функций ведет к формированию значительной подвижности рабочей силы. Рабочий ничего не может производить самостоятельно, выполнить изделие от начала и до конца, — это так. Но так же, как просто научить человека ввинчивать два шурупа, так же просто научить его подставлять стальной лист заготовки под пуансон пресса, или совершать аналогичную простейшую операцию по обслуживанию машинной техники. Поэтому рабочему, в общем, становится *безразлично*, какую именно примитивную функцию при машине ему предназначено выполнять. Он легко может *менять место работы*... но при этом *оставаться зависимым от капитала придатком системы машин*.

Машинное производство характеризуется *тенденцией к постоянному обновлению технической основы производства*. Этим обеспечивается рост производительности труда, а значит, и возможность для капитала привлекать меньше труда для производства единицы продукции. Постоянные технические перевороты в системе производства становятся основой для извлечения относительной прибавочной стоимости и тем самым превращаются в *принудительный закон* развития производства, основанного на капитале.

Однако капитал применяет не всякие нововведения, ведущие к вытеснению живого труда машинным, а лишь такие, при которых дополнительные затраты на постоянный капитал меньше, чем получаемая за счет этого экономия на найме рабочей силы. Иначе при данной рыночной цене товара сократится извлечение прибавочной стоимости. Такова экономическая граница капиталистического применения машин.

Итак, *стадии развития капитализма в промышленности — простая кооперация, мануфактура, фабрика — выступают одновременно и как прогрессивные стадии производства относительной прибавочной стоимости*. Капитал, как производственное отношение, определяет и специфически капиталистический способ прогресса производительных сил — постоянные перевороты в технической основе производства,

призванные увеличивать производительность труда и тем самым обеспечивать прогресс производства относительной прибавочной стоимости. Таков при капитализме способ обратного воздействия производственных отношений на развитие производительных сил общества.

Возникновение производства, основанного на системе машин (фабрика), означает формирование адекватного капитализму технического базиса производства. Именно система машин составляет основной технический элемент производительных сил (наряду с наемной рабочей силой, составляющей человеческий их элемент), адекватных капиталистическому способу производства. Поэтому весьма логичным представляется вывод, что производительные силы, основанные на системе машин, не могут быть адекватными иному способу производства, следующему на смену капитализму.

✓ К. Маркс об особенностях производительных сил будущего общества:

У самого К. Маркса, мы, однако, не найдем такого вывода. Единственное специально подчеркиваемое им отличие производительных сил будущего общества от производительных сил капитализма заключается в преодолении подчинения человека общественному разделению труда. Более того, К. Маркс вполне допускал и некапиталистическое применение машин (при социализме). Почему? Не является ли это очевидной ошибкой?

Не вполне. В рамках имевшегося фактического материала К. Маркс не мог произвольно конструировать производительные силы будущего общества. Достаточно и тех, вполне оправдывающихся только сейчас, предвидений, которые он сделал[1] (и речь о которых пойдет позже). Кроме того, К. Маркс отнюдь *не ошибался* в том отношении, что *возникновение нового способа производства будет происходить на основе в целом еще старых производительных сил*, и лишь затем они выйдут на качественно новую ступень, адекватную условиям нового способа производства. Каков будет *технический облик* этих новых производительных сил, Маркс, разумеется, предугадать не мог.

Однако стоит заметить, что содержащееся в «марксизме-ленинизме» объявление «социалистической индустриализации» способом создания материально-технической базы социализма представляет собой грубое отклонение от марксистской теории. Материально-техническая база социализма мыслима лишь в виде зрелого, вполне развившегося индустриального производства, уже порождающего элементы собственного отрицания (постиндустриальные тенденции). Индустриализация же (пусть и сопровождающаяся эпитетом «социалистическая»), как переход от производства, основанного на ручном труде, к машинному производству, представляет собой путь создания материально-технической основы *только* капиталистического способа производства. Индустриализация (как историческая стадия развития капиталистического способа производства) создает в лучшем случае — и то далеко не в полной мере — *материальные предпосылки* для *перехода* к социализму (так же, как капитализм создает для этого *экономические предпосылки*), а отнюдь не адекватную для него материально-техническую базу.

---

[1] См., например: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46. М.: ИПЛ, 1969, ч. I, с. 280; 476; ч. II, с. 35, 110, 221.

9.3. Капиталистическое накопление. Капиталистический закон народонаселения

Итак, мы выяснили, как капиталист производит прибавочную стоимость. А какова ее дальнейшая судьба? Если вся прибавочная стоимость будет потребляться капиталистом, то для продолжения процесса производства у него в руках останется лишь сумма стоимости, равная по величине первоначально авансированному капиталу. Тем самым будет возможно *продолжение производства в неизменных масштабах* — т. е. **простое воспроизводство**. Если же капиталист, желая увеличить присвоение прибавочной стоимости, хочет увеличить объемы производства товаров, ему необходимо хотя бы часть прибавочной стоимости превращать в элементы капитала, расходуя ее на покупку добавочных средств производства и наем дополнительной рабочей силы. На такой основе становится возможным *возобновление производства в расширенном, по сравнению с предшествующим периодом, масштабе* — т. е. **расширенное воспроизводство**.

Накопление капитала:

Превращение части прибавочной стоимости в элементы постоянного и переменного капитала называется **накоплением капитала.**

Процесс накопления капитала окончательно утверждает капиталистическую природу процесса производства. Относительно первоначально авансированного капитала нельзя еще с уверенностью сказать, что он является продуктом капиталистического производства. Это могла быть феодальная рента — продукт эксплуатации крепостных крестьян — превращенная в капитал, это мог быть результат бережливости удачливого мелкого производителя, это мог быть процент, безжалостно выдаиваемый ростовщиком из своих клиентов... Но теперь, с каждым циклом капиталистического накопления, все большую часть авансируемого капитала составляет капитализированная прибавочная стоимость. Довольно скоро наступает такой момент, когда весь применяемый капитал начинает представлять собой продукт капиталистической эксплуатации наемных работников.

Получается, что наемный рабочий сам кует цепи своего наемного рабства. Инструмент эксплуатации в руках буржуазного класса — капитал — уже на начальной стадии развития капитализма практически целиком становится капитализированным прибавочным трудом рабочих. Рабочий трудится, чтобы вновь и вновь создавать для капиталиста орудия своей собственной эксплуатации. Здесь мы сталкиваемся с развитой формой феномена *отчуждения*: отчужденный труд рабочего превращается в условиях капиталистических производственных отношений в чуждую, противостоящую ему и угнетающую его силу капитала. Капитал присваивает прибавочный труд рабочего, обращая его в орудие господства над трудящимся.

Итак, «...Капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой»[1]. Таким образом, процесс капиталистического воспроизводства означает не только постоянное возобновление производства продуктов, как товаров; не только постоянное возобновление производства стоимости и прибавочной стоимости; *он означает воспроизводство капиталистических производственных отношений.* Иными словами, капиталистический процесс производства и воспроизводства есть процесс производства и воспроизводства условий жизни общества и людей, его составляющих, в их общественной определенности, заданной капиталистическими отношениями.

[1] *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 23, с. 591.

Процесс накопления капитала прямо влияет на положение рабочих при капитализме. Капитал стремится к безудержному росту, к экспансии, чтобы производить все больше и больше и больше прибавочной стоимости. Это расширение требует добавочных рабочих, а, следовательно, ведет к росту спроса на рабочую силу. Рост спроса ведет к росту цены рабочей силы, то есть к повышению заработной платы. Однако это означает рост расходов буржуазии на переменный капитал, а значит, сокращает норму прибавочной стоимости. Поэтому капитал стремится ограничить свое накопление такими рамками, при которых добавочный спрос на рабочую силу удерживается ниже ее предложения, что не позволяет цене рабочей силы расти настолько, чтобы это вело к снижению нормы прибавочной стоимости.

Эта закономерность капиталистического накопления определяет собой постоянное существование армии безработных или **резервной армии труда** (промышленной резервной армии). Резервная армия труда не представляет собой постоянную величину. В условиях высокой конъюнктуры, когда капиталистическое производство расширяется с расчетом на растущий рынок сбыта, растет и спрос на рабочие руки, что ведет к сокращению резервной армии труда и относительному улучшению положения занятых рабочих. В условиях кризиса, когда капиталисты свертывают производство, резервная армия труда растет, а положение рабочих ухудшается. Однако и в период подъема, и в период кризиса резервная армия труда не исчезает, продолжая оставаться фактором, обеспечивающим избыток предложения рабочей силы над спросом на нее. «Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным народонаселением. *Это — свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения...*»[1] (Курсив наш. — *А. Б., А. К.*).

✓ О резервной армии труда и относительном перенаселении:

Разумеется, демографические процессы при капитализме определяются не одними только капиталистическим производственными отношениями, но и множеством других факторов, среди которых одно из первых мест занимает достигнутый абсолютный уровень потребления, а также национально-культурные традиции, состояние здравоохранения и социальной помощи, наличие или отсутствие войн и т. д. и т. п. Капиталистический закон народонаселения *регулирует лишь одну сторону движения населения* — он определяет тот факт, что при *любых* темпах естественного прироста населения капитал готов поглотить добавочные рабочие руки в своем стремлении к безудержному росту — однако доставляемые естественным приростом населения добавочные рабочие руки поглощаются капиталом *лишь в определенных пределах*. А именно, возможный рост спроса на рабочую силу не должен вести к такому росту заработной платы, который снизил бы норму прибавочной стоимости, и поэтому капитал поглощает не все добавочные рабочие руки, сохраняя *резервную армию труда*. Кроме того, такое *относительное перенаселение* обеспечивает для самовозрастания капитала «постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ естественного прироста населения»[2].

[1] *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 23, с. 645–646.

[2] Там же, с. 646.

Накопление капитала может влиять на положение наемных рабочих при капитализме различным образом. Это зависит от того, как меняется соотношение, в котором накопляемая часть прибавочной стоимости делится на переменный и постоянный капитал, то есть от **строения капитала,** (а точнее, от его *органического строения*).

Органическое строение капитала —

стоимостное строение капитала (т. е. соотношение стоимости постоянного и переменного капитала), постольку, поскольку оно определяется его техническим строением.

Почему речь идет именно об органическом строении? Потому что от него зависит, в каких объемах добавочный капитал будет привлекать дополнительных наемных рабочих. Чем выше техническая вооруженность производства, тем выше органическое строение (т. е. относительно больше стоимостная доля постоянного капитала), и тем, следовательно, меньше доля переменного капитала и количество требующихся для расширения производства новых рабочих.

Если накопление капитала идет при его неизменном органическом строении, то добавочный переменный капитал остается в том же соотношении с постоянным, что и раньше. Это значит, что расширение производства требует дополнительного постоянного капитала и дополнительных рабочих рук в той же пропорции, что и раньше.

Если органическое строение капитала повышается, то новых рабочих рук требуется относительно меньше, и, соответственно, относительно меньше добавочный спрос на рабочую силу, что, соответственно, ведет к понижению заработной платы.

Именно эта закономерность послужила К. Марксу одним из оснований для вывода *о тенденции к абсолютному ухудшению положения рабочего класса при капитализме.* Во избежание разночтений приведем здесь обширные цитаты из «Капитала»:

➢ Обращаясь к первоисточникам: К. Маркс о тенденции к абсолютному ухудшению положения рабочего класса при капитализме:

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастание сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления*»[1].

Далее Маркс формулирует те же мысли еще более резко: «...По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. ...Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»[2].

[1] *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 23, с. 659.

[2] Там же, с. 660.

Как является очевидным в настоящее время, К. Маркс не сумел разделить здесь действительно всеобщие закономерности капиталистического накопления, определяющие зависимость положения рабочего класса от движения накопления капитала, и количественную оценку этой зависимости, обусловленную исторически преходящими обстоятельствами. Как видно из текста XXIII главы I тома «Капитала», Маркс строит эту оценку на основании данных, относящихся к Великобритании и Ирландии в период 30-х – начала 60-х гг. XIX века. Это был период развития капиталистической индустриализации вширь, период вытеснения мелкого ремесленного производства в еще не индустриализованных отраслях, и ручного сельскохозяйственного труда машинной техникой. Для этого периода было характерно действительное сжатие спроса на труд по мере замены ручного труда крупным машинным производством, и тенденция к вытеснению относительно сложного ремесленного труда более простым трудом по обслуживанию машин, в том числе женским и детским. Описанные в «Капитале» последствия этих процессов для положения рабочего класса были поистине ужасающими.

Все те закономерности, которые послужили Марксу основанием для вывода об абсолютном ухудшении положения рабочего класса по мере накопления капитала, *действовали в реальной истории капитализма*. Это и в самом деле был закон, характерный для перехода от мастерового мануфактурно-ремесленного периода к промышленному рабочему, низведенному до роли простого придатка к машине. Однако Марксом не был в полной мере принят во внимание тот факт, что эти тенденции носят *исторически преходящий* характер, и что им на смену приходит ряд противоположных тенденций, которые, впрочем, в развернутом виде проявили себя только после его смерти.

Сам Маркс в отделе о накоплении, проводя анализ его закономерностей, в общем, не отрицал возможности роста производства прибавочной стоимости в условиях растущей заработной платы рабочих[1]. Равным образом в принципе им не отвергалась и возможность абсолютного роста спроса на рабочую силу[2] и уровня заработной платы[3] при накоплении капитала, основанном на росте его органического строения, и, соответственно, относительном падении спроса на рабочую силу.

Можно сделать вывод, что *динамика положения рабочего класса различна на различных этапах развития капиталистического способа производства и в различных секторах мирового капиталистического хозяйства*. В период с последней четверти XIX до последней четверти XX века, с постепенным завершением развития капиталистической индустриализации вширь, в наиболее развитых странах изменилась и техническая основа накопления капитала. Этот процесс стал развиваться на основе постоянного усложнения машинной техники, что привело к росту квалифицированных слоев рабочего класса, к повышению стоимости их рабочей силы. Даже примитивизация функций рабочего при поточном производстве на основе конвейерной системы имела противоречивое воздействие на положение рабочего класса. С одной стороны, конвейерный рабочий имел не слишком высокую квалификацию. С другой стороны, развертывание массового поточного производства нуждалось и в массовом потребителе, что нашло свое выражение в идеологии «фордизма» («мои рабочие должны иметь возможность покупать мои автомобили»).

Одновременно с этим развивались и другие тенденции, противодействующие ухудшению положения рабочего класса. Рост профсоюзного и политического рабочего движения усилил позиции пролетариата в торге за условия продажи своей рабочей силы, что особенно явно сказалось после Октябрьской революции (переход к 8-часовому рабочему дню, постепенное признание прав профсоюзов), а затем в 50-е – начале 70-х гг. XX века. Однако затем развитие постиндустриальных тенденций

[1] См.: *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 23, с. 632–633.

[2] Там же, с. 637.

[3] Там же, с. 649.

привело к сокращению квалифицированного персонала в промышленности и росту удельного веса малоквалифицированных работников в сфере услуг. Это обернулось в США в последней четверти XX века длительным снижением реальной заработной платы при удлинении фактической рабочей недели, а в Европе — ростом безработицы.

В других секторах мирового хозяйства в настоящее время, в зависимости от исторического этапа развития той или иной национальной экономики и ее места в мировом хозяйстве, можно наблюдать как закономерности, описанные Марксом во всей их неприглядности, так и закономерности, свойственные для XX века.

✓ **О важности корректировки результатов первоначального анализа на основе новых фактов:**

Социальное негодование должно стимулировать научный экономический анализ, а не подменять его. *Великая и несомненная заслуга Маркса заключается в том, что он превратил вполне определенную социально-классовую позицию в мощный инструмент вскрытия реальных противоречий социально-экономического развития.* Однако иной раз социальное негодование приводило к преобладанию эмоций над беспристрастным научным исследованием. Маркс стремился исходить из наблюдаемых фактов, и был вполне справедлив в критике современного ему капитализма. И все же он своевременно не подверг первоначальный анализ позднейшей корректировке на основе новых фактов, что придало бы его выводам более универсальный характер и предотвратило бы ошибочное выдвижение утверждения об абсолютном характере исторически преходящих закономерностей. Многие его последователи (особенно в СССР) прибегли к уже совершенно недопустимой догматизации исходных положений Маркса, зачастую уже вопреки очевидным фактам, что значительно ослабило как научные, так и идеологические позиции марксизма

Вопросы для самоконтроля

9.1. Какие противоречия товарного производства определяют превращение денег в капитал?
9.2. Каковы исторические и теоретические условия превращения денег в капитал?
9.3. Каково значение категории «товар — рабочая сила» в марксовой концепции капитала? Что такое капитал как производственное отношение?
9.4. Каков источник прибавочной стоимости?
9.5. Что такое постоянный и переменный капитал? Какова их роль в производстве прибавочной стоимости?
9.6. Почему заработная плата выступает как превращенная форма цены и стоимости рабочей силы?
9.7. Чем различаются абсолютная и относительная прибавочная стоимость? В чем состоит их общая основа?
9.8. Как определяются экономические границы рабочего дня при капитализме?
9.9. Что такое формальное и реальное подчинение труда капиталу?
9.10. Какими противоречиями капитала определяется переход от простой кооперации к мануфактуре и фабрике?
9.11. Каковы закономерности капиталистического накопления (превращения прибавочной стоимости в капитал)?
9.12. Каковы были исторические условия, определившие формулировку Марксом всеобщего закона капиталистического накопления как абсолютного и относительного обнищания пролетариата?
9.13. Каковы действительные общие закономерности капиталистического накопления, вскрытые Марксом в «Капитале»?
9.14. В чем состоит экономический закон народонаселения при капитализме?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Капитал. Т. I, отделы 2–4, 6–7 (за исключением главы 24), особенно главы 4–6, 7 (§ 1), 8 (§ 1), 10–12, 13 (§ 1–6), 17–19, 21, 22, 23 (§ 1–4) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- *Розенберг Д. И.* Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала: www.interpolitec.su]:

- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* «Капитал» — XXI: специфика всеобщего закона капиталистического накопления (некоторые качественные и количественные характеристики) // Вопросы политической экономии. 2017. № 4.
- *Деленян А. А.* Исторические формы первоначального накопления // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 87–105.
- *Котц Д.* Марксистские истоки теории социальной структуры накопления и системные преобразования капитализма // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 55–65.
- *Хубиев К. А.* Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения: взгляд XXI века // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 66–85.

Тезаурус к главе 9

НЕОБХОДИМОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ — время, которое нужно для создания продукта, обеспечивающего воспроизводство самого работника, то есть возмещающего затраты его рабочей силы, и обеспечивающего физическое замещение работника по истечении его работоспособного возраста.

НЕОБХОДИМЫЙ ПРОДУКТ — продукт, обеспечивающий воспроизводство самого работника, то есть возмещающий затраты его рабочей силы, и обеспечивающий физическое замещение работника по истечении его работоспособного возраста.

ПРИБАВОЧНОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ — время труда сверх необходимого рабочего времени. В течение прибавочного рабочего времени создается прибавочный продукт.

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — продукт, производимый сверх производства необходимого продукта.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ — та часть стоимости товаров, которую наемный работник создает в силу принуждения к труду сверх необходимого рабочего времени (то есть стоимость создаваемого им в течение прибавочного рабочего времени прибавочного продукта).

КАПИТАЛ: 1. Деньги, способные приносить прибавочную стоимость (первое, наиболее абстрактное и поверхностное определение); 2. Общественное отношение между капиталистом и наемным работником, основанное на эксплуатации приобретаемой капиталистом рабочей силы лично свободного наемного работника с целью извлечения прибавочной стоимости (второе, углубленное и развернутое определение).

ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА: когда форма явления создает искаженное, или даже прямо противоположное действительному содержанию представление о нем, она выступает тем самым как превращенная форма.

АБСОЛЮТНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ — производство прибавочной стоимости путем удлинения рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ — прибавочная стоимость, производимая путем сокращения необходимого рабочего времени и изменения соотношения между величиной необходимого и прибавочного рабочего времени.

МАШИНА: орудие труда, соединяющее в себе двигатель, передаточное устройство, преобразующее движение в необходимую целесообразную форму, и собственно рабочее орудие, непосредственно воздействующее на обрабатываемый предмет.

ФАБРИКА — предприятие, процесс производства на котором основан на системе машин.

ФОРМАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА КАПИТАЛУ — такое подчинение труда, которое определяется капиталистической формой процесса производства, то есть капиталистическими производственными отношениями, и, прежде всего — характером отношений между капиталистом и наемным работником.

РЕАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА КАПИТАЛУ — такое подчинение труда, которое, помимо характера капиталистических производственных отношений, определяется также и самим характером процесса производства, превращением наемного работника в придаток машины, техническим подчинением человека движению вещественных элементов постоянного капитала.

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА — превращение части прибавочной стоимости в элементы постоянного и переменного капитала.

ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА — стоимостное строение капитала (т. е. соотношение стоимости постоянного и переменного капитала), постольку, поскольку оно определяется его техническим строением.

Глава 10

Обращение и превратные формы капитала: зарплата, прибыль, процент и рента. Воспроизводство и кризисы

Структура главы:

- Обращение капитала. Чистые и дополнительные издержки обращения
- Превращение прибавочной стоимости в прибыль, а стоимости — в цену производства
- Промышленный и торговый капитал. Производительный и непроизводительный труд
- Ссудный капитал и процент. Процент и предпринимательский доход. Фиктивный капитал
- Капиталистическая земельная рента
- Воспроизводство и кризисы

Основные понятия:

чистые издержки обращения*
дополнительные издержки обращения*
оборот капитала*
основной капитал*
оборотный капитал*
общественный капитал*
цена производства*
банкнота*
фиктивный капитал*
дифференцированная добавочная прибыль*
дифференциальная рента*
абсолютная рента*
перенакопление капитала*
кризис перепроизводства
капиталистические циклы воспроизводства

Формулы:

формула кругооборота денежного капитала
формула кругооборота товарного капитала
формула кругооборота производительного капитала

Законы и закономерности:

закон простого воспроизводства*
закон расширенного воспроизводства*

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Параллели с неоинституциональной теорией (трансакционные издержки)
- ✓ О законе преимущественного роста первого подразделения (преимущественного роста производства средств производства)
- ✓ О противоречии между I и III томами «Капитала»
- ✓ Объяснение процента в неоклассической теории
- ✓ Как формируется цена ценных бумаг
- ✓ Цена земельного участка как капитализация ренты
- ✓ Цена земли и плодородие почвы

Рекомендуемые разделы Приложения для расширения и углубления знаний по теме:

Часть 2. Капитал

Глава 4. Подчинение труда, свободного времени и Человека: капитал, его гегемония и пределы в мире креатосферы

10.1. Обращение капитала. Чистые и дополнительные издержки обращения

Постоянно возобновляющиеся акты воспроизводства образуют непрерывный процесс обращения капитала. *Один законченный акт воспроизводства составляет* кругооборот *капитала*. Если исходным пунктом воспроизводства является денежный капитал, то формула его кругооборота такова:

Формула кругооборота денежного капитала:

Д — Т... П... Т' — Д'.

Если исходным пунктом кругооборота выступает товарный капитал, то формула кругооборота товарного капитала соответственно меняется:

Формула кругооборота товарного капитала:

Т' — Д' — Т... П... Т'.

При рассмотрении воспроизводства производительного капитала его кругооборот выглядит следующим образом:

Формула кругооборота производительного капитала:

П... Т' — Д' — Т... П.

Все эти три фигуры кругооборота, взятые в совокупности, представляют собой выражение единства производства и обращения в кругообороте капитала. Каждый действительный капитал находится в процессе всех трех фигур кругооборота одновременно.

Процесс обращения связан, как и процесс производства, с затратами труда. Создают ли эти затраты труда стоимость, присоединяющуюся к товару, находящемуся в обращении? Не все. *Издержки обращения делятся на чистые и дополнительные*. Это деление зависит от того, создают ли издержки новую потребительную стоимость, или же нет.

Чистые издержки обращения —

такие издержки обращения, которые не присоединяют к товару новой стоимости.

Затраты на совершение сделки, время, затраченное на процесс купли и продажи, не создают новой стоимости. Напротив, затраты капитала на эти цели уменьшают время его производительного функционирования. То же самое относится к бухгалтерскому учету и всем видам хозяйственного учета вообще, а также к затратам на функционирование денежной системы.

Тот факт, что эти затраты необходимы для совершения обращения капитала, еще не делает их фактором, создающим стоимость, ибо они не добавляют к произведенным товарам никаких дополнительных полезных свойств.

Параллели с неоинституциональной теорией (трансакционные издержки):

С точки зрения современной неоинституциональной теории все эти издержки могли бы быть отнесены к трансакционным издержкам (в противоположность трансформационным, связанным с преобразованием самого товарного тела).

Дополнительные издержки обращения —

такие издержки, которые изменяют полезные свойства товара и тем самым входят в процесс создания стоимости.

К дополнительным издержкам обращения относятся транспортные издержки, издержки по фасовке и упаковке товара, совершаемые за пределами процесса непосредственного производства.

Оборот капитала:

непрерывные взаимосвязанные *кругообороты* капитала образуют его *оборот.*

С точки зрения процесса обращения, то есть по той роли, какую отдельные составные части играют в процессе обращения, капитал делится на основной и оборотный.

Основной капитал —

капитал, который в течение одного кругооборота лишь *частично* потребляется, а значит, и лишь *частично* входит в процесс обращения, хотя применяется целиком. Соответственно, он *переносит свою стоимость на готовый продукт частями.* Его полное возобновление должно совершаться лишь после множества циклов кругооборота.

Оборотный капитал —

капитал, который входит в процесс обращения и потребляется в нем *целиком*, и должен возобновляться в каждом цикле кругооборота. Элементы оборотного капитала *целиком переносят свою стоимость на готовый продукт в одном кругообороте.*

В состав основного капитала входят те элементы постоянного капитала, которые в каждом данном цикле производства товара снашиваются лишь частично, и только часть их стоимости переносится на готовый продукт. Это стоимость машин, оборудования, зданий, сооружений. *В состав оборотного капитала* входит *весь переменный капитал*, поскольку рабочая сила потребляется в каждом кругообороте и соответственно ее стоимость также целиком переносится на готовый продукт и должна возмещаться в каждом кругообороте, и *часть элементов постоянного капитала* — стоимость сырья и материалов, поскольку она целиком переносится на продукт в каждом кругообороте, и точно также в каждом кругообороте требует возмещения.

Объективно вытекающее из *обращения* деление капитала на основной и оборотный в тоже время затушевывает принципиально различную роль разных элементов капитала — постоянного и переменного капитала — в процессе *производства* прибавочной стоимости. Поэтому за пределами марксизма деление на постоянный и переменный капитал не применяется, и известно только деление на основной и оборотный — то есть то деление, которое выступает на поверхности процесса обращения капитала.

Кругооборот и оборот отдельных индивидуальных капиталов на самом деле есть лишь обращение обособившихся частей *общественного капитала*. Ни один индивидуальный капитал не может быть производительным, т. е. вообще не может существовать вне сцепления со всей массой индивидуальных капиталов, сцепления, создаваемого общественным разделением труда. Итак, индивидуальный капитал вообще мыслим лишь в системе общественного капитала.

Общественный капитал —

производственное отношение совокупного капиталиста к совокупной рабочей силе общества, проявляющееся как множество индивидуальных отношений, разделение на которые, равно как и связь их между собой в общественный капитал *обусловлены общественным разделением труда.*

Законы воспроизводства общественного капитала поэтому отличаются от законов воспроизводства индивидуальных капиталов. В процессе обращения индивидуального капитала для него достаточно возмещение лишь по стоимости, и хотя он должен быть возмещен и в своей натуральной форме, это выступает как простое следствие его возмещения в стоимостной форме, в форме денежного капитала. Что же касается воспроизводства и обращения общественного капитала, то для него принципиальное значение приобретают пропорции общественного разделения труда. Лишь при соблюдении определенных пропорций общественного разделения труда может нормально протекать реальный процесс производства и воспроизводства, а значит, общественный капитал может быть возмещен как по стоимости, так и, тем более, по натуральной форме.

Закон простого воспроизводства

Для исследования процесса воспроизводства общественного капитала Маркс вводит простейшую двухотраслевую модель общественного производства. Он делит общественное производство на два подразделения — производство средств производства и производство предметов потребления, не следуя ранее принятым в статистике приемам отраслевого деления (например, на промышленность и сельское хозяйство), и впервые вводя собственный подход к членению общественного производства. Почему же Маркс предлагает именно такое деление?

Это связано с различной ролью предметов потребления и средств производства в процессе общественного воспроизводства, причем не только с точки зрения процесса производства вообще, безотносительно его общественной формы, но и процесса производства капитала. Средства производства образуют вещественную основу постоянного капитала, а предметы потребления — переменного. Поэтому предложенное Марксом деление общественного производства на два подразделения позволяет одновременно проследить процесс возмещения различных элементов капитала как по стоимости, так и по натуральной форме.

Чтобы обеспечить возмещение элементов постоянного и переменного капитала как по стоимости, так и по натуральной форме, совокупное производство во втором подразделении (производство предметов потребления) должно обеспечивать возмещение переменного капитала и прибавочной стоимости как первого, так и второго подразделений:

$$II(c + v + m) = II(v + m) + I(v + m).$$

Совокупное производство в первом подразделении (производство средств производства) должно обеспечивать возмещение основного капитала как в первом, так и во втором подразделении:

$$I(c + v + m) = II(c) + I(c).$$

Преобразование и первого, и второго уравнений дает одно и то же равенство:

Закон простого воспроизводства:

$$I(v + m) = II(c).$$

Итак, та часть производства средств производства в первом подразделении, которая соответствует по стоимости переменному капиталу и прибавочной стоимости первого подразделения, должна быть равна той части производства предметов потребления во втором подразделении, которая соответствует по стоимости постоянному капиталу второго подразделения.

Законы расширенного воспроизводства

Маркс ограничивается формулой:

Неравенство для расширенного воспроизводства, предложенное К. Марксом:

$$I(v + m) > II(c).$$

Такое неравенство действительно должно соблюдаться для расширенного воспроизводства. Однако оно не обеспечивает про-

порционального возмещения всех элементов общественного капитала в обоих подразделениях и, кроме того, является не единственным неравенством, которое должно соблюдаться. Используя марксовы обозначения, мы можем задать точные исходные условия расширенного воспроизводства.

Совокупное производство во втором подразделении должно обеспечивать возмещение переменного капитала как первого, так и второго подразделений, и той доли прибавочной стоимости в обоих подразделениях, которая направляется на потребление капиталистов и прирост переменного капитала (наем дополнительной рабочей силы):

$$II(c + v + m) = II(v + bm) + I(v + am).$$

Совокупное производство в первом подразделении должно обеспечивать возмещение постоянного капитала как первого, так и второго подразделений, и той доли прибавочной стоимости в обоих подразделениях, которая направляется на прирост постоянного капитала:

$$I(c + v + m) = II(c + [1 - b]m) + I(c + [1 - a]m),$$

где:

b — доля прибавочной стоимости, авансируемая на собственное потребление капиталиста и прирост переменного капитала во втором подразделении;

a — доля прибавочной стоимости, авансируемая на собственное потребление капиталиста и прирост переменного капитала в первом подразделении;

1-a — доля прибавочной стоимости, авансируемая на прирост постоянного капитала в первом подразделении;

1-b — доля прибавочной стоимости, авансируемая на прирост постоянного капитала во втором подразделении.

Преобразуя первое уравнение, получаем:

$$II(c + m) = II(bm) + I(v + am),$$

что соответствует неравенству

$$II(c + m) > I(v) \text{ {на величину } } II(bm) + I(am)\}.$$

Преобразуя второе уравнение, получаем:

$$I(v + m) = II(c + [1 - b]m) + I([1 - a]m),$$

что соответствует неравенству

$$I(v + m) > II(c)$$
$$\{\text{на величину } II([1 - b]m) + I([1 - a]m)\}.$$

Таким образом, видно, что *марксово неравенство есть лишь одно из условий расширенного воспроизводства*, причем не слишком точно определенное количественно.

Дальнейшее преобразование дает точные условия пропорционального расширенного воспроизводства. Из обоих уравнений получаем одно и тоже равенство:

Закон расширенного воспроизводства:

$$II(c + [1 - b]m) = I(v + am).$$

Или, интерпретируя в словесной форме: производство во втором подразделении, соответствующее по стоимости постоянному капиталу второго подразделения и той части прибавочной стоимости второго подразделения, которая направляется на прирост постоянного капитала, должно быть равно производству в первом подразделении, соответствующему по стоимости переменному капиталу первого подразделения и той части прибавочной стоимости первого подразделения, которая направляется на прирост личного потребления капиталистов и расширение переменного капитала.

Почему же Маркс ограничивается одним неравенством, не показывая точные требуемые пропорции расширенного воспроизводства? Сам Маркс нигде не объясняет этого прямо. Можно лишь выдвинуть предположение: потому, что *процесс капиталистического производства никогда не обеспечивает строгую пропорциональность возмещения всех элементов капитала, как по стоимости, так и по натуральной форме.* Общественный капитал не функционирует, как единое целое, а складывается из хаотического взаимодействия индивидуальных капиталов, противостоящих друг другу и

разделенных барьерами частной собственности. Как и вообще при товарном производстве, процесс производства и воспроизводства капитала протекает на основе независимых друг от друга частных работ и частных предпринимательских решений, ориентирующихся лишь на стихийные колебания товарных цен. *Поэтому Маркс считает возможным показать лишь граничные условия расширенного воспроизводства, при которых оно вообще может иметь место, независимо от того, насколько оно пропорционально.*

О законе преимущественного роста первого подразделения (преимущественного роста производства средств производства):

Исследованные и сформулированные Марксом законы расширенного воспроизводства общественного капитала дали основание его последователям (В. И. Ленину) сделать вывод, что для капиталистического расширенного воспроизводства должно быть характерно преобладание темпов роста первого подразделения общественного производства над темпами роста второго. Это было названо *законом преимущественного роста первого подразделения* или законом преимущественного роста производства средств производства.

Логика этого вывода была проста: если (как это характерно для индустриальной стадии капитализма) воспроизводство совершается при растущем органическом строении капитала, то, следовательно, в каждом новом цикле воспроизводства соотношение добавочного постоянного и добавочного переменного капитала меняется в пользу первого. Значит, производство средств производства должно расширяться быстрее, чем производство предметов потребления.

Сталинизированный «марксизм-ленинизм» превратил это утверждение в непререкаемую догму[1], которая уже никак не соотносилась с теми предпосылками, на основе которых был сделан данный вывод, и в рамках которых он мог быть справедлив.

Между тем этот закон имел ограниченную применимость, определяемую историческими рамками периода экстенсивного развития капиталистической индустриализации. Действительно, когда в одной отрасли за другой происходила массовая замена ручных орудий труда машинами, то значительно возрастала стоимость применяемых средств производства, и отрасли, производящие машинную технику, развивались опережающими темпами. Однако еще до завершения массовой индустриализации начинают действовать иные закономерности воспроизводства капитала.

Переход к массовому производству машинной техники и рост производительности труда в соответствующих отраслях позволяют снизить стоимость производства машин и оборудования. И хотя в натуральной форме производство машинной техники может расшириться очень существенно, по стоимости этот прирост может быть менее значительным. Тем более после завершения периода массовой индустриализации уже не требуется форсированного роста производства средств производства, а технический прогресс позволяет удешевлять элементы постоянного капитала. Одновременно с этим развивается тенденция к росту стоимости рабочей силы. Таким образом, становится возможным капиталоэкономный путь расширенного воспроизводства, когда рост технического строения капитала не сопровождается ростом его стоимостного строения.

[1] Причины этой догматизации коренились не только в общей тенденции к догматизму, свойственной сталинскому периоду, но и во вполне прагматичной защите интересов хозяйственной бюрократии в отраслях тяжелой и оборонной промышленности, которая имела преобладающие позиции и стремилась их закрепить.

В обновлении материальных элементов постоянного капитала в процессе капиталистического воспроизводства заключается *материальная основа циклических кризисов при капитализме*.

Поскольку создание капиталистической фабрики предполагает одновременную массовую установку машин и оборудования, то и устаревание этих элементов постоянного капитала также происходит более или менее одновременно, что, в свою очередь, требует более или менее одновременной их замены. Массовая замена машин и оборудования на новые, — если они являются технически значительно более совершенными, — на одной или нескольких капиталистических фабриках, создает для их владельцев конкурентные преимущества и подталкивает других капиталистов также проводить массовую замену машин и оборудования.

Такая цепная реакция вызывается отнюдь *не любыми* единичными актами более или менее массовой замены машин и оборудования, а только такими, которые *совпадают с достижением существенных сдвигов в техническом прогрессе*, и, соответственно, в производительности новых машин. Только в таком случае уровень приобретаемых конкурентных преимуществ делает для других капиталистов замену машин и оборудования — даже физически не изношенного — принудительной необходимостью, без которой невозможно выживание в конкурентной борьбе. Тем самым создается повышенный спрос на продукцию отраслей первого подразделения, влекущий рост производства средств производства, а вместе с этим — рост заработной платы и наем дополнительных рабочих, что, в свою очередь, увеличивает спрос на предметы потребления. Наступает общий промышленный подъем, который, однако, вместе с исчерпанием волны массовой замены оборудования, приводит, в конце концов, к промышленному спаду и кризису: расширившееся производство внезапно натыкается на сузившийся спрос на машины и оборудование. Более детально экономический механизм циклического характера капиталистического воспроизводства будет рассмотрен позднее.

10.2. Превращение прибавочной стоимости в прибыль, а стоимости — в цену производства

Для капиталиста в процессе капиталистического воспроизводства и обращения прибавочная стоимость представляется продуктом не одного лишь переменного капитала, а всего авансированного капитала. Для этой видимости есть объективные основания — с позиций индивидуального капитала получаемая им прибавочная стоимость есть следствие того, что он бросает в обращение определенную сумму стоимости, вне зависимости от того, на что она потрачена. С точки зрения процесса обращения различие ролей постоянного и переменного капитала в процессе производства прибавочной стоимости стирается, затушевывается делением на основной и оборотный капитал, которые различаются лишь скоростью оборота (а также способом перенесения своей стоимости на готовый продукт — в первом случае по частям, во втором — сразу).

Да и с любой позиции затрата средств производства есть такое же необходимое *условие* производства прибавочной стоимости (и производства продуктов труда вообще), как и затрата живого человеческого труда сверх необходимого рабочего времени. Другой вопрос, что прошлый (овеществленный) труд сам *не производит* стоимость и прибавочную стоимость.

Таким образом, для капиталиста прибавочная стоимость есть следствие понесенных им **издержек производства** — то есть совокупных затрат капитала. В категории издержек производства сливаются вместе постоянный и переменный капитал, выступающие теперь как общая затрата капитала. Прибавочная стоимость, как продукт *всего капитала*, выступает теперь в форме капиталистической **прибыли**. Прибыль выступает как превращенная форма прибавочной стоимости.

В капиталистическом производстве равновеликие капиталы тяготеют к тому, чтобы производить примерно одинаковую норму прибыли на вложенный капитал, вне зависимости от величины применяемого

переменного капитала. Разумеется, индивидуальные различия в уровне нормы прибыли между различными капиталами весьма велики, но они определяются индивидуальными различиями в *совокупных издержках производства*, а не различиями в величине применяемого переменного капитала. Существуют и отраслевые различия в величине нормы прибыли (которые имеют многообразные причины), но и они не соответствуют различиям в удельном весе переменного капитала. При всех индивидуальных и отраслевых различиях капиталы тяготеют к тому, чтобы получать *среднюю норму прибыли* на вложенный капитал.

Как же так? Ведь прибавочная стоимость есть результат функционирования именно переменного капитала, нанимаемой с его помощью рабочей силы, и при прочих равных условиях пропорциональна величине этого капитала? Почему же прибыль формируется пропорционально затратам всего капитала? Откуда капиталисты в отраслях с высоким органическим строением капитала берут дополнительную прибавочную стоимость, и куда теряется прибавочная стоимость в отраслях с низким органическим строением капитала?

Выравнивание нормы прибыли осуществляется через механизм конкуренции капиталов. Из отраслей с высоким органическим строением капитала, где производится меньше прибавочной стоимости по отношению ко всему вложенному капиталу, и норма произведенной прибыли относительно ниже, капиталы, в погоне за нормой прибыли, перемещаются в отрасли с более низким органическим строением. В результате в первой группе отраслей образуется недостаток предложения по отношению к спросу, а во второй группе — избыток. Цены в первой группе отраслей поднимаются выше стоимости, а во второй группе — падают ниже стоимости. За счет этого происходит перераспределение созданной прибавочной стоимости между отраслями, так, чтобы на равновеликий капитал приходилась одинаковая величина прибавочной стоимости. Так и формируется средняя прибыль.

Цена производства — цена товаров, формирующаяся на основе конкуренции капиталов за равную прибыль на равновеликий капитал и количественно равная издержкам производства плюс средняя прибыль.

О противоречии между I и III томами «Капитала»:

Эта концепция Маркса дала повод для полемики вокруг так называемого противоречия между I и III томами «Капитала». Критика Маркса утверждают, что определение цен товаров в I томе «Капитала» на основе трудовой теории стоимости противоречит определению товарных цен в III томе «Капитала» на основе цен производства. По их мнению, это противоречие родилось из попытки Маркса согласовать несостоятельную трудовую теорию стоимости и выведенную на ее основе теорию прибавочной стоимости с фактами капиталистической действительности.

Противоречие между I и III томами «Капитала» действительно существует. Однако это противоречие вытекает не из внутренней несогласованности I и III томов «Капитала», а из объективных противоречий капиталистической действительности, порождающих несовпадение существа капиталистических отношений и поверхностных форм их проявления. При анализе капиталистических производственных отношений мы уже сталкивались с превращенными формами — формами, отрицающими собственное содержание. Такова, например, заработная плата, выступающая как превращенная форма цены и, соответственно, стоимости рабочей силы. Форма заработной платы создает иллюзию, что она в действительности является платой рабочему за его труд, а не ценой покупки его рабочей силы капиталистом. Точно также и форма прибыли отрицает факт создания прибавочной стоимости живым трудом наемных работников,

представляя избыток над издержками производства как продукт всего капитала. Итак, если по существу прибавочная стоимость есть продукт переменного капитала, то на поверхности явлений прибыль предстает как продукт всего капитала. Маркс в III томе «Капитала» вскрывает это противоречие, показывая, как в силу развертывания законов самого капиталистического производства прибавочная стоимость приобретает форму прибыли.

Маркс в III томе «Капитала» рассматривает вопрос о тенденции нормы прибыли к понижению. С его точки зрения под влиянием роста органического строения капитала норма капиталистической прибыли должна испытывать тенденцию к понижению, поскольку с развитием технического прогресса доля переменного капитала во всем капитале снижается, а доля постоянного — растет. Однако этот закон, как подчеркивает сам Маркс, не действует с железной неотвратимостью. Он представляет собой только тенденцию, серьезно модифицируемую под влиянием противодействующих факторов.

Из всех факторов такого рода, анализируемых Марксом, наибольшее значение имеют следующие. Во-первых, это факторы удешевления элементов основного капитала, препятствующие росту стоимостного строения капитала. Среди этих факторов важнейшую роль играет рост производительности труда, который также является объективной, внутренне обусловленной (имманентной) исторической тенденций развития капиталистического способа производства.

Во-вторых, это рост нормы эксплуатации, обеспечиваемый производством относительной прибавочной стоимости за счет удешевления материальных элементов переменного капитала. В этом случае относительная доля живого труда по сравнению с овеществленным может понижаться (т. е. органическое строение капитала растет), однако меняется и пропорция, в которой этот живой труд распадается на необходимый и прибавочный. Хотя доля живого труда в целом и падает, норма прибавочной стоимости может возрастать, а вместе с этим возрастать (или хотя бы не уменьшаться) норма прибыли. Можно заметить, что производство относительной прибавочной стоимости есть также имманентный закон капиталистического способа производства.

В-третьих, сдерживающие влияние на падение нормы прибыли оказывает внешняя торговля с менее развитыми странами. Этот фактор сохраняет свое значение и по сей день. Разрыв в уровне экономического развития между странами «ядра» капиталистического мирового хозяйства и его «периферии» может сокращаться, но он остается фактом мирового капиталистического хозяйства, что сохраняет капиталистам развитых стран благоприятные условия для извлечения добавочной прибыли из торговли с менее развитыми странами.

Еще один фактор не был проанализирован Марксом, так как он вполне проявил себя лишь с конца XIX века. Под влиянием роста сложности применяемых средств производства, а также организованной борьбы рабочего класса в защиту своих интересов происходит рост стоимости и цены рабочей силы, что также препятствует повышению стоимостного строения капитала, а значит, и понижению нормы прибыли.

Таким образом, мы видим, что противодействующие понижению нормы прибыли факторы являются не какими-то привходящими обстоятельствами, а вытекают из законов развития самого капиталистического способа производства. Они способны воспрепятствовать значимому падению нормы прибыли. Это, однако, не значит, что тенденция к понижению нормы прибыли не действует. Это значит, что под угрозой этой тенденции *капитал вынужден избирать лишь такие пути технического прогресса и развития производства вообще, которые не позволяют норме прибыли заметно упасть*. Таким образом, капиталистические отношения, создающие тягу капитала к безграничному совершенствованию про-

изводства, сами же ставят это стремление в определенные пределы.

«*Настоящий предел* капиталистического производства — это *сам капитал*, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей. <...> Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в тоже время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства»[1].

10.3. Промышленный и торговый капитал. Производительный и непроизводительный труд

Те формы, которые приобретает капитал в процессе обращения — денежный, товарный и производительный капитал — в историческом развитии капиталистического производства превращаются в обособившиеся функциональные формы. Отдельные капиталисты-предприниматели начинают специализироваться на исполнении соответствующих функций — на управлении денежным, товарным и промышленным капиталом соответственно.

Это не значит, что промышленный капиталист уже не занимается торговыми или денежными операциями. Однако значительная масса товарного и денежного капитала начинает функционировать обособленно. Специализация капиталистов на управлении денежным и товарным капиталом позволяет значительно сократить время обращения и издержки обращения по сравнению с таким ведением дел, когда каждый капиталист занимается всеми как производственными, так и торговыми и денежными операциями. Тем самым специализация капиталов увеличивает норму прибыли производительного капитала.

Обособленный характер товарного капитала проявляется не только в том, что продажа, окончательная реализация товарного капитала становится теперь функцией особого предпринимателя — торгового капиталиста, но и в том, что товарный капитал выступает теперь не просто как одна из функциональных форм промышленного капитала, которые он принимает в процессе метаморфоза, а как самостоятельный капитал, совершающий самостоятельное обращение. Торговый капиталист самостоятельно авансирует деньги для покупки товарного капитала, и этот его авансированный денежный капитал совершает кругооборот согласно всеобщей формуле капитала: Д—Т—Д'.

Общая норма прибыли теперь исчисляется на весь совокупный капитал, т. е. производительный + торговый капитал. Соответственно образует и цена производства. Промышленный капитал реализует прибыль потому, что она, как прибавочная стоимость, уже заключается в стоимости товара. Товарный капитал только потому реализует прибыль, что *не вся* прибавочная стоимость, или прибыль, была реализована промышленным капиталистом в цене товара. Торговый капиталист получает прибыль не потому, что продает товары выше стоимости, а потому, что промышленный капиталист продает товары *ниже* стоимости.

Поскольку реализация товара промышленным капиталистом в данном случае — при реализации торговому посреднику — не есть конечная реализация, реализация действительному потребителю, поскольку капитал, следовательно, еще *не завершил* своего кругооборота, и его завершение выпадает на долю торгового капиталиста, постольку промышленный капитал не может

[1] *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 274.

претендовать на *всю* произведенную прибавочную стоимость. Торговый капитал присваивает прибавочную стоимость, заставляя промышленного капиталиста уступить себе часть прибавочной стоимости, созданной промышленными рабочими.

Поэтому чем больше торговый капитал по сравнению с промышленным, тем, соответственно, меньше норма промышленной прибыли (и наоборот). Хотя торговый капитал также эксплуатирует наемных рабочих, как и промышленный (принуждая их к труду сверх необходимого рабочего времени), наемные рабочие, обслуживающие метаморфоз товарного капитала, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Однако неоплаченный (прибавочный) труд работников торговли является для торгового капитала необходимым условием присвоения части прибавочной стоимости, созданной в промышленности.

Каким же образом? Труд наемных работников в сфере торговли понижает издержки обращения, создавая экономию на этих издержках для промышленного капиталиста. Тем самым, хотя участие торгового капиталиста в прибыли сокращает прибыль промышленного капиталиста, благодаря достигаемой в силу специализации экономии на издержках обращения это сокращение прибыли осуществляется в меньшей степени, чем это было бы при самостоятельном занятии промышленного капиталиста торговыми операциями.

Точно те же самые соображения касаются и обособившегося денежного капитала — т. е. капитала денежных капиталистов, обслуживающего денежные операции промышленного капитала. Следует особо подчеркнуть, что денежный капитал в данном отношении, то есть, поскольку он только обслуживает метаморфоз товара, опосредует куплю и продажу, сам является разновидностью торгового капитала — денежно-торговым капиталом, как товарный капитал — товарно-торговым капиталом. Вообще самостоятельный торговый капитал в форме товарного и денежного капитала является не чем-то абсолютно независимым от промышленного капитала. Эти формы суть лишь относительно обособившиеся функциональные формы последнего, выполняющие необходимые функции обращения самого промышленного капитала. И лишь постольку они и участвуют в выравнивании общей нормы прибыли и могут претендовать на часть прибавочной стоимости, произведенной наемными работниками промышленного капиталиста.

Выше было отмечено, что наемные работники товарно-торгового капитала (как и денежно-торгового) не производят стоимости и прибавочной стоимости — если речь идет только об обслуживании смены форм капитала в процессе обращения, отвлекаясь от дополнительных издержек обращения. Они относительно сокращают *непроизводительные* издержки обращения, но не создают никакой потребительной стоимости (а значит, и стоимости, и прибавочной стоимости). Именно поэтому, хотя их функции и *являются необходимыми* для обеспечения процесса воспроизводства и обращения общественного капитала, они *являются непроизводительными* работниками.

Вообще для Маркса производительным в товарном хозяйстве является тот труд, который создает и потребительную стоимость, и стоимость. А вот производительным в капиталистическом смысле является тот труд, который обменивается на капитал (переменный) а не на доход, то есть труд, приносящий прибавочную стоимость. Поэтому торговые работники (как и служащие кредитно-финансовых организаций) являются непроизводительными в первом смысле слова, но являются производительными для капиталиста.

Иначе обстояло бы дело, если бы мы рассматривали такой способ производства, который основывается на совместном участии производителей в труде и их совместном владении средствами производства. Тогда функции процесса обращения — т. е., например, продвижение продуктов труда от производителя к потребителю и ведение общественного счетоводства, — выступали бы непосредственно как часть общественного воспроизводства, и занятые в нем работники, как необходимые элементы совокупного работника общества, выступали бы в качестве производительных работников.

Однако в этом случае отпадал бы целый ряд функций, связанных с товарной и капиталистической формой производства, в том числе совершение сделок купли-продажи, обслуживание денежного хозяйства и т. п.

10.4. Ссудный капитал и процент. Процент и предпринимательский доход. Фиктивный капитал

Обособившийся денежный капитал в развитии капиталистического процесса производства способен не только обслуживать кругооборот капитала, переход от товарной к денежной форме и обратно. В системе капиталистических производственных отношений деньги сами по себе потенциально есть капитал, ибо они могут быть применены для покупки рабочей силы и средств производства на основе капиталистических отношений, для эксплуатации этой рабочей силы и производства прибавочной стоимости.

Эта возможность реализуется в отношении между денежным и промышленным капиталистом, принимающем форму ссуды — временной уступки денежного капитала промышленному капиталисту. В этом отношении денежный капитал становится ссудным капиталом. Деньги здесь предоставляются промышленному капиталисту не как деньги, а именно как капитал, для производительного применения — для производства прибавочной стоимости.

На этой основе денежный капитал приобретает дополнительную потребительную стоимость. Его потребительная стоимость как денег состояла в свойстве всеобщей обмениваемости. Его потребительная стоимость именно как капитала состоит в способности присваивать чужой неоплаченный труд — прибавочный труд наемных работников, и тем самым производить прибавочную стоимость или прибыль.

Эту специфическую потребительную стоимость денег как капитала промышленный капиталист оплачивает ссудному капиталисту в виде процента за ссуду. Само существование процента определяется фактом производительного применения ссуженного капитала, его способностью приносить прибыль. Именно эта прибыль, рождающаяся из применения взятых взаймы денег, как капитала, и является источником уплаты процента. Без такого применения уплата процента (в рамках отношений капиталистического способа производства[1]) была бы невозможна.

Однако представление процента как цены ссудного капитала является чисто иррациональным представлением, ибо не стоит ни в каком отношении к определению стоимости, и, соответственно, цены товара трудом, ни даже к определению рыночной цены как цены производства (издержки + средняя прибыль). Тем не менее, процент как цена ссудного капитала представляет собой объективную форму капиталистического способа производства.

Чем же определяется величина процента?

Величина процента зависит от той пропорции, в которой капитал общества распадается на промышленный и ссудный капитал, то есть от тех масштабов, в которых капитал отвлекается от производительного применения и принимает форму временного свободного денежного капитала. Эта пропорция определяет результаты конкуренции между промышленными и ссудными капиталистами, на основе которой и решается, какая часть капиталистической прибыли будет присвоена последними в форме процента. Нижним пределом нормы процента является некая минимальная величина, при которой отдача капитала в ссуду имеет экономический смысл для его владельцев (эта величина стремится к нулю, но, в общем, не может достигать его). Верхним пределом является величина средней прибыли. Впрочем, в периоды кризисов временно может возникать ситуация,

[1] Мы здесь отвлекаемся от случаев некапиталистического применения взятых взаймы денег — например, на потребительские нужды. В этом случае и источником уплаты процента служит не прибыль, полученная в результате капиталистического применения ссуды, а, например, заработная плата, или прибыль от применения собственного капитала.

когда норма процента превышает норму прибыли в силу острой необходимости в деньгах для совершения текущих платежей.

Общая историческая тенденция заключается в возрастании относительной доли денежного капитала, и, соответственно, в падении нормы процента.

В ссудном капитале капиталистическое отношение приобретает свое наиболее *фетишизированное* абстрактное выражение — *ссудный капитал предстает как простое порождение денег деньгами, как стоимость, сама по себе приносящая добавочную стоимость*. Процент предстает как свойство самого ссудного капитала, как его непосредственное порождение. Напротив, промышленная прибыль предстает при этом лишь как следствие применения ссудного капитала. Действительное же отношение, как было показано выше, является обратным — процент может возникать лишь в силу того, что функционирует производительный капитал, обеспечивающий производство прибавочной стоимости наемными рабочими.

В ссудном капитале источник процента начинает видеться в самом факте собственности на капитал. Обладание собственностью на определенную сумму денег видится достаточным основанием для того, чтобы эти деньги приносили добавочные деньги. Даже промышленный капиталист, не пользующийся кредитом, начинает делить свою прибыль на процент и предпринимательский доход — то есть на ту часть прибыли, которая, как он полагает, принадлежит ему как собственнику капитала, и ту, которая принадлежит ему как функционирующему капиталисту.

Более того, и сама предпринимательская прибыль начинает рассматриваться уже не как порождение капитала, не как результат эксплуатации наемных рабочих. В качестве продукта капитала выступает теперь процент, а предпринимательский доход представляется как плата за труд капиталиста по эксплуатации наемных рабочих, за труд по надзору и управлению. В таком представлении *смешиваются* действительно необходимый при любом комбинированном процессе производства труд по управлению как составная часть труда совокупного рабочего, и специфические функции, вытекающие из классово-антагонистической природы капиталистического способа производства. Такие специфические функции, порождаемые рознью интересов эксплуатирующих и эксплуатируемых, существуют в любом классово-антагонистическом способе производства — например, функции надсмотрщика над рабами.

Каковы действительные функции капиталиста-предпринимателя по управлению производством, которые *не зависят* от его капиталистической формы, и каков должен быть уровень оплаты этих функций, показывают кооперативные фабрики рабочих, существующие при капитализме. Например, уставом Мондрагонской кооперативной корпорации (Испания) определено, что *высшая* заработная плата управляющих не может более, чем в 4,5 раза (и то в исключительных случаях) превышать *минимальную* ставку заработной платы рабочих кооператива. При этом качество работы управленческого персонала в мондрагонских кооперативах беспрецедентно высокое. Эта ситуация разительным образом отличается от ситуации в капиталистических корпорациях, где обычно «заработная плата» управляющих, членов советов директоров и т. п., является лишь скрытой формой присвоения предпринимательской прибыли, а нередко и формой перераспределения в свою пользу доходов акционеров. Зачастую такие высокооплачиваемые управляющие доводят свои предприятия до банкротства.

Объяснение процента в неоклассической теории:

В современной неоклассической теории природа процента объясняется совершенно нелепым образом. Эта теория делает шаг назад даже по сравнению с представлениями, выработанными уже в середине XVIII века. Процент выводится из разницы субъективных оценок «благ настоящего» и «благ будущего». Поскольку блага будущего свойственно оценивать ниже, чем блага настоящего, ссудный капиталист вправе требовать

возмещения за отказ от немедленного потребления. Таким образом, это одна из разновидностей теорий, которые выводят капиталистическую прибыль из «воздержания» капиталиста. «Достоин» капиталист вознаграждения за свое «воздержание» или «не достоин» — это вопрос, не имеющий отношения к экономической науке. Экономической науке же до сих пор не удалось объяснить, как может хоть что-нибудь *возникнуть* из факта «воздержания». Рациональным во всем этом наборе «объяснений» является только ссылка на действительно существующую количественную разницу между ценой благ настоящего и благ будущего. Только разница эта в данном случае ровно обратная той, которая представляется в неоклассической теории. «Блага настоящего», будучи применены в процессе капиталистического производства, имеют свойство *увеличивать свою стоимость в будущем* за счет эксплуатации наемного труда. И именно этот процесс производства прибавочной стоимости и создает возможность для присвоения части прибавочной стоимости в виде процента — недаром уплата процента происходит лишь после истечения определенного срока, необходимого для производства прибавочной стоимости при помощи взятого взаймы денежного капитала.

Обособившийся ссудный капитал по мере развития капиталистического способа производства во все большей мере перестает быть достоянием лишь отдельных частных владельцев капитала, концентрируясь в банках, а затем и в иных кредитных учреждениях. Банк концентрирует в себе денежные сбережения капиталистов, мелкие сбережения иных социальных слоев, а также временно свободные средства капиталистических предприятий и средства, необходимые им для ведения текущих расчетов. В результате банкир выступает в качестве посредника между действительными кредиторами — владельцами денег, которые помещают их в банк, и заемщиками. Банк для заемщика выступает в качестве совокупного кредитора, представляя всех действительных кредиторов, а для кредиторов — в качестве совокупного заемщика, заключая с кредиторами договора на единых условиях.

Капитал банка делится на собственный капитал и заемный капитал — т. е. привлеченные средства вкладчиков, причем последний обычно многократно превосходит первый. Банковская прибыль формируется как разница между ссудным процентом и процентом по вкладам, то есть между тем процентом, которые банк взимает с заемщиков, и тем процентом, который он выплачивает держателям денег в банке, за вычетом издержек банковской деятельности.

Развитие ссудного капитала приводит к широкому развитию кредитных денег. Уже функционирование денег в качестве средства платежа (когда платеж совершается через некоторое время после совершения акта купли-продажи и перехода товара в руки покупателя) привело к появлению платежных обязательств, наиболее широко распространенным из которых является вексель. Сами эти платежные обязательства (векселя) стали использоваться для расчетов вместо денег, выполняя функцию средства обращения. Если возникала потребность в действительных деньгах, то можно было учесть вексель, то есть продать его с некоторым дисконтом (скидкой), предоставляя право востребовать платеж по этому векселю его покупателю.

С развитием кредитной системы развивается практика учета векселей банками. Банки и сами начинают выпускать векселя.

Банкнота — вексель, выданный на банкира.

Банкноты, как более надежные платежные обязательства, нежели выданные частными лицами, стали охотно использоваться в качестве средства обращения. С течением времени право на выпуск банкнот было передано лишь государственным или специально уполномоченным государством банкам, и платежная сила банкнот стала поддерживаться государственными гарантиями. Таким образом, деньги превратились в кредитные деньги.

Еще одним следствием развития кредита стало широкое распространение **фиктивного капитала**.

Фиктивный капитал — форма существования капитала, при которой титул, удостоверяющий права собственности на действительный капитал, совершает самостоятельное обращение, отделенное от движения действительного капитала, хотя фиктивный и действительный капитал сохраняют каналы взаимного влияния.

Уже упомянутые векселя, складские или доковые расписки стали одними из первых форм фиктивного капитала. Векселем (а не действительными деньгами) можно было оплатить покупку товара, под этот товар выписать новый вексель и т. д. Колоссальный толчок развитию фиктивного капитала дало формирование акционерных обществ. Акции также имеют кредитную основу. Покупатель акции по существу предоставляет кредит акционерному обществу, правда, не под строго оговоренный процент, а в расчете на будущие дивиденды по акциям или на рост курсовой стоимости самой акции. Акции начинают совершать самостоятельное обращение на фондовом рынке. Купля-продажа акций становится как средством привлечь денежный капитал, аккумулируя относительно мелкие временно свободные денежные средства, так и предметом чисто спекулятивных операций, как и операции со всеми формами фиктивного капитала вообще.

Как формируется цена ценных бумаг:

Цена ценных бумаг (акций, облигаций, сертификатов и т. п.) формируется как капитализация процента. Она равна той сумме денег, которую надо поместить под проценты, чтобы получить такой же доход, какой приносит данная ценная бумага. Например, если годовые дивиденды по какой-либо акции составили $10, то, если процент составляет 5 % годовых, нужно отдать в ссуду под проценты $200, чтобы получить такой же доход. Это и будет цена данной акции. Однако реальные рыночные котировки могут отклоняться от расчетной цены во много раз. Это связано с тем, что в настоящее время основной формой получения дохода от ценных бумаг является не присвоение дивидендов, а купля-продажа акций (облигаций и т. п.) на фондовом рынке в расчете на благоприятное изменение курса этих ценных бумаг. В результате цены акций могут значительно колебаться под влиянием многообразных конъюнктурных факторов, в том числе целенаправленного спекулятивного давления на курс акций. Иной раз цены акций даже убыточных предприятий могут взлетать до заоблачных высот, а акции прибыльных предприятий котироваться существенно ниже.

Развитие акционерной формы предприятий видоизменяет капиталистический способ производства, превращая частные индивидуальные предприятия в коллективные предприятия капиталистов, а их частный капитал — в общественный капитал. Это, по словам Маркса, упразднение капиталистического производства в рамках самого капиталистического способа производства. «Это частное производство без контроля частной собственности»[1].

В то же время акционерная форма доставляет кучке капиталистов возможность распоряжения концентрированным капиталов огромных размеров, порождая целую систему мошенничества и обмана, связанных с выпуском акций и торговлей ими. С развитием современного фондового рынка бесконтрольные процессы спекулятивного движения капитала приобрели вообще невиданный размах.

Акционерная форма капитала, обеспечивая его ускоренную концентрацию и специализацию, создает предпосылки для формирования капиталистических пред-

[1] *Маркс К.* Капитал // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 482.

приятий столь крупных размеров, что несколько таких капиталов могут разделить между собой целые отрасли промышленности, а иногда и объединиться, чтобы захватить 100 % контроль над какой-либо отраслью. Возникает тенденция к формированию капиталистических монополий.

Маркс отмечал также, что развитие кредита делает возможным появление в заметных масштабах кооперативных фабрик рабочих (которые без этого почти не могли рассчитывать на какие-нибудь внешние источники капитала). Сами эти кооперативные фабрики, хотя и остаются в рамках капиталистического способа производства, означают положительное упразднение частной собственности, ликвидацию отношений между наемным трудом и капиталом — правда, лишь в узких рамках таких кооперативных товариществ.

10.5. Капиталистическая земельная рента

Образование ренты на природные ресурсы (включая сюда земельную, горную, лесную, водную и т. д. ренту — далее для краткости будем пользоваться одним термином — земельная рента) должно получить объяснение с точки зрения законов капиталистического способа производства. Очевидным основанием образования земельной ренты является различие в плодородии разных участков земли (или в продуктивности месторождений и т. п.). Но каким образом различие в плодородии порождает ренту?

Капиталистическое хозяйствование на земле основывается на разделении экономических фигур собственника земли и хозяйствующего капиталиста — арендатора земельного участка. За различные по плодородию участки земли собственники этих участков получают от капиталистов-фермеров, их использующих, различную **арендную плату**. В арендную плату входит возмещение за истощение плодородия почвы, плата за пользование различными сооружениями и постройками на земле (амортизационные отчисления), процент на капитал, вложенный в землю, предоставляемую в аренду, и собственно рента. Сам капиталистический фермер получает среднюю прибыль — но уже на свой капитал, вложенный в эксплуатацию наемных работников на арендованной земле.

Фигуры собственника земли и хозяйствующего капиталиста-фермера могут и совпадать. Но и в этом случае (как и в разбиравшемся выше случае с начислением процента капиталистом, пользующимся собственным, а не заемным капиталом) капиталист разделяет в получаемом им доходе земельную ренту и среднюю прибыль (предпринимательский доход).

Величина ренты тем выше, чем выше естественное плодородие того участка, который предоставлен в аренду. Но откуда берется рента? Как фермер может уплатить собственнику земли, помимо процента на капитал, вложенный в землю и неотделимый от нее, еще и ренту?

Источник ренты становится понятен, если принять во внимание своеобразный механизм формирования цены земледельческих продуктов. Вспомним, что стоимость товаров определяется средними нормальными затратами труда для их текущего воспроизводства. Однако производство на земле (сельское хозяйство, рыбная, лесная, добывающая промышленность...) отличается от других видов производства тем, что здесь производство основана на использовании строго ограниченных естественных ресурсов. Например, имеется определенная конечная площадь земель, пригодных для сельскохозяйственного использования, причем разные участки обладают разным плодородием, и потому требуют разных издержек для производства одинакового количества сельскохозяйственных продуктов. В таком случае на один и тот же вложенный капитал даже при средних нормальных условиях производства (одинаковая оснащенность техникой, одинаковые технологии, одинаковый уровень организации труда и уровень заработной платы и т. д.) эти участки будут давать разную прибыль в силу различий в естественном плодородии почвы.

Получается, что равные капиталы в сельском хозяйстве не могут претендовать

на среднюю прибыль, если они применяются на участках с худшим, нежели средний, уровнем естественного плодородия. В таком случае эти капиталы уйдут из сельского хозяйства в другие отрасли производства в погоне за нормальной средней прибылью. Количество возделываемых земель и количество производимых продуктов уменьшится, спрос на рынке превысит предложение[1], цена сельскохозяйственной продукции вырастет, и этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока на вложенный в сельское хозяйство капитал даже на относительно худших участках не будет обеспечена средняя прибыль.

Таким образом, *цена производства в сельском хозяйстве* (как и вообще в отраслях, основанных на прямом присвоении естественных ресурсов) *регулируется не средними, а худшими условиями производства, или, точнее, средними условиями производства на относительно худших по плодородию участках земли.* Благодаря этому капиталисты, хозяйствующие на относительно лучших по плодородию участках земли, помимо средней прибыли, получают еще и добавочную прибыль, величина которой дифференцирована в зависимости от уровня плодородия возделываемых участков.

Дифференцированная добавочная прибыль —

прибыль, получаемая капиталистами, хозяйствующими на относительно лучших по плодородию участках земли сверх средней прибыли в результате того, что цена производства в сельском хозяйстве регулируется средне-нормальными условиями производства на относительно худших по плодородию участках земли.

Эта дифференцированная добавочная прибыль имеет своим источником перераспределение прибавочной стоимости (прибыли), создаваемой в промышленных отраслях, в пользу капиталистов, занятых в сельском хозяйстве. Основанием такого перераспределения является ограниченность возделываемых участков земли, приобретающая при капиталистических отношениях форму **монополии на землю как на объект хозяйствования**. Участки с различным естественным плодородием не составляют здесь общего, доступного всем капиталистам условия производства (каким является, например применение паровых машин или электродвигателей); напротив, естественное плодородие этих участков является исключительным достоянием только тех капиталистов, которые взяли эти участки в аренду. И именно получаемая при таких условиях дифференциальная добавочная прибыль является источником ренты — дифференциальной ренты — уплачиваемой фермером собственнику земли (даже если этим собственником является он сам).

Дифференциальная рента —

часть арендной платы собственнику земельного участка, имеющая своим источником дифференциальную добавочную прибыль.

Однако дифференциальной рентой не ограничивается полная величина ренты, получаемой земельным собственником. Участки с самым худшим плодородием при рассматриваемых условиях могут приносить только среднюю прибыль, и никакого добавочного дохода сверх этого. Но ведь собственник земли не предоставит участки даже с худшим плодородием в аренду без уплаты хотя бы какой-нибудь ренты. Так что капиталист-арендатор (капиталистический фермер) вынужден уплачивать ренту и за участки с худшим плодородием. Более того — на присвоение ренты соответствующей величины претендуют все земельные собственники, сдающие землю в аренду, независимо от различий в плодородии арендуемых участков. Эта разновидность ренты получила у К. Маркса наименование *абсолютная рента.*

[1] Разумеется, это вовсе не означает, что спрос на сельскохозяйственную продукцию *всегда* превышает предложение. Стихийный характер товарного производства и стихийный характер конкуренции частных капиталов периодически (как правило, во время циклических кризисов) приводит к тому, что в сельском хозяйстве образуется относительный избыток применяемого капитала и возникает перепроизводство. Однако для сельского хозяйства характерна ситуация *относительного* недопроизводства *по сравнению* с промышленными отраслями.

Абсолютная рента — часть арендной платы, уплачиваемая собственнику земельного участка, независимо от естественного плодородия последнего.

Откуда же берется абсолютная рента, каков ее источник, как арендатор может ее уплатить? К. Маркс объясняет образование абсолютной ренты различием в структуре цены производства в промышленности и в сельском хозяйстве, образующимся в силу разного органического строения капитала в этих отраслях. Поскольку в сельском хозяйстве органическое строение капитала ниже, то выше отношение создаваемой прибавочной стоимости ко всему капиталу. А в силу ограниченности земельных участков не происходит свободного перелива капитала между промышленностью и сельским хозяйством и тем самым не образуется общая для этих отраслей норма прибыли. Свободная конкуренция между капиталами, занятыми в промышленности и в сельском хозяйстве, затруднена еще и тем обстоятельством, что частные собственники не предоставляют в аренду участки без уплаты абсолютной ренты, и тем самым еще более ограничивают число капиталов, могущих быть примененными в земледелии на условиях присвоения средней прибыли. Ведь цена производства земледельческих продуктов должна формироваться при таком ограничении предложения этих продуктов, которое поднимало бы цену до уровня, позволяющего выплачивать не только дифференциальную, но и абсолютную ренту. Так экономически реализуется **монополия на землю как на объект частной собственности**.

Итак, источником абсолютной ренты является часть той прибавочной стоимости, которая создается в сельском хозяйстве, и в силу более низкого органического строения капитала обеспечивает в сельском хозяйстве более высокую норму прибыли на весь капитал, *не поступая в процесс выравнивания общей нормы прибыли из-за монополии частной собственности на землю*. Ту часть создаваемой в сельском хозяйстве стоимости, которая не поступает в процесс выравнивания общей нормы прибыли, и образует основу уплаты абсолютной ренты, К. Маркс назвал *ложной социальной стоимостью*.

С этой точки зрения частная земельная собственность выступает чисто паразитическим наростом, ограничивающим темпы накопления капитала в сельском хозяйстве. Поэтому *не противоречит основам капиталистического производства* такая мера, как *национализация земли*, то есть передача собственности на землю государству. В этом случае абсолютная земельная рента может быть вообще ликвидирована, а дифференциальная рента будет присваиваться государством как собственником земли. В ряде капиталистических государств такая мера полностью или частично была проведена. Однако в большинстве случаев капиталистическое государство не решается на этот шаг из боязни затронуть «священный принцип» частной собственности.

Величина формируемой в сельском хозяйстве земельной ренты является основой для определения цены земельных участков. *Цена земельного участка рассчитывается как капитализация приносимой этим участком земельной ренты*. Цена земельного участка эквивалента той сумме денег, которую надо отдать в ссуду под проценты, чтобы получать ежегодные проценты, равные ежегодной земельной ренте с данного участка.

Цена земельного участка как капитализация ренты:

Например, если рента с данного участка земли составляет $1000 в год, а ссудный процент равен 5 % годовых, то, чтобы получить годовой доход в $1000, надо поместить под проценты $20 000. Такова и будет цена данного земельного участка. Эту цену можно назвать двадцатилетней *капитализацией земельной ренты* — суммой земельной ренты, получаемой за двадцать лет.

Категория *цена земли* является *иррациональной экономической категорией* (подобно тому, как является иррациональной категорией процент, рассматриваемый как цена капитала). Земля не является порождением человеческого труда и потому для нее не существует стоимостной основы цены. *Категория цены применительно к земле формируется постольку, поскольку стоимостная оболочка является общей для всех процессов капиталистического производства, а потому надевается и на предметы, не производимые как стоимости.*

Цена земли и плодородие почвы:

О цене в реальном экономическом значении в каком-то смысле можно вести речь только в применении к добавочному искусственному плодородию земельного участка, созданному усилиями человека. Но даже и в этом случае добавочное искусственное плодородие не может возникнуть без основы в виде естественного плодородия земли, и потому не существует прямой количественной связи между усилиями по улучшению земельного участка и ростом его плодородия. На одних участках значительный рост плодородия может быть достигнут совсем небольшими затратами труда, на других же огромные затраты труда могут вести лишь к небольшому росту плодородия.

Современное развитие капитализма ставит перед марксистской теорией капиталистической земельной ренты два сложных вопроса.

Первый из них связан с тем, что во многих развитых странах органическое строение капитала в сельском хозяйстве может достигать более высокой величины, чем в промышленности. Где же тогда оказывается источник абсолютной земельной ренты? Один из возможных ответов может заключаться в том, что монополия частной собственности на землю способна обеспечивать присвоение не только части стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве, и не участвующей в процессе выравнивания общей нормы прибыли, но и части стоимости, создаваемой в несельскохозяйственных отраслях. Это происходит на основе уже раскрытого выше механизма ограничения предложения земельных участков (в силу монополии частной собственности на землю) путем исключения из оборота участков с худшим плодородием, ведущего к ограничению предложения сельскохозяйственных продуктов, и, как следствие — к росту их рыночной цены выше цены производства.

Второй вопрос заключается в том, что требует объяснения факт значительного субсидирования капиталистическим государством сельскохозяйственных производителей. Эти субсидии могут объясняться как экономическими, так и неэкономическими причинами. Среди экономических причин может быть желание государства избежать относительного недопроизводства сельскохозяйственных продуктов, возникающего в силу указанного выше исключения из оборота участков с худшим плодородием, путем обеспечения фермерам субсидий, позволяющих им уплачивать абсолютную ренту. К этому стремлению может добавляться и желание расширить производство сельскохозяйственной продукции по соображениям продовольственной безопасности. Кроме того, к субсидированию может побуждать защита национальных сельскохозяйственных производителей от конкуренции мирового рынка.

Среди неэкономических причин можно назвать стремление поддержать фермеров как консервативный социальный слой, обеспечивающий общественно-политическую стабильность в государстве. Кроме того, следует учитывать, что конкуренция между мелкими фермерами-арендаторами за условия аренды выше, чем между крупными. В результате мелкие фермеры нередко вынуждены отдавать в виде арендной платы не только собственно ренту, но и часть своей прибыли или заработной платы. Мелкие фермеры подвержены давлению крупных торговых и промышленных монополий, снабжающих сельское хозяйство,

что отчасти ломает механизм перераспределения в пользу сельского хозяйства стоимости, создаваемой в несельскохозяйственных отраслях, и сужает источники формирования земельной ренты для мелких арендаторов. Заинтересованность государства удержать в таких условиях слой мелких фермеров от разорения приводит к созданию механизма субсидирования.

10.6. Воспроизводство и кризисы

Выше уже упоминалось о том, что процесс воспроизводства всего общественного капитала носит в условиях капиталистического способа производства циклический характер, и было указано на материальную основу этой цикличности, которая лежит в периодическом характере обновления основного капитала. Картина капиталистического цикла значительно усложняется, если мы примем во внимание не только этот факт, но и динамику накопления капитала в ходе его воспроизводства, и специфические отношения между промышленным, торговым и ссудным капиталом, а также развитие фиктивного капитала.

Как отмечалось выше, появление и применение нововведений, значительно увеличивающих эффективность нового основного капитала, заставляет конкурирующих капиталистов также применять в широких масштабах аналогичные нововведения, приводя к волнам массового обновления основного капитала и общему росту деловой конъюнктуры. Начавшись в какой-либо одной отрасли, эти волны, благодаря межотраслевым связям и эффекту мультипликатора, распространяются на многие, если не на все, отрасли экономики. Исчерпание этого массового обновления сокращает спрос на средства производства и приводит к общему снижению конъюнктуры. Каков экономический механизм этого снижения?

Значительную массу капитала, новообразованного в процессе его накопления, оказывается невозможно применить с прежней средней прибылью, поскольку: 1) выросло органическое строение капитала (но до поры падение нормы прибыли компенсируется для капиталистов ростом ее массы в условиях экономического подъема, либо противодействующие факторы вообще не дают видимого снижения нормы прибыли); 2) спрос на новые средства производства не может до бесконечности удерживаться на уровне, характерном для периода массового обновления основного капитала. Но этот факт проявляется для промышленных капиталистов не сразу. Поначалу заминки с реализацией начинают ощущать торговые капиталисты — именно у них начинают залеживаться нереализованные товары. Промышленные капиталисты пребывают в спокойствии — ведь они-то *уже продали* свой товар торговым капиталистам, а потому превосходно могут обратить вырученные деньги в добавочный капитал, что они и делают, продолжая расширять производство, привлекая новых рабочих и даже увеличивая заработную плату.

Кстати, это позволяет отвергнуть объяснение циклических кризисов недопотреблением широких масс, ибо накануне кризиса оно как раз достигает наиболее высокого уровня.

Тем временем торговые капиталисты, будучи не в силах реализовать свой товар, снижают цену, чтобы сократить убытки и реализовать хоть что-нибудь, а нехватку денег для платежей по собственным обязательствам пытаются покрыть за счет привлечения ссудного капитала сверх обычного уровня, беря займы в надежде на временный характер затруднений. Повышенный спрос на ссудный капитал и более рискованные условия предоставления кредитов ведут к росту ставки процента. Развивается *кризис сбыта*.

В следующем кругообороте уже промышленный капитал сталкивается с трудностями в реализации произведенного товарного капитала. Торговые капиталисты не в состоянии купить его даже в прежних размерах — ведь они не смогли полностью реализовать и ранее сделанные закупки. Кроме того, раз цена конечной реализации упала, они также предлагают приобрести товары у производителей по сниженным ценам. А ведь промышленный капитал уже успел расширить производство!

Итак, значительная часть товаров не реализуется, а те, что реализуются, продаются дешевле, чем раньше. Начинается *кризис перепроизводства*. Денежная выручка падает, и промышленные капиталисты, в свою очередь, вынуждены делать добавочные займы, чтобы расплачиваться по своим обязательствам. Ставка ссудного процента взлетает еще выше.

Итак, оказывается, что обычная средняя прибыль предыдущего периода превратилась в недостижимую мечту. Общая норма прибыли падает, а значительная часть индивидуальных капиталов несет убытки. Разорившиеся торговые и промышленные капиталисты оказываются не в состоянии вернуть взятые кредиты. Поэтому ряд банков (особенно те, которые проводили рискованную кредитную политику) также оказывается в затруднительном положении и разоряется. Начинается *банковский кризис*. Банкротство банков приводит к панике среди вкладчиков — они начинают спешно изымать свои вклады из банков, ставя те в еще более затруднительное положение.

Ухудшение деловой конъюнктуры вызывает панику на рынке фиктивного капитала. Следует заметить, что эта паника может возникнуть и раньше — еще под влиянием самых первых сведений об ухудшении деловой конъюнктуры — и тогда паника на бирже значительно ускоряет развитие кризиса. Обращающиеся на рынке ценные бумаги — акции, облигации, векселя и т. п., — также начинают терять в цене. Те капиталисты и простые держатели ценных бумаг, которые вложили в них большую часть своего состояния, разоряются. Начинает массовый сбыт ценных бумаг по самым бросовым ценам, чтобы выручить за них хоть что-нибудь. У значительной части акционерных компаний могут смениться владельцы контрольных пакетов акций. Ценные бумаги, предоставлявшиеся в обеспечение кредитов, теряют свою ценность — банки не могут реализовать залоги в обеспечение просроченных ссуд.

Ставка процента взлетает до небес. Кредит становится практически недоступным.

Невозможность прибыльно реализовать свой капитал можно расценивать как *перенакопление капитала*: появляется масса капиталов, которые не в состоянии приносить прибавочную стоимость (тем более — среднюю прибыль), а потому являются относительно излишними.

Перенакопление капитала — образование в процессе накопления капитала значительной массы добавочных капиталов, применение которых не обеспечивает средней нормы прибыли.

Множество капиталистов вынуждено сокращать, приостанавливать или вообще ликвидировать свою деловую активность, что ведет к массовым увольнениям работников. Вместе с излишними капиталами образуется и относительно излишняя рабочая сила. Растет резервная армия труда. Вместе с ростом безработицы падает заработная плата тех, кто удержался на своих рабочих местах (ведь предложение свободных рабочих рук увеличивается, а спрос на них сокращается). Капитал идет на урезание всех и всяческих расходов, чтобы возможно более сократить издержки производства и поднять норму прибыли (или вообще получить хоть какую-нибудь прибыль).

Падение доходов как капиталистов, так и основной массы населения (наемных рабочих) ведет к падению нормы сбережения. Население сокращает сбережения для поддержания уровня потребления. Капиталисты-предприниматели для поддержания текущих расходов отказываются от долгосрочных инвестиций. Одновременно сокращается и предложение ссудного капитала, и спрос на него. Происходит дальнейшая декапитализация банковской системы.

Такое развитие событий переводит капиталистический цикл в *фазу депрессии*. Производство медленно сокращается или стоит на одном уровне, безработица весьма высока. За счет «выведения из игры» перенакопленных капиталов (то есть тех, которые не в состоянии найти прибыльное применение) постепенно восстанавливается нарушенная сбалансированность капиталистического хозяйства. «Выжившие» капиталы — как правило, наиболее эффективные с точки зрения производства прибыли,

а также принявшие экстраординарные меры для восстановления своей прибыльности, — начинают медленно расширять производство. Восстанавливается связь промышленного, торгового и ссудного капитала, однако при более низком объеме операций, чем в период предшествовавшего подъема. Рынок фиктивного капитала стабилизируется, но его активность и уровень цен на нем стоят на очень низком уровне.

Вместе с начавшимся ростом производства начинает понемногу снижаться уровень безработицы. Сохранившийся в банках ссудный капитал не может лежать без движения — он также ищет прибыльного применения и начинает предлагать действующим промышленникам и торговцам займы по более низкой ставке процента. Начинается *оживление производства*. Те капиталисты, которые стремятся опередить конкурентов в борьбе за рынок сбыта и за снижение издержек, начинают осваивать производство новых видов продукции, применять новые технологии, приобретают новую технику, создавая тем самым дополнительный спрос в отраслях, производящих средства производства. Улучшается конъюнктура рынка фиктивного капитала, и на нем становится возможным размещать новые выпуски ценных бумаг, с целью привлечения дополнительных средств для развития производства. Становится более доступным кредит — вместе с ростом прибыльных возможностей применения капитала, с ростом доходов и сбережений населения и т. д. — и его доступность расширяет возможности экспансии капиталистического производства за пределы, поставленные непосредственно материальными условиями производства.

Постепенно оживление производства распространяется на все большее число индивидуальных капиталов и целых отраслей хозяйства. Оживление перерастает в *фазу подъема*, и весь цикл повторяется сначала.

Отличие современного капиталистического цикла от того, который сложился во времена К. Маркса, заключается в том, что в XIX – первой половине XX вв. кризис проявлялся, прежде всего, в *перенакоплении товарного капитала*, а потому выступал как *кризис перепроизводства*. Современные методы изучения рынка и учета движения товаров позволяют гораздо более оперативно реагировать на заминки со сбытом и даже прогнозировать их. Поэтому перенакопление товарного капитала хотя и происходит, но в гораздо менее значительных масштабах, и происходящее перенакопление капитала проявляется в первую очередь как *перенакопление производительного капитала*, выражающееся в растущей недогрузке производственных мощностей.

Кроме того, вместе с сокращением длительности цикла обновления основного капитала постепенно сокращается и длительность делового цикла. Если во времена Маркса кризисы наступали с периодичностью примерно в 11–12 лет, то сейчас промежуток между циклами сократился до 8–9 лет. Современный цикл носит более сглаженный характер (нередко кризис не сопровождается сокращением производства, а приводит лишь к спаду темпов роста), что связано с развитием методов исследования рынка, чтобы ослабить его непредсказуемость, и антициклического регулирования производства (которое подробнее будет рассмотрено в последующих главах).

Вопросы для самоконтроля

10.1. Для чего изучается оборот и кругооборот капитала?

10.2. В чем отличие принципов деления капитала на основной и оборотный от деления на постоянный и переменный?

10.3. Что такое общественный капитал?

10.4. Чем определяются пропорции простого и расширенного воспроизводства? Может ли процесс воспроизводства капитала быть строго пропорциональным?

10.5. Что такое капиталистическое воспроизводство как воспроизводство производственных отношений?

10.6. Почему с точки зрения процесса обращения прибавочная стоимость превращается в прибыль, а цена — в цену производства?

10.7. Как действует закон тенденции нормы прибыли к понижению?

10.8. В чем основа отделения торгового капитала от промышленного? Торговый капитал как обособившаяся функциональная форма промышленного капитала.

10.9. Как Маркс определяет различие между производительным и непроизводительным трудом?

10.10. Ссудный капитал (капитал, приносящий проценты) как обособившаяся функциональная форма промышленного капитала.

10.11. Почему процент как цена капитала представляет собой иррациональную форму?

10.12. Основы разделения прибавочной стоимости на процент и предпринимательский доход.

10.13. Что такое фиктивный капитал и какова его роль в развитии капиталистического производства?

10.14. Какова роль монополии хозяйствования на земле и различий в естественном плодородии почвы в образовании дифференциальной земельной ренты?

10.15. Какова роль монополии частной собственности на землю в образовании абсолютной земельной ренты?

10.16. Какие особенности капиталистического механизма воспроизводства приводят к формированию циклических кризисов?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Капитал. Т. 2, гл. 1–6, 8, 20 (§ 1–5), 21 (§ 1–2) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 24.
- *Маркс К.* Капитал, Т. 3, ч. 1, гл. 1–4, 8–10, 13–16, 19, 21–25, 27 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. I.
- *Маркс К.* Капитал, Т. 3, ч. 2, гл. 30–33, 38–40, 45 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II.

Дополнительно о производительном и непроизводительном труде:

- *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости, ч. 1, гл. 4; Приложения 11 и 12 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. I.

Дополнительно о воспроизводстве и кризисах:

- *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости, ч. 2, гл. 17 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. II.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- *Розенберг Д. И.* Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.

Здесь дается обзор дискуссий о проблеме трансформации (превращении стоимости в цену производства) и о так называемом противоречии между I и III томами «Капитала»:

- *Левина И.* Проблема трансформации: сравнительно-исторический анализ подходов и решений (*классические версии*) // Вопросы экономики. 2008. № 9.

Дополнительный материал к той же проблеме:

- *Тронев К. П.* Категории рыночная цена и рыночная стоимость в III томе «Капитала» К. Маркса // Российский экономический журнал. 1992. № 6.

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала www.interpolitec.su]:

- *Гайсин Р. С.* Стоимостная основа абсолютной земельной ренты, ее виды и их динамика по этапам развития сельского хозяйства // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 53–66.
- *Рязанов В. Т.* Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 48–63.
- *Рязанов В. Т.* Политическая экономия и ее аналитические возможности: проверка теоретической модели кризисов // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 25–38.
- *Меньшикова-Клименко Л. А.* Современные трансформации экономических циклов и кризисов // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 33–52.
- *Филатов И. В.* Научно-технический прогресс в циклической динамике: российская исследовательская традиция // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 53–59.
- *Теняков И. М.* Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 61–73.
- *Веркёй Ж.* Теория регулирования: от учебника к программе исследований (о книге Робера Буайе «Политэкономия капитализма. Теория регулирования и кризисов») // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 129–142.

Тезаурус к главе 10

ЧИСТЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ — такие издержки обращения, которые не присоединяют к товару новой стоимости.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ — такие издержки, которые изменяют полезные свойства товара и тем самым входят в процесс создания стоимости.

ОБОРОТ КАПИТАЛА: непрерывные взаимосвязанные кругообороты капитала образуют его оборот.

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ — капитал, который в течение одного кругооборота лишь частично потребляется, а значит, и лишь частично входит в процесс обращения, хотя применяется целиком. Соответственно, он переносит свою стоимость на готовый продукт частями. Его полное возобновление должно совершаться лишь после множества циклов кругооборота.

ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ — капитал, который входит в процесс обращения и потребляется в нем целиком, и должен возобновляться в каждом цикле кругооборота. Элементы оборотного капитала целиком переносят свою стоимость на готовый продукт в одном кругообороте.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ — производственное отношение совокупного капиталиста к совокупной рабочей силе общества, проявляющееся как множество индивидуальных отношений, разделение на которые, равно как и связь их между собой в общественный капитал обусловлены общественным разделением труда.

ЗАКОН ПРОСТОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: та часть производства средств производства в первом подразделении, которая соответствует по стоимости переменному капиталу и прибавочной стоимости первого подразделения, должна быть равна той части производства предметов потребления во втором подразделении, которая соответствует по стоимости постоянному капиталу второго подразделения $[I(v + m) = II(c)]$.

ЗАКОН РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: производство во втором подразделении, соответствующее по стоимости постоянному капиталу второго подразделения и той части прибавочной стоимости второго подразделения, которая направляется на прирост постоянного капитала, должно быть равно производству в первом подразделении, соответствующему по стоимости переменному капиталу первого подразделения и той части прибавочной стоимости первого подразделения, которая направляется на прирост личного потребления капиталистов и расширение переменного капитала $[II(c + [1 - b]m) = I(v + am)]$.

ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА — цена товаров, формирующаяся на основе конкуренции капиталов за равную прибыль на равновеликий капитал и количественно равная издержкам производства плюс средняя прибыль.

БАНКНОТА — вексель, выданный на банкира.

ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ — форма существования капитала, при которой титул, удостоверяющий права собственности на действительный капитал, совершает самостоятельное обращение, отделенное от движения действительного капитала, хотя фиктивный и действительный капитал сохраняют каналы взаимного влияния.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ — прибыль, получаемая капиталистами, хозяйствующими на относительно лучших по плодородию участках земли сверх средней прибыли в результате того, что цена производства в сельском хозяйстве регулируется средне-нормальными условиями производства на относительно худших по плодородию участках земли.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА — часть арендной платы собственнику земельного участка, имеющая своим источником дифференциальную добавочную прибыль.

АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА — часть арендной платы, уплачиваемая собственнику земельного участка, независимо от естественного плодородия последнего.

ПЕРЕНАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА — образование в процессе накопления капитала значительной массы добавочных капиталов, применение которых не обеспечивает средней нормы прибыли.

Глава 11

Доходы и их источники: экономические основы социально-классовой структуры капитализма

Структура главы:
- Капиталистические формы дохода и их источники
- Классовая структура капиталистического общества

Основные понятия:
триединая формула*
пролетариат (рабочий класс)*
капиталисты*
земельные собственники (лендлорды)*
рантье*
мелкая буржуазия*

Углубление отдельных вопросов темы:
✓ Несостоятельность трактовки доходов на основе теории предельной производительности факторов производства

11.1. Капиталистические формы дохода и их источники

Для понимания капиталистической формы доходов и отношений, регулирующих их распределение, следует, прежде всего, уяснить, что отношения распределения есть лишь особая составная часть отношений производства в широком смысле слова. В этом своем качестве они определяются отношениями непосредственного производства, и носят, вместе с ними, столь же исторически-определенный характер.

Капиталистические доходы — как и все экономические категории капиталистического способа производства — имеют стоимостную природу, производятся как стоимости. Но не просто как стоимости. Производство стоимостей при капитализме основано на движении капитала, воспроизводящего себя как самовозрастающую стоимость. Поэтому все капиталистические формы дохода приобретают форму составных частей капитала.

Поверхностные формы капиталистического процесса производства, и соответствующие им доктрины, призванные объяснить эти поверхностные формы как естественные и самодостаточные общественные условия, представляют распределение доходов совершенно иным образом. Согласно этим представлениям, продуктом капитала является лишь процент. Получение предпринимательской прибыли при этом объясняется действием множества совершенно разнородных факторов, — то есть благополучно забалтывается, не находя никакого теоретического объяснения. В лучшем случае предпринимательский доход отождествляется с заработной платой за предпринимательскую деятельность.

Другая форма капиталистического дохода — земельная рента — объявляется продуктом земли. И, наконец, заработная плата представляется продуктом труда.

Триединая формула:

такой подход, при котором капитал представляется, как приносящий процент, земля — земельную ренту, а труд — заработную плату, К. Маркс назвал «*триединой формулой*».

Если рассматривать капитал, землю и труд как материальные условия процесса производства, то выводить из них определенные стоимостные формы и величины доходов является логически недопустимым, и, во всяком случае, не объясняющим происхождение этих доходов. Если же в качестве источника доходов рассматривать капитал как определенную сумму стоимости, земельную собственность, взятую под таким же углом зрения, и труд, как субстанцию, производящую стоимость, то и этот подход не разрешает проблемы. Он, в первую очередь, не объясняет, каким это образом капитал может приносить процент, т. е. как определенная сумма стоимости может приносить больше, чем она есть сама. Точно также остается неясным, каким образом порождает какой бы то ни было доход сам факт владения землей. Совершенно неясным остается и то, как определенная величина затраченного труда приносит доход меньший, чем стоит продукт этого труда.

Марксистская трактовка распределения капиталистических доходов опирается на исследование отношений, при которых эти доходы производятся. Уже анализ производства прибавочной стоимости показывает, как и почему рабочему достается не стоимость произведенного им продукта, а лишь эквивалент стоимости его рабочей силы (т. е. затрат, необходимых на ее воспроизводство), а капиталист присваивает произведенную рабочим прибавочную стоимость. Затем мы видим распадение произведенной прибавочной стоимости на капитализирующуюся часть и на доход. Далее прослеживается превращение прибавочной стоимости в прибыль, образование общей нормы прибыли, и распределение сформировавшейся средней прибыли между промышленным, торговым и ссудным капиталом, с образованием соответственно предпринимательского дохода, торговой прибыли и процента. Затем Маркс показывает распределение прибыли между всеми этими последними и земельным собственником, получающим капиталистическую земельную ренту.

Современная неоклассическая теория придерживается все той же триединой формулы, которую критиковал К. Маркс. В ее обоснование кладется математический расчет наиболее выгодного (с точки зрения уровня нормы прибыли) распределения стоимостных эквивалентов факторов производства при производстве капиталистического продукта. Исследуя приращения каждого фактора производства, неоклассическая теория показывает, при каком их соотношении получается максимальный результат.

Несостоятельность трактовки доходов на основе теории предельной производительности факторов производства:

Однако этот подход, даже если не обсуждать его математическую корректность, вовсе *не объясняет* связи получаемых доходов с исследуемыми долями факторов производства. Эта связь рассматривается как аксиоматическая предпосылка исследования. Более того, в качестве критерия максимизации рассматривается производство прибыли. Тем самым этот подход *на деле лишь отвечает на вопрос*: как капиталисту надо распределить свои средства между расходами на наем рабочей силы, на закупку средств производства, и на приобретение природных факторов производства, чтобы получить максимальную прибыль? Т. е., при этом подходе, например, справедливым и обоснованным считается такой уровень заработной платы, при котором достигается максимальная норма прибыли капиталиста.

Однако и в части полной математической корректности рассматриваемого подхода существуют большие сомнения. Если можно сравнительно легко оценить производительность труда и влияние природных факторов на производительность (ибо сами по себе они никакой производительностью не обладают), то оперирование понятием «производительность капитала» приводит к порочному кругу, что заметила еще Джоан Робинсон. Невозможно ни определить агрегатную производительность всех разнообразнейших материальных элементов капитала (задача, некорректная по определению), ни выяснить производительность капитала как определенной суммы стоимости. В последнем случае производительность определяется как способность капитала приносить доход (прибыль), но, чтобы выяснить норму этого последнего как раз и нужно знать величину производительности капитала. Получается порочный круг.

11.2. Классовая структура капиталистического общества

Соответственно рассмотренным отношениям производства и вытекающим из них отношениям распределения образуются основные формы капиталистического дохода и формируются основные классы капиталистического общества, живущие за счет этих доходов. Наемные рабочие (пролетариат, рабочий класс[1]) — получают эквивалент стоимости своей рабочей силы, применяемой для производства прибавочной стоимости.

Пролетариат (рабочий класс) — лица, не имеющие средств производства и получающие основной доход от продажи своей рабочей силы.

Капиталисты — промышленные, торговые, ссудные — делят прибавочную стоимость, произведенную путем эксплуатации наемного труда, и принимающую форму прибыли, между собой. Общее между ними заключается в том, что, хотя производство прибавочной стоимости сосредоточено главным образом в руках промышленного капитала, но основанием для присвоения частей произведенной прибавочной стоимости для всех этих форм капитала является эксплуатация ими наемного труда.

Капиталисты — лица, получающие основной доход от эксплуатации наемной рабочей силы.

Наконец, земельный собственник присваивает часть капиталистической прибыли в форме земельной ренты, не только ничего не производя, но даже и не участвуя прямо в эксплуатации наемного труда, основывая свой доход лишь на монополии частной собственности на землю.

Земельные собственники (лендлорды) — лица, получающие основной доход в виде земельной ренты.

Классы капиталистов имеет сложную внутреннюю структуру, которая определяется особенностями их участия в производстве и присвоении прибавочной стоимости. Эти особенности в главных чертах были описаны выше. Капиталисты делятся на промышленных, торговых и ссудных.

Промышленные капиталисты заняты эксплуатацией наемных рабочих в сфере производства товаров и услуг. И при этом не важно, в какой отрасли они производят прибавочную стоимость — в промышленности, сельском хозяйстве, или шоу-бизнесе.

[1] Это последнее наименование употребляется для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что представители данного класса определяются как рабочие в противоположность эксплуататорам. Одно лишь указание на наемный характер труда может скрыть за общей формой найма различие между капиталистом и рабочим. Так, наемный директор акционерного общества на деле выступает как капиталист по отношению к рабочему.

Торговый капитал эксплуатирует рабочих в сфере обращения, и принимает некоторое участие в производстве прибавочной стоимости в той мере, в какой это касается дополнительных издержек обращения. Однако большая часть прибыли, получаемой торговым капиталистом, основывается на способности эксплуатируемых им работников снижать издержки обращения за счет специализации на обслуживании обращения товаров. Это снижение издержек обращения является основанием для промышленного капитала передать функции обращения специализированному торговому капиталу, а вместе с этим уступить ему и часть произведенной прибыли.

Ссудный капитал присваивает часть прибыли в форме процента. Но в смысле классового деления персонификация ссудного капитала неоднородна. Среди персонификаций ссудного капитала можно выделить, во-первых, собственников временно свободных денежных капиталов, которыми могут быть кто угодно — от земельных магнатов до довольно бедных рабочих. Быть представителями ссудного капитала — это лишь одна из их экономических ипостасей. Однако есть такие собственники денежных средств, которые основной свой доход получают от размещения под проценты своих временно свободных денежных средств — в банках ли, или путем покупки ценных бумаг. Такие лица называются рантье.

Рантье —

лица, получающие основной доход от вложения денежного капитала в банки или ценные бумаги.

Другая ипостась ссудного капитала — банкир. Он тоже может размещать собственные денежные средства под проценты. Но главная его роль другая — он служит посредником между владельцами временно свободных денежных средств и заемщиками. Прибыль банкира складывается из разницы между теми процентами, которые он уплачивает владельцам денег, разместившим их в банке, и теми, которые он взимает с кредиторов, которым ссужает эти деньги.

Тот отрыв денежного капитала от действительного, который происходит с развитием рынка ценных бумаг и формированием фиктивного капитала, порождает социальный слой, который участвует в особого рода ссудных отношениях, характерных для движения фиктивного капитала. Это — биржевые спекулянты, доход которых складывается из перераспределения денег, вкладываемых в операции на рынке фиктивного капитала.

Наконец, к эксплуататорским классам при капитализме относятся земельные собственники. Они не занимаются эксплуатацией наемного труда непосредственно и не участвуют в производстве прибавочной стоимости. Они присваивают часть капиталистической прибыли, основываясь на своей монополии на земельные участки.

Класс наемных работников также имеет сложную внутреннюю структуру. Промышленные рабочие (в данном случае под промышленностью имеется в виду не отрасль хозяйства, а вся сфера функционирования промышленного капитала — сфера производства товаров и услуг) своим трудом производят прибавочную стоимость для всего класса капиталистов и земельных собственников. Торгово-конторский пролетариат (занятый в сфере торговли, банковском деле, в организации учета и отчетности), хотя и не производит прибавочную стоимость, тем не менее, также эксплуатируется капиталистами. Эта часть наемных работников не производит прибавочной стоимости, поскольку не производит никакой новой потребительной стоимости, а, следовательно, и стоимости. Однако выполняемый ими труд экономит издержки для промышленного капитала, извлекающего прибавочную стоимость из своих рабочих. Их рабочее время также делится на необходимое и неоплаченное прибавочное. Стоимость их рабочей силы покрывается промышленным капиталом, который оплачивает издержки обращения, взятые на себя торговым капиталом, так, что торговый

капиталист в состоянии покрыть понесенные издержки обращения, в том числе оплатить стоимость рабочей силы, расходуемой торговыми рабочими, да еще и получить часть созданной промышленными рабочими прибавочной стоимости.

Совершенно аналогичным образом оплачиваются конторские и банковские служащие (операторы, бухгалтеры, кассиры и т. д.).

Различаются наемные рабочие и с точки зрения их возможного участия в эксплуатации чужого труда. Например, инженер — такой же эксплуатируемый наемный работник, как и рабочий-станочник. Такой же, да не совсем. Его функции в процессе производства связаны с обеспечением функционирования постоянного капитала и в этом отношении он противостоит «рядовым» наемным рабочим как представитель капитала. То же самое касается и наемных управляющих, начиная с самых низших (мастеров, нормировщиков, начальников смен, участков и цехов). С одной стороны, они — необходимая составная часть совокупного работника, эксплуатируемые работники управленческого труда. С другой стороны, они участвуют в организации эксплуатации наемного труда капиталом.

Это различие становится особенно заметным, когда речь идет о высших инженерах, управляющих, а также высшем звене торгово-конторских и банковских служащих. Здесь их отличие от «рядовых» рабочих проявляется не только в выполнении функций соучастия в эксплуатации, но и в источниках получаемого дохода. Капитал предоставляет этому слою некоторую долю извлекаемой прибавочной стоимости, даже если по форме этот доход представлен лишь в виде заработной платы. Но нередко и форма получения дохода отличается — появляются разного рода бонусы, тантьемы, опционы и т. д.

При капитализме существуют социальные слои, которые не относятся ни к капиталистам, ни к наемным работникам, и не занимают промежуточное положение между ними. Это — мелкие производители, работающие собственными средствами производства, не эксплуатирующие чужой труд, или эксплуатирующие его в таких масштабах, которые не делают эксплуатацию основным источником их доходов. Такой социальный слой носит название *мелкая буржуазия* (не следует путать их с *мелкими капиталистами*, живущими за счет эксплуатации чужого труда, и отличающимися от крупных капиталистов только размерами капитала).

Мелкая буржуазия — мелкие частные собственники, имеющие средства производства и получающие основной доход от их использования для производства товаров за счет собственного труда.

При характеристике пролетариата не следует упускать из виду — что, к сожалению, очень часто делается, — что пролетариат не только по своему историческому происхождению, но и по своему положению в системе производственных отношений капитализма имеет с *мелкой буржуазией* генетическое родство. *Пролетарий не только наемный работник, но и торговец* — продавец своей рабочей силы и покупатель жизненных средств, *не только торговец, но и мелкий товаропроизводитель* — производитель товара «рабочая сила». Эта черта его социального положения неизбежно накладывает отпечаток на его классовые интересы и классовую психологию.

Таковы основные классовые и внутриклассовые деления в капиталистическом обществе. В реальном капитализме сохраняются также более или менее значительные пережитки докапиталистических отношений. Если эти отношения достаточно распространены, могут сохраняться свойственные для них социальные группы и классы. Если же сохраняются лишь отдельные черты докапиталистических отношений, то в них оказываются тем или иным образом вовлечены капиталистические классы и социальные группы. Например, капиталистические земельные собственники могут участвовать и в докапиталистических формах эксплуатации крестьянства; наряду с отношениями

ссудного капитала могут осуществляться чисто ростовщические операции и т. д.

Кроме того, при капитализме сохраняется слой лиц (даже на заре промышленного капитализма этот слой численно еще превосходил наемных рабочих), оказывающих личные услуги. Этот слой занимает промежуточное положение между наемными работниками и мелкой буржуазией. По форме они могут вступать как в отношения найма, так и в сделки купли-продажи своих услуг. Обычно этот слой лиц, работающих не на свободный и неизвестный рынок, а на очень узкий круг клиентов. Поскольку их труд обменивается на личный доход (капиталистов ли, или представителей других классов), в капиталистическом смысле они являются непроизводительными работниками.

* * *

В дальнейшем (начиная с периода конца XIX – начала XX века) классические марксистские представления о системе производственных отношений капитализма, сложившихся в результате промышленного переворота, и о социальной структуре капиталистического общества, продолжали уточняться на основе изучения данных о дальнейшей исторической эволюции капиталистического способа производства. Эти уточнения и будут изложены ниже.

Вопросы для самоконтроля

11.1. Какова связь форм дохода со структурой производственных отношений капитализма?

11.2. Каковы источники доходов различных социальных групп при капитализме?

11.3. Что такое «триединая формула» и каковы теоретические основания для ее критики?

11.4. Чем определяется классовое деление в капиталистическом обществе?

11.5. Достаточно ли формы наемного труда для отнесения наемного работника к рабочему классу, подвергающемуся эксплуатации со стороны капитала?

11.6. Чем определяется деление основных классов капиталистического общества на различные внутриклассовые и промежуточные социальные группы?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Капитал. Т. 3, ч. 2, гл. 48, 51, 52 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- *Розенберг Д. И.* Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.

Тезаурус к главе 11

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА: такой подход, при котором капитал представляется, как приносящий процент, земля — земельную ренту, а труд — заработную плату, К. Маркс назвал «триединой формулой».

ПРОЛЕТАРИАТ (РАБОЧИЙ КЛАСС) — лица, не имеющие средств производства и получающие основной доход от продажи своей рабочей силы.

КАПИТАЛИСТЫ — лица, получающие основной доход от эксплуатации наемной рабочей силы.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ (ЛЕНДЛОРДЫ) — лица, получающие основной доход в виде земельной ренты.

РАНТЬЕ — лица, получающие основной доход от вложения денежного капитала в банки или ценные бумаги.

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ — мелкие частные собственники, имеющие средства производства и получающие основной доход от их использования для производства товаров за счет собственного труда.

Часть 4

Политическая экономия современного капитализма

Глава 12

Развитие капитализма на собственной основе

Структура главы

- Монополистический капитализм
- Государственно-монополистический капитализм
- Изменения межклассовых и внутриклассовых отношений при монополистическом капитализме
- Поздний капитализм (позднее индустриальное общество)
- Крах колониальной системы

Основные понятия:

концентрация производства*
специализация производства*
концентрация капитала*
централизация капитала*
монополистический капитал*
капиталистическая монополия*
монопольная сверхприбыль*
олигополия*
трансфертные цены*
государственно-монополистический капитализм*
финансовый капитал*
естественная монополия*
провалы рынка*
общественное благо*
внешние эффекты (экстерналии)*
зависимый периферийный капитализм*

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Характеристика основных монополистических объединений (пул, картель, синдикат, трест, концерн)
- ✓ О характеристике монополистического капитализма, данной В. И. Лениным: что устарело, а что сохранило актуальность
- ✓ Значение минимального размера оплаты труда как меры, ограничивающей монопсонию капитала на рынке рабочей силы
- ✓ Обьяснение провалов рынка и экстерналий экономистами ортодоксально-либерального, неоинституционального и марксистского направлений:
- ✓ Об освобождении стран Латинской Америки от колониальной зависимости

Рекомендуемые разделы Приложения для расширения и углубления знаний по теме:

Введение. Первая стадия позднего капитализма: монополистический капитал как подрыв основ рынка. Империализм

С формированием совокупности отношений капиталистического способа производства, охвативших все сферы экономики и все отрасли производства, капитализм вытесняет докапиталистические производственные отношения и основанные на них классы и социальные группы. Дальнейшее развитие капитализма происходит на основе воспроизводства и совершенствования самих капиталистических отношений. При этом относительно медленнее происходит перестройка на капиталистических основах сельского хозяйства, сферы услуг, и процессов, обеспечивающих воспроизводство рабочей силы.

Как только капитализм становится господствующей системой, в нем начинают развиваться новые тенденции, не характерные для периода формирования капиталистических отношений и распространения их вширь, на все сферы хозяйства.

12.1. Монополистический капитализм

Развитие процесса капиталистической конкуренции приводит к росту *концентрации производства* (нередко достигаемой за счет *специализации производства*) в силу хорошо известного эффекта экономии от масштаба производства. Концентрация производства в капиталистической системе неизбежно принимает форму *концентрации капитала*. Кроме того, конкуренция неизбежно сопровождается поглощением менее удачливых капиталов более удачливыми, что, как правило, означает поглощение относительно мелких капиталов более крупными, что ведет к *централизации капитала*, т. е. к объединению нескольких прежде самостоятельных индивидуальных капиталов под контролем одного собственника.

Концентрация производства — сосредоточение производства на предприятиях, увеличивающих свою долю в общем выпуске продукции данного вида, что обычно сопровождается ростом размеров предприятий.

Специализация производства — сосредоточение производства определенного вида продукции на предприятиях, производящих только данную продукцию. Обычно приводит также к концентрации производства.

Концентрация капитала — увеличение размеров капитала в процессе его накопления, а также за счет централизации капиталов. Представляет собой экономическую предпосылку концентрации производства.

Централизация капитала — объединение нескольких самостоятельных индивидуальных капиталов под контролем одного собственника. Содействует процессу концентрации капитала, но прямо не связана с концентрацией производства (перемена собственника сама по себе не влияет на размеры и специализацию производства).

Концентрация и централизация капитала не означает исчезновения мелких капиталов, которые постоянно образуются вновь и вновь. Но на определенном этапе развития этой тенденции формируется господствующее положение крупных капиталов на рынке, доходящее до образования *монополии*. Сами по себе монополии не являются новым историческим явлением. Торговые и промышленные монополии были хорошо известны еще в позднее Средневековье. Однако тогда они опирались на внеэкономические привилегии. Теперь же образование монополий носит чисто экономический характер и вытекает из развития конкуренции капиталов, которая сопровождается процессами их концентрации и централизации. Монополии возникают как *капиталистические монополии*.

Монополистический капитал — капитал, обладающий свойствами *капиталистической монополии*.

Капиталистическая монополия — способность крупного капитала влиять на процесс формирования цены какого-либо товара в силу высокого удельного веса в производстве и/или сбыте данного товара. Эта способность позволяет монополистическому капиталу извлекать *монопольную сверхприбыль*.

Монопольная сверхприбыль — прибыль, которая образуется в силу завышения монополистическим капиталом рыночной цены товара выше цены равновесия спроса и предложения, либо за счет высокого удельного веса в производстве и/или сбыте данного товара, либо за счет монопольного удержания в своих руках условий для особо низких издержек производства.

Наличие или отсутствие капиталистических монополий определяется экономическими и технологическими условиями развития данной отрасли (если абстрагироваться от внеэкономических обстоятельств — политических, юридических и т. д., которые также влияют на ситуацию). Если в данной отрасли высокая степень концентрации производства экономически невыгодна, то даже появление в такой отрасли капиталистической монополии за счет централизации мелких и средних капиталов не будет устойчивым, поскольку в такой отрасли сравнительно легко будут образовываться новые мелкие и средние капиталы.

Довольно частым явлением выступает образование в той или иной отрасли не одного крупного капитала, занимающего монополистические позиции, а двух-трех доминирующих, либо нескольких крупных капиталов, в совокупности обеспечивающих основной объем производства. Такое положение называется *олигополией*.

Олигополия — доминирующее положение в производстве и/или сбыте какого-либо товара нескольких крупных капиталов.

Крупнейший капитал, занимая монопольное положение на рынке, получает возможность воздействовать на рыночную цену товаров не только за счет своего высокого удельного веса на рынке (просто в силу того факта, что в этом случае его условия производства становятся определяющими для формирования стоимости товара). *Монополистические организации капитала могут манипулировать ценой (а значит, и получаемой прибылью), планомерно регулируя производство и сбыт продукции.* Например, за счет сознательного ограничения производства и сбыта на тех или иных локальных или национальных рынках, монополистический капитал может воздействовать на соотношение спроса и предложения на этих рынках, а значит, и на уровень цены. В рамках монополистических объединений с этой целью может производиться перераспределение объемов производства и сбыта между различными составными частями

этих объединений. С целью повышения доходности объединения в целом для внутренних расчетов в объединении могут применяться не рыночные, а так называемые *трансфертные цены*.

Трансфертные цены — цены, применяемые для расчетов между составными частями крупных монополистических организаций.

✓ **Характеристика основных монополистических объединений (пул, картель, синдикат, трест, концерн):**

Быстрейшим способом получить монопольное положение на рынке является формирование объединений крупных капиталов, приобретающее по достижении определенных масштабов свойства капиталистической монополии. Самые простые формы объединения капиталов — *пул* или *ринг*. В этой форме капиталисты идут на временное фактическое объединение своих товарных капиталов на локальном, национальном или международном рынке, чтобы приобрести монопольное положение и диктовать цену на свой товар.

Подобное же соглашение может носить неформальный характер, подчас не требуя даже закулисных переговоров. Тогда оно осуществляется в форме *лидерства в ценах* — один из крупных капиталистов поднимает цену на свой товар, а остальные крупные капиталисты в этой отрасли следуют его примеру, осуществляя на деле монополистический сговор безо всяких предварительных соглашений (пример такого поведения не раз демонстрировали в России поставщики бензина).

Более развития форма монополистического объединения — *картель*. Это устойчивое, долговременное соглашение между крупными капиталами не только о единой ценовой политике, но и о доле каждого капитала на рынке сбыта данного товара. Известный пример международного картеля — ОПЕК (Организация стран — экспортеров нефти).

В форме *синдиката* осуществляется не только единая ценовая политика и раздел рынка, но и установление квот на производство продукции, а нередко формируется и общая система снабжения входящих в синдикат предприятий. Последнее является выгодным в силу возможностей, предоставляемых *монопсонией* (монополией покупателя). Объединившись, крупные капиталы выступают как монопольный покупатель, и могут добиться для себя более выгодных условий покупки сырья и материалов.

Следующим шагом в развитии монополистических объединений является появление таких форм, в которых тем или иным способом устанавливается единая собственность и управление объединившимися капиталами. Исторически возникали и преобладали в тот или иной период времени различные формы таких монополистических объединений — *тресты, конгломераты, многоотраслевые концерны*.

Концентрация капитала, увеличение его экономической мощи и влияния на положение дел в экономике в целом ведут к росту возможностей влияния монополистического капитала на государственный аппарат. Это влияние обеспечивается различными путями — прямым подкупом государственных чиновников, финансированием выборов, взаимной ротацией кадров между монополиями и государственным аппаратом, лоббизмом и т. д. Происходит сращивание силы монополий и силы государства. Как государственные чиновники, так и представители монополистического капитала используют это сращивание в своих интересах. Эти явления положили начало формированию *государственно-монополистического капитализма*.

Государственно-монополистический капитализм — историческая ступень в развитии капитализма, начиная с которой происходит усиление взаимной зависимости капиталистических монополий и государства: монополистический капитал укрепляет свое влияние на государственный аппарат, а капиталистическое государство увеличивает глубину и степень вмешательства в экономические процессы в интересах воспроизводства общественного капитала в целом, и крупнейшего монополистического капитала — в особенности.

Наряду с концентрацией промышленного капитала получает развитие также и концентрация торгового и банковского капитала. Концентрация торгового капитала обычно не приводит к формированию торговых монополий, поскольку экономически эффективные уровни концентрации производства в торговле (как и в некоторых промышленных отраслях) этому препятствуют. Лишь в конце XX века появляются крупные торговые сети, которые, однако, не достигают монопольного положения, в крайнем случае создавая ситуацию олигополии. А вот концентрация банковского капитала уже в начале XX века привела к появлению банковских монополий.

Образование банковских монополий создало ситуацию, когда банковский капитал получил возможность установить контроль над своими заемщиками — промышленными и торговыми капиталистами, — с тем, чтобы укрепить гарантии эффективного возврата выдаваемых кредитов. Этот контроль может носить прямой характер, например, через приобретение банком контрольных пакетов акций промышленных и торговых предприятий. Контроль может быть и косвенным, достигающимся через высокий уровень задолженности того или иного предприятия пред данным банком, через включение представителей банка в число членов совета директоров промышленного предприятия и т. п.

В свою очередь, крупные монополистические капиталы в промышленности, обладающие значительными ресурсами временно свободных средств, и заинтересованные в бесперебойном кредитовании своих операций, устанавливают контроль над банками, либо учреждают собственные банки. Такой процесс взаимного проникновения банковского и промышленного капитала и образования промышленно-финансовых групп получил развитие уже в начале XX века. Промышленно-финансовые группы сделались главными игроками на рынке фиктивного капитала, обеспечивая себе возможность извлекать значительные доходы с этого рынка за счет более мелких игроков и вкладчиков.

Таким образом, развитие монополистических тенденций привело к образованию промышленно-банковских капиталистических монополий, в основе которых лежит *финансовый капитал*.

Финансовый капитал: монополистический капитал, образовавшийся благодаря сращиванию промышленного и банковского монополистического капитала и занимающий ведущие позиции на финансовом рынке.

Значительная концентрация капитала привела к тому, что для капиталистических монополий становится неэффективным ведение операций только в масштабе национального рынка. Наряду с концентрацией производства и капитала бурно развивается интернационализация производства и капитала. Рост масштабов внешней торговли обгоняет рост производства. Формируются международные капиталистические монополии, объединяющие монополистический капитал в различных странах.

Образование сверхкрупных капиталов, заинтересованность их в ведении операций в масштабе всего мирового рынка и образование международных монополий ведут к росту операций по трансграничной миграции капитала. Капитал стремится преодолеть национальные торговые барьеры путем развертывания производства в различных странах, за пределами страны первоначального происхождения капитала. Перенакопление капитала в масштабах национального хозяйства заставляет капитал искать прибыльного применения за рубежом, и особую активность в этом проявляют самые мобильные формы капитала — ссуд-

ный и фиктивный. В результате экспорт капитала начинает преобладать над экспортом товаров.

Капиталистические отношения, установив свое господство в наиболее промышленно развитых странах, продолжают расширение своего влияния на полукапиталистическую и некапиталистическую периферию, стремясь преобразовать ее в рынки сбыта для своей продукции и превратить ее в сферу капиталистической эксплуатации (а не только прямого грабежа ресурсов, как в предшествующую колониальную эпоху). Этот процесс развития капиталистических отношений вширь также подталкивает рост масштабов вывоза капитала. Вывоз капитала стимулируется растущим перенакоплением капитала в метрополиях в ходе циклического развития капиталистического производства, усугубляемого возрастающей концентрацией капитала монополиями. Капиталы метрополий, экспортируемые в колонии, используются для получения сверхприбылей путем использования богатых сырьевых ресурсов и эксплуатации дешевой местной рабочей силы, положение которой усугубляется аграрным перенаселением и колониальным режимом, использующим методы внеэкономического принуждения.

Завершение процесса превращения территории Земли в капиталистический мировой рынок сопровождается разделом этого рынка между крупнейшими национальными монополистическими группировками при поддержке своих национальных государств. На некапиталистической периферии этот процесс приобретает форму не только экономического, но и территориального раздела мера, превращения практически всех относительно отсталых стран в колонии и полуколонии крупнейших капиталистических держав, образования больших колониальных империй, нередко путем кровавых военных захватов. Эта политика получила название *империализма*.

Таковы основные характерные черты *монополистической стадии капитализма* (часто именуемой, по одному из своих характерных признаков, империализмом). Совокупность данных черт достаточно полно проявила себя уже в начале XX века.

Империализм приводит к столкновению интересов крупнейших монополистических группировок и поддерживающих их национальных государств в процессе экономического и территориального раздела мира. Державы, относительно позднее достигшие высокого уровня промышленного развития, оказываются «обделены» и выступают за экономический и территориальный передел мира. Борьба за этот передел приводит с конца XIX века к целому ряду войн, включая как прямую агрессию крупнейших держав в борьбе за передел мира (англо-бурская война, война между США и Испанией, между Японией и Россией, 1-я мировая и отчасти 2-я мировая война), так и участие крупнейших держав в конфликтах «за спиной» более слабых государств (войны в Латинской Америке в конце XIX – первой половине XX в., Балканские войны в начале XX в.).

Образование колониальных империй дает колониальным метрополиям доступ к дешевым источникам сырья и потенциальным рынкам сбыта своих товаров. За счет прямой эксплуатации природных и людских ресурсов колоний (подчас в форме открытого грабежа и рабовладения) капиталистические метрополии получают дополнительные возможности накопления капитала. Эти возможности крупный капитал метрополий использует, в том числе, для первых значимых шагов по смягчению классовых антагонизмов внутри наиболее развитых капиталистических держав. Делаются первые шаги по предоставлению наемным работникам некоторых социальных гарантий (развитие сети бесплатных начальных школ, появление первых пенсионных систем, появление систем больничного страхования); среди наемных рабочих выделяется слой наиболее высококвалифицированных работников, которому обеспечиваются более или менее достойные условия существования («рабочая аристократия»).

До сих пор остается открытым вопрос: можно ли считать «рабочую аристократию» соучастником капитала в деле колониального грабежа? Не создает ли сверхприбыль, которую капитал получает благодаря эксплуатации колоний, и часть которой он может

направлять на повышение заработной платы, заинтересованность рабочего класса в колониальной политике капитала? Основания не только для таких вопросов, но и для положительного ответа для них имеются. Другое дело — насколько далеко простирается влияние этих факторов на позицию рабочего класса развитых стран в целом.

На своей монополистической стадии капитализм впервые приходит к образованию такого феномена, как переходные экономические отношения — переходные не от феодализма к капитализму, а от капитализма к новому общественному строю, социализму. К таким отношениям можно отнести все те отношения, которые выходят за рамки свободного конкурентного рынка. Это и монопольные цены, и различные формы частного монополистического (а затем и государственного) регулирования производства и сбыта, и формирование доходов наемных работников, выходящее за пределы той величины заработной платы, которая определяется на основе образуемой конкуренцией цены рабочей силы.

В. И. Ленин называл монополистический капитализм умирающим, а также паразитическим и загнивающим капитализмом. С его точки зрения, наличие переходных отношений (частично отрицающих, «подрывающих» товарный характер капиталистических отношений) уже позволяло считать монополистический капитализм умирающим. О паразитизме и загнивании должны были свидетельствовать такие черты, как развитие слоя рантье, живущих только на доходы от денежного капитала, и не занимающихся ни трудом, ни предпринимательской деятельностью; ограбление природных и людских ресурсов колоний; стремление монополистического капитала к монополизации достижений технического прогресса, ограничению их распространения, и, тем самым, торможению технического прогресса; подкуп части рабочего класса капиталом и появление «рабочей аристократии».

✓ О характеристике монополистического капитализма, данной В. И. Лениным: что устарело, а что сохранило актуальность

Следует заметить, что часть этих черт не является специфической особенностью только монополистического капитализма (стремление к монополии на научно-технические достижения), часть сыграла лишь преходящую историческую роль (колониальная система), а часть не имела столь существенного значения, чтобы возводить ее в ранг определяющей характеристики данной стадии капитализма (формирование слоя рантье). Однако преувеличенная критика паразитизма и загнивания монополистического капитализма В. И. Лениным не отменяет того факта, что некоторые черты паразитизма и загнивания на данной стадии капитализма все же стали проявляться. Что касается «умирающего капитализма», то одного лишь возникновения переходных отношений явно недостаточно для столь далеко идущих выводов (что и было подтверждено исторической практикой).

12.2. Государственно-монополистический капитализм

Развитие силы крупного частного капитала, захватывающего монопольное положение в целом ряде отраслей, приводит к нарастанию внутрикапиталистических противоречий и к росту нестабильности капиталистического хозяйства в целом. Образование капиталистических монополий ведет к ущемлению интересов мелкого и среднего капитала, и даже крупного, если он не занимает монопольного положения. Доминирующие позиции монополистического капитала в конкуренции, его способность манипулировать рыночными ценами, воздействуя на соотношение спроса и предложения, вытекающие из монопольных позиций возможности злоупотреблять этим положением в ущерб конкурентам — все это ухудшает экономические условия воспроизводства не монополистического капитала.

Способность монополистического капитала манипулировать рыночной ситуацией означает нарастание деформаций в пропорциях воспроизводства, определяемых механизмом свободной конкуренции. Это ослабляет внутренне присущие капитализму возможности приспособления к противоречиям накопления капитала, проявляющиеся через механизм капиталистического цикла. Рыночная ситуация, складывающаяся под действием механизма свободной конкуренции, оказывается искаженной частным монополистическим регулированием рынка, что ведет к искажению и реакции на эту ситуацию. При таком положении периодические кризисы, свойственные капитализму, приобретают все более разрушительный характер.

В совокупности эти тенденции приводят капиталистическое общество к стремлению ограничить произвол частных монополий. Уже в начале XX века начинается борьба за законодательное ограничение злоупотреблений монопольным положением на рынке, за ограничение прямого влияния частных монополий на государственный аппарат, и в первую очередь, против прямой коррупции.

Начинается прямое вмешательство государства в производственную и торговую политику монополий. Первоначально это вмешательство ограничивается только т. н. *естественными монополиями*.

Естественная монополия — капиталистическая монополия, сформировавшаяся в такой отрасли, где монопольная организация производства является заведомо более эффективной, чем конкурентная.

Типичным примером естественной монополии выступает городской водопровод. Экономически абсурдной была бы система нескольких конкурирующих водопроводов, проведенных в каждую квартиру, чтобы потребитель мог выбирать, какой кран ему открыть и чьими услугами воспользоваться.

К естественным монополиям в XX веке полностью или частично можно отнести почту, телефон, телеграф, систему электро- и газоснабжения, железные дороги, водопровод, канализацию и т. п. В ряде стран некоторые из этих отраслей (например, почта, железные дороги) по политическим и военным соображениям находились в руках государства еще до XX века. Что касается других отраслей, то и в XX веке государство отнюдь не всегда шло на их национализацию. Но в любом случае государство прибегало к мерам, препятствующим злоупотреблению монопольным положением этих отраслей. Например, государство могло устанавливать тарифы на железнодорожные перевозки, тарифы на электроэнергию, муниципальные власти могли регулировать тарифы на услуги городского транспорта, водоснабжения и т. д.

Наиболее остро вопрос о государственном регулировании производства, выходящем за пределы вмешательства в дела только естественных монополий, встал во время острейшего экономического кризиса 1929–1933 гг., получившего на Западе наименование «*Великая Депрессия*».

Теоретическое оформление концепция необходимости вмешательства государства в механизм капиталистического воспроизводства нашла в трудах британского экономиста Дж. Мейнарда Кейнса. Он показал, что при целом ряде условий *экономическая система капитализма в приемлемые сроки неспособна автоматически восстановить нарушенное равновесие пропорций воспроизводства*. И в силу этого вмешательство государства, с целью исправления сложившихся диспропорций и стимулирования экономического роста, становится совершенно необходимым. Помимо того, получила распространение концепция *провалов рынка*, согласно которой в ряде сфер деятельности (особенно при производстве т. н. общественных продуктов) частный капитал не в состоянии обеспечить эффективное распределение ресурсов через механизм рыночной конкуренции.

Начиная с 30-х гг. XX века капиталистическое государство накопило богатый арсенал методов воздействия на экономику капитализма.

Во-первых, государство в XX веке создало весьма разветвленное законодательство, ограничивающее полную свободу предпринимательства в очень многих сферах. Помимо законов, просто регулирующих определенные общие правила хозяйственной деятельности, на предпринимателей налагается масса запретов и ограничений. Детально регламентируются биржевая и банковская деятельность (образование резервов, страхование вкладов, ограничения кредитов, выдаваемых одному клиенту и т. п.). В сфере производства определяются обязательные нормы качества продукции по множеству параметров, санитарные нормы, допустимые пределы загрязнения, порядок начисления амортизации оборудования и т. д.

Во-вторых, государство регулирует целый ряд общих экономических параметров. Государство управляет движением денежной массы. Через ставку рефинансирования государственного банка, обязательную норму резервирования, а также через куплю и продажу государственных ценных бумаг регулируется уровень процентных ставок, а отчасти и общие параметры предложения кредитных ресурсов. Налоговая система используется как для регулирования общего уровня налогообложения, так и для предоставления налоговых льгот, имеющих разнообразную направленность.

В-третьих, через государственный бюджет осуществляется распределение прямых инвестиций, предоставляются дотации, субсидии и субвенции. Значительных размеров может достигать рынок государственных закупок. Государство выделяет кредиты, а также обеспечивает льготные условия кредитования через частные коммерческие банки. В области внешней торговли государство регулирует уровень таможенных тарифов, устанавливает экспортные тарифы и премии.

В-четвертых, государство проводит определенную социальную политику, включая политику доходов. Сюда относится установление минимальных ставок заработной платы, применение прогрессивного налогообложения доходов, применение различного рода социальных льгот и гарантий (различные системы социального страхования, пенсионные программы, выплата пособий по безработице, социальные пособия для малоимущих, для получения образования и т. п.).

✓ **Значение минимального размера оплаты труда как меры, ограничивающей монопсонию капитала на рынке рабочей силы:**

Установление минимального размера оплаты труда является нерыночной мерой, но в то же время эта мера направлена на поддержание равновесия на рынке рабочей силы. Без государственного контроля за размером минимальной оплаты, в условиях фактического доминирования покупателя (капитала) на рынке рабочей силы, весьма вероятно понижение зарплаты ниже стоимости рабочей силы. Это тем более вероятно, что самые низкооплачиваемые слои рабочего класса, как правило, являются и наименее организованными, наименее способными коллективно противостоять давлению капитала. Величина минимального размера оплаты — это *рыночный норматив*, показывающий, каковы минимальные пределы дохода, позволяющие работнику воспроизводить свою рабочую силу. Учитывая различия в структуре семьи в различных странах, минимальная оплата может составлять примерно от 1,5 до 3 прожиточных минимумов[1].

[1] Учитывая этот факт, легко понять реальное значение политики администрации Ельцина, а затем и Путина, устанавливавших величину минимальной оплаты труда значительно ниже прожиточного минимума. Так, еще в 2006 году величина минимальной оплаты труда была примерно вчетверо ниже прожиточного минимума. Фактически — это государственная поддержка монопсонии капитала на рынке рабочей силы, которая продолжалась и позднее, так, что и в 2017 году в величина минимальной оплаты труда по-прежнему ниже прожиточного минимума.

Наконец, в ряде случаев (особенно при уже упоминавшихся провалах рынка) государство прибегает к прямому (полному или частичному) управлению капиталом, например, диктуя цены и тарифы, квоты производства, и, наконец, *национализируя* те или иные предприятия и целые отрасли хозяйства. В тех случаях, когда находятся способы более эффективного применения капитала в частных руках, государство, напротив, может прибегнуть к *приватизации*.

Нередко совокупность мер государственного регулирования выстраивается специально для достижения определенных целей. Эти цели и средства стимулирования их достижения сводятся в *государственные программы и планы*. Даже независимо от наличия таких программ одной из распространенных целей государственного регулирования является *антикризисная политика*, основанная на мерах, стимулирующих деловую конъюнктуру во время спада, и охлаждающих ее во время подъема, чтобы сгладить циклические колебания экономики. Другая общепринятая цель государственного регулирования — проведение *антимонопольной политики*.

Фактически капиталистическое государство взяло на себя функции управляющего общественным капиталом в целом, с тем, чтобы наилучшим образом обеспечить условия (не только экономические, но и социальные, и политические) для воспроизводства общественного капитала. В то же время государство может выступать и как особого рода частный капиталист наряду со всеми прочими, и эти две его ипостаси могут вступать в конфликт между собой.

Развитие государственного вмешательства в систему отношений частнохозяйственного капитализма, покоящегося на свободе предпринимательства и на свободном конкурентном рынке, привело к развитию таких отношений и институтов, которые выходят за пределы собственно капиталистической системы производственных отношений, образуя различного рода *переходные формы*.

12.3. Изменения межклассовых и внутриклассовых отношений при монополистическом капитализме

В ходе развития капитализма на собственной основе произошла заметная эволюция межклассовых отношений. Острое противоборство между двумя основными классами капиталистического общества — пролетариатом и буржуазией — стало дополняться элементами классового компромисса. Этот компромисс между трудом и капиталом получил развитие в первую очередь в странах высокоразвитого капитализма. Его основой стала необходимость обеспечивать для воспроизводства и накопления капитала также и нормальных условий для воспроизводства рабочей силы.

Если на ранних стадиях развития промышленного капитализма, когда происходило его становление и распространение «вширь», капитал нередко извлекал прибыль из давления на цену рабочей силы, уплачивая заработную плату ниже стоимости рабочей силы, то постепенно такой подход стал ставить под угрозу нормальное воспроизводство самого капитала. Распространение машинной техники и ее постоянное усложнение требовали применения высококвалифицированной рабочей силы. Эффективное применение такой рабочей силы оказалось возможным только в том случае, если работник будет освобожден от ежедневного страха перед тем, добудет ли он кусок хлеба для себя и своей семьи, не будет ли он немедленно оставлен без средств к существованию в случае болезни, не будет ли попадание в ряды безработных означать для него необратимый удар судьбы.

Одновременно с этим развивалась организованная борьба рабочего класса за лучшие условия продажи рабочей силы, за более достойные человека условия существования. В совокупности эти две тенденции — лежащие как в эволюции условий самого капиталистического производства, так и в развитии борьбы рабочего класса —

привели к улучшению условий существования наемных работников. Это выразилось как в росте реальной заработной платы, так и в развитии первых систем социальных гарантий, связанных с медицинским страхованием, пенсионными системами, введением пособий по безработице, регулированием условий труда, найма и увольнения, в признании прав профсоюзов.

Развитие монополистического капитала придавало этим компромиссам дополнительный импульс — поскольку извлечение монопольных сверхприбылей создавало более широкие возможности для маневра доходами, то именно крупные монополистические объединения легче находили ресурсы для достижения компромисса со своими наемными работниками.

Значительное влияние на положение рабочего класса оказала также политическая борьба пролетариата, особенно выразившаяся в антикапиталистических революциях и в попытках создать на протяжении XX века альтернативную капитализму общественную систему. Именно под непосредственным влиянием революций первой четверти XX века (и в первую очередь — Октябрьской революции 1917 г. в России) страны развитого капитализма перешли к 8-часовому рабочему дню, и стали все активнее применять различного рода социальные гарантии и льготы. Пример «мировой социалистической системы», активно развивавшей систему всеобщих социальных льгот и гарантий для населения, оказывал непрерывное давление на развитые капиталистические страны.

Однако эти компромиссы между трудом и капиталом происходили, по крайней мере, в первой половине XX века (а отчасти и позднее), на фоне острейшей классовой борьбы пролетариата и буржуазии, в том числе вооруженной, да и не могли быть достигнуты без такой борьбы.

Наряду с изменением межклассовых отношений для капитализма, развивающегося на собственной основе, стали характерны и изменения внутриклассовых отношений. В частности, заметные сдвиги произошли в отношениях внутри капиталистического класса: между капиталистами-собственниками и капиталистами-предпринимателями. Эти изменения получили отражение в концепции «революции управляющих», которая, преувеличивая значение происходящих изменений, представляла дело так, что фактический контроль над капиталистическим процессом производства целиком переходит в руки наемных управляющих, а капиталист-собственник по существу превращается в рантье, стоящего целиком вне процесса производства.

Несомненно, в крупных капиталистических предприятиях (и особенно в монополистических объединениях) значение капиталистов, непосредственно осуществляющих предпринимательскую деятельность, и выступающих главным образом в виде наемных управляющих, значительно возросло. Резкий рост масштабов производства и значительное усложнение структуры крупных капиталистических фирм резко усилили роль функций управления, и сделали крайне сложным непосредственный контроль со стороны собственника за всей предпринимательской и управленческой деятельностью. Однако это вовсе не означает, что такой контроль исчез или сделался чисто символическим.

«Частное производство без контроля частной собственности», появление которого было отмечено еще К. Марксом, ознаменовалось переходом частных собственников-капиталистов от контроля над производством к *контролю над результатами производства*. Разумеется, относительная независимость управляющих от собственников в таких условиях существенно возросла. Выстраивание таких отношений между собственниками и управляющими, которые позволили бы собственникам обеспечить свои интересы, превратилось в значительную и весьма сложную проблему (известную в экономической теории под названием проблемы «принципал — агент»).

Социальное положение управляющих также изменилось. Высшие управляющие, особенно в крупных капиталистических предприятиях, и, тем более, в монополи-

стических объединениях, из простых наемных надсмотрщиков за рабочей силой или технических специалистов превратились в действующих капиталистов-предпринимателей. Большинство из них также в той или иной мере стали участвовать в собственности управляемых ими предприятий.

Другой сдвиг в структуре классовых отношений затронул изменение соотношения между удельным весом мелкой и капиталистической буржуазии. Рост монополистического капитала поставил мелкую буржуазию в еще более сложные условия конкурентной борьбы, привел к ее прогрессирующему разорению или к фактическому подчинению крупному капиталу. Однако предсказанного К. Марксом катастрофического падения удельного веса мелкой буржуазии, ставящего ее, как социальный слой, на грань существования, все же не произошло.

Оказалось, что, во-первых, не во всех отраслях хозяйства происходит полная перестройка технологии на основе крупного машинного производства. Во-вторых, даже преобразование производства на основе машинной техники может оставить нишу для мелкого производства (например, путем вычленения из крупной фабрики какой-либо отдельной операции или изготовления отдельных деталей и узлов). Поэтому мелкое производство (и мелкая буржуазия) сохранили возможности для своего воспроизводства (особенно в сфере услуг и в сельском хозяйстве), хотя их удельный вес существенно сузился, а самостоятельность во многих случаях стала фиктивной. Мелкие предприниматели опутаны сетью долговой и технологической зависимости от крупного капитала, который нередко выступает по отношению к мелкому бизнесу одновременно в роли монополии и монопсонии.

12.4. Поздний капитализм (позднее индустриальное общество)

Устойчивое воспроизведение капиталистической системы производственных отношений на собственной основе в условиях, когда в большинстве отраслей хозяйства возобладало индустриальное производство, не только не означает прекращения технических переворотов в производстве, но, напротив, предполагает такие перевороты. В течение длительного периода времени (на протяжении конца XIX в. и большей части XX в.) подобные технические изменения — часто говорят даже о технических революциях или о смене технологических укладов — в основном не выходили за рамки индустриальных технологий. Тем не менее, их оказалось достаточно, чтобы значительно увеличить производительность труда и заметно повлиять на весь облик капиталистического общества.

Одним из наиболее заметных сдвигов такого рода было развитие *массового производства*. Предпосылкой этого перехода был рост концентрации и специализации производства, приведший к созданию предприятий, способных к выпуску однородной продукции в больших масштабах. Одним из наиболее известных технических решений, способствовавших переходу к массовому производству, было развитие конвейерного принципа сборки готовых изделий.

Массовое производство неизбежно влекло за собой необходимость массового сбыта и *массового потребления*. Созданная техническая возможность обеспечить производство предметов потребления, в том числе технически сложных, в количествах, достаточных для удовлетворения потребностей значительной части населения, упиралась в экономическое ограничение — узкие масштабы платежеспособного спроса со стороны самого крупного класса общества, наемных работников. Одним из первых среди идеологов буржуазии осознал это противоречие Генри Форд, провозгласивший принцип — мои рабочие должны иметь возможность покупать мои автомобили.

Данная проблема решалась с двух сторон. С одной стороны, массовое производство само по себе позволяло понизить уровень издержек производства, а значит, и цен различных товаров. С другой стороны,

совокупность факторов, уже перечисленных в предыдущем параграфе, вела к росту уровня доходов рабочего класса. На этой основе стало складываться *общество массового потребления*[1]. Период его формирования в США относится к середине 20-х – началу 50-х гг., в Западной Европе — к середине 30-х – концу 50-х гг. Его кульминацией являются 60-е гг. XX века. Впоследствии феномен массового потребления никуда не исчез, однако ведущими характеристиками, определяющими облик общества, постепенно стали уже другие.

Еще одна характерная черта эпохи государственно-монополистического капитализма, развивающегося на собственной основе — довольно заметная роль государственного сектора в экономике. Эта роль также связана с природой индустриального массового производства в условиях развития монополизма.

Воспроизводство всего общественного капитала при значительной роли крупных монополий оказывается зависимым, во-первых, от естественных монополий общенационального масштаба (железнодорожный транспорт, система производства и распределения электроэнергии, система нефте- и газоснабжения). В такой ситуации государство нередко прибегает к национализации соответствующих отраслей, чтобы гарантированно поддерживать устойчивость экономики в целом, поставить ее вне зависимости от политики частного капитала.

Во-вторых, любое крупное массовое производство, носящее монопольный характер, или приближающееся к таковому — особенно, если от него зависит воспроизводство во всех остальных отраслях — также способно повлиять на устойчивость воспроизводства всего общественного капитала.

В-третьих, концентрация производства в наиболее капиталоемких отраслях приводит к тому, что его масштабы делают затруднительным для частного капитала мобилизацию капиталовложений, необходимых для постоянного поддержания конкурентоспособности данного производства, в особенности на мировом рынке.

Совпадение двух последних условий в ряде отраслей (металлургия, авиационная промышленность, судостроение...) также нередко выступает основанием для национализации. В ряде случаев национализация определяется политическими соображениями (военная промышленность).

Кроме того, к национализации прибегают в случаях т. н. *провалов рынка*. Эти провалы обычно связаны с производством товаров, полностью или частично имеющих свойства *общественного блага* (для которого характерна невозможность или затрудненность полного частного присвоения как доходов, так и издержек, связанных с *внешними эффектами*).

Провалы рынка —

ситуации, в которых рыночные отношения не обеспечивают адекватной информации об издержках и полезных эффектах через рыночные цены. Одним из частных случаев провалов рынка является производство товаров, характеризующихся наличием внешних эффектов (экстерналий), — например, производство *общественных благ*.

Общественное благо —

товар, к которому неприменимо правило исключения, т. е. доступ к которому не может быть ограничен продавцом, в том числе и для тех потребителей, которые не оплачивали товар. Поэтому для общественных благ характерно наличие *внешних эффектов* (*экстерналий*).

Внешние эффекты (экстерналии) —

побочные эффекты при производстве и потреблении товара, которые воздействуют на третьих лиц за пределами сделки продавец-покупатель, и (или) которые не учитываются в цене товара.

[1] Феномен массового потребления породил социологические концепции «общества потребления» и «массового общества».

Объяснение провалов рынка и экстерналий экономистами ортодоксально-либерального, неоинституционального и марксистского направлений:

Экономисты ортодоксально-либерального направления связывают провалы рынка с недостаточным развитием рыночных отношений, что и не позволяет отразить в ценах всю необходимую информацию. Наличие экстерналий эти экономисты объясняют отсутствием рынков внешних эффектов. Экономисты неоинституционального направления (в том числе сторонники экономической теории прав собственности) придерживаются той же позиции, но объясняют отсутствие полноты ценовой информации и отсутствие рынков внешних эффектов тем, что получение такой информации и организация рынков внешних эффектов потребовали бы слишком больших трансакционных издержек (в том числе для спецификации прав собственности на внешние эффекты). Марксистская теория объясняет провалы рынка тем, что рынок не может обеспечить эффективного удовлетворения целого ряда общественных потребностей в силу специфической узости присущих ему критериев эффективности (критерий прибыльности), и способности реагировать только на частные интересы, выраженные в денежной форме.

Большая часть социальных услуг имеет те или иные свойства общественного блага, и потому сферы образования, здравоохранения, службы занятости и социальной помощи полностью или частично находятся в государственной собственности, даже в тех государствах, которые прибегают к национализации производственных предприятий в крайне незначительных масштабах.

Наличие крупного государственного сектора делает логичным и значительное присутствие государства на рынке ссудного капитала — участие в собственности коммерческих банков, инвестиционных и страховых компаний, пенсионных фондов и т. п.

В рамках государственного сектора, как и в рамках крупных частных монополистических объединений, получают развитие методы прямого планового управления производством.

Совокупность указанных выше черт характеризует сложившуюся в 50-е – 60-е гг. XX века в развитых капиталистических государствах стадию развития капитализма как *позднее индустриальное общество*[1] (или, более точно, как *поздний капитализм*[2]).

Для позднего капитализма характерно появление такого феномена, как «государство всеобщего благосостояния». Этот термин не случайно взят в кавычки: на деле о *всеобщем* благосостоянии там не может быть и речи, и более честные исследователи говорят об «обществе двух третей» или «двойственном обществе». Общество двух третей появилось как в силу внутренних тенденций развития капитализма, так и в силу давления внешних обстоятельств.

Рост сложности применяемых технологий и квалификации рабочей силы вызвал не только рост доходов наемных работников, но и создал необходимость более высоких гарантий социального благополучия. Рабочее время квалифицированного работника не должно теряться из-за болезней; квалифицированный работник не должен перенапрягаться в стремлении обеспечить свою семью куском хлеба; квалифицированный работник не должен находится в состоянии психологического дискомфорта, думая о том, как он сможет дать детям образование или обеспечить себя самого в старости — иначе все это скажется на

[1] Термин не очень удачный, ибо он не выражает специфику этого общества именно как определенной стадии развития *капитализма*. Однако он указывает на один из действительно характерных признаков этой стадии, и может быть принят как уже устоявшийся термин (если не забывать скрывающегося за ним реального содержания).

[2] Термин принадлежит бельгийскому марксисту Эрнесту Манделю. (См.: *Mandel E.* Der Spätkapitalismus. Suhrkamp Verlag, 1972. Английское издание: Late Capitalism. L.: Verso Publishers, 1978).

качестве его труда, приведет к браку, авариям, простоям и т. д. В эту же сторону развивалось давление на капиталистов организованного рабочего движения — профсоюзов и политических партий.

Одновременно с этим пример развития широких социальных гарантий в странах «мировой системы социализма» вынуждал капиталистов идти на социальный компромисс со своими рабочими, дабы не подвергать угрозе существование самой капиталистической системы.

В результате сложилось общество, примерно двум третям населения которого обеспечивался довольно приличный уровень доходов и социальных гарантий. Что касается остальной трети, оказавшейся недостаточно обеспеченной, то социальный мир с этой стороны обеспечивался различными программами социальной помощи («война с бедностью») вкупе с репрессивными мерами (вплоть до прямого государственного террора) и технологиями политического манипулирования.

Поиски наиболее эффективных методов использования трудового потенциала наемных работников, как и стремление к устойчивому социальному компромиссу привели к созданию — в весьма ограниченных масштабах — таких социальных и экономических механизмов, которые позволяли для небольшой части рабочего класса несколько выйти за рамки статуса наемных работников.

Целый ряд капиталистических фирм перешли к применению различных экспериментальных *методов «гуманизации труда»*[1], участия работников в капитале и доходах фирмы, привлечения рядовых работников к управлению производством. Однако не следует преувеличивать степень распространения подобных новых черт отношений между капиталистами и наемными рабочими. И даже наличие таких новых черт не меняет факта фундаментального противостояния владельцев капитала и продавцов своей рабочей силы. Наряду с этим в небольших масштабах в развитых капиталистических странах формировались предприятия некапиталистического типа (главным образом, кооперативы), принадлежащие занятым на них работникам, и управляемые ими. На этих предприятиях основное капиталистическое отношение действительно устраняется, но только внутри предприятия. И даже на отношения внутри предприятия существенное влияние оказывают господствующие в обществе капиталистические отношения.

Диффузия собственности, значение которой чрезвычайно преувеличивалось идеологами «народного капитализма», тем не менее, является фактом послевоенного развития капитализма в наиболее развитых странах. За послевоенный период численность населения (в том числе и наемных работников), имеющих хотя бы небольшую собственность на капитал — в форме акций, облигаций, паев в инвестиционных фондах, накоплений в пенсионных и страховых фондах и т. п. — значительно выросла. Удельный вес населения с мелкой и мельчайшей собственностью на капитальные активы достиг весьма заметных величин. Однако при этом мелкие держатели акций, паев и т. п. (из числа наемных работников) владеют совершенно ничтожной долей совокупного общественного капитала, а их роль в управлении этим капиталом практически равна нулю.

В результате развития «общества двух третей» в наиболее развитых странах некоторые категории наемных работников даже стали получать доход сверх цены рабочей силы. Главным образом это относится к тем работникам, которые непосредственно обслуживают процесс самовозрастания капитала — управляющим и специалистам. В первую очередь, наиболее высокая оплата предоставляется тем управляющим и специалистам, которые заняты в сфере финансового рынка (сфера непосредственного «делания денег»), однако это касается и занятых в торговле, производстве, исследованиях и разработках, средствах массовой информации, в массовой культуре. В какой-то

[1] Методы, снижающие степень монотонности труда, смягчающие его расщепление на частичные операции и расширяющие его творческие функции (например, переход от конвейерной сборки к модульной).

мере повышенная оплата затрагивает в наиболее развитых капиталистических странах вообще весь слой высококвалифицированных работников.

Вопрос об источнике этой повышенной оплаты пока остается недостаточно ясным. Существует несколько вариантов ответа на этот вопрос. Дополнительная оплата сверх стоимости рабочей силы может иметь своим источником в коллективный вычет из прибавочной стоимости. Другой вариант — вычет из необходимого продукта наиболее низкооплачиваемых слоев населения (которые тем самым оплачиваются ниже стоимости рабочей силы). Еще один вариант — получение средств на повышенную оплату наиболее квалифицированной части наемных работников за счет неэквивалентного обмена со странами «третьего мира». Возможно, что действует некая комбинация всех этих факторов, причем различная для разных слоев высокооплачиваемых работников.

Развитие общества массового потребления, «общества двух третей» — вполне объективные тенденции, свойственные позднему капитализму. Их наличие ведет к социальным последствиям такого рода, которые заставляют пересмотреть некоторые выводы классического марксизма.

Выше уже упоминалось, что концепция «абсолютного обнищания пролетариата» была сформулирована К. Марксом на материале очень узкого исторического отрезка развития капитализма, и абсолютизировала тенденции, свойственные только этому отрезку. Наличие тенденции к абсолютному обнищанию пролетариата — факт капиталистической действительности, но эта тенденция не носит всеобщего характера и не является определяющей. Реальности позднего капитализма подтвердили это совершенно недвусмысленно, и любые попытки настаивать на догматическом прочтении К. Маркса ведут только в тупик самообмана.

Точно также поздний капитализм заставляет по иному взглянуть на концепцию «исторической миссии рабочего класса». Исторически достоверным выглядит тот факт, что рабочий класс наиболее развитых капиталистических государств давно уже не рвется исполнять никакой «исторической миссии». И это требует пересмотра взглядов на вопрос о движущих силах социальной революции, выводящей историю за пределы капиталистического общества (подробнее этот вопрос будет поднят в следующей главе).

12.5. Крах колониальной системы

На период позднего капитализма приходится распад колониальной системы империализма. За 50-е – 60-е гг. XX века большинство бывших колониальных стран получило политическую независимость, а к началу 80-х гг. сохранились лишь маленькие лоскутки бывших колониальных империй. Причины распада колониальной системы коренятся в эволюции экономического и политического развития метрополий и колоний, повлиявшей на характер отношений между ними, а также в соперничестве двух мировых систем.

Об освобождении стран Латинской Америки от колониальной зависимости:

Испанская колониальная империя рухнула в основном еще в первой трети XIX века в результате борьбы народов Латинской Америки за независимость. Тогда же получила независимость крупнейшая португальская колония Бразилия. Эти колонии относились к странам, где заметную роль играл т. н. *переселенческий капитализм*[1] (капитализм, базирующийся на массовом переселении людей из метрополий). Искусственное

[1] К типичным странам переселенческого капитализма относятся США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Израиль. Значительную роль переселенческий капитализм сыграл, помимо Латинской Америки, в ЮАР. Страны переселенческого капитализма относительно раньше завоевали политическую независимость или добились смягчения политического контроля со стороны метрополии (переход Канады в 1867 г., Австралии в 1901 г., Новой Зеландии в 1907 г. и Южно-Африканского Союза в 1910 г. на положение доминионов).

торможение метрополиями капиталистического развития в этих странах (подобному тому, как это наблюдалось несколькими десятилетиями раньше в Северной Америке и привело к провозглашению независимости США) привело к росту освободительного движения, слившегося с антифеодальным и антирабовладельческим движением низов. Испания и Португалия оказались не в состоянии подавить массовые вооруженные восстания. Однако антифеодальные цели освободительного движения на том этапе не были полностью реализованы, что привело к торможению экономического и политического развития стран Латинской Америки.

В период позднего капитализма объективная экономическая заинтересованность капитала метрополий в колониях снизилась. Основные международные потоки капитала, источником которых являются главным образом развитые страны, переориентировались с экспорта капитала в колониальную, в основном добывающую или сырьевую промышленность, на вывоз капитала в сами развитые страны. Значение дешевых источников сырья как основы получения сверхприбыли относительно упало по сравнению с вложениями в передовое высокотехнологичное производство.

Развитие во многих колониях значимого или хотя бы заметного капиталистического уклада, формирование в них национальной буржуазии, и общий рост культурного уровня населения создали дополнительные факторы конфликта экономических и политических интересов метрополий и колоний. Обострение борьбы колониальных народов за свою независимость стало вести к росту экономических и политических издержек прямой колониальной эксплуатации.

Относительная экономическая и политическая слабость колониальных обществ компенсировалась в глазах их национальных элит возможностью использовать методы ускоренной модернизации, опробованные на бывших отсталых территориях Российской империи, опираясь на политический и экономический опыт и авторитет «мировой системы социализма». В ряде случаев (особенно при демонстрации открытой идеологической приверженности социализму) антиколониальные движения могли опереться на прямую или косвенную экономическую, политическую и военную поддержку «мировой системы социализма».

Наконец, существование колониальной системы порождало значительные противоречия интересов в лагере развитых капиталистических государств. США, Германия и Япония, не обладавшие колониальными империями (Германия после первой, и Япония после второй мировой войны были лишены колоний, а колониальные владения США были невелики), были заинтересованы в беспрепятственном доступе своего национального капитала на колониальные территории других держав. Это побуждало их к поддержке на международной арене идеи национальной независимости колоний.

Совокупность этих факторов привела к исторически быстрому краху колониальной системы. В некоторых случаях предоставление колониям независимости происходило даже без значительного обострения антиколониальной борьбы. Однако нередко обретению независимости предшествовала длительная кровопролитная вооруженная борьба (Алжир, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Ангола, Мозамбик, Северная Родезия — ныне Зимбабве...).

Приобретение политической независимости в большинстве случаев не означало автоматического достижения экономической независимости бывшей колонии от метрополии. Политика колониальной эксплуатации сменилась политикой *неоколониализма*. Неоколониализм основывался на использовании бывшими метрополиями и другими развитыми капиталистическими государствами своих экономических и политических преимуществ для навязывания бывшим колониям неравноправных торгово-экономических и политических отношений.

Политика неоколониализма проводилась, во-первых, путем прямой политиче-

ской и военной поддержки марионеточных режимов (богатый опыт такого рода еще в XIX веке приобрели США, проводя в Латинской Америке т. н. «дипломатию канонерок» — прямое и косвенное военное давление на правящие элиты, вплоть до организации военных переворотов, с целью установления угодных для себя режимов).

Во-вторых, этому способствовала экономическая отсталость стран, освободившихся от колониальной зависимости, и сформировавшиеся в колониальный период диспропорции в развитии экономики. Наиболее современные отрасли хозяйства в бывших колониях принадлежали монополистическим группировкам бывших метрополий, и зависели от них в технологическом и кадровом отношении. Экономика постколониальных стран носила ярко выраженный сырьевой характер, нередко приобретая черты *монокультуры* — глубокой специализации на экспорте какого-либо одного продукта сельского хозяйства или добывающей промышленности (до 80–90 % экспорта). Во многих освободившихся странах местное отсталое сельское хозяйство понесло значительный ущерб от международной конкуренции, в результате чего эти страны попали в зависимость от продовольственной помощи более развитых государств.

Постколониальное экономическое развитие освободившихся стран столкнулось со значительными трудностями. Произошло постепенное втягивание освободившихся государств в мировой капиталистический рынок, уже не стесняемое теми барьерами, которые создавало прямое колониальное господство. Однако бывшие колониальные страны вступили в конкуренцию на мировом рынке с заведомо более слабых позиций (выражением чего и явился неоколониализм). Произошло четкое разделение мирового капиталистического хозяйства на развитое «ядро» и слаборазвитую «периферию». Обозначение освободившихся от колониальной зависимости стран как «развивающихся» есть лишь стыдливое прикрытие факта их слаборазвитости по сравнению со странами, прошедшими промышленный переворот в XIX – начале XX вв.

Сравнительно краткий исторический период (50-е – 80-е гг. XX века) «развивающиеся страны» могли использовать противоречия двух мировых систем, балансируя между ними, чтобы добиться для себя тех или иных преимуществ. Именно в этот период сложилось деление мировой экономики на «первый» (развитые капиталистические государства), «второй» (социалистические государства) и «третий» (развивающиеся страны) мир. Однако объективные экономические условия международного рынка (в первую очередь, преобладающая экономическая мощь развитых капиталистических государств) определили втягивание почти всех стран «третьего» мира в орбиту именно мирового капиталистического хозяйства.

В странах «третьего» мира, после освобождения от колониальной зависимости и втягивания в мировой рынок, ускорилось развитие капиталистического уклада хозяйства. Однако капиталистическая система, формирующаяся на слаборазвитой периферии, отличалась от той хозяйственной модели, которая сложилась в развитых странах ядра мирового капиталистического хозяйства, — и не только по уровню развития. В странах «третьего» мира сложилась модель *зависимого периферийного капитализма*[1].

Зависимый периферийный капитализм —

социально-экономическая модель капитализма, сформировавшаяся в относительно слаборазвитых странах (имеющих в основном сырьевую специализацию и незначительный сектор современной промышленности, контролируемый иностранным капиталом). Капиталистический уклад в этих странах развивается в основном не в силу внутренних причин, а под влиянием капитала более развитых стран. В силу этих причин формируется зависимость стран «периферии» от экономически более мощных стран «ядра» капиталистического мирового хозяйства.

[1] Основоположником концепции периферийного капитализма является аргентинский экономист Рауль Пребиш.

Особенности модели периферийного капитализма определяются тем фундаментальным фактом, что для стран «третьего мира» развитие капитализма вырастает не только из внутренних закономерностей и противоречий экономического строя этих стран, но и определяется господствующими в мировом хозяйстве капиталистическими отношениями. Таким образом, для этих стран капиталистическое развитие является во многом (а для наиболее отсталых — и во всем) навязанным внешними условиями. В результате для периферийного капитализма оказались характерны следующие черты:

- Ориентация капиталистического уклада в первую очередь на внешний рынок и его относительно более слабая связь с внутренним, национальным рынком, что обычно дополняется контролем международных монополистических корпораций над наиболее современными секторами экономики, ориентированными на внешний рынок.
- Отсутствие достаточной органической связи роста капиталистического уклада с хозяйственным развитием докапиталистических укладов и их пережитков, и, как следствие, разрушающее воздействие развития капитализма на хозяйство, ведущееся в рамках докапиталистических укладов.
- Наличие значительных пережитков докапиталистических укладов, ранее приспосабливавшихся колонизаторами для прямой эксплуатации колоний, и принявших в силу этого уродливый, деформированный облик (особенно в сфере социально-политических отношений — например, искусственное раздувание трайбализма[1]).
- «Имитационная», по отношению к развитым странам, модель поведения капиталистической элиты стран «третьего» мира, выражающаяся прежде всего в ориентации на уровень потребления, свойственный наиболее расточительным слоям капиталистической элиты развитых стран.
- В погоне за собственным гипертрофированным потреблением капиталисты стран «третьего» мира снижают внутреннюю норму накопления капитала (что ведет к падению темпов экономического роста), а на цену рабочей силы оказывают сильное давление в сторону ее понижения (что ведет к консервации нищеты и экономической отсталости).
- Низкая конкурентоспособность большей части экономики стран «третьего мира» ведет, во-первых, к значительным масштабам «теневой экономики» с целью избавления от издержек ведения хозяйства по формальным правилам (в первую очередь, от налогов); и, во-вторых, к высокому уровню коррупции для получения экономических преимуществ при содействии государственных чиновников.

Уязвимое положение стран «третьего» мира в системе международной капиталистической конкуренции привело к возникновению многочисленных концепций сверхэксплуатации «третьего» мира со стороны более развитых стран (что нередко интерпретируется как эксплуатация мирового «Юга» мировым «Севером»). Достаточно очевидно, что прямая эксплуатация в отношениях между развитыми и менее развитыми странами является скорее исключением. Однако сам факт разницы в уровнях экономического развития, а, следовательно, и разницы в издержках производства, создает условия, при которых развитые страны получают выигрыш в обмене на мировом рынке. Кроме того, объективно более сильные позиции развитых стран позволяют им злоупотреблять своим положением на мировом рынке, навязывая выгодные им «правила игры».

Одной из составляющих концепции сверхэксплуатации «третьего» мира является тезис о соучастии рабочего класса «Севера» в эксплуатации стран «Юга». В такой общей форме этот тезис вряд ли является правомерным, однако нельзя отрицать заинтере-

[1] Трайбализм — система противопоставления друг другу различных родо-племенных групп, основанная на соперничестве родо-племенных верхушек.

сованность некоторых прослоек рабочего класса в выгодах, приносимых политикой неоколониализма (как и раньше — колониальной политикой).

Вопросы для самоконтроля

12.1. Каковы причины образования капиталистических монополий?
12.2. Почему монополия может влиять на рыночные цены?
12.3. Каков источник монопольной сверхприбыли?
12.4. Почему происходит сращивание верхушки монополий и капиталистического государства?
12.5. Какие изменения в производственные отношения капитализма приходят с формированием государственно-монополистического капитализма?
12.6. Как меняются экономические функции государства с формированием государственно-монополистического капитализма?
12.7. Что такое «общество массового потребления», «общество всеобщего благосостояния», «общество двух третей»?
12.8. Что такое «позднее индустриальное общество» и «поздний капитализм»?
12.9. В чем причины эволюции форм экономического и политического раздела мира между ведущими центрами силы капиталистического мира?
12.10. Как изменились отношения «центра» мировой капиталистической системы и ее «периферии» после краха колониальной системы?
12.11. При каких условиях формируется модель периферийного капитализма?

Литература для самостоятельного изучения

Работы виднейших марксистских теоретиков начала XX века по проблемам империализма (монополистического капитализма):

- *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В. И.* Полн. Собр. соч. Т. 27.
- *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2017.
- *Kautsky K.* Ultra-imperialism // Die Neue Zeit, September 1914. http://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm
- *Бухарин Н. И.* Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк) // *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
- *Люксембург Р.* Накопление капитала. Том I и II. Перевод под редакцией Ш. Дволайцкого. С предисловием В. Мотылева. 5-е изд. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

В следующей работе развивается тезис о современном капитализме как о «позднем капитализме»:

- *Mandel E.* Der Spätkapitalbsmus. Suhrkamp Verlag, 1972. Английское издание: Late Capitalism. L.: Verso Publishers, 1978.

В работе Артура Пигу вводится понятие «провалов рынка» и так называемых внешних эффектов (экстерналий):

- *Пигу А.* Экономическая теория благосостояния: В 2 т. М.: Прогресс, 1985 (провалы рынка и экстерналии).

Следующие три работы посвящены концепциям массового общества, взаимоотношениям массы и правящих классов:

- *Миллс Р.* Властвующая элита, перевод с английского, М., 1959.
- *Хевеши М. А.* Массовое общество в XX веке // Социологические исследования. 2001. № 7.
- http://www.ecsocman.edu.ru/data/290/582/1217/002Heveshi.pdf
- *Хевеши М. А.* Толпа, массы, политика. М.: Издательство Института философии, 2001.

Автором этой книги констатируются утрата человеком какого-либо контроля над общественными процессами, рост незащищенности человека перед лицом чуждых ему социальных сил, и тенденция к отказу от борьбы против них:

- *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.

Одна из основополагающих работ, анализирующих причины отсталости колониальных и постколониальных стран:

- *Мюрдаль Г.* Мировая экономика. Проблемы и перспективы. Русск. перевод: М., 1958.

Далее следует целый ряд работ теоретиков мир-системного анализа, исследующих взаимодействие экономических и общественных систем с разными уровнями развития, «центра» и «периферии» мирового хозяйства:

- *Арриги Д.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2007.
- *Арриги Д.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009.
- *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
- *Валлерстайн И.* После либерализма / Пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, Л. В. Феденко под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Ленанд/URSS, 2018. 264 с.
- *Amin S.* The Dynamics of Global Crisis, with G. Arrighi, A. G. Frank and I. Wallerstein, 1982.
- *Amin S.* L'impérialisme et le développement inégal, 1976.
- *Amin S.* Obsolescent Capitalism, 2003.
- *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. М.: Издательство «Европа», 2007.
- *Frank A. G.* Critique and Anti-Critique, 1984.
- *Frank A. G.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America, New York, Monthly Review Press, 1967.

Следующие две работы посвящены проблематике периферийного капитализма:

- *Рауль Пребиш.* Периферийный капитализм: Есть ли ему альтернатива? М., 1992. (Сокращ. русск. перевод книги: Периферийный капитализм: Кризис и трансформация. 1981).
- *Кардозо Ф. Э.*, Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: Российская Академия наук (РАН), ИЛА РАН (Институт Латинской Америки РАН). 2002.

В следующей работе дается обзор теоретических концепций, трактующих проблемы экономического развития, «догоняющего» развития и причины недоразвитости:

- *Нуреев Р. М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Инфра-М, 2001.

Тезаурус к главе 12

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА — сосредоточение производства на предприятиях, увеличивающих свою долю в общем выпуске продукции данного вида, что обычно сопровождается ростом размеров предприятий.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА — сосредоточение производства определенного вида продукции на предприятиях, производящих только данную продукцию. Обычно приводит также к концентрации производства.

КОНЦЕНТРАЦИЯ КАПИТАЛА — увеличение размеров капитала в процессе его накопления, а также за счет централизации капиталов. Представляет собой экономическую предпосылку концентрации производства.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА — объединение нескольких самостоятельных индивидуальных капиталов под контролем одного собственника. Содействует процессу концентрации капитала, но прямо не связана с концентрацией производства (перемена собственника сама по себе не влияет на размеры и специализацию производства).

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ — капитал, обладающий свойствами капиталистической монополии.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНОПОЛИЯ — способность крупного капитала влиять на процесс формирования цены какого-либо товара в силу высокого удельного веса в производстве и/или сбыте данного товара. Эта способность позволяет монополистическому капиталу извлекать монопольную сверхприбыль.

МОНОПОЛЬНАЯ СВЕРХПРИБЫЛЬ — прибыль, которая образуется в силу завышения монополистическим капиталом рыночной цены товара выше цены равновесия спроса и предложения, либо за счет монопольного удержания в своих руках условий для особо низких издержек производства.

ОЛИГОПОЛИЯ — доминирующее положение в производстве и/или сбыте какого-либо товара нескольких крупных капиталов.

ТРАНСФЕРТНЫЕ ЦЕНЫ — цены, применяемые для расчетов между составными частями крупных монополистических организаций.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ — историческая ступень в развитии капитализма, начиная с которой происходит усиление взаимной зависимости капиталистических монополий и государства: монополистический капитал укрепляет свое влияние на государственный аппарат, а капиталистическое государство увеличивает глубину и степень вмешательства в экономические процессы в интересах воспроизводства общественного капитала в целом, и крупнейшего монополистического капитала — в особенности.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ — монополистический капитал, образовавшийся благодаря сращиванию промышленного и банковского монополистического капитала, и занимающий ведущие позиции на финансовом рынке.

ЕСТЕСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ — капиталистическая монополия, сформировавшаяся в такой отрасли, где монопольная организация производства является заведомо более эффективной, чем конкурентная.

ПРОВАЛЫ РЫНКА — ситуации, в которых рыночные отношения не обеспечивают адекватной информации об издержках и полезных эффектах через рыночные цены. Одним из частных случаев провалов рынка является производство товаров, характеризующихся наличием внешних эффектов (экстерналий), — например, производство общественных благ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО — товар, к которому неприменимо правило исключения, т. е. доступ к которому не может быть ограничен продавцом, в том числе и для тех потребителей, которые не оплачивали товар. Поэтому для общественных благ характерно наличие внешних эффектов (экстерналий).

ВНЕШНИЕ ЭФФЕКТЫ (ЭКСТЕРНАЛИИ) — побочные эффекты при производстве и потреблении товара, ко-торые воздействуют на третьих лиц за пределами сделки продавец-покупатель, и (или) которые не учитываются в цене товара.

ЗАВИСИМЫЙ ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ — социально-экономическая модель капитализма, сформировавшаяся в относительно слаборазвитых странах (имеющих в основном сырьевую специализацию и незначительный сектор современной промышленности, контролируемый иностранным капиталом). Капиталистический уклад в этих странах развивается в основном не в силу внутренних причин, а под влиянием капитала более развитых стран. В силу этих причин формируется зависимость стран «периферии» от экономически более мощных стран «ядра» капиталистического мирового хозяйства.

Глава 13

Начало процесса разложения капитализма

Структура главы
- Развитие постиндустриальных тенденций
- Капиталистическая глобализация
- Изменение социальной структуры современного капиталистического общества

Основные понятия:
глобализация*
транснациональный капитал*

Углубление отдельных вопросов темы:
- ✓ Критическая оценка роли «постиндустриальных» структурных сдвигов
- ✓ Доктрина «человеческого капитала»
- ✓ Персональный компьютер и «преодоление эксплуатации»

Рекомендуемые разделы Приложения для расширения и углубления знаний по теме:
Часть 3. Эксплуатация (главы 5–7)

На стадии позднего капитализма (позднего индустриального общества) капиталистический способ производства развернул заложенные в нем возможности и добился значительных успехов в экономическом развитии. Технический, экономический и социальный прогресс капитализма на его индустриальной стадии создал предпосылки для появления новых тенденций, выходящих за рамки индустриального капитализма.

13.1. Развитие постиндустриальных тенденций

Уже в конце 50-х гг. XX в. появились первые тенденции, свидетельствующие об изменении роли и значения индустриального производства, выступавшего ранее как адекватная материально-техническая основа капитализма. На протяжении 60-х – 70-х гг. эти тенденции становились все более очевидными, а к концу XX века масштаб видимых изменений, казалось, сделал возможным говорить уже не только о тенденциях, но и о сложившемся новом состоянии капиталистического общества. Каковы же наиболее характерные признаки этого явления, получившего название *постиндустриальное общество*?

Самыми бросающимися в глаза изменениями, начало которых прослеживается еще в 50-х гг., являются изменения в отраслевой структуре производства. Для стадии индустриального капитализма было свойственно снижение удельного веса сельского хозяйства и добывающих отраслей, при росте удельного веса обрабатывающей промышленности. Поздний индустриальный капитализм является временем зарождения постиндустриальных тенденций. Эти тенденции наиболее заметно проявили себя позднее: в 70-е – 90-е гг. XX в. снижение удельного веса сельского хозяйства и добывающих отраслей продолжалось, хотя и с затухающей ин-

тенсивностью, но вместе с тем стало происходить снижение удельного веса промышленности в целом (в том числе и обрабатывающей, а не только добывающей) за счет значительного роста удельного веса сферы услуг.

Так, за 1970–1990 гг. доля занятых в обрабатывающей промышленности сократилась в США с 25,9 до 17,5 %, в Великобритании с 38,7 до 22,5 %, во Франции с 27,7 до 21,3 %, в Германии с 38,6 до 32,2 %. Доля занятости в сфере услуг в 1991 г. составила в США 75,1 % совокупной рабочей силы, в Японии в 1990 г. — 64,2 %, во Франции в 1989 г. — 69,4 %, в Великобритании в 1990 г. — 70,4 %[1].

В рамках самой сферы услуг также происходили структурные сдвиги. Рост, если так можно выразиться, традиционных отраслей сферы услуг (транспорт, бытовые услуги, торговля...) происходил медленнее, чем рост современных отраслей, связанных с научно-техническим прогрессом, в первую очередь, информатики и телекоммуникаций. Весьма быстрыми темпами росли сектора сферы услуг, связанные с обслуживанием бизнеса — услуги финансового рынка, банковское и страховое дело, аудит и консалтинг, а также отрасли «массовой культуры».

Сектор информатики и телекоммуникаций приобрел особое значение в связи с тем, что это не только быстрорастущий сектор сферы услуг, но и сектор, оказавший влияние на развитие всех остальных отраслей хозяйства. Значение хранения, передачи и обработки информации особенно выросло с распространением персональных компьютеров, которые теперь применяются в любых сферах деятельности. Многие традиционные технологические процессы были скорректированы с учетом возможности применить компьютеры для обработки информации, существенной для данных технологических процессов. Растущая роль информатики получила отражение в концепциях «информационной революции», и в том, что современное общество стали именовать информационным обществом.

Критическая оценка роли «постиндустриальных» структурных сдвигов:

Весьма спорный вопрос, является ли существующая статистика отраслевой структуры производства реальным отражением действительных сдвигов в отраслевой структуре. Например, с точки зрения марксистского подхода грузовой транспорт относится к сфере материального производства, а не к сфере услуг. Значительные сомнения вызывает методика подсчета стоимости услуг на финансовом рынке. Раздувание объема спекулятивных операций ведет, согласно принятым правилам учета, и к росту ВВП, создаваемого финансовым рынком. Однако с точки зрения марксистского метода эти операции вообще не являются производительными. Кроме того, во многих отраслях сферы услуг значителен удельный вес процессов, относящихся к сфере материального производства — например, фасовка и упаковка товаров в торговле, приготовление пищи в общественном питании, изготовление предметов потребления (одежды, обуви, мебели...) по индивидуальным заказам, ремонт предметов длительного пользования и т. п.

Существует возражение, что более существенное значение имеет, напротив, проникновение информационных услуг в сферу материального производства. Приводятся данные, что до 70–80 % стоимости производимых в некоторых отраслях товаров приходится на стоимость информационных услуг. Однако фиксация и переработка информации всегда являлась неотъемлемой составной частью технологии материального производства и прямого отношения к информатике как к особой отрасли сферы услуг не имеет. Это то же самое, как если бы мы отнесли наибольшую часть сферы услуг к сфере материального производства на том основании, что услуги предоставляются при помощи вполне материальных предметов — зданий, оборудования и т. п.

[1] См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 206, 284–289.

Другой, несколько сложнее фиксируемый сдвиг, характеризующий постиндустриальные тенденции, — изменения в технологии производства. Происходит рост удельного веса постмашинных технологий, а в рамках самих машинных технологий снижается роль механической обработки. Эти изменения затрагивают главным образом две группы отраслей — отрасли материального производства и отрасли информатики и телекоммуникаций. Однако достаточно сложно сделать вывод о значительном росте удельного веса постиндустриальных технологий. Ведь рост удельного веса сферы услуг связан и с ростом значения применяющихся там доиндустриальных и индустриальных технологий. Технологии, применяющиеся на транспорте, в складском хозяйстве, торговле, общественном питании, гостиничном обслуживании, ремонте, — по преимуществу индустриальные или доиндустриальные.

Таким образом, *изменения в отраслевой и в технологической структуре современного производства не совпадают*. Если удельный вес промышленности как отрасли действительно существенно сократился, то сокращение удельного веса промышленных (и даже допромышленных) технологий, если и происходит, то значительно медленнее. Поэтому в определенном смысле именовать современное общество «обществом услуг» более точно, чем называть его «постиндустриальным обществом».

Наиболее фундаментальные сдвиги, позволяющие говорить о действительных постиндустриальных тенденциях в современном капитализме, связаны с изменениями в характере труда и его продукта.

Эти сдвиги носят весьма существенный характер, затрагивая, однако, довольно узкий сегмент экономики развитых стран. Поэтому (как и в силу отмеченной выше ограниченности технологических сдвигов), *говорить о постиндустриальном обществе преждевременно*, что не отменяет факта развития постиндустриальных тенденций.

Во второй половине XX века значительно возрастает роль высококвалифицированного труда, растет слой специалистов и профессионалов, деятельность которых включает значительную долю творческих функций. Рост значения исследований и разработок превращает эту сферу деятельности в особую отрасль хозяйства. Роль знаний и информации в производстве усиливается, а вместе с этим возрастает значение специалистов, обладающих этими знаниями и способностями генерировать новые знания, применяемые в производстве (инновации). Соответственно растет и роль системы образования, подготавливающей таких специалистов. Вводятся в оборот термины «экономика знаний», «знание-интенсивное производство», «инновационная экономика».

Вместе с изменением содержания труда происходят сдвиги и в мотивации труда. Для специалистов и профессионалов все большее значение среди мотивов трудовой деятельности приобретают такие, как удовлетворенность трудом, возможность самореализации и саморазвития в труде, наличие благоприятных отношений в коллективе и т. п. Следует заметить, что эти сдвиги в мотивации труда, нередко отодвигающие мотив величины заработка на второй план, становятся реальными *только* при достижении определенного, довольно высокого уровня величины и устойчивости денежных доходов.

Доктрина «человеческого капитала»:

Рост значения знаний и обучения специалистов, и значительного роста расходов на эти цели, нашел отражение в разработке доктрины «человеческого капитала», представляющей знания и способности человека, а также денежные расходы на приобретение знаний как разновидность капитала. Эта доктрина игнорирует фундаментальные различия между человеческими способностями и капиталом (в первую очередь различие между капиталом, как внешним ресурсом, применяемым человеком, и человеческими способностями, как свойством самого человека) — даже если трактовать последний в духе неоклассической теории, как денежную сумму, ассигнованную для получения добавочного дохода.

Рост значения знаний и информации приводит к широкому распространению информационных продуктов, природа которых имеет существенные отличия от обычных товаров.

Во-первых, в отличие от вещественных продуктов и от услуг, информационный продукт не является воспроизводимым. Он уникален.

Во-вторых, для поставки информационных продуктов большому числу потребителей нет необходимости (да это и невозможно) производить знание, лежащее в основе этого продукта, каждый раз заново. Информационный продукт, будучи раз произведен, не воспроизводится, он тиражируется, причем, чем больше спрос на данный продукт, тем быстрее издержки тиражирования одной копии стремятся к нулю.

В-третьих, в потреблении информационный продукт (и знание, лежащее в его основе), в отличие от вещей и услуг, не исчезает.

В-четвертых, информационный продукт, будучи продан, не отчуждается от его владельца, а по-прежнему остается в его распоряжении. Отчуждается только копия (вместе с ее материальным носителем; либо материальный носитель производится потребителем информационного продукта).

В-пятых, доступ к знаниям и информации лимитируется не столько ограниченностью этих ресурсов, сколько способностью потребителя воспользоваться ими.

Сумма этих отличий делает неприменимыми к информационному продукту классические представления о стоимости товара и о закономерностях его движения на рынке. Хотя движение информационных продуктов при капитализме подчинено господствующей форме производственных отношений, — товарной, — множество явлений, сопутствующих обращению знаний и информации, выходит за рамки товарных и капиталистических отношений. Например, существует значительный сегмент бесплатно предоставляемых знаний и информации, а заметная часть информационных продуктов производится без расчета на последующую продажу и вознаграждение. Уникальность информационных продуктов делает невозможным оценку уровня затрат труда на их воспроизводство, а значит, и стоимостную оценку.

В совокупности изменения в технологии производства, в содержании труда и уровне доходов, в связанном с ними изменении модели потребностей ведут к относительному снижению значения массового производства и возрастанию роли мелкосерийного и индивидуального производства. Само сохраняющееся массовое производство стремится придать своему продукту индивидуализированные черты. Оставаясь обществом массового потребления, постиндустриальное общество характеризуется значительно более сложной структурой потребностей заметной части населения и развитием его стремления к индивидуальному разнообразию.

Снижение роли массового производства, а также сокращение удельного веса промышленных отраслей ведут к ослаблению воздействия массового промышленного производства на процесс воспроизводства всего общественного капитала. Вместе с появлением огромных международных монополистических группировок (*транснациональных корпораций* — ТНК) снижается острота проблем развития производств с высокой капиталоемкостью. Все это в совокупности позволяет государству отказаться от прямого контроля над крупными ключевыми предприятиями и даже отдельными отраслями производства. Происходит сжатие объема государственного сектора за счет приватизации части государственных предприятий (хотя речи о ликвидации государственного сектора вовсе не идет).

Сокращение государственного сектора не снижает, однако, масштабов вмешательства государства в экономику. На протяжении всего XX века происходит постоянный рост удельного веса государственных расходов в ВВП развитых капиталистических государств. Этот рост происходит за счет роста расходов государства на науку, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и социальную помощь, а также на военные цели. Происходит усложнение и

возрастание многообразия форм и методов прямого и косвенного государственного регулирования экономики. Развивается общественное регулирование экономики при участии таких организаций, как профсоюзы, объединения потребителей, экологические организации и т. д.

Возрастание в системе современного капитализма значения высококвалифицированного, творческого руда, ведет не только к росту удельного веса специалистов и профессионалов, но и к усилению их роли в производстве. Этот слой работников приобретает растущее влияние, и от их деятельности во все большей мере зависит эффективность самовозрастания капитала. Такие работники обладают значительной самостоятельностью в трудовом процессе, поскольку сам характер их деятельности исключает возможность прямого контроля капитала над производственным процессом, в противоположность контролю, обеспечиваемому подчинением работника системе машин на капиталистической фабрике. Это вынуждает капитал искать иные пути влияния на творческих работников, — скорее на пути компромисса, нежели прямого диктата.

Формы этого компромисса разнообразны — начиная от банального «подкупа», путем установления относительно высоких ставок заработной платы, и заканчивая привязкой квалифицированных работников к интересам капитала путем предоставления им небольших пакетов акций, привлечения их в различных формах к выработке управленческих решений, применения различных методов «гуманизации труда», поощрения и содействия профессиональной мобильности и т. п. Этот компромисс в настоящее время в общем устраивает большинство специалистов и профессионалов, многие из которых, чувствуя свое подчиненное (по отношению к собственникам капитала) положение, стремятся выйти из него таким путем, чтобы самим стать капиталистами — либо через основание собственного мелкого бизнеса, либо через долевое участие в капитале крупных корпораций.

Однако капитал действует по отношению к высококвалифицированным творческим работникам не только методами компромисса. Необходимость ставить творческий потенциал специалистов на службу самовозрастанию капитала диктует также и жесткий контроль над целями и конечными результатами творческой деятельности, ориентируя ее в первую очередь на извлечение прибыли. Кроме того, борьба за прибыль требует также методов, объективно препятствующих свободной творческой деятельности — соблюдения коммерческой тайны, патентной защиты знаний и информации и т. д., включая и сокрытие негативной информации о свойствах производимых продуктов и услуг. Рост численности персонала с преобладанием творческих функций объективно ограничивает возможности капитала предоставлять всем таким работникам увеличенное вознаграждение и участие в капитале.

Нередко компромиссный подход к высококвалифицированным, творческим работникам приобретает формальный характер, наталкиваясь на упорное нежелание менеджеров поступаться хоть в чем-то своими властными функциями. Более того, исчезновение внешнего давления на капиталистическую систему с распадом «мировой системы социализма» привело к определенной реакции — оказались заморожены или даже повернули вспять эксперименты с «гуманизацией труда», привлечением наемного персонала к управлению, наделением работников акциями и т. д.

Все это создает новые источники конфликта между капиталом и наемными работниками, выполняющими преимущественно творческие функции. Этот конфликт уже принял актуальные формы — например, в виде борьбы за свободу информации, против коммерческих ограничений на ее распространение; борьбы за свободу приобретения знаний (свободу доступа ко всем ступеням образования); борьбы за открытый общественный контроль за использованием достижений научно-технического прогресса и т. д. Однако большая часть творческих работников (особенно занятые в сфере рыночных трансакций — торговле,

финансах, страховании, или в услугах для бизнеса — аудите, консалтинге и т. д.) пока в той или иной мере связывает свои интересы с интересами капитала. Поэтому вопрос о том, насколько быстро описываемые фундаментальные социальные противоречия приобретут острый, общественно-значимый характер, пока остается открытым.

Постиндустриальные тенденции ведут к разложению капиталистических производственных отношений, начиная с наиболее глубинных. Происходит предсказанный еще К. Марксом подрыв стоимостной основы производства вместе с возрастанием значения технологического применения науки и получаемых с ее помощью новых знаний. Деструкция стоимости как отношения основана на том, что в производстве знаний размываются:

- объективные критерии затрат на их производство (в силу уникальности, невоспроизводимости создаваемых благ, и отсутствия основы для количественной оценки затрат творческой деятельности, которая также уникальна);
- объективные критерии полезности производимых продуктов, поскольку эта полезность для потребителя также уникальна, индивидуальна и потому несопоставима с другими полезностями.

Подобная ситуация складывается благодаря тому, что творческая деятельность становится самоцелью, обладает ценностью для индивида сама по себе — но ценностью именно для данного индивида. Это исключает возможность рыночной общественной оценки этой ценности, и как блага для занятого ею индивида, и как мерила затрат на производство — ибо для занятого творческой деятельностью она сама есть желаемый результат, а не затрата. Одновременно и производимые в процессе творческой деятельности блага — знания, информация, культурные блага в широком смысле этого слова — приобретают такие же свойства индивидуализированной ценности.

Развитие творческой деятельности подрывает также отношения эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Если формальное подчинение труда капиталу в основном сохраняется, то реальное подчинение работников с творческими функциями размывается. Капитал, как уже было отмечено, не имеет материальной основы для подчинения самого процесса творческой деятельности, хотя и способен заключить его в рамки капиталистических производственных отношений, подчиняя эту деятельность извлечению прибыли.

Персональный компьютер и «преодоление эксплуатации»:

Некоторые экономисты и социологи делают вывод о преодолении подчинения труда капиталу на том основании, что распространение персональных компьютеров создает возможность для самостоятельной, независимой от капитала работы. При этом ссылаются на наличие в США более 20 млн т. н. самозанятых, которые выполняют свою работу у себя дома.

Однако такая самостоятельность в значительной мере (хотя, конечно, и не всегда) есть иллюзия. Как и многие представители традиционной мелкой буржуазии, такие работники зачастую являются лишь формально самостоятельными, а их услуги имеют ценность лишь в привязке к определенному капиталу. Фактически это разновидность капиталистической работы на дому или рассеянной мануфактуры, проявляющаяся в современных формах — например, аутсорсинга. Говорить о подрыве формального подчинения труда капиталу тут можно лишь в том смысле, что это подчинение принимает формы, воспроизводящие наиболее архаические отношения капиталистической эксплуатации.

Было бы, однако, ошибкой полностью отрицать создающиеся новой ролью творческого труда в производстве потенциальные возможности более свободной деятельности.

Только они создаются в первую очередь не доступностью персонального компьютера, а зависимостью эффективности капиталистического производства от производства и технологического применения новых знаний. И именно в силу этого носители таких знаний и творческих способностей, обеспечивающих их производство, потенциально — а нередко и актуально — приобретают более высокий уровень самостоятельности.

Пока, однако, это именно относительная самостоятельность, ибо реализуется она во все тех же ограниченных рамках капиталистических производственных отношений — например, в виде мелкого бизнеса. Вся разница заключается в том, что наемный специалист вынужден творить ради создания прибавочной стоимости для капиталиста, а «самозанятый» занят самоэксплуатацией, используя свои творческие способности, чтобы добыть прибыль для себя.

Подрыв капиталистических производственных отношений проявляется и в том, что значительная часть создаваемой в капиталистическом хозяйстве стоимости не поступает в обращение на свободный рынок, а перераспределяется государством — причем масштабы этого перераспределения возрастали на всем протяжении XX века. Лишь на рубеже XX–XXI века этот процесс затормозился, поскольку в ряде развитых стран он уже перешел черту, когда более половины ВВП распределяется не рыночными силами, а государством. Дальнейшее продолжение этой тенденции означало бы прямой разрыв между капиталистическим характером производства и растущими некапиталистическими формами распределения. Капитал остановился перед дальнейшим расширением масштабов социального компромисса, и даже попытался повернуть вспять, тем более, что одна из важнейших побудительных причин к этому — пример альтернативной социальной системы — к началу 90-х годов XX века отпала.

Кроме того, достаточно заметную долю имеют сектора (производство естественных монополий; производство в секторах, производящих продукты и услуги, обладающие свойствами общественных благ, и целый ряд других), где само производство регулируется в значительной мере не рыночным и не капиталистическим образом.

Развитие производства знаний и информации, рост значения творческой деятельности, развитие информатики и телекоммуникаций ведут, однако, не только к прогрессивным тенденциям, связанным с созданием потенциала освобождения человека из-под власти капитала. Одновременно капитал развивает новые возможности контроля над человеком и утилизации его способностей в свою пользу, для производства прибавочной стоимости.

Технологии информатики и телекоммуникаций создают новые возможности дотошного контроля над человеком на его рабочем месте, применяя, например, анализ использования компьютерной техники (вспомним известную в Интернете фразу — «ваш компьютер шпионит за вами»), системы видеонаблюдения и аудиозаписи и т. д. Но капитал не ограничивает себя только рабочим временем. Он стремится установить господство над целостным человеком, над всеми его качествами и способностями. С этой целью он использует современные достижения технического прогресса и социальных технологий для манипулирования человеком в его свободное время[1], используя рекламу (формирование культа потребительства), технологии политического манипулирования, применяя средства массовой культуры для формирования соответствующего сознания и стереотипов поведения человека.

13.2. Капиталистическая глобализация

Современная глобализация представляет собой *новую ступень развития интернационализации производства и капитала.*

[1] Первым это подметил американский социолог Чарльз Райт Миллс (*Charles Wright Mills*. The Marxists. N. Y.: Dell Publishing Co., Inc., 1962).

Нередко, отождествляя современную глобализацию с интернационализацией экономических отношений вообще, ухитряются находить глобализацию и в XIX веке, и даже раньше. Однако это не так. Глобализация отличается от предшествующих ступеней интернационализации производства тем, что:

- Меняются основные субъекты процесса интернационализации производства. Ими являются не национальные государства и не национальные капиталы. «Глобальными игроками» становятся прежде всего транснациональные институты: транснациональные корпорации, международные экономические, политические и военные организации, а также, наряду с ними, лишь крупнейшие национальные государства, способные распространять свое экономическое и политическое влияние в глобальном масштабе.
- В рамках мирового капиталистического рынка, помимо рынка товаров и услуг, формируется единый мировой финансовый рынок, характеризующийся практически свободным трансграничным движением капиталов, что ставит конъюнктуру национальных финансовых рынков в зависимость от движения капиталов на мировом рынке. При этом рост объема обращения на рынках фиктивного капитала с огромной скоростью опережает таковой на рынках действительного капитала, что приводит к колоссальному превосходству финансового рынка над рынками товаров и услуг.
- Происходит значительное снижение трансграничных торговых барьеров, обеспечивающее более свободное обращение товаров и услуг в мировой экономике.
- Указанные выше процессы приводят к ослаблению роли национального государственного регулирования экономики, и создают тенденцию к размыванию национального суверенитета.
- Материальной основной процессов глобализации выступает развитие современных глобальных информационных и телекоммуникационных систем.

Глобализация — новая ступень интернационализации производства и капитала, характеризующаяся существенным снижением межграничных барьеров движения товаров и капитала, превращением крупного транснационального капитала в основную движущую силу глобализации и формированием не только всемирного рынка товаров, но и всемирного рынка капитала.

Ослабление роли национальных государств в глобализующейся мировой экономике породило феномен *неомаркетизации* — видимости возврата в мировом капиталистическом хозяйстве к принципам свободного, нерегулируемого рынка. Это именно видимость: хотя при глобализации и происходит определенное дерегулирование рынка (особенно на уровне международных экономических отношений), но это не означает возврата к временам свободного рынка, скажем, по образцу середины XIX века. Скорее, можно провести аналогию с первой третью XX века, когда на национальных рынках регулирующая сила частных монополистических объединений преобладала над государственным регулированием. История повторяется, но теперь уже на уровне мировой экономики — крупнейшие транснациональные корпорации (ТНК), превосходящие по своей экономической мощи значительную часть национальных государств, добиваются для себя «свободы рук» на мировом рынке. Тем не менее, этот рынок вовсе не свободен, а находится под сильным влиянием самих этих ТНК. Даже регулирующее воздействие на мировой рынок наиболее мощных в экономическом отношении государств и находящихся под их контролем международных организаций направлено во многом на защиту интересов «своих» ТНК.

Транснациональный капитал — капитал, базирующийся в нескольких странах, причем иностранные филиалы по объему оборота сопоставимы с материнской компанией. Организован, как правило, в форме транснациональных корпораций, по масштабу сопоставимых с экономиками отдельных государств.

Рост масштабов финансового рынка приводит к возрастанию зависимости движения действительного капитала от движения капитала фиктивного. Эта зависимость проявляется, прежде всего, через высокую волатильность (подверженность плохо предсказуемым колебаниям) финансового рынка, создаваемую как раз мировым масштабом и гигантскими размерами его оборота, параметры которого почти полностью отрываются от состояния действительного капитала. Например, оценка стоимости акций компаний на фондовом рынке может в несколько раз (а иногда и в десятки раз) отклоняться от оценки реальных активов, испытывая при этом значительные колебания под влиянием малозначимых факторов. Биржевые цены товаров могут также значительно отклоняться от цен тех сделок, по которым эти товары реально переходят из рук продавца в руки покупателя.

Колебания финансового рынка делают условия привлечения финансовых ресурсов в сферу применения действительного капитала в высокой степени неопределенными, увеличивают финансовые риски для производителей. С другой стороны, возможность получения прибыли за счет взлета курсовой стоимости акций ориентируют многие компании не на увеличение эффективности производства и продаж, а на манипуляции, имеющие чисто имиджевый эффект, и призванные воздействовать на взлет курса акций (хотя бы кратковременный).

Такое положение придает фиктивному капиталу, обращающемуся на глобальном финансовом рынке, свойства *виртуального капитала* — слабо осязаемой реальности, подверженной изменениям практически независимо от процессов, происходящих в мире реального капитала. Однако этот виртуальный капитал обладает существенным влиянием на то, что происходит в действительном мире.

Происходящее в период глобализации ослабление международных барьеров в движении капиталов, товаров и услуг, не сопровождается подобным же ослаблением барьеров для движения рабочей силы. Если мировой рынок капитала, мировой рынок товаров и услуг являются реальностью, то о мировом рынке труда можно говорить только в одном отношении — капитал может использовать выгоды глобализации, мигрируя из страны в страну в поисках наиболее выгодных условий предложения рабочей силы (низкая зарплата, отсутствие профсоюзов, жесткое трудовое законодательство, низкий уровень социальных обязательств). Сама же рабочая сила лишена возможностей свободной миграции — более того, масштабы этой миграции за последние два десятилетия сократились, а условия ужесточились. Говорить о мировом рынке рабочей силы — да и то с известной степенью условности — можно только применительно к узкому слою высококвалифицированных специалистов.

Капитал защищает национальную сегментацию рынка рабочей силы, поскольку такая сегментация позволяет ему иметь более выгодные условия эксплуатации труда. Соответственно, профсоюзы, и политические организации, представляющие интересы рабочих, борются за установление единых международных стандартов в области оплаты труда и трудового законодательства, чтобы лишить капитал возможности эксплуатировать различия, создаваемые национальными барьерами между разными группами наемных работников.

Развитие глобализации по-новому формирует отношения в мировом хозяйстве между странами с различным уровнем экономического развития. Лишь очень немногие из менее развитых стран оказываются в силу тех или иных обстоятельств в состоянии воспользоваться теми возможностями, которые открывает глобализация, в связи с более свободным движением капиталов, товаров и услуг. Для остальных же глобализация означает такое ужесточение условий конкуренции, с которым они не имеют возможностей справиться, и, как следствие, происходит углубление их отставания в экономическом развитии от более развитых стран. Глобализация дополнительно закрепляет деление капиталистического хозяйства на развитое «ядро» и отсталую «периферию».

Хотя глобализация еще далеко не исчерпала свой потенциал — например, путь

формирования единого финансового рынка пройден не до конца (хотя сложился единый денежный рынок, фондовый рынок остается в основном национально сегментированным) — ее развитие знаменует собой *близящееся исчерпание возможностей поступательного развития капитализма*. Современную эпоху можно определить как эпоху последовательного выражения и торжества принципов «буржуазной цивилизации».

Происходящий процесс глобализации означает приобретение капиталистической системой полного господства над мировым хозяйством. Господства не в смысле стирания различий между развитым капиталистическим центром и отсталой полукапиталистической (или даже четвертькапиталистической) периферией — эти различия постоянно воспроизводятся развитым центром, ибо без этих различий существование центра было бы куда как менее благополучным, — а в смысле приобретения экономическими структурами развитого мира контролирующего и регулирующего положения по отношению ко всему мировому хозяйству. Развитый центр капиталистического мира создал единый финансовый рынок и подчинил движение капитала во всемирном масштабе своему контролю.

Капитализм в центре подчинил себе все фазы воспроизводственного процесса. На полностью капиталистическую основу поставлено воспроизводство рабочей силы и даже человека в его целостности. Капитал овладел не только рабочим временем, но и свободным временем человека, подвергая его всестороннему манипулированию через рекламу и маркетинг, через политические технологии, через масс-культуру. На капиталистическую основу переведены отношения, регулирующие процессы творческой деятельности (чего не мог добиться даже индустриальный капитализм).

Капиталистическая система выстояла перед лицом мощного и отчаянного натиска сил, пытавшихся противопоставить ему альтернативную социальную систему. Капитализм теперь избавился от врагов, которые могли бы представлять видимую угрозу его господству.

Такое торжество является в известном смысле слова окончательным. Больше капитализму торжествовать, по большому счету, не над чем — разве только над самим существованием человечества? И в этом смысле идеи Френсиса Фукуямы о конце истории являются отражением действительно произошедшего сдвига, если не принимать на веру его смешную фантазию об остановке исторического развития человечества с торжеством либерального капитализма. *Чья история действительно остановилась, так это история самого капитализма*. Ему почти уже больше нечего свершать. Дальше перед ним открывается долгий исторический путь нисходящей фазы развития.

На этом пути капитализму придется столкнуться с тем, что его полное господство означает также полное развитие и обострение присущих ему противоречий. *Приобретая глобальный характер, капитализм придает глобальный характер и порождаемым им проблемам*. Угроза глобальному равновесию окружающей среды, расточительное потребление естественных ресурсов Земли, экономические, политические и культурные конфликты, порождаемые глобальным неравновесием экономического развития (противоречие Север — Юг) — вот далеко не полный перечень этих проблем. Стремление капитала к универсальному господству, к формированию своеобразной всемирной капиталистической «империи» встречает растущее сопротивление всех тех, кто прямо и косвенно втягивается в орбиту капиталистической эксплуатации. *Глобальный капитал породил и первый всплеск глобального движения сопротивления*.

Это сопротивление довольно разнородно — как и тот мир, который глобальный капитал подчиняет своему господству. С одной стороны, мы имеем движение, которое в полном смысле слова может быть названо *антиглобалистским*, которое противостоит глобализации с позиций обреченных, архаических социальных структур, и потому нередко опирается на крайне реакционные идейно-политические силы (например, религиозный фундаментализм, шовинизм). Оно выступает как национально и конфес-

сионально замкнутое. Но и в этом движении выражен объективный протест против разрушительного воздействия глобального капитала на своеобразие национальных культур. В последнее время издержки капиталистической глобализации все больше порождают реакцию именно в консервативном, националистическом и шовинистическом духе, в виде борьбы за национально-государственные интересы, чему немало способствовал миграционный кризис в Европе 2015–2017 гг.

С другой стороны, мы имеем *движение «альтерглобалистов» или альтернативное социальное движение*. Это движение является всемирным и интернациональным, оно не рассечено национально-конфессиональными перегородками и не мечтает повернуть историю вспять. Напротив, оно выступает в защиту наиболее прогрессивных черт интернационализации производства, против тех уродливых форм, которые принимает глобализация под воздействием капиталистических производственных отношений. Современное альтерглобалистское движение в идейно-политическом отношении довольно аморфно и в своем нынешнем виде уже не станет успешным социальным проектом (хотя как исторически первая стадия движения сопротивления глобальному капиталу оно *уже исторически состоялось*). Но как таковое *глобальное сопротивление капиталу уже не может исчезнуть*, оно будет видоизменяться, совершенствоваться, отступать и снова закаляться и крепнуть.

13.3. Изменение социальной структуры современного капиталистического общества

Классический марксизм предполагал, что вытеснение крупным капиталистическим производством мануфактурного и мелкого ремесленного производства, вытеснение крупными капиталистическими фермерами мелких крестьянских хозяйств, приведет в довольно близкой исторической перспективе к почти полному вытеснению мелкой буржуазии как значимого социального слоя. Процесс эволюции социальной структуры капиталистического общества оказался, однако, несколько сложнее, чем предполагали классики.

В развитых странах прежние докапиталистические или полукапиталистические слои мелких производителей, действительно практически исчезли. Хотя еще можно встретить небольшое число ремесленников-кустарей, но, скажем, мелкое крестьянство сохранилось лишь в некоторых странах. Однако мелкая буржуазия не исчезла. Правда, теперь это мелкие производители современного капиталистического типа. Мелкого крестьянина во многих случаях нет, но есть мелкий капиталистический фермер, ведущий интенсивное производство на рынок. Впрочем, и существование этого мелкого фермера является во многом следствием государственной политики, а не действия внутренних законов капиталистического производства. Множество мелких фермеров существует лишь благодаря государственным субсидиям или второй работе в городе, позволяющей покрывать убытки от фермы.

Точно также самостоятельное существование мелкого бизнеса в промышленности и сфере услуг является во многом иллюзорным. Этот мелкий бизнес опутан сетью финансовой, торговой и технологической зависимости от крупного капитала, и его судьба зависит от того, испытывает ли крупный капитал в нем нужду, например, в качестве субпоставщика. Значительная часть мелкого бизнеса является самостоятельной только формально — капитал мелкого предпринимателя приобретен в долг, и действительным его владельцем является банк, давший долгосрочную ссуду, или крупная корпорация, предоставившая рассрочку платежа; право на использование необходимой технологии предоставлено крупной корпорацией; право на использование торговой марки предоставлено крупной корпорацией... — и все это может обратиться в ничто, если заинтересованность крупного капитала в продуктах или услугах этого мелкого бизнеса исчезнет.

К началу 80-х гг. XX века в развитых странах более 80 % (а иногда и более 90 %) экономически активного населения имели статус наемных работников. Это не значит, что все они относились к пролетариату по своему экономическому положению — среди них были и директора корпораций, и высокопоставленные управляющие (в том числе владевшие значительными долями капитала), и менеджеры среднего звена, которые, разумеется, выступают как представители интересов капитала, а не наемного труда, и лица, оказывающие личные непроизводительные услуги (например, домашняя прислуга), и государственные служащие...

Но 90-е годы ознаменовались изменением этой тенденции. Стал отмечаться рост удельного веса т. н. самозанятых, куда включаются различного рода мелкие предприниматели и самостоятельно работающие специалисты (не работающие по найму, а выполняющие различные работу по контракту). Рост числа самозанятых в начале XXI века замедлился и эта тенденция не получила дальнейшего распространения. Однако она все же свидетельствует об определенной подвижке классовой структуры современного капиталистического общества. В чем же смысл этой подвижки?

Мы являемся свидетелями начавшегося процесса разложения классовой структуры, свойственной классическому индустриальному капитализму. В этой структуре основная, подавляющая часть экономически активного населения делилась на капиталистов и пролетариат (причем в рамках последнего ведущие позиции занимал фабрично-заводской пролетариат), при менее значительном удельном весе мелкой буржуазии, земельных собственников, лиц, оказывающих по найму личные услуги. Теперь ситуация меняется — и вовсе не из-за того, что прежде менее значительные социальные слои стали прибавлять в удельном весе. Нет, происходят сдвиги во внутриклассовой структуре как капиталистов, так и пролетариата; эти классы начинают выделять из себя новые, своеобразные социальные группы.

В рамках класса капиталистов продолжает развиваться тенденция, проявившая себя еще в первой трети XX века. Наемные управляющие становятся все более многочисленным слоем, играющим все более значительную роль в предпринимательском классе. Численность менеджеров растет темпами более быстрыми, чем большинство других категорий занятых. *Эти лица, формально являясь наемными работниками, играют роль функционирующих капиталистов-предпринимателей.*

Точно также растет роль и численность специалистов и профессионалов, занятых непосредственным оказанием услуг для бизнеса — бухгалтеров, аудиторов, консультантов, оценщиков, брокеров, дилеров и т. д. Наиболее высокими темпами увеличивается численность менеджеров и специалистов, занятых обслуживанием финансового рынка.

Эти специалисты занимают *промежуточное положение между капиталистами и наемными работниками.* Формально они относятся к наемному персоналу (и в гораздо меньшей степени — к т. н. самозанятым), и не являются владельцами капитала, — во всяком случае, в таких размерах, чтобы владение капиталом создавало основные источники их дохода. Однако их функции в производстве связаны с непосредственным содействием самовозрастанию капитала, содействием извлечению максимального эффекта, в конечном счете, из эксплуатации наемных рабочих. С весьма значительной частью этих специалистов капитал делится плодами эксплуатации, предоставляя им в той или иной форме (тантьемы, бонусы, опционы, сверхвысокие оклады и т. п.) фактически часть присваиваемой прибавочной стоимости.

С другой стороны, прежний пролетариат также претерпевает значительные изменения. Фабрично-заводские рабочие, ранее составлявшие ведущую по численности группу наемных рабочих, значительно потеряли в численности и в удельном весе (но гораздо менее — в своем значении). За счет сокращения этого ядра рабочего класса выросли две другие группы пролетариата: высококвалифицированные специалисты и рабочие, с одной стороны, менее квалифицированные и полуквалифицированные

работники сферы услуг, а также не полностью и частично занятые, — с другой.

Сокращение численности традиционного, фабрично-заводского пролетариата дало повод ряду теоретиков выдвинуть тезис о смерти рабочего класса. Однако этот тезис, притом, что его появление вызвано к жизни реакцией на действительные проблемы, не является точным. Облик рабочего класса меняется, претерпевают изменения его классовые интересы и позиции, он претерпевает процесс частичного разложения, но он вовсе не исчезает.

Производство знаний и информации, превращение их в технологические инновации становится в позднем капитализме главным условием борьбы за экономическую эффективность — т. е. за производство прибавочной стоимости. Капитализм всегда опирался на технический прогресс в погоне за прибылью, но в современную эпоху творческая деятельность по обеспечению научно-технического прогресса превращается в особую большую отрасль экономики. Поэтому слой высококвалифицированных рабочих и специалистов занимает теперь в составе наемных работников особое положение.

Самовозрастание капитала оказывается во все большей зависимости от деятельности специалистов и высококвалифицированных рабочих, и в то же время капитал не в состоянии непосредственно контролировать содержание процесса творческой деятельности. Для этих работников, как уже было показано выше, реальное подчинение труда капиталу размывается, хотя формальное сохраняется. Именно на формальное подчинение труда капиталу (т. е., по существу, на монополию капиталистов на средства производства) и опирается закрепление их статуса как наемных работников. Таким образом, для этой части наемных работников характерно противоречие между их растущей самостоятельностью в трудовом процессе (и даже растущей зависимостью капитала от их деятельности) и сохраняющимся подчинением их капиталу в рамках существующих производственных отношений.

Этот слой стоит в особом отношении и к фабрично-заводским рабочим, во-первых, как более высокооплачиваемый, во-вторых, как испытывающий меньшее подчинение рамкам технологически определяемой капиталом дисциплины труда, в-третьих, нередко выступающий перед рабочими в качестве внешней, чуждой им силы — непосредственного представителя этой самой капиталистической дисциплины труда.

Процесс размывания прежнего ядра пролетариата — фабрично-заводских рабочих — сопровождается не только ростом удельного веса высококвалифицированных работников, специалистов и профессионалов, но также и ростом (хотя и менее высокими темпами) слоя малоквалифицированных и полуквалифицированных работников сферы услуг. В абсолютном же выражении этот слой имеет более высокую численность, чем высококвалифицированные работники.

Наемные работники сферы услуг, помимо относительно более низкой квалификации, характеризуются также более низкой оплатой труда (именно рост этого слоя определил общее снижение уровня заработной платы в США с начала 70-х по начало 90-х гг. XX в.), отсутствием крупных трудовых коллективов, спаянных общими интересами, значительной долей занятости в сфере до-машинных технологий. Все это определяет и более низкую степень организованности и солидарности этого социального слоя, более низкую степень осознания своих классовых интересов по сравнению с промышленным пролетариатом. Лишь для наиболее квалифицированных групп наемных работников сферы услуг, в основном занятых в сфере образования и здравоохранения, этот вывод может быть применен с существенными оговорками.

Итак, имеем ли мы право воскликнуть (вслед за Андрэ Горцем): «Прощай, рабочий класс»?

Если речь идет о фабрично-заводском пролетариате, то даже и тогда этот вывод представляется несколько преждевременным. В эпоху глобализации анализ классовой структуры капитализма уже не может ограничиваться только наиболее передовыми странами, вступающими в преддверие постиндустриальной эпохи. А в структуре мирового хозяйства, как промышленное

производство, так и фабрично-заводской пролетариат, пока не теряют в удельном весе, более того, он постепенно возрастает. Эту ситуацию, даже применительно к ситуации в наиболее развитых странах, можно трактовать *не как значительное сокращение удельного веса промышленности, а преимущественно как территориальное перераспределение промышленного производства* в системе мирового капиталистического хозяйства от «ядра» к «периферии».

Но даже если рассматривать ситуацию в наиболее развитых странах, как признак тенденции, которая со временем станет характерна для всего мирового хозяйства, то и тогда прощание с рабочим классом выглядит преждевременным. Во-первых, значение промышленности, как технологического ядра экономики, сохраняется, а потому значение и влияние промышленного пролетариата существенно выше, чем его удельный вес. Во-вторых, те социальные слои, на которые распадается традиционный фабрично-заводской пролетариат, попрежнему остаются наемными работниками — классом, противостоящим капиталу по своим фундаментальным социально-экономическим интересам.

В этом смысле можно сказать, что рабочий класс не может сойти с исторической арены, пока на ней остается капитал.

* * *

На этом мы заканчиваем изложение теоретической картины системы производственных отношений капитализма. Однако политическая экономия на этом не заканчивается. Нам предстоит еще проанализировать специфику капитализма в России и перспективы тех посткапиталистических отношений, которые вырастают из противоречий развития позднего капитализма, вовсе не являющегося «концом истории».

Вопросы для самоконтроля

13.1. Есть ли основания для вывода об уже совершившемся переходе капитализма на постиндустриальную стадию?

13.2. Каков реальный смысл выражений «общество услуг», «информационное общество»?

13.3. Какие сдвиги в характере человеческой деятельности характерны для постиндустриальных тенденций?

13.4. Какие свойства информационных продуктов вступают в противоречие с традиционной системой отношений товарного производства?

13.5. Почему изменения развитие творческих функций труда, и связанные с этим сдвиги в природе и мотивах деятельности, создают новые основания для противоречия труда и капитала?

13.6. В чем специфика капиталистической глобализации как современного этапа общей тенденции к интернационализации производства?

13.7. Кто такие «глобальные игроки»?

13.8. Какова роль глобального финансового рынка в современном мировом хозяйстве, и каково его соотношение с реальным сектором?

13.9. Почему не сложился глобальный рынок рабочей силы?

13.10. Как глобализация влияет на разрыв в уровне экономического развития различных стран?

13.11. Как влияет глобализация на национальный суверенитет и возможности национального экономического регулирования?

13.12. Какие существуют тенденции к сопротивлению капиталистической глобализации?

13.13. Почему не сошла с социальной сцены мелкая буржуазия?

13.14. Чем отличается экономическое положение мелкой буржуазии в современную эпоху от ее положения на заре капиталистической индустриализации?

13.15. На какие социальные группы делится современный капиталистический класс и рабочий класс?

13.16. «Прощай, рабочий класс!» — какие есть основания для этого восклицания?

Литература для самостоятельного изучения

В этой работе рассматривается широкий спектр вопросов природы современного капитализма:

- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал (В 2-х томах). Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и её пределы. «Капитал» re-loaded. М.: Ленанд/URSS, 2018.

Несколько работ известного французского левого теоретика Андре Горца, посвященных классовой структуре современного капитализма и роли знаний в капиталистической системе:

- *Gorz A.* Farewell to the Working Class. L.: Pluto Press, 1982.
- *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.
- *Горц А.* Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // ЛОГОС (философско-литературный журнал). 2007. № 4.

Здесь Юрген Хабермас рассматривает «модерн» (т. е., по существу, капиталистическую эпоху, пришедшую на смену феодально-сословному обществу), как незавершенный проект, что противопоставляет его модному нынче постмодернизму. Здесь же Хабермас излагает свой взгляд на необходимость и новый облик социализма:

- *Хабермас Ю.* Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005.

В работе американского социолога, близкого к марксизму, впервые с позиций марксистской методологии было дано теоретическое объяснение того факта, что рабочий класс не торопится ниспровергнуть капитализм. Там же обосновал тезис о том, что современный капитал эксплуатирует рабочего, используя не только его рабочее, но и свободное время, не только его рабочую силу, но и все качества человека, как личности:

- *Mills Ch. W.* The Marxists. N. Y.: Dell Publishing Co., Inc., 1962.

В этой работе рассматривается вопрос о статусе интеллектуальной деятельности при капитализме:

- *Глинчикова А. Г.* Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? // Вопросы философии, 1997, № 3.

Ряд работ известных теоретиков, принадлежащих к различным направлениям, где рассматриваются проблемы природы современного капиталистического общества:

- *Гелбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М., 1969.
- *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
- *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- *Иноземцев В. Л.* Расколотая цивилизация. М., 1999.
- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: «Academia», 1999.
- Гэлбрейт: возвращение / Под ред. С. Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017.

Эта книга весьма полезна критическим подходам ко многим распространенным концепциям и значительным набором ссылок на источники по проблеме:

- Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. А. И. Колганова. М.: ТЕИС, 1998.

Западные марксисты об экономической системе современного капитализма:

- *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford, 2003.
- *Arrighi J.* The Long Twentieth Century. London, 1994.
- *Brenner R.* The Capitalist Economy, 1945–2000: A Reply to Konings and to Panitch and Gindin // D. Coates (ed.), Varieties of Capitalism, Varieties of Approaches. Basingstoke, 2005.
- *Каллиникос А.* Антикапиталистический манифест / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Праксис, 2005.

Здесь с марксистских позиций рассматривается современное явление «финансиализации», изменение соотношения между финансовым и реальным капиталом:

- *Левина И.* К вопросу о соотношении реального и финансового секторов // Вопросы экономики. 2006. № 9.

Две работы лауреатов Нобелевской премии, посвященные проблемам глобализации:

- *Алле М.* Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. М.: ТЕИС, 2003.
- *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.

Неплохой справочник об альтернативных социальных движениях, написанный теоретиком организации ATTAK (но не надо искать здесь его собственную теоретическую позицию):

- *Агитон К.* Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста / Пер. с франц. Е. Константиновой и Е. Кочетыговой под общей редакцией Ю. Марковой. М.: Гилея, 2004.

О сопротивлении капиталистической глобализации пишет международный коллектив авторов:

- Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения» / Под ред. Бузгалина А. В. М.: URSS, 2003.

О социально-экономических основаниях манипулирования сознанием масс господствующими классами в современную эпоху:

- *Лимнатис Н.* Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. М.: Экономическая демократия, 2000.

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала www.interpolitec.su]:

- *Цаголов Г. Н.* Революционный хит Гэлбрейта и теория седьмой формации (к 50-летию выхода в свет «Нового индустриального общества») // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 6–28.
- *Воейков М. И.* Р. Люксембург: Диалектика трансформации современного капитализма // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 53–67.
- *Должикова А. М.* Глобальное неравенство: тревожные тенденции («великое разделение» Дж. Стиглица в странах Западной Европы, США и России) // Вопросы политической экономии. 2017. № 3. С. 144–161.
- *Кристель Л.* Рецензия на книгу «Капитал в XXI веке» Томаса Пикетти // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 133–135.
- *Склэр Л.* Транснациональный капиталистический класс, социальные движения и альтернативы капиталистической глобализации // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 80–95.
- *Чэнь Хун, Ми Лиянь.* Трансформации современного капитализма и их сущность // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 29–33.

Тезаурус к главе 13

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — новая ступень интернационализации производства и капитала, характеризующаяся существенным снижением межграничных барьеров движения товаров и капитала, превращением крупного транснационального капитала в основную движущую силу глобализации и формированием не только всемирного рынка товаров, но и всемирного рынка капитала.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ — капитал, базирующийся в нескольких странах, причем иностранные филиалы по объему оборота сопоставимы с материнской компанией. Организован, как правило, в форме транснациональных корпораций, по масштабу сопоставимых с экономиками отдельных государств.

Часть 5

Социально-экономическая система постсоветской России

Глава 14

Социально-экономическая система СССР: природа, причины возникновения и кризиса[1]

Структура главы

- Альтернативные взгляды на экономическую систему «реального социализма»
- Советский строй с точки зрения политической экономии социализма: теория и реальность
- Деформированный социализм?
- Зигзаг истории?
- Объяснение «реального социализма» как особой ступени всемирно-исторического процесса перехода от «царства необходимости» к «царству свободы»

Основные понятия:

мировая система социализма (МСС)
«развитой социализм»
общественная собственность*
свободная ассоциация*
обобществление производства*
планомерность (планомерная организация общественного производства)
деформация производственных отношений социализма*
перерождение производственных отношений социализма*
«реальный социализм»*

[1] При подготовке настоящего раздела использованы материалы учебного пособия: Трансформационная экономика России: Учебное пособие / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: Финансы и статистика, 2006.

14.1. Альтернативные взгляды на экономическую систему «реального социализма»

Откуда вышло наше современное общество? Это едва ли не самая мучительная проблема настоящего: и экономической, и социальной, и культурной жизни тех стран, которые еще недавно мы называли странами «реального социализма», добавляя к тому же, что этот социализм «развитой» и обещая, что в недалеком будущем он должен стать коммунизмом — обществом всеобщего счастья и благоденствия. Что это было? Обман, циничная ложь, иллюзии? Или реальный энтузиазм и порыв к новой жизни значительной части нашего общества? Ответы на эти вопросы далеко не просты. Более того, они крайне важны для социально-экономической теории, для понимания того, как движется наше общество, ведь общество и экономика — это прежде всего люди. Люди, у которых есть интересы, цели, идеи...

Безусловно, экономика — это не просто набор людей, это объективная система отношений, их связывающих. И для того, чтобы понять, каким было наше общество в прошлом, каким оно станет в будущем, и как осуществится этот переход, необходимо, прежде всего, обратить внимание на реальные, объективные, не зависящие от нашей воли и сознания социально-экономические отношения в их динамике, в их развитии от прошлого к будущему через настоящее.

Попробуем систематизировать основные варианты объяснения нашего прошлого на основе метода диалектического единства исторического и логического, учитывая интернациональный характер осмысления того, какой «мертвый» хватает нынешнего «живого», хватает нас с вами и тащит назад, а может быть, наоборот, создает предпосылки для того, чтобы мы росли и двигались вперед.

Пожалуй, первой и самой простой гипотезой, объясняющей, где мы жили, как мы жили, чем было общество «реального социализма», была старая догма о том, что в странах «мировой системы социализма» (МСС) построено ни что иное, как «развитой социализм», который и был описан в виде достаточно сложной системы категорий так называемой «политической экономии социализма».

Период начала перестройки, проходивший под лозунгами «улучшения» социализма, скорректировал этот подход, объявив, что наше общество — это социализм, но социализм, в котором были определенные недостатки. Эти недостатки объяснялись по-разному. Кто-то говорил о всего лишь некоторых «отклонениях от линии» в процессе социалистического и коммунистического строительства (это объяснение до сих пор живо среди фундаменталистов), кто-то указывал на деформации, а кто-то доходил до более жесткой оценки, настаивая на перерождении социалистической системы, но системы, которая все-таки начала двигаться и двигалась по пути «социалистического выбора». Последняя версия была во многом схожа с оценками теоретиков зарубежных социалистических и коммунистических партий, имевших достаточно широкое хождение на протяжении всей истории МСС (в рамках «евромарксизма», «еврокоммунизма» и т. п.).

Однако опыт кризиса, начавшегося после первых эйфорических лет перестройки, показал ограниченность этого подхода. Разнообразие путей, по которым пошли реформы в бывших «социалистических» странах Восточной Европы и Азии, породило гипотезу моделей социализма: как деформированного государственно-бюрократического (тоталитарного, феодального — вариантов названий было много) социализма, так и социализма, который будет развиваться в каких-то более адекватных формах (большинство теоретиков, выдвигавших гипотезу моделей социализма, склонялось к «рыночному социализму» как наиболее эффективному варианту социалистического развития).

Эти идеи, опять-таки, не явились открытием отечественной социально-экономической теории (а тем более открытием отечественных публицистов). Теории «рыночного социализма» задолго до этого появились в рамках Югославского эксперимента, во время «Пражской весны» 1968 года (Ота Шик, например), имели широкое хож-

дение в Венгрии и были широко распространены на Западе среди экономистов и советологов более или менее левого направления, скажем, левокейнсианского направления или левоинституционального направления (Оскар Ланге, Джоан Робинсон, Алек Ноув, Стив Коэн).

Эта гипотеза (модели социализма) неплохо объясняла поливариантность, разнообразие реформ в Восточной Европе или в Советском Союзе (который тогда еще не был разрушен), в Китае или в Северной Корее, на Кубе или в Юго-Восточной Азии. Напомним также, что в настоящее время огромная часть человечества — более 1 млрд жителей Земли, живет в условиях «социализма» с китайской, вьетнамской или кубинской спецификой.

Наконец, отказ от «социалистического строительства» в конце 80-х – начале 90-х годов в странах Восточной Европы, глобальный коллапс Советского Союза и той идеи социализма, которая до последнего поддерживалась Горбачевым (но не всей его командой) — этими «авторами» и «прорабами» перестройки, — привел к массовому распространению взгляда на социализм как тупиковую ветвь истории. Социалистическая идея оказалась, кажется, окончательно погребенной под руинами СССР и «социалистического лагеря» в центре Евро-Азиатского континента. На смену ей пришла идея «конца истории»: торжества неолиберального порядка, рынка, частной собственности и адекватных ей политической и этической систем, базирующихся на принципе экономического, эгоистического человека. Все «социалистические эксперименты» были объяснены как всего лишь «зигзаг истории», как «тупиковая ветвь», которая, если и возникла, то вследствие заговора, злокозненно учиненного большевиками во главе с чудовищным демоном современности — Владимиром Ульяновым.

Последняя идея, опять-таки, имеет свою долгую историю. Большая часть адептов праволиберальной рыночной модели, начиная с 1917 года, критиковала социализм, как бесплодную утопию, которая не имеет права на существование, а если и возникает, то исключительно как случайность, «зигзаг истории». То, что более или менее успешно, с трагическими потерями, но и с некоторыми достижениями, треть человечества развивалась по этому пути на протяжении долгих десятилетий — для них не аргумент: ведь социализм все-таки погиб! Пусть пока остается миллиард китайцев: они тоже заблуждаются и скоро уйдут с этого пути (кстати, по поводу последнего тезиса мы не стали бы очень сильно спорить: китайский вариант «социализма» мы отнюдь не склонны считать подтверждением силы и правомерности будущего развития социалистической модели).

После этого анонса основных гипотез объяснения сути нашего прошлого, давайте рассмотрим каждую из них более тщательно.

14.2. Советский строй с точки зрения политической экономии социализма: теория и реальность

Так называемая «политическая экономия социализма» за несколько десятилетий своего существования построила достаточно стройное, хотя и не завершенное во многих своих частях здание системы категорий и законов, призванных научно (т. е. истинно) отобразить экономический строй социализма. Для того, чтобы от модного еще недавно охаивания этой науки (чем весьма усердно занимались ее недавние жрецы) перейти к критическому анализу, отделяющему зерна от плевел политической экономии социализма, необходимо понять специфику ее методологии.

С методологической точки зрения, в прошлом достаточно отчетливо выделяются две тенденции: апологетическая (вульгарная) и утопическая (схоластическая). Первая некритически описывала внешнюю — идеологически-атрибутивную сторону практики общества, в котором власть и идеология сосредоточивалась преимущественно в руках бюрократии. Вторая, не абстрагируясь полностью от реальной экономической жизни, пыталась совместить ее с

идеальной картиной будущего социалистического общества, выводя его закономерности из обобщений, сделанных Марксом на основе анализа буржуазного строя, и выдавая эту идеальную картину за реалии экономической жизни МСС.

В работах конкретных научных школ и отдельных ученых обе эти линии причудливо переплетались, воспроизводя друг друга. При этом, однако, в работах разных школ доминировали первая или вторая линии. Так, университетская (мы имеем в виду МГУ им. М. В. Ломоносова) школа политической экономии (анализу результатов деятельности которой и будет преимущественно посвящен этот раздел) базировалась главным образом на утопически-романтической методологии и потому построила, пожалуй, наиболее «продвинутую» идеальную картину социалистической экономики, оставшись апологетической в одном, но принципиально важном пункте: ее представители не смогли честно сказать, что их «картинка» похожа на реалии МСС примерно в той же степени, как христианская идея похожа на застенки инквизиции.

Каким же виделся экономический строй социализма (а именно социализмом политэкономия 50–80-х годов считала нашу экономическую систему) ученым Московского университета каких-то двадцать лет назад? (см. табл. 14.1).

Таблица 14.1

Сопоставление теоретических воззрений на экономический строй СССР и реального воплощения теоретических предпосылок[1]

Положения теории «развитого социализма с точки зрения советских школ политэкономии (на примере школы МГУ)	Оценка реального воплощения теоретических предпосылок
Общественная собственность на средства производства как совместное и равное присвоение и распоряжение общим достоянием со стороны всех членов общества. Ее формы — общественная и кооперативная собственность.	Бюрократизация собственности, присвоение основного «пучка» прав собственности номенклатурой на различных уровнях. Формальные права на присвоение для остальных граждан. Феномен «бесхозяйственности» как следствие «ничейности» собственности.
Обобществление производства — рост взаимной зависимости и взаимосвязи хозяйственных единиц все более усложняющегося индустриального производства. Важнейшие формы обобществления представлены специализацией, концентрацией и комбинированием производства, развитием гибких производственных систем, возрастанием роли интеграции и кооперирования отдельных предприятий в сложные производственные комплексы.	Искусственное укрупнение предприятий в некоторых секторах экономики. Формирование технологически замкнутых комплексов производств при торможении объективных тенденций взаимозависимости предприятий со стороны ведомств. Попытки использования односторонних выгод и преимуществ со стороны хозяйствующих субъектов, участвующих в интеграции.
Социализация — возрастание роли единых для всех членов общества (общенародных) интересов.	Отсутствие внимания к различиям в запросах со стороны населения. Стремление насильственно усреднить структуру потребностей общества.
Планомерность как сознательное регулирование и планирование общественного производства и более развитое по сравнению с рынком экономическое отношение, отрицающее и развивающее товарные механизмы саморегулирования.	Превращение планирования в бюрократический инструмент воздействия на предприятие или/и в торг по поводу его содержания.

[1] Впервые основные положения, приведенные в таблице, были представлены в работе: *Колганов А. И., Бузгалин А. В.* Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем: Учебник. М.: Инфра-М, 2005. С. 188–189.

Окончание таблицы 14.1

Положения теории «развитого социализма с точки зрения советских школ политэкономии (на примере школы МГУ)	Оценка реального воплощения теоретических предпосылок
Непосредственно-общественное соединение ассоциированных производителей со средствами производства: доступность равных прав на присвоение средств производства и продукта.	Реальная возможность доступа к средствам производства (отсутствие безработицы) сочетается с бюрократической узурпацией распоряжения средствами производства. Наличие элементов бюрократического контроля над движением рабочей силы.
Стимулы к труду и инновациям — через распределение по труду и поощрения, индивидуальные и групповые, а также товарно-денежные стимулы (повышение самостоятельности предприятий и усиление предприимчивости).	Отсутствие четкой мотивированности труда в зависимости от достигнутых результатов при появлении «безработицы на работе» и скрытых форм эксплуатации.
Основной закон экономической системы — рост благосостояния и свободное всестороннее развитие всех членов общества.	Сочетание общедоступных социальных гарантий с «остаточный принципом» расходования средств на социальное развитие и гипертрофия ложных антисоциальных целей развития экономики (раздувание некоторых военных, строительных и мелиоративных программ в угоду интересам ведомств).

Его обобщенной характеристикой была *общественная собственность на средства производства*, которая моделировалась как совместное и равное присвоение и распоряжение общим достоянием со стороны всех членов общества (так называемой «свободной ассоциации»). Ее формами были общенародная (государственная) и кооперативная собственность. Необходимость господства общественной собственности обосновывалась ссылками на процессы обобществления и социализации, происходящие в современном обществе.

Общественная собственность — форма собственности, предоставляющая каждому члену общества равные возможности по присвоению (производственному и личному) общественного богатства.

Свободная ассоциация — социально-экономическая форма связи людей, основанная на их добровольном союзе для реализации общих целей в процессе свободной деятельности.

Категория *обобществления*, игравшая одну из ключевых ролей в марксистской теории вообще, еще более значимой оказывалась для теории социализма.

Обобществление производства — рост взаимной зависимости и взаимосвязи хозяйственных единиц индустриального производства в условиях все более усложняющегося разделения труда.

В качестве важнейших форм проявления обобществления выделялись специализация, концентрация и комбинирование производства, развитие гибких производственных систем, возрастание значения и роли кооперации и интеграции отдельных предприятий в сложные производственные комплексы. На основе этой материальной тенденции делался вывод о том, что общественное производство во все большей степени нуждается во взаимосвязанном, едином управлении и скоординированном воспроизводстве, что и призвана была, по идее, обеспечить общественная собственность.

С другой стороны, теоретиками социализма подчеркивался процесс *социализации* — возрастание роли единых для всех членов общества (общенародных) интересов. В наиболее «продвинутых» работах эти интересы привязывались к развитию постиндустри-

альных сфер — культуры, поддержания экологического равновесия и т. п., заинтересованность в развитии которых присуща каждому члену общества. Соответственно, в качестве важнейшего из общенародных интересов рассматривалось достижение полного благосостояния и свободное всестороннее развитие всех членов общества.

В качестве субъекта собственности рассматривалась свободная ассоциация граждан, представителем которой является отмирающее по мере развития самоуправления государство.

Как должна была экономически реализовываться, «работать» эта общественная собственность? Методологически ответ был прост: ее экономическим содержанием («наполнением») является система производственных отношений социализма. Каких именно?

В качестве исходного отношения системы представителями университетской школы политической экономии социализма рассматривалась так называемая *«планомерность»* (*планомерная организация общественного производства*). Теоретически, это отношение должно было обеспечивать сознательное регулирование и планирование общественного производства. Планомерность рассматривалась как более развитое по сравнению с рынком экономическое отношение, «снимающее» (т. е. отрицающее и развивающее) товарные механизмы саморегуляции.

В качестве механизмов претворения в жизнь планомерной организации, как правило, предлагалось обеспечить диалектическое сочетание централизованного управления и самостоятельности предприятий (в области заключения договоров с поставщиками и потребителями и других шагов, детализирующих план, в котором определяются лишь важнейшие конечные результаты). Методами управления должны были стать как прямые (адресные конкретные задания-заказы предприятиям со стороны государства), так и косвенные (налоговое, кредитное, ценовое и т. п. регулирование).

Основным отношением социализма должно было, по идее, быть *непосредственно общественное соединение ассоциированных производителей с обобществленными средствами производства*. За этой заумной фразой скрывался следующий смысл: все члены общества имеют равные права на присвоение общенародных средств производства и продукта. Первое достигается на основе всеобщей занятости (отсутствие безработицы) и возможности свободного выбора места работы в условиях относительного дефицита рабочей силы. Второе — на основе распределения необходимого продукта «по труду», а прибавочного — частью на потребление (уравнительно или по нуждаемости: равнодоступное и бесплатное жилье, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т. п.), частью — на накопление в интересах будущего роста благосостояния и свободного времени.

Соответственно, *основным законом* (*и высшей целью*) такой экономической системы должно было быть не что иное, как рост благосостояния и свободное всестороннее развитие всех членов общества. Воспроизводство этого благосостояния подчинялось в свою очередь так называемому «закону социалистического накопления», в соответствии с которым рост качества жизни приводит к повышению качества рабочей силы, росту производительности труда, материального богатства и, следовательно, новому повышению качества жизни при условии, что экономика работает на человека, от которого не отчуждены труд и средства производства.

Стимулы к труду и инновациям в этом обществе должно было создавать распределение по труду, сутью которого было поощрение за индивидуальные и коллективные результаты труда и инновации.

Наконец, в условиях социализма признавалось необходимым использовать и *товарно-денежные отношения*, которые призваны были, во-первых, дополнить планомерность, обеспечив большую гибкость экономики за счет повышения самостоятельности предприятий, действующих в рамках плана, но на основе самоокупаемости и самостоятельности («хозрасчет»); во-вторых, создать дополнительные стимулы к

предпринимательской активности на уровне предприятий.

Такой, в общих чертах, была схема «социалистической» системы производственных отношений в изображении университетской школы политэкономии, к ученикам которой авторы относят и себя. Впрочем, закон планомерности, подчинение экономики росту благосостояния, распределение по труду, необходимость использования товарно-денежых отношений и, конечно же, общественную собственность, как обобщенное выражение сути «социалистической» экономики, признавали практически все школы политической экономии социализма.

Безусловно, *очерченная выше схема была крайне далека от реальности «реального социализма»*. Давайте подробнее разберемся с этим принципиально значимым вопросом.

Была ли реальностью для МСС общественная собственность? В том, что касается реального равенства граждан по отношению к средствам производства, безусловно, нет. Основная часть «пучка» прав собственности (прежде всего в области распоряжения общественным богатством) была сосредоточена в руках бюрократии (номенклатуры) при большей или меньшей (в разных странах и регионах в разные периоды времени) степени распыления этих прав и ответственности среди местной, ведомственной или низовой (директора предприятий и т. п.) бюрократии. По мере разложения прежней централизованной системы бюрократическая по содержанию и государственная по форме собственность все более становилась «ничьей», порождая в массовых масштабах феномен бесхозяйственности.

В то же время ростки общественной собственности присутствовали в реальности не только в деформированных до противоположности формах бюрократического распоряжения и присвоения общественного богатства, но и в более адекватных формах. Почему, например, для большинства жителей СССР 60-х годов слово «наше» на практике значило больше, чем «мое»? Почему молодежь ехала поднимать целину, строить новые города в Сибири, стремилась в космос и стеснялась разговаривать о частном бизнесе? Видимо, потому, что не только в идеологии, но и в экономике были элементы общенародного присвоения благ, дававшие гражданам СССР гарантии труда и образования, того, что через год их общий уровень благосостояния увеличится на 3–5 %, а через пять лет — на 15–20 % и т. д.

Иными словами, в реальной жизни существовали пусть деформированные и ограниченные, но действительные, практикой подтверждаемые формы экономической реализации общественной собственности. В то же время, мы должны все время помнить и о том, что эти ростки были подчинены господствующему бюрократическому отчуждению человека труда от собственности. В конечном итоге, именно это отчуждение, подавлявшее хозяйскую и предпринимательскую мотивацию, и привело к затуханию экономического роста, общей неэффективности и кризису прежней системы.

В полной мере это противоречие было характерно и для других отношений, экономически реализовывающих общественную собственность.

Так, в действительной жизни планомерность проявлялась не столько в формах оптимального сочетания централизма и самостоятельности, прямых и косвенных методов управления (что декларировала теория), сколько в виде причудливого сочетания двух противоречиво взаимосвязанных начал. Во-первых, бюрократического администрирования «сверху» (не всегда обоснованные экономически, нередко волюнтаристские «команды», предписывавшие в укрупненном виде некоторые задания по выпуску конкретной номенклатуры изделий и стоимостные валовые показатели производства). Во-вторых, так называемой «плановой сделки» — неформальных торгов между министерствами и администрацией предприятий по поводу напряженности плановых заданий, цен на продукцию и объема выделяемых ресурсов. Реальная регулирующая роль планов была гораздо

ниже, чем это считалось официальными теоретиками и идеологами, хотя существенную административно-распорядительную и командно-мобилизующую роль они, конечно же, играли.

«Основное производственное отношение социализма» так же присутствовало в реальной жизни лишь в элементах и мутантном виде. Гарантии занятости распространялись в действительности не на всех членов общества и имели в качестве оборотной стороны «безработицу на работе» (искусственное поддержание занятости при неполном использовании рабочего времени) и дефицит неквалифицированной рабочей силы. «Равенство» по отношению к общественным фондам потребления, равнодоступность социальных гарантий (жилье, медицина, пенсии и т. д.) были весьма относительными, скрывая элементы — хотя и значительно меньше выраженные, чем при капитализме — эксплуатации работников, являющихся, в сущности, не столько «ассоциированными хозяевами и работниками», сколько служащими по найму у государства. А высший слой государственных служащих («номенклатура») имел возможность присваивать часть прибавочного продукта в форме служебных льгот и привилегий (имевших, впрочем, до смешного несопоставимые масштабы с разгулом паразитического потребления не только нынешних олигархов, но и среднего звена менеджмента).

Не менее противоречивой была картина с ориентацией экономики на человека. Провозглашаясь в качестве «основного закона», на деле она оборачивалась так называемым «остаточным принципом распределения» для социокультурных отраслей и доминированием адекватных для бюрократии целей экономического развития: милитаризмом и экстенсивной экспансией производства ради производства.

Закономерным продолжением этих мутаций были отношения распределения. Для рабочих использовалась система распределения, очень близкая к традиционно капиталистической (сдельно-премиальная оплата труда), с реальной дифференциацией ставок 1 : 6 (в редких случаях — 1 : 10), для служащих — бюрократическая модель распределения «по должности». Оба механизма деформировались противоречивым сочетанием тенденций к уравниловке и всеобщим распространением бюрократических привилегий и модели закрытых распределителей.

Наконец, суммой этих мутаций был специфический механизм воспроизводства этой экономики. Вместо провозглашавшейся постоянно и сознательно поддерживаемой пропорциональности господствовала модель «экономики дефицита», предполагавшая жесткие ресурсные ограничения, «инвестиционный голод», мягкие финансовые ограничения и ограничения по спросу и т. п. В итоге в экономике господствовал экстенсивный тип воспроизводства, порождавший низкое качество продукции и слабую восприимчивость экономики к научно-техническому прогрессу.

Что же касается товарно-денежных отношений, то они реально существовали в экономике МСС в трех формах: как подчиненный и деформированный мутантным планированием механизм «хозрасчета» (более реального в Польше и Венгрии, более формального в СССР и ГДР), как система торговли предметами потребления по стабильным государственным ценам и как подпольный рынок («теневая экономика»), прогрессировавший по мере саморазрушения мутантного «социализма».

Содержательно социально-экономическая система «социализма», сложившегося в наших странах (пока оставим в стороне категориальное определение этого строя), может быть описана как совокупность противоречивых черт, соединяющих социально-экономические элементы, *адекватные* объективной тенденции к формированию посткапиталистического общества, *и отклоняющиеся* от этой тенденции. Эти последние не принадлежат несоциалистическим способам производства, а порождены самой попыткой ликвидации этих способов производства при отсутствии достаточных для этого социально-экономических предпосылок (см. табл. 14.2).

Таблица 14.2

Система социально-экономических отношений «реального социализма»

Неадекватные социализму формы	Формы, адекватные социализму
1. Отношения аллокации ресурсов	
1) планово-бюрократическое распределение ресурсов:	1) элементы ассоциированного управления:
• *бюрократическое централизованное планирование*	• *«встречное планирование»;*
• *«плановая сделка»*	
• *ведомственность, местничество*	• *самоуправление, рабочий контроль*
• *самостоятельность администрации предприятий*	• *«рабочая эстафета» и другие формы кооперации трудовых коллективов*
2) формальные товарно-денежные отношения, теневой рынок	2) реальные отмирающие товарные отношения
3) натурально-хозяйственные тенденции	
2. Отношения присвоения	
1) государственно-бюрократическое отчуждение работников:	1) элементы общенародного присвоения:
• *государственно-бюрократическая, псевдокооперативная, псевдочастная формы собственности*	• *общественные формы собственности*
• *государственно-бюрократическая эксплуатация трудящихся*	• *система социальных гарантий и приоритетов*
• *«безработица на работе»*	• *гарантированная занятость*
2) «диффузия» прав собственности между сегментами бюрократической структуры	2) концентрация части прав собственности в руках трудящихся
3) форма наемного труда и элементы внеэкономического принуждения к труду	3) ростки свободного труда
3. Отношения распределения доходов	
1) государственно-бюрократическое распределение доходов:	1) элементы распределения по труду и потребностям
• *«уравниловка», бюрократически обусловленное социальное неравенство*	• *социальные нормативы, дифференциация «по труду»; коллективные формы организации оплаты труда, частичный контроль за доходами*
• *закрытое распределение, статусный принцип распределения, бюрократические привилегии*	• *социальные гарантии: обеспечение уже и еще нетрудоспособных, бесплатное образование, здравоохранение и т. п.*
• *отставание потребительского стандарта от уровня развития производства, играющее дестимулирующую роль*	• *решение проблемы бедности, обеспечения минимального потребительского стандарта*
2) денежный фетишизм, «теневые доходы»	2) ростки потребности в труде, ориентация на социальную справедливость
4. Отношения воспроизводства	
воспроизводство «экономики дефицита»:	программируемый рост и структурная перестройка:
• *доминирование экстенсивного типа воспроизводства*	• *индустриализация и рост производительности труда*
• *слабая восприимчивость к научно-техническому прогрессу; концентрация научно-технического потенциала преимущественно в отраслях, ориентированных на военные задачи*	• *высокий уровень развития фундаментальной науки и ряда высоких технологий, высокий социальный статус творческих работников*
• *отсутствие механизма ориентации на реальные потребности, безразличие к качеству продукции и услуг*	• *высокий уровень общего образования, культуры и т. п., формирующий ориентацию на невещные потребности*
• *слабые экономические ограничения затрат ресурсов*	• *нормирование затрат, ростки соревнования за экономное использование ресурсов*

Итак, противоречие реальных ростков социализма и их мутаций было одним из ключевых в экономике нашего недавнего прошлого. Политическая экономия «социализма» (равно как и вся «официальная» наука и идеология) это противоречие, конечно же, игнорировала, и, «не замечая» вопиющих контрастов теории и жизни, продолжала строить абстрактные схемы, исходя из предвидений К. Маркса и идеализации проявлений реально существовавших ростков социализма.

Конечно же, не все ученые той поры были слепы. В 60–70-е годы появились две оппозиционные тенденции: так называемые «рыночники» и (несколько позже) — «романтики». Первые пытались соединить элементы прежней социалистической концепции с развитием рыночной экономики (на практике эта модель в несколько карикатурном виде — в силу сохранения авторитарной социально-политической системы — была реализована в Югославии и отчасти в Венгрии). Вторые осторожно намекали, пытались показать, что действительность «реального социализма» имеет мало общего и с реальными общемировыми процессами социализации, и с мировой социалистической теорией.

Впрочем, и тем и другим была уготована незавидная участь. Лишь с началом «перестройки», когда самая жизнь возопила, что «так дальше жить нельзя», что система не просто загнивает, но и находится на грани полного самораспада, в нашем Отечестве стали появляться новые подходы к пониманию сути «реального социализма».

14.3. Деформированный социализм?

Наиболее распространенным из них в начале «перестройки» была **гипотеза «деформаций социализма»**.

В соответствии с этой гипотезой мы жили при социализме, который был деформирован. При этом глубина этой деформации оценивается по-разному. Одни считают, что были деформированы лишь отдельные стороны и черты социалистических производственных отношений и хозяйственного механизма. Причина — развитие элементов бюрократизма (этот подход наиболее близок к официальной точке зрения первых лет перестройки). Другие — что была деформирована вся система (взгляд, характерный для ученых-социалистов конца 80-х годов). Третьи — что социализм был деформирован вплоть до перерождения (те же ученые-социалисты, но уже в 90-е годы).

Прежде, чем начинать объяснения, рассмотрим некоторые определения таких понятий, как превращенная форма, деформация, перерождение и т. д.

Выстроим характеристику этих категорий по степени углубления «революционности» в отношении критической оценки социализма. Первый шаг: у экономики содержание социалистическое, но господствуют *превращенные формы социалистических производственных отношений*. Этот вариант требует понимания того, что «превращенная форма» — это форма, которая «отрекается» (по образному выражению К. Маркса) от своего содержания; форма, которая создает объективную видимость того, что за ней скрыто противоположное, другое, чем на самом деле, содержание.

Почему мы говорим о том, что превращенные формы каким-то образом связаны с нашим кризисом? Скажем, для капиталистической системы производственных отношений наличие превращенных форм — закономерная ситуация. А для социализма? Авторы рассматриваемой гипотезы (вам в этой главе и в дальнейшем будет предлагаться немало гипотез) считают, что коммунистическому обществу и социализму (как его первой фазе) в принципе не свойственны отношения превращения, «переворачивания» форм, т. е. отношения, в которых объективный мир предстает перед человеком как чуждый, превратный. Это «превращение», появление превращенных форм (например, бюрократизма как превратной формы общественного управления, государственного отчуждения работников от средств производства как превратной формы общенародной собственности и т. п.) выступает как исходный пункт деформации социалистических производственных отношений.

Следующий более решительный шаг — признание имманентных *деформаций социалистической экономики.* В этом случае начинает «ломаться» (причем изнутри!) содержание производственного отношения, появляются антагонистические, отрицающие, разрушающие содержание элементы внутри него самого. К деформациям, видимо, близко явление государственной эксплуатации наемных работников, когда на место трудящихся как хозяев приходит особый привилегированный социальный слой. Это уже не просто «превращение» формы, это уже подрыв, разрушение содержательных, сущностных черт социалистической экономики — общенародной собственности.

Деформация производственных отношений социализма —

образование, в силу недостаточности социально-экономических предпосылок, таких форм движения социалистических производственных отношений, которые неадекватны их содержанию. В силу обратного воздействия такие формы также искажающее влияют и на само содержание этих отношений.

Наконец, перерождение — это такая ситуация, когда деформации начинают господствовать над тем, что деформировано, когда они становятся доминирующим явлением в экономике (грубо говоря, когда деформаций много, а того, что они деформируют, мало; но речь идет, естественно, не о количестве, а о содержании, о сути дела).

Перерождение производственных отношений социализма —

изменение, в результате недостаточности социально-экономических предпосылок, содержания социалистических производственных отношений, вплоть до превращения их в собственную противоположность.

Итак, у сторонников идеи «деформированного социализма» получается следующая картинка: у нас был социализм, но это социализм, в котором экономические отношения имели, во-первых, превращенные формы, во-вторых, были деформированы и, в-третьих (по мнению наиболее радикальной части теоретиков), начали перерождаться в нечто совершенно противоположное социализму.

Если говорить о сталинской системе, то речь, как правило, идет *о перерождении социализма* в тоталитарную социально-экономическую (а не только политическую) систему. Для последней жесткой оценки есть на самом деле немало оснований. Среди них — подавление экономической свободы человека и широкое развитие внеэкономического принуждения к труду, государственная эксплуатация отчужденного от собственности работника, всеобщее огосударствление и идеологизация экономической жизни. Наконец, если вспомнить, какое количество людей было уничтожено на протяжении десятилетий «победившего социализма», то идея переродившегося социализма, видимо, уже начнет обретать явственные черты. Но если вспомнить, наоборот, какой уровень социальной защиты, коллективизма и энтузиазма был характерен для СССР 30–50-х годов, как мальчишки и девчонки бежали в Испанию для того, чтобы помогать бороться с фашизмом и завоевывать всемирное счастье и свободу, то эта оценка покажется, хотя бы отчасти, сомнительной: отношения прошлого далеко не так просты, как может показаться.

Гипотеза превращенных форм, деформаций, перерождения — первая из тех, что позволяет хоть как-то реально объяснить, с чем мы имели дело в нашем прошлом. В некотором смысле сторонниками этой гипотезы в годы «перестройки» являлось едва ли не большинство политэкономов, которые вышли из школы Цаголова (университетской школы), из школы Кузьминова (это школа Академии общественных наук), ярославской и одесской школ политэкономии.

Часть новой генерации представителей этих школ сейчас пытается развивать тезис о том, что наше прошлое — это социализм, который был деформирован от рождения, имел *мутантный вид* (подробнее об этом ниже), дошел до стадии перерождения и вверг общество в глобальный кризис. Как правило, в качестве причин этого называются две.

Первая — недостаточно высокий уровень развития объективных предпосылок, прежде всего, производительных сил (включая человека как главную производительную силу) и культуры общества. Вторая причина достаточно тесно связана с первой и обусловлена ею: антисоциалистическая политика и идеология правящих кругов, постепенно оторвавшихся от интересов народа. Попутно заметим: социализм отличается от прошлых обществ прежде всего тем, что характеризуется качественным увеличением влияния политики на экономику, возрастанием так называемого «обратного воздействия». В некотором смысле справедливо достаточно резкое утверждение: без последовательной демократии в политике развитие производственных отношений социализма вообще невозможно, а если и возможно, то только в деформированном виде.

Такова гипотеза деформаций социализма. В чем ее эвристические достоинства и недостатки?

Давайте начнем с достоинств. Она объясняет тот кризис, в котором оказалась МСС. Деформации, прежде всего, это действительно с трудом узнаваемые производственные отношения социализма: бюрократизм вместо планомерности и общественной собственности; дефицит вместо всеобщего благосостояния; всеобщая пассивность и алкоголизм вместо всестороннего развития личности; уравниловка и нетрудовые доходы вместо распределения по труду — все это и многое другое суть не что иное, как легко узнаваемые черты недавнего прошлого. Она (с точки зрения авторов) «хороша» так же тем, что позволяет сохранить в некоторых моментах идею исторического развития общества по пути социализации, утверждая, что научное предвидение марксизма было справедливо постольку, поскольку у нас были какие-то кусочки социализма, хотя и изуродованные до неузнаваемости. Началось движение в направлении, предсказанном марксизмом, но одновременно в силу названных условий возникающий социализм был деформирован с момента рождения, а его ростки оказались скрученными в спираль и завязанными в морской узел; были сломаны те условия, из которых должен был и мог рождаться социализм.

Чем «плоха» эта идея? Во-первых, она грешит идеализмом, исходя из того, что есть некая прекрасная модель социализма, которую разработали классики марксизма, а потом их критически мыслящие последователи, которую начали претворять в жизнь, но в силу ряда условий так и не смогли «доделать», хотя этой модели в реализованном виде никто нигде никогда не видел. Происходит что-то вроде идеалистического «навязывания» жизни того, что должно было бы быть, но не получилось. А почему, собственно говоря, должно?! С чего вы это взяли?! Резонное возражение, не правда ли?

Во-вторых, не очень понятно, как при помощи гипотезы о деформациях социализма объяснить наличие существенно различающихся экономических структур в бывших «социалистических» странах. (Имеется в виду югославская, венгерская, китайская модели и, как крайний вариант административной системы — Северная Корея). Наконец, в-третьих, эта гипотеза практически никак не объясняет того, что с 1989 года в Восточной Европе, а с 1991 года в бывшем СССР, начался отказ от социалистической перспективы общественного развития.

14.4. Зигзаг истории?

Теория, в соответствии с которой **семьдесят лет развития МСС — это не более чем зигзаг, ошибка истории,** — этот, наиболее радикальный вариант объяснения нашего прошлого сегодня стал едва ли не общепринятым, хотя последнее время правящие круги стали смягчать оценки, осознав необходимость опираться на какую-то историческую преемственность с прошлым. Но, тем не менее, Октябрьская революция 1917 года по-прежнему частенько объявляется не народным восстанием, а переворотом, злокозненно учиненным большевиками; насильственной, принудительной ломкой буржуазного эволюционного развития, провозвестником

которого была февральская революция. В результате 70 лет «социалистического» развития квалифицируются как тупиковый социальный эксперимент. На данной позиции стоят не только современные отечественные праволиберальные теоретики. Едва ли не сразу после октября 1917 года ее сформулировали критики советской власти, а затем развили правые советологи. Последние, как ни парадоксально, сошлись с отечественными апологетами «реального социализма» в квалификации нашего прошлого как социализма. Но будучи сами апологетами (только другого, буржуазного строя) дали столь же недиалектическую и догматическую картинку социализма, только со знаком «минус». Если для адептов «коллективной мудрости КПСС» социализм был символом «добра» (планомерности, благосостояния, социальной справедливости), то для адептов либерализма социализм стал символом «зла» (командная экономика, дефицит, милитаризм, подавление свободы и т. п.).

И все же надо признать, что гипотеза социализма как «империи зла», тупика имеет ряд достоинств. Она «хороша», прежде всего, своим радикализмом и некоторой эмпирической достоверностью. 70 лет так называемого «социализма» показали, что тот «социализм», который мы строили и построили, был отнюдь не способен решить те задачи, на которые замахнулся и которые провозглашал. Почитайте 2-ю программу РКП(б), принятую ее VIII съездом, почитайте 3-ю программу КПСС, которая обещала к 1980 году создать материально-техническую базу коммунизма. Сравните уровень жизни, который был типичен для СССР и развитых капиталистических стран, посмотрите на уровень научно-технического прогресса (если не брать космос и ВПК) — жизнь говорит: у них лучше. Следовательно, наша история — ошибка. Ошибка?

Да, такой радикально-негативный взгляд на нашу историю очень легко, но поверхностно, сопрягается с тезисом, что социализм — это неудавшийся эксперимент, «зигзаг» истории.

Есть ли «минусы» у идеи о том, что социалистическая революция была «зигзагом» истории? Попробуем посмотреть на эту теорию с объективистской точки зрения. С этой точки зрения у нее есть два недостатка («плюсы» мы вам перед этим показали). Первый недостаток — внеисторизм, который воспроизводит теоретические ошибки (а не достоинства) едва ли еще не Адама Смита, для которого буржуазная система хозяйства была первой и последней, точнее, единственной стадией общественного развития. Был, есть и будет рынок с капиталами, акциями, с тем, что капиталист получает «справедливое» вознаграждение как собственник капитала, рабочий — за его труд, землевладелец — за то, что у него есть земля, и вообще, каждый сам за себя, один Бог — за всех (или в американском варианте — «каждый за себя, а дьявол позаботится об остальных»).

Такое понимание буржуазной действительности как венца истории, как «золотого века», который был, есть и будет — это главный порок буржуазной (извините за старомодную терминологию) методологии, который сохраняется в этой гипотезе. Ведь фактически ее авторы говорят, что социализм был не более чем нарушением традиционных норм человеческой цивилизации. Суть же исторического понимания действительности в том, что эта действительность рассматривается как система рождающихся, развивающихся и «преходящих» (умирающих) отношений, когда одно уходит, второе появляется; на смену одному экономическому строю приходит другой, а все существующие достойны гибели. Эта методология впервые была обоснована отнюдь не марксизмом; ее развивали диалектики всех времен и народов, начиная с Гераклита Темного из Эфеса и включая, наверное, самого сильного представителя классической диалектики — Гегеля. С этой точки зрения, идея социализма как «зигзага» истории оказывается мало состоятельна. Можно говорить, что зигзагом был вариант «социализма», характерный для нас. Но то, что на смену капитализму должно прийти новое общество с другими институтами и другими принципами экономической и общественной организации — это, вообще говоря, прямо вытекает из азов исторического подхода к развитию социально-экономических систем.

14.5. Объяснение «реального социализма» как особой ступени всемирно-исторического процесса перехода от «царства необходимости» к «царству свободы»

Что бы мы вам предложили в качестве нашего варианта объяснения природы советского общества? Позволим себе обрисовать некоторую попытку критического синтеза названных выше вариантов такого объяснения. Для этого нам надо попытаться взять все лучшее, что есть в различных вариантах, и каким-то образом все это диалектически синтезировать, показав сразу продукт кризиса прежней системы — трансформационную экономику, но лишь с одной стороны: как «снятый» результат, а потому «истину» генезиса, функционирования и саморазложения прежнего строя.

Объективные предпосылки и первые шаги социалистических преобразований, связанных с подрывом отношений отчуждения в конце II тысячелетия, оказались существенно изменены глубоким внутренним кризисом, а затем и крахом первоначальных ростков социализма в СССР и странах Восточной Европы. В мире в 90-е годы появилась новая реальность — пост-«социалистическая». Именно в этом мировом контексте мы можем и должны рассматривать вопрос о природе той системы, которая сложилась в странах «реального социализма» в XX веке.

Необходимой ступенькой объяснения природы «реального социализма» выступает гипотеза о наличии общеисторической тенденции нелинейного заката «царства необходимости» и генезиса «царства свободы» как общей метаосновы всех конкретных изменений, характерных для XX–XXI веков. Эта гипотеза опирается на следующую посылку: противоречия второго тысячелетия дали достаточный социальный толчок для генезиса «царства свободы», но не привели еще к формированию адекватной материальной базы для такого генезиса. В подобной ситуации неполной зрелости предпосылок отмирания отношений отчуждения, оно не может не быть длительным нелинейным интернациональным процессом. Именно его мы и обозначаем словом ***«социализм»***.

Весь вопрос, однако, в том, чтобы критически развить традиционное линейное понимание социализма как всего лишь первой стадии коммунистической общественно-экономической формации (ортодоксальный «марксизм-ленинизм»), или не более чем системы ценностей, которые могут частично реализоваться в рамках «постклассического» буржуазного общества путем реформ (социал-демократия).

Если мы поднимаемся до взгляда на процесс рождения нового общества как на интернациональный глобальный сдвиг в истории человечества, то и сам процесс трансформации «плановой экономики в рыночную» или «социализма в капитализм» приобретает новые характеристики.

При таком подходе социализм может быть охарактеризован не столько как первая стадия новой общественной формации, сколько как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму). Этот переход будет включать в себя революции и контрреволюции; первые ростки нового общества в отдельных странах и регионах, их отмирание и появление вновь; социальные реформы и контрреформы в капиталистических странах; волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений.

Нелинейность, противоречивость, интернациональность этих сдвигов составляет специфику социализма как процесса рождения нового общества во всемирном масштабе. Первоначально ростки нового общества с необходимостью будут иметь деформированный от рождения характер вследствие господства враждебной для них среды — отчуждения, характерного для классического капитализма (и принимающего еще более выпуклые формы в условиях капитализма «постклассического»), и отсутствия необходимых для них материальных предпосылок. Поэтому столь же неизбеж-

ными становятся периоды кризиса и даже гибели этих первых ростков.

Свидетельствами всестороннего кризиса «реального социализма» стал, как уже было отмечено, не только распад этого строя в странах Восточной Европы и СССР (в основе чего лежала фундаментальная неспособность этой системы — но не социализма в научном смысле слова — обеспечить более высокую, чем капитализм, производительность труда, больший простор для свободного всестороннего развития человека), но и усиление капитала, наступление «рыночного фундаментализма» и т. п.

Причиной всего этого является, прежде всего (но не исключительно — не будем забывать о глобальной гегемонии капитала), собственная природа «социализма».

Следует обратить внимание на то, что «реальному социализму» было присуще сочетание не только этих, адекватных и неадекватных движению к посткапиталистическому обществу черт, но и наличие более или менее существенных элементов собственно несоциалистических способов производства. Сочетание элементов «нового» и «старых» способов производства неизбежно в любом трансформационном социально-экономическом строе. Однако в данном случае нас больше интересует специфическое сочетание адекватных и неадекватных элементов в рамках формирования отношений «нового» способа производства.

Напомним *основные из противоречий этого строя*, рассмотренные нами в предшествующих разделах данной главы. В том, что касается *отношений координации* (аллокации ресурсов, формы связи производства и потребления, поддержания пропорциональности) такой неадекватной социально-экономической формой («мутацией»), было господство бюрократического централизованного планирования (позволяющего эффективно перераспределять ресурсы, обеспечивающего высокие темпы роста тяжелой промышленности и ВПК, но неадекватного для достижения конкурентоспособности на мировом рынке потребительских товаров и ответа на «вызовы» второй и третьей волн технологической революции). Этот механизм был внутренне ограничен явлениями «плановой сделки», «псевдоадминистративных цен», разъедался ведомственностью, местничеством, коррупцией и функционировал в условиях более или менее формального рынка (напомним, что в условиях «рыночного социализма» — например, в Венгрии в 70–80-х годах XX века большинство цен централизованно не определялось, самостоятельность предприятий была весьма высока). В то же время в разные периоды в разных странах МСС развивались ростки низового учета и контроля, самоуправления, встречного планирования, прямой производственной кооперации предприятий и другие ростки «чистых» форм пострыночной координации.

В области отношений собственности господствовали государственная и кооперативная форма (хотя были и исключения — доминирование частной собственности в сельском хозяйстве Польши, например). Содержанием их было корпоративно-бюрократическое отчуждение работника от средств производства и государственно-капиталистическая эксплуатация, на одном полюсе, социальные гарантии (занятости, жилища, среднего уровня потребления, медицинского обслуживания и образования) и стабильность — на другом.

В сфере социальной ориентации, мотивации труда и распределительных отношений положение так же было противоречивым: на одном полюсе — уравниловка, бюрократические привилегии, подавление инновационного потенциала; на другом — ростки ассоциированного социального творчества (реальный энтузиазм, коллективизм).

Отношения воспроизводства этой системы можно описать как «экономику дефицита», акцентируя при этом не только значимость ресурсных (а не спросовых) ограничений, но и наличие застойных глубинных диспропорций, слабую мотивацию НТП, наличие «безработицы на работе». В то же время, эти отношения воспроизводства позволяли обеспечить радикальные структурные сдвиги при сохранении стабильности системы в целом («уверенность в завтрашнем дне»), а в отдельные периоды (20-е, 50–60-е годы) — высочайшие дости-

жения в области науки, высоких технологий, искусства, образования.

Суть строя «реального социализма» может быть определена как тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму. Это переходный общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму. Повидимому, эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Заметим, что исследователю, пишущему о социализме на рубеже XX–XXI веков, трудно ответить на сильное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного социализма, кроме того, что был в странах мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй какой-то «деформацией» (или «мутацией»).

Эта очевидность, однако, является ничем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и может видеть только эти формы, но не сущность. Между тем в нашем исследовании без выделения сущностных тенденций не обойтись. Эти сущностные тенденции рождения «царства свободы», равно как и ростки социализма как интернационального процесса перехода к новому обществу, мы постарались показать выше (рождение постиндустриальных технологий и творческого труда, пострыночного регулирования, освобождения труда). *То, что эти сущностные черты рождающегося нового общества* (повторим: они выделяются на основе анализа объективных процессов заката «царства необходимости» и позднего капитализма) *не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса (производительных сил, человека как личности) и позволяет квалифицировать прошлое наших стран* ***как особого типа переходное общество, не сложившееся в социалистическую систему.***

Следовательно, мы можем заключить, что *в странах «мировой социалистической системы» был искажен не некий «идеал» социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к «царству свободы» и адекватные ей реальные ростки социализма* (элементы пострыночной координации, в частности, успешного планирования экономики, ассоциированного присвоения общественного богатства, социального равенства, новой мотивации труда) *развивались в деформированном от рождения виде.*

В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало потенциалом эволюции по разным траекториям (в том числе существенно отклоняющимся от пути трансформации «царства необходимости» в «царство свободы»). Особенности «среды» — уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка — привели к тому, что из этих траекторий наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, на определенном этапе — довольно успешную, но *крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему.*

Так сложился организм, который *именно в силу наличия неадекватных социализму черт* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) — далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прехождения мира отчуждения.

В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях аграрно-индустриальной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав (победа в Великой Отечественной войне — самый

могучий тому пример) и т. п. Но *в силу тех же самых причин* этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса научно-технической революции, постиндустриального, информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострявшихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века[1].

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя *в силу его бюрократической жесткости* остался крайне узким набор возможностей, позволявших приспосабливаться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому строю были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе — раковая опухоль бюрократизма, на другом — собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX века. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате именно ***в этих, более благоприятных для генезиса ростков «царства свободы», условиях*** (напомним, это был период развертывания НТР, обострения глобальных проблем и т. п., бросавший все больший вызов со стороны «общечеловеческих», т. е. собственно коммунистических ценностей и норм) ***«реальный социализм» развиваться не смог.*** Он захирел («застой») и вполз в кризис.

Когда «мягкая» модель социально ориентированного капитализма сменилась в 80-е годы «жесткой» и агрессивной праволиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы «реального социализма» достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего строя — тогда и встал выбор: либо преодоление неадекватных форм старой системы и движение в направлении к «царству свободы», либо кризис. Первое, в силу названной жесткости старой системы, оказалось возможно лишь путем разрушения этих неадекватных форм. А вместе с распадом бюрократического механизма, придававшего целостность строю «реального социализма», распался и сам этот строй. В результате «реальный социализм» умер собственной смертью (всячески ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом, не перестававшим бороться с угрозой, исходившей от альтернативного ему общества).

«Реальный социализм» — тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от «царства необходимости» (в частности, капитализма) к «царству свободы» (коммунизму); это переходный общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Неустойчивость «реального социализма» определялась не только тем, что в нем соединяются разнородные социально-экономические элементы, а выбор моделей перехода зависит, прежде всего, от внеэкономических факторов (как в любом переходном строе). Само существование этого строя, связь составляющих его разнородных элементов определяется в большей степени внеэкономическими факторами, нежели факторами естественно-исторического процесса трансформации одной социально-экономической системы в другую, в силу недостаточного развития объективных предпосылок для такой трансформации.

В то же время эта система впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировала ростки ассоциированного социального творчества («живого творчества народа») *и идеальный образ* (теоретико-художественный идеал) *будущего, коммунизма* (теория социализма и советская культура, как идеальные прообразы будущего, были именно так восприняты практически, в реальном образе жизни большинством населения).

[1] Одним из парадоксов этого процесса является обусловленность процессов некоторой социализации и гуманизации капитализма в 50–60-е годы не только внутренними противоречиями этой системы, но и влиянием МСС.

Вопросы для самопроверки

14.1. Охарактеризуйте спектр основных позиций по проблеме природы экономической системы «реального социализма».

14.2. Сравните теоретические положения об экономическом строе СССР с реальным воплощением теоретических предпосылок.

14.3. Дайте характеристику различных аспектов системы социально-экономических отношений «реального социализма» по четырем направлениям (аллокация ресурсов, отношения присвоения, распределение доходов, воспроизводство).

14.4. В чем состоит гипотеза «деформаций социализма»? Каковы ее эвристические достоинства и недостатки с точки зрения характеристики Мировой системы социализма (МСС)?

14.5. Назовите аргументы сторонников точки зрения, что социализм в СССР представлял собой «зигзаг истории». Приведите также контраргументы их оппонентов.

14.6. Охарактеризуйте основные противоречия системы «реального социализма» в СССР.

14.7. Каковы аргументы сторонников точки зрения на «реальный социализм» как на особую ступень исторического процесса перехода от «царства необходимости» к «царству свободы»?

Литература для самостоятельного изучения

- Трансформационная экономика России: Учебное пособие / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: Финансы и статистика, 2006.
- *Колганов А. И., Бузгалин А. В.* Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем: Учебник. М.: Инфра-М, 2005. С. 188–189.

Тезаурус к главе 14

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — форма собственности, предоставляющая каждому члену общества равные возможности по присвоению (производственному и личному) общественного богатства.

СВОБОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ — социально-экономическая форма связи людей, основанная на их добровольном союзе для реализации общих целей в процессе свободной деятельности.

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА — рост взаимной зависимости и взаимосвязи хозяйственных единиц индустриального производства в условиях все более усложняющегося разделения труда.

ДЕФОРМАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА — образование, в силу недостаточности социально-экономических предпосылок, таких форм движения социалистических производственных отношений, которые неадекватны их содержанию. В силу обратного воздействия такие формы также искажающее влияют и на само содержание этих отношений.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА — изменение, в результате недостаточности социально-экономических предпосылок, содержания социалистических производственных отношений, вплоть до превращения их в собственную противоположность.

«РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ» — тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от «царства необходимости» (в частности, капитализма) к «царству свободы» (коммунизму); это переходный общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Глава 15

Постсоветские трансформации: предварительные итоги

Структура главы

- Постсоветские социально-экономические трансформации: вводные замечания
- Формирование основ рыночной экономики как главный результат трансформаций
- Динамика основных макроэкономических индикаторов в трансформационный период

Основные понятия:

постсоветская экономика*
поздний капитализм полупериферийного типа
восстановительный рост
«зеленый ВВП», или «полный индекс богатства» (IWI)
социальная дифференциация

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Механизм ликвидации дефицита
- ✓ Источники роста экономики СССР
- ✓ Проблема реиндустриализации
- ✓ Финансовые резервы РФ
- ✓ Динамика благосостояния населения в РСФСР и в РФ

15.1. Постсоветские социально-экономические трансформации: вводные замечания

Распад Советского Союза был не только грандиозным геополитическим, но и качественным экономико-политическим изменением для нашей страны. В результате сформировалась новая социально-экономическая система, которую далее мы будем называть *экономикой Российской Федерации или российской социально-экономической системой.*

В задачу данного раздела не входит анализ всего хода т. н. «рыночных реформ» 1990-х годов и последующего восстановительного процесса 2000-х, а также тех глубочайших противоречий, которые характеризовали эти качественные изменения: этот анализ уже был дан авторами в ранее выходивших учебных и научных публикациях[1].

[1] См.: Экономика переходного периода: учеб. пособие для вузов по направлению «Экономика» и спец. «Теорет. экономика» / Под ред. В. В. Радаева, А. В. Бузгалина. М.: Издательство МГУ, 1995; *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Теория социально-экономических трансформаций: Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире: Учеб. для студентов экон. специальностей. М.: ТЕИС, 2003; Трансформационная экономика России: учеб. пособие / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: Финансы и статистика, 2006; *Бузгалин А., Колганов А.* Либерализация versus модернизация (сравнительный анализ переходных экономических систем) // Вопросы экономики. 1997. № 8; *Бузгалин А. В.* Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. 1995. № 2. С. 40–49.

Подчеркнем лишь, что **постсоветские социально-экономические трансформации** затронули:

(1) *производительные силы*, вызвав существенное изменение структуры экономики, главными из которых были, с одной стороны, резкое сокращение высокотехнологичного производства и деиндустриализация, с другой стороны — значимый рост таких сфер как торговля и коммерческие услуги;
(2) *производственные отношения,* где на смену преимущественно плановой системе, основанной на государственно-общественном присвоении, пришли отношения, основанные преимущественно на рынке и частнокапиталистическом отчуждении;
(3) *институционально-правовую и политическую сферы.*

В результате этих четвертьвековых качественных изменений (часто неточно называемых «рыночными реформами») российская социально-экономическая система обрела относительно устойчивый вид, который в основном можно отнести к одной из разновидностей *позднего капитализма полупериферийного типа*, спецификой которой, однако, является то, что она *сохраняет многие черты экономики советского типа.*

Постсоветская экономика:

является разновидностью *позднего капитализма полупериферийного типа*, спецификой которой является сохранение некоторых черт экономики советского типа.

Анализу этой системы и посвящен данный раздел.

Значимые внутренние противоречия, присущие российской социально-экономической системе, обусловливают и принципиальные различия в оценке итогов трансформационных процессов последних десятилетий. Для этих оценок типичны два полярных мнения и широкий спектр оценок, лежащих в интервале между полюсами.

Как несложно догадаться, один из этих полюсов — принципиально позитивная оценка, суть которой состоит в том, что в России при всех трудностях переходного периода состоялся переход к открытой рыночной экономике, в которой отсутствует дефицит товаров и услуг, удовлетворяется любой платежеспособный спрос, а для частного собственника открыты возможности предпринимательской активности и практически безграничного увеличения своего богатства. Правда, в геополитических условиях, возникших начиная с 2014 года, по мнению данных — как правило стоящих на позициях неолиберализма — авторов названные возможности стали весьма ограничены.

Прямо противоположная позиция, типичная для сторонников левых взглядов (в широком спектре — от социал-демократических до коммунистических), состоит в том, что постсоветские трансформации привели не к позитивному снятию (преодолению недостатков и развитию достижений), а к разрушению советской экономической системы и так называемой «негативной конвергенции» — соединению худших черт советской и периферийной капиталистической моделей.

Рассмотрим подробнее основные объективные показатели, характеризующие российскую экономику спустя почти четверть века после ухода советской системы.

Начнем с ***позитивных*** результатов, которые принципиально важно принимать во внимание.

15.2. Формирование основ рыночной экономики как главный результат трансформаций

Среди основных позитивных результатов — *ликвидация дефицита товаров и услуг.* При общем сохранении (или незначительном сокращении/увеличении) объемов потребления основных товаров и услуг в натуральном выражении введение свободных цен привело к сбалансированности платежеспособного спроса и предложения.

Механизм ликвидации дефицита

Для этого, на первый взгляд, кажущегося парадоксальным положения, есть хорошо известные объяснения: рынок создает объективную видимость изобилия товаров и того, что он создает условия для удовлетворения любых потребностей каждого индивида. Здесь, однако, как и в других разделах нашего исследования, существенно различение содержания экономических феноменов и их превратных форм. Кажется, что на рынке удовлетворяются потребности, но содержанием является удовлетворение лишь платежеспособного спроса. Этот «нюанс» указывает на присущий рыночной экономике механизм отсечения беднейших слоев (в частности, до половины россиян) от удовлетворения многих жизненно-важных потребностей (например, в качественном жилье, медицинском обслуживании, образовании и т. п.).

В своеобразной форме примерно о том же говорит даже исследование специалистов Высшей школы экономики. Объясняя тот факт, что 1990 год воспринимался как год дефицита, а 2000 г. — как год изобилия, хотя объем продаж многих товаров длительного пользования достиг уровня 1990 г. только к 2000–2003 гг., они отмечают, что, с одной стороны, рыночные цены равновесия ограничивают спрос, с другой стороны, предложение товаров и брендов расширилось, и при покупке того же количества товаров выбор потребителя стал гораздо шире.

Ряд иллюстрирующих эти изменения данных представлен в табл. 15.1. Безусловно, за 20 с лишним лет в разы выросло потребление ряда товаров, которые были сконструированы и появились на рынке именно за эти 20 лет (компьютеры, мобильные телефоны и т. п.), а также автомобилей, косметики и т. п. Но и в РСФСР объемы потребления вновь появлявшихся товаров (это следствие структурных изменений на потребительском рынке, регулярно происходящих вследствие научно-технического прогресса), а также предметов длительного пользования (холодильников, телевизоров, автомобилей) возрастали в разы за пятилетку и едва ли не в десять — двадцать раз за 20 лет. Так, обеспеченность автомобилями на 1000 человек населения увеличилась за 20 лет — с 1970 по 1990 гг. более, чем в 10 раз (с 5,5 ед. до 58,5 ед.), тогда как за последующие 20 лет «реформ» — в 4,4 раза (и это при том, что в советский период государственное регулирование было направлено на сдерживание роста личного легкового автотранспорта, что имело свои резоны).

Таблица 15.1

Обеспеченность населения товарами длительного пользования в 1970–2012 гг.

Наличие предметов длительного пользования на 100 домашних хозяйств:	Годы				
	1970	1980	1990	2000	2012
легковые автомобили (на 1000 жителей)	5,5	30,2	58,5	130,5	257,5
телевизоры, шт.	137	124	133	138	174
видеомагнитофоны, видеокамеры, шт.	9	43	57	66	46
персональные компьютеры, шт.	—	—	13	26	86
мобильные телефоны, шт.	—	—	25	104	244
музыкальные центры, шт.	—	—	24	34	38
холодильники, морозильники, шт.	114	113	114	117	125
стиральные машины, шт.	102	97	93	97	101
электропылесосы, шт.	77	80	78	84	93
микроволновые печи, шт.	—	—	—	25	69

Источник: данные Росстата.

Вторым важным позитивным достижением стало *восстановление до уровня 20-летней давности* (по расчетам критиков «реформ») или даже *увеличение по сравнению с 1991 годом примерно на 30 % среднего* (по данным официальной статистики) *уровня доходов*[1]. Этот результат является едва ли не наиболее чувствительным для граждан нашей страны.

При этом, правда, как отмечают эксперты Высшей школы экономики, работавшие под руководством профессора Е. Г. Ясина (а их трудно заподозрить в больших симпатиях к советской системе, равно как и антипатиях к рыночным «реформам»), в результате резко возросшей социальной дифференциации населения к 2009 году существенно (более чем в 2 раза) улучшили свое положение по показателю реальных денежных доходов только высшие 20 % россиян. Еще 20 % наших граждан (третья квинтильная группа) 20 лет спустя после распада РСФСР живут так же, как и почти четверть века назад (при этом они смогли достичь уровня 1991 г. только к 2007 г.). Наконец, низшие 40 % россиян живут хуже, чем в нашей стране конца 1980-х., при этом половина из них живут почти в два раза хуже, чем в дореформенный период (реальные денежные доходы составляли в 2009 г. 55 % от уровня 1991 г.).

Авторы, более критично оценивающие результаты трансформаций, указывают, что для большинства населения реальные показатели качества жизни и, в частности, объемов потребления, существенно хуже, а мера дифференциации еще выше, чем накануне реформ.

В любом случае, мы можем сделать вывод, что экономические и социальные достижения периода реформ во многом сводятся на нет для большинства россиян вследствие резко выросшего уровня имущественного неравенства[2].

К третьему достижению последнего двадцатилетия относится *восстановительный рост* не только в сырьевых, но и в некоторых других отраслях реального сектора экономики. В частности, за 2000-е годы были созданы сотни промышленных предприятий (в большинстве своем являющихся цехами по сборке, розливу и т. п. продукции ТНК или поставке им комплектующих), восстановлено производство на ряде предприятий ВПК, растет доля экспорта продуктов первичной переработки сырья. Более того, наблюдалась нелинейная тенденция роста производительности труда, причем не только в целом по экономике (здесь большую роль играл рост выработки на одного занятого в сфере услуг, торговле и т. п.), но и в ряде отраслей промышленности, а также в сельском хозяйстве[3].

Наконец, важнейшим позитивным результатом «реформ» экономисты праволиберального направления считают *формирование в нашей стране основных институтов рыночной экономики и частной собственности.*

Здесь, однако, сразу же требуется оговорка: с нашей точки зрения рынок и частная собственность сами по себе не есть «результат»; сами по себе они — всего лишь одно из средств достижения результатов, которые ставит перед собой общество. Если же мы к числу таких результатов относим существенные позитивные результаты в области повышения человеческих качеств (удовлетворение материальных и духовных потребностей, продолжительность жизни, уровень образования и культуры, безопасность, ...), прогресс технологий, решение экологических проблем и т. п., то трансформации последних 20 лет привели к по-

[1] Рассчитано для 2012 г. по сравнению с 1991 г. по: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник. 2013»). Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

[2] См.: Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрущак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2011. С. 69–70.

[3] Подробнее об этом см.: *Эпштейн Д. Б.* Россия-2013: противоречия экономической эволюции // Альтернативы. 2014. № 1.

зитивным сдвигам только в одной сфере — *удовлетворении платежеспособного спроса широким ассортиментом преимущественно зарубежных потребительских товаров и услуг.*

Здесь результаты налицо: оборот розничной торговли за этот период вырос почти в 3 раза (по расчетам на основании индекса физического объема оборота розничной торговли уровень 2012 г. в 2,93 раза выше уровня 1991 г.)[1], а объем платных услуг населению за этот период вырос почти в 2 раза.

Однако все остальные социальные индикаторы, как мы покажем ниже, либо ухудшились (положение беднейшей части населения, индекс человеческого развития), либо незначительно улучшилось (средние доходы населения). В сравнении с темпами роста всех этих показателей даже в годы «застоя» (не говоря уже о десятилетии «оттепели») эти результаты выглядят более чем скромно. И это притом, что сравниваем мы с «неэффективной» (по мнению авторов «реформ») плановой экономикой РСФСР.

Поэтому называть в качестве позитивных *результатов* (достижений) само по себе создание частной собственности и свободного предпринимательства (если оно в РФ свободно...), фондового рынка и сотен банков, и т. д. и т. п. некорректно: все это не более чем *средства*, которые могут приносить, а могут и *не* приносить продвижение по пути социального, гуманитарного, технологического и т. п. прогресса.

После этих ремарок следует обратиться к краткому комментарию основных общеизвестных макроэкономических индикаторов.

15.3. Динамика основных макроэкономических индикаторов в трансформационный период

Как известно, официальная статистика показывает, что за эти годы *валовой внутренний продукт страны* сначала сократился почти в два раза, после чего начался экономический рост. По данным Росстата ситуация выглядела следующим образом (см. рис. 15.1).

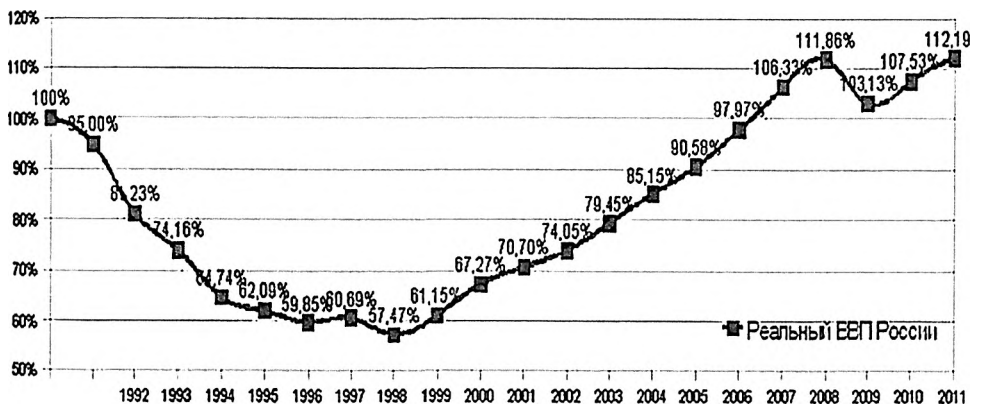

Рис. 15.1. Динамика ВВП России. *Источник:* Росстат

[1] Согласно расчетам авторов на основе данных Росстата. Источник данных: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник. 2013»). Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

Расчеты других экономистов гораздо менее оптимистичны и показывают незначительное превышение ВВП по сравнению с советским уровнем. Так, по данным Д. Котца и Ф. Виара, основанным на статистике МВФ и данных Росстата соответствующих периодов, а не современных ретроспекций, *максимальный спад ВВП РФ составил 51,2 %*[1], а не 43 % (данные Мирового банка). Соответственно, и нынешнее соотношение ВВП РФ в 2013 к 1990 году будет выглядеть существенно менее оптимистично.

В любом случае, большинством экономистов признается, что российская экономика росла в начале 2000-х годов во многом вследствие устойчиво высоких цен на энергоносители и сырьевые товары, составляющие абсолютно лидирующую часть российского экспорта.

Источники роста экономики СССР:

Напомним, что для послевоенной экономики СССР основным источником роста национального дохода было увеличение производительности труда. Так, за счет роста производительности труда за военные годы и в четвертой пятилетке было получено 69 % всего прироста промышленной продукции, в пятой пятилетке — 68 %, в шестой пятилетке — 72 %, в седьмой пятилетке — 62 %, в восьмой пятилетке — 73 %.

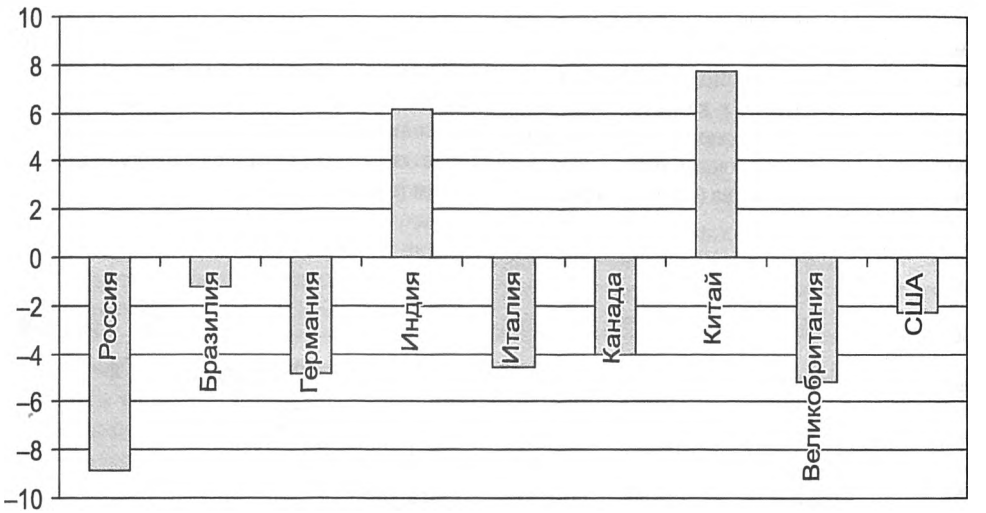

Рис. 15.2. Динамика реального объема ВВП за 2008–2009 гг. (в %)[2]

Существенно, что вследствие высокого уровня экономической зависимости российской экономики от мировой экономический кризис 2008–2010 гг. оказался для России одним из самых глубоких в мире: кумулятивный спад около 9 % против 3–5 % в странах ЕС и США (см. рис. 15.2); для Китая кризис вообще обернулся всего лишь сокращением темпов *роста* до 7 % в 2009–2012 гг.[3] Последние годы наша страна переживает период медленного роста, грозящего обернуться спадном (темпы роста ВВП в

[1] *Котц Д., Виар Ф.* Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия. М., 2013. С. 299.

[2] *Анисимова Г. В.* Неравенства в Российском обществе: динамика и проблемы // Альтернативы, 2014, № 1.

[3] См.: Россия и страны мира. 2012.: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.

в 2010–2014 гг. снижались, а в 2015 году стали отрицательными).

Итак, в области такого обобщающего макроэкономического показателя как валовой внутренний продукт в результате более чем 25 лет «реформ» российская экономика лишь незначительно превысила уровень «неэффективной», «кризисной» (оценки авторов «реформ») экономики РСФСР.

Безусловно, одним из важнейших индикаторов результатов эволюции экономической системы является *структура экономики* и, в частности, динамика современных высокотехнологичных производств. Если обратиться к общей оценке ситуации, то здесь едва ли не общепринятым является вывод о том, что в нашей стране оказался почти полностью разрушен высокотехнологичный сектор, ВПК восстанавливается с большим трудом и преимущественно на основе технологий и разработок советской поры. То же касается космоса. Авиастроение по объемам производства находится на уровне более чем полувековой давности.

Что касается образования, то здесь количественные результаты выглядят позитивно. Так, по количеству студентов на душу населения РФ в государственных и негосударственных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования РФ в 1,8 раза превосходит РСФСР 20-тилетней давности[1], но качество вузовского образования оставляет желать много лучшего, с чем согласны почти все представители образовательного сообщества[2], да и мировые рейтинги ведущих отечественных университетов упали по сравнению с советским периодом.

В то же время постреформенный период характеризовался (особенно в 2000-е годы) ростом таких сфер, как торговля и услуги.

В последние годы наметились позитивные сдвиги в некоторых подотраслях и типах производств в несырьевом реальном секторе экономики. Это касается в первую очередь сборочных производств, разливки, упаковки и т. п. товаров, а также (хотя и в меньшей степени) некоторых подотраслей промышленности и сельского хозяйства. В первом случае этот рост является следствием активного продвижения на российские рынки транснациональных компаний или их дочерних российских фирм. Во втором — результатом развития среднего отечественного бизнеса и сращенных с государством крупных производств (региональные агропромышленные объединения и т. п.).

В целом, однако, в несырьевом реальном секторе российской экономики сохраняется не только существенное отставание от развитых стран, но и от уровня развития ключевых отраслей реального сектора РСФСР 1990 года.

Проблема реиндустриализации:

Такое положение в ключевых отраслях экономики является едва ли не общепризнанным. Сама по себе постановка официальными властями РФ проблемы реиндустриализации симптоматична. Причем — подчеркнем — задачи реиндустриализации, которые ставят лидеры развитых стран Запада и власти РФ качественно различны: там речь идет о возврате промышленных производств, ранее вынесенных в новые индустриальные страны и расширении высокотехнологичного материального производства, адекватного вызовам XXI века, а у нас — о восстановлении разрушенной советской индустрии при опасной зависимости от ввоза современных технологий из-за рубежа.

[1] В сравнении уровня 2012 г. с уровнем 1992 г. Рассчитано по: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник. 2013»). Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

[2] Обзор материалов на эту тему см. в: *Смолин О. Н.* «Русь, куда ж несешься ты?» (некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы). Часть 1 // Философские науки. 2013. № 11. С. 5–25.

В *финансовой сфере* к числу достижений относится создание значительного золотовалютного запаса (если на начало 1993 г. золотовалютный запас составлял 4,5 млрд долл., то на начало 2014 г. — уже 509,6 млрд долл.; начавшееся затем ухудшение экономической ситуации вызвало постепенное сокращение резервов).

Финансовые резервы РФ:

Рост золотовалютного запаса, впрочем достижение весьма сомнительного свойства. Во-первых, подавляющая часть этого запаса — валюта и ценные бумаги США и ЕС, которые, как известно, (а) малодоходны и (б) устойчивы лишь в той мере, в какой сохраняется доминирующее экономическое и геополитическое положение этих «протоимперий». Во-вторых, эти вложения в экономику наиболее развитых стран Запада оказываются невыгодны для российского производителя, который вынужден брать кредиты под проценты, многократно превышающие те, что мы получаем от Запада. Российские банки фактически жили тем, что присваивали разницу между ставкой зарубежных кредитных источников, и той ставкой процента, по которой они предоставляли кредиты внутри страны. Вместо долгосрочных и недорогих кредитов и прямых инвестиций, обеспечивающих реализацию целевых программ развития высокотехнологичных секторов, образования, науки и т. п. сфер экономики России, отечественные производители брали кредиты у зарубежных финансовых институтов, которые, к тому же (это уже камень в огород российского бизнеса) использовались преимущественно в сырьевом и посредническом секторах (преимущественно для финансовых спекуляций). Когда же введенный Западом в 2014 году режим санкций существенно затруднил доступ к западным кредитам, политика запрятывания финансовых резервов в кубышки еще более обнажила свою несостоятельность.

Что касается *инфляции,* то не следует забывать, что за годы «реформ» цены в стране выросли боле чем в 100 тысяч раз, а по некоторым группам товаров и более (например, проезд в Московском метро, широкий круг услуг) — в 600 тысяч раз... В 2000-е годы рост цен замедлился до 6–10 % в год, но прошлое не оставляет: инфляционные ожидания остаются высокими. Да и инфляция в 6–10 % для развитых стран была бы вполне достаточным основанием для признания макроэкономической политики неэффективной. В России же это... большое достижение. И еще одна деталь: по мнению многочисленных экспертов рост цен на базовые потребительские товары, услуги ЖКХ и другие блага, составляющие основу расходов большинства граждан России, составляет существенно более 10 % в год.

Существенно, что для «рядовых» граждан России актуальным является сопоставление стабильно поддерживавшихся цен на основные товары в конце существования СССР и в настоящее время в соотношении со средней заработной платой. На эту тему сделано немало исследований и практически все они показывают, что для большинства граждан, получавших тогда заработную плату 150–350 руб. в месяц (низкоквалифицированный рабочий — высококвалифицированный рабочий в промышленности, ассистент — доцент в вузе) и получающих сейчас 15 000–35 000 руб. (т. е., с учетом деноминации, в 100 000 раз больше) соотношение цены/зарплата оказывается:

- негативным для таких сфер как жилье, образование, культура, транспорт (плата за жилье выросла в 200 000–1 000 000 раз, билеты в театр и кино — 300 000–500 000 раз, городской транспорт — 300 000–500 000 раз и т. п.);
- нейтральным или негативным по большинству продуктов питания (рост цен в среднем около 100 000 раз; например, мясо в СССР стоило 2 руб. в магазине, где оно было в дефиците, и 4–6 руб. в свободной продаже на рынке;

сейчас оно стоит 200–400 руб., хлеб — 18–26 копеек за 1 кг. в СССР, 20–100 руб. в РФ, молоко — 32 коп. за 1 литр и 40–60 руб. соответственно; обед в заводской или университетской столовой тогда стоил 60–80 коп., сейчас — 150–200 руб.);

- позитивным по таким товарам как одежда и товары длительного пользования (при оценке этих товаров в СССР по ценам на черном рынке, например, джинсы у спекулянта тогда стоили 150–200 руб., сейчас 500–1500 руб.) или нейтральным (при оценке на государственном рынке, например, шерстяной мужской костюм тогда стоил 100–150 руб, сейчас — 10 000–20 000 руб.).

Если же перейти от макроэкономических индикаторов, по преимуществу используемых в неоклассической теории, к показателям ***развития***, то здесь статистика покажет существенное ухудшение по сравнению с советским периодом. Так, *«зеленый ВВП»*, или *«полный индекс богатства»* (*IWI*), рассчитанный экспертами ООН[1] в нашей стране снижался даже в период экономического роста начала 2000-х: природные ресурсы страны сокращались на 0,3 % в год, с такими же среднегодовыми темпами сокращался индекс IWI на душу населения[2]. По *индексу человеческого развития* наша страна занимает места в районе 60-го (в 2011 году — 66-е, отставая от Аргентины, Чили, Мексики, Румынии...[3]), что существенно ниже чем показатели двадцатилетней давности (тогда СССР входил в первую десятку; для РСФСР эти показатели аналогичны: по ВВП на душу населения, продолжительности жизни и образованию Россия мало отличалась от среднего советского уровня).

По другим *социальным индикаторам* ситуация так же свидетельствует о либо ухудшении, либо о крайне незначительном улучшении ситуации, по сравнению с — напомним — кризисным (!) 1991 годом. Выше мы подчеркнули, что *в среднем* объем потребления в сопоставимых ценах за четверть века вырос примерно в 1,3 раза, но при этом большинство населения либо незначительно улучшило свое положение, либо стало жить хуже (речь идет о 60 % населения, образующих три нижних квинтильных — 20 %-ных — группы населения, две из которых не достигают по величине реальных душевых доходов уровня 1991 года, а доходы третьей группы находятся на уровне 1991 г., т. е. в совокупности речь идет о 60 % населения). Количество работников, доходы которых ниже прожиточного минимума (а в него *не входит*, например, аренда квартиры, сложные медицинские услуги и мн. др.) возросло за 20 лет примерно в 4 раза и составило в начале 2015 года более 20 млн человек. Число взрослых и детей, ставших бездомными и нищими, превышает миллион.

Еще более значительным является рост социальной дифференциации. Официальные данные показывают, что он вырос многократно. Так децильный коэффициент в современной России по официальным данным составляет 16 раз (см. рис. 15.3), но оценки экспертов гораздо более категоричны: 25–30 раз[4].

Существенно, что социальная дифференциация значимо сказывается на качестве жизни, что можно проиллюстрировать хотя бы данными о заболеваемости групп населения с разным уровнем доходов (см. табл. 15.2).

Противоречия, связанные с крайне высоким уровнем социальной дифференциации, усугубляются тем, что эта дифференциация затрагивает не только доходы, но и богатство: по данным Global Wealth Report 2013 в России 110 человек контролируют 35 % национального богатства[5]!

---

[1] Inclusive Wealth Index (IWI) дает представление о реальном богатстве страны, включает в расчеты показатели промышленности, человеческого и природного капитала. Подр. См.: Inclusive Wealth Report 2012, Measuring progress toward sustainability // Cambridge University Press, 2012. С. XXIII–XXIV

[2] Inclusive Wealth Report 2012, Measuring progress toward sustainability // Cambridge University Press, 2012. С. 36.

[3] Доклад о человеческом развитии., М., 2011.

[4] См.: *Смолин О. Н.* Социальная справедливость: не «все поделить», но «делиться надо» // Альтернативы, 2014, № 1.

[5] Global Wealth Report 2013 // CREDIT SUISSE AG. С. 53.

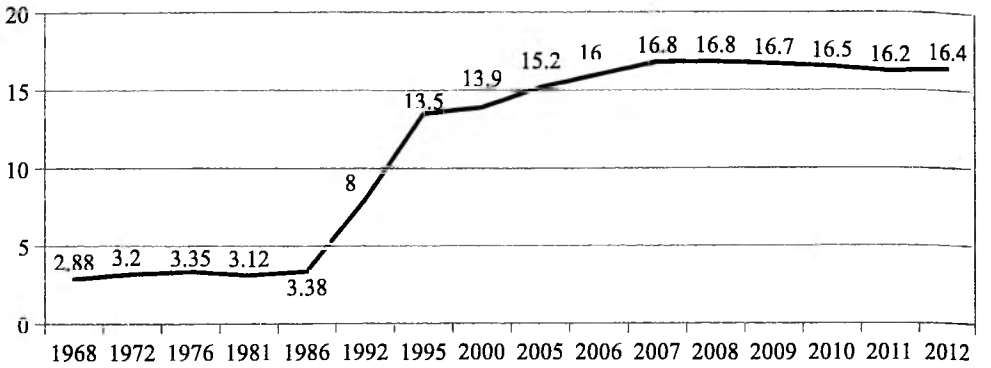

Рис. 15.3. Динамика коэффициента фондов[1]

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2001. С. 130; Российский статистический ежегодник. 2011. М.: Росстат, 2011. С. 176; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/ urov_32kv.htm (дата обновления 18.04.2013).

Таблица 15.2

Заболеваемость в группах с разным уровнем доходов (в %)[2]

Заболевания	Уровень доходов			Всего
	высокий	средний	низкий	
Остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
Гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
Артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
Холецистит	7,6	13,4	12,8	10,0
Бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
Патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
Язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
Мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
Диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
Астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения». М.: Росстат, 2009. Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm (дата обращения: 05.10.2012).

[1] *Анисимова Г. В.* Неравенства в Российском обществе: динамика и проблемы // Альтернативы, 2014, № 1.
[2] Там же.

Динамика благосостояния населения в РСФСР и в РФ:

Обратим внимание: *выше мы все время сравнивали РФ 2012–2013 гг. с РСФСР 1990–1991 гг.* Если предположить, что «реформы» шли по действительно эффективной траектории, то за это время страна должна была пройти такой же путь, какой СССР прошел от, скажем, послевоенного 1946/50 до 1970-го. Давайте вспомним, как изменились объемы потребления граждан, уровень образования, продолжительность жизни, научно-технический потенциал, производительность труда и т. п. за эти годы (см. табл. 15.1). Тогда они росли. И росли быстро. Посмотрим только на те показатели, где в РФ за 1991–2012 гг. произошли позитивные сдвиги. Реальные доходы выросли тогда за 20 лет почти в 3 раза, сейчас — в 1,3 раза; розничный товарооборот тогда увеличился в 5 раз, сейчас — в 3; в 7–10 раз вырос объем потребления товаров длительного пользования и т. п. И это происходило в «неэффективной» по определению (определению таких «авторитетов» как Хайек, Мизес и т. п.) плановой экономике.

Приведенный выше короткий обзор основных результатов постсоветского развития в РФ был сделан не для того, чтобы в очередной раз дать критику проводившихся в РФ «реформ».

Задача данного обзора состояла в том, чтобы поставить *проблему*: почему в стране с (1) огромными природными ресурсами, (2) высоким уровнем человеческого потенциала и, в частности, одной из лучших в мире систем образования, науки и культуры, (3) одним из самых мощных военно-промышленных комплексов, сосредотачивавшим в своих недрах сильные высокотехнологичные производства, а так же (4) в целом удовлетворительным индустриальным производством (на уровне среднеразвитых стран Европы и выше, чем в Третьем мире), — *почему в стране с **таким** потенциалом переход от «неэффективной» (как казалось) плановой экономики к «эффективной» (как утверждается) рыночной экономике привел к глубокому кризису, который с трудом удалось преодолеть, оказавшись почти 25 лет спустя на стартовом уровне?*

Ответ на этот вопрос дает анализ специфики постсоветской социально-экономической системы.

Вопросы для самопроверки

15.1. Охарактеризуйте основные позитивные результаты постсоветских социально-экономических трансформаций.

15.2. Как Вы можете охарактеризовать динамику основных макроэкономических индикаторов в трансформационный период?

15.3. Приведите характеристику изменений благосостояния населения в постсоветский период.

Литература для самостоятельного изучения

- Экономика переходного периода: учеб. пособие для вузов по направлению «Экономика» и спец. «Теорет. экономика» / Под ред. В. В. Радаева, А. В. Бузгалина. М.: Издательство МГУ, 1995.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Теория социально-экономических трансформаций: Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире: Учеб. для студентов экон. специальностей. М.: ТЕИС, 2003.
- Трансформационная экономика России: учеб. пособие / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: Финансы и статистика, 2006.
- *Бузгалин А., Колганов А.* Либерализация versus модернизация (сравнительный анализ переходных экономических систем) // Вопросы экономики. 1997. № 8.
- *Бузгалин А. В.* Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. 1995. № 2. С. 40–49.
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрущак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др.;

рук. авт. колл. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2011.

- *Эпштейн Д. Б.* Россия-2013: противоречия экономической эволюции // Альтернативы. 2014. № 1.
- *Эпштейн Д. Б.* От политики падения к стратегии роста // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 19–32.
- *Котц Д., Виар Ф.* Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия. М., 2013.
- *Анисимова Г. В.* Неравенства в Российском обществе: динамика и проблемы // Альтернативы. 2014. № 1.
- *Смолин О. Н.* «Русь, куда ж несешься ты?» (некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы). Часть 1 // Философские науки. 2013. № 11. С. 5–25.

Тезаурус к главе 15

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: является разновидностью позднего капитализма полупериферийного типа, спецификой которой является сохранение некоторых черт экономики советского типа.

Глава 16

Система производственных отношений постсоветской России: мутации позднего капитализма полупериферийного типа

Структура главы

- Отношения координации в российской экономике
- Собственность: негативная конвергенция отношений государственно-бюрократического, капиталистического и добуржуазного отчуждения и присвоения
- Воспроизводственный процесс в России: причины и последствия экстенсивной модели эволюции

Основные понятия:

локальное корпоративное регулирование рынка
теневое государственное регулирование
«ручное» государственное управление
дорыночные отношения координации
отношения и права собственности в России
отношения собственности в кланово-корпоративной группе
отношения присвоения и отчуждения
экстенсивный тип воспроизводства
воспроизводственная ловушка постсоветской экономики

Углубление отдельных вопросов темы:

- ✓ Локальное корпоративно-капиталистическое регулирование
- ✓ О величине трансакционных издержек
- ✓ Альтернатива современной модели собственности
- ✓ О соотношении отношений отчуждения/присвоения, типичных для России и развитых стран
- ✓ О соотношении субъективного и объективного в интересах корпоративно-бюрократической номенклатуры
- ✓ Различие роли номенклатуры в экономике СССР и в экономике РФ

Как было сказано выше, в России в результате более чем 20 лет трансформаций сложилась весьма своеобразная система производственных отношений и институтов, имеющая форму, типичную для полупериферийных моделей позднего капитализма. Содержание этой системы, однако, имеет свою значимую специфику.

Ниже мы рассмотрим специфику отношений (1) координации (аллокации ре-

сурсов) и, в частности, рынка и регулирования, (2) присвоения и отчуждения (собственности) и (3) воспроизводства (в частности, вопросы специфических параметров развития, кризисов и т. п.).

16.1. Отношения координации в российской экономике

Разрушение преимущественно планово-бюрократической системы отношений координации (бюрократической планомерности) привело к возникновению в России сложного комплекса, объединяющего способы *координации ресурсов и поддержания пропорциональности развития.*

Эти способы включают:

- характерные для позднего капитализма формы рынка (и их мутации);
- государственное регулирование (и его мутации);
- элементы добуржуазной координации.

Собственно рынок как форма координации в «классическом» виде в российской экономике присутствует разве что в сферах массового потребления. Большая же часть пространства рыночной координации занята существенно отличными от абстрактной модели рынка отношениями.

В современной российской экономике доминируют формы рынка, присущие позднему капитализму, но, как правило, в *неразвитом и деформированном виде.* Их дополняют не только «классические» формы рынка, но и широкий спектр полуфеодальных форм.

Причина этого в том, что характерные для капитализма *товарные отношения* (*«рынок»*) сложились в российской экономике как система, первоначально в основном подчиненная нерыночным или не вполне рыночным формам и потому сама живет в деформированном виде. Аналогом здесь может служить значимо деформированный традициями и личной зависимостью рынок эпохи Средневековья. В нашей стране характерные для позднего капитализма рыночные механизмы формирования пропорций, стимулирования производителей и т. п. (в частности, олигополистическая конкуренция) работают, но, во-первых, в весьма специфическом виде и, во-вторых, будучи лишь одним из ряда способов координации.

В силу этого специфические для позднего капитализма трансформации рынка (олигополизм, неравная «рыночная власть» акторов) в российской трансформационной экономике приобрели вид локального *корпоративно-монополистического управляющего воздействия на рынок, подрывающего отношения саморегулирования и позволяющие манипулировать участниками рыночных отношений.*

16.1.1. Специфика рынка и его локального корпоративного регулирования

Существенно, что отношения корпоративного регулирования рынка в России развертываются в виде мутации «классического», характерного для развитых экономик, вида. Происходит это в значительной степени вследствие наличия государственно-бюрократических и позднефеодальных переходных форм.

Свобода товаровладельца в трансформационных экономиках достаточно иллюзорна: его поведение детерминируется крупнейшими корпорациями. Впрочем, это регулирующее влияние, конечно, несколько слабее, чем в прошлом – бюрократическое. Отметим, что и в прошлом, и ныне эта детерминация значительно варьирует: если ранее это была разница между «слабым» планом в Венгрии с конца 1960-х годов и «сильным» планом в СССР 1950-х годов, то сейчас – между «слабой» властью корпоративных объединений в некоторых областях сервиса и «сильной» властью в «городах-заводах» типа Магнитогорска или Норильска.

Локальное корпоративно-капиталистическое регулирование:

В экономической теории этот механизм локального корпоративного регулирования хорошо известен. В неоклассике он характеризуется как «рыночная власть». В классическом институционализме Дж. Гэлбрейта — как «плановая система», которую корпорации создают вокруг себя, формируя диффузное пространство воздействий на потребителей и субпоставщиков через рекламу и массу других каналов. В новом институционализме — как неравная «переговорная сила». В марксизме — как локальное, частичное полицентричное регулирование экономики со стороны крупнейших корпораций (последние положения были развиты в поздних работах Ф. Энгельса, в сочинениях В. И. Ленина и в исследованиях критически мысливших советских ученых 1960–1970-х годов, которые ввели понятие «неполной, монополистической планомерности»). Применительно к системе советского типа, где такое локальное регулирование также имело место наряду с централизованным планированием, этот феномен был назван Я. Корнаи «вегетативным контролем» (по аналогии с центральной и вегетативной нервной системой человека).

Этот механизм качественно отличен как от народнохозяйственного планирования и регулирования, так и от рыночного саморегулирования. Более того, он отличен и от базовой модели олигополистической конкуренции, ибо включает возможность сознательного воздействия не только на цену, но и на ряд других параметров контрагентов, попадающих в «поле зависимости», формируемое корпорацией.

Это поле, подобное магнитному, воздействует на:

- содержание, структуру и объем спроса потребителей продукции данной корпорации;
- объемы, качество, технологии производства ее субпоставщиков;
- производственные программы сопряженных фирм;
- стратегии развития входящих в орбиту влияния корпорации структур;
- динамику, объемы, структуры покупок и продаж; параметры образа жизни конечных потребителей.

Рыночная цена здесь является, таким образом, далеко не единственным и не главным параметром регулирующего воздействия.

Потенциал («силу») для такого регулирующего воздействия корпорация получает отнюдь не только вследствие монополизации определенной части рынка. В современных условиях едва ли не ведущую роль играет финансовый контроль, контроль за информационными потоками, сращенность с государственным аппаратом разных уровней, личная уния на уровне ключевых собственников, топ-менеджеров, инсайдеров (зачастую это одни и те же физические лица).

В условиях развитых рыночных экономик эти феномены не слишком очевидны (хотя и исследуются в отдельных работах, как правило, не экономических) и, по-видимому, не играют существенной роли. В России создаваемые нашими корпоративными структурами «поля зависимости» брутально-акцентированы. Сложившийся в российской экономике механизм *локального полицентричного корпоративного регулирования* является *главным параметром, определяющим аллокацию ресурсов.* У нас брутально, выпукло видно, что решения крупнейших корпоративных структур-производителей формируют потребности (спрос) и структуру производства, а не наоборот, как это предполагает модель свободного рынка.

Однако из этого не следует, что в российской экономике отсутствуют рыночные механизмы саморегулирования. Из этого следует, что в преобладающей части экономики они играют подчиненную (по отношению к локальному корпоративному регулированию) роль. В результате *в постсоветской России спросоограниченная (рыночная) экономика подчинена корпоративно-формируемой.*

Локальное корпоративное регулирование в России развивается преимущественно (но не только) в *деформированном виде*. Основные черты этих деформаций состоят в следующем.

Во-первых, в качестве субъекта локального регулирования, как правило, выступает не достигший определенного уровня развития персонифицированный капитал, а *«обломок» («обломки») бывшей государственной пирамиды* (отсюда доминирование в России сырьевых, военно-промышленных и иных корпораций, выросших на базе «гигантов социалистической индустрии», бывших государственных банков и т. п.).

Во-вторых, основой власти этих структур является, соответственно, не столько высококонцентрированный капитал (хотя образование таких капиталов идет очень активно), сколько *доступ к тем или иным ресурсам* – от монопольного использования природных богатств до близости к государственным ресурсам. Отсюда, кстати, ассоциация этого механизма с тем, что экономисты называют «поиском ренты». Все это позволяет определить такое воздействие как противоречивое соединение корпоративно-капиталистического контроля и вегетативного регулирования, являющегося пережитком «экономики дефицита». Разница лишь в том, что «дефицитом» ныне все более становится доступ к сырью и/или государственным кредитно-финансовым ресурсам, которые нынешние наследники советских «толкачей» выбивают еще более брутальными методами, нежели их советские предшественники, выбивавшие десятилетия назад дефицитное сырье или оборудование.

В-третьих, в силу такого содержания и под воздействием других методов координации, а также общей атмосферы диффузии институтов методы локального корпоративно-бюрократического регулирования широко используют как *добуржуазные механизмы* (внеэкономическое подчинение вплоть до прямого применения насилия организованными криминальными группировками), так и механизмы, основанные на сращивании с крайне бюрократизированным и часто теневым государственным регулированием.

Проявления отношений локального корпоративного регулирования в России общеизвестны. Например, экономика слабо поддается радикальным рыночным реформам (либо саботируют «реформы», либо «убирают» реформаторов). Под господством псевдо-государственных и псевдочастных корпораций находится система пропорций, динамика цен («ножницы» цен на сельхозпродукцию и ресурсы для ее производства, рабочую силу и потребительские товары), финансы и др.

Это не просто олигополистический рынок. Это экономика, регулируемая в определяющей степени нерыночным соперничеством обособленных корпоративно-бюрократических структур, этаких «динозавров» капитализма, под ногами у которых «болтаются» все остальные граждане. «Динозавры» безжалостно топчут всех, кто внизу, будучи при этом, правда, сами обречены в исторической перспективе (скорее всего, достаточно отдаленной, ведь наша модель законсервирована) на вымирание. *Регулирующими воздействиями «динозавров», а не единым центром* (как в прошлом) *или «невидимой рукой рынка»* (которая указывает явно не в ту сторону), *определяется реальная система координации в трансформационной экономике кризисного типа.*

16.1.2. Теневое государственное регулирование и «ручное» государственное управление

Крайне специфические формы в постсоветской российской экономике имеет и государственное регулирование.

Последнее вызвано к жизни как имманентными закономерностями позднего капитализма, ибо любая модель последнего предполагает регулируемый рынок, так и сохранением вследствие мощной инерции советской системы некоторых элементов бюрократической планомерности. В результате сформировался своеобразный переходный вариант, интегрирующий, во-первых, черты имманентно присущего позднему капитализму *косвенного государственного регулирования* и, во-вторых, элементы *дирек-*

тивного централизованного управления, свойственного советской системе. И то, и другое страдает пороками бюрократизма, ведомственности, местничества и блата.

В результате в современной России появились мутации первого (теневое косвенное государственное регулирование) и второго («ручное» централизованное управление).

В первом случае речь идет о мутации имеющего внешний вид «обычного» для любой модели позднего капитализма, хотя и слаборазвитого, государственного регулирования, которое, однако, пользуется преимущественно теневыми методами и является наследником советского «блата». Это регулирование осуществляется либо вне формально установленных институциональных норм, либо с их нарушением. В ряде случаев оно имеет форму коррупции, но иногда ориентировано на позитивную (с точки зрения экономических интересов государства) компенсацию диффузии институтов и разного рода институциональных ловушек, которыми изобилует российская экономика.

Во втором случае речь идет о мутации централизованного директивного управления. Ведь широко применяемое в российской экономике «*ручное управление*» не только по форме очень похоже на действия советских наркомов и партийных руководителей, но и по своей политико-экономической природе представляет собой разновидность обязательного для выполнения централизованного воздействия государства на экономику, не связанного непосредственно с рыночными стимулами. В случае «*ручного управления*» мы имеем прямое подчинение формально независимых агентов.

Примечательно, что отношения теневого государственного регулирования и «ручного управления» в реальной хозяйственной практике тесно взаимосвязаны (а в ряде случаев интегрированы) в рамках единой и отчасти теневой системы прямого («ручного») государственного управления экономическими процессами и проектами.

Безусловно, общая атмосфера позднефеодальных мутаций позднекапиталистической экономики в большинстве случаев вносит в такое государственное воздействие значимые элементы рыночно-капиталистической заинтересованности (увеличение дохода, собственности) и/или стремление укреплять внеэкономическую власть (расширение сфер влияния, усиление зависимости и т. п.) как частных, так и государственных акторов этих отношений.

Отметим, что теневое государственное регулирование не следует путать с *теневым рынком*. Это взаимопересекающиеся и на практике интегрированные формы, но теоретически они существенно различны.

Кроме того, следует учитывать, что свойственные СССР тенденции ведомственности и местничества породили мощный сепаратизм, приведший к образованию *полицентричной системы* локального государственно-бюрократического регулирования на уровне регионов и отраслей. Бюрократический характер последнего превратился в самодовлеющий, приведя к значимому отрыву управляющих подсистем (разнородных и борющихся друг с другом бюрократических группировок) от интересов экономической системы в целом.

16.1.3. Дорыночные отношения координации

Развертывание постсоветских механизмов аллокации ресурсов неизбежно (в силу описанных деформаций товарных отношений и государственного регулирования, имманентно содержащих элементы внеэкономического принуждения и личной зависимости) порождает и, казалось бы, неожиданные для индустриальной экономики начала XXI века добуржуазные способы координации. К их числу относятся уже названные механизмы:

- «*поиск ренты*»;
- различные формы *насилия*;
- все более широко развивающиеся формы *вассалитета* (в теневой экономике) и *патронажа* (в духе позднего феодализма с его иерархией централизованной власти и развивающимся в ее порах рынком);

- *натурально-хозяйственные тенденции* (последние проявляются, например, в таких формах, как большая роль производства на приусадебных участках (дачах) и др.

Развитие добуржуазных форм координации порождается факторами, связанными с *инверсией социально-экономического времени и трансформационной нестабильностью*. В данном случае это, прежде всего, инерция и даже высвобождение натурально-хозяйственных связей, раннее «придавленных» централизованным планированием, но ныне не замещенных в должной мере рынком. Сыграли свою роль и шоковые реформы, разрушившие плановые связи, но не везде создавшие рыночные. В образовавшийся вакуум современных форм координации тут же «втянулись» допотопные: советский дефицит товаров в ряде сфер оказался замещен своего рода «дефицитом рынка» и, как следствие, возникновением полуфеодальных форм координации (натуральное хозяйство, бартер, внеэкономическое давление на поставщиков и потребителей). Кроме того, возникающий деформированный рынок сам воспроизводит добуржуазные способы координации, которые будут тем сильнее, чем в большей мере инерция кризисного развития прежних тенденций и вновь образовавшиеся деформации рынка будут интенсифицироваться попытками проведения новых неолиберальных реформ.

Закономерностью, подтвержденной двадцатью годами развития российской экономики, является обратная традиционной для праволиберального течения экономической теории связь: *чем активнее государство насаждает «свободную конкуренцию» и пытается проводить антимонопольное регулирование, тем в большей степени в стране развиваются отношения локального корпоративного регулирования, а также добуржуазные формы внеэкономического принуждения*.

Учитывая изложенное, *трансформация в экономике России не может быть однозначно охарактеризована как процесс перехода к рынку*. Консервация развития на данном этапе трансформации может привести к тому, что скрытое за формами рынка корпоративно-монополистическое регулирование (дополняемое теневым и/или «ручным» государственным регулированием, а также добуржуазными способами координации) останется основным детерминантом способа координации (аллокации ресурсов).

16.2. Собственность: негативная конвергенция отношений государственно-бюрократического, капиталистического и добуржуазного отчуждения и присвоения

16.2.1. Отношения и права собственности в России: основные особенности

На поверхности явлений отношения присвоения и отчуждения, типичные для нашей экономики, проявляются как специфическая совокупность прав собственности. Для последней типичны процессы постоянных *качественных изменений форм, прав, институтов собственности и передел объектов собственности*,. Существенно, что все это происходит в общей обстановке *слабости и противоречивости институциональной системы* (одной из причин чего является диффузия институтов экономики советского типа, с одной стороны, институтов, типичных для позднего капитализма — с другой).

В связи с этим *права собственности* в нашем обществе *слабо* (по сравнению с устойчивыми системами позднего капитализма и «реального социализма») *специфицированы*.

В случаях низкой и/или весьма противоречивой специфицированности прав собственности транзакционные издержки, вызываемые этими причинами, столь велики, что способны сдерживать рост или даже приводить к спаду производства (последний, при прочих равных условиях, тем глубже, чем слабее спецификация прав собственности).

О величине трансакционных издержек:

Статистическое определение величины транзакционных издержек, вызванных слабой специфицированностью прав собственности в конкретных условиях конкретных стран крайне затруднительно. Однако несложно предположить, что система, где (как, например, в России) каждый бизнесмен должен содержать мощные формирования охранников (они же зачастую рэкетиры), а общее число этих последних превышает численность милиции; где на Конституцию в каждодневной жизни вообще никто не обращает внимания и многие записанные в ней гарантии давно стали пустым звуком, а законы (например, бюджет) систематически нарушают все, начиная с президентов и премьер-министров — в такой системе транзакционные издержки не могут не быть соизмеримы с производственными.

Нестабильность институтов и связанные с этим низкий уровень доверия, постоянная изменчивость и слабая специфицированность прав собственности, с одной стороны; обусловленность этих процессов качественными трансформационными сдвигами — с другой, позволяют предположить наличие устойчивой корреспонденции между глубиной трансформации и величиной трансакционных издержек: последние тем выше, чем глубже изменения. Эта связь к тому же интенсифицируется кризисом (там и тогда, где и когда он «имеет место быть») трансформационных экономик.

Отличительной чертой российской экономики является постоянное *перераспределение прав собственности и имущества под определяющим влиянием локального корпоративного регулирования и неэкономических факторов* (борьба группировок в государственных структурах, коррупция и т. п.).

Вследствие этого *формы собственности*, юридически зафиксированные в переходных обществах, *являются неадекватными их действительному экономическому содержанию* в той мере, в какой происходят названные выше процессы.

Значительная часть приватизированных, т. е. формально считающихся частными, предприятий (акционерных обществ) находится в смешанной собственности либо со значительным участием государства, либо со значительной долей акционерного капитала в руках работников этих предприятий.

На деле, однако, крупные пакеты акций в руках государства редко являются инструментом реального контроля государства над деятельностью предприятий. Вмешательство государства чаще принимает форму вмешательства конкретных чиновников или их группировок, преследующих личные интересы, стремящихся получить выгоды от принятия тех или иных решений, например, решений о продаже государственных пакетов акций.

Действительным содержанием практически всех форм собственности в трансформационной экономике России является *корпоративно-капиталистическое отчуждение работников от средств производства*. Реальными *хозяевами* (институтами, концентрирующими в своих руках большую часть прав собственности, прежде всего распоряжение и присвоение) *трансформационной экономики являются номенклатурно-капиталистические* (*кланово-капиталистические*) *корпоративные группы* (подробнее об этом ниже).

Эти структуры являются *деформациями позднего корпоративного капитала,* так капиталистические отношения здесь видоизменяются другими, более архаическими. В корпоративные группы превращаются старые и новые хозяйственные (производственные, торговые, финансовые и т. д.) системы. Они (1) предполагают не только экономическое (капиталистическое), но и внеэкономическое (бюрократическое и т. п.) принуждение к труду, наличие отношений добуржуазной (мафиозно-феодальной) структуризации и подчинения; (2) возникают, как правило, на базе или трансформации политико-хозяйственной власти «номенклатуры» в права собственников или легализа-

ции теневого сектора, и сохраняют их черты; (3) организованы как закрытые бюрократические кланово-корпоративные структуры («командные экономики» в миниатюре).

Названные выше процессы трансформации отношений собственности часто пытаются свести исключительно к формуле «развитие частной собственности», пропагандируя к тому же очередной миф, что бывшую государственную собственность бесплатно распределили среди населения и работников предприятий. Такой вывод если и можно сделать, то исключительно при условии отказа от анализа реального распределения прав собственности и апелляции только к некоторым законодательным актам и анализу форм, а не содержания отношений собственности. Обращение только к анализу формы собственности часто лежало и в основе призывов к ускоренной приватизации, что отвергали более тщательно анализирующие трансформационную экономику авторы.

Итак, *закономерностью российской экономики является двоякий процесс трансформации отношений собственности: с одной стороны*, разложение и внеэкономическая ликвидация государственно-бюрократической системы отношений собственности, легализация криминальной собственности и спонтанный рост частной собственности на основе первоначального накопления капитала; *с другой* — параллельная трансформация этой формально частной или смешанной собственности в номенклатурно(кланово)-корпоративную.

Первая тенденция доминировала в 1990-е годы, вторая — в 2000-е. Последняя тенденция порождает наиболее варварские, реакционные формы отчуждения работника от объектов собственности, труда и его продукта и тормозит использование его хозяйской мотивации, противодействует развитию как социализации собственности, так и развитию мелкой частной собственности работников.

Можно сделать вывод, что *российская экономика характеризуется процессом интеграции принципов и черт огосударствленной собственности прошлого с различного рода деформациями тенденции корпоратизации собственности, свойственной позднему капитализму, и воссозданием добуржуазных форм принуждения и зависимости*. Данные процессы свойственны в той или иной степени всем трансформационным экономикам, но в России они стали очевидно господствующими.

Альтернатива современной модели собственности:

Альтернативный существующему путь преобразования государственно-бюрократической собственности предполагает создание такой системы распределения прав собственности и таких собственников, которые бы способствовали выходу трансформационных экономик на траекторию «опережающего развития». Для этого необходимо раскрепощение инновационного потенциала большинства квалифицированных работников в сфере высоких технологий, науки, образования и других отраслях, определяющих облик экономики XXI века, что невозможно без существенного перераспределения в их пользу прав собственности (прежде всего, прав на участие в управлении, контроле и других творческих функциях) и использования природных и культурных ресурсов как общедоступного общенационального достояния. К сожалению, господствующие ныне модели трансформации перераспределяют права собственности в пользу тех (упоминавшихся выше) структур, которые в наименьшей степени заинтересованы в стимулировании развития творческого потенциала работников.

Подкрепим наши размышления анализом системы отношений и каналов власти внутри российских кланово-корпоративных групп. Это тем более важно, что основная власть в российской экономике принадлежит именно им: доля 100 крупнейших российских компаний в общем объеме промышленной продукции в 2000-е

годы составляла примерно 60 %, а в ключевых отраслях (сырьевой и финансовый сектора) они доминировали абсолютно.

16.2.2. Отношения собственности в клановo-корпоративной группе

Начнем с того, что в отличие от, скажем, западноевропейских экономик в России структура прав собственности крупных корпораций носит чрезвычайно закрытый характер. Контролирующая группа обычно состоит из нескольких партнеров, образующих клан, тесно спаянный личными отношениями. Права контроля искусно распылены среди аффилированных компаний (включая оффшорные фирмы, номинальных держателей, частных лиц и т. д.), выступающих в виде миноритарных акционеров. Нередко целая цепочка оффшорных фирм выстраивается таким образом, что реальные владельцы вообще не фигурируют в каких-либо реестрах собственников. Наемные директора руководят при этом предприятием по указаниям фактических владельцев опять же на личной, «доверительной» основе, гарантией которой является полуфеодальная личная зависимость[1].

При этом государство не всегда осуществляет мониторинг даже крупных операций с акционерной собственностью. Даже антимонопольные органы, «по должности» интересующиеся подобными сделками, не всегда владеют соответствующей информацией.

Контроль клановой группы над корпорацией опирается на монополизацию в первую очередь финансовых потоков и информации. При этом как крупнейшие собственники, так и высшие менеджеры компании в широких масштабах прибегают к действиям в ущерб развитию собственной корпорации. В числе таких действий можно назвать стремление контролировать только финансовые потоки и экспортные операции при полном отстранении от развития производственной базы компании; неоправданное раздробление предприятия с целью создания возможностей изолировать от компании наиболее прибыльные (или критические для ее существования) активы; распродажа или сдача в аренду активов в ущерб компании; заключение заведомо невыгодных контрактов с аффилированными компаниями; отказ от решения стратегических задач; использование своего пакета акций только как объекта для спекуляции; использование контрольного пакета как залога под кредиты и т. д.

Разумеется, все эти приемы применяются в обход миноритарных акционеров, которые полностью отстраняются также от участия в разделе прибыли корпорации. С целью уйти от контроля как со стороны миноритарных акционеров, так и со стороны государства (чтобы монополизировать присвоение прибыли и не платить ни дивидендов, ни налогов), кланы, владеющие крупными корпорациями, практикуют размещение доходов и вообще большей части ликвидных ресурсов компании за рубежом. Реинвестирование прибыли происходит из-за границы (под видом иностранных кредитов — недаром одним из крупнейших зарубежных инвесторов в России является Кипр), и вообще управление большей частью финансовых потоков корпорации организуется из-за рубежа. Встречающиеся случаи подготовки «прозрачной» бухгалтерской документации, полностью соответствующей национальным или международным стандартам (например, для размещения ценных бумаг за рубежом), являются в тоже время и классическими случаями двойной бухгалтерии. Разумеется, никакая амнистия вывезенных за рубеж капиталов уже не способна изменить сложившийся порядок.

Это положение, которое существует и в крупнейших государственных корпорациях, было бы невозможно поддерживать длительное время без тесного переплетения интересов крупного бизнеса с интересами государственных чиновников, призванных осуществлять контроль в данной сфере. Фактически значительная часть чиновников соответствующих ведомств находится

[1] См.: *Дзарасов Р. С.*, *Новоженов Д. В.* Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: URSS, 2005.

на содержании у крупного капитала. Происходит также интенсивная ротация кадров между крупным бизнесом и государственной службой, широко затрагивающая даже и членов правительства. Особенность России заключается в том, что коррупция выступает здесь не только как рента конкретного чиновника, являющаяся для бизнеса частью издержек по доступу к рынку или к конкретным активам. В России государственный чиновник обычно выступает реально как один из партнеров клановой группы, участвующий в разделе прибыли, в том числе от прикрываемых с его помощью нелегальных финансовых потоков.

Что же касается генезиса этих образований, то он достаточно очевиден. Полураспад иерархической пирамиды государственно-бюрократической собственности привел к появлению ряда полуразрушенных мини-пирамид, образовавшихся большей частью на основе прежних так называемых «замкнутых ведомственных систем», которые стали просто «кланами». В дальнейшем эндо- и экзогенное развитие корпоративно-монополистического капитала вкупе с инерцией старой системы и бурным развитием добуржуазных форм («княжеств», «герцогств» с их вассалитетом, полукрепостничеством и т. п.) интенсифицировали процесс формирования клановокорпоративных групп. Последние, однако, всегда будут (в силу общих причин трансформационной нестабильности) оставаться *аморфными, неустойчивыми, подвешенными*, находящимися в состоянии *полугенезиса-полураспада*.

Выделим типичные слагаемые такой системы(см. рис. 16.1).

В самом низу — рядовые работники нескольких десятков предприятий (в большинстве случаев прошедших через процедуру приватизации). Эти лица находятся в положении не столько наемных работников, сколько в положении полузависимых «детей» этой патерналистской структуры. С одной стороны, они являются объектами добуржуазного подчинения и эксплуатации (в самых различных формах: от невыплаты зарплаты, превращающей труд в рабский, до контроля корпорации за функционированием социальной инфраструктуры, в результате чего работник-житель оказывается привязан к городу-заводу наподобие посаженного на землю крепостного). С другой стороны, сохраняются и элементы бюрократического патернализма «социалистического» прошлого.

На втором «этаже» структур располагается администрация предприятий. Для нее характерно противоречие между сохранением уже названных традиций «советского патернализма» в реализации принадлежащих им немалых правомочий собственников — с одной стороны; механизмов власти, соединяющих пережитки административно-командной системы с ростками корпоративно-капиталистического управления и эксплуатации, а также добуржуазного принуждения (вплоть до использования криминальных методов давления на организованных рабочих, профсоюзы) — с другой.

Над этими уровнями надстраиваются холдинг, крупный банк, корпорация как таковая, где и расположены реальные хозяева группировки (как правило, они включают три типа: экс-номенклатура; бывшая (или актуальная) мафия и, реже, вышедшие из «низов» профессионалы).

Эта же система обеспечивает взаимодействие с четвертым уровнем иерархии — коррумпированными (лоббируемыми) элементами различных законодательных, исполнительных и судебных государственных структур федерального, регионального и муниципального уровней, а также средствами массовой информации.

На периферии этих систем действует система «крыш», а также посреднический мелкий и средний частный бизнес, сращенный с организованными криминальными группами: несколько торгово-посреднических (а то и попросту паразитических) частных фирм, иногда еще и один-два мелких банка. В отличие от мелкого бизнеса в «цивилизованных» экономиках, где он, как правило, зависим от корпораций и эксплуатируется ими (неравноправный симбиоз), в трансформационной экономике ***такой*** (есть еще и другой — относительно независимый) малый и средний бизнес создается боссами корпораций для перека-

чивания ресурсов этих крупных (но находящихся, как правило, в тяжелом экономическом положении) структур в карманы их хозяев, не тратясь даже на покрытие издержек (выплату зарплаты, например) и выплату налогов всей структуры, что качественно увеличивает личные доходы ее элиты.

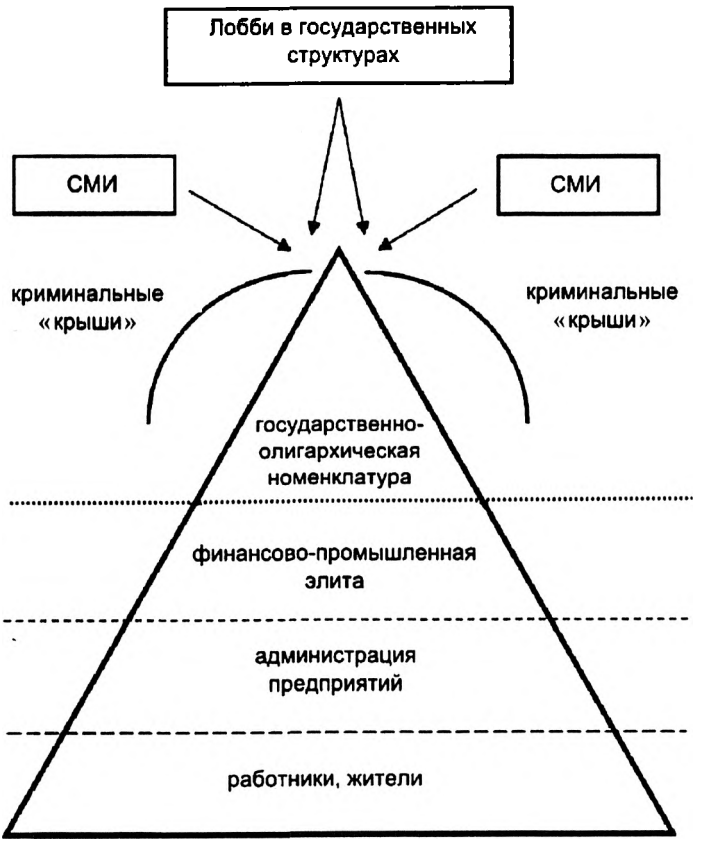

Рис. 16.1. Структура кланово-корпоративной группы

Основные права собственности на всю эту систему сконцентрированы в руках узкого круга лиц, сосредоточенных в администрации предприятий, руководстве банков и лоббирующих структур, а также действительных хозяев дочерних частных фирм. Подчеркнем: речь идет о реальных правах собственности, о хозяйственной власти, а не просто о доле акций (хотя последняя также важна).

Каковы же основные *каналы социально-экономической власти в этих корпоративных структурах*?

Наиболее очевидный, но не самый важный — *собственность на акции*. Для реального контроля за группой иногда достаточно владеть 10–15 % акций входящих в нее фирм при условии, что (1) остальные акции распылены среди многочисленных мелких собственников, неспособных к скоординированным действиям; (2) хозяева этих 10–15 %, напротив, едины в своей предпринимательской деятельности (составляют «клан»); (3) эти хозяева держат в своих руках другие нити хозяйственной власти и контроля.

Кто же сегодня обладает таким консолидированным пакетом акций на большинстве бывших государственных предприятий? В России, по данным экспертных оценок, наиболее типичной является следующая картина. Порядка 10–20 % акций может иметь государство (в так называемых «государственных корпорациях» эта доля, естественно, выше — до 51 % и более, но реальная власть над ними, как и в случае с частными структурами, все равно находится в руках частных лиц — представляющих государство чиновников, топ-менеджеров и других инсайдеров). У персонала предприятий, получившего в начальный период приватизации около 2/3 акционерного капитала, в 1998 году осталось уже менее 40 % общего числа акций. В настоящее время в руках работников находится, как правило, не более 10–20 % акций, и, кроме того(учитывая российское законодательство), они не консолидированы. Более того, работники российских предприятий в большинстве по-прежнему пассивны, не объединены в ассоциации (профсоюзы, как правило, самоустраняются от решения проблем собственности), не способны к солидарным действиям как собственники, а тем более, как предприниматели. В подавляющем большинстве случаев они передоверяют основные права собственности высшей администрации предприятий, на которых они работают.

Напротив, крупнейшие акционеры и топ-менеджеры (*инсайдеры*) — это консолидированная структура, связанная десятилетними традициями соподчинения и совместной кастовой жизни («номенклатура» низшего уровня). Эти лица имели в конце 1990-х годов до 15 % акций, а сейчас, как правило, в их руках находится контрольный пакет (обычно для этого достаточно иметь много меньше, чем 51 %).

Второй важнейший канал контроля элиты за кланом — *административная власть.* В условиях России, с ее вековыми традициями подчинения начальству, административная власть высшего менеджмента играет одну из ключевых ролей в формировании устойчивых клановых структур. Эта власть соединяется с таким специфическим феноменом, как сохранение в руках администрации предприятий контроля за жилищным фондом, социальной инфраструктурой и т. п. (ведомственные квартиры, детсады, поликлиники и т. д.).

Но это только власть администрации предприятия по отношению к работникам. Существует и административный контроль государственных структур (в том числе — региональных, особенно таких, как губернаторы и их «команды») по отношению к предприятиям. Пережитки командной экономики («плановая сделка», патернализм чиновников и т. п.) вкупе с современным хаотическим бюрократическим воздействием массы различных ведомств на рынок и процесс перераспределения собственности, делают государственного чиновника если не «отцом», то, по меньшей мере, влиятельным «дядюшкой» по отношению к директору предприятия.

Льготные кредиты и налоговые «послабления», позиция судебной власти, благожелательное или придирчивое отношение разного рода инспекций, хотя бы минимальный госзаказ (для гигантского оборонного сектора он до сих пор чрезвычайно важен), высокие экспортные тарифы или, напротив, защитительные импортные пошлины, прямые дотации (например, шахтерам) и т. п. — все это делает административную власть (правительство в центре и в регионах) крайне значимой, несмотря на кажущийся крах «административно-командной системы».

Наиболее значимым каналом хозяйственной власти является *финансовый контроль.* Большинство российских предприятий в течение 90-х годов находилось в состоянии перманентного и жестокого финансового кризиса, а многие промышленные предприятия находятся и сейчас. Нет денег на выплату зарплаты, на платежи за сырье, материалы, энергию, не говоря уже об инвестициях. Постоянный кризис взаимных неплатежей и необходимость любой ценой вымаливать у государства и/или банка кредиты — все это было правилом. Но даже смягчение этого кризиса в 2000-е годы мало что изменило, ибо основные финансо-

вые потоки уводятся с предприятий их собственниками «под крыло» подставных фирм. В этих условиях срабатывает цепочка финансовой зависимости.

В самом низу работник, которому могут заплатить, а могут и не заплатить (это зависит непосредственно от администрации) зарплату. Выше — зависимость администрации от банка. Даст или не даст банк кредит, а если даст, то на каких условиях? Администрация может воспользоваться его услугами также и для того, чтобы (обычно через подставные фирмы) в течение 2–3 месяцев, а иногда и полугода, «крутить» деньги, предназначенные для расчетов с рабочими и контрагентами, значительно увеличивая первоначальную сумму за счет краткосрочных валютных, торговых и т. п. операций, в большинстве своем спекулятивных. Часть этих дополнительных средств получает предприятие, но немалая доля через банк уходит к хозяевам клана.

Еще выше — государственные органы — от мелкого чиновника в администрации региона до президента и парламента. Все они распределяют и перераспределяют различные государственные ресурсы и льготы. Добавим сюда активнейшее влияние Минимущества на процесс приватизации, внешнеэкономических ведомств — на условия экспортно-импортных сделок, администрации президента — на налоговые льготы, парламента — на распределение бюджета, и мы получим сложнейшую систему финансовых взаимосвязей между предприятиями, банками и различными федеральными, республиканскими и региональными государственными органами.

Не забудем и о таком канале хозяйственной власти, как *личная уния*. Он венчает всю эту пирамиду зависимости, спаивая воедино (как волков в стаю) элиту предприятий, банков, коммерческих структур и государственных органов. Эта личная уния тем прочнее, что подавляющее большинство клановых элит вышло из тех или иных групп прежней номенклатуры (совокупность таких черт кланово-корпоративных группировок позволяет применить для их обозначения английский термин *patronage machine*).

Наконец, особую прочность этим конструкциям, собственно клановую форму, придает *близость к теневым структурам*. Необходимо учесть, что криминальная экономика прошлого (а до конца 1980-х годов в СССР почти весь частный бизнес был полулегальным и в силу этого тесно связанным с криминальными элементами) была одним из основных источников рождения частного бизнеса. Сегодня же частные фирмы всегда прилеплены к государственным и экс-государственным предприятиям для удобства перекачки денег корпораций в карманы их реальных хозяев. Учитывая это, следует признать, что большинство корпоративных структур хотя бы «боком» привязано к криминальной экономике. Кроме того, само по себе лоббирование в стране с неустойчивым законодательством, постоянно меняющимся составом правительства и высокой степенью коррумпированности верхов, носит характер полу- или прямо незаконной деятельности (часто ее несколько неточно называют мафиозной).

В результате возникает взаимная «втянутость» всех структур в более или менее сомнительную с точки зрения права деятельность. Это не обязательно рэкет, заказные убийства, шантаж, вымогательство и взяточничество (хотя и этого в России с избытком). Это может быть «всего лишь» задержка выплаты зарплаты и ее «прокрутка» через коммерческую организацию, льготный кредит в обмен на поддержку во время избирательной компании и другие шаги, связывающие клановые элиты круговой порукой.

Наконец, *кланово-корпоративные структуры образуют фундамент не только экономической, но и политической власти*. Только связь здесь не проста. Большинство кланов поддерживает сразу несколько блоков и партий, а большинство партий опирается сразу на несколько кланов. Так возникает сложное перекрестье интересов, достаточно далекое (но не абсолютно оторванное) от идеологических и программных установок тех или иных партий.

Существенно, что описанная выше система отношений собственности базиру-

ется на соответствующей системе *отношений присвоения и отчуждения*, пронизывающей практически все урони экономики.

16.2.3. Отношения присвоения и отчуждения

Итак, российская экономическая система основывается на следующем контрапункте отношений, посредством которых осуществляется отчуждение от трудящихся и присвоение корпоративно-бюрократической номенклатурой большей части общественного богатства.

Первый блок отношений присвоения и отчуждения — *система основанных на личной зависимости добуржуазных форм, встроенных в отношения позднего капитализма периферийного типа*. Они служат основой извлечения типичного для добуржуазных систем дохода — особого вида *ренты, источником которой является та или иная форма внеэкономического принуждения*.

Для постсоветской экономики наиболее типичными формами таких отношений являются, *во-первых*, административное соподчинение и контроль (как на макроуровне — «ручное теневое управление», так и внутри корпораций), используемые для присвоения теневых привилегий, льгот и доходов (отчасти этот феномен отражается понятием «административная рента»).

Во-вторых, в постсоветской экономике широко практикуется «огораживание» частными или псевдо-государственными структурами части природных ресурсов, федерального и местных бюджетов, научного, образовательного и культурного потенциала страны и т. п., что позволяет субъектам этого принуждения присваивать часть принадлежащей гражданам природной и интеллектуальной ренты.

В-третьих, для этого блока характерны отношения прямого внеэкономического принуждения во всем многообразии его подвидов (от т. н. «вассалитета» в системе государственного и корпоративного управления до полурабской зависимости части работников от корпораций и более мелких структур), которые лежат в основе присвоения ренты, которую можно было бы назвать «рентой насилия», подразумевая под этим прямое отторжение богатства в формах, напоминающих оброк и феодальных грабеж соседа одновременно.

Перечень можно продолжить...

Эти реверсивно возникшие отношения встроены в систему присвоения, характерную для *позднего капитализма периферийного типа*. Это ***второй и господствующий блок*** отношений отчуждения/присвоения, типичных для российской экономической системы. Последняя практически во всех своих проявлениях характеризуется сложным переплетением форм капиталистических отношений и переходных форм.

Во-первых, для российской экономики характерно широкое использование раннекапиталистических форм отчуждения и присвоения, основанных на ручном труде и извлечении абсолютной прибавочной стоимости, получаемой, как известно, за счет удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Эти отношения распространены преимущественно в торговле и сервисе, а так же строительстве и сельском хозяйстве. Для данных сфер типично сращивание этих отношений с отношениями внеэкономического принуждения.

Во-вторых, сердцевиной российской системы отношений отчуждения/присвоения является массовое использование классических (типичных для развитых стран Европы и США XIX [*NB!*] века) форм капиталистической эксплуатации наемных рабочих, занятых индустриальным (по свое технологической природе) трудом и потому реально подчиненных капиталу. Подчеркнем, что эта эксплуатация осуществляется не только в отраслях материального производства, но и в сфере обслуживания, где работник так же является частичным и выступает придатком той или иной системы машин. Для этой части российской экономики характерны минимальные права работников, их низкая социальная защищенность, отсутствие развитых форм самоорганизации и т. п.

В-третьих, специфику российской модели позднего капитализма периферийного типа составляет господство отношений *корпоративно-бюрократического отчуждения/присвоения*. Они основаны на присвоении

корпоративно-государственной номенклатурой (т. н. «инсайдерами») ключевых прав собственности господствующих в России экономических агентов — государственных и частных корпораций (по преимуществу сырьевых) и ведущих финансовых институтов.

Во всех трех случаях (частные корпорации, государственные корпорации, финансовые институты) названный слой перераспределяет в свою пользу *часть*:

(1) прав и дохода собственников (доверительное управление в сочетании с заниженными дивидендами);
(2) заработной платы рядовых работников (занижение дохода работников — общеизвестный факт; чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на соотношение средней заработной платы в фирме и доходов топ-менеджеров, которое в десятки раз отличается от аналогичного разрыва в Европе, Японии и даже США);
(3) дохода государства (уклонение от уплаты налогов);
(4) основного капитала (присваиваемая «инсайдерами» часть амортизации) и иных ресурсов корпорации (отсюда низкий уровень инвестиционной активности, медленное обновление основных фондов, контракты, осуществляемые топ-менеджерами в ущерб «своей» корпорации и т. п.).

Итогом этой системы отношений отчуждения/присвоения является присвоение корпоративно-бюрократической номенклатурой того, что Р. Дзарасов назвал *«инсайдерской рентой»*.

Как легко понять, эти отношения оказываются не только хорошо совместимы с формами до- (основанной на личной зависимости), ранне- (основанной на формальном подчинении труда капиталу) и классически-капиталистической эксплуатации, но и регулярно вызывают их к жизни.

В свою очередь, столь же очевидно, что эти отношения крайне трудно совместить с развитыми формами социализации позднего капитализма, предполагающими высокий уровень самоорганизации и широкие экономические права граждан и работников, развитую социальную ответственность бизнеса, контроль гражданского общества за бизнесом и государством, прозрачность деятельности обоих акторов и т. п.

Третий блок отношений отчуждения/присвоения, типичных для современной России, — *мутации многообразных форм социализации, характерных для советской экономики*. Подчеркнем: в России большая часть форм социализации экономики (частично бесплатные для пользователя образование, здравоохранение и т. п.) выросла не из активной социально-творческой деятельности граждан и их организаций (профсоюзов, образовательных и правозащитных движений, социал-демократических и других левых партий), а из советской патерналистской модели. В результате этот блок отношений присвоения постепенно деградирует, опускаясь ниже уровня, типично даже для стран полупериферии. В России отсутствует прогрессивная шкала подоходного налога, доля расходов на образование, культуру, здравоохранение и т. п. ниже, чем скажем в Бразилии и много ниже, чем в Европейских странах, у нас несоизмеримо слабее, чем в той же Латинской Америке, местное самоуправление, профсоюзы и другие институты гражданского общества.

Все это делает весьма вероятным дальнейшую десоциализацию российской экономики и ее реверсивную инволюцию к моделям, типичным для капитализма 100-летней давности.

О соотношении отношений отчуждения/присвоения, типичных для России и развитых стран:

Сказанное позволяет по-разному взглянуть на *соотношение отношений отчуждения/присвоения, типичных для России и для развитых стран*. Конечно же, сравнение нарисованной выше далеко нелицеприятной картины с американским учебником, описывающим современную рыночную экономику, даст однозначный результат: общими являются только некоторые внешние признаки. Однако анализ реальных

социально-экономических отношений (в частности, внутрикорпоративных отношений в США, отношений в области использования труда рабочих на аутсорсинге и труда иммигрантов, проделанный рядом зарубежных и отечественных исследователей и такие (сомнительные с точки зрения академической среды) источники, как художественная литература и кинематограф, описывающие реальные, а не номинально-декретируемые отношения и распределение власти, показывает, что сходство все же есть. Только это сходство сродни соотношению не портрета и оригинала, а реального феномена и карикатуры на него, ибо последняя гротескно преувеличивает, выпячивает все пороки оригинала...

16.3. Воспроизводственный процесс в России: причины и последствия экстенсивной модели эволюции

Проблемы воспроизводства российской экономики начала XXI века на уровне поверхностных характеристик хорошо известны и неслучайны: критически относившиеся и относящиеся к политике «шока без терапии», основанной на масштабной приватизации и развитии т. н. «свободного рынка», начиная с 1990-х предупреждали, что (1) эти «реформы» приведут к экономико-политической власти крупных олигархов, сращенных с бюрократическими и криминальными структурами и что (2) для такой экономики будет характерен экстенсивный, ресурсозависимый тип экстенсивного роста, зависимость от мировых рынков и кризисные явления, предсказанные авторами данного текста много лет назад.

16.3.1. Экстенсивный тип воспроизводства: причины и последствия

Однако общая политико-экономическая постановка вопроса требует и некоторых более конкретных параметров, указывающих на контрапункты пред- и посткризисной российской экономики. Среди таких конкретных вопросов выделим лишь один, но принципиально значимый: о *паразитическом типе российского капитала*.

Напомним сказанное в начале этой части: новый век для российской экономики начался и на протяжении 7–8 лет оставался периодом экономического роста, который сменился спадом в годы мирового экономического кризиса. Последовавший за этим восстановительный рост был медленным и в 2014–2015 гг. российская экономика вступила в стадию новой рецессии. За все эти годы российская экономическая система так и не смогла избавиться от ряда заложенных в ней еще в 1990-е гг. негативных качественных составляющих.

Прежде всего, об общеизвестной проблеме использования одного из наиболее очевидных потенциальных источников развития — *природной ренты*. Она, во-первых, в значительной степени становится (посредством описанных выше каналов) источником дохода корпоративно-бюрократической номенклатуры и как таковая используется не для инвестиций в Российскую экономику, а для паразитического [пере]потребления и/или вывозится за рубеж.

Во-вторых, та часть природной ренты, которая попадает в государственный бюджет, используется неэффективно. Государство замораживает достающуюся ему часть природной ренты в Стабилизационном фонде, и лишь совсем недавно появилось намерение перевести некоторую часть ее в Фонд развития. Та часть ренты, которая оседает (безо всяких на то оснований) в руках добывающих компаний, в значительной мере служит фундаментом для их экономического и технологического благодушия. И лишь некоторая часть этой ренты перетекает по разным каналам в другие отрасли, обеспечивая эффект мультипликатора экономического роста. До сих пор соотноше-

ние между изъятыми и разведанными запасами природных ресурсов остается отрицательным, а это значит, что российская экономика продолжает строиться на *проедании природных ресурсов*.

Обновление основного капитала, даже в период экономического подъема начала 2000-х оставляло желать лучшего: нетрудно подсчитать, что накануне экономического кризиса объем инвестиций в основной капитал оставался уровне на 20 % ниже 1991 года (когда он расценивался как совершенно недостаточный). В посткризисный период ситуация принципиально не изменилась (см. табл. 16.1).

Возможности инновационного развития упираются и в деформированную отраслевую структуру российской экономики.

Таблица 16.1

Динамика инвестиций в основной капитал в 1991–2012 гг.[1]

Годы	Индексы физического объема инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах)	
	в процентах к предыдущему году	в процентах к 1991 году
1991	85,1	—
1992	60,3	60,3
1993	88,3	53,2
1994	75,7	40,3
1995	89,9	36,2
1996	81,9	29,7
1997	95,0	28,2
1998	88,0	24,8
1999	105,3	26,1
2000	117,4	30,7
2001	110,0	33,7
2002	102,8	34,7
2003	112,5	39,0
2004	113,7	44,4
2005	110,9	49,2
2006	116,7	57,4
2007	122,7	70,4
2008	109,9	77,4
2009	84,3	65,3
2010	106,0	69,2
2011	108,3	74,9
2012	106,6	79,9

Источник: рассчитано по данным Росстата.

[1] Источник: расчеты авторов по данным Росстата: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2012 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник-2013»). Раздел 22. Инвестиции. Доступ по ссылке: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016. Дата обращения: 20.01.2014.

Рассмотрим в качестве примера наилучший (с точки зрения экономической динамики) период — предкризисное состояние российской экономики начала 2000-х. Так, отрасли, от которых во многом зависит инновационный потенциал страны — обрабатывающая промышленность, образование, здравоохранение — развивались в этот период темпами от 2 до 4 % в год, в то время как финансовая деятельность, гостиничноресторанный бизнес, оптовая и розничная торговля — от 9 до 11 % в год[1]. Инвестиции в машиностроение находились на уровне 2,2–2,3 % от общего объема инвестиций в основной капитал, или в 6–7 раз меньше, чем инвестиции в добывающий сектор, и в 3–4 меньше, чем в сырьевые производства[2], в настоящее время эта деформированная с точки зрения распределения между видами экономической деятельности структура инвестиций, во многом сохраняется.

Перечень препятствий структурного и инфраструктурного характера (низкая протяженность и плохое качество автодорожной сети, отсутствие современного скоростного железнодорожного транспорта, плачевное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры и т. д.), осложняющих путь к инновационному развитию, можно продолжать. Ясно, однако, что без преодоления этих препятствий невозможно говорить о переходе на интенсивный тип воспроизводства.

Среди важнейших проблем российского воспроизводства — ***социальные***. Значительному повышению качества рабочей силы, что является необходимым фундаментом развития, а не просто роста современной экономики, препятствует низкая доля заработной платы в ВВП России и высокий уровень дифференциации доходов населения.

Имевший место в 2000-е годы (естественно, с перерывом на кризис 2008–2010 гг.) стихийный рост заработной платы лишь незначительно изменил долю заработной платы в ВВП.

По-прежнему продолжают действовать механизмы государственной политики доходов, оказывающие давление на заработную плату в сторону ее занижения — установление минимального размера оплаты труда ниже прожиточного минимума, а также установление тарифной сетки оплаты труда в бюджетном секторе таким образом, что почти все тарифные разряды оплачиваются ниже прожиточного минимума.

Широковещательные намерения значительно поднять уровень заработной платы в бюджетном секторе по части реального исполнения резко отстают от сделанных обещаний. Хотя доля населения, живущего за чертой бедности, перед кризисом 2008–2009 гг. сократилась, она вновь начала расти после 2014 года. Общая дифференциация доходов, как мы показали выше, не сокращается. Сохраняется и общий *а-социальный тренд воспроизводства* в России, где правящая экономико-политическая элита так и не сделала сколько-нибудь значительного шага к выходу из того абсолютно нетерпимого состояния с использованием человеческого потенциала нации, которое сложилось в последнее время, и которое *является одним из мощнейших системных барьеров на пути перехода к интенсивному, эко-социогуманитарно-ориентированному развитию.*

16.3.2. Воспроизводственная ловушка постсоветской экономики

Что же является причиной такой ситуации?

Политико-экономический ответ на этот вопрос авторами уже был дан: сложившаяся в России система производственных отношений и, как следствие, экономико-политической власти.

Здесь действует следующая устойчивая ***воспроизводственная ловушка***.

Исходный пункт этой «ловушки» на уровне материально-технических предпосылок характеризуется тем, что ключевые ресурсы развития (относительно качественное оборудование и рабочая сила, дорогостоящие экспортные товары, относительно современные и работоспособные инсти-

[1] Итоги 2006 года и будущее экономики России: потенциал несырьевого сектора // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 30, рис. 3.

[2] Итоги 2006 года и будущее экономики России. С. 31, рис. 4.

туты управления и т. п.) сосредоточены в сырьевых секторах и узком круге связанных с ними производств, плюс производств, паразитирующих на государственном бюджете (часть строительства, престижные программы типа Олимпиады или Сколково и т. п.). Остальные сферы отстали от мирового уровня на 2–3 поколения основных фондов или вообще развалены (как, например, гражданский авиапром). Наука, образование, культура и т. п. сферы формирования креативных ресурсов развития испытывают чудовищный финансовый голод и находятся в тисках «институциональных ловушек».

На уровне производственных отношений основными механизмами регулирования экономики являются, как мы писали выше, локальное корпоративное и теневое государственное регулирование плюс «бизнес по понятиям». Основные каналы присвоения/использования прибавочного продукта и права собственности находятся в руках корпоративно-бюрократической номенклатуры.

В обществе предельно (для стран с таким уровнем развития как Россия) велика реальная социальная дифференциация, но при этом (вопреки неоклассическим догмам) низок потенциал социально-экономической пассионарности (употребим термин, активно использовавшийся столь любимым нашей «элитной» интеллигенцией Гумилевым).

Какой же *тип воспроизводства* может и должна продуцировать данная система производительных сил и производственных отношений?

Господствующий в постсоветской России экономико-политический слой, персонифицирующий ее основное производственное отношение, — корпоративно-бюрократическая номенклатура — *объективно* заинтересован прежде всего в воспроизводстве (в идеале — расширенном) своей экономико-политической власти.

О соотношении субъективного и объективного в интересах корпоративно-бюрократической номенклатуры:

Подчеркнем: субъективный интерес тех или иных представителей правящей политико-экономической элиты может быть и иным, но система производственных отношений тем и отличается, что заставляет людей действовать по объективным «правилам игры» или выталкивает их из своего класса. Она реализует объективные социально-классовые интересы господствующих сил, а не их личные благопожелания.

Как именно может осуществляться такое воспроизводство? Путем сохранения и развития названных в предыдущих подразделах способов координации и присвоения. Эти методы (теневое государственное регулирование, корпоративно-бюрократическая эксплуатация всех ресурсов корпорации инсайдерами и т. п.) совместимы лишь с ***экстенсивным типом воспроизводства***.

Причина едва ли не очевидна: Названная система экономико-политической власти порождает, ***во-первых***, *высокие трансакционные издержки*, связанные, в частности, с бюрократизацией управления, расходами на внеэкономическое принуждение, неэффективностью системы управления и контроля и т. п. Более того, *эти расходы должны расти по мере укрепления власти данной системы, причем опережающими темпами*. Этот пункт столь очевиден, что не требует комментариев.

Во-вторых, она инициирует у правящей «элиты» объективную (проявляющую себя иногда даже вопреки субъективным ценностям тех или иных представителей этого слоя) необходимость *постоянно увеличивать расходы на престижное* (*статусное*) [*пере*]*потребление*, что обусловлено спецификой отношений поддержания (укрепления) своего положения. Это атрибут корпоративно-бюрократической номенклатуры, для всех уровней которой характерна система *«идентификаторов» власти*.

Последняя измеряется — подчеркнем — не только объемом капитала, но и сложной системой параметров, интегри-

рующих (1) собственно капитал, (2) меру сращенности с государственной властью и (3) потенциал внеэкономического принуждения (поскольку криминальный жаргон проникает уже и в научный язык, мы, по аналогии с введенным ранее и не нами понятием «бизнес по понятиям» можем назвать этот параметр «*мерой крутизны*»).

Соответственно, *определенный стиль и объем статусного потребления является одним из основных внешних свидетельств меры «крутизны»* (экономико-политической власти) того или иного частно- (или/и государственно-) корпоративного клана. Эти отношения развертываются на всех уровнях: от необходимости покупать в кредит непомерно дорогую автомашину для мелкого служащего большой корпорации до самых длинных в мире яхт российских олигархов и безумных расходов на Олимпиаду в Сочи, призванных послужить статусным свидетельством «крутизны» корпоративно-бюрократической номенклатуры страны в целом.

В-третьих, названная система власти порождает высокий уровень социальной дифференциации вкупе с тенденциями к социальному паразитизму и ростом деклассированных слоев населения. Описанное выше многомерное и потому предельно жесткое отчуждение практически всех категорий работников от труда и его результатов порождает низкий уровень заинтересованности работников в повышении эффективности своей деятельности, не говоря уже об инновациях. Господство сырьевого корпоративного бизнеса, сращенного с государственной номенклатурой, снижает активность мелкого и среднего бизнеса не только в сфере инноваций, но и вообще сколько-нибудь значимых средне- и долгосрочных производственных проектов. Бюрократический характер государств и его отчужденность от гражданского общества инициирует преимущественно неэффективные, но статусно-значимые направления расходования бюджетных средств на всех уровнях.

В условиях высокой и постоянно растущей (вследствие все тех же причин, лежащих на уровне основного производственного отношения системы: многомерного отчуждения) социальной дифференциации отчужденное от общества государство должно обеспечивать относительно стабильное существование беднейших слоев населения, сохраняя значимые социальные резервы.

Но нацеленность социальной политики на патернализм и потому пассивно-конформистское поведение населения вкупе с бюрократически-неэффективной системой расходования бюджетных средств на поддержание стабильности, а не на развитие, усиливает экстенсивность воспроизводства. Здесь воспроизводится двоякая связь, основанная на отчуждении граждан от государства и государства от граждан. Государство не доверяет ни гражданам, ни бизнесу и потому боится инвестировать в развитие (и человека, и производства), держа «про запас» тот или иной аналог стабилизационного фонда. В свою очередь граждане и бизнес не доверяют ни государству, ни самим себе и потому не согласятся на радикальное увеличение расходов государства на развитие Последнее проявляется, в частности, в нежелании капитала осуществлять поддержку долгосрочных общегосударственных программ; едва ли не большинства населения — вкладывать государственные и личные ресурсы в долгосрочные, с отдачей через 10–20 лет, программы развития фундаментальной науки, освоения космоса, прогресса образования, здравоохранения, культуры, социальной сферы) за счет сокращения текущих расходов (на зарплаты работников бюджетного сектора, пенсии и т. п.).

Отсюда, ***в-четвертых***, типичная для российской системы относительно низкая доля расходов на накопление, которые, к тому же, идут и в частном, и в государственном секторах преимущественно не на цели развития, а на краткосрочное увеличение «крутизны» корпоративно-бюрократической номенклатуры и обогащение обслуживающих ее слоев. Примерами таких расходов, кроме названных выше амбициозно-неэффективных проектов, могут служить продолжающиеся инвестиции в строительство нефте- и газопроводов, массовое строительство в России сборочных произ-

водств, бурный рост торговли и других сфер трансакционного сектора и т. п.

Так складывается *триединая (работник + бизнес + государство) незаинтересованность основных акторов российской экономики в отказе от экстенсивного типа воспроизводства.*

Результаты такого типа воспроизводства очевидны. На технико-производственном уровне — небыстрый экстенсивный рост, перемежающийся кризисами и стагнациями при сохранении преимущественно сырьевой ориентации экономики вкупе с расширением типичных для периферийного капитализма отраслей хозяйства. К последним относятся ресурсодобывающие и зависимые от иностранного капитала (сборка из импортных комплектующих т. п.) отрасли материального производства, плюс торговля и услуги, плюс образование и культура, ориентированные на обслуживание такой экономики и нужд периферийного (т. е. высокодифференцированного, но при этом в большинстве своем отстало-бедного) «общества потребления», плюс сохранение слабой, патерналистски-ориентированной социальной сферы. Возможным исключением может быть только военно-промышленный комплекс, о причинах укрепления которого — чуть ниже.

На социально-экономическом уровне — сохраняющийся тренд углубления реальной социальной дифференциации, а также продолжающееся упрочение власти корпоративно-бюрократической номенклатуры, переходящее в новую фазу.

Иллюстрациями первого тренда служит рост низкооплачиваемой занятости (увеличившейся за годы реформ почти в 4 раза, до 12,5 % в 2010 г.), неравенства в распределении доходов работников (коэффициент Джини в 2010 г. достиг значения 0,413), масштабов бедности (нуждающиеся слои населения составляют более 17 %), социальной незащищенности и т. д.

Новая фаза укрепления власти номенклатуры знаменуется, во-первых, одним из самых высоких в мире уровнем концентрации богатства. Так, по данным Всемирного Банка *1 % богатейшего населения России владеет 67 % национального богатства страны*[1].

Во-вторых, для этой — немало окрепшей за последние 10–15 лет — экономико-политической силы стала характерна тенденция к консолидации.

Это отражается, в частности, попытках формировании новой — протоимперской, ориентированной на экспансию вовне и защиту своих амбиций — геополитической и геоэкономической стратегии российского государства. Оно все более становится выразителем интересов становящихся транснациональными энерго-сырьевых корпораций РФ, для которых жизненно важным становится наличие общенациональной политической силы, защищающей их интересы на глобальных рынках, где их пока держат на вторых ролях более мощные экономически и лучше зачищенные геополитически конкуренты.

Следствием этого стали и типичные для последних лет попытки *реанимировать военно-промышленный комплекс России*. Этот курс выгоден для всех основных слоев номенклатуры и *кажется* позитивным для «народных масс».

Для корпоративной элиты он выгоден, ибо позволяет получить (и в немалой степени попилить) крупные государственные ресурсы. Здесь, правда, возникают и новые противоречия между старыми (сырьевыми) и новыми (промышленными) кланами корпоративных элит, но это уже второй вопрос.

Для высших слоев государственной номенклатуры он укрепляет видимость ее «крутизны» (причем не только в своих собственных глазах, но и в глазах электората и зарубежных оппонентов).

---

[1] См.: https://www.worldwealthreport.com. Эта цифра критикуется рядом российских специалистов, считающих, что величина национального богатства для России занижена экспертами этой организации. На наш взгляд, даже в случае действительного занижения нашего богатства уровень его концентрации в руках олигархического капитала остается чрезмерным даже по капиталистическим меркам, что подтверждают и сведения о количестве долларовых миллиардеров и все остальные данные о социальном неравенстве, в том числе, приводившиеся выше.

Для патерналистски настроенной части населения России (а это в настоящее время едва ли не большинство) рост ВПК и протоимперские амбиции создают *превратную форму реализации их общенародных интересов*, подчинения по видимости общегосударственным целям (которые невольно, но неправомерно отождествляются с общенародными) деятельность крупного капитала.

Впрочем, эта новая тенденция амбивалентна. Следствием реализации этой попытки могут быть как некоторые позитивные изменения (частичное восстановление промышленности, инженерного образования, некоторых отраслей науки), так и негативные процессы (консервация бедности, низкого уровня социальной защищенности, проблем в гуманитарном образовании и культуре).

Да и в целом развитие за счет усиления ВПК — это один из самых неэффективных вариантов продвижения к инновационному типу воспроизводства: *главным результатом прогресса ВПК является создание средств* ***разрушения*** *человека, природы, общества*, а гражданское производство и наука если и прогрессируют, то только как побочный эффект и потому крайне однобоко. Впрочем, вероятность стратегически-последовательного осуществления курса на прогресс ВПК и эффективного использование выделенных ему средств остается невысокой. Авторы сугубо не уверены, что (1) станет реальностью консолидация номенклатуры вокруг именно этой программы и, главное, что (2) этот слой, по определению отягощенный грузом межкапиталистических противоречий и крайне бюрократизированный, сможет что-то сделать не «как всегда».

Так складывается процесс ***экстенсивной э/инволюции***, который устойчиво воспроизводит сырьевую ориентацию экономики, отторжение инноваций и все те технико-экономические и социально-экономические основания, на которых базируется власть корпоративно-бюрократической номенклатуры.

Порочный круг экстенсивного воспроизводства специфических для постсоветской России деформаций производительных сил и производственных отношений позднего капитализма полупериферийного типа и порождаемых им добуржуазных и иных «инклюзов», замыкается и генерирует основания для нового витка эскалации власти акторов, заинтересованных в лучшем случае — в экстенсивном расширении сложившейся модели, в худшем — в ее консервации.

Различие роли номенклатуры в экономике СССР и в экономике РФ:

Все это до боли напоминает то, что было характерно для худшей стороны экономики СССР периода ее стагнации (конец 1970-х – 1980-е годы), и о чем мы писали четверть века назад, предрекая угрозу «негативной конвергенции» в случае капиталистически-ориентированных реформ. К сожалению, наш прогноз оправдался.

Но между господством номенклатуры в экономике СССР и в РФ есть и разница, причем принципиальная. Во-первых, тогда эта система паразитировала на ростках новой, социалистической экономики с присущими ей высокими интенциями развития образования, науки, культуры, социальной справедливости и т. п. Сейчас же она паразитирует на уже давно ставших историческим прошлым отношениях формального и реального подчинения труда капиталу вкупе с формами позднего капитализма периферийного типа. Во-вторых, тогда наша экономика все еще обладала потенциалом по ключевым параметрам развития (прежде всего — человеческим качествам) сравнимым с наиболее развитыми странами мира. Сейчас мы отстаем от них на десятилетия.

Существенно, что в этом «верхи» оказываются солидарны с большей частью «низов», для которых закрытость социальных лифтов, характерная для такой социально-экономической системы, делает доминирующим интересом «отсутствие перемен». Так, по итогам проводившегося Институтом социологии РАН в 2013 г. общероссийского социологического исследования «Бедность и неравенства в современной

России: 10 лет спустя», нуждающиеся, коих порядка 34 %, не стремятся изменить ситуацию, а хотят «стабильности» (так сказали 71 % опрошенных). Вместе с тем «снижение общественно-политической активности характеризует не только бедных, но и представителей благополучных слоев населения»[1].

В системе отношений воспроизводства, как ив других сферах производственных отношений России, присутствует и несколько иное подпространство, где пусть ограниченно, но действуют *механизмы «нормальной» капиталистической мотивации интенсивного воспроизводства*, в частности — использования тех или иных путей повышения производительности труда (в частности, технических, управленческих и т. п. инноваций) с целью повышения нормы прибыли.

Эти механизмы стимулирования капиталом снижения издержек и повышения качества за счет инноваций действуют в Российской экономике преимущественно в двух сферах. Либо там, где (1) производство (пусть сборочное или т. п.) осуществляется в рамках зависимых от ТНК предприятий, на которые слабо распространяется специфика российского-олигархо-бюрократического капитализма, либо (2) на отечественных предприятиях (преимущественно несырьевого реального сектора), где капитал, с одной стороны, относительно свободен от власти номенклатуры и инсайдеров, а с другой — не имеет доступа к сырьевым и бюджетным ресурсам, позволяющим получать рентные доходы.

Отсутствие доступа к ренте и становится сильным стимулом для повышения производительности труда. В той мере, в какой в России развиваются такие производства, в нашей стране появляются надежды на капиталистическую интенсификацию, т. е. на использование механизмов (1) развития (2) столетней давности. Здесь существенны оба параметра: как то, что это все же развитие, а не экстенсивный рост/стагнация, так и то, что с исторической точки зрения эти формы стимулирования прогресса давно устарели. Последнее проявляется, в частности, в том, что даже ориентированные на технические инновации капиталистические предприятия России в подавляющем большинстве случаев предпочитают закупать их за рубежом, а не инвестировать в разработку своих собственных.

* * *

Суммируем основные положения нашего видения ***специфики экономической системы постсоветской России***. Эта специфика определяется (1) кризисом советской экономической системы, приведшим вследствие (2) неадекватной для постсоветских условий и исторически реверсивной модели его разрешения в 1990-х (т. н. «шоковая терапия») к (3) мутации позднего капитализма полупериферийного типа, воспроизводящей вследствие этих мутаций (4) многие негативные черты советской экономической системы и (5) порождающей реверсивный процесс регенерации добуржуазных отношений.

Собственно *сама эта мутация есть ничто иное, как результат выигрыша в борьбе за экономико-политическую власть в России олигархических групп, паразитирующих на национальном богатстве страны и сращенных с отчужденным от общества государственным аппаратом; порожденная этим модель экстенсивного, базирующегося на сырьевой зависимости воспроизводства адекватна для консервации власти названных акторов.*

Закономерным следствием формирования такой системы является *слабость институциональной системы*: диффузия институтов (в частности, низкий уровень спецификации и защиты прав собственности, защиты контрактов и т. п.); наличие многочисленных «институциональных ловушек» (в том числе, ситуаций, когда реформирование неэффективных или социально-реакционных институтов требует затрат, превышающих возможный позитивный эффект реформ или сталкивается с непреодолимым сопротивлением какой-либо из экономико-политических «элит»); господство неформальных «правил игры» и т. п.

[1] Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен Институтом социологии РАН и Фондом им. Ф. Эберта. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 167

Какими же могут быть *сценарии будущей э/инволюции нашей экономической системы*?

Мы не хотим в этом тексте уделять сколько-нибудь значительное внимание доказательству того, что сценарий преодоления главного встроенного порока нашей экономики — власти корпоративно-бюрократической номенклатуры — на пути перехода к т. н. «*свободной* (возможный вариант — минимально-регулируемой) *рыночной экономике*», основанной на «настоящей» частной собственности иллюзорен. Упомянем лишь два аргумента.

Первый: эта теоретическая модель есть не более чем ностальгия по романтической поре капитализма, миновавшей уже столетия назад. Капитализм уже немолод, предельно циничен и жесток к тем, кто оказался на периферии.

Второй: именно попытка создать в России «свободную рыночную экономику» привела в России к власти олигархов и бюрократии, и к иному результату, как мы и предсказывали еще в последние годы существования СССР, привести не могла. Зачем же второй наступать на те же самые грабли? Конечно «попытка не пытка», но только не в условиях нашей страны.

Есть ли ***альтернативные силы*** в российской экономической системе, объективно не заинтересованные ни в попытке реализовать утопию «свободного рынка», ни в консервации существующей системы? Есть ли социально-экономические основания перехода *к интенсивному типу воспроизводства, нацеленному как минимум на реиндустриализацию, как максимум — на обеспечение приоритетного развития креатосферы*?

Есть, хотя они и слабы, ибо слабо развиты формирующие эти экономико-политические интересы основания, лежащие в российской системе производительных сил и производственных отношений.

Рассмотрим эту проблему несколько подробнее.

Основой для ***альтернативы-минимум***, т. е. перехода к интенсивному типу развития, ориентированного на восстановление промышленной системы (близкого к советскому типа), отвечающей стандартам 4 и 5 технологических укладов, могли бы служить частнокапиталистические (в области несырьевого реального сектора гражданского назначения) и государственные предприятия (в сырьевых отраслях, энергетике, инфраструктуре, ВПК) при условии *формирования в России экономической системы, свойственной для полупериферийного капитализма, правящий экономико-политический класс которой последовательно реализует долгосрочную стратегию догоняющего развития*.

Часть российского капитала (преимущественно несырьевой реальный сектор) и работников, а также некоторые слои бюрократии (преимущественно, слабо коррумпированная часть силовых структур и руководители дотационных регионов) уже не первый год частично реализуют этот тренд. *В России возник и функционирует система капиталистических предприятий реального несырьевого сектора, отчасти реализующих модель интенсивного капиталистического воспроизводства*. Они включены в систему производственных отношений, где производительный капитал может осуществлять накопление преимущественно за счет интенсивного развития (ибо доступа к сырьевой ренте и бюджету у них нет), и потому заинтересован в воспроизводстве квалифицированных наемных работников и активной промышленной политике государства, нацеленной на снятие локального корпоративного регулирования экономики, ибо иначе он не победит в конкуренции с сырьевыми и т. п. корпоративными структурами.

Эту линию тактически заинтересованы поддержать некоторые слои жителей моногородов и средних промышленных городов России, отчасти — деревни: развитие такого капитала несколько улучшит их экономическое положение, хотя качественных изменений при этом в положении трудящихся не произойдет, только несколько упорядочится система отношений эксплуатации.

Для работников социальной сферы и креатосферы этот курс может также принести некоторые позитивные сдвиги, но только при условии радикальной дебюрократизации государственного аппарата, т. е. в случае, если курс на модернизацию будет осуществлять демократическое государство,

опирающееся на сильное гражданское общество. Последнее маловероятно, ибо «патриотический» капитал в этом мало заинтересован: сколько-нибудь реальная демократия приведет к усилению социал-реформистских и антикапиталистических сил и заставит капитал как минимум существенно делиться с гражданами правами собственности (сильные профсоюзы, участие работников в управлении, требование прозрачности и социальной ответственности бизнеса) и доходами (высокая прогрессия подоходного налога и т. п.). На стадии борьбы с корпоративно-бюрократической номенклатурой капитал реального сектора готов поддерживать эти требования с целью консолидации оппозиции, но в случае успеха, скорее всего, откажется от этих намерений.

Воплощение этой линии в жизнь, во-первых, остается маловероятным (главным образом из-за традиционной политической осторожности российского производительного капитала, с одной стороны, и слабой заинтересованности в этом большинства граждан, которые если что и получат, то незначительные тактические выигрыши, с другой). Во-вторых, эта стратегия в целом уже устарела: к промышленному государственно-регулируемому капитализму Россия уже опоздала. Данный курс был относительно прогрессивен (да и то лишь при условии сильной социальной составляющей по образцу «шведской модели») в середине XX века. В начале XXI столетия он, как мы уже сказали, мало реален и в лучшем случае приведет Россию в лоно стран «цивилизованного» полупериферийного капитализма.

Вопросы для самопроверки

16.1. Дайте характеристику отношений координации в российской экономике.

16.2. В чем состоит негативная конвергенция отношений государственно-бюрократического, капиталистического и добуржуазного отчуждения и присвоения, которая имеет место в сфере отношений собственности в постсоветской России?

16.3. Каковы причины и последствия экстенсивной модели эволюции воспроизводственного процесса в России?

16.4. В чем состоит воспроизводственная ловушка постсоветской экономики?

Литература для самостоятельного изучения

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала www.interpolitec.su]:

- *Колганов А. И.* Экономика России 2000-х: проблемы воспроизводства в экономической системе периферийного капитализма // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 99–115.
- *Бодрунов С. Д.* Обновление российской экономической системы: политико-экономический аспект // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 52–57.
- *Тощенко Ж. Т.* Фантомы российского общества: сущность, основные черты и опыт классификации // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 85–94.
- *Меньшикова Л. А.* Перейдет ли Россия к интегральному обществу? (о новой книге профессора Г. Н. Цаголова «Путь к счастливой жизни») // Вопросы политической экономии. 2015. № 3. С. 119–138.
- *Глазьев С. Ю.* Денежная система России должна служить решению стратегических задач (диалог с А. Бузгалиным) // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 92–104.
- *Рязанов В. Т.* Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 88–106.
- *Абрамов М. Д.* Введение прогрессивной шкалы подоходного налога в России — обязательное условие развития ее экономики // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 40–52.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 21–43.
- *Клепач А. Н.* Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 44–63.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 34–50.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Социальные, материальные и финансовые ресурсы опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 9. С. 14–26.

Заключение

Политическая экономия посткапиталистического мира

В главе 13 нашего учебника мы написали, что поздним капитализмом не завершается история экономики. Вопреки мнению Фрэнсиса Фукуямы о том, что крах СССР и торжество неолиберализма означает «конец истории», а всяческие разговоры о социализме должны остаться в прошлом, — вопреки этому общественное развитие продолжается, и, несмотря на все его противоречия и нелинейность, о которых мы писали во Введении, доказывает, что посткапиталистические экономические отношения не только потенциально возможны, но и реально возникают и развиваются.

Более того, как мы покажем ниже, они могут в будущем привести к формированию социально-экономических основ новой общественной системы. Возможность и необходимость возникновения этой новой системы, ее содержание и даже имя сегодня вновь (после пары десятилетий постсоветского «отката») становится предметом обсуждений, в которых, однако, есть некое «твердое ядро». Большая часть современных марксистов (а ниже, как и везде в этом пособии, мы будем говорить о них) солидарна в признании некоторых ключевых положений, которые мы и представим читателю в данном, заключительном разделе.

Глава 17

Пределы «царства необходимости» и капитализма: исследование предпосылок и ростков посткапиталистических отношений возможно и необходимо

Структура главы

- Рождение нового общества: исторические масштабы и общие черты качественного скачка. Классическая постановка вопроса
- Границы капиталистического способа производства и материальные предпосылки социализма
- Производительные силы, производственные отношения и социальные предпосылки социализма

➢ **Обращаясь к первоисточникам:**
Ф. Энгельс о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы»

17.1. Рождение нового общества: исторические масштабы и общие черты качественного скачка. Классическая постановка вопроса

При оценке характера качественных изменений, характеризующих переход от капитализма к следующей ступени исторического развития, следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство. Капитализм представляет собой способ производства, являющийся исторически последним в развитии всей экономической общественной формации. Поэтому *с уходом капитализма с исторической арены уходит в прошлое и вся экономическая общественная формация.*

В некотором отношении это не только водораздел между двумя крупными историческими формациями человеческого общества (экономической и постэкономической — коммунистической), но и скачок, знаменующий окончание всей предшествующей эпохи развития человечества, как его *предыстории* («завершается предыстория человеческого общества»[1]), и переход к подлинной истории («с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю»[2]).

В чем же состоит этот переход от предыстории к возможности сознательно творить свою историю?

Обращаясь к первоисточникам: Ф. Энгельс о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы»:

Стоит привести здесь длинную цитату из работы Фридриха Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных отношений, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»[3].

В конце концов, Ф. Энгельс резюмирует: «Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[4].

---

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 13. М.: ИПЛ, 1959, с. 8.

[2] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 19. М.: ИПЛ, 1961, с. 228.

[3] Там же, с. 227.

[4] Там же, с. 228.

Итак, мы видим переход от предыстории — к истории, из звериных условий существования — в условия человеческие, из «царства необходимости» — в «царство свободы». Об условиях и предпосылках этого перехода будет сказано ниже, сейчас же нас интересует его содержание. Содержание же этого качественного скачка заключается в приобретении людьми господства над своими общественными отношениями, в освобождении от противостояния им как чуждым господствующим силам, в приобретении способности устанавливать общественные отношения между собой как собственное свободное дело. Тем самым, раз общественные отношения перестают быть чуждой человеку, противостоящей ему внешней силой, преодолевается и отчуждение человека от человека и человека от общества.

Но почему классический марксизм считает, что выход за рамки капиталистического общества даст именно эти, весьма заманчивые результаты?

Ответ прост: *Противоречия прошлого сами несут в себе возможности своего разрешения.*

Исследование противоречий капиталистического способа производства показывает нам, что эти противоречия ведут к такому развитию капиталистического производства, которое порождает еще в пределах капитализма целый ряд явлений, которые не имеют в полном смысле слова капиталистическую природу, и даже находятся в конфликте с основными производственными отношениями капитализма. Тем не менее эти отношения существуют как составная часть капиталистической хозяйственной системы, ибо без них капиталистическое производство уже не может существовать и развиваться.

Таким образом, *капитализм открывает дорогу новым тенденциям в развитии производительных сил, являющимся неизбежным следствием эволюции самой капиталистической системы.* Вместе с этими новыми производительными силами рождаются и новые, переходные производственные отношения, в которых уже присутствует новое качество, выходящее за рамки качественной определенности капитализма. Именно на изучении этих тенденций и явлений, а не просто на мечтах об идеальном справедливом обществе, построен прогноз марксизма о революционном переходе к новому способу производства.

Хотя капитализм достаточно долго способен встраивать в себя и подчинять себе эти новые, чуждые его природе элементы производительных сил и производственных отношений, его возможности не беспредельны. *Когда дальнейшее эволюционное накопление некапиталистических элементов в рамках капитализма начинает угрожать ведущей роли фундаментальных основ капиталистического способа производства, капиталистические производственные отношения начинают играть роль тормоза развития.* За этой чертой интересы капиталистического класса, порождаемые системой производственных отношений капиталистического способа производства, заставляют капиталистов препятствовать росту новых, прогрессивных, но отрицающих капитализм тенденций, как в производительных силах, так и в производственных отношениях.

Поэтому оказывается необходимым преодоление рамок капитализма в целом, как системы, чтобы дать простор развитию этих новых тенденций, позволить им приобрести целостный характер, сложиться в новый способ производства. При этом способе производства труд, вместо того быть средством порабощения наемных работников и источником процветания нетрудящихся классов, становится средством освобождения человека — постольку, поскольку он составляет основу для свободного и всестороннего развития человеческих способностей. Но как труд может подобным образом преобразовать свой характер?

К. Маркс подчеркивал, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»[1].

[1] *Маркс К.* Капитал, т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 25, ч. II. М.: ИПЛ, 1962, с. 386–387.

Человек становится более свободным и в материальном производстве, в «царстве необходимости» — ибо необходимость воспроизведения условий материальной жизни остается. «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»[1].

Это утверждение Маркса из «Капитала» согласуется с его же концепцией, что наибольшего расцвета производительные силы человеческого труда получают в развитии научного знания и в технологическом применении науки, а также и в иных подобных же процессах творческой деятельности. Соответственно, время для развития свободной творческой деятельности, для развития и раскрытия способностей человека приобретает первостепенное значение. Поэтому *именно свободное время*, в противоположность рабочему — где производство диктуется «нуждой и внешней целесообразностью», *должно стать мерилом богатства*.

Как было показано выше, этот прогноз находит подтверждение в современных тенденциях развития капиталистического способа производства — *но в его рамках эта тенденция не может стать всеобщим достоянием даже в потенции*. Более того, современный капитал характеризуется тенденцией к установлению абсолютного контроля над условиями свободного развития человека: над его свободным временем, над творческой деятельностью и ее результатами, над объектами природы, и вообще над миром культурных ценностей. Капитал стремиться подчинить все эти сферы жизни человека своим собственным интересам — интересам производства прибавочной стоимости. Тем самым капитал ставит пределы возможностям развития человека в капиталистическом обществе, и эта его тенденция выступает свидетельством приближающегося кризиса капитализма.

Не означает ли такое положение вещей, при котором общественные отношения людей «станут собственным сознательным делом», будут «подчинены их господству», что соотношение общественного бытия и общественного сознания переворачивается? Сознание общественного человека становится господствующим над его общественными отношениями, а значит, и его производственные отношения — это уже не объективные, независимые от человека общественные отношения, как их определял сам К. Маркс? И как тогда меняется концепция способа производства, как взаимообусловленного единства производительных сил и производственных отношений?

Превращение развития человека «по ту сторону материального производства» в самоцель, а свободного времени — в мерило богатства, означает, по меньшей мере, приобретение сферой свободной человеческой деятельности главенствующего положения по сравнению со сферой материального производства. Но какой ответ дали бы классики марксизма на те парадоксы, которые вытекают из их собственных тезисов о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы» (и которые были сформулированы в предыдущем абзаце)? Оставим этот вопрос пока открытым.

Чрезвычайно распространенным является обвинение К. Маркса в том, что его историческая концепция является замкнутой, конечной, и что коммунизм по Марксу выступает «концом истории». Эти обвинения цепляются за слова о переходе от предыстории человечества к его подлинной истории, которая, якобы, и есть, по Марксу, завершенный идеал человеческого общества, а все, что было раньше — лишь предыстория к нему.

[1] *Маркс К.* Капитал, т. III..., с. 387.

Однако для исторической концепции Маркса такая завершенность является совершенно немыслимой.

«Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»[1].

Буквальное прочтение этой фразы может привести к выводу, что коммунизм в известном смысле слова — как борьба за будущее справедливое общество и ликвидацию условий угнетения человека — был *всегда*, и что *после* коммунистической революции его *не будет*, ибо указанная задача будет решена. Можно, конечно, сказать и так, но тогда все равно остается коммунистическое общество, как общество, являющееся результатом коммунизма, понятого только как борьба за освобождение человека, общество, с которого начинается подлинная история человечества. И Карлу Марксу никогда не приходило в голову, подобно Френсису Фукуяме, предписывать этому обществу какие-то застывшие окончательные формы социальной организации.

Однако на какой объективной основе происходит этот скачок из «царства необходимости» в «царство свободы», какие именно изменения — прежде всего, в способе производства материальной жизни общества, — делают его возможным?

17.2. Границы капиталистического способа производства и материальные предпосылки социализма

Решение вопроса о границах капиталистического способа производства имеет в классическом марксизме обширные основания в области марксистского метода исследования и гораздо менее обширные основания в готовых теоретических выводах. Что же касается прямой постановки вопроса о границах капитализма, за которыми производственные отношения, основанные на капитале, из источника прогресса производительных сил превращается в их тормоз и с необходимостью происходит социальная революция, то здесь мы обладает еще более ограниченным теоретическим наследием. Кроме того, это наследие классического марксизма неизбежно ограничено и тем историческим горизонтом, который был доступен классикам для формирования фактической базы своих теоретических выводов.

С тех пор прошло более века, и приходится констатировать, что вклад последователей Маркса в изучение этой проблемы оказался далеко не столь велик, как того требовало время. И все же, если систематизировать основные шаги вперед, сделанные марксистами после Маркса, и добавить к этому вклад ученых немарксистских направлений в расширение фактической базы соответствующих исследований, это не превратит проблему в решенную, но позволит обозначить новые рубежи для дальнейших исследований.

Итак, *где кончается капитализм и с необходимостью начинается качественный скачок, революционный переход к социализму?*

Чтобы понять характер материальных предпосылок, необходимых для перехода к социалистическому общественному строю, недостаточно затвердить набор немногочисленных цитат из классиков марксизма, обычно приводимых по данному случаю. Во-первых, никакие цитаты из произведений XIX или даже начала XX века не могут полностью разрешить проблемы, стоящие перед социалистическим движением и его теоретиками сейчас, в начале XXI века. Во-вторых, обычный набор цитат не включает в себя целый ряд замечаний, не вписывающихся в распространенную ортодоксальную трактовку материальных предпосылок социализма.

Поэтому нужно не только исследовать поставленную задачу с позиций фактического материала сегодняшнего дня, но и занять при оценке этого фактического материала определенную теоретическую и методологическую позицию. Для марксиста такая позиция заключается, прежде всего, в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955, с. 34.

материалистическом понимании истории, которое в основе исторического процесса видит смену способов производства.

Вспомним, каким образом марксизм рассматривает предпосылки перехода от одного способа производства к другому. Вкратце эти предпосылки заключаются в таком развитии производительных сил общества, которое становится несовместимым с оболочкой старых производственных отношений. Разумеется, для каждого конкретного способа производства оценка такого уровня развития производительных сил является предметом конкретного исследования.

Доступный нам исторический материал позволяет прийти к любопытным выводам, не замечавшимся ортодоксальным марксизмом-ленинизмом.

В рамках экономической общественной формации переход от одного способа производства к другому *ни разу не имел своей предпосылкой переворот в характере применяемых средств производства* (хотя глупо было бы отрицать заметную их *эволюцию*), а всегда основывался на изменении природы основной производительной силы общества — *работника. Переворот же в технической основе* производства всегда выступал *следствием утверждения новой системы производственных отношений.* Так, например, переход от феодализма к капитализму не потребовал переворота в технической основе производства — потребовалось лишь превращение крепостного сначала в самостоятельного мелкого производителя, а затем в свободного наемного рабочего. Возникновение же новой технической основы производства было обеспечено уже самим капитализмом — путем капиталистического промышленного переворота. Аналогичным образом и переход от античного способа производства к феодальному не имел своей предпосылкой возникновение качественно новых средств производства, а опирался на формирование нового типа работника — сначала лично свободного общинника с отчуждаемым земельным наделом, превратившегося затем в лично зависимого крестьянина с гарантированным земельным наделом.

Однако переход иного масштаба — не от одного способа производства к другому способу производства, а от одной крупной общественной формации к другой, — покоился несколько на другой расстановке предпосылок. Так, переход от доэкономической (архаической) формации к экономической (или от первобытнообщинного строя к эксплуататорскому обществу) имел предпосылкой *не только* формирование *нового типа работника,* — обособленного индивида, работающего в семейном хозяйстве[1], — *но и переворот в технической основе производства:* переход от применения преимущественно каменных к применению металлических (медных, бронзовых, железных) орудий труда.

Можно предположить, что и переход от экономической общественной формации к постэкономической (коммунистической) также потребует в качестве своей предпосылки не только возникновения нового типа работника, но и переворота в применяемых средствах производства и, как следствие, в содержании труда, интегрирующего новое качество человека и средств производства. Не случайно замыкающим способом производства в экономической общественной формации является именно капитализм, характерной чертой которого выступает постоянное совершенствование технической основы производства и постепенное прогрессирующее значение сначала интеллектуальной, а постепенной и креативной составляющей труда, т. е. *движение от репродуктивного труда к творческой деятельности.*

Что же можно уже сегодня сказать о ***технической основе производства, составляющей предпосылку перехода к социализму***?

В классическом марксизме были нащупаны определенные теоретические критерии, определяющие своего рода список требований к новой технической основе производства, призванной обеспечить разрешение противоречий, свойственных капитализму и экономической общественной

[1] Разумеется, эта обособленность не была абсолютной, долгое время сочетаясь с сохранением общинных структур, и лишь целую эпоху спустя капитализм создал действительно частного человека, свободного от личной зависимости.

формации в целом. Эти теоретические критерии, выведенные на весьма еще незрелой стадии капитализма, нашли к концу XX века блестящее подтверждение в реальных тенденциях развития современного нам капиталистического общества. Появились новые производительные силы, дающие надежду на практическое решение поставленных К. Марксом в середине XIX века задач.

Что же должны обеспечить новые производительные силы? Они должны создать такие условия, при которых человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека», когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение *предела* для этого развития», и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»[1].

Кроме того, новая техническая основа производства должна обеспечивать *прекращение борьбы за индивидуальное существование*[2]. В современных условиях это означает не только достаток средств существования, но одновременно и приемлемое состояние окружающей среды. Разумеется, такой переход *невозможен до тех пор, пока целью производства остается накопление вещного богатства*, и, более того, искусственное раздувание стремления к потреблению в погоне за расширением рынка сбыта. Соответственно, предполагается такое *изменение характера человеческой деятельности, которое приводит к превращению не вещного богатства, а самой деятельности в первую жизненную потребность* (*и вместе с этим свободное время как пространство для развития человеческих способностей превращается в мерило богатства*[3]).

Можно отметить, что тенденция к замещению стремления к накоплению вещного богатства целями, вытекающими из превращения труда в творческую самодеятельность (самореализация индивида в труде, раскрытие его творческих способностей, обеспечение неотчужденных общественных связей с другими людьми, и другие невещные цели[4]), пока является реальностью лишь для довольно узкого сегмента работников в наиболее развитых странах, да и то в формах, весьма искаженных господствующей капиталистической системой отношений.

Нерешенной остается проблема: как возможно вывести на такой уровень развития все человеческое общество? Если ориентироваться на стандарты потребления современной буржуазной цивилизации — то никак, ибо для этого физически не хватит ресурсов Земли. Поэтому предпосылки перехода не могут одновременно сложиться во всех, или даже в большинстве, стран мира, а только в небольшой, наиболее развитой их части, и даже там в рамках капитализма никогда не станут полными. Переход к социализму упирается в проблему переноса этих предпосылок в менее развитые страны, причем таким образом, чтобы миновать ловушку колоссального роста избыточного потребления, свойственного позднему капитализму.

Очевидно, что в любом случае требуется значительный рост производительности общественного труда. Но одновременно становится ясно, что для движения к социализму приемлем *не любой рост производительности труда*, а лишь тот, который опирается на *ресурсоэкономный* путь развития производства и потребления. Иными словами, возрастающее производство общественного богатства должно достигаться при том же, или даже сокращающемся уровне потребления естественных ресурсов.

---

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46. ч. I. М.: ИПЛ, 1968, с. 280, с. 476; ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 35, с. 110, с. 221.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 20. М.: ИПЛ, 1961, с. 292, 294.

[3] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 217, 221.

[4] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I. М.: ИПЛ, 1968, с. 476.

Другое требование, сформулированное классиками — *освобождение человека от функции частичного рабочего* (по крайней мере, в большую часть времени) и вообще *освобождение его от подчинения общественному разделению труда*[1]. Это предполагает, по меньшей мере, резкое сокращение времени рутинного репродуктивного труда, как за счет роста производительной, так и за счет роста потребительной силы человека (рационализация потребления — не столько за счет сужения потребностей, сколько за счет перехода к менее расточительным способам их удовлетворения, в том числе путем сокращения престижного и иррационального потребления).

До сих пор остается гораздо менее ясным, в какой мере освобождение человека от калечащего его подчинения разделению труда будет происходить путем либо универсализации его функций, либо широко распространенной перемены труда[2]. В какой мере, и, главное, на какой основе станет возможно обойтись без развития узкой специализации человека? Ведь даже в т. н. творческих профессиях необходимость такой специализации для достижения высоких результатов пока остается реальностью. Вероятно, она и не может быть устранена полностью — будет лишь создана ограниченная только собственными способностями человека возможность перехода к любым видам деятельности. Единственное, что обязательно должно быть выведено за рамки узкой специализации, так это занятия, не предполагающие значительной доли творческих функций (тяжелый неквалифицированный труд).

Создание материальных условий для развития творческих способностей человека в современных условиях «экономики знаний» подтверждает прогноз Маркса о развитии всеобщего труда[3], основанного на универсальности (и в пространстве, и во времени) кооперации деятельности и обмена знаниями в ходе творческих процессов. Таким образом, развитие процесса обобществления производства приобретает новый облик. Оно не сводится к концентрации и специализации производства, а в огромной степени усиливает сложившуюся еще в индустриальную эпоху тенденцию к *«обобществлению человека»*, то есть к его универсальной социальной подвижности, способности к образованию различного рода ассоциаций и союзов, основанную теперь на всеобщем труде — всеобщей кооперации знаний и творческой деятельности. Эта сторона обобществления производства находит в современных средствах информатики и телекоммуникаций адекватную техническую основу.

Однако современные тенденции в развитии производительных сил сохраняют в обозримой перспективе значительный сегмент производства, основанный на старых полуиндустриальных или даже доиндустриальных технологиях. Это значительная часть сферы услуг, где такие профессии, как официант, горничная в отеле, парикмахер, посудомойка, уборщица, продавец и т. д. еще не вышли в основном из сферы доиндустриального труда. Произойдет ли в этих отраслях замена ручного труда машинным? Или преобразование содержания труда произойдет на основе каких-то новых, немашинных технологий? Или же эти отрасли останутся отраслями, основанными на межсубъектном взаимодействии, где сохранится прямое обслуживание одним человеком другого?

Ясного ответа на эти вопросы у нас пока нет.

При всех этих оговорках становится все более очевидным, что указанные выше тенденции не могут быть в полной мере реализованы на основе индустриального (машинного) производства. Это вовсе *не значит*, что выход за пределы машинного

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 20. М.: ИПЛ, 1961, с. 305

[2] К. Маркс пишет об объективной задаче: «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности». (*Маркс К.* Капитал, т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 23, с. 453).

[3] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 110.

производства является *непременным условием* перехода к социализму. Однако формирование еще при капитализме, по крайней мере, значимого сектора «постмашинного» производства является необходимой предпосылкой, позволяющей развернуться указанным выше тенденциям.

Другая сторона вопроса о материально-технических предпосылках социализма — это их *негативное* определение. Известно высказывание Маркса о том, что ни один общественный строй не погибнет раньше, чем исчерпает все возможности для прогрессивного развития производительных сил. Признаки такого исчерпания возможностей современного капитализма, несомненно, налицо, и левая литература пестрит указаниями на войны, экологический кризис, перепотребление, культурную деградацию и т. д. и т. п., как спутников современного капитализма. Но одновременно этот же капитализм смог осилить такие, несомненно, прогрессивные в своей основе сдвиги, как информационную революцию, создание предпосылок постиндустриального общества и экономическую глобализацию.

Однако даже эти прогрессивные стороны развития капитализма в сфере производительных сил неизбежно приводят (именно в силу их прогрессивности!) к всё большему накоплению в структуре его производственных отношений таких элементов, которые не вытекают из качественной определенности капитализма, да и товарного производства вообще[1]. В частности, оправдывается прогноз К. Маркса об эрозии стоимостной основы капиталистических отношений.

Вслед за вопросом о технической основе нового общества мы можем поставить проблему ***нового типа работника, формирующегося в недрах капитализма.***

Новый характер деятельности, новое содержание труда порождают и новый тип работника. Это в первую очередь *свободный работник — свободный в том смысле, что его деятельность становится основой свободного формирования и воспроизводства его общественных отношений*[2] (принцип свободной ассоциации тружеников). Предпосылку для такого свободного труда первоначально составляет творческое содержание человеческой деятельности.

Дело не в том, что труд творческий, в противоположность рутинному репродуктивному труду, свободен сам по себе, на основе принципа «не продается вдохновенье...» — то есть вроде бы не может совершаться в рамках какой бы то ни было формы социального принуждения. Современный капитализм показывает, что еще как может! Дело в том, что *именно в творческой деятельности впервые, еще при капитализме, появляется тенденция к свободному формированию общественных отношений.* Эта тенденция весьма ограничена, она проявляется лишь непосредственно в рамках самого творческого процесса, где капитал уже не может диктовать работнику, как решать поставленную творческую задачу. Соответственно, творческий работник сам определяет сеть и характер тех общественных связей, той кооперации знаний, которые он устанавливает в труде. Но за пределами этого процесса капитал жестко задает внешние параметры деятельности, и в первую очередь подчинение этой творческой деятельности задаче производства прибавочной стоимости, погоне за прибылью (что накладывает определенный отпечаток и на содержание творческого процесса).

Ясно, что *в обозримой перспективе даже такая ограниченная свобода будет развиваться в весьма узких рамках.* Ведь труд с преимущественно творческими функциями никогда не станет при капитализме достоянием большинства работников даже в наиболее развитых странах. Замечу, что и с преодолением капитализма, в течение длительной исторической эпохи творческое содержание деятельности не будет являться достоянием всех. По меткому замечанию

[1] Эти новые явления уже анализировались ранее (См., например: *Бузгалин А., Колганов А.* Глобальный капитал. М.: Ленанд/URSS, 2015, с. 53–85 (Изд. 4-е, доп. М.: Ленанд/URSS, 2018); *Антипина О. Н., Иноземцев В. Л.* Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // *Иноземцев В. Л.* За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998, с. 375–465).

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 20. М.: ИПЛ, 1961, с. 295.

В. М. Межуева, социализм освобождает человека вовсе не тем, что делает всех творческими гениями.

Каким же образом свободная творческая деятельность может составить тогда предпосылку выхода за рамки капитализма, если основанный на ней новый тип работника формируется лишь в относительно узком социальном слое? Эта проблема преодолевается, если мы примем во внимание, что со снятием оболочки капиталистических производственных отношений становится возможным распространение принципа свободной творческой самодеятельности — по крайней мере, в одном аспекте — *на всех*. Появляется *свобода социального творчества* — т. е. именно та самая *свобода людей самим творить свои общественные отношения*. И уже на основе этой свободы могут завоевываться материальные предпосылки для постепенного распространения возможностей творческой деятельности для каждого человека.

Так перед нами встает новый вопрос: ***как соотносятся тенденции в развитии новых средств производства и формировании нового типа работника с определением экономических предпосылок социализма?***

Ортодоксальный «марксизм-ленинизм» вообще отрицал формирование экономических предпосылок социализма в рамках капиталистического способа производства, утверждая, что налицо могут быть только материально-технические предпосылки[1]. Сторонники этой точки зрения выдвигали вполне логичный аргумент, что важнейшие экономические отношения социализма могут сформироваться только в народнохозяйственном масштабе, а потому и не могут возникнуть до социалистической революции. Однако в любом случае серьезные сдвиги в производительных силах общества и обусловленные ими изменения в содержании труда не могут не повлечь за собой такие изменения в производственных отношениях, которые ведут к формированию переходных экономических форм (разумеется, не являющихся *полным отрицанием* капиталистических отношений), как раз и выступающих как экономические предпосылки социализма.

Что же это за *отношения, представляющие собой частичное отрицание капитализма в его рамках*?

Это те отношения, которые формируются под влиянием развития общественного характера производства, тенденции к росту *обобществления производства* — т. е. углубления общественного разделения труда, связывающего различные частные работы между собой так, что их независимый характер становится иллюзорным. Одновременно растет сфера нерыночной координации деятельности внутри капиталистических предприятий, масштабы которых с ростом специализации и концентрации производства растут, приобретая, в конце концов, транснациональный масштаб.

Эти процессы ведут к подрыву товарного характера (а вместе с этим — и стоимостной основы) капиталистического производства. Частное, изолированное, самостоятельное производство все больше заменяется координируемым, регулируемым и даже прямо управляемым в общественном масштабе. Такого рода тенденции не уничтожают капиталистический базис производства, но ведут к возникновению в его структуре таких производственных отношений, которые выражают рост уровня обобществления, развитие тесных связей, охватывающих все звенья общественного разделения труда.

К. Маркс в «Капитале» рассматривал в качестве таких отношений, во-первых, кредитную систему и банки, охватывающие все общественное производство контролем над движением денег, и выступающие как прообраз системы общественного счетоводства[2].

Во-вторых, это развивающийся на основе кредитной системы акционерный ка-

[1] Это отрицание было политически обусловлено сталинской системой, поскольку позволяло настаивать на достаточности предпосылок строительства социализма в СССР, создаваемых индустриализацией, и снимало проблему ответственности сталинизма за реальное разрушение, по меньшей мере, части экономических предпосылок социализма, происходившее в ходе его «строительства».

[2] *Маркс К.* Капитал, т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 25, ч. I, с. 483–484.

питал, выходящий за пределы «классической» частной собственности и превращающий ее в групповую, распыляя ее нередко среди десятков тысяч собственников, но одновременно резко увеличивая концентрацию производства и капитала и контроль над ними со стороны капиталистической олигархии[1].

В-третьих, это кооперативные предприятия, снимающие (только, разумеется, в пределах самого предприятия) противоречие между трудом и капиталом, и выступающие, по словам К. Маркса, как «положительное упразднение частной собственности»[2].

Теоретики периода II Интернационала (Р. Гильфердинг, В. И. Ленин и ряд других) дополнили эти представления, по меньшей мере, в двух пунктах.

Во-первых, анализ монополистической стадии капитализма показал расширение планомерной организации производства внутри капиталистической фабрики до масштабов гигантских монополистических объединений, нередко выходящих за национальные рамки. Кроме того, возросшая концентрация и специализация производства и капитала, и образование финансового капитала означали шаг вперед в степени зрелости тех предпосылок, которые создавались акционерной системой и банками. На этой основе расширилась необходимость вмешательства государства в регулирование капиталистического производства.

Во-вторых, сложилась концепция, согласно которой разрозненные, изолированные кооперативные фабрики рабочих могут сыграть свою роль, как предпосылки социалистической системы производственных отношений, если они будут объединены в общенациональную систему под контролем общенациональной потребительской кооперации[3]. Особой составной частью этой концепции было развитие идеи, намеченной у Маркса лишь одним штрихом — об использовании кооперативных организаций в качестве меры, обеспечивающей переход от мелкокрестьянского сельскохозяйственного производства к крупному общественному.

Дальнейшие исследования не так много добавили к этому анализу, сведясь лишь к уточнению, конкретизации, и наполнению свежими фактами уже сложившихся концепций. Значительно расширились и углубились наши знания о возможности организации производства без капиталистов. Такое производство уже не сводится к кооперативным фабрикам рабочих, а представляет собой целый сектор «экономики солидарности» (или «экономики участия»), начиная от акционерной собственности работников и кончая различными формами добровольного бесплатного труда[4]. Однако роль этого сектора и в качестве составной части поздней капиталистической экономики, и в качестве предпосылки перехода к социализму еще не подверглась новому теоретическому осмыслению.

Анализ глобализации марксистами внес немало нового в понимание эволюции капитализма и в оценку исторической ступени его зрелости. Однако и этот анализ пока не привел к достаточно ясному формулированию идей, показывающих то новое, что глобализация вносит в экономические предпосылки социализма, за исключением очевидных наблюдений, что теперь эти предпосылки начинают приобретать глобальный характер[5] и их реализация на-

[1] *Маркс К.* Капитал, т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 25, ч. I, с. 481–482.

[2] Там же.

[3] Отражение этой концепции можно видеть в «Проекте резолюции о кооперативах российской с.-д. делегации Копенгагенского конгресса», подготовленной В. И. Лениным к Восьмому конгрессу II-го Интернационала (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. с. 310–311).

[4] Подробнее смотри: *Колганов А. И.* Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия, 1993; *Рудык Э. Н.* Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998; *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Экономическая компаративистика. Параграф 2.3.3. М.: Инфра-М, 2005; *Rifkin J.* The End of Work. Chapter 17. Empowering the Third Sector. N. Y.: A Tarcher/Putnam Book, 1996.

[5] Некоторые более или менее общие — но при этом и довольно расплывчатые — соображения о новых условиях борьбы за ниспровержение капитализма были сделаны в книгах Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» и «Множество» (*Хардт М., Негри А.*

ходится в зависимости от тех противоречий, которые формируются между центром и периферией мирового хозяйства[1].

Следует особо подчеркнуть, что все проанализированные выше предпосылки, так или иначе, отражают процессы обобществления (роста общественного характера) производства в рамках капитализма. В. И. Ленину даже принадлежит выражение, что научный социализм исходит из факта обобществления труда капиталом. Однако эти экономические формы, выражающие тенденцию обобществления производства, проявляющуюся *при капитализме*, не могут рассматриваться в качестве уже *готовых* оснований для системы социалистических производственных отношений. В этом смысле тот оптимизм, который демонстрировал Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», не вполне оправдан. *Те экономические отношения, которые составляют экономические предпосылки социализма, не есть еще элементы самого социализма — это все-таки лишь переходные экономические отношения.*

Этот факт, правда, лишь в отношении банковской системы, отметил еще Н. И. Бухарин, указав на то, что банковская система не есть вполне готовый механизм общественного счетоводства для социализма, поскольку она обеспечивает учет на основе стоимостных отношений, в то время как социализм преодолевает товарное производство.

Итак, у нас есть определенное понимание того, как развитие внутренних противоречий капитализма и рост обобществления производства формируют экономические предпосылки социализма. Однако пока нет практически никаких исследований, в которых бы изучался вопрос о том, в какой степени должны быть развиты эти экономические предпосылки социализма (и какие именно из них в первую очередь), чтобы создать *достаточные* экономические основания для перехода к социализму.

Можно легко заметить, что мы пока имеем исследования, *указывающие* на формирование *социально-экономических* предпосылок социализма на основе развития творческого содержания труда, высвобождения человека из непосредственного процесса материального производства и т. п., но не имеем исследований, которые давали бы *теоретическую оценку* места и роли этих предпосылок в общей их системе. В буржуазной экономической теории эти процессы уже получили ту или иную экономическую интерпретацию (например, в виде «экономической теории информации» или в концепции «человеческого капитала»). Марксисты же, обосновывая свою критическую позицию по отношению к такой интерпретации, не дали еще своего развернутого позитивного видения этих тенденций как социально-экономических предпосылок социализма, отделываясь общими фразами о возрастании роли человека в производстве и о развитии всеобщего труда. Единственный пункт, который до какой-то степени можно поставить нам в заслугу — это указание на тенденцию к формированию всеобщей собственности на знания и информацию как реальной альтернативы частной интеллектуальной собственности и коммерческой тайне.

Еще более сложным и не проясненным остается вопрос о том, как *экономические* предпосылки социализма могут составить фундамент для формирования производственных отношений коммунистического общества, носящих уже *не экономический* характер.

17.3. Производительные силы, производственные отношения и социальные предпосылки социализма

Проделанный выше обзор формирования материально-технических, деятельностных (трудовых) и экономических предпосылок социализма достаточно ясно *свидетельствует о развитии процесса разложения капиталистического способа производства.* Следовательно, можно сделать вывод и о

Империя. М.: Праксис, 2004; *Хардт М., Негри А.* Множество. М.: Культурная революция, 2006).

[1] См., например: *Amin S.* Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism. New-York, NY: Monthly Review Press, 2016

том, что должен происходить и *процесс разложения основных классов капиталистического общества* — класса капиталистов и класса наемных работников (этот процесс уже был проанализирован выше).

Факты подтверждают этот вывод. Действительно, классическая фигура частного предпринимателя неудержимо расплывается в пространстве, будучи затерянной где-то между крупными, средними и массой мелких акционеров, директорами, высшими менеджерами и прочими управляющими, банкирами, финансовыми спекулянтами, маклерами и брокерами, ведущими специалистами исследовательских отделов корпораций, вкладчиками пенсионных фондов и т. д. Одновременно численность фабрично-заводского пролетариата в странах развитого капитализма неумолимо сужается, распадаясь, с одной стороны, на слой квалифицированных специалистов и профессионалов, непосредственно обслуживающих интересы капитала, и имеющих соответствующие доходы, и, с другой стороны, на массу малоквалифицированных и полуквалифицированных работников сферы услуг, распыленных, не спаянных в крупные коллективы, часто занятых временно или частично, и чей заработок нередко не дотягивает до прожиточного минимума.

И эти «неприятные» факты заставили немало понервничать левых теоретиков, ибо они ставили под сомнение их понимание классической марксистской концепции об «исторической миссии пролетариата» как могильщика капитализма. Некоторые из них решили сдать историческую миссию пролетариата в утиль и подыскать на его место кого-нибудь другого (например, интеллигенцию или «когнитариат»). Другие вышли из затруднений, распространив понятие пролетариат на всех лиц наемного труда (вне зависимости от их действительной роли в экономической системе). Третьи заявили, что, несмотря на все перемены, пролетариат по-прежнему остается пролетариатом — и точка.

На самом деле требовалось, прежде всего, обратить внимание на тот факт, что при смене способа производства его движущей социальной силой никогда не выступал только конфликт между основными классами «старого» способа производства. Более того, самая активная (ведущая) роль в социальной революции (другими словами, гегемония) *принадлежала всегда новым социальным слоям, бывшим продуктами разложения основных классов прежнего общества* и исходным материалом для формирования основных классов нового способа производства[1].

Разумеется, эти новые слои длительное время выступали в старой социально-правовой оболочке. Например, буржуазия, как мелкая, так и крупная, а также и предпролетариат, к началу буржуазной революции во Франции несли на себе общее одеяние «третьего сословия». Значительная часть буржуазии в России XIX века по документам значилась крестьянами или мещанами (т. е. городскими простолюдинами). Крестьянами числилась и часть фабрично-заводских рабочих.

В современном капиталистическом обществе наемным работником может именоваться полунищий поденщик, перебивающийся случайными заработками, заводской рабочий, профессор университета и генеральный директор крупной корпорации. Но даже если мы выделим в этой пестрой толпе только тех, кто эксплуатируется капиталом (а не является агентом капитала по эксплуатации труда), и для кого систематическая продажа рабочей силы является основным способом существования, это еще не решает проблемы.

Дело в том, что значительный (хотя и составляющий явное меньшинство) слой наемных работников, занятых по преимуществу, или в существенной степени творческими функциями, отличается по своему социально-экономическому положению от «классического» фабрично-заводского пролетариата. Переход от машинных технологий к постмашинным создал и *нового наемного работника* — не частичного фабричного рабочего, подчиненного как диктату ка-

[1] Как уже отмечалось, одним из первых среди марксистов обратил внимание на эти обстоятельства американский социолог Чарльз Райт Миллз (См., например: *Mills. Ch. W.* The Marxists. N. Y. 1962, p. 116).

питала, так и власти фабричной системы, а творческого работника, реализующего значительную степень свободы в своей деятельности, и в этой части претендующего на независимость от капитала.

Как уже было сказано выше, эта независимость весьма относительна, но потенциально не ограничена, а потому и является основной конфликта интересов между творческими работниками и капиталом. Этот конфликт имеет своей основой то же отчуждение труда, которое гнетет любого наемного работника. Но *новый тип творческого работника отличается от классического фабрично-заводского пролетария тем, что в самом процессе своего труда он потенциально (а отчасти — и реально) свободен от диктата капитала.*

Именно это различие создает и различие в характере того, что, вслед за К. Марксом, можно было бы назвать «исторической миссией» данных социальных групп внутри класса наемных работников.

Объективные экономические интересы основной массы фабрично-заводского пролетариата могут быть сведены к высокой заработной плате для себя, и к сужению дохода капиталиста до уровня зарплаты высокооплачиваемого управляющего. Не следует забывать и о *внутренне присущих* пролетариату чертах мелкобуржуазности (пролетарий ведь *одновременно и рабочий, и торговец* — продавец своей рабочей силы). Да, борьба рабочего за достойные условия труда и его оплаты революционизирует капиталистическое общество, подталкивает его к изменениям, в том числе и выходящим за пределы собственно капиталистических отношений. Да, рабочий страдает от гнета капитала и не прочь бы вообще избавиться от его власти...

Но что же дальше? Даже ниспровержение капитала не освобождает фабрично-заводского рабочего от его *фабричного* рабства, хотя бы *наемное* рабство уже было ликвидировано. А с сохранением первого, порождающего противоречие интересов управляющих и управляемых, умственного и физического труда, ущербность частичного работника и т. д., весьма вероятно вернется и второе (печальный опыт СССР недвусмысленно свидетельствует об этом). Кроме того, фабрично-заводской пролетариат выступает таким классом, который *обречен на гибель* вместе с гибелью капитализма и становлением бесклассового социалистического общества.

Какой же социальный слой по роду своей деятельности, по месту в общественном производстве не только заинтересован в преодолении любых классовых перегородок, любого социального гнета, но и *имеет практический опыт такого преодоления, практическое знание о путях и способах, которыми решается эта задача*? Именно та часть наемных работников, которая связана с выполнением творческих функций.

До сих пор капитал довольно успешно справлялся с теми противоречиями, с которыми связано положение творческого работника в системе капиталистических отношений. На ранних стадиях промышленного капитализма число таких работников было невелико, и значительная часть из них занимала особое положение «лиц свободных профессий», что сближало их по статусу с мелкими буржуа, делая их продавцами продуктов со своего частного «интеллектуального огородика». Затем, с развитием технического прогресса, происходит количественный рост этого слоя и превращение большинства его представителей в наемных работников. Творческая деятельность по развитию и технологическому применению научных знаний превращается из поля индивидуальной (частной) инициативы в крупную, капиталистически организованную отрасль производства, покоящуюся на использовании наемного труда.

Однако и теперь капитал все еще способен создавать для значительной части таких работников относительно привилегированные условия — как по уровню дохода, так и по условиям труда. Поэтому творческие работники (ученые, инженеры, преподаватели, врачи, журналисты и т. д.) в массе своей, хотя и тяготятся властью капитала, но стремятся к освобождению от него именно как привилегированная каста, добиваясь такого освобождения только для себя. Более того, многие видят путь своего освобождения от власти капитала в том,

чтобы самим сделаться капиталистами — подобно тому, как французский буржуа XVII столетия мечтал о покупке дворянского патента или женитьбе на дворянке. Ведь значительная часть творческих работников — менеджеры, агенты финансового рынка, агенты политического и идеологического манипулирования и т. п., — по своему положению в системе капиталистического производства привязана к непосредственному обслуживанию самовозрастания капитала.

И все-таки возможности капитала по социальному подкупу всего этого слоя не беспредельны. Многие творческие работники, независимо от своего привилегированного положения, осознают общность своих интересов с другими отрядами наемных работников в противостоянии власти капитала. Кроме того, с ростом количества рабочих мест, нуждающихся в выполнении творческих функций, возможности подкупа со стороны капитала сужаются. Становится невозможным подкупить всех. И часть творческих работников все активнее включается в борьбу против власти капитала — первоначально в основном под своими, специфическими «цеховыми» лозунгами.

Эти «цеховые» лозунги, — свобода доступа к знаниям и информации, контроль над использованием научных результатов ради блага людей, а не вопреки ему (ради прибыли капиталистов) и т. п., — чем дальше, тем больше совпадают, однако, с интересами всех наемных работников. Разве фабричному пролетарию или малоквалифицированному работнику сферы услуг не нужен свободный доступ к высшему профессиональному образованию, если не для себя, то для своих детей? Разве не заинтересован любой наемный рабочий в том, чтобы лишить капитал «священного права» травить людей отходами производства или угрожать их здоровью не проверенными химическими соединениями (в продуктах ли питания, в лекарствах ли, в игрушках ли...)?

Наконец, с ниспровержением власти капитала «цеховые» лозунги творческих работников могут превратиться в универсальные цели всего общества: «образование — для всех», сокращение рабочего дня, доступ к культурным благам в свободное время, достижение равновесия с природной средой... Эти лозунги могут стать основой такого преобразования материальных условий производства (развития производительных сил), которое создаст действительную возможность для свободного развития человека.

Поэтому, на наш взгляд, *«могильщиком капитализма» может стать как раз* ***союз*** *традиционного наемного работника (фабричного пролетария) и наемных рабочих сферы услуг с наемным работником нового типа — творческим работником.* Самостоятельно ни та, ни другая социальная группа не смогут решить эту задачу. Фабричные рабочие и работники сферы услуг — потому, что условия их труда и их положение в общественной системе производства ограничивают их способности в части преобразования общества на социалистических началах. Творческие работники — потому, что социалистические отношения могут быть сформированы только в процессе социального творчества, захватывающего большинство населения. А для этого надо преодолеть собственную цеховую узость, придти к борьбе за интересы большинства и завоевать практическую поддержку этого большинства.

В заключение этого подраздела сформулируем один из самых сложных вопросов — об ***оценке степени готовности предпосылок социализма.***

Следует сразу сказать — никакая теория (и марксизм здесь не исключение) не может обладать неким «напряжометром», способным аптекарски точно фиксировать степень напряженности противоречий между производительными силами и производственными отношениями, и, соответственно, указывать на точный процент готовности капитализма к выходу за свои пределы. Мы, однако, в состоянии зафиксировать некоторые необходимые качественные параметры (которые и попытались представить выше), на основе которых можно делать и более или менее приблизительные количественные оценки.

Крайне важно обратить внимание на тот факт, что в условиях глобализации уже совершенно необходимо ставить вопрос о

преодолении капитализма в ходе социальной революции в масштабах мирового капиталистического хозяйства. Поскольку *национально-изолированная социальная революция окончательно становится невозможной*, встает проблема оценки условий международного распространения этой революции. Следовательно, без решения вопроса о характере и перспективах конфликта между развитым ядром капитализма и менее развитой полукапиталистической периферией нельзя верно определить перспективы движения к социализму.

В какой мере, например, социалистическая революция, охватывающая полупериферию и периферию мирового капитализма, и подрывающая тем самым привилегированное положение стран ядра капиталистической системы, может стать необходимым условием обострения противоречий в капиталистическом ядре, и создания там предпосылок для социалистической революции? Исторический пример Октябрьской революции 1917 года в России, оказавшей колоссальное воздействие на эволюцию мирового капитализма, показывает, что воздействие революции на периферии и полупериферии капиталистического хозяйства на революционизирование развития капиталистического ядра может быть весьма существенным, если не решающим.

Кроме того, *социальная революция*, ведущая к изживанию капиталистического способа производства и выходу за пределы мира отчуждения, *не является продуктом только лишь противоречия между производительными силами и производственными отношениями*. На ее вызревание влияют особенности исторической эволюции классов и социальных групп, развитие особенностей их социальной психологии, место той или иной страны в сложившемся международном разделении труда и масса других обстоятельств, определяющих конкретное соотношение социально-политических сил в национальной и международной политической борьбе. Ход этой борьбы, в свою очередь, зависит от наличия и характера организаций, представляющих интересы различных классов и социальных групп, от их зрелости, сплоченности, от решения теоретических и идеологических вопросов, от личных и политических качеств лидеров и т. д.

Да и вообще говоря, история никогда ничего не дает нам в чистом виде, соответственно абстрактным теоретическим схемам.

Учет всех этих многообразных обстоятельств зависит уже не только от науки, но и от искусства политической борьбы, причем сама практическая общественно-политическая деятельность (включая сюда также теоретическую и идеологическую борьбу) выступает немаловажным фактором, влияющим на перспективы социальной революции.

Победа может быть достигнута только в борьбе — ни одно историческое действие не свершится кем-то или чем-то за нас и без нашего участия.

Тем не менее, даже принимая во внимание все указанные выше обстоятельства, марксисты не могут обойти вниманием весьма сложный теоретический вопрос, который был поставлен перед ними ходом исторических событий XX века. Этот вопрос заключается в следующем: каковы перспективы социалистической революции, если она начинается в условиях, когда объективные предпосылки для перехода к социализму явно недостаточны? Ответ на этот вопрос уже не может, со всей очевидностью, носить абстрактно-теоретического характера, и потому может быть дан только после анализа соответствующей исторической практики (чему будет посвящен один из последующих подразделов).

Вопросы для самопроверки

17.1. Какие изменения в сфере производства подготавливают переход от одного способа производства к другому, от одной общественной формации к другой?

17.2. Какие тенденции в современных производительных силах подталкивают к выходу за рамки капиталистических производственных отношений?

17.3. Какие изменения в характере человеческой деятельности вступают в

конфликт с экономическим строем капитализма?

17.4. Может ли в рамках капитализма появиться новый тип работника — работник, занятый свободным творческим трудом? В какой мере это возможно, а в какой — нет?

17.5. Что можно сказать о появлении при капитализме переходных производственных отношений, т. е. отношений, частично отрицающих капитализм (пока еще в его собственных рамках)?

17.6. Каковы признаки, позволяющие говорить о разложении основных классов капиталистического общества?

17.7. Какую эволюцию претерпевает современный наемный работник и как в связи с этим меняется роль фабрично-заводского пролетариата в антикапиталистической борьбе?

17.8. Как на оценку развития предпосылок перехода от капитализма к социализму влияет факт развития капиталистической глобализации?

17.9. Какова роль оценки конкретно-исторических обстоятельств при определении степени развития предпосылок социализма и степени готовности капиталистического общества к социальной революции?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46. ч. I. М.: ИПЛ, 1968, с. 280, с. 476; ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 35, с. 110, 217, 221.
- *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 20. М.: ИПЛ, 1961, с. 292, 294, 295, 305.
- *Маркс К.* Капитал, т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 23, с. 453.
- *Маркс К.* Капитал, т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 25, ч. I, с. 481–484.

В этих двух работах содержится современный марксистский взгляд на развитие противоречий капитализма и формирование предпосылок социализма:

- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Пределы капитала: методология и онтология. Части 1–3. М.: Культурная революция, 2009.
- *Бузгалин А., Колганов А.* Глобальный капитал. М.: Ленанд/URSS, 2018.

Предлагаемая работа — одна из крайне немногих, где прослеживается эволюция категории стоимости в современном капитализме:

- *Антипина О. Н., Иноземцев В. Л.* Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // *Иноземцев В. Л.* За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998, с. 375–465.
- (*Либо здесь: Антипина О., Иноземцев В.* Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // МЭиМО, 1998, № 5,6,7).

В следующих четырех работах прослеживается формирование при капитализме экономических отношений и институтов, выходящих за рамки капиталистических отношений и частной собственности:

- *Колганов А. И.* Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия, 1993;
- *Рудык Э. Н.* Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998;
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Экономическая компаративистика. Параграф 2.3.3. М.: Инфра-М, 2005;
- *Rifkin J.* The End of Work. Chapter 17. Empowering the Third Sector. N. Y.: A Tarcher/Putnam Book, 1996.

В данных двух работах содержится довольно интересная, хотя и весьма расплывчатая, и замутненная постмодернистским способом мышления попытка разобраться с новыми аспектами социальных конфликтов в эпоху глобального капитализма:

- *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.
- *Хардт М., Негри А.* Множество. М.: Культурная революция, 2006.

Глава 18

Политическая экономия социализма

Структура главы
- Политэкономия социализма и опыт «реального социализма»
- Генезис посткапиталистической экономики («переходный период»)
- Социально-экономическая система неполного коммунизма

Основные понятия:
производительные силы социализма
формальное и реальное освобождение труда*
производственные отношения социализма
социально-гарантированный минимум*

Углубление отдельных вопросов темы:
- ✓ Решения проблемы специфики производственных отношений социализма, предлагаемые советской экономической теорией
- ✓ О модификации позиции «Если ты такой умный, то почему же ты такой бедный?» в экономике социализма
- ✓ О системе общественного учета и контроля за движением доходов

Научный социализм не ставил и не мог ставить себе задачу представить во всей полноте картину будущего социалистического общества. Максимум возможного, что мог дать научный социализм — это сделать определенные, самые общие, выводы на основе развития противоречий капиталистического общества, и появления в недрах самого капитализма средств разрешения этих противоречий.

Так обстояло дело до того момента, как свершилась революция, взявшая на вооружение социалистические лозунги, и была предпринята попытка сделать социалистическое общество реальностью. С этого момента стало невозможно не считаться с практикой борьбы за построение социалистического общества. И сразу же возникла проблема: как быть, если эта революционная практика расходится с имеющимися теоретическими прогнозами (пусть и самыми абстрактными) относительно условий формирования и облика социализма?

18.1. Политэкономия социализма и опыт «реального социализма»

Тот, кто попытается «в лоб» применить здесь известную формулу «практика — критерий истины», рискует оказаться в дураках. Дело в том, что *на самом деле* здесь мы имеем дело *не с сопоставлением практики и теории, а с сопоставлением* ***теоретических выводов****, сделанных на основе* ***двух различных практик***.

Научный социализм стремится опереться в своих теоретических выводах на историческую практику всего предшествующего развития человечества, и в особенности — на практику развертывания противоречий капиталистического общества. Обобщения и выводы, которые можно сделать из опыта СССР и «мировой социалистической системы», опираются в основном на практику попыток формирования

социалистического общества в странах, где для этого не созрели необходимые материальные предпосылки. Если это и социальный эксперимент, то поставленный *для проверки совсем не тех разделов научного социализма, которые непосредственно касаются формирования коммунистического общества.*

Однако было бы столь же глупо отмахнуться от этого исторического опыта. Сколь бы ни были недостаточны предпосылки для движения к социализму, но они все же были, и исторической реальностью было формирование многочисленных общественных форм, выходящих далеко за пределы возможного и допустимого при капитализме. Поэтому опыт становления и функционирования общества «реального социализма» *обязательно должен быть принят во внимание*, но при непременном учете того, что это — *не тот социализм, который является продуктом наивысшей точки развития и напряжения противоречий капиталистического общества.*

На что же из опыта «реального социализма» XX века мы можем опереться в построении более обоснованной теоретической картины социалистического общества? И что мы должны отбросить как чуждое, неорганичное социализму? Вот здесь на первый план выходят наиболее фундаментальные положения марксистского метода и теории научного социализма. Они дают нам критерии, позволяющие попробовать выделить в хаосе фактов *то, что относится к закономерным проявлениям именно коммунистической тенденции* развития — не исключая и новых, ранее неизвестных явлений и закономерностей.

Коммунистические тенденции, их основания в развитии производительных сил человеческого общества, материальные и социально-экономические предпосылки социализма, формирующиеся в рамках капиталистического общества — все это было рассмотрено в предыдущих главах, и нет необходимости повторять это здесь. Теперь нам предстоит использовать это знание, чтобы реконструировать социально-экономический строй социалистического общества.

Эта реконструкция выделяет три особых исторических периода: переходный период — период революционного перехода от капитализма к коммунизму, первую фазу коммунизма («социализм», неполный коммунизм), и высшую фазу коммунизма (собственно коммунизм). *Такая периодизация не носит твердо установленного наукой, или, тем более, нормативного характера,* а *выступает лишь как гипотеза*, опирающаяся на наблюдение некоторых общих закономерностей исторического развития. Пока исторический опыт XX века дает материал для подтверждения этого теоретического прогноза лишь относительно переходного периода, а также свидетельствует о том, что за пределами переходного периода может складываться отличная от него, более стабильная социально-экономическая структура.

При исследовании шагов становления коммунистического общества следует иметь в виду, что это переход не только от капитализма, но и от всей экономической общественной формации, и даже шире — от всей так называемой предыстории человечества. Поэтому производственные отношения коммунизма уже не являются в полной мере экономическими отношениями даже на его первой исторической фазе, а производящая система общества может быть названа хозяйством, но не может быть в точном смысле слова названа экономикой.

Кроме того, ни в коем случае нельзя забывать, что коммунистическое общество с точки зрения марксизма — это вовсе не равнозначная какому-нибудь докоммунистическому способу производства историческая ступень. Способ производства после коммунистической революции, безусловно, меняется, поскольку меняются производительные силы, и соответствующая им система производственных отношений. Однако историческое развитие после коммунистической революции, в коммунистическом обществе, не сводится только к этой перемене. *Меняется сам способ исторического развития человечества* — и это гораздо *более важная* перемена, чем перемены в способе производства. Коммунистическая революция открывает тем самым не просто дорогу к новой исторической ступеньке с новым способом производства, а дорогу *к новой исторической эпохе*, где сам способ

исторического бытия человека меняется. Коммунизм *не завершается* становлением и утверждением нового способа производства — напротив, только тогда открывается дверь к подлинному историческому бытию человека.

Поэтому то, что мы сможем сказать ниже о социально-экономической системе коммунистического общества, составляет лишь некоторую часть действительного смысла коммунизма, как исторического движения.

18.2. Генезис посткапиталистической экономики («переходный период»)

Переходный период от капитализма к первой фазе коммунизма характеризуется тем, что первоначальный уровень производительных сил унаследован от капиталистического общества и не может быть изменен в короткие сроки. А вот насильственное вмешательство в экономический строй, определяемое революцией, и в первую очередь вторжение в отношения собственности, весьма быстро меняют экономический базис общества.

«Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[1]. Подобно тому, как капиталистический способ производства отрицает в своем развитии индивидуальную частную собственность, основанную на собственном труде, социалистическая революция отрицает капиталистическую собственность. «Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»[2].

Что такое эта индивидуальная собственность на основе общего владения? Мы можем обратить внимание на фразу из «Немецкой идеологии»: «...масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам»[3]. Но как возможна такая собственность каждого на всё? Она возможна при двух предпосылках — если отношения присвоения основаны на всеобщем участии в самоуправлении, и если сам характер орудий труда таков, что делает возможным всеобщую собственность (а это происходит при превращении силы знания в первую производительную силу общества). Для полного завоевания этих предпосылок *недостаточно только предшествующего багажа, созданного капитализмом*, и требуется еще длительный период исторического развития.

Хотя волевое вмешательство в отношения собственности является необходимым шагом для их преобразования, одного его совершенно недостаточно, чтобы изменить их экономическую природу. В. И. Ленин недаром вынужден был подчеркнуть в 1918 году различие формального обобществления собственности и обобществления на деле[4]. Основной вопрос в том, какие реальные производственные отношения будут складываться в новой правовой оболочке. Собственность юридически перестает быть частной и становится государственной. А что это значит с экономической точки зрения? Ответ на этот вопрос зависит от того, во-первых, какова классовая природа государства, чьи классовые интересы выражает государственный аппарат, получивший в свои руки средства производства; и, во-вторых, от того, на основе каких реальных производственных отношений государственные средства производства будут приведены в действие. Ленин писал о налаживании «чрезвычайно сложной и тонкой сети но-

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 23. М.: ИПЛ, 1960, с. 773.

[2] Там же.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 3. М.: ИПЛ, 1955, с. 68.

[4] См.: *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

вых организационных отношений, охватывающей планомерное производство и распределение продуктов», как о главной задаче социалистической революции[1]. Процесс налаживания этих новых отношений есть заведомо процесс длительный; они не возникают «вдруг», в результате принятия тех или иных декретов.

Итак, становление производственных отношений и институтов социалистического общества происходит не мгновенно, и само наличие переходного периода как раз и определяется историческим процессом становления социалистических производственных отношений и постепенного отмирания, разложения отношений капиталистического общества (да и экономической общественной формации в целом — должны, например, отмирать внеэкономическое принуждение, товарные отношения и т. д., хотя в пределах переходного периода эти процессы еще не находят завершения).

Таким образом, в переходный период сосуществуют качественно разнородные производственные отношения (новые, социалистические, и унаследованные от капитализма), что проявляется как наличие нескольких социально-экономических укладов: капиталистического, мелкобуржуазного, социалистического и явно переходного государственно-капиталистического уклада (развитие капиталистических отношений под прямым контролем пролетарского государства). *Переходное общество является многоукладным*. Поскольку чистый капитализм является абстракцией, то реальное капиталистическое общество (даже весьма развитое) несет в себе остатки прошлых хозяйственных систем. Особенно серьезное значение эти остатки приобретают в том случае, когда революция совершается при относительно незрелых социально-экономических предпосылках. Тогда докапиталистические отношения могут образовывать даже самостоятельные уклады. Так это было в СССР, где, помимо перечисленных, присутствовал также и патриархальный уклад (включавший мелкотоварное производство, т. е. систематическое производство на продажу только небольших излишков, и чисто натуральное, замкнутое хозяйство).

Переходный характер такой социально-экономической структуры характеризуется не только ее многоукладностью. На самом деле каждый из укладов (не только упомянутый выше государственно-капиталистический) также носит переходный характер, что определяется наличием в них *переходных производственных отношений*. Для таких отношений свойственно соединение элементов как присущих, так и не присущих данному экономическому укладу — либо унаследованных от прошлого, либо являющихся симптомами разложения данного уклада и перехода его к более высокой исторической ступени. Переходный характер коммунистических производственных отношений не преодолевается полностью в течение переходного периода и отчасти сохраняется на первой фазе коммунизма (что и определяет ее характеристику как незрелого коммунизма).

Насильственное вторжение в отношения собственности не является произвольным. Оно предпринимается лишь там, где созрели достаточные социально-экономические предпосылки для формирования социалистических производственных отношений (напомним — когда здесь говорится «социалистические», речь идет о незрелых коммунистических отношениях). Поэтому, например, большевики предполагали сначала экспроприацию (национализацию, передачу в государственную собственность) лишь банков и крупных монополистических объединений, а на следующей ступени — всей крупной промышленности (железные дороги, телеграфная и почтовая связь и так находились в государственной собственности). Мелкое капиталистическое производство, а тем более мелкобуржуазный уклад и крестьянское производство считались вовсе не подлежащими национализации. Их преобразование должно было произойти постепенно, главным образом под воздействием экономических преимуществ обобществленного социалистического производства.

Однако в исторической реальности, сначала под воздействием жестоких условий гражданской войны, а затем (после ко-

[1] См. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

роткого периода легализации многоукладности в годы НЭПа) в результате применения методов бюрократической централизации хозяйства для проведения догоняющей модернизации, эти планы были полностью нарушены. Произошло навязывание социалистических по внешней форме отношений хозяйственным укладам, не создавшим еще для этого необходимых (не говоря уже о достаточных) социально-экономических предпосылок.

По отношению к крестьянскому хозяйству (как и по отношению к мелкому ремеслу) метод экспроприации считался марксистами абсолютно неприемлемым. Для его преобразования в крупное социалистическое — минуя исторический этап капиталистической экспроприации мелких производителей — предполагался длительный период постепенного объединения мелких производителей города и деревни в различные типы кооперативов. Крупные кооперативные объединения становились способными применять современную машинную технику, и тем самым создавать материально-экономические предпосылки для формирования в последующем на этой основе социалистических отношений.

Не следует все же представлять себе даже идеальный образ переходного периода как идиллическую картину мирного сосуществования и соревнования различных укладов. Разные производственные отношения определяют и разные экономические интересы, ведущие к конфликту между этими укладами, тем более, когда речь идет о том, кому из них в обозримой исторической перспективе суждено развиться, а кому — отмереть. Вопрос «кто — кого?» является реальным вопросом переходного периода. Поэтому социалистический уклад должен доказать свою более высокую социально-экономическую эффективность, опираясь, разумеется, на поддержку государственной власти. К сожалению, этого не было достигнуто в СССР. Изживание несоциалистических укладов, чем дальше, тем больше сводилось к методам административного нажима (сверхвысокие ставки налогов и аренды, отказ от поставки сырья и материалов из государственного сектора, принудительное огосударствление, «коллективизация», «раскулачивание» и т. п.).

В то же время различные уклады, существующие в единой системе национального хозяйства, не могут не взаимодействовать между собой и в какой-то мере не могут существовать друг без друга. Способом их экономической связи первоначально выступает рынок, хотя со временем в эту рыночную связь начинают постепенно проникать плановые элементы, по мере их становления и укрепления в социалистическом укладе (работа на определяемый планом заказ социалистического уклада; поставка товаров социалистическим укладом, также определяемая его производственным планом; плановое финансирование и кредитование и т. п.).

В СССР в переходный период прилагались чрезвычайные усилия, чтобы поднять уровень производительных сил, явно недостаточный для формирования социалистического общества. Основными составными частями этих усилий были: индустриализация, коллективизация крестьянских хозяйств и культурная революция. Индустриализация была призвана обеспечить завершение промышленного переворота и превращение промышленности в преобладающую отрасль народного хозяйства. Коллективизация крестьянских хозяйств должна была обеспечить растущую индустрию со стороны аграрного сектора: увеличить поставки сельскохозяйственного сырья и продовольствия, а также, за счет увеличения производительности труда, обеспечить перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Культурная революция была нацелена на достижение всеобщей грамотности населения и развертывание массовой подготовки специалистов с высшим образованием. Эти задачи в первом приближении были решены к концу 30-х гг. XX века (а в более или менее полном виде — к началу 60-х гг.).

Однако решение этих задач вовсе не означало, что в СССР созданы необходимые материально-экономические предпосылки для социализма. Можно легко убедиться, что к концу 30-х гг. в лучшем случае была создана материальная база для более или

менее развитого, но вовсе не самого высокоразвитого (для того исторического периода) капиталистического общества.

Значительной проблемой в формировании социалистических производственных отношений в СССР в 20-е – 30-е гг. был тот факт, что применение методов бюрократической централизации хозяйства для проведения догоняющей модернизации имело двойственное влияние на «строительство социализма». С одной стороны, происходило форсированное подтягивание к материальным предпосылкам социализма (хотя полностью дистанция до них так и не была пройдена). С другой стороны, одновременно происходило разрушение или выхолащивание уже имевшихся, пусть и весьма ограниченных, социально-экономических предпосылок социализма (акционерные общества, кооперативы, свободные профсоюзы...). Они не превращались в более прогрессивные социалистические институты, а заменялись институтами, основанными на бюрократическом централизме и принудительном коллективизме.

В итоге переходного периода должно произойти отмирание (полное или почти полное) несоциалистических укладов, и превращение в основном переходных производственных отношений в целостную систему социалистических производственных отношений. В СССР этот процесс так и не был завершен, хотя формально все производственные отношения во второй половине 30-х годов стали выступать в социалистической оболочке.

Вместе с преодолением многоукладности в переходный период происходят глубокие сдвиги в социальной структуре общества. Исчезают эксплуататорские классы, а трудящие классы приобретают значительно бóльшую однородность. Мелкие собственники и наемные работники сливаются в одну социальную группу работников — совладельцев обобществленных средств производства. Однако полного исчезновения классовых различий не происходит, поскольку сохраняется подчинение работников разделению труда (горизонтальному — между умственным и физическим трудом, аграрным и индустриальным, квалифицированным и неквалифицированным; и вертикальному — между управляющими и управляемыми).

В СССР за 20-е – 30-е гг. XX века были полностью ликвидированы классы капиталистов, помещиков, почти полностью — мелкая буржуазия, а все разновидности мелких собственников (от мелких буржуа до патриархального крестьянства) либо превратились в кооперированных производителей, либо перешли в разряд наемных работников. Фабрично-заводской рабочий класс значительно вырос и в абсолютной численности, и в удельном весе. Одновременно значительно вырос слой государственной бюрократии. Однако ликвидация экономических условий существования враждебных классов вовсе не означала физического устранения носителей прежних классовых отношений. Миллионы людей во многом сохраняли традиции, навыки, привычки, социальную психологию тех общественных классов, в рамках которых они сформировались как личности.

18.3. Социально-экономическая система неполного коммунизма

18.3.1. Производительные силы социализма. Формальное и реальное освобождение труда

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»[1] — писал о первой фазе коммунистического общества К. Маркс.

Социализм отличается от переходного периода значительно более однородной со-

[1] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 19, с. 18.

циально-экономической структурой и не столь быстрым темпом сдвигов в этой структуре, но остается еще во многом переходным по своей природе обществом.

Эта переходность определяется не только сохранением неорганичных для коммунизма элементов производственных отношений, но и тем, что производительные силы на первой фазе коммунизма еще далеко не полностью перешли тот рубеж, за которым они составляют специфическую основу для коммунистического производства. Именно это последнее обстоятельство в конечном счете определяет и неполную зрелость производственных отношений первой фазы.

В силу этого становится необходимым провести различие между *формальным и реальным освобождением труда* в социалистическом обществе.

Формальное освобождение труда — выступает как становление свободы общественных отношений людей в труде, в производстве — но только по социально-экономической форме, т. е. только со стороны новых производственных отношений.

Реальное освобождение труда — будет достигнуто тогда, когда свобода, обеспечиваемая формальным освобождением труда, будет обеспечена и со стороны производительных сил, со стороны содержания самого процесса человеческой деятельности.

Если мы взглянем на это различение с точки зрения характера и содержания труда при социализме, то мы увидим, что с точки зрения социально-экономической формы труд перестает быть наемным трудом, ликвидируется «наемное рабство» у капитала. Неравноправие по отношение к средствам производства исчезает, все становятся работниками, уже не несущими на себе иго капитала. Однако с точки зрения содержания процесса труда этот труд остается по преимуществу фабричным трудом, и тем самым «фабричное рабство» во многом сохраняется, как и вытекающие из него негативные последствия подчинения человека фабричному разделению труда. Точно также сохраняется и подчинение человека общественному разделению труда (тем более что, как будет показано ниже, во многом остается и экономическое принуждение к труду).

Различение между формальным и реальным освобождением труда при социализме имеет прямую аналогию с выдвинутым К. Марксом тезисом о различии формального и реального подчинения труда капиталу (см. главу 9). Первое основывалось только на природе капиталистических производственных отношений, второе подкреплялось формированием специфических для капитализма производительных сил (подчинение работника фабричной системе машинного производства).

Уровень производительных сил уже на первой фазе коммунизма имеет несомненные отличия от уровня капиталистических производительных сил. Прежде всего, даже независимо от каких-либо глубоких технологических сдвигов, производительные силы при социализме, под воздействием обобществления собственности, позволяют выстроить отрасли производственной инфраструктуры (энергетику, все отрасли транспорта и связи) как *единые общенациональные или даже международные системы* (если социалистические отношения охватывают ряд национальных хозяйств). Кроме того, структура производственных мощностей и темп производственного накопления выстраиваются таким образом, чтобы обеспечить *полную занятость населения*. Наконец, происходит регулирование всей хозяйственной деятельности таким образом, чтобы постепенно установить все *более высокий уровень равновесия с природной средой*, сделать производство и повседневную жизнь возможно более безопасными для нравственного и физического здоровья человека.

Пока менее ясным в практическом отношении является путь более глубоких сдвигов в характере производительных сил при социализме. С точки зрения развития работника, социализм, во всяком случае, должен обеспечить условия для возможно более свободного и полного раскрытия его способностей, чему соответствует всеобщий характер широкого фундаментального об-

разования и рост пространства свободного времени (не только сокращение времени обязательного труда, но и соответствующее наполнение свободного времени).

Понятен скептицизм Ханны Арендт, сомневавшейся, что расширение свободного времени обеспечит развитие человека, ибо в реальности человек склонен использовать это время лишь для бездумного потребления. «Эта питаемая марксизмом утопическая надежда есть тот опиум для народа, за который Маркс принимал религию» — писала она[1]. Да, при капитализме дело обстоит именно так, потому что капитализм, собственно, оставляет человеку свободное время только для того, чтобы он потребил то, что произвел в рабочее время, а потом снова заработал и снова потребил...

Коммунизм (пусть поначалу и неполный) находит выход из этого порочного круга вовсе не за счет идеологии аскетизма, принудительного рационирования или сокращения потребления, либо за счет пропаганды более высоких идеалов, а за счет сокращения необходимого рабочего времени (предпосылки чего создаются еще капитализмом) и развития творческой деятельности в свободное время. Но не следует думать, что сомнения Ханны Арендт появились на пустом месте — переход от свободного времени, как времени потребительства, к свободному времени, как пространству развития человеческой культуры, не представляет собой простое и быстрое дело. *Это колоссальной значимости проблема*, а на первой фазе коммунизма она способна порождать трудности весьма серьезных масштабов и глубины. *Только ее решение окончательно выводит нас в эпоху коммунизма.*

С точки зрения развития средств производства, социализм, даже пока оставаясь в основном в рамках машинного производства, ориентируется на гуманизацию труда, смягчающую подчинение человека разделению труда — как в обществе, так и в рамках фабричной системы. Это предполагает такие меры, как возможно более быстрое изживание тяжелого, ручного, неквалифицированного труда, а также более равномерное распределение его тягот между работающими; отказ от конвейерных методов организации труда на фабрике, что предполагает широкое совмещение профессий, и возможно более быстрый переход к автоматизированной фабрике.

В структуре общественного разделения труда рост производительности труда в традиционном материальном производстве должен обеспечить возрастание удельного веса занятости в творческих видах деятельности (научные исследования и опытно-конструкторские разработки, медицина, педагогика, искусство и т. п.). Общей тенденцией этих сдвигов является существенное вытеснение человека из процесса труда в материальном производстве и вовлечение его в творческую само-деятельность. *Однако в рамках социализма эта тенденция находится лишь в начальной фазе своего развития.*

18.3.2. Производственные отношения социализма

Поскольку социализм выступает как первая фаза коммунистического общества, то есть как коммунизм, хотя и не полный, то основу производственных отношений социализма образуют отношения, общие как для первой, так и для высшей фазы коммунизма. Однако не следует упускать из виду, что степень зрелости этих отношений на первой и на высшей фазах коммунистического общества различна, и, следовательно, они *не являются полностью идентичными* на этих двух исторических ступенях коммунистического общества. В этом смысле их исторически переходный характер еще не до конца преодолен. В самих этих производственных отношениях содержатся и элементы, действительно общие для первой и высшей фаз коммунизма; и элементы отношений, унаследованных от капитализма и даже от предшествующих ему способов производства; а также специфические только для первой фазы коммунизма комбинации указанных двух элементов[2].

[1] См.: *Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя. 2000, с. 168–169 и др.

[2] Приведенная здесь формулировка такого подхода предложена А. В. Бузгалиным.

Несмотря на сохранение черт переходности в производственных отношениях первой фазы коммунизма, социализм отличается от переходного периода тем, что содержащиеся в его производственных отношениях общекоммунистические элементы (общекоммунистические начала) приобрели в целом господствующий характер.

Решения проблемы специфики производственных отношений социализма, предлагаемые советской экономической теорией:

В советской экономической теории предлагались разные решения проблемы специфики производственных отношений социализма. Наиболее распространенный подход предлагал объявить все отношения, какие есть при социализме, специфически социалистическими, и на этом закрыть проблему. Последовательное проведение этой точки зрения приводило к выводам, что социализм качественно отличается от полного коммунизма. Этот вывод был в какой-то мере исторически оправдан в том отношении, что *советское общество* действительно качественно отличалось от коммунистического общества. Но он был глубоко неверен в том отношении, что теоретически разрывал первую и высшую фазы коммунизма.

Другой подход исходил из общности первой и высшей фаз коммунизма. Теоретическое объяснение этой общности проводилось механистическим путем: через выделение отношений, общих обеим фазам, которые назывались общекоммунистическими отношениями, и отношений, свойственных только первой фазе — специфически социалистических производственных отношений. Однако в реальности при социализме не может существовать *чистых* общекоммунистических отношений и *чистых* специфически социалистических производственных отношений. В реальности производственные отношения при социализме представляют собой смесь элементов отношений коммунистических (каковые элементы находятся на разных ступенях зрелости), докоммунистических, и представляющих собой сложные «гибриды» того и другого.

После этих предварительных замечаний перейдем к характеристике производственных отношений социализма, начав с отношений ***координации хозяйственной деятельности***. Господствующее при капитализме товарное производство в течение переходного периода в основном замещается отношениями планомерного производства и распределения продуктов труда. Опыт СССР, к сожалению, не дает нам завершенной картины этого процесса, и не позволяет с точностью установить, каковы главные условия полного преодоления товарного производства и каковы адекватные формы отношений планомерного производства[1]. В СССР некоторые основы существования товарного производства сохранялись, и формирующиеся законы планомерного развития производства постоянно приходили в конфликт с еще действующими законами товарного производства (свидетельством чему были скрытая инфляция, конфликт между государственным планом и выгодностью производства, выражаемого в денежных показателях, накопление избыточных запасов в торговле и т. д.).

Мы можем сделать вывод, что социализм характеризуется наличием отношений непосредственно планомерного производства и распределения, сохраняющимися еще отношениями товарного производства, и отношениями, представляющими собой сложное взаимодействие этих форм.

В реальности советского общества первую группу отношений мы можем видеть в сфере планирования производства и

[1] Централизованная система государственного планирования в СССР не была выражением целостных отношений планомерного производства. Обеспечивая определенный уровень пропорциональности производства, она не содержала в себе механизма решения проблемы связи производства и потребления. Решение вопроса о планируемой структуре конечного потребления фактически осуществлялось на основе бюрократического субъективизма.

распределения ресурсов вне стоимостной формы продуктов труда (или независимо от нее). Вторая группа отношений представлена производством на рынок (например, с личного подсобного хозяйства). В ряде других стран советского типа сфера отношений товарного производства была значительно шире, распространяясь не только на аграрный сектор, но и на часть промышленности и сферы услуг. Третья группа отношений была представлена такими «планомерно-товарными гибридами», как хозрасчет, как планирование торговли и денежного обращения, как государственный бюджет и т. п. Однако элементы планомерных отношений выступали в этой сложной системе господствующими.

Что же касается некоторых принципиальных контуров планирования будущего, то оно видится не как бюрократическая система административных команд «сверху», а как процесс со-творчества (планового диалога), субъектами которого являются ассоциации-сети производителей, потребителей и собственно управляющей подсистемы экономики. Некоторым грубым прообразом этой системы может выглядеть современная модель стратегического менеджмента в креативной корпорации-сети при условии абстрагирования от специфически капиталистических черт этого управления[1]. Еще более сложным является вопрос о нестоимостной редукции труда[2], без которой невозможен учет затрат труда (рабочего времени) при социализме.

Достаточно аргументированным выглядит и хорошо известный тезис о том, что мера использования отношений сознательного регулирования должна быть тем больше (а рыночных отношений тем меньше), чем в большей степени обобществлен и близок к креатосфере данный сегмент экономики.

Соответственно генезис и развертывание социалистической системы отношений координации может выглядеть следующим образом. В исходном пункте в сфере материального производства — преимущественно современные механизмы рынка, контролируемого и регулируемого обществом; в креатосфере — преимущественно свободное распределение общедоступных ресурсов при использовании некоторых рыночных форм. Развитое состояние: противоречивое сочетание современных механизмов социально-ограниченного и регулируемого рынка (наиболее эффективных в низкообобществленных секторах материального производства) с механизмами планового диалога (используемыми преимущественно для интегрированных научно-производственных структур материального производства) и свободного распределения благ в креатосфере.

Как отмечал К. Маркс, «коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, имеющий место первоначально в производстве, — это был бы не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностей, которые определялись бы коллективными целями, коллективными потребностями»[3]. В результате «экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коммунистического производства»[4].

С самого начала стоит подчеркнуть, что, в противоположность капитализму, эта экономия нацелена не на увеличение прибавочного рабочего времени, обеспечивающего рост вещного богатства. «...Имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»[5].

---

[1] См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000, гл. 3.

[2] Возможное решение этой проблемы предложено статье: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Гордиев узел (к проблеме нестоимостной редукции труда) // Философия хозяйства, 2001, № 6.

[3] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I. М.: ИПЛ, 1968, с. 115.

[4] Там же, с. 117.

[5] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 214.

Итак, экономия рабочего времени выступает при социализме необходимым (даже крайне необходимым) условием развития, но не его самоцелью и высшим критерием. ***Цель экономии времени при социализме уже не собственно экономическая.*** Важнейшая черта социализма будущего состоит в том, что ***экономика в этом обществе играет роль, подчиненную, вторичную по отношению к социокультурной сфере.*** Именно последняя формирует «социальный заказ» экономическому развитию (цели) и определяет пределы, которые не может переступать течение экономических процессов (границы пространства возможных средств).

Чем же определяется цель производства при социализме? В качестве основного закона производства при социализме выступает его ориентация на свободное всестороннее развитие личности человека, которое, в свою очередь, воздействует на рост производства. «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»[1]. Такая ориентация на развитие производительных сил человека отнюдь не означает, что социализм основан на пренебрежении к потреблению. Нечаевский принцип «производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше» совершенно чужд социализму. Ему, напротив, свойственен «отнюдь не *отказ от потребления*, а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления»[2].

Тем не менее, потребительская и деятельностная составляющая цели производства на первой фазе коммунистического общества могут вступать между собой в противоречие. Особенно серьезные противоречия между этими составляющими цели могут возникнуть в том случае, если уровень развития производительных сил недостаточно высок для обеспечения социалистических производственных отношений. Тогда вещные потребности членов общества могут быть довольно далеки от уровня насыщения, а возможности развития способностей людей оставаться весьма ограниченными. В этом случае неизбежно возникает односторонняя ориентация на удовлетворение вещных потребностей («вещизм», развившийся в советском обществе, и усугубленный явлением дефицита), которая, закрепляясь, может стать со временем тормозом для развития человека в творческой деятельности.

Таким образом, экономика социализма видится как система, в которой в материальном производстве будет занято (как сейчас в странах среднего уровня развития) не более 30–40 % работников, а остальные будут стремиться стать не финансистами, брокерами, адвокатами, менеджерами, чиновниками, рэкетирами, моделями и попдивами, а воспитателями, врачами, учителями и садовниками.

О модификации позиции «Если ты такой умный, то почему же ты такой бедный?» в экономике социализма:

Вам никто не запретит заниматься спекуляциями, но общество будет считать эту деятельность глупой и постыдной, как сейчас наивным и не престижным считают занятие теорией социализма... Если сегодня типична поговорка «Если ты такой умный, то почему же ты такой бедный?», то для общества будущего типичным станет прямо противоположный афоризм: «Если ты такой талантливый, то почему же ты тратишь силы на то, чтобы делать деньги?». Для социализма эта цель будет столь же реакционно-

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 221.

[2] Там же.

старомодной, как ныне стремление завести себе крепостных и графский титул. В некотором смысле мы можем сказать, что социализм — это общество людей, которым стыдно тратить деньги на увеличение собственного утилитарного потребления. Подчеркнем: это не общество бедности и аскетизма: рациональный (и постепенно качественно прогрессирующий) уровень утилитарного потребления будет гарантирован, возможность превысить его в 5–10 раз открыта, но общество будет считать это малоинтересным... Это общество людей, которым нравится жить эстетично и талантливо, а для этого совершенно не нужна масса модно-стандартных или даже модно-«эксклюзивных» шмоток, машин и особняков.

Важнейшим слагаемым целеориентации нового социализма должна стать общественная культурная политика, обеспечивающая ориентацию средств распространения информации на стратегические запросы общества (развитие подлинной культуры), а не платежеспособный спрос мещанина, подчиненного экспансии масскультуры.

Определяющими для экономического строя общества являются отношения собственника средств производства к непосредственному производителю. В рамках экономической общественной формации характер этих отношений определялся фактом эксплуатации непосредственного производителя собственником средств производства и поэтому вел к классовому антагонизму. При социализме социальные фигуры собственника средств производства и непосредственного производителя, по всей видимости, совпадают. Однако в таком абстрактном виде это утверждение не совсем точно.

Во-первых, функции непосредственного труда и функции собственника не тождественны. Они требуют различной деятельности, осуществляются в разное время и ведут к формированию различных интересов. Говоря на диалектическом жаргоне, человек как работник отличается от самого себя как собственника. Могут возникать противоречия, связанные, например, с разным уровнем способностей к осуществлению этих различающихся функций, с необходимостью распределения времени между этими функциями и т. д.

Во-вторых, специфика социализма состоит в том, что в его рамках не преодолевается до конца вертикальное разделение труда, когда часть членов общества выступает преимущественно как работники, а другая часть — специализируется на функциях управления собственностью. Это различие является одной из предпосылок для сохранения элементов классовых различий при социализме.

Такое положение несет в себе *потенциальную угрозу формирования классового антагонизма*, если специализация на управленческих функциях превращается в монополию на осуществление функций управления определенной, устойчиво воспроизводящейся социальной группой, а эта монополия, в свою очередь, становится основанием для приобретения материальных привилегий.

Предотвратить столь нежелательное развитие событий возможно лишь в том случае, если большинство работников социалистического общества вовлечены на постоянной основе в выполнение функций собственника хотя бы простейшего уровня (уровень рабочего места, бригады, цеха, мелкого предприятия), а значительная часть из них — и более высокого. Разумеется, придти к такому положению можно лишь при наличии необходимых предпосылок, формируемых в содержании труда (присутствие некоторого минимума творческих функций), в уровне образования и культуры, в исторически складывающихся навыках и традициях. Напротив, *при недостаточности этих предпосылок социальный раскол общества* (как показывает опыт СССР) *становится неизбежным*.

Социализм есть процесс трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», а значит — процесс отмирания отношений отчуждения работника от труда, от средств производства, от результатов производственной деятельности и рожде-

ния механизмов свободного ассоциирования работников, присваивающих и средства, и результаты этой деятельности. Соответственно мере развития реальных основ этой трансформации в креатосфере и материальном производстве будут формироваться и различные отношения присвоения.

Какими же видятся *отношения собственности* в экономике социализма будущего?

В креатосфере (в сфере образования, науки, культуры, искусства и т. д.), в сфере взаимодействия человека и природы как культурной ценности (например, в решении проблем защиты природы, развития национальных заповедников, восстановления биогеоценозов и т. д.) господствующими, по-видимому, будут отношения общедоступности (в частности, бесплатности) культурных благ и средств их освоения (образования и т. п.). Соответственно, здесь будут развиваться отношения *всеобщей собственности* — собственности каждого на все — любые ресурсы, которые индивид или ассоциация индивидов могут распредметить в своей деятельности.

Подчеркнем: не просто государственной (публичной), а всеобщей собственности, когда основные ресурсы, необходимые для развития креатосферы (а это, прежде всего знания, культурные и природные ценности), будут доступны для каждого индивида, и доступ этот будет равноправным. Регулировать этот всеобщий равноправный доступ каждого к таким всеобщим ресурсам уже при социализме могут свободные добровольные ассоциации, создаваемые в этой сфере — ассоциации учителей и ученых, художников и экологов. Безусловно, здесь будут возникать немалые противоречия, регулирование которых, по-видимому, придется взять на себя государству как верховному представителю различных ассоциаций трудящихся и граждан. Конкретные механизмы такого регулирования сейчас было бы преждевременно придумывать. Можно только наметить эту тенденцию.

Что же касается *материального производства*, то в этой «старой» сфере экономики решения проблемы будут тяготеть к традиционным выводам «старых» социалистов. Для этой сферы общедоступность каждому любых средств производства принципиально невозможна в силу ограниченности последних. Следовательно, здесь могут развиваться лишь переходные отношения. К числу общеизвестных относятся отношения полной занятости, общедоступности образования и переквалификации, демократического регулирования структуры материального производства. В результате каждый гражданин получает следующие права как собственник общенародных материальных ресурсов (член ассоциации граждан-собственников):

- участие на равных со всеми остальными гражданами основаниях[1] в решении вопросов производства и использования объектов собственности;
- включение в работу любого трудового коллектива или использующей общенародные ресурсы индивидуальной деятельности на равных со всеми остальными гражданами основаниях (в случае избытка желающих — на основе конкурса профессиональных и других личных качеств);
- получение на базе общедоступного образования такой квалификации, которая позволяет реально использовать в своей работе любые материальные ресурсы (согласно выбранной специальности);
- гарантия занятости по специальности и/или переквалификации за общественный счет;
- гарантированное бесплатное получение равного базового «пакета» материальных социальных благ (жилье и другие слагаемые **социально-гарантированного минимума**; общедоступность образования, здравоохранения, спорта, культуры).

[1] Механизмы участия граждан в управлении на общенародном уровне могут строится на основе модели «социализма гражданского общества», предполагающем использование уже известных и практически апробированных (в частности, в ряде стран Латинской Америки) механизмов «демократии участия» и «базисной демократии». В этом ключевое отличие от современных форм парламентской или президентской демократии, где решения принимают прежде всего те, кто контролирует финансовые и административные ресурсы.

Социально-гарантированный минимум — обязательная составная часть дохода работающего населения, а также нетрудоспособных, обеспечивающая включение человека в общественную жизнь (социализацию). Социально-гарантированный минимум следует предоставлять (на особых условиях) и лицам, уклоняющимся от труда, чтобы предотвратить криминализацию этого социального слоя и не закрывать возможность их трудовой реадаптации.

Все эти права каждый гражданин получает как собственник материальных благ, находящихся в общенародной собственности. К таковым могут относиться, прежде всего, природные ресурсы и все остальные объекты собственности, имеющие общенародное (народнохозяйственное) значение.

Вслед за ними мы можем выделить ряд сфер с различным уровнем реального (технологического) обобществления средств производства.

Во-первых, *сферы, где господствуют крупные интегрированные технологические структуры,* от которых зависит экономика в целом (энергетика и транспортные системы; крупнейшие предприятия в сфере высоких технологий и в отраслях, связанных с добычей и использованием природных ресурсов; само использование природных ресурсов в условиях развития ноосферных технологий становится важнейшей сферой, от которой зависит всё общество). В этих сферах предполагается развитие таких отношений соединения работников со средствами производства (собственности), которые обеспечат использование этих средств на благо общества в целом.

По-видимому, здесь наиболее уместными окажутся отношения *с государственной формой собственности* при наличии широких полномочий (самоуправления) у трудовых коллективов (модель *народного предприятия,* где государство определяет лишь основные направления его деятельности, а основные вопросы внутренней жизни и выбора наиболее эффективных путей реализации программных общегосударственных установок осуществляет самоуправляющийся трудовой коллектив).

Во-вторых, в традиционном *индустриальном секторе* (машиностроительные и транспортные предприятия, механизированные аграрные предприятия и т. п.), структура отношений собственности может быть гораздо более сложной. В этом «старом» секторе, скорее всего, будут доминировать *коллективные предприятия и кооперативы,* но могут сохраняться и акционерные предприятия, где значительную долю среди акционеров будут составлять частные физические лица. Государство и массовые демократические организации трудящихся могут иметь право контроля над деятельностью акционерных обществ, постепенно приобретая значительную часть акций или решающий, контрольный пакет акций. Впрочем, не стоит сейчас фантазировать. Важен принцип: сохранение в секторе индустриального массового производства смешанных форм собственности, переходных от частной акционерной собственности к общественной собственности (собственности коллективов, государства и общественных организаций).

Если же, в-третьих, говорить о секторе, где господствует *ручной труд,* а также о значительной части сферы услуг (там, где требуется непосредственная связь с мелким, раздробленным, индивидуальным потребителем, где концентрированное специализированное производство не имеет своих преимуществ), то тут возможно и целесообразно развитие трудовой мелкой собственности и небольших кооперативов. При этом мелкая трудовая частная собственность вполне может сочетаться (это показал опыт НЭПа в нашей стране, опыт многих других стран, начинавших социалистические преобразования) с сугубо добровольным кооперированием этих мелких частных собственников в сфере сбыта, обслуживания, закупки средств производства и т. д. Для мелких частных собственников и небольших кооперативов также обязательными окажутся нормативные ограничения, которые «работают» во всей экономике.

Обрисованная картина может стать типичной для достаточно зрелого социалистического общества. В исходном пункте частная собственность будет играть, по-види-

мому, большую роль. В общем и целом в процессе развития социализма будет действовать тенденция: *чем далее будет продвигаться новое общество по пути к формальному и, позже, реальному освобождению труда* (развитию отношений социального творчества, вытеснению материального производства креатосферой), *тем в большей степени целесообразно и необходимо будет вытеснение частной собственности.*

В любом случае, однако, ключевая проблема здесь — не столько распределение акций, сколько контроль над реальными правами собственности, каналами экономической власти. А ими могут быть не только акции, которыми владеет тот или иной собственник (государство, трудовой коллектив, частные физические лица). Такими каналами, в частности, могут быть и обязательные нормы, которые должно соблюдать всякое предприятие в социалистическом обществе. Эти нормы могут требовать эффективного приложения капитала, обусловливать определенные (предусмотренные программами) направления его использования и т. д.

Что касается институциональной системы, построенной по принципу свободной работающей ассоциации, то ответ на вопрос о том, как она может быть устроена, дает модель «социализма гражданского общества». Новая институциональная система может и должна вырасти прежде всего из массового и систематического включения граждан в деятельность общественных организаций и движений, и «привычки» жить и действовать по правилам, характерным для этих институтов[1].

Переходя к рассмотрению отношений ***воспроизводства*** прежде всего вспомним, что процесс воспроизводства человеческого общества носит двойственный характер. Это, с одной стороны, процесс воспроизводства материальных условий жизни общества, а с другой — процесс воспроизводства общественных отношений (прежде всего — производственных отношений). Специфика воспроизводства при социализме определяется, во-первых, коммунистическим содержанием его производственных отношений, и, во-вторых, их неполной зрелостью, и, соответственно, историческим процессом повышения зрелости этих отношений по мере движения от первой к высшей фазе коммунизма.

Если при капитализме процесс воспроизводства опирается на процесс накопления капитала, то при социализме, где главной целью производства выступает сам человек, происходит создание материальных условий для расширенного воспроизводства человеческих способностей, для всестороннего развития личности человека. Это «накопление» способностей человека, накопление знаний и технологических возможностей само, в свою очередь, есть предпосылка роста материального производства. Тем самым, по мере развертывания этого процесса, создаются и предпосылки для преодоления подчинения человека разделению труда, для размывания все еще сохраняющихся социальных различий (определяемых специализаций в области физического или умственного труда, аграрного или индустриального, специализацией на выполнении управленческих функций), для достижения такого наполнения человеческой деятельности творческими функциями и одновременно — достижения такого уровня потребления, при которых вещные потребности отходят на второй план, сменяясь потребностями саморазвития человека, и т. д.

Таким образом, процесс воспроизводства при социализме представляет собой и процесс расширенного воспроизводства коммунистических начал социализма, и, следовательно, создания основ движения от первой фазы коммунизма к высшей его фазе.

Критерий эффективности производства при социализме (как и при всяком способе производства) определяется соотношением достигнутых целей производства и затрат на их достижение. Коммунистическим критерием эффективности на самом абстрактном уровне выступает соотношение свободного времени (как пространства

[1] Заметим, что еще 30–40 лет назад требования к европейскому сообществу жить по экологически корректным правилам казались утопией, а выдвигавших эти требования «зеленых» считали романтическими мечтателями, оторванными от жизни.

для развития человеческой личности, человеческой культуры) и рабочего времени (как времени, затраченного на создание условий для такого развития). При более конкретном определении эффективности социалистического производства необходимо принимать во внимание вопрос о действительном наполнении свободного времени: в какой мере в свободное время созданы реальные условия для развития человеческих способностей, и как эти условия используются.

Специфика социализма (по отношению к высшей фазе коммунизма) при определении эффективности производства заключается в том, что при социализме рамки свободного времени еще довольно узки, и свободное время для большинства членов общества является временем свободного развития лишь в очень незначительной степени. В гораздо большей мере развитие человека определяется при социализме характером его деятельности в рабочее время, а также ростом производительности труда. Этот рост, во-первых, создает предпосылки изменения соотношения между рабочим и свободным временем в пользу последнего, во-вторых, обеспечивает достижение рационального уровня потребления, и, в-третьих, позволяет наполнять свободное время материальными и культурными предпосылками для развития личности человека. Производительность труда поэтому может использоваться как частный критерий эффективности для фазы социализма.

Отношения, регулирующие распределение доходов при социализме, как и другие производственные отношения, также носят неоднородный характер. Из сказанного выше об отношениях присвоения и распределения при социализме уже вытекают определенные выводы о характере распределения доходов. Часть произведенного потребительского фонда распределяется на основе коммунистических отношений, часть — на основе отношений товарного производства, но главным образом — на основе сложного соединения тех и других отношений. В отношении последней группы форм распределения наибольшую значимость играет принцип распределения по труду.

Коммунистические формы распределения при социализме затрагивают в основном то, что в советском обществе получило наименование общественных фондов потребления. Однако и эти фонды далеко не всегда распределяются вполне по-коммунистически. О действительно коммунистических принципах распределения при социализме речь может идти лишь там, где для этого вполне созрели материальные предпосылки, то есть где сняты объективные ограничения для *распределения по потребностям*, и потребление по потребностям имеет лишь субъективные ограничения в виде личных способностей человека к потреблению.

Речь идет в первую очередь о доступе к знаниям, информации и иным культурным благам. К этим благам обеспечивается свободный или частично платный (субсидируемый) доступ. Тенденция к такому распределению этой категории благ появляется еще при капитализме. Социализм отличается тем, что проводит эту тенденции максимально последовательно, насколько вообще позволяют наличные материальные ресурсы.

Через общественные фонды потребления распределяется так же часть материальных благ и услуг (прежде всего услуги образования и здравоохранения). Но в их распределении господствуют формы, сложившиеся уже на основе сложной гибридизации коммунистических и некоммунистических принципов. Например, услуги школьного образования распределяются при социализме на основе *уравнительности*, а не принципа свободного доступа. Однако социализм нацелен на постепенное превращение уравнительности в свободный доступ к образованию (переход от предоставления стандартного пакета образовательных услуг по территориальному принципу к организации образования на основе установления свободного добровольного сотрудничества между учителями и учениками).

Ряд социально значимых благ и услуг может предоставляться при социализме на основе различных сочетаний принципов уравнительности, распределения *по нуждаемости* (материальные льготы для уже и

еще нетрудоспособных), частичной платности (жилищные услуги, туризм и отдых). Конкретный набор этих благ и услуг, равно как и конкретное сочетание принципов их распределения, носят исторический характер и меняются в силу различия в особенностях исторического развития, в степени насыщения общества материальными благами и услугами и т. д.

Основной массив материальных благ и услуг распределяется при социализме на основе принципа распределения по труду. Этот принцип в значительной мере наследует законы распределения товарного производства, однако в то же время и существенно отличается от них.

«...Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами[1] ровно столько, сколько сам дает ему. <...>

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей, Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»[2].

Я не буду здесь подробно разбирать все положения из «Критики Готской программы», где К. Маркс специально останавливается на проблеме распределения в социалистическом обществе. Хочу лишь заметить, что фактически Маркс подчеркивает здесь переходный характер отношений распределения по труду, указывая на их родство с отношениями товарного производства (но в то же время отмечает и отличия от них), и выдвигая тезис, что распределение по труду означает наличие элементов «буржуазного права» при социализме.

Следует заметить, что те остатки «буржуазного права», которые сохраняются при социализме, отличаются от господствующего при капитализме буржуазного права также и в чисто количественном отношении. Социализм иначе решает вопрос о справедливой мере дифференциации доходов. Вопрос справедливости здесь — это не вопрос применения к распределению тех или иных этических принципов, а вопрос соответствия отношений распределения господствующим производственным отношениям.

Социализм признает неравные способности естественной привилегией, соответственно, признавая и неравный трудовой вклад, и неравное распределение доходов. Однако он строго ограничивает дифференциацию доходов неравенством личного трудового вклада, *не признавая за работником права претендовать на более высокий доход на основе более высокой производительности, если она обусловлена неравным распределением общественных условий производства.* Количественная мера такого неравенства достаточно явственно прорисовывается на практике уже при капитализме на основе опыта деятельности рабочих кооперативов с демократической системой управления. В таких кооперативах отношение низшей ставки оплаты труда к наивысшей (хочу подчеркнуть — не децильный коэффициент дифференциации, а именно отношение низшей ставки оплаты труда к наивысшей) устанавливается в пределах 1 : 3–1 : 6.

Социализм как эпоха перехода от гегемонии корпоративного капитала к формальному освобождению труда, естественно, будет включать и целый ряд более сложных переходных форм, соединяющих распределение, характерное для рождающегося «царства свободы», и механизмы распределения, достающиеся в наследство от буржуазной эпохи. В частности, социалистическая система, по-видимому, будет включать (во всяком

[1] Имеются в виду вычеты на издержки управления, не относящиеся непосредственно к производству, на общественные фонды потребления и фонды содержания нетрудоспособных. (См.: *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 19. М.: ИПЛ, 1961, с. 17).

[2] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 19. М.: ИПЛ, 1961, с. 18–19.

случае, на первоначальных этапах) доходы, которые граждане будут получать от частной собственности, будь то трудовая частная собственность, собственность на акции или собственность на деньги, вложенные в банк. Во всех этих случаях доход будет носить нетрудовой характер и сохранять черты дохода буржуа. Однако и здесь возникнут существенные отличия в природе и механизмах получения этого дохода.

Вложения гражданами денег в общенародные финансовые институты (скажем, в государственный банк) или приобретение акций предприятий, которые работают под контролем государства и в рамках общенародных программ, — всё это существенно отличает даже такой доход при социализме от дохода, получаемого на основе эксплуатации труда частным капиталом и присвоения прибавочной стоимости. В то же время этот доход не становится автоматически социалистическим или, тем более, коммунистическим. Для регулирования такого типа доходов в мире, переходном от буржуазного к новому, потребуется использование сложной системы параметров, которые позволят постепенно вытеснять такие доходы и укреплять распределение по труду.

Отметим два важнейших из таких регуляторов.

Первый, известный по опыту социал-демократических стран, — прогрессивный налог на доходы от собственности, от капитала, от инвестиций в финансовую сферу. Если такой доход остается в пределах, характерных для дохода, получаемого в рамках распределения по труду, то налог на него может быть относительно невысок. Если же вы получаете более высокие доходы, или доходы, качественно отличающиеся от трудовых, то налогообложение может быть очень высоким, достигая 60–70 и более процентов.

Второй — это так называемый социальный максимум. Его внедрение было предложено не только социалистами, но и учеными-гуманистами, теоретиками Римского клуба, в частности, Аурелио Печчеи. И первые, и вторые показали, что за определенным пределом сверхвысокий личный доход не является стимулом ни для предпринимательства, ни для новаторства, ни для более эффективной трудовой деятельности, порождая либо бездумное расточительство, либо безудержную жажду наживы. Поэтому такой доход может быть изъят (например, через приближающийся к 90 % прогрессивный налог на сверхвысокие доходы) относительно безболезненно для принципиально важных с точки зрения генезиса креатосферы направлений деятельности.

О системе общественного учета и контроля за движением доходов

Существенным для социалистического общества станет вопрос *контроля за движением доходов*. И здесь нелишне вспомнить о механизмах, которые были отчасти реализованы ещё в период НЭПа в СССР[1]. Для такой модели экономической и социальной жизни, привязанной к трудовым и другим легальным доходам, возможно использование различных технических средств контроля за движением доходов. Часть из них достаточно хорошо известна, например, индивидуальные электронные деньги. Если мы перейдем к системе, когда каждое физическое лицо будет обладать только одной банковской карточкой (счетом) только в одном банке, к тому же государственном, то в этих условиях автоматически будет обеспечен учет и контроль за движением доходов и расходов данного физического лица. Каждый из нас с вами, имея такую карточку (счет), будет вынужден фиксировать на нем все свои денежные доходы. И всякий раз будет известно, как и от кого именно вы получили эти деньги: заработную плату, гонорар, доход с банковского вклада, личное пожертвование, помощь от своих товарищей...

[1] Нам хотелось бы напомнить читателям роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок», где подпольный миллионер Корейко, имея гигантские по тем временам (несколько миллионов рублей) денежные накопления, не имел возможности потратить хотя бы малую часть из этих денег, ибо он жил в стране, где общепринятой нормой поведения были трудовые доходы и отсутствие чего-либо сверх этого.

Точно так же могут фиксироваться практически все основные траты (за исключением мелких покупок, осуществляемых при помощи наличных денег).

Этот механизм развивает некоторые современные тенденции. Например, сегодня в Западной Европе, в Соединенных Штатах Америки покупки на суммы, превышающие несколько десятков евро (долларов), как правило, осуществляются при помощи банковских карточек. Другое дело, что современный буржуазный мир делает счет каждого человека коммерческой тайной. Кроме того, он позволяет открыть счета не в одном, а в нескольких банках, перевести деньги в банки нейтральных стран и иными путями скрыть свои доходы (или, напротив, расходы). Однако даже в буржуазной системе для того, чтобы отмыть нелегально полученные деньги, приходится предпринимать огромные усилия и тратить немалые суммы, теряя от 20 до 50 процентов полученных доходов на то, чтобы легализовать эти преступные барыши. В условиях социализма тем более возможно создание системы, при которой такое отмывание нелегальных доходов станет чрезвычайно сложным, при помощи перехода к индивидуальным счетам и системе доступности информации о движении средств на них.

Безусловно, действительное открытие соответствующей информации должно быть скорее исключением, чем правилом. Оно должно регулироваться строго установленными законодательными нормами, и использоваться только для пресечения правонарушений в экономической сфере.

При этом, конечно же, возникнет серьезное противоречие, которое в целом характеризует использование денежных отношений в условиях социализма. В самом деле, для мещанина (субъекта рынка) его денежный доход и траты, которые он совершает — это святая святых его личной жизни, главное составляющее его человеческой личности. Для него всякая возможность посторонних лиц (а тем более общественных организаций) заглянуть в это его сокровенное «Я» и посчитать деньги в его кармане будет восприниматься как покушение на личную свободу, на права человека, на свою не только коммерческую, но и душевную тайну, на то, что на Западе называется privacy — частная жизнь.

В то же время, если мы говорим о социализме как о мире развития творческого человека (мире свободных ассоциаций, мире, который уходит от господства товарного и денежного фетишизма), то в этом случае возможность общественного контроля за движением финансовых средств не будет составлять большой нравственной или личной проблемы, не будет являться угрозой тайне личности. Ведь действительная тайна личной жизни для человека творческого — это тайна его общения, его личных отношений с друзьями, его пристрастий и интересов. Впрочем, и эта тайна является весьма условной, и личное дело каждого человека — афишировать или скрывать свои творческие достижения, свою дружбу и свою неприязнь, свою любовь и свою ненависть.

При социализме почти наверняка сохранится масса отклонений («злоупотреблений») от названных механизмов распределения — использование общественных фондов или фондов предприятий, кооперативов и других структур для личного потребления (например, использование служебной машины в личных целях, как это многократно возникало в условиях мутантного социализма). Но для того и необходима система демократического общественного учета и контроля, чтобы предотвратить такого рода бюрократические злоупотребления в массовых масштабах, чтобы квалифицировать их будущим социалистическим обществом как уголовные преступления.

Существует и угроза вырождения системы общественного учета и контроля в слежку и подрыв тайны личной жизни. Но разрешение этого противоречия зависит от того, будет ли социалистическое общество опираться на развитие реальной базисной демократии, или же скатится к бюрократической деградации.

18.3.3. Социализм и товарное производство

Не только в отношениях распределения предметов потребления, но и в других производственных отношениях социализма несомненно присутствие элементов отношений товарного производства, а в каких-то пределах могут существовать и остатки товарного производства как целостного уклада.

Это связано с тем, что товарные отношения имеют более глубокие экономические корни, нежели отношения капиталистической эксплуатации, а потому и преодоление их является более сложным и исторически более длительным делом. Лежащее в основе товарного производства противоречие между общественным характером труда и обособленностью товаропроизводителей невозможно разрушить «экспроприацией экспроприаторов». Для этого реальное обобществление производства должно подняться на такой уровень, где не будет места для обособленности производителей и частного характера труда, и где, напротив, производство является общественным непосредственно (а не окольным путем, через рынок), а его продукт перестает быть товаром, будучи продуктом ассоциации, распределяющей труд среди своих членов.

Поскольку социализм непосредственно-исторически рождается как снятие позднего капитализма (а не средневекового мелкого товарного производства), постольку в рамках новой экономической системы сохраняются не столько отношения простого товарного производства, сколько *рыночные формы* позднего капитализма (банки и кредит, например).

Однако совершенно невозможно согласиться с довольно широко распространенной точкой зрения, согласно которой может существовать социализм *на основе* отношений товарного производства. Помимо того, что эта позиция не имеет ничего общего с марксизмом («...не может быть ничего ошибочнее и нелепее, — писал К. Маркс, — нежели на основе *меновой стоимости* и *денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством...»[1]), она не выдерживает как исторической, так и логической проверки.

Социалистическое преобразование общества может начинаться (и неизбежно начинается) в условиях господства отношений товарного производства. Однако сама социалистическая революция заключается в том, что она освобождает дорогу уже возникшим при капитализме отношениям, вытесняющим и заменяющим товарное производство его общественным регулированием и планированием. Социализм устраняет производственные отношения, при которых продукт господствует над обособленными производителями, и заменяет их совместным контролем объединенных производителей над своим производством и его продуктом.

Разумеется, на этом пути общество проходит через период, когда его производство *в целом носит еще товарный характер*, который лишь *существенно ограничен* общественным контролем, регулированием и планированием. Однако такое переходное состояние не может быть устойчивым. Либо окажется, что отношения товарного производства имеют более глубокие корни в достигнутом уровне развития производительных сил, и тогда они восстановят свой господствующий характер, а вместе с этим — поскольку крупное товарное производство на основе машинной техники, как правило, имеет капиталистический характер, — будут восстановлены и производственные отношения капитализма. Либо будет происходить последовательное вытеснение отношений товарного производства, опираясь на высокий и растущий уровень обобществления труда, и товарное производство будет заменено непосредственно общественным планомерным производством.

Исторический опыт так называемых «рыночных реформ» в Югославии, в Венгрии (с конца 60-х до конца 80-х гг. XX века), в Польше (в 80-е гг.), а затем и в СССР, показали, что расширение в существенных масштабах поля отношений товарного производства может постепенно привести к фор-

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I. М.: ИПЛ, 1968, с. 102.

мированию сначала латентных (скрытых, обычно нелегальных) капиталистических отношений, а затем и к спонтанному выходу их на поверхность, к размыванию и разрушению планового управления общественным производством. Это, разумеется, *зависит не от самого факта присутствия товарных отношений, а от их исторической динамики*. Процесс ведь может развиваться и в противоположном направлении, если для этого есть достаточные объективные и субъективные предпосылки. Но, так или иначе, господство товарного производства при социализме может продолжаться лишь исторически недолгое время, и *модель «рыночного социализма» может представлять собой только переходное состояние* — либо к непосредственно общественному социалистическому производству, либо к капиталистическому товарному производству.

Вопросы для самопроверки

18.1. В чем специфика производительных сил социалистического общества?
18.2. Охарактеризуйте различие формального и реального освобождения труда.
18.3. В чем проявляется незрелость коммунистических производственных отношений?
18.4. Как связаны между собой планомерный характер производства и социализм?
18.5. Как можно охарактеризовать отношения собственника средств производства к непосредственному производителю на первой фазе коммунизма?
18.6. На какой основе обеспечивается воспроизводство социалистических производственных отношений?
18.7. Как устроена система отношений собственности на первой фазе коммунистического общества?
18.8. Что такое распределение по труду, и какие еще принципы распределения существуют при социализме?
18.9. Какова судьба товарного производства при социализме? Может ли существовать «рыночный социализм»?
18.10. Имеет ли социалистическое общество классовую структуру?

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961.

Работы Ленина:

- *Ленин В. И.* Государство и революция // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33.
- *Ленин В. И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма // *Ленин В. И.* Полн. собр. Соч., т. 44.

В работе известного бельгийского марксиста рассматриваются противоречия и проблемы, связанные с движением к социализму:

- *Мандел Э.* Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М.: Экономическая демократия, 1992.

Здесь представлены соображения относительно вклада советской политической экономии в научное понимание социализма:

- Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. Под ред. Бузгалина А. В., Корчагиной З. А. М.: ТЕИС, 2003.

Из этой книги почерпнута немалая часть материала для данной главы:

- *Бузгалин А. В.* Ренессанс социализма. М.: URSS, 2007.

Наиболее интересное из разработок советской политической экономии:

- Курс политической экономии. Под ред. Цаголова Н. А. 2-й том. М.: Экономика, 1974.
- Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма / Под ред. Н. А. Цаголова. М.: Изд. Моск. ун-та, 1968.
- *Черковец В. Н.* Методологические принципы политической экономии как научной системы. М.: Изд. Моск. ун-та, 1965.
- *Тронев К. П.* Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1974. № 4.
- *Хессин Н.* Об историке-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений развитого социализма // Экономические науки, 1975, № 6.
- *Хессин Н. В.* Развитие теории планомерной организации социалистического производства и проблема ее совершенствования // Вестник Моск. ун-та, сер. 6, Экономика, 1979, № 1.

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала: www.interpolitec.su]:

- *Дзарасов Р. С.* Капитализм и социализм на весах политической экономии // Вопросы политической экономии. 2015. № 3. С. 30–41.
- *Букреев В. В., Рудык Э. Н., Хабибуллин Р. И.* Коллективное предприятие: к теории вопроса // // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 67–77.

Тезаурус к главе 18

ФОРМАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА выступает как становление свободы общественных отношений людей в труде, в производстве — но только по социально-экономической форме, т. е. только со стороны новых производственных отношений.

РЕАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА будет достигнуто тогда, когда свобода, обеспечиваемая формальным освобождением труда, будет обеспечена и со стороны производительных сил, со стороны содержания самого процесса человеческой деятельности.

СОЦИАЛЬНО-ГАРАНТИРОВАННЫЙ МИНИМУМ — обязательная составная часть дохода работающего населения, а также нетрудоспособных, обеспечивающая включение человека в общественную жизнь (социализацию). Социально-гарантированный минимум следует предоставлять (на особых условиях) и лицам, уклоняющимся от труда, чтобы предотвратить криминализацию этого социального слоя и не закрывать возможность их трудовой реадаптации.

Глава 19

Размышляя о коммунизме...

Структура главы

- Условия перехода к высшей фазе коммунизма. Что такое «полный» коммунизм?
- Различие деятельности в необходимое и свободное время
- Производственные отношения
- Освобождение человека. Человек как субъект истории. Источники развития

Углубление отдельных вопросов темы:

✓ Об изменении содержания процесса истории: от борьбы за существование к человеческому развитию

19.1. Условия перехода к высшей фазе коммунизма. Что такое «полный» коммунизм?

Переход от социализма к высшей фазе коммунизма (от неполного к полному коммунизму) совершается прежде всего на основе изменений характера производительных сил, и в первую очередь — характера человеческой деятельности.

На первый взгляд, коммунистическое общество, как и любое другое, неизбежно сталкивается с проблемой ограниченности материальных ресурсов — природных ресурсов, технических средств, фонда рабочего времени и т. д. Отсюда вытекает необходимость экономии рабочего времени и т. д. Даже если представить себе общество, где достигнуто изобилие средств существования, то ограниченность все равно остается. Правда, эта ограниченность будет существовать уже не в сфере личного потребления, а в сфере производственной и творческой деятельности. Она может предстать, например, в форме ограниченности производства новейших образцов оборудования, ограниченности энергетических и технических ресурсов для исследовательских программ, ограниченности кадровых ресурсов, которые можно привлечь для тех или иных научных исследований, и в форме ограниченных возможностей средств сообщения, и ограниченной продолжительности человеческой жизни, неспособной обеспечить полную реализацию творческих способностей человека за срок его существования.

В любом обществе, разумеется, прилагаются некоторые усилия (где значительные, а где и не очень) к тому, чтобы раздвинуть рамки подобных ограничений за счет развития производительной силы труда, но в каждый данный момент времени общество вынуждено считаться с ними, как с объективной, непреодолимой гранью, лимитирующей возможности производства и потребления. Однако коммунистическое общество отличается от других обществ тем, что сама специфика деятельности в этом обществе состоит в постоянном преодолении каких бы то ни было пределов для развития.

К. Маркс дал беглый набросок своего взгляда на такое развитие: «Результатом является всеобщее — по своей тенденции и

по своим возможностям — развитие производительных сил и вообще богатства в качестве базиса. Базис как возможность универсального развития индивида и действительное развитие индивидов на этом базисе как беспрестанное устранение *предела* для этого развития, который и осознается как предел, а не как некая *священная грань*. Универсальность индивида не в качестве мыслимой или воображаемой, а как универсальность его реальных и идеальных отношений»[1].

Таким образом, «полный коммунизм» *только начинается* тогда, когда человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»[2], когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»[3] и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку»[4], когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение *предела* для этого развития»[5], и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»[6].

В более общем виде изменения в человеческой деятельности, являющиеся условиями перехода к высшей фазе коммунизма, К. Маркс изложил в «Критике Готской программы». Переход к высшей фазе коммунизма, с его точки зрения, произойдет «...после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда: когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы...»[7].

С точки зрения социально-экономических отношений этому соответствует торжество свободного общественного объединения людей (принцип свободной ассоциации), на основе чего люди организуют производство по заранее обдуманному общему плану. Здесь не место фантазировать о том, как конкретно будет устроено производство по общему плану на высшей фазе коммунизма. Однако вполне определенно можно сказать, что характер организации деятельности в рабочее и в свободное время будет различаться.

19.2. Различие деятельности в необходимое и свободное время

Капитал стремится к всемерному сокращению необходимого рабочего времени не ради сокращения рабочего времени вообще, а ради увеличения в этом времени доли прибавочного рабочего времени. И необходимое, и прибавочное рабочее время носят при капитализме однокачественный характер — это время труда под контролем капитала, время производства стоимости. Свободное время выступает как время, свободное от труда, и производственные отношения в узком смысле слова (отношения непосредственного производства) его не затрагивают, хотя в свободное время можно участвовать, например, в отношениях обмена и потребления.

Когда коммунизм стремится к экономии необходимого рабочего времени ради сокращения времени обязательного труда вообще и увеличения свободного времени, то деятельность человека в рабочее и сво-

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II, М.: ИПЛ, 1969, с. 35.

[2] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I, М.: ИПЛ, 1968, с. 280.

[3] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II, М.: ИПЛ, 1969, с. 110.

[4] Там же, с. 221.

[5] Там же, с. 35.

[6] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I, М.: ИПЛ, 1968, с. 476.

[7] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 19. М.: ИПЛ, 1961, с. 20.

бодное время приобретает разную социальную окраску. В первом случае происходит труд, диктуемый «нуждой и внешней целесообразностью», во втором — свободный труд как самоосуществление индивида. Дадим слово К. Марксу: «*Рабочее время*, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда остается созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек*, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно»[1]. Поэтому и характер отношений в рабочее и свободное время различен. В рабочее время сохраняются «фабричная дисциплина труда», разделение на управляющих и управляемых, диктуемые законами организации труда в материальном производстве, хотя эти отношения также существенно видоизменяются по сравнению с капиталистическим обществом.

«Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости»[2]. Этот подход предполагает радикальное сокращение тяжелого ручного, неквалифицированного, монотонного труда и введение общественного производства в рамки, обеспечивающие гармоничное взаимодействие с природной средой.

В свободное же время полностью реализуется принцип свободной ассоциации, всеобщего труда как свободной универсальной кооперации творческой деятельности. «По ту сторону его (царства необходимости — *А. К., А. Б.*) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»[3].

Характер отношений, складывающихся в свободное время, становится на высшей фазе коммунизма господствующим, и распространяет свое влияние и на деятельность в рабочее время. «Само собой разумеется, что само рабочее время — тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, — вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как базис для *свободного времени*, совершенно другой, более свободный характер и что *рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота»[4].

19.3. Производственные отношения

Структура производственных отношений коммунистического общества на его высшей фазе примерно такова же, как и на первой. Основное отличие заключается в степени зрелости коммунистических производственных отношений.

На высшей фазе коммунизма полностью исчезают все отношения товарного производства, и производство полностью приобретает непосредственно общественный характер. Этому соответствует полное преодоление отчуждения людей от их об-

[1] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 26, ч. III. М.: ИПЛ, 1964, с. 265–266.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. III... // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 25, ч. II. М.: ИПЛ, 1962, с. 387.

[3] Там же.

[4] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 26, ч. III. М.: ИПЛ, 1964, с. 266.

щественных отношений, торжество свободного общественного объединения людей (принцип свободной ассоциации), на основе чего люди организуют производство по заранее обдуманному общему плану.

Поскольку производство средств существования, равно как и обеспечение всей совокупности материальных условий для этого, с ростом производительных сил общества будут занимать относительно небольшую часть времени, постольку основной целью и содержанием производственной деятельности будет обеспечение условий для развития человеческой индивидуальности. Это развитие, в свою очередь, станет главным источником роста производительности общественного труда. Поэтому главным источником роста общественного богатства станут не трудовые усилия людей (в противоположность тому, что сказано в Ветхом Завете: «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» — Быт. 3, 19), и даже не совершенствование применяемых средств производства, а развитие самого человека в процессе научной, художественной, педагогической и т. д. деятельности.

На высшей фазе коммунизма, с развитием всеобщей собственности (то есть собственности каждого на всё[1]) отпадают особые отношения собственности. Это не значит, что в свободной ассоциации тружеников присвоение общественного богатства — в производстве ли, в потреблении ли, — не будет опосредоваться общественными отношениями между людьми. Однако, вместе с исчезновением отношений собственника и не-собственника (чему соответствует превращение безграничных по своей природе культурных ценностей, которые могут беспрепятственно присваиваться каждым членом общества, в главную форму богатства), это опосредование не будет принимать форму особых отношений собственности.

Вместе с этим отпадают и отношения между собственником и непосредственным производителем, составлявшие главное содержание любого экономического строя общества. Общественный строй коммунистического производства перестает быть экономическим строем, а фигуры собственника и непосредственного производителя окончательно сливаются. Впрочем, в материальном производстве («царстве необходимости») функциональные различия собственника и производителя остаются — ведь выполнение функций собственника и функций производителя подразумевает различные виды деятельности. *Но это различие видов деятельности не будет вести к образованию различных социальных ролей*, т. е. к выделению людей, за которыми закреплены преимущественно либо одни, либо другие виды деятельности.

Изменившийся характер деятельности является главной предпосылкой перехода к распределению по потребностям. Когда главным видом деятельности становится творческая самодеятельность индивидов, а главным богатством — достижение всесторонности как индивидуального развития, так и общественных связей, благодаря которым она достигается, то главной потребностью человека становится саморазвитие в процессе творческой деятельности и богатство общения. Раз главный мотив и результат деятельности изменился, то в соответствии с этими изменениями меняется и характер распределения.

Для участия в творческой деятельности и общении не остается никаких социальных препятствий (и хотя наличные материальные средства деятельности в каждый данный момент времени ограничены, деятельность человека как раз и направлена на постоянное преодоление этой ограниченности). При таких условиях главной проблемой распределения становится доступ к творчеству и общению — а этот доступ на высшей фазе коммунизма ограничивается только собственными способностями человека. Таким образом, *распределение по потребностям становится реальностью*, ибо

[1] «...При пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 3. М.: ИПЛ, 1955, с. 68).

человек самостоятельно включается в процесс творческой деятельности *именно в меру собственных потребностей.*

Разумеется, определенный — и достаточно высокий — уровень удовлетворения потребностей в жизненных средствах является необходимым условием перехода к такому способу распределения. Этот уровень потребления выступает здесь не как самоцель, а всего лишь как условие полноценного включения в творческую деятельность, и объем необходимых жизненных средств воспринимается человеком именно с точки зрения отсутствия с этой стороны препятствий для саморазвития. Как заметили классики марксизма еще в своих ранних работах, «...при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость»[1].

Однако главным условием перехода к распределению по потребностям является не изобилие жизненных благ, а такие изменения в характере человеческой деятельности, которые устраняют подчинение человека общественному разделению труда, обеспечивают всесторонность развития индивидов и превращают труд в первую жизненную потребность (что, собственно, и обеспечивает необходимый уровень производства и потребления жизненных благ как свой побочный результат).

19.4. Освобождение человека. Человек как субъект истории. Источники развития

Нередко марксизм пытаются представить как философскую систему, провозглашающую, вместе с достижением коммунизма, законченность человеческой истории. Казалось бы, Маркс сам дает повод для этого, заявляя: «Как только меновая стоимость перестанет составлять предел для материального производства и его предел будет определяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями»[2].

Однако для Маркса конец *прежней* истории означает лишь впервые достигнутую для человечества возможность жить реальной исторической жизнью. Говоря о «целостном развитии индивида», о беспредельной универсальности развития человека, Маркс добавляет: «Отсюда проистекает также понимание его собственной истории как *процесса* и познание природы (выступающее также в качестве практической власти над ней) как своего реального тела. Сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы полное развитие производительных сил стало *условием производства*, чтобы определенные *условия производства* не являлись пределом для развития производительных сил»[3].

Об изменении содержания процесса истории: от борьбы за существование к человеческому развитию:

Прежняя история была историей борьбы за существование. Конечно, человек развивался и в этой истории — но такое развитие происходило как побочный продукт борьбы за существование, развитие одних индивидов обеспечивалось за счет других, и человечество — поскольку его собственные общественные отношения господствовали над ним как чуждые ему силы — в целом не контролировало этот стихийный процесс развития. Однако раз отпадает борьба за существование, и люди, взяв свои производительные силы под свой совместный контроль, оказываются свободны для самостоятельного установления общественных связей между собой, то их собственное развитие становится непосредственной целью их деятельности и тем самым составляет и содержание процесса истории.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 3. М.: ИПЛ, 1955, с. 33.

[2] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 123.

[3] Там же, с. 35.

История теперь впервые в полном смысле слова становится историей человеческого развития.

Но для этого необходимо достижение целого ряда условий. Маркс предполагал, что историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда его развитие приведет к тому, «...что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени, и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; — следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»[1].

Капитал создает такие предпосылки потому, что «...капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в свое непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически»[2].

В результате такого исторического развития становится возможным отбросить его ограниченную буржуазную оболочку: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой „природы", так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»[3].

Итак, человек, уже не связанный необходимостью большую часть времени тратить на добычу средств к существованию и на обеспечение накопления вещного богатства в руках других людей, будет свободно развивать собственную индивидуальность. И свободный союз людей, выступающих как независимые индивиды (свободная и равная ассоциация), становится здесь основной формой их общественной связи.

«Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. <...> В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством нее»[4]. Свобода понимается здесь не как негативная свобода от любых ограничений («воля», произвол), и не как свобода в ее либеральной трактовке — в виде вынужденного компромисса противоположных интересов (мои права кончаются там, где начинаются права других людей), а как постоянное преодоление всех и всяческих

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I, М.: ИПЛ, 1968, с. 280.

[2] Там же, с. 281.

[3] Там же, с. 476.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 3. М.: ИПЛ, 1955, с. 75.

границ, основанное на общности интересов и на добровольном сотрудничестве людей.

Человек тем самым преодолевает любые границы своей общественной жизни — его общественные связи становятся потенциально безграничными как в пространстве, так и во времени. Хотя человек (обращаясь к тезису В. Межуева) платит за неповторимость своей индивидуальности конечностью своего существования — каждый человек есть особая вселенная и другой такой не было и не будет — но в свободной ассоциации человек преодолевает и ограниченность индивидуального существования. Деятельность человека, воспроизводящего себя в универсальности своей деятельности и своих общественных связей, основывается здесь на кооперации с любыми современниками, предшественниками и потомками.

Однако такое преодоление индивидуальной ограниченности невозможно без сотрудничества с другими людьми, невозможно без восприятия людьми друг друга как неповторимых индивидуальностей[1].

На этом противоречии основывается и движущее противоречие развития и воспроизводства человека в коммунистическом обществе как воспроизводства целостного общественного человека. Специфические для первой фазы коммунизма противоречия развития — между вещной и деятельностной составляющими богатства, между стремлением к расширению свободного времени и ограниченными возможностями его использования для развития индивида и т. п., — на высшей фазе снимаются. Однако остается безграничное стремление человека выйти за пределы своего индивидуального существования. Сегодня трудно представить во всей конкретности, какие именно человеческие драмы, какое напряжение страстей будет порождать это противоречие, однако и нашим предкам, и современникам доводилось сталкиваться с этим противоречием. И тот факт, что оно способно порождать всплеск творческой энергии человека, несомненен.

Все предшествующее изложение проблематики характера производства и общественных отношений высшей фазы коммунизма носило весьма абстрактный характер. Иначе и быть не могло. Высшая фаза коммунизма еще не стала исторически полномасштабной реальностью (хотя в известном смысле она уже проявляет себя в реальности). Гораздо более конкретные суждения о высшей фазе коммунизма можно вынести, если обратить внимание не на то, *что будет* на этой высшей фазе, а на то, ***чего при коммунизме не будет***. То, что отрицается высшей фазой коммунизма, известно нам во всей конкретности, и потому *негативные определения* коммунизма отличаются значительно большей детальностью и осязаемостью.

Как уже говорилось выше, высшая фаза коммунизма характеризуется снятием товарного производства и свойственных ему общественных отношений. Отмирает всеобщее производство на продажу и погоня за деньгами как за мерилом успеха. Устранение товарного производства неизбежно ставит вопрос: в какой социальной форме будет происходить определение общественной необходимости затрат труда, их учет и измерение, обеспечивающие их экономию? У Маркса мы не найдем ответа на этот вопрос. Он определенно знал лишь, что такой механизм должен сложиться, что на место товарного производства должна встать иная социальная форма, которая уже не окольным путем, а прямо обеспечивает контроль индивидов над своим трудом и затрачиваемым на него временем.

Иллюзия, будто на место товарного производства может встать трудовой учет непосредственно в натуральной форме, основывается на непонимании того факта,

---

[1] «Предпосылки и автономии, и индивидуальности сохраняют строго интерсубъективное значение в коммуникативном действии: тот, кто произносит моральные суждения и совершает моральные действия, должен рассчитывать на согласие неограниченного коммуникативного сообщества; тот, кто реализует избранную с сознанием ответственности историю жизни, должен рассчитывать на признание со стороны этой индивидуальной аудитории», — пишет Юрген Хабермас. — «Соответственно моя идентичность, а именно моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа, может быть устойчивой лишь в том случае, если я получу подобного рода подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность» (*Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // Впросы философии, 1989, № 2).

что люди не могут производить, не вступая в определенные общественные (производственные) отношения между собой. Однако решение вопроса о том, как именно, в каких конкретных общественных формах свободная ассоциация будет регулировать свое совокупное рабочее время, распределяя его для производства различных продуктов, относится к будущему — к тому будущему, когда исчезнут условия для обособленного, частного производства на рынок, и всякий труд уже не сможет быть сведен к простой абстракции деятельности. Только тогда новые социальные формы труда проявят себя с объективной необходимостью. Хотя уже сейчас можно строить различные предположения на этот счет, ни одно из них пока не выглядит достаточно основательным.

Вместе с падением товарного производства и частного характера труда вообще отпадает и частная собственность, и, в результате всего этого, устраняется отчуждение труда, отчуждение человека от продуктов своей деятельности, а вместе с этим — и отчуждение человека от человека и человека от общества.

Естественно, что при коммунизме не будет эксплуатации (эта проблема решается еще на его первой фазе).

На высшей фазе коммунизма произойдет стирание социально-классовых различий. При этом огромное разнообразие индивидуальных свойств людей не будет вести к их разделению на общественные классы. Никакие различия не будут основанием для приобретения социально привилегированного статуса, для неравного положения в системе общественных отношений. Все люди будут иметь одинаковые возможности для участия в любых видах деятельности, доступность которых будет определяться лишь своеобразием личных способностей людей, и не будет никаких социальных градаций в условиях личного потребления.

Другой социальный институт, которому не суждено дожить до высшей фазы коммунизма — государство. Государственная организация общества сменится общественным самоуправлением. Что будет представлять собой самоуправление в глобальном масштабе — это пока невозможно представить в конкретных формах. Можно говорить пока о зыбких прообразах такой добровольной координации общественно-организующей деятельности в виде современной «сетевой демократии», которую практикуют современные глобальные социальные движения.

Вместе с государством отпадут и основные формы организованного насилия, и в первую очередь войны. Исчезновение войн будет иметь своей предпосылкой также постепенное (более длительное, нежели для организации общественного самоуправления) отмирание национальных противоречий. Но еще до их окончательного отмирания сделается возможным исключить войны как способ разрешения конфликта национальных интересов, первым шагом к чему будут полная ликвидация оружия массового поражения, резкое взаимное сокращение военных расходов и арсеналов военного противостояния, введение дополнительных международных ограничений в обычаи и правила войны.

Целиком исчезает значительный пласт преступности, связанный с корыстными побуждениями, и резко сокращается социально-психологическая база для преступлений против личности, в связи со снятием социальной напряженности, обусловленной самыми различными проявлениями социального неравенства. Однако ликвидировать конфликты на почве личных взаимоотношений, как и попытки разрешения их преступным путем, никакая общественная система не может. Она может лишь создать условия для сведения таких эксцессов к минимуму, что позволит отказаться от специального правоприменительного аппарата (судов, прокуратуры и т. д.), вместе с отмиранием самого института права.

Значительные перемены произойдут в общественном сознании. Религиозные формы общественного сознания потеряют свое значение, распространение и влияние церкви как общественного института, по меньшей мере, резко сократится. Хотя общественные предпосылки для существования религиозного сознания практически исчезнут, но ряд других предпосылок (наличие

пределов возможностей человека — конечность индивидуального существования, ограниченность познания мира и т. д.) сохранится. Кроме того, традиционные формы общественного сознания будут преобразовываться медленнее, чем будут меняться объективные предпосылки их существования. Поэтому в обозримой перспективе полная и абсолютная ликвидация всяких пережитков суеверий вряд ли возможна.

Безусловно, претерпит значительные изменения форма семьи. Если даже на протяжении XIX–XX веков произошло уже не одно изменение формы семьи, то тем более следует ожидать существенных перемен в этой области при переходе к новой исторической эпохе. Каковы будут конкретные формы семейных отношений? Ответ на этот вопрос лучше всего сформулировал Ф. Энгельс:

«Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из-за боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответствующее этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, — и точка»[1].

Таким образом, семейно-брачные отношения не будут связаны с заботой об условиях существования, отпадет закрепление частной семейной собственности как одной из основ существования семьи, и использование семьи как трамплина для материального успеха. Произойдет также изменение соотношения воспитания, основанного на биологической связи родителей и детей (каковую вовсе не следует игнорировать — но только до тех пор, пока играет роль как сама биологическая связь, так и выросшая на ее основе социальная общность родителей и детей), и общественного воспитания подрастающего поколения.

* * *

Этот краткий обзор высшей фазы коммунизма оставляет, разумеется, очень много вопросов — в том числе и вовсе не рассмотренных нами. Однако мы надеемся, что обозначенные здесь узловые пункты дают достаточное представление о том, какими видятся основы будущего общественного строя.

Вопросы для самопроверки

19.1. Какие изменения в содержании человеческой деятельности определяют переход к высшей фазе коммунизма?

19.2. Как меняется на высшей фазе коммунизма соотношение и социальная роль рабочего и свободного времени?

19.3. Чем на высшей фазе коммунизма характер деятельности в рамках свободного времени отличается от характера деятельности в рабочее время?

19.4. В чем на высшей фазе коммунизма заключается различие между производственными отношениями в рабочее и в свободное время?

19.5. Какие структурные элементы производственных отношений отпадут при переходе от первой к высшей фазе коммунизма?

19.6. На какой основе становится возможным распределение по потребностям?

19.7. Чего не будет при коммунизме — то есть каковы известные в настоящее время негативные определения высшей фазы коммунизма?

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 21. М.: ИПЛ, 1961, с. 85.

Литература для самостоятельного изучения

Работы классиков марксизма:

- *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 3. М.: ИПЛ, 1955, с. 33, 68, 75.
- *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 46, ч. I, М.: ИПЛ, 1968, с. 280, 281, 476; ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 35, 110, 123, 221.
- *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 26, ч. III. М.: ИПЛ, 1964, с. 265–266.
- *Маркс К.* Капитал, т. III..., // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 25, ч. II. М.: ИПЛ, 1962, с. 387.
- *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 19. М.: ИПЛ, 1961, с. 20.

Работа одного из лучших советских марксологов хорошо иллюстрирует взгляды Ф. Энгельса на коммунистическое общество:

- *Багатурия Г. А.* Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М.: Политиздат, 1972.

Работы Батищева и Хабермаса помогут лучше разобраться со сдвигами в характере человеческой деятельности и в ее целях:

- *Батищев Г. С.* Введение в диалектику творчества. СПб.: 1997.
- *Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // Вопросы философии, 1989, № 2.

Целый ряд проблем перехода к высшей фазе коммунистического общества рассматривается в этих работах с современных позиций:

- *Бузгалин А. В.* Будущее коммунизма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1996.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Пределы капитала: методология и онтология. Часть 4. М.: Культурная революция, 2009.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА, ИЛИ АНАТОМИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (ОТ «КАПИТАЛА» XIX ВЕКА К «КАПИТАЛУ»-XXI)

Введение

Первая стадия позднего капитализма: монополистический капитал как подрыв основ рынка. Империализм

Основные понятия:

переходные производственные отношения*
подрыв товарного производства при капитализме*
монополистический капитал
обобществление производства при капитализме*
империализм*

Анализ первой стадии позднего капитализма авторы хотели бы начать с напоминания о тех признаках империализма, которые были выделены в работах В. И. Ленина («Империализм как высшая стадия капитализма», «Тетради по империализму» и др.). Подчеркнем: авторы делают это не потому, что считают именно Ульянова ведущим теоретиком по данной проблеме, а потому, что он (и здесь мы готовы подписаться под старыми выводами советской политэкономии капитализма) едва ли не наиболее удачно продолжил метод «Капитала» применительно к исследованию относительно новой экономической реальности. Именно он, критически синтезируя разработки Гильфердинга, Гобсона, Каутского, Люксембург, сумел показать, в чем именно состоит частичное (еще не уничтожающее систему) отрицание системного качества капиталистического способа производства (а именно — «подрыв» товарного производства[1]).

[1] «...Развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему „царит" и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются „гениям" финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства,

Именно Ленин сумел на этой базе сделать ряд выводов об изменении природы собственно капитала (переход преимущества от рынка товаров к рынку капиталов, главным образом, в форме финансового капитала, доминирующего над промышленным и т. п.) и вытекающих отсюда геоэкономических и геополитических, а также социально-политических последствиях (авторы нарочито используют современную лексику, «перезагружая» ленинские характеристики применительно к современному языку). О последних выводах Ульянова можно спорить (хотя серия социалистических революций и слом имперско-колониальной системы им были предсказаны вполне обоснованно; другое дело, что им был недооценен потенциал самореформирования позднего капитализма и возможная мера мутации будущего социализма). Но теоретико-эмпирическая обоснованность первых двух выводов (господство монополий, подрывающих, но не уничтожающих свободную конкуренцию, и доминирование финансового капитала) не вызывает сомнений.

Итак, при взгляде в глубь явлений, характерных для первого этапа позднего капитализма, мы можем зафиксировать, что здесь (и в данном случае авторы учебников economics и советских курсов политической экономии империализма будут, как ни странно, едины) происходит, по меньшей мере, значительное видоизменение механизмов свободной конкуренции, появляется «несовершенная» (язык economics) или монополистическая (язык марксизма) конкуренция. В основе этого лежит видоизменение фундаментальных закономерностей, основ рынка — *независимость его агентов, **не** способных влиять на рыночные параметры* (цену, например), *подрывается* (естественно, лишь отчасти) *сознательным воздействием на них со стороны крупнейших капиталов и их союзов* (первоначально — картелей и трестов), получивших в марксизме имя *«монополий»* (авторы далее будут использовать *это* категориальное обозначение).

Если при этом уйти из области чистых абстракций (что типично для стандартных работ, лежащих в неоклассической парадигме), когда под монополией (олигополией) понимается ситуация, при которой компания (ряд компаний) полностью контролирует (контролируют) рынок, и взглянуть на реальное многообразие монополистических структур (от отраслевых конференций и полулегальных картелей до диверсифицированных финасово-промышленно-информационных групп и холдингов), то можно сделать вывод, что такие агенты способны частично сознательно видоизменять параметры рынка, более того, они способны *подрывать обособленность производителей и потребителей, делая их частично зависимыми от этих объединений.* Вполне закономерно, что это воздействие со стороны монополий на других контрагентов рынка капиталистическая система пытается ограничивать, для чего ей объективно приходится прибегать, опять же, к внерыночным, сознательным (а именно — антимонопольным) механизмам воздействия на рынок со стороны государства как института, не только представляющего интересы крупнейших монополистических капиталов, но и выполняющего функции поддержания стабильности системы в целом.

Тем самым, начиная с XX века, содержание и механизмы функционирования рынка свободной конкуренции (т. е. рынка, описываемого в первой главе и «Капитала», и первых главах любого учебника economics) видоизменяются (мы бы вслед за Лениным сказали жестче — подрываются) вследствие развития *сознательного регулирования.* Это регулирование как со стороны монополий, что приводит к «несовершенству» конкуренции, так и со стороны субъектов антимонопольного регулирования, что позволяет удержать это «несовершенство» в рамках, где *такая* конкуренция остается все же конкуренцией. Этот симбиоз монопольного давления и антимонополистического регулирования (вот они, реальные *переходные отношения*) приводит к тому, что *капиталистические отношения (и в том числе рынок) укрепляются через... видоизменение, развитие «в-себе» и «для-себя» пострыночных начал.*

но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам» (*Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 322).

Переходные производственные отношения — такие отношения, в которых сочетаются элементы производственных отношений разных способов производства. *Переходные отношения в позднем капитализме* — такие отношения, в которых сочетаются элементы капиталистических и посткапиталистических производственных отношений.

Так, ***первый этап эволюции позднего капитализма знаменуется появлением качественно нового слагаемого рыночной (капиталистической) экономики — промышленно-финансовых монополистических корпораций****, способных сознательно частично воздействовать на рынок, порождающих несовершенную конкуренцию, антимонопольное регулирование и многие другие переходные отношения*, подрывающие исходные свойства рынка, но остающиеся в общем и целом в рамках капиталистической системы и укрепляющие ее. Заметим также, что на этом этапе происходит и *трансформация государства в некоторую «супер»- («сверх»-) корпорацию*, не только устанавливающую правила игры на рынке, но и превращающуюся в одного из активнейших игроков, в гигантский капитал, находящийся во всеобщей частной собственности.

Сравнение этого, сделанного и обоснованного до нас, вывода с основными посылками метода исследования диалектики «заката» экономических систем позволяет считать достаточно обоснованным следующий тезис: *первый этап эволюции позднего капитализма (монополистический капитализм или империализм) характеризуется подрывом исходного производственного отношения (качества) товарно-капиталистической экономической системы — **товарного отношения,*** основанного на обособленности производителей в условиях общественного разделения труда (в частности, подрывом *свободной конкуренции*).

Подрыв товарного производства при капитализме — соединение отношений товарного производства и сознательного нерыночного регулирования производства, становящееся неизбежным при высоком уровне обобществления.

Позволим себе в этой связи важное методологическое замечание: сказанное позволяет предположить (но пока не доказать), что вообще *основные этапы «заката» капитализма будут и далее корреспондировать с шагами в направлении видоизменения (подрыва) его основ, системообразующих производственных отношений — денег как универсального средства развития этой системы, отношения капитала и наемного труда и т. п.*

Собственно ***монополистический капитал***, следовательно, так и может быть определен — как капитал такой концентрации, которая позволяет ему сознательно, целенаправленно, планомерно воздействовать (в определенных пределах, естественно) на товарные отношения, в частности, на рынок и такие его параметры, как цены и качество товаров, объемы и порядок продаж и покупок и т. п.

Монополистический капитал: определение понятия «монополистический капитал» введено нами ранее в основной части книги — см. гл. 12, п. 12.1.

Основой этой власти монополистического капитала становится развитие позднеиндустриального материального производства. В западных общественных науках принято, характеризуя этот этап, делать акцент на фордизме и тейлоризме, т. е. особых технологиях на микроуровне[1]. Эти параметры, безусловно, принципиально значимы. Более того, они должны быть дополнены характеристиками других принципиальных изменений в качестве средств производства и рабочей силы. Для первых становится характерен революционный переход от эпохи пара, железных дорог и фабрик к эпохе электричества, автомобиля, конвейерного производства и комбинатов. Для второго — сведение типичного рабочего к придатку

[1] См.: *Тейлор Ф. У.* Научная организация труда. М., 1925; *Он же.* Принципы научного менеджмента. М., 1991; *Форд Г.* Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989; *Он же.* Сегодня и завтра. М., 1992; *Ганнт Г. Л.* Организация труда. Размышления американского инженера об экономических последствиях мировой войны. М., 1923.

конвейера при одновременном радикальном повышении роли и масштабов участия в общественном производстве технической интеллигенции (инженеров и управляющих производством).

На наш взгляд, не менее плодотворным является акцент на изменениях в макротехнологии, ведущих к таким изменениям в производственных отношениях, которые фиксируются в понятии *обобществление*[1]. Оно наполнено в марксизме богатым смыслом, далеко не сводимым к концентрации, специализации и кооперированию производства.

Обобществление производства при капитализме — процесс, выражающийся в росте взаимной зависимости звеньев общественного разделения труда. Этот процесс основан как на концентрации и специализации производства и капитала, ведущим к росту общественных масштабов производства, так и на технологических сдвигах, усиливающих значение тесной кооперации производства между предприятиями.

Развертывание процессов обобществления приводит к формированию такой *национальной экономико-технологической макросистемы, в которой ключевую роль играет позднеиндустриальное материальное производство, основные параметры которого определяются высоко обобществленным ядром — ограниченным кругом крупнейших производств, связанных устойчивыми отношениями производственно-экономической кооперации.* Это положение было характерно, конечно же, не для всей макроэкономической системы развитых стран первой половины XX века, но таким тогда было ядро экономики, определявшее основные отличительные особенности того этапа. Именно здесь концентрировались крупнейшие капиталы, и именно для этого ядра был характерен подрыв обособленности производителей, т. е. собственной основы товарного отношения и всей капиталистической системы.

Более того, с марксистской историко-философской и политэкономической точки зрения *монополистический капитал и есть способ приспособления капиталистического строя к прогрессу позднеиндустриальных технологий, обобществления.* Это ответ капитала на вызов такого прогресса, причем ответ, идущий по единственно возможному пути — подрыва товарного отношения (свободной конкуренции) как своего исходного качества.

Этот шаг приспособления капитала к обобществлению оказывается глубоко противоречив, порождая ***империализм*** *как геоэкономическое и геополитическое бытие монополистического капитала* и свойственные для него глобальные катаклизмы — от колониализма до мировой войны.

Империализм — совокупность черт монополистического капитализма, характерных для его начальной стадии: появление капиталистических монополий, сращивание капиталистических монополий и государства, преобладание вывоза капитала над вывозом товаров, территориальный раздел мира на колониальные империи между капиталистическими державами и экономический раздел мира, ведущие к военным конфликтам в борьбе за передел мира.

Для понимания противоречий последнего мы должны подняться в нашем исследовании на более высокий уровень и взглянуть на процесс эволюции экономической общественной формации в целом. Собственно, *именно в этот период человечество впервые сталкивается с ограниченностью механизмов «царства необходимости»:* интернациональное обобществление производства требует сознательного регулирования, иначе (при сохранении монополистически-капиталистической формы) возникает *глобальная* (способная породить и порождающая *мировые* войны) угроза обществу со стороны... его собственной господствующей силы — государственно-монополистического капитала.

Сделаем промежуточный вывод: *противоречия общественной экономической*

[1] «...Научный социализм опирается на факт обобществления производства капитализмом» (*Ленин В. И.* Еще одно уничтожение социализма // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 51. См. также: *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 425; *Грималюк В. А.* Социалистическое обобществление труда. М.: Экономика, 1972.

формации (в частности, рост обобществления) в начале XX века приводят к тому, что общество оказывается способно и в некотором смысле вынуждено (к этому его толкают противоречия империализма) разрушать самое себя в глобальном масштабе. Мировая война становится важнейшим механизмом такого саморазрушения.

Не случайно именно в этот момент возникает и первая устойчивая попытка создать новое общество — социалистические революции, победившие сначала в России и породившие, позднее, качественно отличную от капитализма общественную систему, которая называла себя социалистической. Но это тема других работ.

Итак, Первая мировая война, социалистические революции, начавшиеся в 1917 г., и Великая депрессия показали, что монополистический капитал сам по себе может привести к краху капиталистической системы, продемонстрировав очевидную ограниченность первого шага приспособления капитала к новым условиям.

Вопросы для самопроверки

П.В.1. Когда и на какой основе развивается подрыв товарного производства?

П.В.2. Какова связь обобществления с изменениями в производительных силах: в качествах работника и в технологии общественного производства?

П.В.3. К каким противоречиям приводит развитие монополистического капитализма на его первой стадии?

П.В.4. Какие черты империализма приводят к обострению силового соперничества крупнейших капиталистических держав?

Литература для самостоятельного изучения

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала: www.interpolitec.su]:

- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* «Империализм как высшая стадия капитализма»: сто лет спустя (об основных этапах эволюции позднего капитализма и специфике его современного состояния) // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 8–23.
- *Зяблюк Р. Т., Титова Н. И.* Особенности российского капитализма (обзор конференции) // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 3. С. 157–172.
- *Амин С.* Современный империализм // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 9–20.
- *Черковец В. Н.* Природа империализма и современный капитализм: особенности исследования их взаимосвязи // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 87–96.

Тезаурус к Введению

ПЕРЕХОДНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — такие отношения, в которых сочетаются элементы производственных отношений разных способов производства. *Переходные отношения в позднем капитализме* — такие отношения, в которых сочетаются элементы капиталистических и посткапиталистических производственных отношений.

ПОДРЫВ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА при капитализме — соединение отношений товарного производства и сознательного нерыночного регулирования производства, становящееся неизбежным при высоком уровне обобществления.

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА при капитализме — процесс, выражающийся в росте взаимной зависимости звеньев общественного разделения труда. Этот процесс основан как на концентрации и специализации производства и капитала, ведущим к росту общественных масштабов производства, так и на технологических сдвигах, усиливающих значение тесной кооперации производства между предприятиями.

ИМПЕРИАЛИЗМ — совокупность черт монополистического капитализма, характерных для его начальной стадии: появление капиталистических монополий, сращивание капиталистических монополий и государства, преобладание вывоза капитала над вывозом товаров, территориальный раздел мира на колониальные империи между капиталистическими державами и экономический раздел мира, ведущие к военным конфликтам в борьбе за передел мира.

Часть 1

Товар и деньги

Пройдя по спирали виток «отрицания отрицания» своей эволюции (товарное производство как генезис капитала — развитой промышленный капитализм — империализм и последующие стадии «заката»), капитал в конце XX века начал процесс восстановления подорванной социал-реформистским периодом всеобщей власти рынка как господствующей формы координации (и аллокации ресурсов). Но это восстановление на новой основе (на основе информационных технологий, достижений предшествующей эволюции капитала, кризиса мутантного социализма, глобализации...), и потому с новым содержанием, а это значит — воспроизводство (опять же по спирали отрицания отрицания) не просто капиталистического рынка, но некоторого нового вида последнего.

Глава 1

Тотальный рынок сетей

Структура главы

- Тоталитарный рынок: сети и их хозяева («рынок пауков и паутин»)
- Каналы корпоративного манипулирования («поля зависимости» — «паутины»)
- Кооперация и борьба корпоративных сетей («рынок пауков»)
- Неоприватизация: «ренессанс» частной собственности как результат и предпосылка тоталитарного рынка

Основные понятия:

тотальный рынок сетей*
превратные экономические формы*
превратный (бесполезный) сектор*
всеобщий труд*
«неомаркетизация»
неоприватизация*

Углубление темы

- ✓ Экономическая власть капитала: неоинституционализм и марксизм
- ✓ Реклама как инструмент рыночной манипуляции

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:
Часть 3. Классическая политическая экономия капитализма
Глава 8. Анатомия рынка: товар, деньги и теория стоимости

Корпоративный капитал эпохи глобализации существенно видоизменяет все основные черты товарных отношений, генерируя процесс становления ***тотального рынка***[1]. Тотальность рынка на эмпирическом уровне оказалась наиболее заметна с конца XX века, когда неолиберальная практика и идеология дошли в своей экспансии до рубежа так называемого «рыночного фундаментализма»[2].

Существеннейшая черта этого нового качества рынка, скрывающаяся за практикой и идеологией рыночного фундаментализма, — это завершение начавшегося с эпохой монополистического капитала перехода к *рынку, где господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей и действий,* а именно — корпоративный капитал. Именно он сознательно манипулирует остальными агентами рынка, будь то домохозяйства или мелкие производители. Все они превращаются в клиентов корпораций, еще точнее — корпоративного капитала, который как целое, скорее, господствует над рынком, чем подчиняется его стихийным законам.

1.1. Тоталитарный рынок: сети и их хозяева («рынок пауков и паутин»)

Эта система господства уже давно известна социально-экономической теории. Едва ли не впервые она была отражена В. И. Лениным и его последователями, писавшими, как мы уже заметили выше, о подрыве свободной конкуренции рыночной

[1] Данное явление неолиберальной власти капитализма с ее стремлением подвести все общественные процессы под рыночные мерки у некоторых исследователей носит название «маркетизация» (см. *Fine B.* Theories of Social Capital. Researched behaving Badly. L.: Pluto Press, 2010).

С огромным для себя удивлением в момент завершения работы над первым изданием книги один из нас (а именно — А. Бузгалин) столкнулся с этим термином в... научно-фантастическом романе:

«Привычка до сих пор так сильна в нас, что нам и в голову не придет называть тоталитарным режим, в котором насилие не применяется массово...

И мы не разглядим тоталитаризм, который достиг, наконец, предела своих мечтаний и так подвесил подавляющее большинство своего населения на ниточках материальных наград и наказаний, что в применении массированного насилия он ПРОСТО НЕ НУЖДАЕТСЯ...

И мы с готовностью будем называть тоталитаризм ТОТАЛЬНОГО РЫНКА так, как он сам себя называет — свободным миром» (*Рыбаков В.* На чужом пиру. М.: Аст, 2000. С. 276–277. Выделения в тексте В. Рыбакова).

Не правда ли, любопытное сопадение в понятийном аппарате? Интересно и то, что В. Рыбаков использует образ марионетки, которой управляет некто третий для обозначения поведения человека в условиях тотального рынка — этого апофеоза отчуждения.

Подчеркнем также, что положение о тоталитаризме современного рынка развивается в ряде работ Л. А. Булавки, где акцентируются преимущественно проблемы взаимодействия экономики и культуры (см.: *Булавка Л. А.* К феноменологии симулятивного бытия // Философские науки. 2012. № 10. С. 56–71; *Булавка Л. А.* Постсоветская культура: принуждение к мутации // Политэкономия провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А. И. Колганова. М.: URSS, 2013. С. 151–170; *Булавка Л. А.* Императивы симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2).

[2] Тезис о «рыночном фундаментализме», «тирании рынка» и т. п. ныне весьма популярен и в России (где его критика, правда, смешивается с осуждением, главным образом, геополитического доминирования Запада — эта линия особенно ярко представлена в работах А. Зиновьева), и за рубежом (см., например: *Bourdieu P.* Acts of Resistance. Against the Tyranny of the Market. N. Y., 1998; *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999). Критику рыночного фундаментализма см., в частности, в работах: *Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я.* Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008; *Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е.* Опасный пессимизм. Отказаться от демонизации роли государства в экономике // Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: Ленанд/URSS, 2014.

монополией. Существенно, что в этом случае были показаны, во-первых, материальная основа этого регулирующего воздействия (обобществление производства и обмена) и, во-вторых, то, что это регулирующее воздействие монополистических объединений на рынок есть зародыш нового отношения, в своем развитом виде принадлежащего будущему — планомерности общественного производства. Не случайно в этой связи Лениным было подчеркнуто, что планомерное регулирующее воздействие на рынок дают уже тресты. Планомерность же будущего предполагает, что ее субъектом является все общество и осуществляется она в интересах развития личности каждого, а не увеличения прибыли корпораций[1].

Это идейное наследие было воспринято и развито советской политэкономией (в первую очередь, но не только, «Цаголовской школой»), авторы которой специально акцентировали переходный характер отношений монополистического регулирования рынка, которые они назвали «неполной планомерностью». Здесь будет уместно указать на комплекс параметров регулирующего воздействия на экономику со стороны монополистических союзов. К кругу этих параметров относятся, в частности:

- Обобществление производства как технологическая основа зависимости;
- Возможности манипулирования ценой, качеством и другими параметрами неценовой конкуренции на основе высокого уровня концентрации и централизации капитала;
- Навязывание вследствие этих же причин потребителям и зависимым поставщикам выгодных для корпораций условий сделок через разнообразные механизмы (в частности, маркетинга, рекламы);
- Использование механизмов сращивания с финансовыми корпорациями для воздействия на контрагентов через системы кредитов и др. форм создания финансовой зависимости;
- Использование личной унии в бизнесе и теневых форм;
- Сращенность с государственными структурами и СМИ;
- Использование корпоративного аппарата насилия (от «цивилизованного» промышленного шпионажа в странах «Первого» мира до прямого насилия корпоративных наемников в странах «Третьего» мира) и др.

Схожие выводы, независимо от марксистских исследователей, были сделаны Дж. Гэлбрейтом в его известной книге «Новое индустриальное общество», где он отметил в первую очередь «плановость» отношений внутри корпоративного сектора, но к этому он добавил еще и регулирующее воздействие корпораций на потребителя, в первую очередь — манипулирующее воздействие рекламы. Позже этот тезис стал едва ли не общим местом в работах критиков «рыночного фундаментализма»[2].

Эта линия классического институционализма была продолжена в работах многих авторов, принадлежащих к левому спектру мыслителей-«шестидесятников» на Западе, но это были преимущественно социо-философские или даже литературно-философские работы, написанные на стыке экзистенциализма и марксизма (эти мотивы можно найти в книгах Камю, Сартра), марксизма и анархизма (Кон-Бендит) и др. Позднее эта тема в качестве «боковой» возникла в книгах Бодрийяра и коллег по постмодернистскому «цеху». К этим работам мы еще вернемся позднее, в связи с анализом рынка симулякров, а сейчас продолжим наш краткий экскурс в историю разработки проблем регулирующего воздействия корпораций.

В настоящее время в среде критиков корпоративной системы очень широко из-

[1] Ранее мы уже приводили соответствующие слова Ленина из его работы «Замечания на второй проект программы Плеханова».

[2] Ряд из этих работ мы уже упоминали, но все же напомним о них еще раз: *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969; Он же. Экономические теории и цели общества. М., 1976.; *Ойкен В.* Основы национальной экономики. М., 1996; *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001; Power in Economics. Hardmoondworth, 1971 и др. Обзор этой литературы дан, в частности, В. Дементьевым (*Дементьев В.* Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. 2004. № 3), предложившим оригинальный вариант институциональной интерпретации данной проблемы.

вестны работы Наоми Кляйн[1] (на них ссылаются, как едва ли не классику, даже такие известные исследователи, как С. Жижек; они переведены на массу языков, в том числе — русский и изданы большими тиражами), где механизм манипулирования потребителем со стороны корпоративного капитала раскрыт на массе примеров. Существенно новым моментом в данном случае стало акцентирование феномена манипулирования, соединяющего сложный комплекс не только собственно экономических, но и информационных, культурных и даже идеологических воздействий на потребителя со стороны корпоративного капитала.

При этом, однако, в этих работах, как правило, речь идет преимущественно о манипулятивном воздействии на конечного потребителя — того, кто приходит в бутик или супермаркет (или заказывает товар через Интернет). В стороне остается едва ли не самый глубокий пласт — регулирующие воздействия корпораций друг на друга и на некорпоративный сектор, а также государство[2].

В рамках неоклассической теории, этот феномен тоже замечен, но не слишком акцентирован. Главное внимание economics, как известно, уделяет исследованию механизмов несовершенной конкуренции. Но этот анализ *функциональных* связей, посвященный *количественным* аспектам формирования цены в условиях олигополии, мало что говорит о природе феномена регулирующего воздействия корпораций на рынок. Другое дело, что в понятийном аппарате economics присутствует категория «*рыночная власть*»[3], которая по сути дела прямо корреспондирует с отношениями локального корпоративного регулирования и манипулятивного воздействия, анализируемыми другими школами. Эта категория пользуется минимальной популярностью у неоклассиков, что неслучайно: по зрелому размышлению этот феномен им следовало бы отнести к очередным провалам рынка, но... Но этот провал характерен практически для всей системы отношений ключевого для современной экономики корпоративного сектора, что неявно ставит проблему: а не является ли сам *рынок* в данной сфере по большей части «провалом»?

Вообще, следует заметить, что проблема власти в экономике является одной из центральных скорее для теоретиков левого крыла. Особенно явственно она рассматривалась в работах, посвященных экономическим проблемам империализма — начиная с исследований Дж. Гобсона, Р. Гильфердинга, Н. Бухарина, Розы Люксембург, В. И. Ленина и заканчивая работами советских специалистов по проблемам государственно-монополистического капитализма. Как мы уже отметили, она поднимается и в работах авторов, принадлежащих к направлению классического институционализма и близких к нему школ[4]. В то же время практика позднего капитализма заставила взглянуть на нее более пристально и неоклассику.

---

[1] См. *Кляйн Н.* NO LOGO: Люди против брендов. М.: Добрая книга, 2003; Она же. Заборы и окна. М.: Добрая книга, 2005; *Она же.* Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009.

[2] «Современный капитализм — это капитализм генерализованных монополий. Под этим я подразумеваю то, что монополии более не похожи на островки (хотя бы и важные) в море остальных (еще относительно автономных) компаний а образуют интегрированную систему. Поэтому они плотно контролируют все производственные системы. Малые и средние предприятия и даже крупные корпорации, не являющиеся в строгом смысле олигополиями, прочно заключены внутри сети контроля, установленной монополиями. Уровень их автономности упал настолько, что они выступают не более чем субподрядчиками монополий. Эта система генерализованных монополий — продукт нового этапа централизации капитала в странах «триады» (США, Западная и Центральная Европа и Япония), проходившего в 1980-е – 90-е годы. Генерализованные монополии теперь господствуют в мировой экономике» (*Амин С.* «Схлопывание» современного капитализма и дерзость левых // Альтернативы. 2014. № 2. С. 8).

[3] Количественнным отображением рыночной власти (то есть способности фирмы влиять на рыночные цены) выступают Лернеровский индекс монопольной власти, индекс Херфиндаля—Хиршмана. Предполагается, что феномен рыночной власти возникает там, где происходит отступление от свободной конкуренции (каковая, вообще-то говоря, давно превратилась в исключение, а не правило). Существуют и специальные исследования по проблеме рыночной власти. См., например: *Тироль Ж.* Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности / Пер. с англ. под ред. В. М. Гальперина и Н. А. Зенкевича. В 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2000.

[4] См. упомянутые выше работы Дж. Гэлбрейта, В. Ойкена, Э. Тоффлера и др. и обзор публикаций по этой тематике, данный в также упоминаемой ранее статье В. Дементьева «Экономическая власть и институциональная теория».

Пожалуй, наиболее активно эти проблемы рассматриваются в рамках нового институционализма, продолжающего во многих отношениях методологическую линию именно неоклассики. Новый институционализм также не обошел вниманием этот феномен, выделив такой параметр взаимоотношений рыночных агентов, как «переговорная сила». Но в рамках данной школы этот феномен представлен *как бы* нейтральным: позитивно фиксируется наличие возможностей использования некоей «силы» в переговорах о параметрах сделки.

Экономическая власть капитала: неоинституционализм и марксизм:

На языке нового институционализма параметры сделки могут быть интерпретированы следующим образом:

- неравенство в распределении (степени монополизации) собственности на определенный вид ресурсов;
- асимметричный характер распределения специфических ресурсов;
- асимметрия в распределении информации между сторонами обмена или отношений «принципал — агент»;
- различная величина издержек для сторон обмена, связанных с «выходом» из отношения с данным агентом и поиском альтернативных источников получения ресурса (блага);
- отсутствие равновесия спроса и предложения на конкурентном рынке;
- неравный доступ к ресурсам принуждения или насилия (государственным и частным);
- неравная эластичность спроса на блага (ресурсы), которыми обладают стороны трансакции;
- неравная значимость для сторон трансакции ресурсов, которыми обладают стороны обмена;
- асимметрия покупательной способности (purchasing power) экономических агентов.

Если сравнить эти общеизвестные «позитивные» достижения нового институционализма с «апологетическими» разработками советской политэкономии, кратко суммированными в одном из предыдущих текстов, то окажется, что большинство из них были раскрыты в теории т. н. «монополистической планомерности». Ее авторы, в частности, показали, что крупнейшие капиталы:

- обладают возможностью прямого и/или косвенного участия в системе отношений собственности контрагентов (от владения акциями до личной унии и внеэкономического воздействия на собственников и/или менеджеров контрагентов);
- контролируют ресурсы в определенной сфере рынка;
- имеют большую информацию о параметрах рынка и контрагента (вплоть до возможности прямо манипулировать такой информацией);
- «привязывают» к себе контрагентов технологически, экономически, финансово, информационно, затрудняя возможность отказа от взаимодействия с крупным капиталом;
- контролируют значительную часть технологий, производства, рынка, не только ограничивая альтернативы «контрактов» для контрагентов, но и создавая устойчивое неравновесие в соотношении спроса и предложения (отсюда, в частности, феномен монопольной цены, о которой так много писалось в советской политэкономии империализма);
- формируют технологическую зависимость контрагентов от крупного капитала;
- воздействуют на финансовые параметры контрагентов, порождая их финансовую зависимость, и др.

Ниже мы предложим авторскую версию систематизации, обобщения и развития этих параметров в рамках нашего анализа нового качества рынка.

Возможности использования неравной переговорной силы расписаны в новом институционализме достаточно подробно (что следует признать явной заслугой этого направления), хотя и на уровне видимости. Впрочем, теоретики этого направления в этом видят скорее достоинство, ибо именно такой анализ позволяет предпринимателям использовать теоретические выводы для выработки и принятия решений, что именно и является критерием успешности позитивной экономической теории.

Но, согласитесь, возможность дать совет о том, что и как можно использовать для усиления позиций своей фирмы на переговорах об очередной рыночной сделке, это не то же самое, что сказать: закономерностью рыночных трансакций, начиная с XX века, является устойчивая асимметрия «переговорной силы» во взаимодействии крупных корпораций и других агентов экономики, причиной этой асимметрии является то-то, следствиями — то-то... Впрочем, у некоторых представителей институционализма, выросших на диалогах с марксизмом, можно найти и нечто похожее на сформулированный выше тезис[1].

Итак, в рамках практически всех школ, так или иначе, отмечается феномен регулирующего воздействия крупного корпоративного капитала на экономику и ее агентов. Этому явлению уже более сотни лет, но в последние десятилетия он приобретает новое качество, исследование которого для нас принципиально важно. Последнее, однако, можно проделать лишь в рамках более широкого исследования нового вида «рынка», характерного для современного этапа «заката» капиталистической системы.

А это исследование, оставленное за скобками данной работы, показывает, что за феноменами «локального регулирующего воздействия», «манипулирования», «рыночной власти» и т. п. скрывается существенное *видоизменение противоречий товарных отношений, «снятых» развитием глобального корпоративного капитала.*

Последнее рождает рынок, который, с одной стороны, тотально подчинен власти не просто капитала, но корпоративного капитала *как целого* (не отдельных фирм, но капитала как конкретно-всеобщего производственного отношения[2]) и, с другой стороны, сам *тотально* господствует над всеми параметрами социально-экономической жизни. Так появляется своего рода рыночная диктатура, рыночный тоталитаризм, соединяющий власть рынка, капитала и корпоративных структур в единый механизм подчинения человека и общества, скрывающий под личиной свободной конкуренции тотальную гегемонию капитала. Человек в современном капиталистическом обществе оказывается под властью корпоративных структур sine prece, sine pretio, sine poculo[3].

Рассмотрим генезис этого феномена подробнее, обратившись, прежде всего, к анализу видоизменений основы всякого товарного производства — противоречия общественного разделения труда и обособленности товаропроизводителей.

Экспансия тотального рынка сопровождается новым витком развертывания (в том числе по мере прогресса постиндустриальных технологий и глобализации) ***общественного разделения труда*** (в рамках марксистской теории последнее означает не просто рост многообразия особенных видов деятельности и специализации, но и подчинение человека условиям разделенного труда) и *экспансией частичного работника и частичного человека.*

Проделавший отмеченную выше эволюцию глобальный капитал:

- углубляет *мировое* разделение труда, являющееся основой противоречия между «Первым» и «Третьим» мирами (развитие «третичного» и «четвертичного» секторов в «Первом» мире, консервация «первичного» в наиболее от-

[1] См., например: *Олейник А.* Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.

[2] Повторим важный методологический тезис I тома: конкретно-всеобщее — это не внешнее формальное сходство, а действительное, реальное единство конкретного целого в его генетическом развитии (данное содержание вкладывается в это понятие в работах Э. В. Ильенкова).

[3] Без просьбы, без подкупа, без попойки (лат.).

сталых и развитие «вторичного» в новых индустриальных странах «Третьего» мира при угрозе их кризиса по мере превращения знаний и инноваций, а не сырья, в ключевые ресурсы развития);

- интенсифицирует процессы формирования *частичного работника,* способствуя развитию «обычного» индустриального частичного работника (преимущественно в «Третьем» мире) и направляя (преимущественно в «Первом» мире) прогресс наиболее современных форм деятельности в русло роста не универсальности, а профессионализма (культ последнего отображен теориями «общества профессионалов»);
- приводит к доминированию производства «частичного продукта» — т. е. продукта, который не является в своей вещественности потребительной стоимостью, а является таковой лишь в совокупности с услугами по технической поддержке его эксплуатации... — этот перечень легко продолжить.

В то же время генезис постиндустриального общества (в терминологии марксизма — «закат» «царства необходимости», эпохи господства материального производства) объективно порождает и противоположные тенденции — к *снятию разделения труда*, основывающиеся на прогрессе общедоступной творческой деятельности, но эти тенденции современный корпоративный капитал как раз тормозит, а противоположные (ориентацию образования на усвоение набора узкоспециальных знаний, науки — на узко-позитивные, преимущественно прикладные проблемы[1]) — интенсифицирует.

Но самое главное изменение в природе общественного разделения труда, характерное для современного тотального рынка, связано с развитием ***глобального обобществления*** и информационных технологий. *На место атомарной структуры* (отдельные производители и их связи) *приходит «вязкая» и аморфная структура, образующаяся как взаимоналожение различных сетей.* И «акторами», и связями этих акторов между собой становятся сети. Их можно сравнить с системой паутин, которые постоянно плетет и переплетает некий «паук». Это гибкие, аморфные, быстро изменяющие свои конфигурации образования, находящиеся в то же время под жестким контролем формирующего их властного центра («паука»). Эту картину можно проиллюстрировать примерами из области производства информационных продуктов, где контролирующие эту сферу корпоративные центры постоянно заново «сплетают» сети по производству тех или иных разработок. Или примерами из области финансовых спекуляций с их многоуровневыми «паутинами» трансакций, контролируемых «рейнмейкерами», или даже примерами производства легковых автомобилей, где сборочное предприятие в какой-нибудь стране «Третьего» мира лишь венчает сложную сеть поставок, управленческих связей, маркетинговых операций, пиара и финансовых потоков, «сплетенную» той или иной ТНК под конкретные условия сборки и, главное, реализации в данной стране[2]...

Так возникает ***тотальный рынок сетей***, где место отдельных обособленных единиц занимают аморфные, врастающие друг в друга сети, причем действующие в большинстве случаев либо вне материального производства, либо в пограничных областях, в частности, в сфере, которую мы назвали «*превратным* (*бесполезным*) *сектором*». Это сектор, в котором не создаются блага, содействующие развитию человеческих качеств (большая часть финансов, бюрократического управления, ВПК, масс-медиа, масс-культура и т. п.). Но в то же время это сфера, где наиболее активно развиваются современные формы рынка.

[1] Так, в США бизнес в 2004 году потратил на заказные исследования в университетах, государственных и частных бесприбыльных научных центрах лишь 2,2 % от своих расходов на НИОКР (*Минделли Л. Э., Хромов Г. С.* Состояние и эволюция научно-технических систем в промышленно развитых странах. М.: ИПРАН, 2008. С. 19). По данным на 2006 год в США из 342,8 млрд долл. ассигнований на НИОКР 18,5 % было израсходовано на фундаментальные исследования. Из этой суммы 55 % пришлось на долю университетов, 40 % — на долю государственных лабораторий (Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / Под ред. проф. В. Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. С. 18, 74).

[2] См.: *Castells M.* The Rise of the Network Society. Malden — Oxford: Blackwell, 1996.

Тотальный рынок сетей — рынок, опирающийся не просто на общественное разделение труда, а на создаваемые монополистическими тенденциями явления зависимости и подчинения, складывающиеся между различными капиталами. Эти связи, основанные на зависимости и подчинении, носят характер гибких, изменчивых, жестко не фиксированных, перенастраиваемых сетей

Превратные экономические формы (при капитализме) — экономические формы, превратно отражающие содержание производственных отношений, вплоть до создания видимости, противоположной их содержанию.

Превратный (бесполезный) сектор — та часть капиталистического производства, в которой создаются главным образом такие блага, которые не ориентированы на развитие или воспроизводство человеческих качеств, либо на создание соответствующих промежуточных благ. Этот сектор является не только бесполезным, но и превратным, поскольку основан на превратных экономических формах, а бесполезные блага, в нем создающиеся, главным образом представляют собой не материальные блага (пусть и имеющие фиктивную полезность), а такие же превратные экономические формы.

Одной из наиболее близких по своей технологической природе для корпоративно-сетевого рынка форм становится так называемое *«сетевое предприятие»*, где единая система информации и стандартов соединяет в единую цепочку производства «точно вовремя» и для конкретного потребителя тысячи звеньев[1].

Сети, складывающиеся в превратном секторе, а также предприятия-сети, принципиально отличны по своим признакам от обычных индустриальных звеньев общественного разделения труда, ибо:

- связаны с генезисом постиндустриальных технологий;
- подвижны, аморфны, слабо «центрированы», т. е. мало привязаны к определенному «месту» (в отраслевом, территориальном и т. п. плане);
- потенциально (а в ряде случаев — Интернет и т. п. — реально) всемирны и разомкнуты;
- неопределенны по своим размерам и границам (неопределенно-велики/малы) и постоянно изменяют свои масштабы (растут, сокращаются, пульсируют)...

Перечень легко продолжить, но принципиально важно другое. Происходит значимое изменение: *начался переход от массового индустриального производства на отдельных специализированных предприятиях, работающих на массовых неизвестных потребителей, к индивидуализированному, осуществляемому на многочисленных предприятиях сети, позднеиндустриальному производству с элементами постиндустриального, ориентированному на конкретных потребителей.* При этом для каждого из потребителей может образовываться своя особая сеть (кооперация) производителей. Но наряду с этим могут существовать и иные, внепроизводственные сети, и сети, ориентированные на удовлетворение массовых потребностей, и мн. др. При этом каждая из таких сетей, в конечном итоге, контролируется тем или иным корпоративным капиталом (или их совокупностью).

Подчеркнем: этот переход именно *«начался»*, и идет он *нелинейно*, но тренд налицо. И дело здесь далеко не только в развитии малого бизнеса: в новом веке именно крупные корпорации все более разнообразно и адресно строят свое производство. Они его, если так можно выразиться, *конкретизируют*[2].

[1] Об этом исследователи пишут уже не один десяток лет. См., например: *Reich R. B.* The Work of Nations: Preparing Ourselves to 21st Century Capitalism. N. Y.: Vintage Books, 1992, а также названные выше работы М. Кастельса по сетевой экономике.

[2] В этом контексте понятно, что отмеченные зарубежными авторами еще в прошлом веке и обобщенные В. Л. Иноземцевым феномены сокращения массового производства (Иноземцев В. Л. Расколотая цивилизация. М.: Наука, 1999. С. 36, 41) и развития производства индивидуализированного (Там же. С. 57, 60) действительно можно рассматривать как характерные черты постиндустриальной системы, но не следует абсолютизировать и сводить их, как это делали иные из исследователей (но не В. Л. Иноземцев) к однозначно и линейно протекающему процессу.

Существенно, что эта тенденция проявляет себя и в сфере материального производства.

В этой связи заметим: следуя любым веяниям экономической моды, некоторые теоретики, увидевшие популярность темы реиндустриализации, о необходимости которой заговорили не только в России, но и в США, норовят выплеснуть с грязной водой и ребенка, и объявить регрессивными все аспекты «постиндустриализма». Мы не раз говорили, что, действительно, тенденция замещения производства необходимых человеку благ созданием симулякров, вытеснения реального сектора — превратным есть сугубо реакционная тенденция.

Но переход от преимущественно репродуктивного индустриального труда к преимущественно творческому постиндустриальному может и должен происходить и в реальном секторе экономики. Более того, именно в нем он должен происходить в первую очередь.

Эти изменения, несмотря на сохраняющиеся процессы финансиализации и т. п., происходят и в современной капиталистической экономике. Новое материальное производство, базирующееся на высоких технологиях, становится все более постиндустриальным и «конкретизированным». Это касается даже таких «старых» отраслей, как автомобилестроение. Даже в этой, традиционно индустриальной, сфере сегодня технологии производства «точно вовремя», «lean-production» и т. п. современные формы требуют строго конкретных, точных, выверенных буквально до минут связей поставщиков и потребителей. Весьма широко развита в этой сфере и ориентация на конкретного потребителя, проявляющаяся, в частности, в многообразии вариантов комплектации базовых моделей. И это пример конкретизации, проникающей даже в массовое производство. В области же высоких технологий в материальном производстве и в креатосфере (микробиология, нанотехнологии, космос, современная медицина, образование, создание know-how) эта конкретность является господствующим принципом организации производства (причем в широком смысле слова — включая обмен, распределение и потребление).

Так складывается *конкретно-ориентированное производство*, для которого характерны все более четкие и однозначные связи поставщиков, производителей и потребителей. И это не абсолютно новая тенденция: о ней авторы-марксисты, анализировавшие *реальное обобществление* производства, писали еще в XX веке, на что мы не раз указывали выше.

Такое изменение общественного разделения труда не может не быть взаимосвязано и с ***новым качеством обособленности производителей***. На место обособленности частных товаропроизводителей и товаровладельцев, хозяйствующих на свой страх и риск (одной из глубинных черт всякого рынка), приходит тотальная власть транснациональных корпораций, которая при этом (NB! Обратите внимание на эту диалектику!) сама порождает видимость «ренессанса» малого бизнеса и свободной конкуренции. Более того, только в этой, по видимости свободно-конкурентной, среде и посредством нее и может развиваться эта власть. Рассмотрим эту диалектику подробнее.

Обособленность субъектов глобального рынка весьма специфична, и распадается на два крупных типа агентов (акторов) «рынка сетей».

Первый — *корпоративные капиталы* (корпоративное «ядро», «пауки») — *те, кто формируют* ***поле зависимости (паутину)***.

Они **(1)** являются не столько особым частным производителем, сколько сложными кооперациями труда гигантских (с качественной стороны — это масштабы рыночной деятельности, сравнимые с экономикой средней развивающейся страны) масштабов, imperium in imperio[1].

При этом, однако, в отличие от монополистического капитала начала века, они, как правило, **(2)** организованы не как высококонцентрированные концерны или комбинаты, а как аморфные *сети*-паутины (поля), где собственно ТНК-паук (генератор поля) контролирует всю систему.

[1] Государство в государстве (лат.).

Как таковые, эти «пауки» **(3)** способны *создавать «паутину» (поле) — осуществлять локальное (частичное, сталкивающееся с борьбой других корпораций) сознательное воздействие не только на некоторые основные параметры рынка, но и на «правила игры».*

Для осуществления такого регулирующего воздействия «паукам» необходима институциональная среда, которая **(4)** *как бы* «восстанавливает» видимость свободной конкуренции за счет относительного снижения регулирующей роли государства. Существенно, что это именно видимость, точнее — симулякр свободно-конкурентной среды (поэтому выше было употреблено словечко «как бы»).

На самом деле они **(5)** воздействуют (совместно с государством) на степень и параметры своей обособленности (в том числе — антимонополистическое регулирование) и меру обособленности своих контрагентов, создавая через систему манипулирования и другие каналы «рыночной власти» систему зависимости последних от «пауков».

Наконец, «пауки» **(6)** находятся в собственности неопределенного и постоянно изменяющего свою конфигурацию круга юридических и физических лиц (эта неопределенность, точнее, сложная, скрытая от внешнего наблюдателя специфицированность прав собственности, является одной из принципиально важных черт этих сетей); при этом, однако, существует узкий круг скрытых инсайдеров, обладающих реальной экономической властью над корпорацией (реально контролирующих ключевые права собственности).

Последнее следует пояснить особо. Во-первых, формальные права собственности существенно отличны от реальных. Во-вторых, даже в сфере формально фиксируемых прав возможность использовать достижения информационных технологий для «отслеживания» всей совокупности постоянных изменений в системе прав собственности, особенно интенсивных в условиях господства виртуального капитала (особого рода фиктивного, финансового капитала — подробнее об этом ниже), является во многом иллюзорной. Сложность системы обусловлена не просто многообразием информации и ее подвижностью, но принципиальной неподконтрольностью и непознаваемостью переплетений этих прав взаимного владения. Последнее связано не только с коммерческой тайной в этой области, но и с развитием неформальных связей как одного из ключевых слагаемых «пучка» прав собственности, а также с доступом к инсайдерской информации и большой изобретательностью во введении в заблуждение информационного контроля. Уже сегодня можно отслеживать уход от налогов в крупных масштабах, осуществляемый благодаря оффшорам[1], схемам «оптимизации налогообложения»[2] и т. п.;

[1] «Бизнес в оффшоре взаимовыгоден. Так, у компаний, зарегистрированных в оффшоре, отпадает необходимость платить высокие налоги, принятые, к примеру, в РФ. Конфиденциальность всех проводимых операций и стабильность экономической жизни, фактическая политическая независимость — все это делает оффшоры отличным местом для ведения бизнеса» — зазывают регистрироваться в оффшорных зонах на портале http://www.offshoreport.ru/newcompany.html; «Глава Счетной палаты Сергей Степашин сообщил о планах ведомства проверить операции в оффшорных зонах крупных компаний, принадлежащих государству» (см.: Проверка на связь с оффшорами // Финансовая газета. 13.01.2012. Режим доступа к электронной версии: http://fingazeta.ru/financial_markets/173803); Утверждение, сделанное в программе партии «Справедливая Россия», что 70 % активов российских компаний зарегистрировано в оффшорах, эксперты сопроводили следующими комментариями: «Не знаю, насколько это соответствует действительности — надо проводить специальные исследования. Но то, что большинство крупных компаний контролируется через оффшоры, это безусловный факт» (Андрей Нечаев, президент банка «Российская финансовая корпорация». Большинство крупных компаний контролируется через оффшоры // Финансовая газета. 26.12.2011. Режим доступа к электронной версии: http://fingazeta.ru/opinions/173549/?sphrase_id=1831).
В первой половине 2011 года на 4 государства (Британские Виргинские о-ва, Ирландию, Багамы и Кипр) пришлось 66 % прямых иностранных инвестиций в российскую экономику (см.: http://zhu-s.livejournal.com/188703.html). Достаточно ясно, что это не «иностранные инвестиции», а всего лишь репатриация российского капитала, спрятанного в оффшорных зонах.

[2] Налоговая служба разрабатывает специальные методические рекомендации, призванные помочь

все мы знаем и термин «нецелевое использование средств»[1]...

При высоких ставках истина перестает существовать. Остаются одни гипотезы. Различные версии...

Второй тип агентов рынка сетей — ***клиенты*** («периферия», «мухи») — те, кто вплетены в паутину, подчинены «полю зависимости» и функционируют в рамках, формируемых в процессе борьбы этих пауков. Это, прежде всего, конечные потребители, являющиеся объектами экономико-культурно-идеологического манипулирования (маркетинг и прежде всего — реклама, «пиар», клиентская зависимость...), но, как мы уже сказали, не только. Устойчиво воспроизводимый исключительно в условиях поддержки со стороны государства сектор малого и среднего бизнеса также является объектом такого манипулирования, государственные органы регионального, федерального и наднационального уровня, даже целые страны, экономики которых данные сети могут «асфальтировать» — вот далеко не полный перечень «мух».

Если продолжить использовать некие образы, то этот рынок с названными выше двумя типами его агентов — ТНК («пауки») и их клиенты («мухи») — можно сравнить с совокупностью мощных паутин или своеобразных ***полей социально-экономической «гравитации», зависимости***, центрами формирования которых (генераторами поля, «пауками») являются крупнейшие корпоративные капиталы, *агенты глобализации* (подробнее о них — в конце книги), прежде всего ТНК. Так складывается *тотальный корпоративно-сетевой рынок* — ***рынок паутин***.

То, как взаимодействуют между собой крупные корпоративные капиталы-сети, как протекает битва этих «пауков», мы охарактеризуем ниже, а теперь от образов, характеризующих тотальный рынок сетей, перейдем к его политико-экономическим характеристикам.

1.2. Каналы корпоративного манипулирования («поля зависимости» — «паутины»)

Социально-экономическая природа «поля зависимости», генерируемого крупнейшими корпоративными капиталами, состоит в мультипликации эффекта той «неполной планомерности», которую монополистический капитал генерирует с конца XIX – начала XX века. Эта мультипликация достигается за счет целого ряда достижений более чем вековой э- (и ин-)волюции позднего капитализма.

Во-первых, характеризуя технологические основы этого «поля», мы можем подчеркнуть, что последние десятилетия показали не только сохранение классических тенденций роста обобществления в сфере традиционного индустриального производства (в частности, в странах «Третьего» мира), но и качественное изменение этого процесса вследствие развития всеобщего (творческого) труда, что приводит ко все более широкому развертыванию упомяну-

вскрывать типовые схемы уклонения от налогов. Например, внутреннее письмо налоговой службы от 21 апреля 2004 г. № 06–3-06/425дсп, к которому прилагаются Методические рекомендации по выявлению схем уклонения от налогообложения, используемых строительными организациями (см.: *Хажеева А.* Схемы ухода от налогов: как их выявляют налоговики // Двойная запись. 2004. № 8). Можно обратить также внимание на подзаголовок журнала «Практическое налоговое планирование» — «Журнал о том, как безопасно сэкономить на налогах» (см.: http://www.nalogplan.ru/).

[1] По данным Федеральной службы финансово-бюджетного надзора (Росфиннадзор), неправомерное использование бюджетных средств в 2010 году увеличилось на 60 %. Неправомерное расходование денежных средств и материальных ресурсов в 2010 году составило 45,475 млрд рублей по сравнению с 39,178 млрд рублей в 2009 году. Общий объем расходов бюджета в 2010 году — около 10 трлн рублей. (см.: http://www.gazeta.ru/financial/2011/05/06/3606737.shtml). «Газпром», как и другие государственные компании, регулярно подвергается проверке Счетной палатой. В результате одной из таких проверок в сентябре 2011 года выяснилось, что за 2009 год газовая монополия потеряла из-за неправомерных расходов $1 млрд (см.: Проверка на связь с оффшорами // Финансовая газета 13.01.2012. Режим доступа к электронной версии: http://fingazeta.ru/financial_markets/173803).

той выше «сетевой» системы разделения и интеграции труда в глобальных масштабах. *Контроль над современными высокими технологиями вообще и технологиями формирования и функционирования сетей, в частности, составляет материальную основу манипулятивных воздействий корпоративного капитала.*

Во-вторых, переход от первоначальных форм монополистического капитала к корпорациям-сетям сохранил основные черты первых. В частности, сохраняются и даже возрождаются вновь процессы образования различных форм (от простейших пулов до картелей и синдикатов) монополистических объединений, часть из которых носила и носит «теневой» характер. При этом относительно новым феноменом является формирование «вторичных» объединений, соединяющих в более или менее легальные союзы уже не отдельные предприятия, а гигантские корпорации. Более того, замедлившийся было во второй половине XX века процесс концентрации и централизации капитала в новом столетии (особенно накануне кризиса 2008–2010 гг.) заметно ускорился: тема слияний и поглощений стала одной из наиболее обсуждаемых в среде ученых-экономистов первого десятилетия XXI века. Эти новые импульсы и формы процессов концентрации и централизации стали основой для использования широкого комплекса преимуществ.

Это не только давно известные механизмы использования высокого уровня концентрации и централизации капитала для извлечения монополистической прибыли, но и ряд иных механизмов, частично, как мы уже заметили выше, теоретически выделенных в работах по политэкономии империализма советской поры и «позитивно» описанных новой институциональной теорией.

Среди них можно выделить «старые» и «новые» формы регулятивного воздействия на рыночных контрагентов крупнейших корпораций.

К числу первых можно отнести различные механизмы проведения монополистической политики посредством манипулирования **(1)** ценами на рынке, **(2)** неценовыми параметрами (здесь первостепенное значение имеет формирование брендов и других симулякров, о чем — ниже), а также **(3)** нормой прибыли и **(4)** направлениями инвестиционной политики. Материальными предпосылками для этого становятся **(5)** возможности гибкого изменения параметров концентрации, специализации и, главное, **(6)** оптимизация форм кооперации и организации производства, сбыта, управления и т. п. в рамках крупных экономических сетей[1]. Все это создает возможности для относительного сокращения издержек производства и трансакционных издержек, и/или монополизации некоторых ресурсов, и/или обладания особо значимыми на рынке ресурсами, и/или завоевания рынков и новых доходов за счет производства симулякров и т. п.

К кругу относительно «новых» механизмов манипулирования рыночными агентами можно отнести **(7)** механизмы «личной унии» — прямого воздействия на хозяев и/или топ-менеджеров, а лучше всего — реально контролирующих объект теневых инсайдеров фирм-«партнеров»[2]. Не менее эффективно создание и использование **(8)** преимуществ в области доступа к информации и **(9)** искусственной асимметрии информации. Для решения этих задач используются как хорошо известные механизмы маркетинга (прежде всего — рекламы), пиара и т. п. форм, так и целенаправленное формирование симулятивных потребностей, производство товаров-симулякров, «выращивание» симулятивных имидж-структур (типичный пример — «звезды» шоу-бизнеса) и т. п. механизмы, к исследованию которых мы обратимся ниже специально.

---

[1] Подчеркнем: спецификой современного локального регулирования рынка со стороны крупных корпораций является использование не только и не столько высокого уровня концентрации и специализации производства и капитала (это было характерно для стран «центра» в начале XX века и остается типичным для стран [полу]периферии и, в частности, России в настоящее время), сколько за счет гибкого управления этими параметрами и, как уже было подчеркнуто, параметрами кооперации в рамках сетей.

[2] Как тут не вспомнить знаменитое российское: «Зачем покупать завод, если можно купить директора».

Реклама как инструмент рыночной манипуляции:

Позволим себе небольшое отступление, ибо авторам хотелось бы уделить некоторую толику дополнительного внимания проблеме рекламы. Среди тысяч исследователей этой проблемы лишь некоторые критически мыслящие авторы (Гэлбрейт, Бодрийяр, Кляйн и т. д.) акцентируют манипулятивный характер этого феномена. Притом далеко не все из них специально подчеркивают, что реклама как способ манипулирования заведомо содержит определенную меру недостоверности и искажения информации о рекламируемом объекте, или, говоря проще и точнее — определенную меру лжи. Она может быть прямой (повсеместно распространенная реклама зубной пасты актерами со вставными зубами) или косвенной (утверждение, что съев шоколадку, вы испытаете «райское блаженство»), но это все равно будет обман. Об этом не принято писать в учебниках по маркетингу, но любой практик рекламы знает, что «не обманешь — не продашь». Вопрос, однако, в мере этой лжи, ибо здесь (в отличие от пропаганды, где «чем чудовищнее ложь, тем эффективнее») чрезмерная диффамация может вызвать эффект отторжения продукта.

Сие банальность, но банальность, позволяющая сформулировать некоторую закономерность, нарисовав «Кривую зависимости эффективности рекламы от меры ее лживости». Выглядеть эта кривая будет просто: первоначальный рост меры эффективности по мере лживости рекламы в определенной точке перегиба (назовем ее, в порядке политэкономической игры, «оптимумом лжи») будет сменяться падением эффективности рекламы до нулевой отметки при чрезмерной недостоверности информации...

Итак, второй блок каналов воздействия на «клиентов», формируемых «полем зависимости», создаваемым корпоративным капиталом, может быть определен как *система тотального манипулирования аллокацией ресурсов и акторами экономики.* Выше мы выделили только шесть параметров такого манипулирования, но и этого достаточно, чтобы показать: это не просто подрыв обособленности товаропроизводителей. Это уже нечто большее. Но и это далеко не все тайны «поля зависимости».

В-третьих, это «поле зависимости» включает систему многообразных каналов финансового подчинения клиентов корпоративного капитала. Система «финансовых паутин» к настоящему времени описана весьма подробно, но большинством теоретиков она не связывается с проблемой подрыва рыночных механизмов саморегулирования и конкуренции (в качестве доказательства заметим, что ни характерные для неоклассической теории Лернеровский индекс монопольной власти или индекс Херфиндаля—Хиршмана, ни предлагаемый новой иинституциональной теорией перечень каналов «рыночной власти» не включают параметров финансовой зависимости). Между тем, система каналов финансовой зависимости является одним из наиболее важных блоков подчинения экономики корпоративному капиталу. Основа этого — описанное еще в работах В. И. Ульянова и Розы Люксембург[1] (критически использовавших, в свою очередь, исследования Р. Гильфердинга и К. Каутского) сращивание банковского и промышленного монополистических капиталов и формирование единого финансового капитала.

О современном виде последнего речь пойдет ниже, а здесь мы отметим, что этот капитал позволяет, как минимум[2], решать следующие задачи:

---

[1] См.: *Бузгалин А. В.* Роза Люксембург: ответы на вызовы времени // Альтернативы. 2012. № 2.

[2] Заметим, что в отличие от современных западных теорий, «старая» советская политэкономия эту зависимость изучала, обобщала и отображала совершенно очевидным образом, хотя и (будем самокритичны) в весьма апологетической форме. В чем-то сходный (но менее идеологизированный) анализ финансового капитала давался в XX веке и дается в настоящее время в работах зарубежных марксистов. Подробнее см: *Залетный А. А.* Финансовый капитал: взгляд изнутри. М.: ТЕИС, 2014.

(1) *Вести сознательный учет и контролировать трансакции клиентов корпорации.* Упомянем лишь два примера. Один из них — едва ли не простейшая форма учета и контроля — скидочная карточка сетевого супермаркета. Она дает хозяевам корпорации почти исчерпывающую информацию обо всех трансакциях подавляющего большинства ее клиентов в режиме *on line*, что позволяет не только прогнозировать, но *планировать* объемы будущих продаж с очень высокой точностью, ибо средне- и долгосрочные тренды основных покупок «среднего класса» очень устойчивы. Так; казалось бы, самая «рыночная» из всех возможных сфер — розничная торговля продуктами повседневного спроса — становится сферой локального планирования, а не только регулирования. Второй пример — старая форма финансового обслуживания клиентов банка — вообще не требует комментариев. Причем речь идет об информации, которая не может быть коммерческой тайной для банка, ибо это объект *его* деятельности. При этом банк не передает эту информацию «третьим лицам»: он сам часть «третьего лица» — сложной финансово-промышленной корпоративной структуры.

(2) Создавать системы преференций (или трудностей) в финансировании (кредиты, инвестиции, гарантии, эмиссия ценных бумаг...) для клиентов («мух») корпорации-сети («паука»), проводя политику *сознательного* ***кредитно-финансового*** *регулирования определенных сфер экономики* — тех, где данный «паук» уже сплел или плетет паутину, и где ему не могут помешать другие пауки.

(3) Осуществлять долгосрочные программы развития (включая НИОКР, программы «выращивания» человеческого и социального «капиталов», в частности, образования), что особенно важно для обеспечения устойчивого лидерства и сохранения (упрочения, развития) монополий корпоративных капиталов на высокие технологии и вообще знаниеинтенсивное производство. Сращивание финансового капитала и капитала реального сектора в корпоративных структурах, сопоставимых по масштабам с государственными, позволяет этим «частным» агентам осуществлять *программируемое, в значительной степени не зависимое от по крайней мере текущей конъюнктуры рынка* (от глобальных кризисов страдают и государства...) ***развитие***. В результате корпорации формируют пострыночные механизмы развития и в тех сферах, которые ранее были доступны только (преимущественно) государству.

Перечень каналов регулирующих воздействий финансового капитала мы могли продолжить, но это будет уже включением в проблематику следующего подраздела, посему пойдем дальше в нашем исследовании.

В-четвертых, как мы уже отметили выше, корпоративные сети формируют сложную и принципиально непрозрачную систему отношений и прав собственности, которые становятся одними из каналов подчинения «клиентов» корпорации номенклатуре глобального капитала. Эта тема будет подробнее рассматриваться нами ниже, здесь же хотелось бы отметить только несколько наиболее ярких феноменов.

Один касается «периферии» корпоративного влияния — это *«включение» в собственность корпорации широкого круга, прежде всего — «рядовых», работников.* Последние, превращаясь в мелких акционеров фирмы, становятся в этом случае не столько собственниками (из всех прав собственности у них имеется только право на получение дивидендов, величину отчислений на которые определяют не они), сколько зависимыми от корпорации лицами. У них объективно формируется отношение к истинным хозяевам корпоративного капитала не как к противоположному классу (эксплуататору их наемного труда) или хотя бы противоположной стороне рыночной сделки (тем, кому надо максимально дорого продать свою рабочую силу в обмен на минимум своего труда), а как к партнерам по извлечению прибыли. Дополняясь системой социального партнерства и шагами по реализации «доктрины человеческих отношений», эта зависимость превращается в плотную паутину подчинения работника корпорации. Так мы выходим на проблему новых форм подчинения труда капиталу.

Второй феномен — *«переплетение» некоторых второстепенных прав собственности «ядра» корпорации и относительно независимых фирм, составляющих ее «периферию»* (аутсорсеров, дистрибьюторов, субконтракторов, субпоставщиков). Термин «переплетение» не случайно взят в кавычки, ибо он отражает видимость явления, в глубине которого — система отношений подчинения «клиентов». За «партнерским соглашением» с «равноправием сторон» скрывается контроль за деятельностью клиентов и ее регулирование со стороны «ядра» корпорации, в том числе через монополизацию ряда ключевых прав собственности (контроль за информацией, финансовыми потоками, мелкими акционерами и т. п.), формально равноправный обмен которыми происходит между участниками этой трансакции с «неравной переговорной силой».

Третий феномен — *инсайдерский контроль, приводящий к перераспределению значительной части прав собственности и ее объектов, а также дохода, в пользу «ядра» корпоративной системы*. Оно состоит из единого по своим интересам (а иногда и персональному составу) симбиоза мажоритарных акционеров и топ-менеджеров, не обязательно владеющих контрольным пакетом акций и занимающих высшие формальные должности в управленческой пирамиде, но монополизирующих ключевые права собственности — информацию, «интеллектуальный капитал», финансовый и кадровый контроль, личную унию с государственными структурами и ключевыми партнерами («авторитет»). Это «ядро» мы определим как «номенклатуру корпоративного капитала»).

Завершает системы каналов поля зависимости, в-пятых, блок *над-экономических механизмов властно-идеологического воздействия «ядра» на систему клиентов корпорации*. Это область своего рода *политики и идеологии*, только осуществляемых не государством (в данном случае понимаемым как система органов власти — управления и принуждения), а «ядром» корпорации. Последнее в этой своей функции обретает качество «квази-государства», имея иную генетическую природу, нежели государство (отсюда приставка «квази»), ибо возникает на основе экономической власти корпоративного капитала, а не как продукт социально-классовой борьбы (на поверхности явлений в современных капиталистических странах — политического процесса).

Эти каналы власти в прямом смысле слова формируются как результат негативного (регрессивного) снятия достижений социал-реформизма: *в условиях «неолиберального термидора» некоторые функции государства* как в определенной мере демократического института, представляющего (опять же в определенной мере — ее определяет соотношение социально-политических сил) интересы общества в целом, *частично приватизируются номенклатурой крупнейших корпораций.*

Крупнейшие корпорации (в настоящее время практически полностью — транснациональные):

(1) оказывают влияние на формирование не только параметров рынка, но и на социально-институциональные параметры экономической жизни — то, что институционализм называет «правилами игры»; параметры правового поля и текущего государственного управления являются во все большей мере (о ее качественных и количественных параметрах подробнее — в разделе о политических формах гегемонии корпоративного капитала) определяются борьбой корпораций между собой; формирование выгодных тем или иным корпорациям (или их союзам) «правил игры», причем как формальных (правовое поле и т. п.), так и неформальных, является одним из важнейших каналов «поля зависимости», формируемого корпорацией;

(2) *приватизируют ряд функций государства по осуществлению легитимного насилия*, формируя собственные системы «охраны», тайной и «явной» полиции, разведки и контрразведки, *и/или подключают методы теневого (нелегитимного) насилия, и/или используют государственный аппарат насилия в своих узко-клановых или общекорпоративных целях*, используя широкий набор методов принуждения и/или прямого насилия («частного» или с помощью государства) по

отношению к «непослушным» объектам[1] (вплоть до «асфальтирования» целых государств, методика которого уже давно описана[2]);

(3) Формируют систему *идеологического воздействия и манипулирования*, объектами которых становятся как работники корпораций, так и (что особенно важно для данного раздела) их клиенты; это многообразный спектр традиционных и новых методов социально-психологического давления при помощи *средств массовой информации* и т. п. с целью создания такой общественной атмосферы, где «поле» их власти распространяется максимально легко и эффективно (формирование утилитарно-конформистских установок социально-пассивного поведения потребителя, клиента, «профессионала»), широкий спектр методов *пиара* и т. п.

В результате складывается мощное поле экономической, институциональной и т. п. зависимости. Оно еще более усиливается на основе новых форм фиктивного виртуального капитала, подчинения капиталу не просто рабочей силы, но и личностных качеств человека (в частности, его новаторского потенциала) и т. п.

Итак, каждый «паук» выращивает свою «паутину»: в каких-то случаях холя, лелея и пестуя клиентов через маркетинговую политику и личную унию, плетение сетей финансовой зависимости и коррупцию, в каких-то используя прямое насилие (если, например, «бунтуют» клиенты в Третьем мире) — круг методов широк, и мы, по мере сил, дали выше их характеристику. Вопрос в том, как эти системы «паук — паутина» взаимодействуют между собой.

1.3. Кооперация и борьба корпоративных сетей («рынок пауков»)

Очевидно, что ТНК-«паук» в узком смысле слова (то, что обычно подразумевается под корпорацией, будь то General Motors, IBM или Microsoft) находится в сложной системе отношений с другими «пауками» и *их* «паутиной» (клиентами-потребителями, клиентами-субподрядчиками, «клиентелой»-лобби в госструктурах, средствами массовой информации и т. д.).

Важнейшей чертой этого взаимодействия в условиях генезиса «рынка паутин», как мы уже отметили, является диалектическое снятие олигополистической конкуренции и социал-реформистского регулирования. Нынешний рынок — это не столько анархия монополистических сговоров и битв конца XIX – начала XX века (своего рода игра без правил) или жестко регулируемый (социальным государством) рынок (игра по правилам, устанавливаемым при участии граждан и хотя бы отчасти в их интересах), сколько *«новый порядок». Это имеющие форму более «свободной», чем ранее, конкуренции контрактные, регулируемые в локальных масштабах отношения, подчиненные правилам, которые устанавливаются в процессе борьбы* самых мощных игроков — *сетевых корпоративных структур.*

Эти игроки (во всяком случае, их «центры» в экономиках «Первого» мира) все более отказываются от стихийной борьбы за передел сфер влияния абсолютно любыми методами (как это делалось монополиями начала XX века). Они выбирают другую стратегию. *Корпоративные капиталы не только сознательно регулируют в локальных масштабах параметры рынка (выполняя роль своего рода «приватизированных» квазигосударств), но и,* что принципиально важно, *воздействуют на ключевые параметры современного рынка.* Они осуществляют влияние на:

---

[1] Широко известна цитата Т. Фридмана: «Тайная рука рынка никогда не работает без тайного кулака. Макдональдс не может расцветать без Макдоннел-Дуглас, производителя F-15. И тайный кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, ВВС, флот и морская пехота США». — Перевод авт. (*Friedman T.* A Manifesto for the Fast World // N. Y. Times Magazine. 1999, March 28).

[2] Эта методика спекулятивных атак на национальные экономики путем массированных приливов и отливов краткосрочных вложений финансового капитала описана в работах ряда зарубежных и отечественных авторов (см., напр.: *Глазьев С. Ю.* Грядет ли новый финансовый кризис в России? // Вопросы экономики. 2000. № 6).

(1) образование и динамику сетей, а значит — структуры экономики, пропорций, разделения труда, потребностей клиентов и т. п.;
(2) формирование «рамок» рынка и «правил игры» на рынке;
(3) регулирующие действия государства.

Подчеркнем: эти три параметра являются еще одним уточнением *социально-экономической природы «полей зависимости», но формируемых уже «кооперативно» («контрактно») сетями сетей.*

Более того, можно сделать вывод, что *в той мере, в какой развит тотальный корпоративно-сетевой рынок, крупнейшие капиталистические корпорации-сети* как бы *«выпадают» из-под общественных ограничений, уходят от контроля* государства, профсоюзов и других объединений трудящихся, институтов гражданского общества. ТНК выходят за устанавливаемые обществом и государством рамки, нарушают ранее хотя бы частично соблюдавшиеся социальные «правила игры», разрушая достижения социал-демократического периода. Причины этого уже были показаны выше: ТНК «приватизируют» некоторые регулирующие функции государства.

Важные дополнительные основания для этого создает глобализация (а ТНК — это именно глобальные игроки), которая, как всем известно, подрывает регулирующую роль национальных государств (подробнее об этом ниже) ... — перечень легко продолжить.

В результате складывается система отношений, названная на Западе «кооперативным» (мы бы сказали — *«партнерским»*) *капитализмом*[1].

Более того, в разных странах в разной мере, но в общем и целом повсеместно, развивается такой Alter Ego «кооперативного» капитализма, пронизанного корпоративными иерархиями, как *«блатной капитализм»* (crony capitalism[2]). По мере развития информационного, профессионализированного, зависимого от «человеческих качеств» общества, «партнерство», своего рода «дружба» — то, что в последние десятилетия стали называть «социальным капиталом» — все это становится формой взаимодействий относительно равноправных партнеров, борьба которых обретает новую основу, скрытую за превратной формой «партнерства». И эта основа — новый вид конкурентной борьбы капиталов-сетей представляет из себя немалую теоретическую проблему, которую мы и рассмотрим ниже.

Начнем с обращения к историко-диалектическому методу. В данном случае мы легко можем заметить, что в этой сфере капитализм проходит по своеобразной спирали «отрицания отрицания» от «блатных», коррупционно-насильственных отношений раннего капитализма (в постсоветской

[1] М. Грейдер, например, подчеркивает, что большинство ведущих мировых мультинациональных корпораций перешло к прагматическому партнерству с конкурентами или активно ищет возможности для создания союзов кооперирующихся фирм. Эти корпорации совместно распределяют фонды, вкладывают капиталы, разрабатывают технологические новшества и т. п. (см.: *Greider M.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N. Y., 1997. P. 171). Даже если автор несколько преувеличивает степень кооперации ТНК, то тенденция контрактного взаимодействия, думается, отмечена верно. Другое дело, что эти «кооперативные» усилия на самом деле являются всего лишь новой формой борьбы корпораций, снимающей механизмы конкуренции.

Характерна в этом отношении и уже упоминавшаяся работа Ф. Фукуямы «Доверие», где именно этот фактор выдвигается на роль ключевого во взаимоотношениях, а кризис доверия в США рассматривается как одна из важнейших проблем (см.: *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. L.: Hamish Hamilton, 1995. P. 269–307. Заметим: этот известный автор в данном случае всего лишь вновь «открыл» феномен «доверия», на котором делали акцент практически все либералы с XVII–XIX веков).

[2] Эта проблема обсуждается как в серьезных экономических исследованиях, так и в публицистике. См., например: *Wei Sh.-J.* Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? // International Finance. 2001. № 4. P. 15–45; *Singh A., Zammit A.* Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of «doing business»? // Corporate Governance: an International Review. 2006. Vol. 14. № 4. P. 220–233; *Stiglitz J.* Crony capitalism American-style // Project Syndicate, February 2002 (available at: http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English); *Kristof N.* Crony Capitalism Comes Home // The N. Y. Times. October 27, 2011 (available at: http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1).

России, вступившей на путь Запада многовековой давности, мы наблюдаем эти феномены во всей первозданной их красе), едва вырастающего из феодальных форм личной зависимости, через юридически-формальный капитализм «классической» эпохи, к новому типу «блатного капитализма» эпохи сговоров и «партнерства» корпораций.

Сущность этого нового типа взаимодействий «пауков» и их «паутин» друг с другом состоит в противоречии между все более сознательно-регулируемым на уровне горизонтальных связей, «кооперативным» (т. е. независимым от внешних объективных законов рынка, его «невидимой руки») взаимодействием корпоративных сетей друг с другом, — с одной стороны, и все более стихийным и неподконтрольным общественным силам развитием мирового капиталистического хозяйства (и даже шире — системы всех все более «маркетизируемых» общественных отношений капитализма) — с другой.

Оба этих процесса столь же объективно-сращены, сколь и противоположны друг другу, антиномично-противоположны. И с этим следует разобраться подробнее.

Что касается «партнерски-кооперативного» взаимодействия корпоративных капиталов, то оно продолжает «традицию» рыночной конкуренции в крайне специфическом, во многом отрицающем свои качественные основания, виде. Деятельность современного «ядра» ТНК — это не столько попытка приспособить свое производство и сбыт к независимой от отдельных экономических лиц, стихийно складывающейся конъюнктуре рынка, сколько *сознательно организованная борьба* между ограниченным кругом хорошо известных друг другу «врагов-партнеров» за:

(1) установление более или менее выгодных для участников битвы, но относительно стабильных «правил игры», допустимых форм и методов борьбы;
(2) определение пространственно-временных границ («полей») конкуренции (преимущественно на периферии) и партнерства (в сфере стратегических крупномасштабных проектов, входящих в круг интересов «ядра») с выделением, в качестве особо значимых, стратегических долгосрочных проектов в области высоких технологий и развития в целом (здесь особо значимо определение стратегии партнерства или войны);
(3) распределение сфер влияния на третьих лиц (прежде всего — государство);
(4) «пространства войн» и «нейтральные территории» и мн. др.

Традиционно являвшиеся главными объектами конкуренции параметры качества и цены на те или иные виды продукции[1], равно как и характерные для более поздних этапов параметры неценовой конкуренции, становятся относительно менее значимыми, решаемыми на уровне «периферии» корпораций вопросами схваток-партнерств между ТНК.

Содержанием этой борьбы-партнерства становится постоянное сравнение мощности, интенсивности, эффективности тех каналов власти (мощности и структуры «полей зависимости»), которыми обладает каждая из корпораций. Ослабление одного из параметров этого «поля» или несвоевременное обновление его «технических характеристик» приводит к пересмотру границ сфер влияния в пользу конкурентов, усиление и опережающее обновление некоторых параметров — к расширению за счет конкурентов. Все это напоминает борьбу огромных, обладающих едва ли не орудием массового уничтожения и примерно равных по мощи, армий друг с другом: постоянная гонка вооружений при массе локальных войн, но в целом при соблюдении правил «мирного сосуществования».

Впрочем, для нас важны не образы, а теоретическая политэкономическая харак-

[1] Приведем только один пример: качество и цена легковых автомобилей определенного (например, бизнес) класса, производимых крупнейшими корпорациями, практически неразличимы. Для обычного пользователя действительная разница БМВ, Мерседеса или Тойоты практически неизвестна (тем более, что значительная часть их комплектующих может производиться на основе кооперации, приспосабливаясь к удобству сборки-реализации в том или ином регионе Земного шара).

теристика нового качества взаимодействия корпораций-сетей на рынке. Последняя и была дана выше, когда мы определили стратегически важные *объекты* — названные выше пункты (1)–(4) — и *средства* (мощность «оружия» — политэкономически описанные нами каналы корпоративной власти, параметры «паутин», «полей зависимости») *борьбы-партнерства между ТНК*.

Что касается *целей* этого взаимодействия (кстати, именно они и определяют границы партнерства-борьбы), то они задаются, опять же, охарактеризованной выше сущностью современного глобального корпоративного капитала. Это долгосрочная гегемония во всех ее слагаемых, а не просто увеличение прибыли. Впрочем, последнее как было, так и остается генетически-всеобщим основанием любых последующих объективных интенций любого капитала.

Формы этих взаимодействий могут быть многообразны: от партнерства и «дружбы» (кооперации) высших менеджеров разных корпораций до открытых войн с применением методов идеологического и военного насилия (последнее, как и столетия назад, особенно характерно для дележа источников сырья, особенно в странах «Третьего» мира), от абсолютно легитимных юридических войн до теневых методов «блатного капитализма», характерного отнюдь не только для постсоветского пространства.

Содержание этих отношений представляет гораздо большую трудность для анализа, ибо здесь мы имеем дело с относительно новым переходным отношением, сочетающим «старую» олигополистическую конкуренцию капиталов на рынке с «новыми» началами сознательно-устанавливаемых горизонтальных кооперативных связей. Последнее есть капиталистически-деформированный росток *горизонтального* планомерного (непосредственно-общественного) взаимодействия экономических агентов. Это — намеренно повторим — один из слагаемых рождающейся планомерной организации производства будущей пострыночной социально-экономической системы, имеющей пока капиталистически-деформированный (переходный) вид.

Борьба-партнерство корпоративных капиталов как способа их сознательного горизонтального взаимодействия была охарактеризована нами как всего лишь *одна из сторон* современного тотально-сетевого рынка.

В то же время (и здесь мы *подходим* к пониманию *второй стороны* внутреннего противоречия тотального рынка, хотя сформулируем мы его позже), *борьба и взаимодействие корпоративных структур в целом является стихийным и неподконтрольным никому* (ни корпорациям, ни государствам) *процессом*[1]. Параметры тотального рынка, как будет показано ниже, определяются прежде всего стихийно формирующимся финансовым рынком и глобальными процессами.

Последнее воссоздает на новом уровне объективную *видимость восстановления свободного равноправного рынка, скрывающую принципиально иную суть — формирование контрактно-блатного (по форме), тоталитарного, корпоративно-сетевого (по содержанию) рынка, где победителям достается все (winner-takes-all market)*[2].

Более того, поскольку объектами корпоративного господства (как мы показали выше) становятся не просто сферы производства и обмена продуктов и услуг, но практически все сферы общественной (а не только экономической) жизни, а механизмы осуществления этого господства также

---

[1] Характерно, например, что З. Бжезинский одну из своих последних работ конца XX в. завершает постановкой двух ключевых, на его взгляд, проблем современного мира: глобального беспорядка и иллюзий контроля (см.: *Brzezinsky Z.* Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N. Y., 1993. P. 201).

[2] *Frank R., Cook P.* The Winner-Takes-All Society. N. Y., 1995. P. 1–13. Иное имя этому феномену предложил Э. Лутвак, выдвинувший идею «турбокапитализма». Описывая, по сути, тот же процесс борьбы корпораций-сетей, определяющий пропорции, направление инвестиций и даже образ жизни, он делает вывод, что именно это меньшинство (несколько идеализируемое автором и не связываемое напрямую с корпорациями-сетями) является архитектором и реализатором большей части экономических и технологических инноваций, именно они почти всегда в выигрыше, а большинство — в проигрыше (*Luttwak E.* Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. N. Y.: Huppers Collins Publishers, 1999).

предполагают широкое использование и не-экономических средств, постольку *новейший этап развития капитализма и характеризуется «неомаркетизацией», «орыночниванием» всех сфер общественной жизни.*

Последнее и нашло отражение в тех категориях, которые мы использовали в начале данного раздела: ***тоталитаризм рынка***, т. е. всеобщее тотальное господство рыночных принципов, или «рыночный фундаментализм».

Эта тотальная экспансия рынка должна и единственно может протекать в атмосфере всеобщего восстановления (в новом виде, естественно) *видимости* обособленности товаропроизводителей, их независимости (формальной, скрывающей мощную технологическую, финансовую, информационную и т. п. зависимость от ТНК), равноправной конкуренции. В результате неомаркетизация порождает *«ренессанс» и рыночных иллюзий, и реального мелкого товарного производства*[1].

Для этого с конца XX века (преимущественно в развитых странах) формируются *и адекватные технологические предпосылки.* Это вытеснение индустриального материального производства сферой услуг, развитие гибких и информационных технологий, возрастание роли небольших творческих коллективов и т. п.[2] Более того, генезис творческой деятельности создает новые предпосылки для этого ренессанса, создавая видимость независимости индивидуализированных творческих личностей, действующих абсолютно на свой страх и риск и производящих несоизмеримые (по затратам труда) блага, оценить которые якобы может только рынок с его стихийными колебаниями спроса и предложения. Однако это — всего лишь видимость, скрывающая под превратной формой рыночного ренессанса развитие высшей формы обобществления — всеобщего труда.

Всеобщий труд — труд в условиях превращения технологического применения знаний в непосредственную производительную силу, и потому протекающий в условиях универсальной взаимозависимости неопределенного круга его участников, поскольку требует для своего осуществления вовлечения заранее неизвестного круга знаний, приобретенных как предшественниками, так и современниками.

Обособленность и независимость таких мелких производителей, как правило, относительна или вообще фиктивна (мы к этому вопросу вернемся во II части тома). Кроме того, эти мелкие производители функционируют в общем пространстве нынешнего «контрактного» рынка, правила которого устанавливаются ведущими «игроками». Более того, на этом рынке процессы производства (в том числе в сфере услуг, информационных технологий и т. п.) в целом подчинены трансакционной (и прежде всего — финансовой) сфере, где господствует корпоративный «виртуальный» капитал.

Наконец, подчеркнем главное: именно в результате прогресса миниатюризации, гибкости, сетевых методов организации технологических процессов и складываются те самые «паутины», о которых шла речь

[1] По поводу степени самостоятельности малого бизнеса в условиях позднего капитализма идет непрекращающаяся полемика в отечественной и зарубежной литературе. Среди российских авторов, показавших основные аргументы дискутантов, укажем на серию работ В. Рубе (см.: *Рубе В. А.* Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий (на примере Франции). М.: Изд-во МГУ, 1978; *Она же.* Сотрудничество или эксплуатация. (Мелкий бизнес глазами буржуазных экономистов). М.: Мысль, 1986; Она же. Малый бизнес: история, теория, практика. М.: ТЕИС, 2000; Она же. Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России. М.: Инфра-М, 2004).

Что же касается авторов этой работы, то нам представляется вполне обоснованным вывод тех зарубежных исследователей (Кастельс, Кортен и др.), кто, опираясь на анализ массы данных в США, Японии и др. странах, делает вывод, что, несмотря на всю аргументацию в пользу малого бизнеса как более приспособленного к гибким, миниатюрным технологиям постиндустриального общества, крупнейшие корпорации остаются хозяевами мировой экономики (см. подробнее: *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford, 1997. P. 155–157; *Korten D.* When Corporations Rule the World. West Hartford. 1995. P. 221. Последний автор, в частности, показал, что на долю только 500 крупнейших ТНК приходится около 25 % мирового объема производства).

[2] См.: *Castells M.* Op. Cit. P. 151–201.

выше. По видимости они полупрозрачны, тонки, подвижны и аморфны. *Кажется*, что Вы можете абсолютно легко войти в эти сети и выйти из них. Но это объективная иллюзия, когда (как и вообще в случае с превратными формами) «кажется то, что есть на самом деле». Кажется, что эти сети не отрицают свободы агентов рынка, и действительно, Вы можете в любой момент отказаться от связей с пауками-фирмами. Вы можете *не* работать на них (ни прямо, ни косвенно — как служащий или пользователь грантов, выделенных созданными ими фондами, как субподрядчик или реализатор их продукции...), *не* пользоваться их финансовыми сетями (откажитесь от услуг банков, кредитов, сбережений, пластиковых карточек...), *не* покупать их продукцию, *не* смотреть, *не* слушать, *не* читать продукцию их средств массовой информации — сделать все это очень просто. Это так же просто, как наркоману, выросшему в семье наркоманов, «слезть с иглы».

Впрочем, не будем пессимистами и в качестве небольшого отступления заметим: в современном капиталистическом мире есть немало тех, кто в полной мере осознает проблемы подчинения Человека силам отчуждения вообще и глобальной гегемонии капитала прежде всего, кто (как максимум) борется с силами отчуждения или (как минимум) не использует «тяжелых наркотиков» капиталистической гегемонии (не является рабом постоянной гонки за все новыми символами благосостояния, навязываемой корпоративным капиталом), ограничивая себя — да и то в редких случаях — «травкой» зависимости от современных механизмов рыночных трансакций и форм автомобильной цивилизации.

Эти позитивные тенденции в той или ной мере свойственны каждому человеку, и авторы не раз обращались к проблеме возвышения конформиста-мещанина до социально-творческой жизнедеятельности[1], но господствующими интенции социально-творческой, нон-конформистской жизни являются пока что у меньшинства.

Для большинства доминирующей формой является подчинение господствующей системе отношений отчуждения. Вот почему мы считаем правомерным сделанный выше вывод: *тотальный корпоративно-сетевой рынок, в сущности, пропитывает его агентов особым наркотиком всесторонней зависимости, причем не столько непосредственно от «пауков», сколько от «паутин», не столько от капиталов-корпораций, сколько от создаваемых ими правил — «полей зависимости»*. И это касается не только экономической жизни (производства, потребления, накопления...), но и всех остальных сфер человеческого существования. Большинство акторов сегодняшнего капиталистического мира — от индивида (как работника фирм, клиента фирм, потребителя культурной жвачки фирм) до «независимого» хозяина малого бизнеса — живет ныне по правилам, формируемым, повторим, не столько свободным рынком, сколько «полями зависимости» корпораций-сетей. Именно эти «поля» определяют модели и рамки поведения, мотивы и цели деятельности, ценности и принципы принятия решений и т. п. И происходит все это в той мере, в какой развит тотальный рынок (вот в чем, a propos, основы открытого Дж. Сорос рыночного фундаментализма).

Здесь будет уместно использовать сделанный авторами в своих предыдущих работах вывод: прогресс креатосферы (в терминологии большинства авторов — постиндустриального общества, общества знаний) превращает лежащие вне собственно материального производства сферы производства информационных товаров, масскультуру и масс-медиа в основные сферы развития сегодняшнего рынка, в которых и живет главным образом современный homo economicus (хомо экономикус), и в которых прежде всего развивается тотально-сетевой рынок.

Так генерируется ***тотальное подавление нерыночных форм общественной жизни*** и в экономике, и во внеэкономической сфере, порождая новый виток экспан-

[1] Подробнее об этом, в частности, в коллективной монографии «Кто творит историю...»; см. также: *Бенедетти К.* Европа: практики обновления // Альтернативы. 2011. № 2.

сии *товарного фетишизма*, омещанивания общества, восстанавливая в новом виде господство homo economicus с характерным для него доминированием узкоэкономических, рыночных ценностей, стимулов и мотивов жизнедеятельности.

При этом *новая экспансия товарного фетишизма и неовещизм сталкиваются с мощной противоположной тенденцией*, лежащей как на уровне материально-технических факторов производства (прежде всего, статистически фиксируемый бурный рост нерыночных форм трудовой активности — занятость в так называемом «третьем» секторе, добровольный труд и т. п.[1]), так и в сфере альтернативных форм социальной организации (феномены роста роли социальных движений, неправительственных организаций и др.).

Кроме того, «снятые» (но не до конца разрушенные) достижения социал-реформистского периода сохраняют в странах «Первого» мира пока что для большинства населения[2] стандарт «общества потребления». Однако в отличие от гарантированного и опирающегося на ассоциированную социальную борьбу (профсоюзов, левых etc.) стандарта середины века, ныне для его сохранения типичный представитель «среднего класса» развитой страны должен вести постоянную и все более активную *частную* борьбу за существование как мелкий частный собственник, даже если в его собственности находится только один товар — рабочая сила или т. н. «человеческий капитал».

Сокращая сферы коллективной социальной защиты, корпоративный капитал тем самым *принуждает* гражданина к активизации его деятельности как мелкого товаровладельца и *частного собственника*, действующего без гарантий, на свой страх и риск, но в рамках и по правилам мира, где господствует корпоративный капитал. Так рыночный фундаментализм и тотальность рынка рождают столь же тотальное омещанивание населения. В результате формируется (в некотором смысле — «восстанавливается») *адекватная позднему капитализму социальная, человеческая атмосфера всеобщего тотального доминирования рынка эпохи гегемонии корпоративного капитала.*

Однако этот «ренессанс» рыночных начал и частной жизни, «свободной» конкуренции оказывается не более чем объективной видимостью тотальной власти сетей, создаваемых корпоративным капиталом.

«Неомаркетизация» — видимость восстановления свободного рынка в условиях господства крупного корпоративного капитала и тотального сетевого рынка, реальной стороной которой является проникновение рыночных отношений во все сферы общественной жизни, «атомизация» и «очастнивание» индивида перед лицом организованной власти крупного капитала.

Суммируя сказанное, мы можем сформулировать важнейшее: тем самым *«неомаркетизация» выводит на новый уровень интенсивного* (***противоречие тотального рынка***: с одной стороны, всевластие корпоративных капиталов, формирующих на «партнерской» основе правила борьбы на современном мировом рынке; с другой — стихийность и нерегулируемость глобальных социально-экономических процессов, порождающая видимость восстановления свободной конкуренции и «ренессанса» рынка, как бы «вглубь», укореняя во власти корпоративных капиталов) *и экстенсивного* (как бы «вширь», вовне экономики) *развития базисные черты рынка — обособленность товаропроизводителей и ее диалектическую противоположность — общественное разделение труда.*

Более того, «неомаркетизация» (развитие тотального корпоративно-сетевого рынка) эпохи глобальной гегемонии капитала закономерно порождает и *неоприватизацию* — волну «восстановления» частной собственности, но на базе гегемонии корпоративного капитала.

[1] Более подробно мы писали об этих тенденциях как о ростках будущего еще в конце 1990-х в сборнике «Социум XXI века».

[2] Неолиберализм усилил как внутреннюю дифференциацию внутри прежде относительно однородного «среднего класса», так и разрыв наиболее богатых и бедных слоев в развитых странах и мире в целом.

1.4. Неоприватизация: «ренессанс» частной собственности как результат и предпосылка тоталитарного рынка

Неоприватизация также развертывается и интенсивно, и экстенсивно, будучи результатом развития тотального рынка и воспроизводя эту тотальность как предпосылку ее экспансии и порождая значимые напряжения в системе прав собственности, возникновение массы противоречий в этой сфере[1].

«Неоприватизация» — на поверхности явлений характеризуется сокращением государственной и различных форм общественной собственности, а также возрастанием роли мелкого частного производства и мелкой частной собственности. В основе этого процесса лежит концентрация реальных прав собственности в руках корпоративного капитала, а внутри последнего — в руках узкого слоя корпоративной олигархии («корпоративной номенклатуры»).

Интенсивная экспансия неоприватизации предполагает, в частности, что:

(1) реальные права собственности в экономике все более концентрируются в руках гигантских негосударственных и необщественных корпоративных капиталов;

(2) в рамках этих сложно организованных корпоративных структур (ТНК и др.) реальные права собственности[2] все более переходят в руки ограниченного круга частных физических лиц, находящихся на вершине пирамиды корпоративной власти[3] — «*корпоративную номенклатуру*», олигархов западного мира — более «цивилизованных» и менее заметных, но более мощных, чем, скажем, российские.

Оба эти процесса сопровождаются *экстенсивной* неоприватизацией, примеры которой более заметны: расширение рамок корпоративного капитала за счет привлечения средств мелких собственников, в том числе и рабочих; превращение части публично-группового капитала в частно-групповой; распродажа государственной собственности; сокращение других прав собственности, находящихся в руках государства и общественных структур; приостановка прогресса кооперативов и собственности работников и т. п.

Все эти процессы являются не просто восстановлением «обычной» (мелкой или капиталистической) частной собственности. Нынешний этап позднего капитализма характеризуется прогрессом (как было отмечено выше) «*новой частной собственности*».

Пройдя сложный путь развития (мелкая частная собственность работника ⇒ собственность капиталиста-физического лица ⇒ акционерная капиталистическая собственность ⇒ ...), частная собственность как экономико-волевая форма капитала[4] породила сложнейшую систему прав собственности[5]. Экспансия «новой частной собственности» (как «отрицание отрицания» этой эволюции) является процессом *приватизации не столько новых объектов, сколько новых ключевых* ***прав*** *собственности* как в рамках сложных корпоративных структур, так и в обществе в целом[6].

---

[1] См.: *Delong J.* Property Matters. N. Y., 1996.

[2] Подчеркнем вновь: контроль за основными правами собственности и контрольный пакет акций — это далеко не одно и то же.

[3] В данном материале эти тезисы лишь провозглашаются как теоретическая гипотеза, но не доказываются; отчасти этот тезис обоснован в упоминавшейся выше работе Франка и Кука «Winner-Takes-All Society». Своеобразным подтверждением названных положений является и опыт постсоветской России — жесткой, шаржированной пародии на мировой капитализм.

[4] Данная трактовка собственности как единства правовых (волевых) и экономических отношений восходит к разработкам университетской школы политической экономии. См.: Курс политической экономии. В 2-х т. Т. I. Досоциалистические способы производства / Под ред. Н. А. Цаголова. Изд 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973. С. 58 и др.

[5] Отчасти описание этой системы можно найти у экономистов нового институционального направления (на русском языке они отражены в упомянутых выше работах Р. Капелюшникова, А. Шаститко, А. Олейника и др.)

[6] Одна из первых работ, где рассматривались проблемы «диффузии собственности» и перераспределения функций собственности между владельцами

Первый процесс — это уже отмеченный рост экономической, социальной, административной власти частных лиц в рамках ТНК и других корпоративных структур.

Второй процесс еще сложнее. Во всякой экономике существует мощное *поле*, насыщенное пучками (волнами? — авторы затрудняются в подборе удачной физической аналогии) *экономической власти* — собственности. Это поле с разными центрами притяжения-излучения составляет более или менее специфицированную (между различными агентами) систему прав собственности. *Перераспределение в экономике в целом основных прав собственности в руки частных лиц, использующих для реализации своей власти всю пирамиду корпоративных (ТНК, государства и т. п.) структур, все механизмы тотального рынка и составляет суть* ***диктатуры новой частной собственности*** как важнейшего аспекта неоприватизации.

Кроме того, неоприватизация, порождаемая неомаркетизацией и углубляющая последнюю, распространяется за рамки экономики и порождает процесс своеобразного «очастнивания» (термин Л. Булавки[1]) всех сторон социальной жизни вплоть до духовной.

Естественно, что процесс неоприватизации (как и другие формы гегемонии капитала) сталкивался и сталкивается с мощными *контртенденциями*. Важнейшие из них связаны с:

(1) прогрессом обобществления (в индустриальном секторе) и всеобщего труда (в постиндустриальном), причем оба процесса генерируют мощные импульсы создания ассоциированных, общественных форм организации не только труда, но и распоряжения и присвоения;

(2) объективным, обусловленным интенсификацией глобальных проблем, возрастанием роли общенациональных (или даже общечеловеческих) ценностей и ресурсов;

(3) генезисом креатосферы, «ресурсы» которой (культурные блага, творческие способности и т. п.) по своей природе неадекватны частному присвоению;

(4) развитием различных форм организации антигегемонистских сил, которые не случайно в качестве одного из своих основных лозунгов выбрали «***Мир — не товар!***» («World is not for sale!»)

Итак, *тотальный рынок и «новая частная собственность» становятся адекватными глобальному капиталу всеобщими формами его гегемонии*, пронизывая рыночным, частным «духом»[2] все поры общества, облекая в формы «рынка сетей» и новой частной собственности все, что существует в этом обществе[3].

и управляющими: *Berle A., Means G.* The Modern Corporation and Private Property. Macmillan Publishing, N. Y., 1932. (ср. более современные трактовки аналогичных процессов, например, «постбизнес»-общество, «посткапиталистическое» общество Дракера: *Drucker P.* Post-Capitalist Society. N. Y.: Harper Business, 1993). Однако процесс концентрации прав собственности в руках ограниченного круга частных лиц был и остается реальностью (см., напр., *Domhoff G.* Who Rules America. Prentice-Hall, 1967. P. 18, 19–20 и др.).

[1] Одной из первых работ, в которых Л. Булавка вводит понятие «очастнивание», является статья «Парадоксы Никиты Михалкова» (Независимая газета. 1997. № 30).

[2] Подчеркнем, что в получившей весьма широкое распространение на Западе, да и у нас, книге Л. Болтански и Э. Кьяпелло «Новый дух капитализма» дается весьма жесткая критика этого «духа», последний, по мнению этих авторов, не только (1) вызывает иллюзорное бытие действительных объектов, персон и даже эмоций, но и распространяет атмосферу (2) угнетения как антитезы свободе, самостоятельности и творчеству человека (эта тема активно развивается в книге, где показано подавление личности рынком, труда — капиталом, работника — боссом и т. п.); (3) нищеты и беспрецедентного неравенства; (4) эгоизма и доминирования частного интереса, разрушающего общественные ценности (*Boltansky L., Chiapello E.* The New Spirit of Capitalism. L.–N. Y.: Verso, 2005. P. 37). Согласитесь: ныне мало кто из ученых способен столь откровенно и четко охарактеризовать социально-духовную и этико-эстетическую атмосферу («дух») капитализма.

[3] Несколько забегая вперед, заметим: в эпоху «заката» «царства необходимости» и обострения вызываемых этим процессом глобальных проблем, неомаркетизация не может не приводить к фундаментальным противоречиям. Важнейшее из них воспроизводит на новом этапе антагонизм эпохи империализма: необходимость сознательного, исходящего из интересов социума в целом (а это значит, и Природы, и Человека как родового существа) решения сущест-

Поскольку же доминирующими агентами, «хозяевами»[1] такого рынка являются крупнейшие корпоративные структуры, постольку всеобщее распространение формы «рынка сетей» («паутин») делает все и вся потенциальным объектом не просто купли-продажи, но и гегемонии корпоративного капитала, определяющего (повторим: речь идет не о конкретных фирмах, а о *корпоративном* капитале как тотальности, соединяющей власть рынка, капитала и корпоративных структур) в конечном итоге кто, что, кому, по какой цене и как будет продаваться...

* * *

Подытоживая анализ тоталитарного рынка, вернемся к характеристике его противоречия, где, с одной стороны, корпоративные сети формируют «поля зависимости», подчиняя всех тех агентов рынка, кто попадает в это «поле», и формируют на «партнерской» основе правила борьбы, а с другой нарастает стихийность и нерегулируемость глобальных социально-экономических процессов, порождающая видимость восстановления свободной конкуренции и «ренессанса» рынка.

Эта формулировка противоречия оставляет, однако, некоторую «незавершенность» анализа, если мы не покажем, как и почему формируется механизм объективной стихийной рыночной детерминации всех этих локально регулируемых и по «вертикали» (внутри «паутины»), и по «горизонтали» (в «партнерском» взаимодействии «пауков») процессов, почему эта стихийность не просто сохраняется, но, более того, становится тотальной.

Причина же последнего — новое качество денег, которые (как и весь тотальный рынок) в условиях новейшего этапа позднего капитализма становятся продуктом гегемонии капитала. В данном случае — виртуального фиктивного финансового капитала. Именно он «разрешает», но одновременно и воспроизводит в наиболее интенсивном виде, противоречие тотального рынка, формируя наиболее сильные регулирующие воздействия и наибольшую анархичность и неподвластность регулирующему воздействию как целое процесса функционирования позднего капитализма в целом.

Исследование этого феномена мы начнем с анализа предпосылок развития виртуальных денег как продукта глобального фиктивного финансового капитала, предпослав этому исследованию наши размышления на тему политико-экономической природы нового типа рынка, связанного с развитием материально-технических, социальных и культурных слагаемых эпохи постмодерна — рынка симулякров.

В следующем разделе вниманию читателя предлагается теоретический и методологический анализ рынка симулятивных благ.

Вопросы для самопроверки

П.1.1. Как сочетаются тотальный рынок сетей и подрыв товарного производства?

П.1.2. На чем основана рыночная власть ядра корпоративных сетевых структур?

П.1.3. Каковы формы манипулирования рынком и потребителем со стороны крупного корпоративного капитала («сети зависимости»)?

П.1.4. Каким образом тотальный рынок сетей ведет к экспансии рыночных отношений («неомаркетизация» и неоприватизация)?

Тезаурус к главе 1 Приложения

ТОТАЛЬНЫЙ РЫНОК СЕТЕЙ — рынок, опирающийся не просто на общественное разделение труда, а на создаваемые монополистическими тенденциями явления зависимости и подчинения, складывающиеся между раз-

---

венно углубившегося (по сравнению с началом века) комплекса глобальных проблем — с одной стороны; способности «новых частных собственников» и всей этой системы в целом, в лучшем случае, на время законсервировать эти проблемы, в долговременном плане лишь усугубляя их, — с другой.

[1] Поясним еще раз: под «хозяевами» авторы подразумевают агентов, (1) концентрирующих в своих руках основные права собственности; (2) формирующих (в борьбе друг с другом) основные правила и ограничения рынка; (3) способных локально регулировать рынок и (4) целенаправленно «подталкивающих» экстенсивный и интенсивный прогресс тотального рынка и новой частной собственности.

личными капиталами. Эти связи, основанные на зависимости и подчинении, носят характер гибких, изменчивых, жестко не фиксированных, перенастраиваемых сетей.

ПРЕВРАТНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ (ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ) — экономические формы, превратно отражающие содержание производственных отношений, вплоть до создания видимости, противоположной их содержанию, или, другими словами: когда форма явления создает искаженное, или даже прямо противоположное действительному содержанию представление о нем, она выступает тем самым как превратная (превращенная) форма.

ПРЕВРАТНЫЙ (БЕСПОЛЕЗНЫЙ) СЕКТОР — та часть капиталистического производства, в которой создаются главным образом такие блага, которые не ориентированы на развитие или воспроизводство человеческих качеств, либо на создание соответствующих промежуточных благ. Этот сектор является не только бесполезным, но и превратным, поскольку основан на превратных экономических формах, а бесполезные блага, в нем создающиеся, главным образом представляют собой не материальные блага (пусть и имеющие фиктивную полезность), а такие же превратные экономические формы.

ВСЕОБЩИЙ ТРУД — труд в условиях превращения технологического применения знаний в непосредственную производительную силу, и потому протекающий в условиях универсальной взаимозависимости неопределенного круга его участников, поскольку требует для своего осуществления вовлечения заранее неизвестного круга знаний, приобретенных как предшественниками, так и современниками.

«НЕОПРИВАТИЗАЦИЯ» — на поверхности явлений характеризуется сокращением государственной и различных форм общественной собственности, а также возрастанием роли мелкого частного производства и мелкой частной собственности. В основе этого процесса лежит концентрация реальных прав собственности в руках корпоративного капитала, а внутри последнего — в руках узкого слоя корпоративной олигархии («корпоративной номенклатуры»).

Глава 2

Рынок симулякров

Структура главы

- Некоторые предварительные замечания о рынке симулякров
- Возможность и необходимость генезиса рынков симулякров
- Политическая экономия товара-симулякра
- Удвоение фетишизации: рыночные симулякры как превратные формы товарного фетишизма

Основные понятия:

симулякр (в экономической теории)
симулятивная оболочка товара

Углубление отдельных вопросов темы:

✓ Творческая деятельность и симулятивные блага

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:

Часть 3. Классическая политическая экономия капитализма
Глава 8. Анатомия рынка: товар, деньги и теория стоимости

Современная система отношений товарного производства, распределения, обмена и потребления и представляющий ее на поверхности явлений рынок существенно изменились по сравнению с моделью, описываемой в работах представителей классической и неоклассической экономической теории позапрошлого и прошлого веков (и это никому доказывать не нужно). В частности, эти изменения привели к развитию, во-первых, рыночного тоталитаризма и, во-вторых, локального манипулирования отдельными сегментами рыночного пространства-времени со стороны крупнейших корпоративных капиталов («пауков»), формирующих «поля зависимости» («паутины»).

Этим, однако, далеко не исчерпываются изменения в системе отношений рынка. Товар — эта исходная (с точки зрения марксистской методологии) категория системы производственных отношений капитализма — одновременно является результатом воспроизводства всех отношений капитализма как единой системы. В условиях позднего капитализма товарные отношения и представляющий их формы рынок также являются продуктом функционирования всей системы в целом. И потому в условиях позднего капитализма рынок есть:

- форма взаимодействия производителей, чей труд все более носит творческий характер;
- форма товарных отношений в мире не только материальных продуктов и утилитарных услуг (услуг, удовлетворяющих материальные потребности человека и общества), но и виртуальных феноменов;
- продукт манипулятивных воздействий со стороны «пауков», искусственно

формирующих спрос на те или иные продаваемые на рынке феномены;

- социально-экономическое пространство, в основном подчиненное (вследствие финансиализации) движению фиктивного финансового виртуального капитала...

Развитие производства знаний и информации, рост значения творческой деятельности, развитие информатики и телекоммуникаций ведут не только к прогрессивным тенденциям, связанным с созданием потенциала освобождения человека из-под власти капитала. Одновременно капитал развивает новые возможности контроля над человеком и утилизации его способностей в свою пользу, для производства прибавочной стоимости. С этой целью он использует современные достижения технического прогресса и социальных технологий для манипулирования человеком в его свободное время, используя рекламу (формирование культа потребительства), технологии политического манипулирования, применяя средства массовой культуры для формирования соответствующего сознания и стереотипов поведения человека. Одной из объективно-значимых форм такого манипулирования является формирование рынка симулятивных благ.

Простое обращение к эмпирическому материалу — современному рынку товаров и услуг — покажет, что он во все прогрессирующей мере становится (но так и не стал и до конца никогда не станет) не просто тотальным рынком, но и *рынком симулякров*.

«Логика товара распространяется, управляя сегодня не только процессами труда и производства материальных продуктов, она управляет всей культурой, сексуальностью, человеческими отношениями вплоть до индивидуальных фантазмов и импульсов. Все охвачено этой логикой не только в том смысле, что все функции, потребности объективируются и манипулируются под знаком прибыли, но и в том более глубоком смысле, что все *делается спектаклем*, т. е. представляется, производится, организуется в образы, в знаки, в потребляемые модели», — эти строки Бодрийяра, по-своему выразившего идею генезиса тоталитарного рынка симулякров, были написаны сорок лет назад, но особенно актуальными стали именно в последние десятилетия[1].

2.1. Некоторые предварительные замечания о рынке симулякров

Понятие «симулякр» в экономической теории (что классической, что неоклассической) до сих пор не завоевало достойного места, хотя социальная философия, да и вообще гуманитарный интеллектуальный мир использует его принципиально широко вот уже более четверти века. Симулякр — это одно из ключевых понятий постмодернизма, дополняющее ряд ключевых категорий этой методологической парадигмы, отрицающей значимость любых парадигм. Непосредственно симулякр есть обозначение *как бы* реальности — феномена, который является результатом деконструкции, децентрации, детерриализации реальности в процессе некоторых толкований контекстов того, что само есть не более чем текст (тоже деконструированный)[2].

Ключевой пункт в этом потоке — *деконструкция*. Это не только следствие иных атрибутов постмодернизма, но и исходная установка данного течения. При этом данный термин остается принципиально неопределенным. К нему ведет бесконечный процесс различения всего от всего, который пройдет через абсолютную разрозненность бытия и взаимобезразличия его осколков, «шумов», и завершится деконструкцией, торжеством обессмысленного текста.

Результатом этой деконструкции, но уже как *объективного* процесса, и становится мир симулякров. Подчеркнем: термин ***«симулякр»*** принципиален, ибо он фиксирует настроенность на оперирование исключительно в пространстве искусственно созданных форм, с самого начала ориенти-

---

[1] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006. С. 239–240.

[2] Социокультурные аспекты проблемы рынка симулякров раскрыты в статье: *Булавка Л. А.* Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2.

рованных на симулирование, а не адекватное отображение реальности. Более того, как отмечает, например, Томас С. Рэй, симулякр делает неразличимым ***a***-жизнь (a-life) и жизнь, а-реальность и реальность[1].

Все сказанное выше — не интеллектуальные экзерсисы, а отражение господствующего дискурса, предполагающего несколько последовательных шагов по деконструкции реальности. Первый — отрицание любых «больших нарративов», когда больше нет доказанных теоретических ориентиров Истины, которая всегда конкретна и системна, а есть только фрагменты позитивно воспринимаемой реальности, из которой можно складывать любые паззлы. Второй — все эти децентрированные (*вне-* и *а-*системные) феномены подвергаются деконструкции и превращаются во всего лишь тексты, которые можно едва ли не произвольно трактовать, рождая — и это третий шаг деконструкции — контексты. Последние, в свою очередь, должны быть еще и лишены авторства, субъектности. Так рождается *искусственно создаваемая симуляция реальности.*

На первый взгляд вся эта философская игра не имеет никакого отношения к проблемам политической экономии рынка. Но это только на первый взгляд. На самом деле эта связь есть, и связь принципиально значимая.

Эта связь обусловлена приоритетным развитием в современном мире новых аспектов жизнедеятельности капитала, связанных с опережающим развитием превратного сектора — таких сфер, как финансовые спекуляции и военное производство, масс-культура и вызывающее *пресыщение* сверх-развитие утилитарного потребления, политическое и духовное манипулирование человеком и т. п. продукты современного капитала. Все они рождают особый мир симулятивного, призрачного, рождающего наваждения (если использовать образ, предложенный Ж. Деррида[2]) бытия. Каждая из этих сфер полна «симулякрами». Финансовые спекуляции на мировых рынках валют и т. п. симулируют реальные инвестиции в развитие материального производства или культуры. Маркетинг создает симулякры полезных человеку благ и действительных потребностей. Это бытие «наведено» на людей капиталом так, как злой колдун наводит морок. В результате этого у людей формируются «наведенные» потребности — «оторваться с Фантой», «запепсовать мегахит», использовать для передвижения крайне неудобный в условиях городских «пробок» гигантский Хаммер или Роллс-Ройс, голосовать за политиков, вызвавших глубочайший кризис, искренне интересоваться тем, какая из «попсух» находится на каком месте в «горячей десятке», а то и «написать черной икрой по капоту белого Мерседеса „Жизнь удалась!"» (цитата из выступления профессора, депутата Государственной Думы РФ от правившей в 2008 году в России партии). Конечно же, мир еще не до конца перешел в мир симулякров, но тенденция, улавливаемая постмодернизмом, очевидна: сфера «наведенных» потребностей и деятельностей, их производящих и удовлетворяющих, растет грандиозными темпами.

Симулякр (в экономической теории) — феномен приобретения экономическими благами свойств, симулирующих действительную полезность, и превращения этой симулятивной полезности в определяющую характеристику блага. Симулякры в экономике тесно связаны с господством превратных экономических форм, создающих искаженное представление о скрытом за ними содержании. Экономический смысл производства симулякров заключается в преодолении границ накопления капитала в реальном секторе экономики.

Но обо всем по порядку. Начнем с наиболее типичного примера товаров-симулякров — мужского костюма (оставим в покое прекрасных дам и их вкусы), на подкладке которого имеется лейбл со знаменитым брендом. В этом случае костюм, который шьется из китайской ткани на китайской (или российской) швейной фабрике и имеет себестоимость максимум в 50 долларов, по-

[1] См.: *Sim S.* The Routledge Companion to Postmodernism. L.: Routledge, 2001. P. 66.

[2] Ж. Деррида не случайно пишет именно о «всевозможных формах наваждения, которое... организует те формы, которые *господствуют* в сегодняшнем дискурсе». И чуть ниже: «Гегемония всегда организует репрессии, а значит, подтверждает наличие наваждений» (*Деррида Ж.* Призраки Маркса, М., 2006. С. 56).

лучая нужную этикетку на подкладке и продаваясь в фирменном бутике, обретает цену едва ли не в 100 раз большую — скажем, 5000 долларов. За костюм «от NN» — это даже немного. Что продается в данном случае — потребительная стоимость? Даже если предположить, что костюм от NN сшит особо тщательно (что далеко не всегда так: зачастую и у «брендов» в парижских бутиках, куда мы специально заходили проверить, строчка косовата), а ткань особо хороша (что тоже далеко не всегда истина), то даже в этом случае реальное качество реального товара к цене в 5000 долларов отношения не имеет: более качественный костюм может стоить в 2–3, пусть в 5, но не в 100 раз дороже. Да и покупают его по стократно завышенной цене не из-за качества строчки или прочности ткани. Его покупают потому что... — потому что это — *символическое* благо, указывающее на то, что его владелец богат и успешен (или, на языке российских симулякров, — «крут»).

В данном случае происходит именно тот набор превращений, который выше мы описали на языке постмодернистской методологии. Первый шаг: потребительная стоимость материального блага (костюм) деконструируется и превращается в «текст» — костюм из предмета одежды превращается в *знак* благосостояния. Далее этот костюм-как-текст заменяется «контекстом» — *лейблом* фирмы, причем последний — третий шаг — «работает» только в определенном дискурсе — при *покупке в бутике и использовании в соответствующей среде*.

Существенно. Если в XVII–XVIII веках богатство вельможи определялось количеством бриллиантовых подвесок, золотого шитья и дороговизной ткани костюма, то есть действительной стоимостью одежды, то на рынке симулякров оно определяется *знаком* «крутизны», каковой формируют контекст (лейбл бренда на подкладке) и дискурс (бутик), а не действительные качество и трудоемкость данного костюма (воплощенные в нем конкретный и абстрактный труд).

Другое дело, что на создание контекста-«бренда» и подобных ему симулякров также требуются огромные усилия. Но весь вопрос в том — какие? кого? и с какой целью осуществляемые?

Вот здесь и начинается *политэкономия рынка симулякров* (***s*-рынка**), на котором продаются и покупаются товары-симулякры (***s*-товары**) или то, что Жан Бодрийяр назвал политэкономией знака[1], а Михаил Воейков — пост-классической политэкономией.

Прежде чем обратиться к первичной систематизации мира *s*-товаров, заметим: практически любой симулякр в мире экономики есть в определенной мере ***и*** реальное благо, удовлетворяющее реальную потребность. Бренд-костюм, как правило, несколько лучше костюма, продаваемого в магазине дешевой одежды, «Мерседес» по своей надежности и эксплуатационным качествам превосходит большинство автомашин, не имеющих столь мощного бренда, и т. д. Иными словами, говоря о *s*-рынке, мы всегда должны помнить, что это не более (но и не менее) чем некоторое видоизменение «нормального» рынка. Весь вопрос, однако, в *мере*.

---

[1] Авторы в данном случае имеют в виду книгу «К критике политической экономии знака», которую Бодрийяр опубликовал в 1972 году (на русском языке наиболее известно издание 2007 г.). Она продолжает идеи его же работы «Общество потребления» (1970, русский перевод — 2006). Затем эти идеи развиваются в книге «Зеркало производства» (1973). В этих работах Ж. Бодрийяр подчеркивает формирование в условиях позднего капитализма мира *искусственно вызываемого пресыщения, псевдодеятельностей и псевдо-ценностей*. При этом данный автор — не будем отрицать действительных заслуг — активно критикует эти проявления «объективного постмодернизма». Но неслучайным парадоксом при этом является то, что он не подвергает систематической критике самою постмодернистскую методологию. И как таковой Бодрийяр остается в плену тех гносеологических «симулякров», онтологические эманации которых он критикует.

Пожалуй, глубже в критике этих феноменов идет более далекий от постмодернизма автор — Джеймисон, указывающий на объективную укорененность этого постмодернистского дискурса. С его точки зрения, постмодернизм — это попытка теоретически отобразить специфическую логику культурного производства эпохи позднего капитализма (см.: *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991. P. 400). Критика постмодернизма дана также в работе А. Каллиникоса «Против постмодернизма» (см.: *Callinicos A.* Against Postmodernism. A Marxist Critique. L., 1989).

Именно эту эмпирически описанную меру (о содержательном отличии *s*-товаров от «обычных» — ниже) мы и положим в основу первичной, поверхностной ***классификации феноменов s-рынка***.

Первое подмножество рынка симулякров — это «обычные» товары, превращенные в символы и получившие в силу этого ценность, существенно превышающую ту, что имеют их аналоги. Один из примеров — костюм-бренд, стоящий в десятки раз дороже не имеющего соответствующего лейбла костюма с аналогичными потребительскими качествами. Различие в цене в данном случае может служить *косвенным количественным индикатором меры симулятивности некоторого вида товаров или целого сегмента рынка*. Сказанное характерно не только для товаров, имеющих бренд. Подобными качествами могут обладать любые продукты, получившие более высокую, нежели их аналоги, цену вследствие обретения некоторого симулятивного и/или знакового качества. К ним могут относиться все феномены из области так называемого «престижного потребления» — от модных ресторанов и клубов до особых видов образа жизни.

Более того, такой тип рынка порождает и феномен «*человек-бренд*», когда создатели брендов сознательно, а названная выше система отношений объективно, формируют некие личности как симулякры определенного образа жизни. Как правило, это тот или иной вариант гламура, где за симулякром искусства (человека искусства) скрыто формирование имиджа тех или иных корпораций. В результате формируется *человек-симулякр* (*s*-человек), создающий эпидемию симулятивно-подражательного поведения. Одним из примеров этого может быть симулякр «Мадонна».

Второе подмножество *s*-товаров — это чисто знаковые феномены, не имеющие «обычной» потребительной стоимости. Наиболее типичный пример — поток симулякров, идущих от СМИ, и продукты масскультуры, не имеющие собственно культурной ценности (не способствующие возвышению человеческих качеств), но имеющие очень высокую символическую ценность, создаваемую опять же специфическими методами (от «обычной» рекламы до особых механизмов «раскрутки» поп-звезд). К числу таких знаковых *s*-товаров относятся и многочисленные искусственно-сформированные знаково-символические сферы досуга. Если такие товары и услуги все же обладают некой действительной потребительной стоимостью (например, способностью отвлечь человека от отупляющей ежедневной работы и узких рамок обыденности существования), то на *s*-рынке им придается (вменяется) совсем иная символическая, симулятивная ценность.

Третье подмножество — виртуальные *s*-товары. Наиболее типичный пример — товары на рынках, порожденных современными тенденциями эволюции фиктивного капитала и дальнейшего отрыва его от реального. Это, прежде всего, симулякры, создаваемые процессом финансиализации в сфере виртуального фиктивного капитала («начинка» искусственно «надутых» финансовых пузырей — деривативы и другие финансовые производные), ставшего столь значимым в условиях современного «казино-капитализма». Другим примером виртуальных *s*-товаров является совокупность предметов и услуг виртуального потребления (от бессодержательных компьютерных игр до привычки к бездумному и бессмысленному web-серфингу).

Дополним наши поверхностные характеристики рынков симулякров некоторыми ремарками.

Во-первых, о не-любви экономистов (в том числе — теоретиков от экономики) к категории «симулякр». Она, эта не-любовь, неслучайна: данное слово семантически ***не***нейтрально. Оно несет в себе определенный критический (по отношению к своему объекту) заряд. Слово «бренд» несет позитивный заряд, ассоциируясь с чем-то престижным, значимым. Слово «симулякр» несет негативный заряд, ассоциируясь с обманом. Как только вы говорите: «бренд — это в определенной мере симулякр», вы тут же создаете у покупателя ощущение, что вы его дурите, наводите на него некий морок. Если, далее, вы скажете, что реклама есть прежде всего деятельность по созданию симулякров, то вы невольно признаете, что

ее главная цель — суггестивное, манипулятивное воздействие на потребителя с целью его умеренного (мера здесь принципиально важна!) обмана. Согласитесь — очевидно, что такая квалификация ключевых сфер бизнеса (создание и раскрутка брендов, маркетинг и, в частности, реклама, а еще PR и т. п.) этому бизнесу не только не нужна, но прямо вредна.

У принадлежащего к неоклассическому течению экономиста-теоретика есть и методолого-теоретические основания для не-использования терминов «симулякр», «симулятивный рынок» и т. п. Эти основания хорошо известны: отказавшись от проблемы исследования стоимости как не имеющей практического значения, и сосредоточив свои исследовательские усилия на изучении исключительно процессов движения цен и сопряженных с этим явлений, а также объявив равно важными для рынка любые феномены, которые можно продать и купить («частные блага»), неоклассика создала необходимые и достаточные условия для того, чтобы различение товаров, имеющих реальную потребительную стоимость и стоимость, и товаров-симулякров стало невозможно. Другое дело, что сами предложенные выше аксиомы неоклассики более чем спорны...

Во-вторых, методология постмодернизма, породившего на свет понятие «симулякр», также создает определенные предпосылки для того, чтобы различение реальных продуктов и продуктов-симулякров стало невозможно. Особенно легко это продемонстрировать на примере искусства. Если мы, как это принято в постмодернизме, отказываемся от понятий Человека-субъекта и прогресса, критерием которого является развитие человеческих качеств, а также от гносеологических (соотнесение истины и лжи), этических (добра и зла) и эстетических (красоты и безобразия) различений, то попсовый хит и «Игра в бисер» становятся качественно не-различимы, а критерием их сравнительной ценности становятся цены на рынке, однозначно доказывающие, что философский шедевр Гессе ничто в сравнении с песенкой о юбочке из плюша или розовых розах и яблоках на снегу.

Однако реактуализация классики позволяет иначе взглянуть на данную проблему.

2.2. Возможность и необходимость генезиса рынков симулякров

Политико-экономический взгляд на природу *s*-рынка предполагает в качестве первого шага исследование возможности и необходимости его массового развития.

Прежде всего, отметим — прогресс технологий и капитала создал такие условия, когда *такой* рынок стал возможен и необходим. *Материальной предпосылкой* формирования рынков симулякров стали двоякого рода технологические процессы.

Во-первых, развитие технологий, повышение производительности и роста креативной составляющей труда до такого уровня, когда стало возможным массовое производство товаров-симулякров, ориентированное на широкие круги общества. Только во второй половине XX века стало возможным массовое производство как товаров-брендов, ориентированных на резко увеличивший свою численность так называемый *middle* и *upper-middle class*, так и феноменов масс-культуры, ориентированных на широчайшие слои молодежи и в «Первом», и в «Третьем» мирах. Только несколько десятилетий назад технологический прогресс и рост производительности привели к существенному возрастанию числа лиц, хотя бы частично занятых творческой деятельностью и потому способных создавать предпосылки для превращения товаров и услуг в симулякры. Для появления десятков миллионов работников рекламных и пиар-агентств, маркетологов и имиджмейкеров необходимы были материальные предпосылки, которые человечество создало относительно недавно и только для некоторой (меньшей) своей части.

Еще одним слагаемым этого процесса стал поиск псевдо-альтернатив массовому производству в сферах так называемого «индивидуализированного» производства, ориентированного на якобы особого, инди-

видуального потребителя[1]. Эта в принципе рациональная тенденция также получила свою симулятивную окраску, когда опять же в массовом масштабе (вот он, парадокс!) стала развиваться *s*-индивидуализированная сфера услуг, и миллионы визажистов и имиджмейкеров стали тиражировать симулякры индивидуальности для миллионов представителей *upper-middle class*'а.

Во-вторых, к кругу технологических предпосылок массового развития *s*-рынков, безусловно, относится развитие и повсеместное распространение компьютерных технологий и Интернет-среды, что создало необходимые предпосылки для развития *s*-рынков третьего рода (рынков виртуальных симулякров), а именно они растут быстрее всего в современных условиях.

Итак, создание товаров-симулякров для сотен миллионов (а в случае масс-культуры — миллиардов) потребителей требовало иных предпосылок, нежели создание благ в рамках «обычного» (создающего в массовом масштабе реальные потребительные стоимости) общества потребления середины и второй трети XX века. И эти предпосылки сложились в конце XX века.

Что же касается *необходимости генезиса рынков симулякров* в столь массовых масштабах, то она связана со специфическими противоречиями процесса накопления капитала, характерными для второй половины прошлого – начала нынешнего веков, с тем, что прогресс накопления капитала в реальном секторе экономики сталкивается со своими пределами. Эти пределы — невозможность бесконечного инвестирования в реальное производство (производство продуктов и услуг, необходимых для прогресса производительных сил и прежде всего — самого человека) *при не-сокращающейся норме прибыли* — были впервые достигнуты развитыми странами накануне Великой депрессии. Именно тогда капитал впервые в столь значимом масштабе столкнулся с тем, что дальнейший прогресс реального производства будет приводить к снижению нормы прибыли и общей стагнации. Выход тогда был найден за счет разных способов изменений «правил игры» — за счет перехода в одном случае к социально-ограниченной и регулируемой капиталистической системе, а в другом — к фашизму.

В первом случае пределы перенакопления преодолевались за счет вывода из-под власти рынка от 1/3 до 1/2 экономики и перераспределения в пользу общества от 1/3 до 1/2 прибыли, получаемой капиталом.

Во втором случае (немецкий, итальянский, испанский и т. п. фашизм) «выход» был найден за счет дополнения и одновременно маскировки капиталистической эксплуатации тотальным контролем правящей элиты через подчинение всего населения аппарату корпоративного государства. В пределе объединение в корпоративное государство противопоставляло «свой» народ всем остальным, используя его как инструмент внешней экспансии (впрочем, внешней экспансией не брезговали и в первом случае: десятки миллионов убитых в ходе колониальных войн в Африке и Восточной Азии во второй трети XX века тому подтверждение).

Однако оба варианта к 1970-м годам оказались исчерпаны. А потенциал экстенсивной экспансии капитала «ядра» мировой капиталистической системы за счет глобализации не мог быть реализован без создания адекватных глобальных инструментов социально-экономического господства и подчинения. И тогда капитал пошел по пути формирования симулятивных товаров, благо предшествующий рост производительности труда в реальном секторе создал для этого достаточные предпосылки. К этому пути толкали и пределы системы массового производства, которая также исчерпала к концу XX века потенциал своего прогрессивного развития.

Так пределы накопления глобального корпоративного капитала создали необходимость продуцирования *симулятивных товаров, т. е. предложения на симулятивных рынках.*

[1] На эту удочку — якобы разворачивающийся процесс индивидуализации, идущей на смену эпохе массового производства, — попалось немало исследователей постиндустриального общества. В России данный тезис развивал, в частности, В. Иноземцев (см.: *Иноземцев В. Л.* Расколотая цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia-Наука, 1999. С. 57).

Сходные импульсы по генерированию рынка симулякров сложились и со стороны спроса, где «общество потребления» столкнулось с границами наращивания объемов и номенклатуры возможных *утилитарных* товаров и услуг реального сектора. Агент рынка, принадлежащий к той или иной доходной группе, ограничен в своем утилитарном потреблении: принадлежащая к среднему классу семья не будет покупать 3 холодильника и 4 машины эконом-класса, да и количество недорогих платьев и костюмов, которые нужны такой семье, относительно ограничено, равно как и вообще их потребность в реальных утилитарных благах. Выйти же за рамки своей доходной группы подавляющее большинство представителей этого класса не может. Более того, вследствие перехода к неолиберальной модели эволюции, поздний капитализм (а мы рассматриваем именно этот предмет) породил тенденцию сокращения масштабов среднего класса. Выход за пределы этих ограничений был найден на уже отмеченном нами пути формирования нового класса потребностей — симулятивных или *s*-потребностей. Последние оказались как нельзя более кстати, ибо позволяли формировать новые рынки на основе товаров, себестоимость которых оказалась относительно низка в сравнении с их ценой.

Аналогичным образом *s*-потребности стали формироваться и для «высшего среднего» класса, и для буржуазии, и для номенклатуры глобального капитала, где сложились свои системы искусственных знаков принадлежности к тому или иному слою «элиты».

Наиболее значимым с экономической точки зрения оказалось формирование спроса со стороны капитала на симулятивные средства развития, прежде всего, различные симулякры денег и иных ресурсов для инвестирования, что стало следствием обострившихся вследствие перенакопления капитала пределов его экспансии.

Более того, сложилась (а во многом была полустихийно сформирована корпоративным капиталом) и специфическая ***s*-элита** — совокупность представляемых в роли *как бы* элиты высших слоев масс-культуры, профессионального спорта, профессионалов от финансового, рекламного и т. п. бизнеса, т. е. верхушки тех сфер, где создаются, рекламируются и продаются симулякры разного рода. Это именно *как бы* «элита»: она не имеет реальной экономической и политической власти и по большому счету является функцией медийных, финансовых и т. п. корпораций. Она *вынуждена* вести демонстративно-роскошный образ жизни, симулируя свою избранность и демонстрируя потребление, прежде всего, именно симулятивных благ — подчеркнуто дорогих брендов и т. п.

Так соединяются в едином процессе возможность и необходимость формирования симулятивного производства, удовлетворяющего симулятивные потребности, а значит и *s*- предложения, реагирующего на сформировавшийся *s*-спрос. Генезис этой новой реальности обусловливает и основные содержательные черты *s*-рынка.

2.3. Политическая экономия товара-симулякра

Этот подзаголовок решительно напоминает название книги Жана Бодрийяра[1]. Однако авторы этих строк предлагают ниже существенно иную, нежели известный французский постмодернист, теоретическую гипотезу, объясняющую феномен *s*-рынка.

Ж. Бодрийяр прав в своей характеристике наступающей эпохи постмодерна (для Западной Европы символом ее генезиса стали поражения Парижского мая и Пражской весны 1968 года), как несущей прогрессирующее развитие гиперреальности, приводящей к замещению реальных содержаний и смыслов симулякрами и знаками.

Однако авторы этих строк не разделяют ключевой идеи французского ученого о том, что современный ему мир симулякров вырос из символического обмена добуржуазных обществ, а Маркс был не прав, характеризуя капитализм как сферу реального материального производства реальных благ.

[1] Речь идет об упомянутой выше книге этого автора «К критике политической экономии знака».

На наш взгляд, над Бодрийяром, как и над его соратниками по цеху левого постмодернизма (Делез, Фуко) злую шутку сыграло то, что они... искренне считали мир *симулякров*, в котором они жили, едва ли не единственно... *реальным* миром. Он не заметил (не понял? не знал?) различия превратной формы и действительного содержания (напомним: превратная форма возникает тогда, когда, по словам Маркса, «кажется то, что есть на самом деле», когда на самом деле поверхность общественной жизни наполнена превратными феноменами, извращающими подлинное содержание реальных процессов). В результате Бодрийяр не отразил диалектики прогрессирующего развития симулякров как превратных форм *ин*волюции материального производства позднего капитализма.

Между тем, в условиях позднего капитализма кажется, что на смену материальному производству идут симулякры. И эта кажимость реальна, но это реальность превратной формы, а не содержания. Поэтому акцент на симулякрах есть доказательство не заблуждений Маркса, а правоты его методологии, всегда утверждавшей, что теория марксизма должна критически развиваться по мере изменения практики. Вот почему только марксистский *историко-диалектический взгляд на капитализм позволяет показать, как, почему и в какой мере на определенном этапе своего развития капитализм, базирующийся на реальном материальном производстве, превращается в систему продуцирования и потребления симулякров*, лежащих «по ту сторону» последнего.

Рассмотрим эти непростые связи подробнее. Авторы этих строк исходят из гипотезы, что товар-симулякр есть превратная форма товара как исходной и всеобщей формы капиталистического мира или так называемой «рыночной экономики».

Теоретически эта связь должна выглядеть так: если *s*-товар есть превратная форма, то он должен обладать видимостью некоторой потребительной и меновой стоимости, но в глубине этой видимости должна лежать некая отличная от нее сущность. Если нам удастся содержательно раскрыть эти положения, то авторская гипотеза будет доказана (по меньшей мере, в рамках марксистской парадигмы).

Потребительная стоимость *s*-товара должна состоять в полезности данного товара для потребителя. В чем же эта полезность? В удовлетворении некоей потребности, способствующей развитию производства, человеческих качеств? — Нет, в этом случае мы бы имели дело с «обычным» товаром. Ее полезность состоит в удовлетворении *симулятивной*, — т. е. в данном случае искусственно созданной, наведенной как *морок — потребности*. Если же потребность «естественна», не является «наведенной», то удовлетворяющее ее благо есть обычный товар, а не симулякр — таково определение симулякра, исходные «правила игры». Следовательно, встает вопрос: как (кем?) создается эта «наведенная», искусственная потребность и в чем именно ее искусственность?

Ответ на последний вопрос мы уже дали выше, и он будет несколько тавтологичен: потребность искусственна в той мере, в какой она не связана с развитием человека и его производительных сил.

Ответ на первый вопрос более сложен. Абстрактно он может быть сформулирован так: *s*-потребности создаются особыми условиями жизни и/или сознательной деятельностью некоторых субъектов по их формированию. Конкретно этот ответ предполагает раскрытие тех условий и той деятельности, которые создают *s*-потребности.

Начнем с конца, ибо в этом случае поиск ответа проще, и он поможет понять начало. Примеры деятельности по формированию искусственных потребностей в симулятивных благах (симулякрах) хорошо известны: это, прежде всего, маркетинговая деятельность и, в первую очередь, реклама товаров и услуг, которые являются по большому счету бесполезными (напомним: мы ведем речь не о рекламе вообще, а о рекламе *s*-товаров, симулякров). Если Вам доказывают: для того, чтобы у Вас все было «Кока-Кола!» (читай — *ОК!*, отлично!), надо выпить слабый раствор ортофосфорной кислоты, насыщенный диоксидом углерода и подкрашенный жженым сахаром или его заменителями, то Вам навязывают искусственную потребность в если не вредном, то,

по крайней мере, мало полезном напитке. И это пример сознательной деятельности по созданию «наведенной» потребности. Ее именно «наводят» (слово заимствовано из лексикона модной ныне фэнтэзи: там колдуны и маги «наводят» на ничего не подозревающих жителей разного рода мороки), и это типичный отличительный признак превратной формы.

Впрочем, в данном случае речь идет о симулякрах первого рода — некоем «дополнении» симулятивной составляющей в чем-то полезного продукта (в конце-то концов, Кока-колой можно удовлетворить жажду, хотя полезней это делать при помощи кваса или просто чистой воды). Точно так же обстоит дело и в случае с продажей по баснословно высокой цене имеющего брендовый лейбл костюма: в принципе полезная вещь получает симулятивную составляющую.

В этом случае потребительной стоимостью *s*-товара будет не его способность удовлетворить жажду или прикрыть тело, а то, что вы это делаете при помощи имеющего бренд товара. Престижность бренда, созданная маркетинговой и иной деятельностью корпоративного капитала по формированию «поля зависимости» (вспомним начало раздела, где мы говорили о предпосылках формирования рынка симулякров), и есть в приведенных нами примерах потребительная стоимость *s*-товара.

Собственно симулякры в наиболее чистом виде производятся в случае, когда капитал создает потребность в товаре (услуге), который сам по себе не имеет потребительной стоимости (не удовлетворяет действительную потребность — ни к пользе, ни даже к вреду для потребителя), а эта потребительная стоимость существует лишь в представлении, как некий знак (идеально, символически). К таковым относится большая часть развлекательной виртуальной продукции, «произведений» масс-культуры и масс-медиа, симулякры финансовых рынков и т. п. В этом случае потребительная стоимость *s*-товара также состоит в способности удовлетворять *s*-потребность, искусственно созданную целенаправленной деятельностью корпоративного капитала по формированию поля зависимости.

В обоих случаях потребительная стоимость Кока-Колы или попсовой песенки как *s*-товаров создается не на заводе по производству и розливу этого напитка, и не в студии, где производится клип, а в процессе маркетинговой и иной деятельности корпоративного капитала по искусственному формированию *s*-потребностей, когда человек хочет пить именно Кока-Колу, а не квас или минералку, и слушать именно попсу, а не настоящую музыку.

Еще раз оговоримся: с точки зрения неоклассической экономической теории и постмодернистской философии все сказанное выше не имеет никакого смысла, ибо в рамках их «дискурсов» критерием полезности частного блага является то, платят за него деньги на рынке или нет; в рамках этого «дискурса» попса — это такое же произведение искусства, как и классическая музыка...

Но в рамках «большого нарратива», называемого «марксистская политическая экономия», такое различение есть, и оно значимо для всех тех, кто считает, что производству пора *работать на развитие человеческих качеств и производительных сил общественного человека, а не на все что угодно, лишь бы оно приносило прибыль*. Поэтому в рамках нашей теории можно выделить специфическую потребительную стоимость симулякра, которая на поверхности явлений состоит в способности этих феноменов удовлетворять симулятивные потребности. Но это, повторим, превратная форма. Прежде чем начать разбираться с ее содержанием, подчеркнем, что *s*-потребности формируются в условиях современного позднего капитализма не только целенаправленной деятельностью того или иного конкретного корпоративного капитала, но и тем *объективно* складывающимся образом жизни, который создается *тотальностью рынка* (рыночным фундаментализмом), превращающего в неизбывное правило жизни все то, что создается корпоративным капиталом, проникая во все поры человеческой жизни, включая личные ценности и межличностные отношения (западные постмодернисты в данном случае с упоением пишут в первую очередь о сексе), сферы культуры и нравственности.

Так складывается система *объективного формирования s-потребностей* как не только продукта сознательной деятельности конкретных субъектов (отдельных корпораций), но и части объективно формируемого и воспроизводимого тотальной гегемонией капитала образа жизни.

В отличие от описанных выше превратных форм, содержание потребительной стоимости *s*-товаров, формируемое деятельностью по навязыванию обществу *s*-потребностей и общей объективной атмосферой такого навязывания, состоит не в том, что удовлетворяются пусть бессмысленные и искусственные, но (1) потребности (2) людей.

Действительная полезность производимых корпоративным капиталом *s*-товаров, *содержание* их потребительной стоимости состоит в том, что они, эти товары, позволяют снимать ограничения перенакопленного в реальном секторе капитала и получать среднюю и даже большую, чем средняя, норму прибыли в условиях, когда объективные границы реального сектора делать это далее не позволяют. Наиболее яркий пример этого — бесконечное производство *s*-товаров (деривативов и т. п.) на финансовых рынках накануне мирового кризиса, начавшегося в 2008 году. Несколько менее яркий, но от этого не менее значимый пример — производство симулятивной потребности в бесконечно обновляемом перечне бесполезных масс-культурных феноменов и виртуальных «игрушек»...

Косвенным доказательством тезиса об особом содержании потребительной стоимости *s*-товара (способности [частично] снимать ограничения перенакопления капитала), принципиально отличного от превратной формы его потребительной стоимости (способности удовлетворять искусственно созданные потребности) может служить моделирование ситуации, в которой общество откажется от современной капиталистической организации. В этом мире продукты и услуги, позволяющие развивать человеческие качества и производительные силы, окажутся востребованы не менее, чем в капиталистическом, тогда как *s*-товары утратят свою потребительную стоимость.

Меновая стоимость s-товара — пропорция, в которой *s*-товар обменивается на другой товар, — представляет собой не меньше тайн. Если обмен происходит на деньги (а *s*-товар сам может быть в некоторых случаях [квази] деньгами), то перед нами не представляющая на первый взгляд трудностей проблема *цены симулякра*. С точки зрения неоклассической теории здесь, действительно, нет никаких особых моментов, отличающих данный товар от других. Во-первых, можно утверждать, что равновесная цена на симулякр устанавливается в точке, где спрос равен предложению (исключение могут составлять лишь информационные товары, но о них мы писали в другом месте). Во-вторых, в случае с, например, товаром, производимым известной фирмой, можно оценить даже ее бренд. Для этого из величины капитализации компании вычитается стоимость ее материальных активов и получается стоимость ее нематериальных активов, среди которых едва ли не главной принято считать стоимость бренда.

С точки зрения классической политической экономии здесь, однако, есть немало тонкостей.

Прежде всего, в случае с *s*-товаром наиболее выпукло проявляется более общая проблема: способность крупных корпоративных капиталов осуществлять в некоторых пределах (их устанавливает мощь «поля зависимости», генерируемого данной корпорацией, и наличие аналогичных полей определенной мощности у конкурентов) локальное сознательное воздействие на параметры рынка, в частности, цену. Цена на *s*-товар в большинстве случаев — это не просто цена на олигопольном рынке, это цена, во многом сознательно формируемая корпоративным капиталом.

Впрочем, как мы уже заметили, это свойство цены характерно не только для симулякров — оно обще всем товарам, производимым и реализуемым корпоративным капиталом на современном рынке «пауков» и «паутин». Просто в случае с *s*-товаром оно проявляется наиболее отчетливо.

Гораздо большую сложность представляет чисто марксистский вопрос: если цена *s*-товара как и любого другого есть [денежная]

форма стоимости, то что представляет из себя его ***стоимость***? И не есть ли цена *s*-товара *превратная* форма? Поскольку субстанцией стоимости с точки зрения марксистской теории является абстрактный общественный труд, воплощенный в товаре, постольку и в случае с товаром-симулякром встает вопрос: а какой труд воплощен в его стоимости, если *s*-товар вообще имеет стоимость?

Исходя из данных выше характеристик товара-симулякра мы можем предположить, что субстанцией его стоимости *не* может быть труд по производству его материального носителя. Так, в случае с Кока-Колой высокая цена этого товара определяется не затратами на производство раствора ортофосфорной кислоты, а наличием особого бренда. В случае с бездарной попсовой песенкой затраты на ее написание вообще не создают никакой стоимости, ибо сама по себе, без раскрутки, она полезным благом не является: ни петь, ни слушать ее никто не будет (если же, как, например, в случае с песнями Высоцкого, их, несмотря на *запрет*, будет петь вся страна, то перед нами будет не симулякр, а произведение искусства, т. е. мы выйдем за поле исследования в *данном* тексте).

Можно предположить, что трудом, лежащим в основе стоимости *s*-товара, является вся совокупность деятельностей по созданию собственно симулякра. В случае с брендом это труд по его разработке, регистрации, продвижению и т. п., за исключением действительно создающего стоимость труда по «доводке» (например, художественному оформлению) «обычного» товара — «носителя» бренда. Для того чтобы отделить предмет нашего анализа от «обычного» труда, назовем *это* деятельностью по созданию *симулятивной оболочки* (*s*-оболочки). Итак, имя дано. Но проблема отнюдь не решена. И на пути к ее решению нас подстерегает немало трудностей.

Симулятивная оболочка товара — та часть полезности товара-симулякра, которая носит собственно симулятивный характер, в отличие от полезности его материального носителя (которая может представлять собой реальное благо).

Во-первых, с точки зрения марксистской теории труд по созданию *s*-оболочки непроизводителен и потому создавать *стоимость* не может. Во-вторых, далеко не всегда затраты на создание этой оболочки приносят результат. В отличие от обычного товара вопрос о дополнительном доходе, получаемом от *s*-оболочки, решается исходя не столько из затрат и качества, сколько из силы корпоративного давления на рынок.

Но если ни труд по созданию «материального тела» *s*-товара, ни труд по созданию его *s*-оболочки стоимость не создает, то правомерным может только вывод об... *отсутствии у s-товара стоимости*. Этот вывод корреспондирует с предшествующим тезисом о превратной форме потребительной стоимости *s*-товара, создающей видимость того, что это благо, удовлетворяющее пусть искусственно созданную, но все же действительно существующую потребность предъявляющего спрос агента рынка, и скрывающей в качестве содержания действительную полезность *s*-товара, состоящую в способности [частично] снимать ограничения перенакопления капитала.

В случае с ценой *s*-товара авторы в меру сил постарались обосновать вывод: она есть превратная форма, создающая видимость высокой стоимости данного феномена, но при этом скрывающая действительное содержание — целенаправленное, осуществляемое нерыночными методами сознательного воздействия на человека, общество и экономику (т. е. по критериям товарного производства *искусственное*) формирование особой симулятивной среды. *Субстанцией цены s-товара является не стоимость* — овещненный абстрактный общественный труд обособленного производителя, *а сознательно-формируемое субъектом и объективно складывающееся в условиях рыночного тоталитаризма манипулятивное воздействие на потребителя и производителя*.

Это своего рода «социальный гипноз», заставляющий человека и/или фирму тратить все больше сил на то, чтобы зарабатывать деньги для все большего удовлетворения все новых потребностей в том, что им не нужно, с тем, чтобы содействовать [частичному] снятию ограничений перенакопления,

стоящих, как старуха с косой, за плечами современных корпоративных капиталов.

Тем самым мы беремся утверждать, что *для рынков симулякров характерны непроизводственные и не-товарные субстанциональные отношения сознательного формирования основ цен на s-товары*.

Первую сторону этого не-типичного для капитализма положения дел в полной мере отразили и неоклассическая экономическая теория, и постмодернизм. Economics в данном случае, *как кажется*, может торжествовать победу: самые современные рынки уходят от трудовой субстанции стоимостей и цен. Постмодернизм также может радоваться: марксистский политэкономический анализ подтверждает 40-летней давности выводы Бодрийяра, который уже тогда (в частности, в книге «Зеркало производства») подчеркнул принципиально непроизводственную субстанцию товаров-симулякров, сделав на этом основании вывод о неправомерности едва ли не всей политэкономии. Этот французский ученый неслучайно привязал рынки симулякров к проблемам символического обмена, где едва ли не последним бастионом реальности остается смерть, на страхе которой строится вся экономика и политика.

Все эти акценты на не-производственной природе симулятивного рыночного мира, повторим, вполне правомерны. При этом, однако, и неоклассики, и большинство постмодернистов, оставаясь в плену «рыночноцентричного» мира, не «замечают» того, что *в случае с товарами-симулякрами, удовлетворяющими симулятивные потребности, сам рынок становится... симуляцией товарных отношений*. На этом рынке продаются и покупаются симулякры, чья потребительная стоимость и меновая стоимость (цена) являются превратными формами *не-товарного* содержания. *Более того, на s-рынках сами общественные экономические отношения и формы их функционирования, институты («правила игры») имеют лишь видимость более-менее свободного конкурентного рыночного взаимодействия*. Действительной же их основой являются конкурентные взаимодействия манипулятивных влияний корпоративных капиталов, создающих мороки искусственных потребностей, удовлетворяемых симулятивными благами.

Творческая деятельность и симулятивные блага:

Здесь есть, однако, принципиально важный «нюанс». Во многих случаях *s*-товары являются продуктами не только манипулятивных воздействий, но и весьма специфической творческой деятельности по целенаправленному формированию симулятивного блага, удовлетворяющего симулятивную потребность. Одним из наиболее часто обращающих на себя внимание аспектов этого процесса является бесконечная погоня современного капитала за искусственной новизной (как средством создания и захвата новых сегментов рынка), но этим названная проблема далеко не исчерпывается.

Проблема же состоит в том, что, с одной стороны, всякая творческая деятельность есть создание всеобщего культурного богатства, бесконечного в своей (опять же по субстанции культурной) ценности. Художник создает полотно и фильм, который (отвлечемся *на время* от частной интеллектуальной собственности) принадлежит человечеству и истории, есть с момента его создания часть бесконечного во времени и пространства мира культуры, в котором он удовлетворяет культурную потребность (главную потребность развивающегося Человека — потребность в со-творчестве) неограниченного круга людей.

С другой стороны, в случае с деятельностью «креативщика», работающего по заказу фирмы, создающей очередной симулякр (возьмем для примера чистый случай рекламы заведомо не нужного для развития человеческих качеств и производительных сил товара *X*), мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Здесь креативный работник с самого начала и до конца сознательно создает вне (а то и анти-) культурный феномен.

С точки зрения творческой компоненты деятельности этого «креативщика» он не отличим от любого другого творца. С точки зрения рыночного эффекта он если и отличим от другого творца, то только тем, что получает гораздо больший гонорар. Отличие «прячется» исключительно в тонкой материи — *культурно-смысловом содержании творчества*. Именно здесь и происходит подмена, которую не могли не заметить практически все чуткие к культуре авторы (и Бодрийяр среди них), — *подмена культурных содержаний-смыслов рыночными соблазнами-симулякрами*.

Это различение принципиально важно. В самом деле, если на современном рынке используется труд творческого работника, создающего культурные ценности, то тем самым в рыночный оборот вовлекаются блага, имеющие своей субстанцией всеобщий общественный труд. Этот труд не создает стоимости *товаров*, но он создает действительное общественное богатство, реальные потребительные стоимости. И это богатство может получить и получает в условиях тотального господства рынка определенную оценку. Творческий труд и его результат имеют цену, для которой имеются связанные с трудом основания.

В случае же использования творческого работника для создания симулятивного блага и/или симулятивной потребности складывается принципиально иная ситуация. Здесь труд «креативщика» (авторы намеренно заменили в данном случае понятие «креатор» на позаимствованный из рекламного бизнеса термин «креативщик») не создает всеобщего культурного богатства. И потому последнее не может расцениваться как пусть косвенная, но субстанция цены *s*-товара. И в этом отличие труда «креативщика» от деятельности творца, создающего культурную ценность (произведение искусства, новый научный продукт и т. п.). В основании цены последней лежит всеобщий труд, получивший [косвенную] рыночную оценку. В первом же случае труд креативщика не создает культурное богатство, и потому в основании цены товара-симулякра лежат описанные выше манипулятивные воздействия на потребителя (заказчика) со стороны корпоративного капитала. Осуществляемые же рекламными фирмами «привязки» расценок на рекламную продукцию к тем или иным издержкам не более чем часть такого манипулирования...

2.4. Удвоение фетишизации: рыночные симулякры как превратные формы товарного фетишизма

Анализ рынка симулякров как особого вида товарных отношений, характерных для позднего капитализма, останется не полным, если не обратимся к проблеме новых аспектов фетишизации общественных отношений, «удваивающих» и без того фетишизированную реальность товарного мира.

В результате вообще присущий товарному производству фетишизм получает новое качество, достигая апогея: *фетишем становится даже не товар как псевдо-субъект, а его знак*. То же касается денег, которые удваивают свой отрыв от золотой основы — электронные деньги как знак бумажного заменителя золота. И в этом мире вынуждены жить даже те, кто не имеет никакого отношения к методологии постмодернизма и не любит постмодернистское искусство. В культуре эти наваждения еще более значимы. Они стирают грань бытия и его отражения, превращая реальность в воплощение телевизионных образов (то, что не показали по ТВ, не существует), стирая грань культуры и анти-культуры, превращая все в коллапс «всякого-любого».

Этот феномен «удвоения фетишизма» далеко не прост, хотя названные выше примеры у всех на виду. Напомним читателю, что свой анализ товарных отношений в 1-й главе I тома «Капитала» Маркс не случайно завершает рассмотрением товарного фетишизма, показывая, что в мир, формой

которого является рынок, наполнен мороками. Его обитателям кажется, что экономика — это движение вещей (товаров, денег), а не отношения людей. Им кажется, что, соответственно, изучать экономисты должны только то, что можно сосчитать, причем сосчитать именно в денежной форме, выражающей стоимость товаров. Им (нам?) кажется, что человек ценится по тому, сколько он стоит: во сколько может быть оценена его недвижимость и акции, которыми он владеет, его талант и его почки (одну из них можно недешево продать, если Вы молоды и здоровы)... Паразитирующий на сырьевых ресурсах миллионер — это «круто», а получающий 300 долларов в месяц сельский учитель — это «лузер». Мир рынка превращает деньги и товары в фетиши. И эта видимость действительных общественных отношений правит миром рынка. Правит нами — его агентами (во всяком случае, в той мере, в какой мы живем по правилам, нам этим миром навязанным).

Рынок симулякров удваивает эту фетишизацию. Если на «обычном» рынке фетишизм создается стоимостной формой бытия продуктов и труда, то на рынке симулякров появляется *знак фетиша* (товара, денег). Этим знаком и становится симулякр. В результате на рынках *s*-товаров Человек подчиняется уже не деньгам и товарам, а искусственно созданным знакам, симулирующим то, что за ними (этими знаками-симулякрами) скрыта стоимость.

Пройдем по этой цепочке еще раз.

Фетишизация «первого уровня»: нам кажется, что экономика — рынок, который есть движение товаров и денег, а не отношения между людьми по поводу особого рода — товарного — производства. Нам кажется, что человек ценен настолько, насколько он представлен товарами и деньгами. Это фетишизация, морок, видимость, но это (повторим) объективная видимость. В условиях рынка людей действительно оценивают по деньгам, а не по нравственным, эстетическим интеллектуальным и т. п. качествам.

Над этим в условиях рынка симулякров надстраивается фетишизация «второго уровня». Фетишем, правящим миром и людьми, становится символ, знак товара и/или денег, симулирующий то, что он и есть содержание — реальная стоимость, богатство. Бренд симулирует (не на 100 %, а в определенной мере, о чем мы упоминали выше), что он и есть самое главное в товаре (который, в свою очередь, и есть самое главное в его обладателе), что он — бренд — и есть алкаемая потребителем ценность (апофеозом этой фетишизации становится вынесение «лейблов» на самые видные места престижной одежды или символическое приобщение к симулятивным благам типа престижного фитнесс-центра, СПА-салона, ночного клуба). Ценная бумага инвестиционного фонда симулирует то, что она и есть самый эффективный способ размещения денег, самое выгодное вложение, т. е. «самый капиталистический» капитал (и это удвоение фетишизации, создаваемой самим капиталом, который создает видимость того, что погоня за максимумом прибыли есть наиболее прогрессивный способ развития).

Эти удвоения фетишей требуют и «удвоения» критики: к «старым» лозунгам «Мир — не товар!», «Люди, а не прибыль!», сегодня можно было бы добавить ***«Ценности, а не симулякры»***. Человек, который сегодня хочет выйти из мира этих фетишей и мороков, должен понять, что действительные ценности, обеспечивающие прогресс человеческих качеств, решение социальных и экологических задач, — это не симулирующие действительные блага лейблы «сбрендившей» системы, и даже не скрытые за этими симулякрами денежные и товарные фетиши, а реальные дела и поступки социально-ответственного Человека...

Завершая наши рассуждения о симулятивном рынке, заметим: не разобравшись в природе экономических симулякров, симулятивных товаров и сумялитвного рынка, сложно будет разобраться с той эволюцией, которую проделывают в условиях позднего капитализма деньги. Они не просто становятся производными от отношений товарного производства и рынка, приобретающего свойства тотального рынка «сетей» и «паутин», не просто моментом воспроизводства фиктивного финансового капитала, но, как и товар (и капитал) позднего капитализма, приобретают отчетливый симулятивный оттенок.

Перейдем к анализу современного виртуального финансового капитала и виртуальных денег, как его производных.

Вопросы для самопроверки

П.2.1. Как отличить реальную потребительную стоимость и симулятивную оболочку товара-симулякра?

П.2.2. Какие вы помните разновидности товаров-симулякров?

П.2.3. Чем вызвано, по вашему мнению, появление и расширение рынка товаров-симулякров?

П.2.4. В чем состоит действительная полезность товара-симулякра для его производителя?

П.2.5. Что является субстанцией цены товара-симулякра?

П.2.6. Почему появление товаров-симулякров приводит к «удвоению» товарного фетишизма?

Тезаурус к главе 2 Приложения

СИМУЛЯКР (в экономической теории) — феномен приобретения экономическими благами свойств, симулирующих действительную полезность, и превращения этой симулятивной полезности в определяющую характеристику блага. Симулякры в экономике тесно связаны с господством превратных экономических форм, создающих искаженное представление о скрытом за ними содержании. Экономический смысл производства симулякров заключается в преодолении границ накопления капитала в реальном секторе экономики.

СИМУЛЯТИВНАЯ ОБОЛОЧКА ТОВАРА — та часть полезности товара-симулякра, которая носит собственно симулятивный характер, в отличие от полезности его материального носителя (которая может представлять собой реальное благо).

Глава 3

Виртуальные деньги

Структура главы

- Феноменология современных денег: «финансиализация» и не только
- Виртуальный фиктивный финансовый капитал: differentiae specificae

Основные понятия:

виртуальный капитал*
виртуальные деньги*

Углубление отдельных вопросов темы:

✓ Криптовалюты

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:

Часть 3. Классическая политическая экономия капитализма
Глава 8. Анатомия рынка: товар, деньги и теория стоимости

3.1. Феноменология современных денег: «финансиализация» и не только

Развивая тотальный корпоративно-сетевой рынок как адекватную всеобщую форму своей гегемонии, современный корпоративный капитал порождает и адекватные средства для этого. Деньги как всеобщий эквивалент — мера стоимости (ценности) и средство обращения (жизнедеятельности) всякого товарного производства — в нынешнюю эпоху приобретают новые свойства, которые являются продуктом их предшествующей эволюции. Последняя, напомним, проходит следующие *историко-логические ступени.*

1. Исходный пункт: деньги как особый товар (золото, серебро), исторически выполняющий функцию всеобщего эквивалента в товарных отношениях как при капитализме, так и еще до него. В рамках теоретического анализа капитализма этот уровень анализа соответствует абстракции простого товарного производства.

2. Деньги как продукт капитала: обращение денег определяется законами движения товарного и денежного капитала.

3. Деньги как кредитные деньги в условиях сохранения золотого стандарта (деньги выражают цену товаров, причем преимущественно товаров в материальном производстве), дополняемые фиктивным капиталом, в частности банковскими и государственными ценными бумагами. Курс («цена») последних выражается деньгами как относительно независимым товаром — всеобщим эквивалентом (хотя и представленным в виде активов банковской системы). Происхождение бумажных денег носит кредитный характер, путем развития через частные векселя, служащие инструментом товарного кредита, к векселям банков, а затем — государственных казначейств и государственных банков. Таким образом, появ-

ляются казначейские билеты и банкноты — непрерывно обращающиеся векселя, которые сначала можно погасить золотыми монетами, а затем уже нет.

Форма бумажных денег, имеющих кредитную природу, проходит следующую цепочку развития:

а) Бумажные деньги, замещающие золото в функции средства обращения: банкноты, свободно разменяемые на золотые монеты, совершающие параллельное обращение.

б) Бумажные деньги, замещающие золото в функциях средства обращения и средства платежа: банкноты, свободно разменяемые на золотые монеты, не совершающие параллельного обращения на товарных рынках (золотомонетный стандарт).

в) Бумажные деньги, замещающие золото в функциях средства обращения, средства платежа и частично — средства накопления (сокровища): золотодевизный и золотослитковый стандарт.

4. Эволюция денег в условиях империализма как первой стадии эволюции позднего капитализма: возрастание влияния монополий на цену (но не деньги как таковые), развитие финансового капитала до роли основной формы капитала, подрыв, но не ликвидация золотого стандарта.

5. Эволюция денег в условиях социально-государственного регулирования: подрыв объективных основ денег как товара — всеобщего эквивалента вследствие мощного государственного регулирования, развитие различных нормативов, форм ассоциирования трудящихся и граждан как альтернатив власти денег, отказ от золотого стандарта и окончательный переход к системе, где *сознательно регулируемый государством* агрегат — свободно конвертируемые валюты, прежде всего, доллар, — становится субститутом денег как объективного всеобщего эквивалента. Переход к «долларовому» стандарту (Бреттон-Вудская система) создает еще более сильные иллюзии того, что вся «тайна» денег есть их... количество. Количественная теория денег торжествует. Едва ли не главное внимание экономистов с этого момента уделяется проблемам количества денег в обращении и производным от этого вопросам инфляции, эмиссии, бюджетного дефицита, норм резервирования, долгов, валютных курсов и т. п. «Финансовый фетишизм» в экономической теории становится отражением господства финансовых процессов в экономической практике. Предпосылки финансиализации созданы, но она удерживается в терпимых границах сохраняющимся сильным государственным регулированием, обеспечивающим воспроизводство капитала в реальном секторе — и тем самым основу для бумажных денег, как представителя движения реального капитала.

Итак, бумажные деньги, имеющие кредитную природу, перестают быть реальным *товаром-эквивалентом* (золотом, серебром), выделившимся из всего остального товарного мира. Затем они перестают быть и *реальным представителем* такого товара-эквивалента (золотого товара). Но остаются ли они *идеальным* представителем товара-эквивалента? Да, потому что законы денежного обращения, основанные на движении товара — всеобщего эквивалента, продолжают действовать и относительно бумажных денег, реально с таким товаром не связанных (но связанных с движением всех остальных реальных товаров и потому подчиняющихся законам такого движения). Таким образом, идеальная связь, выраженная в законе обращения денег, остается.

Однако развитие фиктивного капитала и современного финансового рынка, формирование виртуального капитала, начинают размывать и эту связь.

6. Современное положение, на котором остановимся подробнее.

Возникновение виртуального капитала и обслуживающих его виртуальных денег — новейший этап эволюции форм существования капитала. В исходном пункте формирования виртуального капитала лежит обособление денежного капитала как одной из функциональных форм промышленного капитала (в терминологии К. Маркса это капитал, функционирующий в сфере

производства, совершая движение по формуле Д–Т–Д', так что в дальнейшем мы будем говорить о производительном капитале).

Обособляясь, денежный капитал начинает функционировать как ссудный капитал. Его институциональной оболочкой является кредитная система (банки, инвестиционные компании, пенсионные и страховые фонды и т. п.)

На основе развития кредитных операций становится возможным развитие фиктивного капитала — совершающих обособленное обращение титулов собственности на инвестированный капитал. Здесь не только капитал-собственность отделяется от капитала-функции, но и право собственности отделяется от объекта собственности.

Институциональным оформлением фиктивного капитала выступает фондовый рынок, на котором обращаются разнообразные титулы собственности — векселя, акции, облигации, варранты, доковые и складские расписки, фьючерсные контракты, закладные и т. д., и образованные от них производные ценные бумаги.

Указанные две группы институтов — кредитная система и фондовый рынок (с добавлением к ним страхового и валютного рынков) — образуют финансовый рынок.

Первоначально и ссудный, и фиктивный капитал, равно как и организующие их функционирование кредитная система и фондовый рынок, выполняли функции по обслуживанию движения производительного капитала в целом, мобилизуя и перераспределяя временно свободные денежные средства. Тем самым возможности расширения капитала продвигались за пределы возможностей накопления индивидуального капиталиста. Однако эти возможности все еще лимитировались совокупным потенциалом мобилизации временно свободных денежных средств в масштабах всего общественного капитала.

Ситуация меняется, когда оценка фиктивного капитала, обращающегося на финансовом рынке, значительно отрывается от оценки того действительного капитала, который представлен в ценных бумагах — первоначально просто в силу относительной самостоятельности фондового рынка. Такая относительная самостоятельность в условиях господства тотального рынка «паутин» используется крупным корпоративным капиталом для манипулятивного воздействия на цены, складывающиеся на фондовом рынке. Это создает, во-первых, широкие возможности для чисто спекулятивных операций, основанных на высокой степени неопределенности оценки стоимости ценных бумаг, находящейся под манипулятивным воздействием крупного капитала, извлекающего на этой основе финансовую прибыль. Во-вторых, это создает реальную видимость возможности привлечения с фондового рынка денежных капиталов, значительно превосходящих размер действительного капитала.

Данная возможность распространяется не только на фондовый рынок, но и на рынок ссудного капитала, поскольку становятся распространенными кредитные операции под залог ценных бумаг (а оценка последних отрывается от оценки действительного капитала). Такое обеспечение кредитной эмиссии, уже не основанное на стоимости действительного капитала, создает, тем самым, не только возможность расширения капитала за пределы реальной мобилизации временно свободных денежных капиталов (а также роста спроса за пределы реальных доходов). Вместе с этим происходит существенный рост риска, связанного с обнаружением несоответствия стоимости действительного и фиктивного капитала.

Именно на этой основе и происходит превращение фиктивного капитала в виртуальный капитал, т. е. в капитал, стоимостная оценка которого неопределенна, место нахождения которого из-за частоты и многоступенчатости сделок также неопределенно, и собственник которого по той же причине расплывчат и неуловим. Неопределенность стоимостной оценки доходит до того, что в некоторые моменты времени вообще нельзя сказать, стоит ли данный капитал хоть что-нибудь, то есть вообще является ли капиталом.

Виртуальный капитал — такой фиктивный капитал (см. определение фиктивного капитала в основном тексте — глава 10, параграф 10.4.), который отрывается от стоимости действительного капитала под влиянием манипулятивного воздействия крупных корпораций на цены, складывающиеся на фондовом рынке. Виртуальный капитал приобретает симулятивную ценность, состоящую в создании видимости его способности к безграничному возрастанию.

Виртуальный капитал в определенный исторический период (70–90-е гг. XX века) послужил эффективным инструментом снятия противоречий капитализма, связанных с перенакоплением производительного капитала. Переток относительно излишнего капитала на финансовый рынок, во-первых, означал использование отдушины для избавления производственного сектора от перенакопленного капитала, и, во-вторых, способствовал созданию дополнительного спроса, который первоначально не обнаруживал свой фиктивный (или, точнее, виртуальный) характер.

Такая ситуация способствовала смягчению колебаний капиталистического промышленного цикла. Однако даже при помощи сильнейшего манипулятивного воздействия крупного капитала на цены фондового рынка невозможно устранить фундаментальную связь фиктивного капитала, пусть и приобретшего свойства виртуального, с действительным капиталом. Перенакопленный в сфере производства капитал может найти себе временное эффективное применение на финансовом рынке и даже содействовать расширению спроса в производственном секторе. ***Однако эта ситуация не устраняет факта перенакопления действительного капитала, а лишь отсрочивает экономическую реализацию этого факта.***

Экономический рост, опирающийся на фиктивное (виртуальное) расширение спроса, в конечном счете, упирается в реальную нехватку действительного денежного капитала или дохода. Когда обнаруживается, что *реальный денежный спрос не соответствует представленному виртуальными финансовыми инструментами, рынок вынужден принудительно ограничить расширение действительного капитала* (как это случилось, например, с американской — и не только — строительной промышленностью, что и привело к краху ипотечного рынка в 2007–2008 годах, а затем и к общему экономическому спаду). Поэтому превращение фиктивного капитала в виртуальный может смягчать циклические экономические кризисы, но одновременно создает опасность их значительного обострения.

Требует самого пристального внимания результат этого резкого возрастания значения финансового рынка для всех секторов экономики и усиления обратного влияния финансов на сферу производства, которое вот уже более десятилетия обычно обозначается термином «*финансиализация*»[1]. Последняя характеризуется многими специфическими чертами, среди которых наиболее значимыми стали следующие.

Во-первых, качественный и количественный сдвиг в пользу финансового сектора (растущие опережающими темпами объемы трансакций, более высокая норма прибыли, отток в эту сферу человеческих и иных ресурсов, образование новых институтов и т. п.).

Во-вторых, едва ли не определяющее влияние этого сектора на всю систему аллокации ресурсов и координации (направления потоков инвестиций, принятие ре-

[1] Основные характеристики финансиализации авторами даны на основе работ: *Levina I.* What is Financialization: New Phenomenon, or Periodically Occurring Process? (Manuscript, 2002) и *Lapavitsas C., Levina I.* Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance. November 2010 (Available at: http://researchonmoneyandfinance.org/media/papers/RMF-24-Lapavitsas-Levina.pdf), в которых обобщен широкий круг зарубежных исследований по данной проблеме, в частности, такие работы, как: *Binswanger M.* Stock Markets, Speculative Bubbles and Economic Growth: New Dimensions in the Co-evolution of Real and Financial Markets. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1999; *Minsky H.* Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press, 1986 и др. В основу систематизации основных параметров финансиализации И. Левиной была положена структура системы производственных отношений, предложенная авторами этой книги.

шений, структура цен и т. п. во *всей* экономике определяются ныне во многом конъюнктурой финансового сектора...). Кроме того, приоритетное развитие финансового капитала вызвало волну де-регулирования; финансовые спекуляции стали «регулятором»-субститутом государственного воздействия на экономику[1]. Финансиализация выступает тем самым как конкретная форма проявления манипулятивного воздействия крупного капитала в условиях тотального сетевого рынка «паутин».

В-третьих, существенно изменились отношения собственности (система прав собственности на постоянно «странствующий» фиктивный капитал — тема особого исследования) и распределения дохода.

Наконец, вся система общественного воспроизводства приобрела многие специфические черты, среди которых резко возросшая зависимость этого процесса от случайных факторов, рисковость, нестабильность экономической системы, шот-термизм (*short-termism*) и т. п. черты, давшие содержательные основания для того, чтобы назвать эту систему «казино-капитализм».

Результатом этого процесса стало формирование особого типа человеческого поведения, ориентированного на финансовые трансакции как главный способ жизнедеятельности и модель поведения. По мере развития финансиализации, «homo finansus» (категория введена в научный оборот И. Левиной[2]) становится едва ли не господствующим типом личности (причем это характерно не только для предпринимателей, но и для потребителей).

Даже этот краткий и неполный перечень основных черт процесса финансиализации позволяет зафиксировать некоторые качественные изменения в природе капитала. Прежде чем сформулировать их, заметим, что данная выше характеристика феномена финансиализации в значительной мере корреспондирует с широко известным перечнем выделяемых широким кругом исследователей за рубежом и в России *едва ли не общепринятых характеристик современной финансовой системы*, которые в данном случае будут субординированы исходя из логики развертывания процесса трансформации денег (и их функций) как феномена национально-регулируемой и социально-ориентированной экономики позднего капитализма в деньги как виртуальный продукт фиктивного финансового капитала неолиберальной стадии глобальной гегемонии капитала.

Информационные технологии создали предпосылки для перехода от бумажных денег к доминированию *электронных денег*.

Эти предпосылки создают адекватные основания для сращивания денег «в узком смысле слова» (агрегат М1) и фиктивного капитала в мировом масштабе, рождая виртуальный фиктивный капитал (ниже авторы особо прокомментируют значительное обратное влияние этой новой формы на содержание — капитал). Соответственно, *функцию меры стоимости* выполняют преимущественно не деньги «в узком смысле слова», а новый экономический феномен — синтез денег как М1 и различного рода форм *фиктивного капитала*[3], «живущих» в финансовых информационных системах, — «*виртуальные деньги*».

---

[1] «...все большая часть прибавочной стоимости не может быть инвестирована в расширение и усовершенствование производственных систем, и поэтому единственной возможностью продолжать накопление в условиях контроля монополий становится «финансовое инвестирование» этой избыточной прибавочной стоимости. В результате финансиализации основные функции контроля над воспроизводством системы накопления перешли примерно к тридцати крупнейшим банкам «триады» Так называемые (эвфемистически) «рынки» — не что иное, как площадки, на которых развертываются стратегии этих субъектов, главенствующих на экономической арене. В свою очередь, эта финансиализация — причина роста неравенства в распределении доходов и богатства, — порождает растущую массу активов, которой и питается» (см.: *Амин С.* «Схлопывание» современного капитализма и дерзость левых // Альтернативы. 2014. № 2. С. 9)

[2] См.: *Левина И.* К вопросу о соотношении реального и финансового секторов // Вопросы экономики. 2006. № 9.

[3] Понятие фиктивного капитала здесь и ниже используется в марксовом смысле, раскрытом в III томе «Капитала».

Виртуальные деньги — обособившаяся денежная форма движения виртуального капитала. Выступают главным образом в виде электронных денег, и обретают неопределенность стоимостного содержания, вызванную неопределенностью оценки виртуального капитала. Как и оценка виртуального капитала, стоимостная оценка виртуальных денег находится под манипулятивным воздействием крупного корпоративного капитала.

Основным *стихийным* регулятором движения *таких* денег становится финансовый рынок (а в данном случае, точнее, фиктивный капитал), где и «живут» виртуальные деньги, Последний под влиянием глобализации во все большей степени является мировым и во все меньшей степени зависит от регулирования движения денег «в узком смысле слова», которое осуществляется преимущественно на национальном уровне. Процессы эмиссии (особенно — кредитной) и остальные национальные финансовые регуляторы находятся в сильной зависимости от конъюнктуры финансового рынка (а он, еще раз подчеркнем, стал глобальным). Следовательно, *движение денег, их функции как средства обращения и средства платежа, все больше определяется фиктивным капиталом как конкретно-всеобщим феноменом*. Более того, эмпирически легко фиксируется и рождение нового аспекта движения денег в этой функции: до 80 процентов трансакций, обслуживаемых деньгами, связано с движением не товаров и услуг, а различных форм фиктивного капитала, кредитных ресурсов, денег и денежных суррогатов.

Роль *мировых денег* выполняет сложно организованная система некоторых национальных валют (основанная на долларе) и их агрегатов (евро). Характеристика «сложно» здесь значима — степень сложности системы такова, что она становится принципиально «закрытой» для отслеживания ее жизнедеятельности. Сознательному воздействию она поддается только как «черный ящик» (в кибернетическом смысле этого понятия), причем лишь вероятностно (и во многих случаях недостоверно, чему примером мировой кризис 2008–2010 гг.) прогнозируемым «выходом» в ответ на определенный «вход». При этом «качество» (в частности, устойчивость, курс и т. п.) *таких* денег зависит в определяющей степени от мирового финансового рынка.

Роль *сокровища* (сбережений) выполняют преимущественно денежные вклады в крупнейшие банки и др. финансовые институты, где эти вклады «сращиваются» с фиктивным капиталом и оказываются под определяющим воздействием последнего (в том смысле, что их движение зависит и от вложений в ценные бумаги, осуществляемых банками, и от котировки ценных бумаг, эмитируемых самим банком, в конечном счете, от конъюнктуры мирового финансового рынка).

Опираясь на эти факты, можно сделать вывод: в целом *в современных условиях функционирование денег в узком смысле слова качественно и количественно определяется глобальным (общемировым) **виртуальным** фиктивным финансовым капиталом.*

3.2. Виртуальный фиктивный финансовый капитал: differentiae specificae

Это новое качество финансового капитала, которое последний обретает в результате диалектического соединения как своих прежних качеств (фиктивного и снимающего его финансового капитала), описанных еще К. Марксом, Р. Гильфердингом, В. Лениным и др., так и новых качеств, порожденных развертыванием **(1)** информационных технологий (качество «технической» виртуальности) и **(2)** корпоративно-сетевого рынка (корпоративно-сетевая структура финансового рынка).

Этот капитал, в отличие от «обычного» фиктивного капитала XIX века, уже «в себе» **(3)** сращен с производственным монополистическим капиталом (в США даже корпорации реального сектора накануне мирового финансово-экономического кризиса до половины прибыли получали от финансовых спекуляций); но в отличие от «обычного» финансового капитала, пройдя спираль «отрицания отрицания», он **(4)** вновь *оторвался*

от жизнедеятельности реального капитала (производственного, торгового и даже ссудного) и образовал особое пространство своей виртуальной жизни (отчасти оно может быть соотнесено с мировым финансовым рынком).

К тому же, пройдя стадию социально-государственного контроля середины XX века, он, с одной стороны, **(5)** «снимает» ее в результате сращивания транснациональных финансовых (и иных...) корпораций, национальных государств и международных финансовых институтов, с другой **(6)** — в определенной мере преодолевает эту власть национально-государственного регулирования, вырываясь на простор глобальных финансовых спекуляций.

В этих условиях основные функции денег (при рассмотрении их на сущностном, глубинном уровне — уровне действительных детерминантов, а не превратных форм) выполняются, как мы заметили выше, также этим капиталом, который при этом является многократно опосредованной и оторванной от материального производства превратной формой капитала как основы капиталистического способа производства.

*Тем самым **деньги становятся виртуальными и по своей технологической природе, и по социальной форме.***

В *первом случае* — это продукт развития информационных технологий, создающих **(1)** вид особой — виртуальной — реальности, заменяющей золото (и бумагу) и **(2)** возможность неограниченного перемещения и преобразования форм в информационных сетях и финансовых системах. Изначально востребованные качеством денег как всеобщего эквивалента свойства (делимость, сохранность и т. п.), ранее находившие адекватное воплощения в материальных свойствах золотого металла, ныне обретают еще более адекватное воплощение в электронных носителях. Последние позволяют выражать сколь угодно большие денежные суммы в сколь угодно малом носителе, перемещать их почти в любую точку с практически мгновенной скоростью, хранить сколь угодно долгое время без каких-либо значительных издержек и т. п.

Все это позволяет сделать элементарный и общеизвестный, но важный вывод: электронная форма денег не создает всемирный виртуальный фиктивный капитал (и современный мировой финансовый рынок как одну из форм его наличного бытия), но без этой формы такой капитал был бы невозможен технически: трансакции в два-три триллиона долларов в день (объемы операций на мировых финансовых рынках последнего десятилетия) совершать без компьютеров и Интернета невозможно.

Во *втором случае* деньги виртуальны уже в ином — социально-экономическом — смысле: *они не имеют материального носителя, независимого от конъюнктуры общественных процессов*. Золотой товар был и остается мерой стоимости, пока существуют отношения товарного производства и обмена. Виртуальные деньги как продукт тотального корпоративно-сетевого рынка (последний находит в виртуальных деньгах адекватную меру ценности товаров — тоже все более виртуальных — и средство своего функционирования) и виртуального финансового капитала, «живущего» в информационных сетях, полностью зависимы от состояния тотального рынка и виртуального капитала. Они «живут» только в той мере, в какой сохраняется фиктивный финансовый капитал. Обрушение спекулятивной составляющей последнего (а накануне кризиса она составляла — по разным оценкам — от 80 до 90 %) будет одновременным крахом виртуальных денег.

Криптовалюты:

Предельной виртуальности современные деньги достигают в криптовалютах, за которыми даже отдаленно не маячит основа в виде массы товаров, обращающихся на рынке. Связь криптовалют с товарной массой или другими валютами, на которые они могут обмениваться, носит случайный, никем не гарантированный, не имеющий экономической основы характер. Более того, криптовалюты не являются и прямым продуктом

виртуального капитала. Если за «обычными» виртуальными деньгами все же стоит движение совокупного общественного капитала, пусть и виртуального, а также экономический и политический авторитет государства, то за криптовалютой стоит в лучшем случае частная инициатива небольшого частного сегмента виртуального капитала. Впрочем, если криптовалюты начнут использоваться государствами, то это даст им в руки дополнительный инструмент манипулирования финансовым рынком, ничем не хуже других виртуальных финансовых инструментов — и даже имеющий дополнительные технологические возможности контроля финансовых трансакций.

Виртуальность денег в данном случае означает не только их электронную форму, но и их *вероятностное*, неустойчивое, случайное бытие, не укорененное в стоимости, созданной абстрактным общественным трудом. *Деньги из «абсолютного» всеобщего эквивалента (продукта всеобщего абстрактного труда), сращенного с устойчивой натуральной формой (золота или серебра), превращаются в аморфную совокупность продуктов жизнедеятельности виртуального капитала*, причем совокупность качественно разнородную и лишь вероятностно (виртуально) выполняющую роль и меры стоимости, и средства обмена, и уж тем более средства накопления. Свойство бумажных денег быть всего лишь посредником обращения, не имеющим собственной стоимости, в виртуальных деньгах достигает своего апогея, ибо не имеет даже тех — создаваемых национально-государственным регулированием — гарантий, которые имеют бумажные деньги. Виртуальные деньги как продукт мирового фиктивного капитала таких гарантий не получают.

Каждый из особых видов этих виртуальных денег (а они мировые по своей природе) с той или иной вероятностью выполнит завтра или послезавтра ту или иную из своих функций. Это касается и национальных валют (они же существуют почти *исключительно* в виде электронных записей на одном из счетов одного из банков), и облигаций, и любых других слагаемых агрегатов М2, М3 и М4.

Прежде чем продолжить наше исследование, подчеркнем: и в XXI веке наряду с виртуальными деньгами сохраняется и некоторая толика реальных денег — золота и других драгоценных металлов, а также национальные деньги и СКВ, представленные не столько наличными купюрами, сколько безналичными деньгами. Последние также могут иметь электронную форму, но в данном случае *социально* они *не* виртуальны в той *мере*, в какой они базируются на *реальном* экономическом богатстве (стоимости) той или другой страны или группы стран (в случае евро), и в какой защищены от влияния конъюнктуры мировых финансовых рынков.

Вернемся к виртуальным деньгам.

Соединение электронного носителя и виртуальной социальной формы превращает виртуальные деньги в особую (финансовую) суперсеть, «паутину паутин» (у которой, естественно, есть и свои «пауки»). *Так виртуальные деньги как «суперсеть» (**сеть — «всеобщий эквивалент»**) обретает особую роль — всеобщего [полу]стихийного регулятора «сетевого рынка»,* ибо он играет роль универсального «оценщика» (NB! он же выполняет функцию меры стоимости) компаний-сетей и, опосредованно, всех товаров, плюс универсального средства (механизма, посредника, властителя) трансакций.

При этом переход *таких* денег из виртуального бытия в реальное, мера выполнения ими своих функций (в частности, мера ликвидности), оказываются связаны с троякой проблемой.

Во-первых, с огромным *риском* (это неизбежное следствие их виртуальной социально-экономической формы, являющейся продуктом виртуального капитала), *что (NB!) превращает этот риск в товар особого рода.* Виртуальность (вероятностность, нереальность) денег (фиктивного капитала), тем самым, мультиплицирует в невиданных ранее масштабах *систему разнообраз-*

ных видов экономической деятельности по поводу рисков. Вероятностность большинства трансакций на финансовых рынках превращает их в особую сферу, где производство товара (создание стоимости общественным трудом) подменяется игрой с возможными выигрышами и потерями и страхованием выигрышей и от потерь. Так рождается спекулятивная в строгом смысле слова (не связанная с производством реальных благ) сфера движения капитала («бизнеса»), имеющая целиком виртуальную природу. Виртуальными являются ее объекты, «средства производства» (вероятностные модели случайных процессов) и результаты. Заметим: вплоть до мирового финансового кризиса это была наиболее быстро растущая сфера бизнеса.

Как таковые, виртуальные деньги, а значит, и «сетевой рынок», мерой и средством развития которого они являются, *во-вторых,* оказываются в потенции *неустойчивы*, ибо зависят от стихийного развития конъюнктуры мирового виртуального капитала. Названная выше *двойная виртуальность денег* (по их носителю и социальной форме), *порождаемые этим спекулятивность и неустойчивость финансовой сферы — все это требует высоких трансакционных издержек* (на содержание страховых институтов, охрану прав собственности и т. п. вплоть до защиты информации от хакеров).

В-третьих, такие *деньги находятся в реальной зависимости от функционирования отдельных институтов глобального капитала.* Последнее требует особого комментария.

Едва ли не впервые за предшествующие столетия эволюции капитала *некоторый ограниченный круг крупнейших корпоративных структур* (финансовые корпорации, центральные банки ряда государств, МВФ, МБ и некоторые другие[1] сращенные друг с другом системы) *приобретает экономическую* (*и отчасти политическую*) *власть,* которая ранее была сконцентрирована лишь в объективном безличном феномене *мировых денег.* Между тем эти структуры **(1)** все более попадают (вследствие неоприватизации) в руки «новых частных собственников» (повторим: это может касаться даже формально сохраняющих государственный и над-государственный статус институтов); они приватизируют реальные *права* собственности, *власть*, а не [только] объекты).

В то же время они **(2)** все менее подконтрольны каким-либо социальным силам вследствие как глобализации, снижающей роль национального государственного контроля, так и общей деградации социального государства, реальной демократии, снижения роли ассоциаций трудящихся, граждан, характерных для периода неолиберализма.

Наконец, эти институты **(3)** оперируют во все более адекватной среде, создаваемой тотальным сетевым рынком. Такие структуры, представляющие глобальный виртуальный капитал, повторим, становятся (как «снятые» деньги) всеобщей мерой и основным средством жизнедеятельности глобальной экономики и общества.

Таким образом, ***новое качество виртуальных денег,*** в отличие от денег эпохи классического и даже раннемонополистического капитализма, состоит в том, что, с одной стороны, их новый — электронный — «носитель» существенно упрощает и облегчает систему трансакций, делая их потенциально учитываемыми, контролируемыми и регулируемыми в сколь угодно значительных масштабах. Существенно, что эта возможность тем выше, чем более интенсивно развивается зависимость мировой денежной системы от крупнейших финансовых институтов, масштабы и роль которых превращают их в субъектов, которые потенциально способны осуществлять такое регулирование.

Но, с другой стороны, социальная виртуальность денег (следствие их бытия как продукта глобального виртуального капитала, особой *супер*сети, «паутины паутин»),

[1] Подчеркнем: сегодня институты, регулирующие денежную систему (национальные государства, МВФ и т. п.), зачастую в своих действиях преследуют узкокорпоративные интересы, а не интересы тех сил, которые они формально представляют (например, всех граждан данной страны).

складывающаяся в результате стихийного взаимодействия частных фиктивных финансовых капиталов и представляющих их частных финансовых институтов, делают эту суперсеть «черным ящиком». Все это придает виртуальным деньгам свойства неустойчивости, превращает реализацию ими своих функций в вероятностный, неподконтрольный, рисковый процесс.

Как таковые, *виртуальные деньги-капитал*, с одной стороны, создают возможность превращения сферы финансовых трансакций в особую, оторванную от производства и ускоренно разбухающую (вследствие возможностей как получения спекулятивных доходов, так и роста трансакционных издержек) сферу экономики, а с другой — являются адекватными механизмом и формой экспансии этой сферы.

В качестве комментария позволим себе некий образ: деньги — этот *единственный* универсальный и всеобщий «джинн» рыночного мира, способный, по словам Шекспира, все черное сделать белым[1] — ныне оказался в новой «бутылке». Первоначально ею было золото, и всем золотом не владел никто. Затем роль «бутылки» выполняли казначейские билеты и другие бумаги, эмитируемые национальным государством, лишь временно выпускавшим заменители золота и представлявшим интересы широкого круга обособленных капиталов в их противоречии с остальным обществом (и при этом мировыми деньгами оставалось лишь золото). Ныне же роль «бутылки» (NB! В мировом масштабе) переходит к электронным феноменам, продуцируемым ограниченным кругом преимущественно *частных* транснациональных корпоративных структур.

Еще более близким может быть даже иной образ: на наших глазах все быстрее происходит диффузия этой «бутылки», растворяющейся в компьютерных системах мировых финансовых институтов, а контроль за этой тающей на глазах «бутылкой» (деньгами, «снятыми» в виртуальном капитале) находится в руках относительно узкого круга все более приватизируемых структур, но и от них он ускользает, поскольку «джинн» все растет и растет. При этом самое главное состоит в том, что эти структуры находятся в состоянии активной борьбы друг с другом и сами же пытаются устанавливать правила этой борьбы.

Итак, корпоративный капитал обретает универсальный механизм проведения в жизнь своей гегемонии — виртуальные деньги.

Однако сам джинн — развитые до своего наиболее могущественного (во всяком случае, из известных ныне) вида мировые виртуальные деньги — вообще по природе своей неподконтролен чьему-либо субъективному сознательному воздействию. В результате финансовые корпорации, с одной стороны, оказываются функцией малоподвластного им процесса стихийного движения (в компьютерных сетях и, гораздо реже, на реальных рынках) мирового капитала; с другой, — они являются персонификацией и частными собственниками этого капитала.

Так этот капитал становится гиперреализованной угрозой дерегулирования.

Вопросы для самопроверки

П.3.1. Каковы ступени отрыва денег от их первоначальной товарной (золотой) основы?

П.3.2. Как деньги превращаются в продукт капитала?

П.3.3. Почему современные деньги выступают как продукт виртуального капитала?

П.3.4. Чем определяется виртуальный характер современных денег?

П.3.5. Какова роль современных информационных и телекоммуникационных технологий в развитии виртуальных денег?

---

[1] К. Маркс цитирует в «Капитале» строки из трагедии Шекспира «Жизнь Тимона Афинского»:

«Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее — белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым и свежим!»

См.: *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 143, ссылка 91.

Тезаурус к главе 3 Приложения

ВИРТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ — такой фиктивный капитал (см. определение фиктивного капитала в основном тексте — глава 10, параграф 10.4.), который отрывается от стоимости действительного капитала под влиянием манипулятивного воздействия крупных корпораций на цены, складывающиеся на фондовом рынке. Виртуальный капитал приобретает симулятивную ценность, состоящую в создании видимости его способности к безграничному возрастанию.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ — обособившаяся денежная форма движения виртуального капитала. Выступают главным образом в виде электронных денег, и обретают неопределенность стоимостного содержания, вызванную неопределенностью оценки виртуального капитала. Как и оценка виртуального капитала, стоимостная оценка виртуальных денег находится под манипулятивным воздействием крупного корпоративного капитала.

Часть 2

Капитал

Глава 4

Новое бытие всеобщей формулы капитала: фиктивный финансовый капитал

Структура главы

- Прибыль без производства, или Превратные формы «долговой экономики»
- Виртуальный фиктивный финансовый капитал: гиперреализованные угрозы кризиса и дерегулирования
- Виртуальный фиктивный финансовый капитал как феномен превратного сектора экономики

Основные понятия:

квази-деньги
виртуальная прибыль, извлекаемая с финансового рынка*
мнимый спрос
неоденьги
«вторичные» и «третичные» производственные отношения
превратный (бесполезный) сектор

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:

Часть 3. Классическая политическая экономия капитализма
Глава 10. Обращение и превратные формы капитала: зарплата, прибыль, процент и рента. Воспроизводство и кризисы

Как известно, во II отделе I тома «Капитала» К. Маркс, фиксируя всеобщую формулу капитала (Д—Т—Д': деньги, приносящие дополнительные деньги), формулирует ее противоречие, фиксируя знаменитую антиномию: дополнительные деньги в соответствии с этой, известной любому предпринимателю, формулой возникают в обращении, но столь же верно и то, что они не могут возникнуть из обращения, если только в нем осуществляется обмен эквивалентов.

Не менее хорошо известно, что эта антиномия снимается Марксом через обращение к исследованию процесса производства, где и создается, в соответствии с теорией автора «Капитала», прибавочная стоимость. Но вот парадокс: видимость позднего капитализма вновь возвращает нас к этой антиномии: фиктивный капитал, живущий вне сферы производства, как бы вновь обретает чудотворную способность создавать прибыль исключительно в сфере обращения...

Эта видимость неслучайна. Более того, как и большая часть характерных для капитализма превратных форм, она объективна.

Тем важнее разобраться с тем, какое действительное содержание скрывается за этим очередным кульбитом, «превращением» капитала.

4.1. Прибыль без производства, или Превратные формы «долговой экономики»

Поскольку сама эта проблема стала особенно актуальной после кризиса 2008 года, начнем с постановки вопроса, прямо связанного с практикой: могут ли колебания на финансовом рынке разрушать реальную экономику? И если да, то почему?

Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, почему невозможна постоянная работа экономики в долг, в расчете на будущие прибыли и доходы — ведь при этом реально люди работают, производят товары и услуги, эти товары потребляются (и в личном, и в производительном потреблении). Однако при капитализме этого недостаточно: товар может попасть в потребление, только будучи продан на рынке, только будучи обменен на деньги. Если обмен на деньги почему-либо оказывается невозможен, хотя бы в некоторых случаях, то это поначалу лишь частная проблема неудачников. Но если масштабы этих неудач достигают некоторой критической точки, вызывая цепную реакцию неисполнения обязательств, то система регулярного обращения товаров в обмен на деньги рушится. И вторая причина, важная именно для капитализма — если товары все же продаются, но приносят недостаточную (меньшую чем средняя) прибыль или не приносят ее вовсе, то их производство будет свернуто.

Хорошо известно, что современный денежный (платежеспособный) спрос базируется в основном не на реальных деньгах, а на долговых обязательствах и на свидетельствах о праве на будущие прибыли (то есть, на кредите и фиктивном капитале). Однако опираясь на эти две ноги (костыля?), спрос дает предложению крайне неустойчивое основание.

Долг может нарастать без особых проблем довольно длительное время — но лишь до тех пор, пока есть расчет его вернуть, или до тех пор, пока поступление процентов способно значительно перекрывать основную сумму долга даже и без надежды на возврат этой основной суммы. С претензиями на будущие прибыли, выраженными в финансовых инструментах фиктивного капитала, дело обстоит сложнее. Рынок воспринимает их как ликвидные ресурсы (квази-деньги) не только до тех пор, пока (1) есть расчет на эти самые будущие прибыли, но и пока (2) есть расчет на то, что рыночная оценка фиктивного капитала будет расти. *Рост рыночной оценки создает возможность прибыльных операций с фиктивным капиталом независимо от того, приносит ли реальный капитал, отражением которого является фиктивный, действительную прибыль или же нет.* Однако этот рост также имеет свои пределы и *не является абсолютно независимым* от реального капитала.

Наиболее глубинная причина негативного влияния неустойчивости финансового рынка на реальную экономику — отрыв движения денежного капитала от движения действительного (производительного) капитала, выражающийся в угнетении «правомерных», «естественных» функций денежного капитала (т. е. тех, что обусловлены его генезисом как средства обслуживания движения производительного капитала, его *бытием-для-иного*) и росте его «самодовлеющих» функций (*для-себя-бытия*), основанных на использовании спекулятивных

эффектов[1]. (В данном случае под денежным капиталом имеются в виду в том числе и все его производные и превратные формы — ссудный, фиктивный и виртуальный капитал).

Почему с развитием капитализма не только предоставленные кредиты, но и сами долговые обязательства (кредитные договора, векселя и т. п.) оказались в состоянии обеспечивать расширение спроса? Почему фиктивный капитал, в свою очередь, сделался основанием для кредитной экспансии (то есть стал приниматься в обеспечение кредитов)? Это вопросы, принципиально важные для характеристики взаимоотношений действительного капитала и виртуального капитала.

Долговые обязательства и претензии на будущий доход могут формировать реальный спрос при том условии, что они могут функционировать как «знаки стоимости», то есть как заместители реальных денег в их функции средства обращения. По существу, они создают *частный, не контролируемый государством массив квази-денег*. Их особенность, однако, состоит в том, что они образуют спрос на все товары не прямо (обычно никто не оплачивает товары акциями или фьючерсными контрактами), а лишь через (1) расширение кредита и (2) извлечение прибыли с финансового рынка.

Именно эти источники позволяли крупному капиталу обеспечивать себе прибыльное применение, и именно они *делают общественно-востребованным «для-себя-бытие» финансового капитала*. Более того, вследствие этого и нефинансовые корпорации во все большей степени стали вовлекаться в операции по извлечению прибыли непосредственно с финансового рынка. До 1997 года нефинансовые корпорации США имели убытки от финансовых операций — и это было естественно, ибо они выступали как заемщики финансовых средств по отношению к кредитной системе, а эффективность их операций на фондовом рынке была низка постольку, поскольку это были вынужденные операции для привлечения недостающего капитала. Однако после этой даты операции становятся прибыльными, более того — доля прибыли от финансовых операций у нефинансовых корпораций в отдельные периоды превышает 50 %. Но и это еще не все. По отношению к кредитной системе нефинансовые корпорации после 2003 года на какое-то время превращаются из нетто-должников в нетто-кредиторов: полученные ими от собственных кредитных операций проценты перекрывают проценты, уплачиваемые ими за взятые займы.

Тем самым через кредит и фиктивный капитал (как это было обосновано еще в «Капитале» К. Маркса) реальный капитал получает способность к добавочному расширению, раздвигая узкие для него рамки условий реализации стоимости и прибавочной стоимости на основе лишь реального денежного спроса и обычной купли-продажи. Но эта способность приобретается ценой усиления неустойчивости рынка.

Долги и фиктивный капитал постольку могут обслуживать движение реального капитала, поскольку создаваемый ими добавочный спрос соответствует способности реального капитала к расширению, сдерживаемому узкими рамками денежного спроса. Этот добавочный спрос позволяет капиталу увеличивать реальное производство товаров и услуг, вовлекая в него все доступные ресурсы и используя все возможные усовершенствования. Но у этого роста есть *внутренняя* граница — капитал должен иметь прибыльное применение. Как только эта граница обнаруживает себя, оказывается, что какая-то часть капитала не может быть применена с нормальной средней прибылью, а ранее видимый спрос оказывается мнимым (виртуальным). Точнее, поскольку производство все же функционировало, он не столько абсолютно мнимый, сколько недостаточный для прибыльного применения капитала. Не избыточный, как можно было бы подумать, глядя на распухшие «финансовые пузыри», а именно недостаточный (о природе этой «недостаточ-

[1] См.: *Миргородская Е. О.* Глобальный финансовый капитал. М.: Магистр, 2007; *Митяев Д. А.* О динамике саморазрушения мировой финансовой системы. Сценарии и стратегии. В 4-х частях // Экономические стратегии. 2009. №№ 1, 2, 4 и 5–6.

ности», чреватой «инфарктом»-кризисом — чуть позже). Итак, главная проблема — наличие в самом реальном капитале внутренней границы, препятствующей его прибыльному применению.

До какого-то момента внутренний предел расширения капитала остается скрыт, и не обнаруживает себя на рынке.

До какого?

4.2. Виртуальный фиктивный финансовый капитал: гиперреализованные угрозы кризиса и дерегулирования

Ответ в принципе известен: до тех пор, пока не обнаруживается, что обязательства, — в первую очередь в реальном секторе, хотя на поверхности это может выглядеть как внезапное падение котировок ценных бумаг, — которые сделаны в расчете на будущие прибыли, не могут быть реализованы, или их фактическая реализация уже не может быть отложена. Следует принять во внимание, что на фондовом рынке «крутятся» преимущественно заемные деньги. Игра на повышение вовлекает дополнительные кредиты. Заминка приводит к тому, что кредит не удается вернуть — начинается паника: сброс активов, чтобы расплатиться, ведет к дальнейшему ухудшению конъюнктуры, повышению ставок кредита из-за возросших рисков, требованиям увеличения залога по сделкам репо или требованиям досрочного погашения (margin-call) и т. д.

Здесь мы сталкиваемся с действием двух закономерностей капиталистического способа производства вообще и позднего капитализма — в частности.

Первая: наличие противоречия между общим стремлением капитала к безграничному расширению (чему служит раздувание виртуальных финансовых пузырей, создающее иллюзию возможности безграничного расширения спроса) и стремлением к обеспечению частных интересов и избеганию риска потери прибылей. Частный капитал не может бесконечно довольствоваться лишь иллюзией спроса и иллюзией оплаты — он готов рискнуть, используя эти иллюзии, но, в конечном счете, он желает обратить свои товары и услуги в реальные деньги, действительно реализовать созданные стоимость и прибавочную стоимость.

Вторая: циклический характер воспроизводства капитала, который, собственно, и вынуждает капиталистов включиться в цепную реакцию принудительной необходимости обеспечить свои частные интересы в условиях неминуемого спада деловой конъюнктуры.

В результате, защищая свои частные интересы и стремясь к действительной реализации произведенной стоимости и прибавочной стоимости, к исполнению обязательств в реальных деньгах, капиталисты и обнаруживают мнимость созданного ими при помощи виртуального капитала разбухшего спроса. Но эта мнимость обнаруживается, конечно, не на фазе оживления и подъема, а на фазе спада (когда падает эффективность применения реального капитала).

Возникает вопрос: почему же тогда капитализм в развитых странах почти непрерывно, лишь с небольшими заминками, ухитрялся развиваться без серьезных кризисов в течение, по меньшей мере, четырех циклов? Это — самый сложный вопрос во всей этой истории.

Сам механизм финансовой экспансии за счет разбухания рынка фиктивного капитала был создан (полубессознательно, разумеется) в том числе и для того, чтобы при наступлении фазы спада купировать ее при помощи инструментов виртуального расширения спроса. Остается открытым вопрос, почему этот фокус удался не один, не два, и даже не три раза, а удавался довольно систематически?

Думается, потому, что на рост финансовых пузырей наложился еще целый ряд факторов.

Первый. Государственное регулирование рынка — как антициклическое (стимулирование спроса на спаде, охлаждение конъюнктуры на подъеме), так и структурное (активная промышленная политика), — сглаживающее циклический характер обновления капитала.

Второй. Формирование так называемого социального государства («общества

всеобщего благосостояния»), что обеспечило расширение спроса за счет перераспределительных механизмов. Если у миллионов людей есть кое-какие денежные накопления, но малость не хватает на холодильник, автомобиль, квартиру и т. д., а государство им эту малость подкинуло, то тем самым создается реальный добавочный многомиллионный спрос для целых отраслей, выходящий далеко за рамки произведенных бюджетных трансфертов. Трансферты превращают часть отложенного спроса, в виде частных накоплений дохода, в реальный спрос.

Третий. Крах колониальной системы и переход к неоколониализму открыл дорогу процессам глобализации. Перенос производства в страны «Третьего» мира обеспечил снижение издержек реального сектора, удешевление элементов стоимости рабочей силы и т. д., временно сгладив явления перенакопления капитала.

Четвертый. Рост финансиализации совпал с повышательной фазой очередного кондратьевского цикла.

Все эти процессы политически стимулировались фактором соревнования с мировой системой социализма, а затем крах этой системы открыл мировому капиталистическому хозяйству новые рынки.

Теперь все эти факторы исчерпали свою эффективность. Они не исчезли (во всяком случае, полностью), но уже нет значительных перспектив наращивания эффективности капитала за счет этих факторов. Регулирование остается, тот или иной социальный компромисс остается, глобализация нелинейно, но углубляется, длинная волна технологического обновления не повернет вспять, но «сливки» с этих факторов уже сняты.

Кроме того, компьютерная, информационная, телекоммуникационная и т. п. революция, при всей ее значимости (она, в частности, стала одним из факторов победы в соревновании с мировым социализмом), все же не привела к качественному технологическому обновлению капитализма. Технологически капитализм по-прежнему остается индустриальным. Более того, возможности существенного прироста эффективности за счет компьютеризации уже в основном исчерпаны, причем не сегодня, а на рубеже 2000-х.

Сказанное выше позволяет, как представляется, определиться с тем, что же такое *виртуальная прибыль, извлекаемая с финансового рынка*. Это плата, которую взимают денежные капиталисты (агенты финансового рынка) за предоставление капиталу возможности якобы неограниченного расширения и получения дохода от реализации товаров и услуг, удовлетворяющих мнимый спрос. Собственно, *мнимый спрос* и создается капиталом в финансовом секторе для присвоения виртуальной прибыли. Мнимый же характер и того, и другого, определяется тем, что финансовая экспансия выходит далеко за рамки условий сбалансированного воспроизводства капитала. Весь этот процесс мультиплицируется производством товаров-симулякров, удовлетворяющих симулятивные потребности.

Виртуальная прибыль, извлекаемая с финансового рынка —

это плата, которую взимают денежные капиталисты (агенты финансового рынка) за предоставление капиталу возможности якобы неограниченного расширения и получения дохода от реализации товаров и услуг, удовлетворяющих мнимый спрос.

Так на новом витке и в новом качестве *в снятом виде* воспроизводится (не раз пройдя по спирали «отрицания отрицания») ***закон стоимости***, когда цена отдельных товаров на рынке определяется уже не столько соотношением спроса (покупателей) и предложения (продавцов), колеблющегося вокруг стоимостей товаров, сколько конъюнктурой конкуренции различных многообразных мировых сетей. В результате *цена становится крайне опосредованным выражением стоимости, причем не в (золотых) деньгах, а в сложном агрегате, где за видимостью старой денежной формы (доллара, рубля) скрыта неопределенная конъюнктура мировых финансовых сетей.*

На место единого и целостного всеобщего эквивалента (денег как товара, который

объективно всегда всем нужен, ибо является продуктом всеобщего общественно-необходимого труда) приходит стихийный, подвластный неведомой конъюнктуре (а с другой стороны — зависимый в каждом своем конкретном звене от субъективных сил — той или иной финансовой корпорации) мировой рынок виртуальных денег. Непосредственно, как мы уже отмечали, он может быть соотнесен с мировыми финансовыми рынками, наполненными к тому же гигантскими «пузырями». *На место золота как универсального регулятора и стабилизатора (якоря и предохранительного клапана одновременно) рынка приходят виртуальные деньги-капитал — неустойчивая, стихийная, приватизированная неопределенным кругом корпораций, но никому целиком не подконтрольная суперсеть.*

Эта *стихийность финансового рынка* (сердцевины жизнедеятельности современного рынка) *находится в сущностном противоречии с глубоко упорядоченным, взаимозависимым (точнее — высоко обобществленным) в мировом масштабе производством.* Последнее в своей технологической основе уже давно функционирует не столько стихийно (восстанавливая пропорциональность через постоянные диспропорции, кризисы перепроизводства), сколько на базе постоянно поддерживаемой пропорциональности, которая относительно редко, но чрезвычайно мощно взрывается всемирными системными (затрагивающими основы власти капитала) кризисами.

Эти *системные кризисы* ныне (начиная с Великой депрессии) возникали и будут возникать в результате переходящей определенную границу экспансии (перенакопления) виртуального финансового капитала. С качественной стороны эта граница может быть определена (пока что это не более чем гипотеза) как *такое перенакопление виртуального капитала* (субститута денег), *которое не позволяет ему выполнять функции, аналогичные деньгам*, на современном рынке. Предпосылка этого — чрезмерный (эту меру опять же следует определить) отрыв такого капитала от (1) реального производства и (2) регулирующих воздействий со стороны общества, в частности государственного регулирования денежного обращения (не случайно монетаристы так боятся этого разрыва и так стремятся его предотвратить).

Учитывая, что тотальная маркетизация углубляет и глобальные проблемы человечества, а средством относительной стабилизации и регулирования этой системы являются лишь виртуальные деньги, — учитывая все это, несложно сделать вывод, что *мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, был закономерным следствием названных выше причин*[1]. Более того, неустраненность коренных причин этого кризиса (прежде всего, сохранение проблемы перенакопления капитала вообще и виртуального фиктивного капитала, в особенности) делает более чем вероятным повторение аналогичных явлений в случае, если не будут приняты существенные коррекции как минимум на институциональном уровне и в рамках экономической политики.

Здесь, на наш взгляд, вполне уместна образная параллель Бодрийяра, сравнившего глобальную угрозу финансового кризиса с глобальной угрозой термоядерного взрыва. И крупный финансовый капитал, и средства массового уничтожения, по мнению этого автора, «супер-реализованы»; они *как бы* находятся на орбите над нашими головами, могут в любой момент привести к катастрофе. И хотя сама эта катастрофа пока лишь вероятностна, *угроза финансового коллапса, как и угроза ядерной войны, является реальным глобальным фактором сегодняшней жизни*[2]. Более того, можно считать, и это мнение все чаще развивается и теоретиками, и финансистами-практиками, что кризисы конца 1990-х в Юго-Восточной Азии, России и Латинской Америке были своего

[1] Данный тезис впервые был опубликован авторами *до начала кризиса*, в первом российском издании книги «Глобальный капитал» в 2004 г., где приведенная выше фраза завершалась следующим образом: «*...вполне вероятный в обозримом будущем кризис мировой финансовой системы может оказаться детонатором серии глобальных катаклизмов*» (*Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. М.: Ленанд/URSS, 2015. С. 228–229; Изд. 4-е, доп. М.: Ленанд/URSS, 2018).

[2] См.: *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. L., N. Y., 1993.

рода микроинсультами глобального виртуального капитала. Мировой экономический кризис оказался «настоящим» инсультом, лечение которого ведется крайне противоречиво, хотя больной (капитализм) по-прежнему «скорее жив».

Как мы заметили ранее, на самом деле с политэкономической точки зрения более сложным является вопрос не о том, почему произошел мировой финансово-экономический кризис, а о том почему он так долго откладывался. Причины этого авторы также зафиксировали еще задолго до кризиса. Они суть в том, что современная экономика содержит и целый ряд мощных ***контртенденций***.

Начнем с того, что описываемые выше процессы пока лишь развертываются, но не обрели абсолютную силу. Отчасти сохраняется (хотя во все меньшей степени) золотой базис денег. Еще важнее то, что крупнейшие государства пока все еще контролируют движение значительной части денежных агрегатов внутри стран и на мировом рынке в интересах не только корпоративных элит, но и общей стабильности, а приватизация государственных функций не зашла чрез*мерно* далеко (качественно-количественная граница — мера — здесь определяется сохранением у государства способности обеспечивать регулируемость денежного обращения). Власть частных ТНК пока еще недостаточна для соперничества на равных с крупнейшими государствами «Первого мира», а международные финансовые структуры подчинены пока что в большей мере последним, чем первым. Но равновесие крайне шаткое (на что указали первые толчки — локальные финансовые кризисы, а еще в большей мере — мировой «толчок» 2008 г.), и экспансия тотального рынка вкупе с монетаристскими тенденциями свертывания социального демократического контроля и регулирования рынка могут окончательно выпустить джинна финансового кризиса из (и без того тающей) «бутылки» контроля за мировым финансовым рынком. Ipse fecit[1].

Генезис тотального «рынка сетей» и виртуальных денег в условиях неолиберального этапа подрыва собственных основ капитализма (этапа, на котором мы и находимся сегодня) порождает следующий — один из важнейших и наиболее решительных — шаг в подрыве этих основ, скрытых, повторим, за видимостью восстановления «классических» черт капитализма. Этот шаг (весьма половинчатый, непоследовательный) — *подрыв* собственно *формы капитала как производственного отношения*, всеобщей формулы его обращения.

Для знатоков «Капитала» не секрет, что таковой является всеобщая формула капитала (Д – Т – Д + ΔД): деньги, приносящие деньги с приростом. Противоречие этой формулы формулируется К. Марксом в виде антиномии (ΔД возникает и не возникает в обращении), имеет, как было отмечено выше, историческим прообразом допотопные формы капитала (купеческий и ростовщический капиталы, действующие вне непосредственного материального производства). В теории К. Маркса показывается, что противоречие всеобщей формулы капитала разрешается так, что товар рабочая сила в *материальном производстве* создает не только эквивалент стоимости своей рабочей силы, но и прибавочную стоимость.

Разрыв этой связи ныне происходит *как бы* (это объективная видимость) путем «возврата» к извлечению ΔД *вне материального производства,* в рамках обращения, где трансакции (используем этот модный термин нового институционализма), сделки с товарами (Т) и деньгами (Д) *как бы* (опять объективная видимость) сами по себе приносят дополнительные деньги (ΔД; выражаясь языком economics, — прибыль).

Но нынешний этап — это не просто возврат к спекуляциям торгового и ростовщического капитала эпохи генезиса капитализма. Это нечто большее. Накладываясь на рост обобществления в мировом масштабе (высокоэффективные и дешевые транспортные и телекоммуникационные системы и т. п.) и, главное, генезис информационных технологий, «рынка сетей» и виртуальных денег, капитал порождает в процессе своего самоотрицания новое пространство и время своего доминирования — сферу трансакций. Прежде всего — это про-

[1] Сделано собственноручно (лат.).

странство и время жизнедеятельности ***глобального виртуального фиктивного финансового капитала***. Это пространство и время могут быть соотнесены с формой финансового рынка. Именно здесь сегодня сосредоточены основные (по своей роли) и гигантские (по своим масштабам, превышающим бюджеты многих государств) капиталы современного мира.

Этот фиктивный капитал оторван от материального производства по самой своей природе, и лишь *в конечном итоге* (после сложнейшей системы опосредований) обязан своей жизнью (1) капиталу, накопленному за столетия своего господства и (2) собственно материальному производству, где наемные работники создают прибавочную стоимость. Существенно, что последняя производится ныне многочисленным как никогда ранее мировым классом наемных работников, сосредоточенных преимущественно в странах «Третьего» мира в материальном производстве и других отраслях, где создается стоимость. Здесь, кстати, ключ к обоснованию одного из ключевых противоречий глобализации — между мировым капиталом и мировым трудом, принимающим *и* геоэкономический характер.

Такой фиктивный капитал утилизирует предшествующий рост производительности труда, приведший к резкому сокращению материального производства и генезису информационных технологий в развитых странах. В результате он оккупирует и подчиняет себе самую современную сферу деятельности и общения — информационные системы, создавшие адекватный базис для жизни и экспансии корпоративного фиктивного капитала. Так возникает особый мир этого виртуального капитала со своим особым пространством, временем, законами и ценностями жизни. Именно этот капитал — ***корпоративный виртуальный капитал — является ныне основной социально-экономической силой тотальной гегемонии капитала вообще.***

Виртуальная форма этого капитала оказывает, как было замечено выше, *значительное влияние на его содержание.*

Во-первых, виртуальный капитал становится принципиально более мобилен во времени и пространстве, нежели капитал, имеющий любую другую форму. А *скорость оборота,* как было показано еще во II томе «Капитала», *имеет для капитала принципиальное значение.* Виртуальное бытие капитала качественно увеличивает эту скорость, позволяет ему перемешаться в любые точки пространства с практически мгновенной скоростью и с минимальными «транспортными» (трансакционными) издержками: достаточно сравнить виртуальный капитал-деньги с капиталом в форме золота или фондов, чтобы понять, что это значит. Тем самым виртуальный капитал обретает такой носитель, такое материальное воплощение, которые сами по себе являются всемирными и вечными: информация устаревает лишь морально.

Как таковой, во-вторых, виртуальный капитал-деньги оказывается связан с конкретным субъектом (физическим или частным лицом), с конкретным положением в социальном пространстве-времени *лишь по форме собственности* и может менять своего хозяина сколь угодно быстро и часто (что и происходит постоянно на финансовых рынках). Если добавить к этому зафиксированную ранее принципиальную сложность (т. е. такую сложность, когда отображение всех связей в системе уже невозможно) и размытость современной системы прав собственности, то станет ясно, что *виртуальный капитал — это капитал, не только оторвавшийся от производства, но и не находящийся сколько-нибудь устойчиво в частной собственности каких-либо конкретных физических или юридических лиц.* Последнее означает (мы вновь возвращаемся к сделанному выше выводу), что виртуальный капитал не является объектом сколько-нибудь устойчивого регулирования и контроля со стороны какого-либо лица.

В-третьих, противоречие между свойствами информации и свойствами капитала приводит к тому, что частная собственность на виртуальный капитал, его отчуждение и присвоение становятся феноменами, зависимыми прежде всего от формальных и тоже виртуальных «правил», регулирующих его движение. Всякие материально-производственные и личностные связи (в том

числе между собственником капитала и работниками, а также связи собственников с физическими объектами — фабриками, землями, зданиями и т. п.) постепенно исчезают и заменяются процессами, протекающими в компьютерных сетях.

Более того, виртуальный капитал в целом становится полностью зависим от качества институтов, обеспечивающих поддержание и развитие капиталистической формы (например, частной собственности на информацию, гарантий коммерческой тайны и т. п.) информационной сети в целом (последняя, напомним, едина во времени и пространстве). Посему Человечество может, если не сегодня, то в ближайшем будущем, оказаться зависимо от хакеров, не только угрожающих запуском ракет с ядерными боеголовками, но и способных ввести вирус в финансовые компьютерные системы и тем самым вызвать мировой финансовый кризис. Более того, постепенно складывается такое положение, когда субъект, контролирующий информационные сети мира, оказывается и властелином единого материального носителя всего виртуального капитала, материального носителя «всех денег мира» (но не денег *как таковых*, ибо деньги — это не некий материальный носитель, пусть даже золото; общеизвестно, что на необитаемом острове золото — не деньги).

Тем самым виртуальный характер капитала, *обретение капиталом-деньгами нового носителя означает и существенные изменения в социально-экономическом содержании капитала*. Этот носитель в принципе позволяет любому капиталу стать всемирным, вечным и предельно подвижным. Имеющий такой носитель капитал лишь формально связан с конкретным собственником, и эти связи постоянно изменяются, что является его атрибутивной характеристикой; он зависим во всех своих звеньях от единой информационной системы человечества и является предельно могущественным и в то же время предельно уязвимым.

Существуя прежде всего виртуально (в компьютерных сетях), он тем не менее реально *впитывает все высшие достижения цивилизации* (от лучших специалистов до лучших офисов) и все более укрепляет свое господство, выкачивая соки из материального производства (сосредотачиваемого ныне все более во «Втором» и «Третьем» мирах), природы (поглощая опосредованным образом гигантский объем ресурсов) и Человека (присваивая не только большую часть создаваемой во всем мире прибавочной стоимости, но и достижения человеческой культуры, творческий потенциал человечества)[1].

Суммируя и, отчасти, повторяя сказанное выше, можно сделать вывод, что **виртуальный капитал-деньги** конца XX – начала XXI века, в отличие от фиктивного капитала XIX века:

- является *глобальной виртуальной* (это существенно — см. сказанное выше о новых качествах капитала, создаваемых новым «носителем») *сетью,* а не атомизированной совокупностью денежных единиц, регулируемой национальным государством, или совокупностью обособленных финансовых корпораций; эта сеть едина во всех своих звеньях (виртуальный капитал мгновенно перемещается по ее «капиллярам», реагируя на изменения в любом из «нервных центров» сети); она функционирует по определению (в силу своей глобальности и единства) стихийно, и потому лишь частично подконтрольна национальным и наднациональным государственным структурам;
- *приватизирован* (будучи мировой суперсетью) *ограниченным кругом частных лиц, но при этом им не подконтролен*; виртуальным капиталом владеет *виртуальный* (вероятностно-неопреде-

[1] Более того, сегодня мы видим много попыток ввести «единый» критерий оценки произведений искусства — они должны продаваться, и их денежная оценка — это оценка последней инстанции.

Космические и фундаментальные научные исследования столкнулись с тем же самым — их все время пытаются оценить через окупаемость и прибыль. При этом, однако, сама эта оценка весьма дорогостояща, и потому попадает в руки к влиятельным финансовым институтам. Так складывается ситуация, когда от милости хозяев виртуальных денег зависят высшие достижения человечества, поскольку не имеющие столь значительных сумм в принятии решений не участвуют.

ленный) *анархически-неорганизованный, внутренне противоречивый круг хозяев современного корпоративно-сетевого рынка*;

- *выполняет роль неоденег — универсального «регулятора»* и всеобщего эквивалента (меры стоимости, средства осуществления трансакций, сокровища и т. п.), *корпоративно-сетевого рынка;* роль своего рода «сети сетей», *что делает всю систему цен* (на товары, капиталы, рабочую силу и т. п.), *трансакций, сбережений и т. п. зависимой от состояния этой суперсети* (как некогда от золота: вспомните «революцию цен» — всемирный катаклизм XV–XVI веков в результате появления большого количества более дешевого золота);
- *обладает* в силу перечисленных выше свойств *качеством виртуального самовозрастания* (*накопления виртуальной,* вероятностной *ценности,* выражаемой, однако, в «обычных» деньгах — долларах, евро и т. п., ибо они тоже становятся виртуальными), лишь косвенно связанного с производством (и накоплением) прибавочной стоимости; граница этого виртуального накопления, равно как и угроза его коллапса, была в качестве гипотезы определена выше.

4.3. Виртуальный фиктивный финансовый капитал как феномен превратного сектора экономики

Наиболее адекватной для *такого* капитала становится *сфера «вторичных» и «третичных» производственных отношений*[1]. Это сферы финансов, торговли, других трансакций, где деятельность, отношения по поводу деятельности, функционирование материальных факторов этой деятельности — все эти слагаемые полностью порождены (не только подчинены, но и порождены!) капиталистической *формой.* (Заметим в скобках: они не нужны производству, они нужны *капиталистическому* производству. В иной общественной системе формой обмена деятельностью могут стать совсем иные отношения.) Более того — в большинстве случаев они порождены формой виртуального фиктивного капитала. Каждый из названных компонентов является не материальным продуктом, а социально-экономической формой как таковой.

Последнее особенно характерно для *финансов* — ключевой сферы гегемонии современного корпоративного капитала.

В самом деле, весь процесс функционирования финансов основан на том, что ресурсами этой деятельности является социально-экономическая форма — капитал, ценные бумаги; сама деятельность состоит в превращении, изменении этой социальной формы (операции с ценными бумагами, с валютой — классический пример такой деятельности). Производственные отношения возникают здесь по поводу деятельности, имеющей своим предметом и своим результатом буржуазную социально-экономическую форму; присваиваемый результат опять-таки связан с функционированием исключительно этой формы, но не непосредственных материальных благ или культурных ценностей.

Этот мир многократно удвоенных, утроенных, мультиплицированных превратных форм во многом укрепляет гегемонию корпоративного капитала, ибо *в этой сфере вытеснение капитала другими общественными отношениями невозможно. Возможно лишь вытеснение этой сферы в целом,* для чего требуется качественное изменение всей системы общественных отношений и замена сферы трансакций тотального рынка новой общественной системой отношений.

[1] Выделение так называемых «первичных» (определяющих бытие и сущность системы) и «вторичных», «третичных» и т. п. (характеризующих механизм функционирования системы) производственных отношений является одним из малоизвестных и ныне практически полностью забытых методологических достижений университетской (имеется в виду МГУ им. М. В. Ломоносова) школы политической экономии. Ниже авторы под «вторичными» (и т. д.) производственными отношениями будут понимать не отношения по поводу производства материальных благ, а по поводу деятельности, объектами и результатами которой являются социально-экономические формы предметов (деньги, ценные бумаги и т. п.).

Так мы, базируясь на анализе противоречий позднего капитализма, приходим к выводу, сделанному в предыдущих работах авторов на базе исследования мира отчуждения в целом: *для глобального социума рубежа веков характерно, что наиболее современные, определяющие лицо экономики сегодняшнего и завтрашнего дня информационные продукты главным образом производятся, потребляются, распространяются в* **«превратном [бесполезном] секторе»**. Последний, напомним, есть сектор воспроизводства превратных форм человеческой жизнедеятельности, т. е. сфера, где одни превратные социально-экономические формы используются для производства, тиражирования, etc. других таких же превратных форм в той мере (NB! Это очень важная оговорка, к которой мы еще вернемся), в какой эта сфера не является управляющей подсистемой экономики.

Анализ «заката» «*царства необходимости*» позволил показать границы этого сектора — это *сфера, где не создаются* (как основной продукт его деятельности) *ни материальные, ни культурные* блага (блага, способствующие развитию личности)[1].

Анализ «заката» *капитала* позволяет дать его более точные характеристики. С социально-экономической точки зрения *превратный сектор есть сфера создания, потребления и превращений* (*трансакций*) *продуктов глобального виртуального капитала.*

Историко-генетическая структура этого капитала дает ключ и к *структуре превратного сектора.*

Во-первых, эта система деятельностей надстраивается над свободной (классической) рыночной конкуренцией вследствие контроля и регулирования рынка со стороны крупнейших монополистических объединений и государственных органов *в той мере*, в какой эта деятельность направлена на экспансию гегемонии корпораций (последнее касается, в том числе, и государств как супер-корпораций), а не на выполнение управленческих, социальных и т. п. производительных (в точки зрения общества в целом) функций. В самом деле, не следует забывать, что эта деятельность, как правило, одновременно служит *и* делу прогресса экономики, «исправляя» провалы рынка. Так, например, государственно-бюрократический аппарат в той мере, в какой он работает на свою экспансию и привилегии, есть часть превратного сектора; в той мере, в какой регулирует структуру экономики и т. п. — часть совокупного работника общества.

Во-вторых, превратный сектор растет вследствие развития отношений тотального корпоративно-сетевого рынка («рынка паутин»), а именно — деятельности «пауков» (центров ТНК) по плетению (обеспечению функционирования и экспансии) своих паутин во всем многообразии их активности, направленной на подчинение клиентов (от потребителей и субподрядчиков до лоббистов в госаппарате и подконтрольных средств массовой информации). *Значительная часть менеджерской и маркетинговой деятельности* (особенно рекламы) — классический пример такого «плетения паутин» и важное слагаемое превратного сектора.

В-третьих, компонентом превратного сектора становится вся совокупность отношений, связанных с *самовоспроизводством фиктивного капитала*, начиная с биржевых спекуляций XIX века, через финансовый капитал начала и середины XX в. (не случайно названный паразитическим), к виртуальному капиталу конца XX – начала XXI века. Именно последний в силу всех описанных выше обстоятельств становится системой *«пузырей» виртуального финансового капитала, которые пусты по своей сущности* (в них не создаются материальные и культурные блага), *но при этом*, как уже было отмечено, *поглощают огромные и наиболее высококачественные ресурсы и взрывоопасны как оружие массового уничтожения.*

Наконец, превратный сектор выходит и вовне экономики, включая, в частности,

[1] Позволим себе две оговорки. Необходимо принять во внимание, что, во-первых, во всех этих сферах создаются продукты и услуги, абсолютно необходимые для воспроизводства отношений отчуждения, а значит, и для жизнедеятельности современного общества — общества, основанного на отчуждении (*но это блага, которые абсолютно не нужны миру, лежащему «по ту сторону» отчуждения*); во-вторых, в этих сферах *как побочный продукт их деятельности* создаются *и* общественно-полезные блага.

такие сферы, как *военно-промышленный комплекс* и связанные с ним наука, образование, функционирование информации и контроля; *массовая культура,* где в действительности культурные ценности отсутствуют, и др.

В целом, превратный сектор может быть определен как *паразитическая составляющая «вторичных» производственных отношений* (в отличие от «управляющей подсистемы» хозяйства).

Говоря образно, последний может быть сравнен со своего рода гигантским пылесосом, всасывающим наиболее ценные интеллектуальные, финансовые и т. п. ресурсы общества и запирающим их в пыльном мешке, где человек-творец превращается в «человека в футляре».

Может превратный сектор быть сравнен и с раковой опухолью на теле стареющего капитализма. Но тонкость здесь, однако, в том, что удалить эти метастазы, не уничтожив организм, уничтожить превратный сектор, не уничтожая поздний капитализм, нельзя. Более того, стареющая система сама их постоянно продуцирует во все больших масштабах... Задача-максимум, следовательно, состоит в том, чтобы качественно изменить сами отношения господства рынка и капитала, порождающие эту фиктивную надстройку. Как минимум можно и должно локализовать, сократить, поставить под демократический контроль экспансию этой «опухоли», этого сектора.

Перейдем к рассмотрению проблемы эксплуатации (часть 3) и социальной структуры, свойственной современному капитализму (часть 4), завершив анализ рассмотрением проблем современной капиталистической глобализации.

Вопросы для самопроверки

П.4.1. Почему на основе фиктивного капитала развивается «долговая экономика»?

П.4.2. Как отрыв фиктивного капитала от своей действительной основы (виртуализация) позволяет преодолевать спросовые ограничения воспроизводства капитала?

П.4.3. Какова связь долговой экономики и перенакопления капитала?

П.4.4. Каким образом рост массы фиктивного капитала, отрывающегося от своей действительной основы, увеличивает экономические риски?

П.4.5. Почему рост виртуального финансового капитала означает рост превратного сектора экономики?

Литература для самостоятельного изучения

- Долговая проблема как феномен XXI века / Под ред. А. А. Пороховского. 2-е изд. М.: Проспект, 2016.
- *Рязанов В. Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России. М.: Экономика, 2016.
- *Пороховский А. А.* Долговая проблема как феномен XXI века (из коллективной монографии кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, выпущенной к 210-летнему кафедральному юбилею) // Российский экономический журнал. 2015. № 2. С. 116–128.
- *Хубиев К. А.* Долговая проблема в экономической теории // Долговая проблема как феномен XXI века / Под ред. А.А. Пороховского. М.: Проспект, 2016. С. 20–33.

Тезаурус к главе 4 Приложения

ВИРТУАЛЬНАЯ ПРИБЫЛЬ, ИЗВЛЕКАЕМАЯ С ФИНАНСОВОГО РЫНКА — это плата, которую взимают денежные капиталисты (агенты финансового рынка) за предоставление капиталу возможности якобы неограниченного расширения и получения дохода от реализации товаров и услуг, удовлетворяющих мнимый спрос.

Часть 3

Эксплуатация

Глава 5

Содержание и структура отношений эксплуатации (от наемного рабочего и прибавочной стоимости к homo creator'у и интеллектуальной ренте)

Структура главы

- Капиталистическая эксплуатация: классический марксизм
- Эксплуатация XXI века: контрапункты «диффузии» капитала и присвоения прибавочной стоимости, монополистической [сверх]прибыли и интеллектуальной ренты

Основные понятия:

эксплуатация труда капиталом
формальное и реальное подчинение труда капиталу
частичный работник
тенденция относительного и абсолютного обнищания пролетариата
монополистический капитализм
империализм
социал-реформизм
неолиберализм
«неомаркетизация»
«очастнивание» социальной жизни
«преодоление» эксплуатации наемного труда
посткапитализм
креатосфера*
креативный класс
всеобщий творческий труд
интеллектуальная рента*

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:

Часть 3. Классическая политическая экономия капитализма

Глава 11. Доходы и их источники: экономические основы социально-классовой структуры капитализма

Глава 13. Начало процесса разложения капитализма (п. 13.3 «Изменение социальной структуры современного капиталистического общества»)

5.1. Капиталистическая эксплуатация: классический марксизм

В действительности проблема эксплуатации многогранна и включает в себя, по меньшей мере, следующие уровни *восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании и развитии капиталистической эксплуатации.*

Первый — раскрытие всеобщей формулы капитала и ее противоречия. Фиксация всеобщей формулы капитала: Д — Т — Д' — деньги, приносящие добавочные деньги посредством обмена — эта «формула» собственно и задает то определение феномена «капитал», которое используется во всех современных экономических работах и даже обыденным сознанием. Заслуга Маркса в данном случае состоит не в том, что он дал это определение капитала, а в том, что он теоретически доказал, что это *видимость* капитала. Последнее важно и актуально, поскольку ныне под эту видимость подпадает масса феноменов, не являющихся капиталом по своей сущности, но имеющих видимость капитала («человеческий капитал», «социальный капитал»).

Более того, Маркс показал, что эта видимость противоречива, сформулировав знаменитую антиномию: дополнительные деньги создаются и не создаются в обращении. Загадка этой антиномии породила мощные дискуссии, в частности, в советской политэкономической и философской литературе, ставшие особенно интенсивными в 1960–70-е годы. Суть позиции наших учителей — Эвальда Ильенкова и Николая Хессина, полемизирующих с И. С. Нарским и его коллегами[1], — состояла в доказательстве того, что данная антиномия — не умозрительная конструкция и не прием изложения, а отражение действительного противоречия возникновения и *не*-возникновения капитала в обращении, ибо здесь оба утверждения равно верны и равно не верны.

Такой взгляд позволяет сделать несколько существенных выводов. Так, он позволяет показать, что Маркс не постулирует наличие особого товара «рабочая сила», потребительная стоимость которого состоит в способности создавать стоимость большую, чем его собственная, а выводит необходимость такого товара как единственно возможного средства разрешения данного противоречия. Иначе противоречие остается не снятой антиномией и феномен одновременно существует и *не*-существует. И это опять-таки не логический кунштюк, а практика генезиса капитализма. Последнее верно хотя бы потому, что допотопные формы капитала, не опиравшиеся на капиталистическое производство, в строгом смысле слова капиталом не были и потому не могли привести к образованию капитализма как господствующего способа производства. Торговоростовщические кампании всегда оставались лишь неустойчивым (то расцветающим, то хиреющим) анклавом добуржуазных экономик. Марксово определение противоречия всеобщей формулы капитала как действительного есть теоретическое объяснение названной исторической закономерности.

Для исследования отношения эксплуатации, однако, важнее другое — то, что и теоретическое исследование, и обращение к практике позволяет показать: разрешение противоречия *всеобщей* формулы капитала возможно только там и тогда, где и когда есть все основные слагаемые *капиталистического процесса создания и присвоения прибавочной стоимости.* Это (1) *экономически и юридически независимый работник*, являющийся соб-

[1] См.: *Нарский И. С.* Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; работы Э. Ильенкова и Н. Хессина мы уже многократно упоминали.

ственником товара «рабочая сила» и (2) частный собственник средств производства, имеющих социально-экономическую форму *капитала*; этот собственник (3) покупает товар «рабочая сила» и соединяет его с принадлежащими капиталу средствами производства, инициируя тем самым (4) капиталистический процесс *производства*, где наемным рабочим создается (5) стоимость, большая чем та, по которой его купили (*прибавочная стоимость*); последнюю (6) *присваивает собственник капитала* и она подтверждает себя как стоимость (а не просто затрата труда) только после (7) *реализации на рынке* товара, произведенного наемным рабочим, но (8) *отчужденного* от него и принадлежащего капиталу.

Так Маркс *строго теоретически выводит* отношение производства прибавочной стоимости рабочим и присвоения капиталом (отношение эксплуатации) как необходимое и достаточное условие стабильного существования капитала. Что и подтверждает история. Отличие Марксовой теории от неоклассики и т. п. в данном случае не только в том, что теоретически отображается феномен эксплуатации, но и в том, что он не постулируется исходя из факта, а выводится, объясняя загадочный факт.

Второй уровень восхождения от абстрактного к конкретному в развертывании теории эксплуатации — это исследование процесса ***создания и присвоения прибавочной стоимости*** как такового. Эти положения Маркса о прибавочном времени, труде и продукте и особенно их количественные соотношения. *Абстракции* m, v и их соотношения хорошо известны, и мы в данном случае можем ограничиться лишь тремя ремарками.

Первая: числовые иллюстрации в «Капитале» есть не более чем примеры для не слишком начинающего читателя; содержательной нагрузки они не несут. Маркс никогда не пытался считать стоимость и, соответственно, прибавочную стоимость. Сосчитать можно только рыночные формы этих явлений (прибыль, заработную плату), которые Маркс не случайно назвал превратными, ибо они искажают действительное содержание. Мы об этом писали в одном из предшествующих разделов книги и более не будем к этому возвращаться.

Вторая ремарка — о феномене, на который очень редко обращают внимание даже знатоки «Капитала». Предваряя исследование собственно прибавочной стоимости, Маркс очень точно и тонко показывает, как и почему стоимость постоянного капитала (машин, оборудования, сырья и т. п.) не изменяется в процессе производства, *доказывая* тем самым *неправомерность тезиса о создании прибыли* [постоянным] *капиталом*. Для этого оказывается абсолютно необходимо проведенное в Первой главе исследование двойственного характера труда, ибо только оно позволяет показать, как и почему в одном и том же трудовом процессе происходит и перенесение стоимости постоянного капитала на конечный продукт (это «миссия» конкретного труда) и создание новой, в том числе, прибавочной, стоимости (а это уже «миссия» труда абстрактного. Без этого «нюанса рушится вся теория эксплуатации, поэтому *исследование двойственного характера труда, создающего товары* — одна из немногих разработок, которые сам Маркс ставил себе в заслугу — *есть абсолютно необходимое теоретическое основание всей экономической теории марксизма*. Вне него все разговоры о стоимости и прибавочной стоимости в рамках марксистской парадигмы остаются в лучшем случае безграмотностью.

Третья ремарка, совсем короткая. Исследование К. Марксом абсолютной прибавочной стоимости и рабочего дня есть очень важный и, к сожалению, *не* устаревший аспект его теории эксплуатации. Стремление капитала к увеличению продолжительности рабочего времени не исчезает даже в XXI веке, особенно в странах периферии и полупериферии[1]. Соответственно и борьба за сокращение рабочего дня, рабочей недели,

[1] Приведем лишь один пример сохраняющейся до сих пор актуальности этой проблемы. В XXI веке, в стране, входящей в «большую восьмерку» — России — один из ее крупнейших предпринимателей — олигарх Прохоров — предложил ввести... 60-часовую рабочую неделю. Другой пример — типичное для России и ряда других стран СНГ практически произвольное удлинение рабочего дня (до 10–12 часов) и рабочей недели (до 60–70 часов) у сотрудников многих частных кампаний в сфере обслуживания и финансов. И это только примеры хорошо известной нам России. Уверены, что во многих странах «Третьего» мира ситуация аналогична.

пенсионного возраста была, есть и будет актуальной на протяжении всего существования капитала и объяснение причин этого, теоретическая интерпретации природы противоречий, лежащих в основе этой борьбы — заслуга Маркса.

Третий уровень исследования Марксом эксплуатации — ***теория относительной прибавочной стоимости*** — с количественной точки зрения тоже хорошо известна. Но теоретически здесь есть немало открытий, которые далеко не сводимы к тому, что увеличение прибавочного труда может осуществляться за счет сокращения необходимого при постоянном рабочем дне. Неявно сформулировав еще одну антиномию — рабочий день не может увеличиваться безгранично, прибавочная стоимость должна увеличиваться бесконечно (такова *всеобщая* формула, «судьба» капитала) — Маркс опять-таки *выводит* необходимость постоянного повышения производительности труда. Последнее означает *наличие у капитала объективных стимулов инициирования и развития технического прогресса и более производительного труда*. Эту прогрессивную миссию капитала всячески подчеркивали и Маркс, и Ленин, и их последователи, и даже советские учебники[1].

При этом Маркс показывает, что непосредственным предметом заботы капитала является повышение не общественной производительности труда, а производительности труда его частного предприятия. Последнее позволяет капиталисту сокращать индивидуальные издержки ниже общественно-нормального уровня и получать прибавочную стоимость, которую Маркс назвал *избыточной*. В этом часто забываемом исследовании скрыто целое соцветие крайне актуальных положений.

Во-первых, с методологической точки зрения это исследование Маркса важно как пример важнейшей черты *взаимодействия производительных сил и производственных отношений*, а именно — того, как, почему и в какой мере определенное производственное отношение обусловливает прогресс производительных сил и каких именно производительных сил. Теория эксплуатации наемного работника оказывается прочно посажена на материальный фундамент развития технологического процесса, что, как мы покажем далее, позволяет Марксу раскрыть массу важных следствий.

Во-вторых, Маркс раскрывает систему объективных *стимулов* технического прогресса, вытекающих из природы производственных отношений и процесса эксплуатации, а не из доброй воли или врожденных качеств предпринимателя. Автор «Капитала» показывает, что стремление к инновациям есть атрибут капитала и делает это *на полвека раньше Шумпетера* (которому приписывают это «открытие»). Причем делает он это путем выведения из специфических законов капитализма, показывая, что это следствие особых объективных производственных отношений капитализма, а не «естественной» психологической особенности некоторого избранного круга людей — предпринимателей, как то постулирует Шумпетер.

В-третьих, в этом же контексте раскрываются капиталистические *границы* технического прогресса: капитал идет на использование новой техники тогда и только тогда, когда для него закрыты иные пути — повышение продолжительности и/или интенсивности труда, вовлечение более дешевой рабочей силы и т. п. История капитализма и, в частности, современного вывоза индустриальных предприятий в страны «Третьего» мира, прямо подтверждает эти положения. В России их подтверждением стала гротесково-пародийная форма паразитирования российского капитала на сырьевых и иных общественных ресурсах вплоть до «распила» государственного бюджета[2]. Более того, капитал развивал и раз-

[1] См., например: Курс политической экономии в 2-х томах / Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. Т. 1. М.: Экономика, 1973. С. 221–222, 238–245.

[2] Подобного рода приемы хорошо описаны в книгах Юрия Болдырева: *Болдырев Ю. Ю.* Русское чудо — секреты экономической отсталости или как, успешно преодолевая препятствия, идти в никуда. Книга первая. О бочках меда и ложках дегтя. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2002; *Болдырев Ю. Ю.* Русское чудо — секреты экономической отсталости или как, успешно преодолевая препятствия, идти в никуда.

вивает только те сферы технического прогресса, которые приводят к росту прибавочной стоимости. Если же результатом становится «всего лишь» увеличение объема и качества общественных благ, не приносящее дополнительной прибыли, капитал в это не включается вообще, либо делает в форме благотворительности, т. е. формы, к собственно капиталистическому производству отношения не имеющей.

На этом исследовании базируется ***четвертый*** — едва ли не наиболее важный и наиболее забытый уровень восхождения Маркса от абстрактного к конкретному в исследовании отношений эксплуатации — исследование ***формального и реального подчинения труда капиталу.***

Отчуждение труда в капиталистической форме (а оно развивается на базе снятия предшествующих форм — внеэкономического принуждения, личной зависимости) предполагает наличие формально-правовых предпосылок, а именно — наличие собственности на средства производства в руках не-работника (капиталиста) и их отсутствие у работника при личной независимости последнего. Первым шагом отчуждения становится, следовательно, *отчуждение средств производства от работника и* (на это реже обращают внимание) *отделение качества рабочей силы от других свойств работника, превращение этого качества в товар* (отчуждаемую вещь), что позволяет затем продать этот товар собственнику капитала.

За этим вполне логично следует второй шаг по пути отчуждения: работник теряет свою рабочую силу, она переходит в собственность хозяина средств производства. Теперь он определяет все основные слагаемые трудового процесса: что, как, при помощи каких средств производства и для кого производить. Труд оказывается отчужден по социально-экономической форме.

Третий шаг: созданный работниками продукт и часть его стоимости (а именно — прибавочная стоимость) также отчуждается капиталом.

Предпосылкой анализа этих феноменов служит понимание того, что покупка капиталом товара рабочая сила имеет ряд принципиальных качественных отличий от любой другой трансакции на рынке. Это отношение, изменяющее природу человеческого труда и управления. Поскольку в условиях рынка собственник товара может его использовать так, как он хочет, постольку благодаря акту покупки товара «рабочая сила» капитал становится собственником всех параметров его использования. Поэтому *в условиях капитализма капитал, а не работник определяет параметры трудового процесса*: с какой целью, что, как, при помощи каких средств производства, и т. п. будет работник производить определяет отныне не производитель, а собственник капитала или его представитель. Так *капитал отчуждает от наемного работника не только средства производства, но и его труд,* превращая человека на производстве в подобие муравья или пчелы, активность которых отличается от труда человека, в частности, тем, что не имеет функции самостоятельного целеполагания[1].

Более того, поскольку капиталистический процесс производства и исторически, и логически начинается с отношений использования кооперативного труда (найм группы рабочих для осуществления коллективного трудового процесса — у Маркса это

Книга вторая. Похищение Евразии. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2003.

Теоретическую характеристику подобного положения см.: *Бузгалин А. В.* Результаты «реформ» в России: рынок и капитал. / Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России. М.: URSS, 2013. С. 51–53, 62–79; *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Российская экономическая система как мутация позднего капитализма // Альтернативы. 2014. № 1. С. 4–41.

[1] «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю». *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 189.

положение раскрыто в главе о кооперации I тома «Капитала»), постольку капитал присваивает еще три атрибута этого процесса. *Объединение людей в коллектив и формирование совокупного работника — во-первых; производительную силу его кооперативного труда — во вторых; функции управления этим коллективным производительным процессом — в-третьих, — все это присваивает капитал.*

Заметим: известная в классической политэкономии (да и хорошо знакомая каждому бригадиру) большая производительность кооперативного труда по сравнению с суммой трудовых усилий обособленных индивидов, ныне в economics интерпретируется как «эффект от масштаба». Заметим в этой связи: во-первых, фиксация этой закономерности есть достижение не economics, а классической политэкономии, в частности, марксизма; во-вторых, производительная сила кооперации — явление более сложное и богатое, нежели «эффект от масштаба»; в-третьих, у Маркса показано не только наличие этой закономерности функционирования производительных сил всякого общества, где есть кооперативный процесс труда (начиная от строительства египетских пирамид), но и то, почему и как ее подчиняет капитал, и что из этого следует. «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, — пишет в этой связи К. Маркс, — оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Точно так же, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением. Кооперация наемных рабочих есть, далее, только результат действия капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям»[1].

В результате капитал как особое производственное отношение подчиняет себе трудовой процесс. Так складывается *формальное* (диктуемое социально-экономической формой) *подчинение труда капиталу.*

Однако безудержное стремление капитала к извлечению не только абсолютной, но и избыточной прибавочной стоимости, получаемой вследствие первоначального использования выгод от повышения производительности труда на своем предприятии, приводит (в условиях последующего всеобщего распространения инноваций; о современных противоречиях этого процесса — ниже) к возникновению и росту относительной прибавочной стоимости, а вместе с тем — техническому прогрессу. Последний становится причиной трансформации простой кооперации первоначально в мануфактуру, а затем — фабрику.

Для нас этот процесс важен прежде всего тем, что развитие даже мануфактуры приводит к еще одному шагу в процессе подчинения труда капиталу — формированию *частичного работника.* Поскольку труд рабочих в мануфактуре разделен и отдельный работник выполняет лишь одну из операций, на которой он специализирован, постольку он становится не целостным, способным к созданию конечного продукта, а частичным, способным к совершению лишь некоторой узкопрофессиональной операции. Трудовой процесс в целом в этих условиях становится производительным только при условии, что он организован некоторой третьей силой, которой в условиях капитализма и является в большинстве случаев (кооперативы пока оставим в стороне) капитал. *В результате труд наемного рабочего как частичного работника подчиняется капиталу и по своей технологии, а капитал становится собственником еще одной даровой производительной силы — той, что дает разделение труда.*

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 343.

Но это лишь первый шаг на пути *реального (затрагивающего содержание трудового процесса, производительные силы) подчинения труда капиталу*. Адекватный вид это подчинение обретает по мере развития машинного производства и формирования системы машин — фабрики. Здесь работник подчинен уже не только капиталу как особой социально-экономической форме. Он подчинен капиталу технически, *ибо на фабрике рабочий — это не более чем придаток машины, дополнение этого «мертвого»* (по образному выражению Маркса) *труда*. С этого момента начинается период господства «мертвого» труда над «живым», а капитал и система машин (основной капитал в терминологии «Капитала») становятся синонимами; более того, сама категория «капитал» начинает использоваться и «основным течением» экономической теории, и хозяйственной практикой как обозначение прежде всего системы машин.

Апогеем развития реального подчинения труда капиталу в условиях индустриального производства становятся конвейерная организация труда (т. н. «фордизм») и затрагивающий частично даже ручной труд тейлоризм, о которых мы уже писали выше.

Итак, сущность *реального подчинения труда капиталу* состоит в том, что самое содержание процесса производства — технология трудовой деятельности, природа средств производства (система машин) — подчинено процессу воспроизводства капитала и, в свою очередь, служит подчинению труда материальным факторам производства как капиталу. Разделение труда, машина, конвейер и т. п. превращают работника в частичного, являющегося придатком системы машин, а сами становятся функцией капитала (постоянным капиталом, «мертвым трудом») — силой, подчиняющей живой труд логике мертвого, логике ставшей капиталом системы машин. В результате капитал обретает адекватную материально-техническую базу. Ею — повторим — становится система машин, где труд человека, во-первых, разделен (человек превращен в частичного работника, не способного самостоятельно создавать полезный продукт) и, во-вторых, подчинен машине (а она является безраздельной собственностью капитала, его непосредственным материальным воплощением).

«Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязаемую реальность. Вследствие своего превращения в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. Отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как уже указывалось раньше, в крупной промышленности, построенной на базе машин. Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть „хозяина“ (master)» — замечает по этому поводу Карл Маркс в «Капитале»[1].

В этих условиях *работник* не только экономически, но *и технологически подчиняется капиталу*. Более того, он *теряет свои ключевые человеческие качества: способность творческого самостоятельного преобразования материального мира, становясь придатком вещных факторов труда*, утрачивая свойство целеполагания (элементы гуманизации труда на современных предприятиях в развитых странах несколько корректируют эту связь, но для большинства предприятий «Второго» и «Третьего» миров она по-прежнему актуальна). Неслучайно поэтому именно фабрика — система машин — и является технико-производственной основой реального, содержа-

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 434.

тельного подчинения труда капиталу в условиях классически-капиталистического индустриального производства.

* * *

Все это — всего лишь азы марксистской политэкономии капитализма, и мы не стали бы их повторять, если бы не (1) их принципиальное значение для анализа современного положения дел в наиболее развитых сегментах капиталистической экономики, где в постиндустриальных сферах многие из этих феноменов видоизменяются вследствие развития и производственных отношений, и производительных сил, снимая (отрицая и сохраняя) классические основы, а также (2 сохранение всех этих атрибутов эксплуатации и подчинения труда капиталу везде, где сохраняется и/или воспроизводится господство индустриальных и доиндустриальных технологий[1].

5.2. Эксплуатация XXI века: контрапункты «диффузии» капитала и присвоения прибавочной стоимости, монополистической [сверх]прибыли и интеллектуальной ренты

Прежде чем рассмотреть наиболее современные формы эксплуатации, предполагающие подчинение капиталу творческой деятельности, подчеркнем, что современный глобальный капитализм представляет собой сложную систему всех основных «пластов» взаимодействия наемного труда и капитала, характерных для исторической эволюции капиталистического способа производства, снятых в его современном пространственном бытии. Проще говоря, *современная «география» (социопространственное бытие) мировой капиталистической системы есть одновременно и живая история капитализма: от доиндустриальных полукрепостнических форм в наиболее отсталых анклавах через «классическую» эксплуатацию индустриальных рабочих на промышленных предприятиях до более чем специфических форм подчинения капиталу творческой деятельности программистов и учителей...*

Рассматривая процесс как *глобальный*, мы можем зафиксировать ряд эмпирически и теоретически легко фиксируемых черт, которые послужат исходным пунктом нашего анализа.

Во-первых, в мире сохраняются многие сотни миллионов лиц, занятых преимущественно ручным (доиндустриальным) или раннеиндустриальным трудом и являющихся объектом полуфеодальной-полукапиталистической эксплуатации в формах, наиболее близких к тем, что описаны Ф. Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии»[2], К. Марксом в заключительных главах I тома «Капитала»[3], посвященных истории капиталистического накопления, В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России»[4] или... в некоторых довольно реалистических «мыльных операх» российского телевидения XXI века.

Во-вторых, начиная с конца XX и особенно в XXI веке как никогда массовым становится слой классических индустриальных наемных работников (в мире в целом — более миллиарда человек), создающих классическим образом прибавочную стоимость. *Количество труда, создающего прибавочную стоимость классически капиталистическим способом ныне как никогда велико*, ибо и объем наемного индустриального труда, и его производительность в мире в целом сегодня выше (даже в расчете на душу населения), чем в любую другую эпоху.

---

[1] Приведем в этой связи слова из уже упоминавшейся работы В. Грейдера, который специально подчеркивает, что основным конфликтом современного мира вновь является противоречие труда и капитала, а К. Маркс может с улыбкой взирать на всех кричащих о смерти марксизма (*Greider W. Op. Cit.* P. 39).

[2] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

[3] *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.

[4] *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958.

В-третьих, значительная часть работников так называемой «сферы услуг», которую принято рассматривать как постиндустриальную сферу, *занята* (даже с точки зрения классической марксистской теории) *производительным, т. е. создающим стоимость и, соответственно, прибавочную стоимость трудом*. К ним относятся все те, кто занят в сферах непосредственно продолжающих функционирование и воспроизводство производительных сил, в том числе — рабочей силы. Соответственно, сферами, в которых (с точки зрения классической марксистской теории!) создается стоимость, являются не только та часть торговли, где осуществляется продолжение процесса производства материальных благ в широком смысле слова, но и аналогичная ей по своей природе и функциональной роли часть сферы услуг.

Итак, в традиционных сферах производительного труда, создающих прибавочную стоимость классическим образом, сегодня занято никак не менее половины мировой рабочей силы. *С учетом накопленной за столетия капитальной стоимости это производство создает ту массу богатства, которая не только обеспечивает современное воспроизводство, но и создает определенные основы для роста паразитирующего на нем (хотя и не только на нем) превратного (бесполезного) сектора.*

Итак, для современного капитализма характерно сохранение «классических» отношений капиталистической эксплуатации. Соответственно, мы можем сделать вывод, что ***первый «пласт»*** подчинения труда современному глобальному капиталу — *«восстановление» классических отношений формального и реального подчинения труда капиталу* (частично ограниченных предшествующим периодом социал-реформизма) и, соответственно, извлечения абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

Не следует также забывать о том, что неолиберальный этап позднего капитализма характеризуется и восстановлением в большинстве стран (в том числе — «Первого» мира, например в США) относительного, а в определенные периоды — и абсолютного обнищания пролетариата как устойчивых тенденций. Так, например, среднечасовая реальная оплата труда в США в последние 25 лет XX века в среднем практически не росла, а в отдельные периоды — сокращалась. Разрыв в доходах высших и низших доходных групп увеличился; почти в 2 раза вырос разрыв в зарплате высших менеджеров — а это ныне скорее форма получения прибавочной стоимости, чем плата за товар рабочая сила, — и большинства наемных работников[1].

Второй «пласт» отношений тотального подчинения труда капиталу связан с диалектическим снятием (критическим наследованием) в современных условиях отношений труда и капитала, характерных для последующего исторического этапа (и одновременно логического уровня) эволюции *позднего* капитализма. Это новые аспекты эксплуатации и подчинения труда капиталу, характерные для первого этапа подрыва основ капитализма — ***монополистического капитализма или империализма***. От этого историко-логического этапа эволюции позднего капитализма «сохраняется», в частности, многоступенчатая иерархия перераспределения прибавочной стоимости в пользу (1) развитых стран и (2) монополистических объединений этих стран (монопольная [сверх]прибыль) с двойным, тройным и т. д. бременем эксплуатации для наемных рабочих развивающихся стран и (3) финансового капитала.

От следующего историко-логического этапа эволюции позднего капитализма — *социал-реформизма* — сохраняется (хотя и в несколько урезанном виде) характерная для развитых стран сложная система как огра-

[1] См., например: *Bowles S., Gordon D., Weisskopf T.* Beyond the Waste Land: A Democratic Alternative to Economic Decline. N. Y.: Doubleday, 1984; *Dennis G.* The American Class Structure in an Age of Growing Inequality. Belmont, California: Wardsworth, 1998; *Gordon D., Weisskopf T., Bowles S.* Power, Accumulation and Crisis: The Rise and Demise of the Postwar Social Structure of Accumulation // *Lippit V. D.* (ed.) Radical Political Economy: Explorations in Alternative Economic Analysis. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1996; Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century / Edited by D. Kotz, T. McDonough, M. Reich. Cambridge and N. Y.: Cambridge University Press, 2010.

ничений эксплуатации в узком смысле слова (от ограничения продолжительности рабочего дня, недели и т. п. до прогрессивного подоходного налога и разнообразных форм социальной защиты), так и «коррекций» механизмов формального и реального подчинения труда (от охраны труда до участия работников в собственности и управлении). ***Это третий «пласт» современных отношений подчинения труда капиталу.***

Однако *неолиберальный период не только ограничивает достижения предшествующего этапа, но и подрывает механизмы их обеспечения*: ослабление и снижение роли различных ассоциаций трудящихся, проходящие под давлением неомаркетизации, и «очастнивание» социальной жизни разрушают основы для противодействия росту эксплуатации.

Наиболее интересным и сложным с точки зрения марксистской теории эксплуатации на этом уровне исследования становится вопрос о кажущемся изменении природы капитала и ***«преодолении» эксплуатации*** наемного труда в связи с появлением многочисленных пенсионных, инвестиционных и иных фондов, аккумулирующих накопления наемных работников и тем самым, якобы, превращающих их в совокупного капиталиста. Это достижение «государства всеобщего благосостояния» ныне существенно трансформировалось, но базовые его слагаемые сохраняются до сих пор, не уходя в историю, и потому требуют анализа.

Тезис о диффузии капитала и генезисе «посткапитализма» стал широко распространенным во второй половине XX. На наш взгляд, вывод о переходе мира к «посткапитализму», основанный на тезисах о т. н. исчезновении капитала как накопленной прибавочной стоимости и превращении его в накопления граждан, в основе своей неверен (во всяком случае, с точки зрения марксистской теории прибавочной стоимости). Но не потому, что мы отрицаем роль пенсионных фондов и других форм сбережений, используемых для капитализации: их роль действительно велика, хотя в *глобальной* экономике не решающая.

Дело в ином.

В пенсионных и иных фондах (страховая медицина, накопления для образования детей и т. п. слагаемые воспроизводства квалифицированной рабочей силы) аккумулируется частично *необходимый* продукт *работника*, частично *прибавочный* продукт *общества*.

В качестве небольшого отступления подчеркнем проводимое нами здесь различение прибавочного продукта *общества* и прибавочного продукта, присваиваемого частным лицом — как правило капиталистом. Первый в отличие от последнего — средства, которые используются в любом обществе (а в особенности — в условиях позднего капитализма, прошедшего через период «государства благосостояния» и не до конца от него отказавшегося) на реализацию общенародных нужд: от безопасности до (в современных условиях) поддержания экологического равновесия.

Продолжим наш анализ. Прибавочный продукт общества в настоящее время достаточно велик и в условиях не-капиталистической системы общественного присвоения должен был бы использоваться на увеличение продолжительности жизни, рациональное использование свободного времени, содержание уже и еще нетрудоспособных.

В условиях капитализма дело обстоит сложнее.

Первоначально «классический» капитализм, для которого были характерны детский труд, низкая продолжительность жизни и т. п., не предполагал включения этих расходов в необходимый продукт работника.

Технологический прогресс последнего столетия обусловил необходимость (во всяком случае, в развитых странах) перехода к другому типу работника. Среднее специальное и высшее образование значительной части работников *развитых стран* стало условием накопления капитала. Параллельно условием воспроизводства рабочей силы «профессионалов» стало увеличение продолжительности и стабильность жизни. В этом же направлении действовали такие факторы, как организованная борьба трудящихся и граждан, соревнование с «Мировой системой социализма», в конечном

итоге — переход к социал-реформизму. В результате часть этих расходов в XX веке вошла в цену рабочей силы, часть стала *вычетом из прибавочной стоимости, перераспределяемым* (под давлением оппозиционных капиталу сил) *в пользу трудящихся*.

Кризис социал-реформизма и «общества двух третей», частичное сворачивание социальных расходов и т. п. привели к тому, что (1) в ряде случаев эти расходы в целом сократились; (2) изменилась пропорция между их частным и общественным слагаемыми: относительно увеличились расходы за счет сбережений работников, относительно, а в ряде стран и абсолютно сократились общественные расходы и (3) усилилась концентрация этих сбережений в частных фондах.

Последнее особенно важно, ибо указывает на то, что на нынешнем этапе инволюции капитала стала разворачиваться *приватизация капиталом части как необходимого продукта работника, так и общественного прибавочного продукта, используемой на социально-гуманитарные цели.* Эта *приватизация и стала реальным содержанием того процесса, который по видимости имеет вид... диффузии капитала и капитализма.*

Кроме того, следует учитывать, что *эти сбережения в значительной части осуществляются теми наемными работниками, чья зарплата является с точки зрения марксизма частью прибавочной стоимости* (и, шире, прибавочного продукта, имеющего стоимостную форму), создаваемой трудом работников материального производства и *креатосферы — сферы, где решающее значение имеют творческие по содержанию функции труда.*

Креатосфера —

часть системы воспроизводства, где существенную роль играют творческие функции трудовой деятельности, как источник получения и технологического применения новых знаний.

К числу наемных работников, получающих *такие* доходы, относятся все работники превратного сектора (большая часть специалистов в области финансов, маркетинга, пиара и иных создателей симулякров, работников масс-культуры, частных юристов, политтехнологов, звезд и «звездочек» шоу-бизнеса и профессионального спорта и т. п.), а также все высшие менеджеры в той части, в какой их доходы образуются из прибавочной стоимости (прибыли), лишь облекаясь в форму зарплаты. В последнем случае никакой «диффузии капитала» вообще не происходит: используемые для инвестиций доходы этих «работников», намеренно повторим, суть не что иное, как часть прибавочной стоимости, присваиваемой совокупным общественным капиталом.

Итак, оставаясь на этом уровне исследования мы можем зафиксировать, что и *в современной глобальной экономике одним из основных источников доходов и образования капитала остается «классическая» прибавочная стоимость,* создаваемая производительным трудом наемных работников (ниже мы покажем, что ныне другим таким источником становится имеющее стоимостную форму всеобщее богатство, создаваемое творческим трудом в креатосфере).

Эти источники, однако, трансформируются в инвестиции и личное потребление сложной системы классов и промежуточных слоев капиталистического общества (в том числе, корпоративной номенклатуры, «профессионалов» и т. п. — о социальной природе и структуре этих слоев ниже), опосредуясь сложной системой превратных форм.

Одна из них — закамуфлированное присвоение прибыли (в том числе в материальном производстве) в форме зарплаты и других доходов высших менеджеров и «профессионалов».

Другая, едва ли не еще более важная — перераспределение части создаваемой в мире прибавочной стоимости (включая часть «заработной платы» высших служащих и «профессионалов») в пользу превратного сектора. Это перераспределение идет через два основных канала: инвестиции в превратный сектор средств накопления фирм и направление в тот же сектор личных сбережений, источником которых является прибавочная стоимость и интеллектуальная рента.

Кроме того, напомним, что для позднего капитализма (особенно периода неоли-

берализма) характерна приватизация корпоративным капиталом сберегаемой для воспроизводства высококвалифицированного работника части необходимого общественного продукта (стоимости рабочей силы). Эта часть также используется для воспроизводства капитала, в том числе — вложений в превратный сектор.

Наконец, сложная система перераспределения характерна для доходов, получаемых из такого источника как интеллектуальная рента (это прибыль корпораций — собственников интеллектуального «капитала», и часть доходов работников-интеллектуалов). Они также в части сбережений становятся источником воспроизводства капитала, в том числе — превратного сектора.

Далее ресурсы превратного сектора, равно как имеющее стоимостную форму богатство, создаваемое в креатосфере, и прибыль материального производства прямо и косвенно (через сбережения из «зарплаты») превращаются в источники образования новой капитальной стоимости.

Эти процессы показывают, как происходит камуфлирование процесса эксплуатации и как создается объективная видимость того, что капитал как таковой (частная собственность физического лица, нанимающего наемного работника) исчез, а присутствует всего лишь сбережение доходов работников, используемое «профессионалами» для расширенного воспроизводства экономики.

И все же наиболее интересен для данного материала ***четвертый «пласт»*** подчинения труда — новые отношения эксплуатации, формируемые на нынешнем этапе позднего капитализма. Это ***отношения эксплуатации творческой деятельности и подчинения корпоративному капиталу Человека как Личности*** (а не только рабочей силы).

Современный капитал присутствует не только в классическом индустриальном производстве, но и в *сферах творческой деятельности*, где занят «креативный класс». Именно здесь возникают новые формы капиталистической эксплуатации, ибо, как будет показано ниже, современный капитал частично присваивает богатство, создаваемое всеобщим творческим трудом. А к сферам, где значимую роль в деятельности играют творческие компоненты (мы их, напомним, назвали *креатосферой*) сегодня относится широкий круг отраслей общественного воспроизводства. Это обучение и воспитание во всем их многообразии, здравоохранение, техническое и научное творчество, рекреация природы и общества, производительная часть управленческого труда, искусство и др. Труд во всех этих сферах производителен, но уже не по собственно капиталистическим, а по общечеловеческим критериям, ибо служит воспроизводству и развитию *рода* Человек в любых общественных системах.

В марксистской теории хорошо известно, что этот — *всеобщий творческий — труд не создает стоимость, но он создает действительное (не-симулятивное) общественное богатство, получающее в условиях тотального рынка форму стоимости.* Эта стоимостная форма для него является превратной, но само данное общественное богатство реально, производительно и лежит в основе воспроизводства материальных и культурных благ, присваиваемых современным капиталом. Более того, в условиях частной собственности на результаты творческой деятельности оно в значительной степени бесплатно присваивается капиталом в виде так называемой *«интеллектуальной ренты»*, являющейся основной формой дохода от такой деятельности в условиях позднего капитализма.

Интеллектуальная рента —

присваиваемые капиталом результаты творческой деятельности на основе всеобщего труда, принимающие при капитализме стоимостную форму.

Нам важно зафиксировать достаточно широко известный и эмпирически фиксируемый феномен: меньшая часть интеллектуальной ренты составляет некоторый «добавок» (сверх стоимости рабочей силы), скрытый в заработной плате наемного работника-«интеллектуала», большая часть присваивается собственником «креативной

корпорации», использующей наемный творческий труд. Еще одна часть этой ренты присваивается креативными работниками, чей труд не является наемным, но и здесь значительная часть этих рентных доходов реинвестируется (опосредуясь формой сбережений) в капиталистическое воспроизводство. Так *интеллектуальная рента становится, наряду с классической прибавочной стоимостью, основным источником прибыли современного капитала.*

Итак, ***современная система эксплуатации предполагает противоречивую и далеко не всегда органичную интеграцию*** (своеобразный контрапункт) ***четырех историко-логических «пластов»*** (подсистем производственных отношений) ***эксплуатации труда капиталом***:

1) «классическую» систему отношений производства [наемным трудом] и присвоения [капиталом] «обычной» прибавочной стоимости;
2) отношения производства и присвоения монополистической [сверх]прибыли и финансовой прибыли;
3) отчасти снятые неолиберализмом и воспроизводимые в урезанно-деформированном виде отношения перераспределения части прибавочной стоимости и «диффузии» капитала;
4) отношения эксплуатации креативной деятельности и присвоения интеллектуальной ренты и другие, специфические именно для современного этапа слагаемые тотальной гегемонии капитала и, в частности, эксплуатации.

К исследованию последней проблемы мы и обратимся ниже, сделав предварительно, еще одно отступление и посмотрев на поставленную проблему под углом зрения неоклассической экономической теории.

Вопросы для самопроверки

П.5.1. В каких пределах капитал заинтересован в техническом прогрессе?

П.5.2. Какие формы эксплуатации труда капиталом сосуществуют в рамках глобального капитализма?

П.5.3. При каких условиях проявляется закономерность абсолютного и относительного обнищания пролетариата?

П.5.4. Приводит ли «диффузия собственности» к устранению подчинения труда капиталу?

П.5.5. Каким образом происходит эксплуатация творческого труда и извлечение интеллектуальной ренты?

Тезаурус к главе 5 Приложения

КРЕАТОСФЕРА — часть системы воспроизводства, где существенную роль играют творческие функции трудовой деятельности, как источник получения и технологического применения новых знаний.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕНТА — присваиваемые капиталом результаты творческой деятельности на основе всеобщего труда, принимающие при капитализме стоимостную форму.

Глава 6

Творческая деятельность и капитал: взгляд сквозь призму неоклассики

Структура главы

- Эксплуатация homo creator'а и мира культуры (присвоение интеллектуальной ренты как снятие присвоения прибавочной стоимости)
- Эксплуатация творческой деятельности: специфика объекта, содержания и форм
- Количественные аспекты эксплуатации творческой деятельности
- Интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства

Основные понятия:

«креативная корпорация»
«революция управляющих»
homo creator (креатор)
творческая деятельность
эксплуатация творческой деятельности
снятие эксплуатации творческой деятельности
интеллектуальная рента
культурная (креатосферная) рента
присвоение всеобщего культурного богатства
эксплуатация культуры капиталом
«окультуривание» капитализма
«экологизация» капитализма

Начнем наши размышления с анализа данного предмета под углом зрения ***теории факторов производства***. Авторы, как несложно догадаться, относятся к ней весьма критически, как к теории, описывающей мнимое содержание буржуазного мира, порожденное господством отношений отчуждения, но она господствуют доныне в экономической науке и потому мы не можем обойти ее своим вниманием.

Если принять эту теорию, то даже с подобной точки зрения можно показать, что будущее общество предполагает снятие традиционных схем, в которых земля, капитал и труд создают соответствующие источники дохода.

Обратимся к наиболее интересному для анализа в данном разделе предмету — доходу *от капитала*. С переходом к развитию, лежащему «по ту сторону материального производства», здесь также происходят принципиальные изменения, которые можно зафиксировать, даже оставаясь в рамках теории факторов производства. Важнейшее из них — способность даже индивидуальной творческой деятельности человека создавать (уже в современном мире) общественное богатство, сравнимое по своему масштабу и влиянию на развитие экономики с деятельностью целых корпораций. Тем самым предметные условия труда, оставаясь *объективным условием* человече-

ской деятельности, перестают играть роль *доминирующего фактора экономического развития*, и это — одно из качественных отличий общества, лежащего «по ту сторону материального производства», от индустриального.

Эти изменения вызвали определенную коррекцию теории «трех факторов»: *появились теории интеллектуального и человеческого «капитала»*. В число факторов производства, создающих доход, с конца XX века стали включать т. н. «интеллектуальные (в ряде формулировок — нематериальные) активы» фирмы и творческие (чаще — уже — предпринимательские, профессиональные) способности человека[1]. К проблеме «человеческого капитала» мы еще вернемся позже, а вот в случае с «нематериальными активами» фирмы происходит смешение целого ряда превратных форм. К этим активам de facto (но не эксплицитно, мы бы даже сказали — неосознанно) относят:

Во-первых, имеющийся у корпорации потенциал локального регулирования рынка и подчинения клиентов. Эта локальная власть (силы формируемого ею «поля зависимости» или «рыночной власти», пиар- и маркетингового воздействия, бренда и т. п.) над определенными сегментами рынка, как мы показали выше, при анализе «поля зависимости», может приводить к росту нормы прибыли и потому увеличивать капитализацию фирмы. Здесь собственно «интеллектуальный» фактор по сути дела не причем, мало значим.

Во-вторых, эксклюзивную (монопольную) частную собственность корпорации на определенный интеллектуальный потенциал (know-how, технологии, в том числе управленческие, и т. п.). Частная интеллектуальная собственность приносит ренту и эта рента, естественно, увеличивает доход фирмы и, следовательно, ее капитализацию.

В-третьих, капиталистически трансформированный творческий потенциал используемых фирмой «профессионалов» (в том числе — менеджеров). Создаваемое их творческой деятельностью всеобщее общественное богатство получает в условиях рынка стоимостную оценку, многократно превышающую затраты на приобретение такого «фактора производства», как «профессионал». Этот фактор оказывается, тем самым, весьма производителен и также увеличивает капитализацию.

Итак, даже оставаясь на поверхности явлений и не выходя за пределы теории факторов производства, мы можем назвать *два основных источника дополнительной прибыли, получаемой* т. н. «креативной корпорацией» — *корпоративным капиталом, формирующим «поле зависимости» и использующим креативные ресурсы. Это (1) доход, создаваемый ее рыночной властью (часто его маскируют другие формы, особенно т. н. «бренд») плюс (2) рента на частную интеллектуальную собственность, получаемая путем присвоения капиталом результатов функционирования тех или иных креативных ресурсов.*

Если вернуться к теории факторов производства, то легко заметить, что теоретически здесь не возникает особых затруднений, ибо во всех этих случаях либо в превратной форме отражается тот факт, что общественное богатство создается деятельностью («человеческий капитал», создающий доход для своего хозяина), либо простыми методами экстраполяции и редукции: на качественно новый объект (творческую деятельность) переносится старая теория.

Подчеркнем: теоретического исследования субстанции интеллектуальной ренты и иных доходов от «интеллектуального капитала» в рамках теории факторов производства нет, объяснения, как творчество создает особый доход, в работах, посвященных роли этого нового фактора, не дается; авторы ограничиваются фиксацией эмпирических феноменов: работники творческого труда, предприниматели получают большие доходы, и от их деятельности зависит эффективность бизнеса.

Позволим себе историческую аналогию. Эта фиксация подобна тезису: если в

---

[1] См.: *Taichi S.* The Knowledge-Value Revolution, or A History of the Future. N. Y.: Kodansha America Ltd., 1991; *Stewart T. A.* Intellectual Capital. The New Welth of Organizations. N. Y. L.: Doubleday — Currency, 1997; *Edvinsson L., Malone M.* Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Roots. N. Y.: Harper Business, 1997; *Иноземцев В. Л.* Расколотая цивилизация. М.: Наука, 1999. С. 74–76, 487 и др.

позднефеодальном обществе Вы хотите заиметь титул — накопите деньги и купите его. То, что такой путь возможен, подтверждал опыт. Более того, «элита» большинства европейских стран (не говоря уже о России) вплоть до XIX века копила деньги именно для этого — для покупки титулов и получения признания в свете и при дворе (вспомним «Мещанина во дворянстве» или героев Грибоедова и Пушкина).

Но доказывала ли эта эмпирическая связь то, что деньги по своей сущности есть не всеобщий эквивалент товарного мира, а не более чем «фактор» сословного продвижения?

Да, в условиях позднего капитализма творческие способности, действительно, редуцируются (причем не только теоретиками, но и самой жизнью) до положения фактора накопления капитала и получения дохода, но это лишь исторически-временная (характерная только для периода подчинения творческой деятельности капиталу) превратная (т. е. искажающая свою «родовую сущность») форма более глубинного процесса — рождения нового качества общественной жизни, вытесняющего капитал как таковой.

Что же касается *труда как источника заработной платы*, то мы полагаем достаточно аргументированным вывод, что ценность, создаваемая творческой всеобщей деятельностью, не сводима к заработной плате как рыночной цене рабочей силы.

Более того, даже оставаясь в рамках теории факторов производства, можно сформулировать гипотезу: для творческой деятельности характерно своеобразное слияние «труда» и «капитала» (в определенном смысле можно говорить о «капиталоподобности»[1] творческой деятельности), где каждый из феноменов снимается в новом процессе.

Другое дело, что в *условиях господства капитала и процесс творчества организуется по-капиталистически.* Собственник внешних для творчества материальных факторов деятельности и/или таких имманентных факторов творчества, как информационный *товар,* будет выступать в качестве персонифицированного капитала (субъекта присвоения прибыли). Работник, обладающий креативными способностями, либо получит «обычную» зарплату (эффект его новаторства «войдет» в прибыль), либо выступит в качестве одного из сохозяев совокупного капитала («вложив» в деятельность фирмы свой интеллектуальный, человеческий «капитал», оцененный неким внешним образом в деньгах или даже акциях). В последнем случае он будет претендовать на соответствующую долю прибыли.

В любом случае, однако, здесь происходит перенесение капиталистических форм на явно иной по своей природе процесс, подобное тому, как поздний феодализм «одевал» на возникавший в его недрах процесс капиталистического производства сословно-иерархические формы (например, покупка титулов или должностей при дворе для успешной коммерческой деятельности) и/или формы внеэкономического принуждения (капиталист, являющийся крепостным).

Прежде чем, следуя нашей традиционной логике, перейти к марксистской парадигме, позволим себе несколько комментариев к проблеме соединения (отчуждения) работников и средств производства, рассматривая последнюю с точки зрения ***экономической теории прав собственности***[2].

Сразу бросается в глаза, что *переход к миру, где главную роль играют творческий труд, неповторимая индивидуальность и т. п. свойства креатосферы, повышает экстерналии, усложняет спецификацию прав собственности, приводит к росту трансакционных издержек.*

---

[1] Понятие «капиталоподобности» труда введено и раскрыто И. Левиной в статье «Природа и структура труда в экономике XXI века» (Философия хозяйства. 2006. № 1). Данное понятие, однако, трактуется И. Левиной не как внешнее сходство творческой деятельности и капитала, а как особое качество превратного труда (например, труда в финансовом секторе).

[2] См: *Eggertson T.* Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Boltanski L., Thevenot L.* De la Justification. Lea Economies de la Grandeur. Paris: Gallimard, 1990; *Коуз Р.* Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Дело ЛТД, 1993; *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996.

В свою очередь, усложнение системы прав собственности приводит к тому, что *отчуждение непосредственного работника от ключевых прав собственности развивается и усложняется*. В то же время происходит создание *переходных форм*, когда значительная часть творческих функций, связанных с «обслуживанием» функционирования прав собственности, оказывается связана с деятельностью специфического социального слоя — менеджеров, обладающих высшей квалификацией. Усложнение и диффузия прав собственности; возрастание роли и значения творческой деятельности (в том числе, предпринимательства как одной из ее превратных форм); рост масштабов фирмы (до размеров ТНК) и, следовательно, управления — таковы *основные факторы, обусловившие зафиксированную классическим институционализмом и марксизмом еще в начале XX века тенденцию «революции управляющих»*.

Предпосылкой этой тенденции является проанализированное еще К. Марксом отделение капитала-собственности от капитала-функции, что предопределяет как возможность замены капиталиста-собственника наемным управляющим, так и неизменность при этом основного капиталистического отношения между наемным трудом и капиталом[1]. Рост централизации и концентрации капитала, переход к господству крупных корпораций определил сдвиги в роли высших управляющих в таких крупных корпорациях. Их относительная независимость от собственников капитала и укрепление их собственных интересов в отличие от интересов собственников были проанализированы в работах американских институционалистов более полувека назад[2].

Эти агенты выполняют функцию соединения определенного блока прав собственности с трудовой деятельностью. Такое усложнение системы прав собственности является реакцией на противоречивые процессы в области снятия материального производства и прогресса современных форм корпоративного капитала, что (в общем и целом) подтверждает сделанные выше выводы.

Однако наибольший интерес для анализа снятия отношений отчуждения работника от средств производства, по мнению авторов, представляет использование марксистской теории.

6.1. Эксплуатация homo creator'a и мира культуры (присвоение интеллектуальной ренты как снятие присвоения прибавочной стоимости)

С содержательной точки зрения в рамках категориального поля классического марксизма *присвоение прибавочной стоимости и эксплуатация наемного работника в узком смысле слова* (рассматриваемая лишь как отношения такого присвоения) *также отрицаются развитием креатосферы*. С точки зрения марксистской теории феномен эксплуатации связан с тем, что в результате производительного процесса создается товар, стоимость которого превышает стоимость совокупной рабочей силы, затраченной на его создание, и величину перенесенной на данный товар стоимости средств производства. Эта разница и является прибавочной стоимостью, результатом эксплуатации наемного работника, ибо вся вновь созданная стоимость, с точки зрения марксизма, создается трудом (кроме того, труд, в силу своего двойственного характера, переносит стоимость средств производства на конечный товар).

Если же мы переходим к миру, лежащему «по ту сторону собственно материального производства», то здесь результатом деятельности оказывается не товар, отчуждаемый и продаваемый на рынке, а собст-

---

[1] См.: *Маркс К.* Капитал. Т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1961. С. 421–422, 425–429.

[2] Можно обратить внимание на классическую работу: *Berle A., Means G.* The Modern Corporation and Private Property. N. Y.: Macmillan Company, 1932. В этой книге, выдержавшей множество переизданий, полностью содержатся все теоретические основы концепции «революции управляющих», авторство которой позднее приписывалось Бернхему, несмотря на неоригинальный характер работы последнего. Наиболее ярко этот феномен раскрыт, на наш взгляд, в уже упоминавшейся работе Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество».

венно деятельностный процесс и саморазвитие работника в этом процессе плюс культурная ценность. Эти результаты принципиально не отчуждаемы от работника, а отчуждение может быть характерно лишь для материального носителя этой культурной ценности.

Однако практика позднего капитализма показывает, что креативный работник все же является объектом эксплуатации. Во всяком случае, эмпирически очевидно, что использование творческого труда в креативных корпорациях в качестве наемного приносит их собственникам доход, несоизмеримый с доходом даже самых высокооплачиваемых работников, не входящих в круг хозяев и топ-менеджеров.

В чем же тайна этого парадокса?

6.2. Эксплуатация творческой деятельности: специфика объекта, содержания и форм

Оставим в стороне те ответы, что дают теории факторов производства и предельной производительности. С их точки зрения все просто: «обычный» капитал, который инвестирует Билл Гейтс (напомним: он начал с вложения в свой бизнес нескольких сотен тысяч долларов, а сейчас является собственником более сотен миллиардов[1]), в несколько тысяч раз более эффективен, чем «интеллектуальный капитал» даже самых талантливых его программистов, «инвестировавших» в его бизнес свои креативные способности (на их «создание» были затрачены те же сотни тысяч долларов многолетнего образования) и получающих за всю свою жизнь максимум несколько десятков миллионов.

Нас в данном случае интересует марксистское категориальное поле и здесь нам, естественно, придется обратиться к марксистской методологии и, в частности, методу восхождения от абстрактного к конкретному, развернув систему отношений, которые позволяют собственнику капитала присваивать стоимость, созданную креативным работником.

Начнем с отношения креатора и капитала, в котором сохраняется форма наемного труда. Непосредственно процесс выглядит так же, как и в случае покупки рабочей силы субъекта репродуктивного труда. Однако сущность этого отношения значительно видоизменена: собственник капитала покупает уже не рабочую силу, а *творческий потенциал Человека*. Рассмотрим ***ключевые отличия творца как «объекта»*** (слово «объект» взято в кавычки, ибо в случае творчества им является *субъект*) ***эксплуатации*** от «обычного» (являющегося субъектом репродуктивного труда) наемного работника.

Во-первых, это товар, который всегда находится в двоякой собственности: он неотчуждаем от его «носителя»; последний не теряет его даже при продаже другому лицу. Более того, в процессе потребления этого товара его потребительная стоимость возрастает. В отличие от рабочей силы, которая, будучи куплена, потреблялась капиталом, истощая рабочего физически и нравственно[2], *творческий потенциал человека в*

[1] Рыночная капитализация компании Microsoft на май 2010 года — $247,23 млрд (ru.wikipedia.org/wiki/Microsoft). В 1999 году капитализация была максимальной — $618,9 млрд (http://www.computerra.ru/41280/google-obognal-po-kapitalizatsii-microsoft-no-do-apple-em/). Личное состояние Билла Гейтса оценивается в $56–57 млрд (http://bishelp.ru/rich/anatomia/bogache_Geitca.php).

[2] Вот одно из наиболее современных описаний такого состояния человека, добровольно ставящего себя на службу капиталу: «Показатели росли, команда увеличивалась, казалось, мы неуязвимы. Мы рвались вперед, но не чувствовали, что надрываемся. Нас подогревал постоянный приток адреналина от новых публикаций в прессе и от привлечения новых крупных клиентов. Нам не требовался отдых, мы чувствовали себя прекрасно. Более чем прекрасно.

Но после самого пика те замечательные времена начали уходить. Мы стали тратить кучу денег и не могли удержаться на пути, на который встали. Дни стали казаться длиннее, а приливы адреналина — все реже. И даже Red Bull не помогал. Единственным выходом было еще поднажать, что мы и делали. Все мы пахали по 80 часов в неделю. Сохранить этот темп было невозможно.

В конце концов я перегорел. Помню, как пришел домой и упал на диван. Я был настолько истощен эмоционально и физически, что не мог даже двигаться. Моя производительность упала до нуля. На следующий день в офисе я тупо смотрел в компьютер. Часами. Не двигался, просто смотрел». (Ideanomics. 8 июля, 2013; http://ideanomics.ru/?p=821).

процессе деятельности (и, тем самым, эксплуатации) *возрастает* и это один из главных результатов творчества.

Во-вторых, хорошо известно, что творческий процесс протекает не только в рабочее, но и в *свободное* время. Отсюда вытекает стремление капитала приобрести *Человека* со всеми его личностными качествами, все время его *жизне*деятельности, все продукты его личностной самореализации. Отсюда, в частности, заинтересованность собственника капитала в долгосрочном (в пределе — пожизненном) контракте с креатором.

В-третьих, приобретая креативные человеческие качества, капитал должен оплатить стоимость воспроизводства *этого* товара. В эту стоимость наряду с традиционными слагаемыми стоимости рабочей силы (жизненные средства и содержание семьи) войдет вся совокупность затрат на образование и повышение квалификации (переквалификацию), освоение и постоянное использование ценностей культуры, рекреацию личности, обеспечение здорового образа жизни и ее большой продолжительности. Кроме того, в эту стоимость войдут и определенные социальные гарантии, дающие креатору «право на ошибку» (возможность не страдать в случае временного отсутствия коммерческих результатов его деятельности; напомним, в творчестве негативный результат — тоже результат). В силу этого мы можем теоретически показать причину эмпирически хорошо известного феномена: *креативные качества человека — дорогостоящий товар*.

В то же время, творчество есть такая деятельность, которая сама по себе является стимулом ее осуществления. Денежная мотивация в данном случае выступает как внешняя. Отсюда *возможность капитала паразитировать на внутренней мотивации творческого работника*, получая часть творческого потенциала даром, не оплачивая тех стимулов, которые работник создает сам себе, занимаясь творчеством.

В-четвертых, упомянутое выше свойство творческой деятельности создавать непредвиденный (в ряде случаев — вообще негативный) результат приводит к тому, что собственник капитала приобретает «кота в мешке» — именно *потенциал*, не определенный ни качественно, ни количественно. Капитал покупает не фиксированную качественно и количественно способность создавать определенную стоимость (эта фиксация имеет форму повременной или даже сдельной зарплаты), а принципиально неопределенный потенциал и потому *оплачивает уровень этого потенциала, а не затраты труда или количество созданной трудом продукции* (*объем услуг*).

Соответственно и *цена* этого товара (в отличие от товара-рабочая сила) зависит не столько от того, сколько стоит его рабочая сила (сущность отношений найма) и не от объема и качества произведенного данным работником товара (превратная форма отношений найма — сдельная зарплата), сколько от того, как *общество* и рынок оценивают качественные параметры потенциала креативного работника.

Следствием этого является важная зависимость: выделенная нами *общественная*, не-рыночная оценка (например, диплом об образовании, ученая степень, престиж в среде коллег — в случае науки) тем важнее, чем в большей мере субъект деятельности включен в собственно творческую деятельность в области креатосферы (наука, искусство, образование). И наоборот: собственно *рыночная* оценка тем значимее, чем в большей мере речь идет о труде профессионалов в превратном секторе (корпоративное управление, финансы, масскультура, профессиональный спорт). Сказанное обусловливает, в частности, возможность *очень больших отклонений цены креативного работника от действительной стоимости воспроизводства его креативных качеств* (хорошо известно, что тотальный рынок симулякров поп-звезду или удачливого рейн-мейкера оценивает в сотни раз выше, чем известного ученого, не говоря уже о сельском учителе).

Наконец, и это особенно важно, в рассматриваемом нами случае мы сталкиваемся с *двойственностью объекта эксплуатации креативной деятельности*, и это прямое следствие двойственности самого творчества. Напомним, оно, с одной стороны, есть

сугубо индивидуальная деятельность конкретного субъекта, а с другой — всеобщий труд, *со*-творчество, открытый (во времени и пространстве) диалог творца со своими коллегами, предшественниками и потомками — всеми теми, чьи культурные результаты он распредмечивал в своей деятельности, и кто будет распредмечивать результаты его усилий. Новую теорию в физике создают не только ее непосредственные авторы, но и их учителя, и их ученики, и Пифагор, и Эйнштейн... Так же создается новая музыка или «педагогическая поэма», воплощенная в жизнях учеников.

Отсюда принципиально важный вывод: *в каждом конкретном случае использования творческой деятельности капитал эксплуатирует не только данного конкретного субъекта, но и весь мир культуры, все человечество*, культурный потенциал которого он косвенно присваивает, опосредуясь процессом диалога используемого им креативного работника со всем миром креатосферы. Таким образом, *творец как «объект» эксплуатации существенно отличен от «обычного» (являющегося субъектом репродуктивного труда) наемного работника.*

Но этим далеко не исчерпываются differentiae specificae рассматриваемого в этом подразделе феномена. Наиболее важны отличия ***содержания эксплуатации творческой деятельности*** от того, что мы — марксисты — знаем еще по «Капиталу».

Творческая деятельность, как мы показали выше, *по своему содержанию есть продукт всеобщей деятельности* взаимодействующих в процессе неотчужденного диалога со-творцов, а не абстрактного труда обособленных производителей. Как таковая *творческая деятельность создает не стоимость, а всеобщее общественное богатство.* Другое дело, что в условиях господства отношений товарного производства, а тем более — тотального рынка — это содержание «надевает» на себя превратную форму, получая на рынке неопределенно большую стоимостную оценку.

Существенно, что эта *оценка (цена продукта творчества, превращенного в частную [интеллектуальную] собственность) лишь косвенно может быть (а может и не быть) связана с затратами труда креатора,* которые к тому же вообще не подлежат измерению (даже в часах: время творчества — это не время работы, это свободное время).

Следовательно, *в случае эксплуатации творческой деятельности не происходит ни создания, ни присвоения прибавочной стоимости* (хотя деятельность креатора может влиять на рост производства прибавочной стоимости репродуктивными работниками). Происходит нечто иное — создание всеобщего [неотчужденного] культурного богатства работником-творцом (а косвенно — всем миром культуры) и присвоение этого богатства капиталом-корпорацией (персонифицированным отчужденным вещным богатством). Тем самым капитал присваивает не неоплаченное рабочее, а *свободное* время творца, ибо именно в это время и создается названное выше богатство, это *эксплуатация свободного времени* и потому, как мы отметили выше, *жизнедеятельности* творца (свободное время и есть время жизни человека, его самореализации).

Однако самой важной спецификой в данном случае является *двойственность* не только объекта, но и *содержания отношения эксплуатации творческой деятельности.* Парадокс эксплуатации в сфере [со]творчества состоит в том, что и сам творец не имеет (если исходить из законов креатосферы) оснований для присвоения стоимостной оценки всего созданного им культурного богатства. *По законам креатосферы культурная ценность экономически* (т. е. как эксклюзивно используемый и приносящий доход ресурс) *принадлежит не его создателю, а всем — всему миру человечества и каждому представителю рода Человек.* Для мира креатосферы характерна «собственность каждого на все». Культурная ценность есть результат процесса со-творчества данного креатора и его непосредственных и опосредованных коллег по культурному диалогу. Поэтому в строгом смысле слова *эксплуатация творческой деятельности есть не только эксплуатация конкретного творца, но и эксплуатация капиталом всей креатосферы,* бесплатное присвоение всех тех культурных благ, которые были распредме-

чены конкретным креативным работником корпорации в процессе создания для нее коммерческой инновации. Более того, поскольку капитал есть не только совокупность отдельных предприятий, но и конкретно-всеобщее капитализма, *постольку мы можем говорить об эксплуатации совокупным капиталом креатосферы человечества* во всем *ее пространственном и временном богатстве* (несколько забегая вперед, к креатосфере следует присовокупить и ее alter ego — биосферу Земли).

Последнее обусловливает существенные ***отличия эксплуатации креативной деятельности от «обычной» капиталистической эксплуатации.***

Так, в случае с присвоением конкретным капиталистом (например, Генри Фордом) прибавочной стоимости, созданной репродуктивным трудом некоторого совокупного наемного работника (скажем, трудового коллектива автомобильного завода), проблема снятия эксплуатации с количественной стороны могла решаться относительно просто — путем изъятия прибавочной стоимости у данного конкретного капиталиста и передачи ее трудовому коллективу. На национальном уровне эту проблему могла решить национализация (в случае, если государство экономически и политически есть представитель интересов работников). И посему социализация (национализация) средств производства была и остается ключевым вопросом [индустриального] социализма как общественной системы, призванной прийти на смену [индустриальному] капитализму.

В случае с креативной деятельностью все намного сложнее. Альтернативой капиталистической эксплуатации в данном случае не может быть передача собственности на результат деятельности самому творцу (индивидуальному или коллективному — в данном случае неважно), ибо этот результат есть не более чем «финальная стадия» бесконечного всеобщего процесса со-творчества. *Снятием эксплуатации* [*всеобщей*] *творческой деятельности может быть поэтому лишь снятие* [*частной*] *собственности на культурные ценности* (интеллектуальной собственности), а последнее может быть реализовано *лишь как снятие отношений отчуждения и присвоения (в экономическом их смысле) в мире креатосферы, отказ в этом мире от* [*частной*] *собственности как особого института.*

Такова содержательная характеристика эксплуатации *всеобщей* творческой деятельности, в основе которой лежит всеобщий труд, о котором мы уже писали выше. Существенно, что это содержание определяется в параметрах не только капиталистической системы производственных отношений (где качественная характеристика этого процесса есть присвоение деятельно-личностных качеств человека капиталом), но и в пространстве-времени трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Именно здесь, *в категориальном поле исследования скачка в мир креатосферы, лежащий «по ту сторону собственно материального производства», единственно возможно целостно и адекватно определить содержание эксплуатации творчества капиталом.*

Однако выделенные выше специфические черты эксплуатации творческой деятельности пока что не затрагивали второй стороны этого двоякого процесса: *эксплуатации конкретным корпоративным капиталом конкретного творческого работника* (индивидуального или коллективного — в данном случае не важно). С качественной стороны наличие этой эксплуатации несомненно: мы показали выше основные слагаемые подчинения творца и его жизнедеятельности корпоративному капиталу. Более того, поскольку творчество всегда есть не только всеобщий, но индивидуальный труд, постольку встает проблема снятия и этого аспекта эксплуатации. И с содержательной точки зрения принципиальное направление решения этой проблемы достаточно очевидно: на место капитала должна прийти свободная работающая ассоциация творческих работников (о конкретных формах такой организации в *данном* тексте мы речь вести не будем).

Что же касается ***формы эксплуатации творческой деятельности, то*** здесь требуется различение двух аспектов: форм *отношения* эксплуатации наемного креатив-

ного работника капиталом и формы присвоения *результатов* эксплуатации творческой деятельности.

Что касается первого аспекта, то здесь, как ни странно, отличия не столь значительны. В большинстве случаев используемый корпорацией творческий работник корпорации остается по форме наемным работником, с которым заключается договор найма и который получает оговоренные в этом договоре заработную плату и (в случае некоторой социальной «продвинутости» бизнеса) социальный пакет и определенные трудовые права. Если посмотреть на наиболее типичных креативных работников (учителей частных школ, врачей частных больниц, программистов и сотрудников исследовательских подразделений фирм), то окажется, что отличия креативного наемного работника от «обычного» (занятого репродуктивным трудом) есть, но они, как правило, не принципиальны: больше размер заработной платы, чаще используется долгосрочный найм, формы управления ближе к модели «человеческих отношений» или аналогичным моделям менеджмента, менее жестко детерминирован капиталом трудовой процесс (выше автономность труда), больше внимания уделяется повышению квалификации... — перечень хорошо известен и многократно воспроизведен в работах по проблемам менеджмента в креативных корпорациях.

Другое дело, что отношения подчинения труда капиталу (даже формального) в данном случае, действительно, претерпевают значительные изменения. Кроме того, наряду с наемным трудом развиваются отношения, где креативный работник по форме и/или содержательно становится свободным, не подчиненным капиталу работником (т. н. «лица свободных профессий» или самозанятые).

Проблема же формы присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности гораздо сложнее, ибо здесь-то как раз изменения принципиальны. И для того, чтобы их отобразить, нам придется постараться адекватно отразить *и* количественную сторону эксплуатации творческой деятельности.

6.3. Количественные аспекты эксплуатации творческой деятельности

С количественной точки зрения здесь ситуация также принципиально иная, чем в случае с классическим капитализмом. Марксова формула эксплуатации, предполагающая деление рабочего времени наемного работника на необходимое (время, в течение которого он создает стоимость, равную стоимости его рабочей силы) и прибавочное (время создания прибавочной стоимости, присваиваемой капиталом), здесь «не работает», ибо, как мы отметили выше, присваиваемое капиталом всеобщее культурное богатство создается творцом в свободное время. Что же здесь получается? А получается соотношение двух разнокачественных параметров. С одной стороны — стоимости воспроизводства креативных качеств человека в капиталистической системе. С другой — стоимостной *оценки* (это перенесенная превратная форма) всеобщего культурного богатства, созданного эксплуатируемым творцом и (NB!) всем предшествующим миром культуры, с которым данный творец вступал в диалог в процессе деятельности.

Чтобы уточнить это соотношение применительно к условиям капиталистического производства, необходимо принять во внимание, что из итогового дохода от реализации креативного богатства (*Wcr*) необходимо вычесть:

- расходы на компенсацию покупаемых капиталистом креативных ресурсов (*Ccr*; заметим: их стоимость в отличие от элементов «обычного» постоянного капитала не переносится на конечный продукт, ибо они не имеют стоимости; они имеют лишь стоимостную оценку);
- затраты на приобретение креативных качеств человека (*Hcr*);
- вновь созданную стоимость в сопутствующем креативной деятельности «обычном» капиталистическом производстве (заработную плату «обычных» работников *V* и созданную ими прибавочную стоимость *M*) и перенесенную на конечный продукт стоимость «обычных» материальных издержек (*C*).

Оставшийся итог — *стоимостная оценка присваиваемой собственниками корпорации части всеобщего культурного богатства, созданного творческим работником и всем миром культуры* (*Wmcr*), — и будет тем чистым доходом капитала, который он получает от эксплуатации креативного работника и (опять же NB!) всего мира культуры.

Соотношение *Wmcr* со стоимостью воспроизводства креативного работника (остальные культурные блага креативным работником были распредмечены бесплатно и/или вошли в капиталистические издержки) в этом случае будет *мерой эксплуатации данным конкретным капиталом не только его креативных работников, но и всего мира культуры* (*Wmcr'*).

В виде простейших формул эти соотношения можно выразить следующим образом:

$$Wcr = Wmcr + Hcr + Ccr + (C + V + M).$$

Соответственно,

$$Wmcr = Wcr - (C + V + M) - Hcr - Ccr.$$

Мера эксплуатации:

$$Wmcr' = Wmcr / Hcr.$$

Сходство обозначений (*Wmcr* и *M*, *Wmcr'* и *M'*) не должно, как мы уже заметили, скрывать *содержательных различий формулы эксплуатации творческой деятельности и формулы Маркса*.

Это, во-первых, различие прибавочной стоимости как результата «обычного» капиталистического производства и стоимостной оценки всеобщего культурного богатства, присваиваемого собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы (авторы пока не нашли краткого категориального обозначения этого феномена).

Во-вторых, в случае использования капиталом творческой деятельности речь всегда идет о двойственном объекте эксплуатации: и о конкретном креаторе, и обо всей креатосфере.

Двойственность процесса эксплуатации креатосферы и ее субъекта ставит проблему: если всеобщее культурное богатство, присваиваемое собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы, создается не только конкретным творцом, то как подсчитать *количественное выражение эксплуатации конкретного наемного творческого работника*?

Авторы обосновали выше только один возможный ответ на этот вопрос: *никак*.

Количественное выражение в стоимостных (капиталистических) параметрах этой меры невозможно, ибо невозможно выразить количественно «вклад» в это богатство, сделанный данным творцом и всеми его предшественниками, и коллегами по сотворчеству. В мире креатосферы принципиально не существует количественного выражения соотношения затрат труда участников культурного диалога, процесса *со*-творчества. В условиях рыночной формы организации этого процесса данное выражение тем более невозможно, что базовые блага креатосферы творческий работник (и, следовательно, капитал) используют бесплатно.

Более того, соединение первого и второго следствий позволяет сделать внешне парадоксальный вывод: если смотреть на проблему эксплуатации творческого работника только с количественной точки зрения (с точки зрения объема получаемого им стоимостного дохода), то освобождение творческого труда от подчинения капиталу ничего особенно не меняет в положении этого субъекта. В принципе творческий работник будет получать от общества не более чем эквивалент средств, необходимых для воспроизводства его человеческих качеств. Учитывая, что многие из благ в этом случае будут бесплатны (образование, здравоохранение, доступ к информации), можно было бы даже предположить, что собственно стоимостной эквивалент творца может быть и меньше, чем в условиях капитализма.

Однако здесь есть немало «нюансов». Во-первых, как мы уже отметили, неизбежным следствием рыночной капиталистической системы являются высокие отклонения цены творческого работника от стоимости воспроизводства его потенциала. В силу гегемонии корпоративного капитала эти отклонения «устроены» так, что цена работников, наиболее тесно сращенных с капиталом и обслуживающих его гегемонию, вклю-

ченных в воспроизводство превратного сектора (работники таких сфер, как финансы, корпоративный менеджмент, СМИ, масскультура, профессиональный спорт и т. п.), намного превышает стоимость воспроизводства их человеческих качеств. И наоборот, работники общедоступных отраслей креатосферы (учителя государственных школ, социальные работники и т. п.) имеют на рынке симулякров цену, существенно более низкую, чем стоимость средств, необходимых для воспроизводства их человеческих качеств (хорошо известно, что даже в США учитель школы в «цветном» гетто не имеет средств на то, чтобы оплатить образование своих двух-трех детей в Гарварде...).

Во-вторых, капитал оплачивает креативных работников (да и то, как мы показали выше, далеко не всех) на уровне, близком к стоимости воспроизводства их человеческих качеств, креативного потенциала, только в развитых странах. Большая часть «рядовых» субъектов общедоступной творческой деятельности (деятельности, наиболее важной с точки зрения задач развития креатосферы и, следовательно, универсальных критериев прогресса) в мире получает от капитала средства, меньшие тех, что они должны были бы иметь даже по законам капитала. Мировая «рядовая» интеллигенция недооценена капиталом, тогда как круг мировых «профессионалов» переоценен. Так *современный глобальный капитал формирует внутреннее противоречие в социальной страте креативных наемных работников*. Первые — наиболее близкие по своей профессиональной роли (субъекты собственно креатосферной деятельности, а не труда в превратном секторе) к миру «царства свободы» и недооцененные капиталом даже по меркам капитализма — даже с этой точки зрения заинтересованы в снятии глобальной гегемонии капитала. Вторые — выполняющие задачи непосредственного «творения» гегемонии капитала, занятые в превратном (вытесняющем и уродующем креатосферу) секторе и переоцененные капиталом — объективно оказываются противниками такого снятия.

В-третьих, количественный, стоимостной аспект эксплуатации креативного наемного работника с принципиальной точки зрения должен быть наименее значим для него. *Ценность бытия homo creator'a объективно определяется мерой свободы его деятельности,* и с этой точки зрения *превращение условий творческой жизнедеятельности, ее пространства и времени в объект эксплуатации, функцию капитала есть наиболее глубокое основание противостояния Человека как творца и глобального капитала.* Это основание тем более значимо, что капитал привносит в это отношение и черты личной зависимости, подчиняя себе, как мы уже сказали, «божественную душу» человека. Но и здесь есть свои «детали». Для обслуживающих гегемонию капитала «профессионалов» это рабство сладко, ибо именно оно делает их привилегированными и обласканными капиталом рабами, как бы (вот он, мир симулякров!) равными ему в своей роли. Кроме того, не забудем и о том, что положение *каждого* субъекта творческой деятельности в условиях капитализма двойственно: с одной стороны, он — творец, алкающий свободы жизнедеятельности, с другой — собственник «человеческого капитала», продавец своего креативного потенциала, заинтересованный в хорошей цене за свой товар. Поэтому субъективно творец может быть и противником, и сторонником сохранения гегемонии капитала.

Эта субъективная противоречивость накладывается на названное выше объективное противоречие в природе творческого наемного работника, образуя сложный спектр конкретных социально-политических пристрастий социального слоя, обычно обобщенно называемого «интеллигенцией».

Позволим себе небольшое уточнение. Оно касается *прибыли, получаемой корпорацией, использующей креативные ресурсы.* Достаточно понятно, что в рамках марксистской методологии последняя может быть представлена как превратная форма (всякая прибыль есть с точки зрения марксизма превратная форма) суммы прибавочной стоимости и стоимостной оценки всеобщего культурного богатства, присваиваемого собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы:

$$Pcr = f\{M + Wmcr\}.$$

Поскольку в подавляющем большинстве случаев такие корпоративные капиталы способны и к генерации «поля зависимости» (обладают «рыночной властью») и получают от этого определенный доход (*Pmp*), а также (вследствие процесса финансиализации, вовлекающего в орбиту виртуального фиктивного капитала практически все корпорации) некоторую финансовую прибыль (обозначим ее *Pf*), постольку эта формула примет несколько более сложный вид:

$$Pcr = f\{M + Wmcr\} + Pmp + Pf.$$

А теперь мы можем начать разбираться с такой конкретной формой присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности как интеллектуальная рента.

6.4. Интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства

Доход, получаемый собственником капитала, использующего креативные ресурсы, по форме аналогичен рентному доходу, что адекватно отражено и практикой, и экономической теорией. И сторонники неоклассики, и многие марксисты специально подчеркивают, что этот доход есть *интеллектуальная рента*. Последняя определяется на поверхности явлений как доход, получаемый от собственности на созданный креативной (в современной рыночной терминологии — интеллектуальной) деятельностью продукт. При этом первые в соответствие со своей методологией ставят преимущественно вопросы не природы, а количественного определения этой ренты, а вторые ограничиваются правильной, но содержательно недостаточной констатацией того, что это новая форма капиталистической эксплуатации. Между тем едва ли не ключевым здесь является вопрос не формы, а природы отношений, скрытых за формой интеллектуальной ренты. А за ней, как мы покажем ниже, скрыто отношение, существенно отличающее данную форму от, скажем, природной ренты.

Но начнем со сходства формы. Определение дохода от собственности на креативные ресурсы как *ренты* неслучайно. Здесь в неявном виде проводится аналогия с находящимся в частной собственности любым иным всеобщим ресурсом — землей, нефтью, газом... Сам по себе ресурс является общественным благом и потому доход от его использования в случае обретения последним (землей, нефтью) экономической формы [частной] собственности квалифицируется не только марксизмом, но и mainstream'ом экономической теории, а также (что особенно важно) хозяйственной практикой как рента, а не прибыль.

Здесь в неявной форме признается тот факт, что по своей природе культурная ценность («интеллектуальный продукт») есть общественное, а не частное благо. Превращение же этого общественного блага в частную собственность дает его владельцу возможность получать не прибыль, а ренту, которую принято назвать интеллектуальной (и мы ниже будем, как правило, использовать это имя), но правильнее было бы назвать *культурной или креатосферной*.

Самое смешное, что в этом случае позитивный взгляд на данный феномен оказывается как нельзя более близок к истине: доход, о котором мы ведем речь, и с марксистской точки зрения должен быть квалифицирован как рентный по своей форме. Всеобщее культурное богатство становится источником стоимостного дохода только в той мере, в какой это богатство обретает форму [частной] собственности. Сам доход в этом случае должен получить форму ренты так же, как это происходит с землей в случае с абсолютной рентой — феномен, корректно описанный Марксом в «Капитале». И точно так же как абсолютная рента есть не более чем доставшаяся от прошлого (феодального землевладения) помеха в развитии капитализма в земледелии (совокупность искусственных границ для развития производства и дополнительное бремя на потребителя данной продукции), интел-

лектуальная рента есть искусственная помеха в развитии деятельности в креатосфере.

Итак, внешне интеллектуальная и «обычная» (например, природная) ренты сходны: превращение общественного блага (феномена культуры или природного ресурса) в объект частной собственности и рыночного (капиталистического) использования есть предпосылка формирования и присвоения рентного дохода. Однако *источники* этих рентных доходов различны.

Интеллектуальная рента есть в своей основе *продукт деятельности* (всеобщего творческого труда), создающей то богатство, присвоение которого и приносит ренту. В ее основе — стоимостная оценка труда, создавшего культурную ценность. Природная рента этой основы не имеет. Природное богатство *не создано человеческим трудом* (мы в данном случае абстрагируемся от расходов на геологоразведку и т. п. — они входят в капиталистические издержки и к рентным доходам отношения не имеют). Посему природная рента в качестве своего источника имеет ложную социальную стоимость, предполагающую перераспределение абстрактного общественного труда.

И еще одна важная ремарка: в условиях рыночной экономики интеллектуальная рента есть источник не только возмещения расходов на приобретение платных креативных ресурсов и [сверх]дохода, получаемого креативной корпорацией, но и дохода, получаемого творцом, работающим в этой корпорации в качестве наемного работника. Из этого не следует, однако, что работник-креатор есть паразит на шее общества, аналогичный получателю феодальной ренты. Напротив, он есть создатель общественного богатства, многократно превышающего по своему полезному эффекту то, что общество затрачивает на создание условий его воспроизводства. «Изюминка» проблемы здесь не в количественном соотношении, а в теоретической квалификации природы дохода, получаемого творцом в условиях *капитализма*. Именно социально-экономическая форма последнего и создает все те инверсии, которые связаны с рентной природой дохода «интеллектуала». Вне рынка и капитала проблема решается совершенно иначе: общество определяет меру дохода субъектов творческой деятельности так, как, например, это происходит в общественном университете, школе или получившем общественный грант временном творческом коллективе.

Возвращаясь к проблеме количественного выражения эксплуатации творческой деятельности и вводя в приведенные выше формулы параметр интеллектуальной ренты (обозначим ее *Rcr*, ибо, как мы отметили выше, эту ренту правильнее было бы называть культурной или креатосферной), мы можем сформулированные выше положения представить в виде простейших формул:

$$Rcr = Wmcr + Hcr + Ccr$$

или:

$$Wmcr = Rcr - Hcr - Ccr.$$

Формула валового дохода корпорации в случае ее выражения через интеллектуальную ренту примет вид:

$$Wcr = Rcr + (C + V + M).$$

Вывод о том, что интеллектуальная рента является источником оплаты творческого работника (подчеркнем — не оплаты труда творческого работника, а оплаты его потенциала), на первый взгляд, вносит некоторые сомнения в сделанный нашими предшественниками и подтвержденный нами вывод о паразитической природе интеллектуальной ренты. Однако это — именно «первый взгляд», видимость. Сущность же состоит в том, что паразитическим является само отношение, надевающее стоимостную форму на не являющееся стоимостью общественное богатство и передающее его не каждому способному его распредметить члену общества («собственность каждого на все»), а неким частным собственникам. Тот факт, что среди последних находится и непосредственный создатель этого богатства, сути дела не меняет: *по законам креатосферы творец работает не ради вознаграждения. А свою жизнедеятельность он вполне может обеспечить, получая от общества или его представителей* (творческой ассо-

циации, государства, НПО) *бесплатные блага и социально-гарантированный доход, обеспечивающие воспроизводство его человеческих качеств*[1].

У этой медали есть, однако, и другая сторона.

Бесплатное присвоение рыночными агентами и, прежде всего, креативными корпорациями части благ мира культуры (результатов предшествующего развития науки и культуры, плодов общедоступного образования и фундаментальной науки) ставит *проблему разграничения и взаимодействия двух миров — бесплатного и общедоступного мира культуры и платного и ограниченного частной собственностью мира рынка — как фундаментальный теоретический и практический вопрос периода трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», «позднего» капитализма в «ранний» коммунизм.*

Для «основного течения» экономической науки здесь проблемы нет: бесплатные блага создаются на деньги платящих налоги и осуществляющих пожертвования агентов рынка (корпораций, наемных работников) и безвозмездно присваиваются на основаниях общедоступности или государственного нормирования. Частные блага создаются рыночными агентами и присваиваются ими на возмездной основе. Разная природа благ (ограниченные — неограниченные) обусловливает разные способы их присвоения.

Для марксиста, как мы постарались показать выше, за этим вопросом скрыта фундаментальная проблема ***эксплуатации капиталом мира креатосферы*** — бесплатное и/или частично оплаченное присвоение им культурных ценностей («креативных ресурсов») человечества.

В этой связи нам представляется уместной следующая гипотеза: *мера эксплуатации культуры капиталом* (*ECC'*) может быть выражена и количественно, а именно, как соотношение доходов полученных в виде сверхприбыли и интеллектуальной ренты (*Rcr*) и затрат капитала на развитие креатосферы (*CCCr*).

$$ECC' = Rcr / CCCr.$$

Уточним. Первое (*Rcr*) — это показатель, о природе и исчислении которого мы уже размышляли выше.

Второе (*CCCr*) — это прямые вложения капитала в развитие креатосферы, включающие вложения в материальные ресурсы развития креатосферы (основной капитал), расходы на найм работников (переменный капитал) и вложения в интеллектуальные ресурсы (т. н. «человеческий капитал») плюс средства бюджета, используемые на эти цели.

Наличие такой эксплуатации позволяет предложить и некоторую гипотезу переходных форм ее частичного снятия — своего рода ***«окультуривания» капитализма*** (феномен, о котором много говорится в последнее десятилетие[2]). Если мы исходим из того, что (1) капитал в своей коммерческой деятельности безвозмездно присваивает общественные блага креатосферы, так что это позволяет увеличить прибыль (например, используя портрет Моцарта на коробке конфет, можно продавать их больше и дороже, нежели в случае, если на этой коробке будет лишь обычная картинка), и того, что (2) этот дополнительный доход есть особый вид ренты (назовем ее в данном случае культурной), то логичным будет следующий вывод: эта рента, как и всякая другая, должна изыматься у капиталиста и переда-

[1] Последнее — не фантазия. Мы уже упоминали, что именно так работает в современных развитых странах преподаватель государственной школы или публичного университета, освобожденный сотрудник НПО или имеющий поддержку творческой ассоциации художник, сотрудник общественного исследовательского центра или получающий грант ученый.

[2] Одна из наиболее известных работ, в которых поднимается эта тема, — книга Дж. Рифкина «Век информационного доступа» (*Rifkin J.* The Age of Access. 2000) — констатирует массовое распространение этого феномена. В отличие от этого автора и его российских коллег (см., например: *Зуев С. Э.* Капитализация культуры и культурный капитализм // Арт-менеджер. 2003. № 3. Доступ к электронной версии статьи по ссылке: http://cultinfo.ru/cultura/2006-11/zuev.pdf), С. Жижек подвергает феномен т. н. «культурного капитализма» жесткой критике, показывая его ограниченность и симулятивность (*Жижек С.* Культурный капитализм — иллюзия благотворительности // Доступ по ссылке: http://real-philosophy.livejournal.com/496206.html).

ваться собственнику. Поскольку собственником культуры является (и это доказано в рамках марксистской парадигмы) *каждый*, постольку и рента от использования феноменом культуры капиталом должна использоваться для развития той сферы, где любой феномен принадлежит любому субъекту, т. е. креатосферы. Проще говоря, бизнес должен платить за вставку в рекламу портрета Моцарта не меньше, чем за использование фотографии топ-модели, а деньги, получаемые от фирм, использующих общественные блага культуры, должны идти в интернациональные фонды развития креатосферы.

Это предложение нарушает фундаментальный принцип рыночной экономики: общественные блага потому и общественные, что равно бесплатны для всех. Мы предлагаем «отлучить» коммерческий сектор от того, что люди создают бесплатно. Аналогом в данном случае может быть модель музеев, библиотек, сайтов, бесплатных лишь для некоторых категорий граждан (скажем, работников культуры). В данном случае предлагается то же самое, только принципом дискриминации становится то, где и для чего используется феномен культуры. Если для производства общедоступных объектов — блага креатосферы бесплатны. Если для производства предметов частной собственности — платны. Более того, какие-то феномены культуры можно вообще запретить использовать в коммерческих целях.

Как это может быть сделано технически, сколько именно и кому именно должны платить бизнесмены и как разграничить блага культуры, за использование которых надо платить, и те, которые могут использоваться бесплатно (как, например, язык или правила арифметики) — это задача для последующих фундаментальных и прикладных исследований. И путь к ее решению может быть не менее длительным и сложным, чем путь от гипотезы Циолковского до космического корабля, поднявшего в космос Гагарина. В качестве первых шагов может быть предложено, например, создание международных экспертных комиссий, «патентующих» общественные культурные блага. Для, скажем, феноменов искусства, это может быть набор «санкций» в спектре от абсолютного запрета на коммерческое использование до рентных платежей в международные фонды поддержки искусств на основе модели, подобной запрету использовать для коммерческих показов продаваемые для граждан видеозаписи. Контроль (напомним, он будет распространяться только на коммерческие фирмы) может быть организован по аналогии с контролем за использованием запатентованных интеллектуальных продуктов. Впрочем, все эти формы будут несовершенны, как и любые паллиативные решения, направленные на формирование переходных отношений, остающиеся в рамках капиталистической системы, «царства необходимости».

Немного отвлекаясь, отметим, что сходные решения возможны в области ***«экологизации» капитализма,*** *использования для блага всего человечества природной ренты.*

Происходящее в условиях обострения глобальных экологических проблем превращение природы и, в частности, земли, в универсальную культурную ценность («общественное благо») предполагает ее общедоступность как элемента креатосферы, подлежащего распредмечиванию. Частная собственность в этом отношении может выступать не более чем превратной (перенесенной) формой, которая по своей сути не сможет не тормозить использование биогеоценоза как культурного феномена — общедоступной, открытой для всех ценности.

Кстати, здесь весьма уместно заметить: *поскольку природные ресурсы планеты Земля созданы естественным развитием биосферы, постольку* (если мы абстрагируемся на время от фактора человеческой деятельности, увеличивший — в случае, скажем, пахотных земель в развитых странах — или снизившей продуктивность этих ресурсов) *можно считать обоснованной тезу о всеобщей собственности человечества на природные ресурсы.* (подчеркнем: не особых фирм, государств или даже международных организаций, а Человечества; кому и как оно поручит реализовывать свои всеобщие интересы — это второй, хотя и очень важный, вопрос).

Всеобщность собственности на природные ресурсы обусловливает *присвоение ренты от использования любых* (точнее,

всех, находящихся в коммерческом использовании) *природных ресурсов человечеством в целях решения своих глобальных проблем*: обеспечения всем гражданам всех стран социально-гарантированного минимума, проведения в жизнь глобальных экологических, социальных, гуманитарных и т. п. программ. Подчеркну: в данном случае нет посягательства ни на один из принципов капитализма: собственник Земли (биогеосферы), т. е. Человечество, получает «созданный» (тут мы рассуждаем в рамках теории факторов производства) ею продукт — ренту.

Однако вернемся к проблемам интеллектуальной ренты и, завершая этот анализ, рассмотрим вопрос об *эксплуатации в мире креатосферы в случае, когда* [частным] *собственником некоторой культурной ценности является* (но не в случае креативной «рассеянной мануфактуры») *сам творец*. В этом случае проблема эксплуатации мира креатосферы оказывается применима и к данному субъекту. И если об эксплуатации творца третьим лицом в данном случае говорить не приходится, то эксплуатация креатосферы творцом как частным собственником налицо и в данном случае. Присваивая стоимостную оценку культурной ценности, созданной им *в кооперации со всем миром креатосферы, креатор-частник выступает как эксплуататор человечества*. При отказе от [частной] интеллектуальной собственности, т. е. социализации (превращении во всеобщий общедоступный бесплатный ресурс) всех слагаемых креатосферы, креатор-частник может лишиться значительной части своего имеющего стоимостную форму богатства (культурное богатство у него никто в этом случае не отнимает; у него, как и у всех других «отнимают» право трансформировать его в деньги, «отнимают» интеллектуальную ренту).

Так теоретически выводится эмпирически хорошо известная двойственность творца-частника в капиталистическом мире. Она отлична и от внутреннего противоречия в положении креативного наемного работника, и от положения «обычного» мелкого буржуа. Поскольку о креативном наемном работнике мы написали уже немало, прокомментируем кратко второй случай. От субъекта репродуктивной деятельности, являющегося собственником и средств производства, и продуктов своего труда («обычного» мелкого буржуа — например, хозяина киоска), самостоятельно работающий креатор отличается как минимум тем, что он бесплатно присваивает общественные культурные блага и получает в качестве дохода не созданную им новую стоимость, а стоимостную оценку созданного им (и — NB! — его соавторами по открытому диалогу, со-творчеству) всеобщего богатства, получающую в условиях господства отношений частной собственности на «интеллектуальные» продукты форму ренты. Как таковой он, в отличие от «обычного» мелкого буржуа, является и субъектом эксплуатации мира культуры, каждого из нас.

Характеристика содержания и формы эксплуатации творческой деятельности и позволяет нам перейти к проблемам противоречий подчинения последней корпоративному капиталу.

Вопросы для самопроверки

П.6.1. Как современный капитал присваивает продукты творческой деятельности, неотчуждаемые от их творца?

П.6.2. Каковы отличия эксплуатации творческой деятельности от «обычного» извлечения прибавочной стоимости?

П.6.3. Создает ли творческий труд стоимость и прибавочную стоимость?

П.6.4. Почему интеллектуальная рента выступает как превратная форма?

П.6.5. Каким образом капитал паразитирует на общедоступных культурных (интеллектуальных) благах?

Литература для самостоятельного изучения

- *Бузгалин А. В.* Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
- *Бузгалин А. В.* Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 20–30.

Глава 7

Подчинение труда, свободного времени и Человека: капитал, его гегемония и пределы в мире креатосферы

Структура главы

- Креативная деятельность и ее субъект: контрапункты формального подчинения капиталу
- Противоречия трансформаций реального подчинения труда капиталу: личность и свободное время как объекты гегемонии
- Невозможное возможно: парадоксы реального подчинения капиталу творческой деятельности и «двоякое замещение» [креатосферы и творца]
- Подчинение капиталу Человека: заключительные ремарки

Основные понятия:

творческая (креативная) деятельность
креативно-вещная зависимость («креативное рабство»)
формальное и реальное подчинение человека капиталу
симулятивное потребление
распредмечивание феноменов креатосферы
отношения корпоративного доминирования капитала над трудом
размывание границы между капиталистом и наемным работником
самоэксплуатация
«общество одной трети»
размывание среднего класса

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:

Часть 3. Классическая политическая экономия капитализма
Глава 9. Сущность капиталистического производства и накопления: труд, капитал и теория прибавочной стоимости (п. 9.2 «Анализ стадий развития капитализма в промышленности. Формальное и реальное подчинение труда капиталу»)

Подчинение труда капиталу есть атрибут капитала как производственного отношения. В условиях позднего капитализма и генезиса в его недрах креатосферы и ростков «царства свободы» это подчинение остается, но вместе с тем изменяется. Новым в данном случае является то, что системы отношений гегемонии корпоративного капитала формирует в современных условиях *тотальное подчинение капиталу не просто труда, но и Человека как личности.*

Безусловно, эта *тенденция* к тотальной гегемонии никогда не реализуется абсолютно, сталкиваясь с контрсилами (прежде всего глобальным кризисом общих основ мира отчуждения, кризисом, порождающим

мощный импульс борьбы с отчуждением на путях массового ассоциированного социального творчества, вырастающего из классовой борьбы пролетариата). И все же генезис и экспансия тотального подчинения труда капиталу стали знаменем последних десятилетий.

Начнем наш анализ с краткой методологической «установки»: тотальная гегемония капитала, с одной стороны, снимает, воспроизводя в модифицированном виде все предшествующие «достижения» капитала в деле подчинения и эксплуатации наемного труда, с другой — привносит в это подчинение нечто новое, а именно, те предпосылки, которые создают для этого «рынок паутин», неоприватизация и доминирование виртуального фиктивного капитала, а также собственно новые параметры отношения эксплуатации. При этом снятие прежних форм подчинения труда капиталу есть и подрыв (частичное отрицание) сущности капиталистического отношения, что, однако (вот она, диалектика эпохи «заката» капитала) ведет непосредственно к *укрепления этого подчинения*.

Иерархия отношений ***тотального подчинения*** определяется ***сущностью*** последнего — движением капитала к ***гегемонии над всеми человеческими качествами всех членов общества*** (а не только эксплуатации рабочей силы наемного рабочего).

7.1. Креативная деятельность и ее субъект: контрапункты формального подчинения капиталу

Главное в этих ростках — *попытка подчинения капиталу,* возникающему в период «заката» «царства необходимости», нового качества — *творческой деятельности*, а это основа самореализации *целостного человека*, его «бессмертная душа». Направленность на подчинение именно *целостной* личности и делает это подчинение *тотальным* по своей сущности в отличие от классической системы капиталистического подчинения преимущественно репродуктивного труда как функции рабочей силы, т. е. «всего лишь» одного из качеств Человека — его бытия как (1) частичного работника в рамках только (2) трудового процесса.

Эти важные моменты требуют более тщательного рассмотрения.

Творческая по содержанию деятельность является по самой своей природе:

(1) неотчуждаемой и потому с содержательной точки зрения ее продукт также должен быть неотчуждаем, а субъект творческой деятельности не может быть объектом эксплуатации;

(2) всеобщей, априори общественно необходимой (и в этом качестве она может служить аналогом денег — всеобщего эквивалента, продукта всеобщего труда); но при этом, в отличие от денег она

(3) создает безграничное (с количественной точки зрения) богатство, универсальные ценности.

Подчинение *такой* деятельности капиталу в его классическом виде с *содержательной* точки зрения является неразрешимой задачей (*не случайно классический капитализм так и не смог создать в массовом масштабе капиталистически-организованных форм творческой деятельности*). Но это не означает невозможности возникновения решающих эту задачу социально-экономических *форм* — отношений, подчиняющих капиталу (и отчуждающих от творца) социальную организацию такой деятельности и социальное бытие ее предметных результатов (прежде всего — собственность на последние).

Именно эту задачу и начал решать во второй половине XX века корпоративный капитал, ища *переходные формы*, позволяющие ценой подрыва своих сущностных черт (подчинения труда капиталу) найти ответ на наиболее фундаментальный вызов эпохи — угрозу смены «царства необходимости», основанного на отчужденном репродуктивном труде, «царством свободы», основанным на свободной творческой деятельности.

При этом в ближайшей исторической перспективе перед капиталом стоит и будет стоять *задача подчинения* не столько собственно творческой деятельности, сколько от-

носительно более простого феномена — *новаторского, инновационного, профессионального потенциала работников и процессов их воспроизводства.* И здесь капиталом испробована сложная система переходных форм. Авторы хотел бы заострить внимание только на трех, показав пути подчинения капиталу новаторского потенциала «рядовых» работников, управленцев и творческой «элиты».

Первая — различные механизмы частичного снятия формального подчинения труда капиталу путем привлечения работников к выполнению функций капитала, в частности — к управлению и собственности. Во всех известных нам случаях (производственные советы в ФРГ, «кружки качества» в Японии, (частичная) передача акций работникам фирм — ESOP — в США и Западной Европе и мн. др.) эти механизмы всегда сохраняют основные функции контроля в руках капитала, мобилизуя при этом в целях накопления последнего новаторский потенциал работников. В то же время эти механизмы создают некоторые элементы ассоциированного социального творчества работников и этим особенно ценны для будущего.

Вторая группа форм связана с развитием феноменов предпринимательства и менеджмента, когда творческие, новаторские способности человека (причем, как правило, наиболее талантливых лиц) подчиняются капиталом и направляются в сферу деятельности по укреплению его гегемонии, что «оттягивает» творческий потенциал человечества от науки, искусства, образования, воспитания и других аспектов развития креатосферы, не говоря уже об ассоциированном социальном творчестве (в различных формах — от профсоюзов и «зеленых» до левых демократических партий) как антитезе гегемонии капитала.

Наконец, *третья* форма отображена теориями «человеческого капитала». В основе этой теории лежит действительный феномен некоторой аналогичности творческой деятельности как всеобщего труда, создающего неограниченную ценность, и капитала как самовозрастающей стоимости (ценности). Человек как «капитал» — это человек целостно, вместе со своим новаторским потенциалом, превращенный в капитал. При этом в отличие от классического наемного работника, *рабочая сила* которого превращается в переменный капитал, «капитал-человек» имеет и иные свойства. Он служит еще и своеобразной разновидностью (1) постоянного капитала, «изнашивающегося» (теряющего квалификацию) на протяжении определенного длительного периода (ряда циклов оборота), требующего периодических инвестиций в свое воспроизводство и т. п., а также (2) капитала-функции, так как инвестиции в «человеческий капитал» направлены на формирование собственных профессионалов корпорации, т. е. скорее не «классических» наемных рабочих, а служащих, членов корпоративной иерархии, выполняющих во многих случаях частичные предпринимательские функции.

Однако самое главное в феномене подчинения творческого труда капиталу состоит в том, что, *креативная деятельность создает ценность, обладающую способностью постоянного «самовозрастания» в практически неограниченных масштабах.* Ценность продукта творческого труда бесконечно увеличивается как бы «сама собой» в процессе ее распредмечивания новыми творцами. За этой «умной» фразой скрыт до очевидности простой, но очень важный смысл: всякий ученик увеличивает творческий потенциал учителя, если последний осуществляет преподавание как творческий процесс, всякий художник-исполнитель рождает новый феномен культуры, всякий рабочий-новатор, включенный в «кружок качества» или рационализаторскую деятельность, умножает знания и повышает производительность...

Именно это всеобщее богатство (богатство феноменов креатосферы) и подчиняет себе капитал, «одевая» на них превратную форму [частной] интеллектуальной собственности. Эксплуатация как присвоение капиталом не им созданного богатства и есть главная «тайна» формального подчинения творческого труда капиталу.

Авторы хотели бы сфокусировать внимание на реверсивном процессе генезиса в рамках возникающих отношений капитала и креативного работника элементов докапиталистической — личной — зависимо-

сти, не случайно корреспондирующем с формальным подчинением: последнее и в условиях раннего капитализма, и в условиях его «заката» оказывается сопряжено со стремлением подчинения личностных качеств. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Характерная для субъекта творческой деятельности синкретичность качества человека как рабочей силы и как Личности, отличающая его от субъекта репродуктивного труда, обусловливает как свой достаточно закономерный результат *подчинение капиталу и личностных качеств человека*. Последнее приводит к внешне парадоксальному процессу *восстановления в современной глобальной экономике в новом историческом обличье отношений отчуждения работника от средств производства, основанных на личной зависимости* (от рабства и крепостничества до административно-бюрократической иерархии).

Методологически этот феномен может быть квалифицирован как результат социально-экономической реверсивности исторического процесса: инволюция капитала приводит к реактуализации докапиталистических форм отчуждения.

Теоретически этот феномен мы раскрыли выше, показав механизм долгосрочного контракта, при помощи которого капитал становится собственником творческого потенциала работника, процесса и результатов его деятельности, т. е. личностных качеств Человека, подчиняя его «вдохновенье» или «бессмертную душу», т. е. Личность. Так возникает «*креативное рабство*», мультиплицирующее эффект отчуждения, свойственный для креативно-вещной зависимости.

Креативный «раб» последних десятилетий — это индивид, имеющий во многих случаях привилегированное (по сравнению с индустриальным наемным работником) экономическое положение, занятый относительно интересной работой, имеющий немалый объем свободного времени и зачастую субъективно не отражающий своей личной зависимости от корпорации. Однако при этом он не свободен в главном — в целеполагании своей творческой деятельности, основные направления которой внешним образом заданы капиталом, подчиняющим его креативные интенции соображениям увеличения корпоративной прибыли и усиления ее «рыночной власти»[1].

После этих ремарок о специфике формального подчинения капиталу Человека мы можем продолжить наше исследование, показав, что вызываемое прогрессом позднего капитализма развитие креативной деятельности приводит к формированию как ряда *новых форм реального подчинения труда и Человека капиталу*, так и ростков *подрыва реального подчинения труда капиталу, которые, однако, используются капиталом для усиления своего господства*.

7.2. Противоречия трансформаций реального подчинения труда капиталу: личность и свободное время как объекты гегемонии

Эти феномены появляются тогда, когда перед капиталом встает задача так видоизменить свою гегемонию, чтобы *сама «технология» жизнедеятельности глобального корпоративного капитала подчиняла ему человека как целостную личность*. В полной мере эта задача в принципе неразрешима, ибо, как уже было замечено, творческая по содержанию деятельность неотчуждаема по самой своей природе. Однако определенные переходные отношения здесь могут возникнуть, продолжая линию подрыва (и одновременно — усиления) формального подчинения труда капиталу (исторической аналогией здесь может служить мануфактура или даже фабрика, использующая труд крепостных — феномен, хорошо известный позднему феодализму).

[1] Сошлемся в подтверждение данного тезиса на художественные образы: книгу и фильм «99 франков», описывающие кабалу «креативщика», работающего в рекламной корпорации, и фильм «Дьявол носит Прадо» о карьере сотрудницы модельного агентства, которую та может делать исключительно путем подчинения всей своей личной жизни и даже свободного времени воле топ-менеджера.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Начнем с важнейшего для нашей работы тезиса: *новые, специфические для XXI века формы и механизмы подчинения человека (а не только труда) капиталу связаны именно с процессом перехода «по ту сторону материального производства»*. В условиях относительного сокращения материального производства и необходимости развития креатосферы у капитала есть только три возможности реакции на эту объективную необходимость.

Первая. Торможение прогресса творческой деятельности и консервация прежней системы с доминированием традиционного материального производства и сферы услуг (индустриального или даже доиндустриального типа) и с соответствующими социально-экономическими отношениями.

Вторая. Развитие субститутов креатосферы (рост превратного сектора).

Третья. *Подчинение времени и пространства свободного развития человека (потенциально открытого для развития креатосферы) капиталу и превращение его в составную часть экономического процесса капиталистического производства.*

Первый путь доминирует в системах, ориентированных на консервативное, «фундаменталистское» направление эволюции капитализма (он, в частности, начал активно пропагандироваться частью российского чиновничества и капитала в период, когда пишутся эти строки).

Второй и третий интегрируются современным глобальным капиталом, создающим условия, в которых на место креатосферы приходят ее субституты (квазитворчество в сфере финансов и т. п.) и превратные формы организации свободного времени, превращаемого капиталом во время *досуга*.

Рассмотрим чуть подробнее *феномен подчинения капиталу свободного времени человека как дополнение процесса подчинения труда капиталу*. Переход «по ту сторону материального производства» приводит к тому, что именно целостное развитие индивида на протяжении свободного времени становится основным «капиталом» общества, в котором развивается креатосфера. Следовательно, *экономическое* подчинение именно этого пространства-времени жизнедеятельности человека капиталу, точнее, *превращение жизнедеятельности человека на протяжении свободного времени в составную часть экономического процесса капиталистического производства становится объективно необходимым направлением развития капитала.*

Проблема, однако, в том, чтобы это подчинение стало не только формальным, социально-экономическим, но и реальным, технологическим. Для этого надо не просто превратить свободное время и процесс формирования Человека в капиталистический по социально-экономической форме, но и *так трансформировать самое содержание («технологию», природу) свободного времени и всего процесса воспроизводства Человека как личности, чтобы независимо от [капиталистической] формы само содержание этих процессов делало из человека марионетку капитала, раба его глобальной гегемонии.*

Именно такая трансформация осуществляется путем превращения свободного времени во время досуга, культуры — в масс-культуру, знаний — в интеллектуальный товар, образования — в производство «профессионалов» для тотального рынка и т. п. Повторим: вследствие этих трансформаций происходит не просто «надевание» капиталистической формы на свободное время, культуру, образование и т. п., а изменение их содержания.

Рассмотрим эти аспекты подчинения человека корпоративному капиталу подробнее.

Начнем с *трансформации свободного времени во время досуга.*

Подчинение капиталу свободного времени — это относительно новое явление, характерное именно для позднего капитализма, ибо «классическая» модель капитала предполагала, что *экономическая* власть капитала над рабочим заканчивается за пределами фабрики. Безусловно, политическая и идеологическая власть капитала была и раньше частью капиталистической общественно-экономической формации. Но ранее

это был феномен «надстройки»[1]. Новое в этом явлении — формирование *производственных отношений*, в и посредством которых осуществляется подчинение капиталу ***свободного времени*** (***формальное*** *подчинение* ***Человека***), трансформация свободного времени во время досуга.

Механизмы этого подчинения и этой трансформации хорошо известны и тесно сращены с феноменами «общества потребления» и симулятивного бытия — от масскультурного и масс-медийного манипулирования до «культуры» шопинга и рекламы. Гораздо интереснее содержание этого феномена, раскрытое зарубежными исследователями еще в 1960-е годы[2].

Капитал, трансформируя природу нерабочего времени, превращает его во время досуга, в рамках которого человек не просто воспроизводит свою рабочую силу, чтобы снова войти в отношения эксплуатации, а во всех своих жизненных проявлениях становится функцией рынка и капитала. Тем самым блокируется возможность использовать не-рабочее время, чтобы обрести хотя бы какие-то элементы свободного и гармоничного развития личности, хоть в чем-то вырваться из подчинения капиталу.

Содержание досуга — *манипулятивно-навязанная технология потребления товаров и услуг, являющаяся по преимуществу технологией массового и/или симулятивного потребления*. Содержание свободного и гармоничного развития личности — распредмечивание феноменов креатосферы. В первом случае Вы выполняете технологические процедуры, навязанные Вам капиталом. Вы либо *стандартно* потребляете массовые реальные и симулятивные блага, проводя время в супермоллах и мечтая о новом «Форде» (вариант для бедных и низшего среднего класса), либо *стандартно* «выделяетесь» из общей массы при помощи стандартных же процедур (то ли превращаясь в каких-нибудь «готов», то ли — вариант для «высшего среднего класса» — пользуясь одним из прорекламированных бутиков или стоя в очереди на коллекционный «Бентли»). Во втором случае Вы индивидуально развиваетесь в мире культуры и/или творите историю.

Сферы первого — шопинг и иные виды стандартного и все более симулятивного потребления, Интернет-серфинг, масскультура и иные формы «расслабления» (вплоть до наркотиков как абсолютно завершенной формы симулятивного досуга). Сферы второго — образование и воспитание Человека (а не узкого профессионала — частичного работника), наука, искусство, рекреация общества и природы, социальное творчество (участие в жизни гражданского общества).

Перефразируя и несколько смягчая одного из современных российских писателей можно образно сказать, что еда (утилитарное потребление) производит фекалии и мусор, а мечта (творчество, распредмечивание) — историю и культуру.

Существенно, однако, что в некоторых анклавах социального пространства-времени (в социализированных, частично ограниченных обществом формах своего бытия) капитал временами отступает, обеспечивая развитие и собственно свободного времени. Более того, это отступление для него необходимо, ибо без развития креатосферы невозможен современный технологический прогресс, а значит и накопление капитала. (Здесь вновь «работает» наша методология анализа диалектики трансформаций: «старая» система для своего укрепления должна частично отступать, давая простор развитию ростков «новой» и переходным отношениям).

Превращение свободного времени во время досуга предполагает, далее, формирование капиталом такой системы *институтов организации не-рабочего времени*, которая соответствует задачам развития его гегемонии и обеспечивает расширенное воспроизводство названных технологий бытия человека как марионетки капитала. Это институты (понимаемые и как «правила игры», и как организационные структуры) воспроизводства потребительски-кон-

[1] Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci / Q. Hoare and G. Nowell-Smith (eds. & trans.). L.: Lawrence and Wishart, 1986. PP. 181–182, 195.

[2] *Mills Ch. R.*. The Marxists. N. Y.: Dell Publishing Co., 1962.

формистских систем ценностей и мотивов деятельности. Последние могут быть как рациональными (классический «вещизм», вырастающий еще из товарного фетишизма и ориентирующий работника на достижение стандарта «дом, две машины, двое детей в колледже»), так и симулятивными, как материальными, так и духовными (вот здесь уже включается масс-культура и СМИ).

Как итог, капитал формирует определенный образ жизни, превращая человека в (используем образ нашумевшего в 2000-е гг. фильма) *раба матрицы*. За этим образом стоит система сознательно и субъектно сформированных и объективно, стихийно сложившихся манипулятивных экономических, социальных и т. п. воздействий, превращающих самое содержание и образ жизнедеятельности человека в функцию капитала, а Личность — в пассивного *конформиста* (марионетку, смирившуюся со своей общественной ролью) или *Хама* (активного субъекта воспроизводства системы манипулирования-подчинения). Подчеркнем, что все это ныне не столько специфические функции государства и институтов идеологии, сколько часть процесса экономической деятельности корпоративно организованного капитала, одно из важных слагаемых его тотальной гегемонии.

Но превращение свободного времени во время досуга и подчинение не-рабочего времени — это не единственное направление реального подчинения капиталу личностных качеств человека. В современных условиях развиваются механизмы *реального подчинения капиталу не только свободного времени, но и самой творческой деятельности.*

Среди основных направлений такого подчинения выделяются не только названные процессы развития масс-культуры и масс-медиа, но и *монополизация капиталом «средств производства» творческой деятельности.* С методолого-теоретической точки зрения этот феномен в принципе следует отнести к формальному (идущему от капиталистической формы) подчинению творческой деятельности капиталу. Но практически в данном случае граница формального и реального подчинения стерта вследствие специфики творчества, где сама деятельность и ее предпосылки слиты. Вот почему развитие частной собственности на know-how и другие культурные ценности приводит к своего рода «огораживанию» капиталами культурных пространств, доступ в которые возможен для творца только путем подчинения капиталу (устройство на работу в фирму с обязательством неразглашения ее тайн...).

Как следствие возникает иррациональный по своему содержанию феномен собственности корпорации на результаты творческой деятельности — создаваемые культурные ценности и новые способности работника-творца (господство долгосрочных контрактов).

«Производство» творческих личностей также монополизируется капиталом (с методолого-теоретической точки зрения это опять же скорее феномен формального подчинения творческой деятельности). Последний контролирует наиболее высококачественные учебные заведения и центры переподготовки кадров[1] (известны феномены сращивания элитных вузов с крупнейшими корпорациями и превращения первых — таких, например, как Гарвард в США, — в ТНК).

Наконец, современный капитал доводит до совершенства характерные для любых обществ эпохи отчуждения (от азиатской деспотии до мутантного социализма и корпоративного капитализма) механизмы *подчинения интеллигенции господствующей социально-экономической силе.* Специфика в данном случае состоит в том, что эти механизмы носят преимущественно экономический характер, базируясь на тех же отношениях тотальной гегемонии капитала, что и в других случаях.

Наибольший интерес и наибольшие трудности в данном случае представляет вопрос о *реальном подчинении капиталу собственно творческой деятельности.*

---

[1] В этом феномене, в принципе, нет ничего нового: господствующая социальная сила во всяком обществе отчуждения контролирует эти процессы (так, средневековые университеты совместно контролировались монархической властью и господствующей церковью); ныне эстафету принял корпоративный капитал.

7.3. Невозможное возможно: парадоксы реального подчинения капиталу творческой деятельности и «двоякое замещение» [креатосферы и творца]

Парадокс этого феномена состоит в том, что, с одной стороны, *содержательно творчество не может быть капиталистическим, **содержание творческой деятельности*** (в отличие от разделенного частичного труда работника как придатка машины) ***освобождает человека** и потому не позволяет подчинить его никакой отчужденной внешней силе, в том числе — капиталу.* С другой стороны, однако, капитал объективно стремится к такой организации творчества, когда оно по своему содержанию становится механизмом подчинения Человека капиталу. Так возникает *дурная антиномия: капитал не может подчинить содержание творческой деятельности и он не может не подчинять ее.*

Не разрешением, но [псевдо] снятием этого парадокса может стать только одно: наличие такой деятельности, которая содержательно будет подчинять человека капиталу, одновременно будучи *как бы* творчеством (превратной формой и/или симулякром последнего). Такой формой теоретически может быть создание *как бы* новых результатов (симулякров феноменов культуры) в процессе деятельности *как бы* творцов (субъектов труда, подчиняющего Человека капиталу). Практически эти феномены хорошо известны и давно описаны в литературе — это *деятельность профессионалов в превратном секторе.* Именно здесь и создаются симулякры новых культурных феноменов (от рекламных роликов, призывающих купить абсолютно новый вид Кока-колы, или новейших по спецэффектам 3, 4, ..., n, ... -D блокбастеров до элитарных перфомансов и психо-сексо-... и прочее ...логических философских трактатов).

Сказанное есть ничто иное, как *выведение* (путем проведения подкрепленного обращением к практике теоретического исследования проблемы единственно возможного пути разрешения реального противоречия между капиталом и творческой деятельностью) следующего положения: *для [превратной] капиталистической формы генезиса креатосферы характерно **двоякое замещение**: (1) креатосферы превратным сектором и (2) творца — «профессионалом».*

Вследствие этого замещения господствующим пространством развития новых форм капитала и его гегемонии становится сфера «вторичных» и «третичных» производственных отношений и шире — *превратного (бесполезного) сектора*, где собственно и развиваются par excellence (по преимуществу) и наиболее интенсивно современные (в том числе — симулятивные, часто имеющие виртуальный вид) формы рынка и капитала.

С точки зрения процессов генезиса творческой деятельности названное выше двоякое замещение означает очень важный сдвиг. Замещение креатосферы превратным сектором означает не только то, что сферы собственно творчества (образование, наука, искусство) вытесняются сферами, *симулирующими* творчество, но и то, что собственно творческие сферы, подчиняясь глобальному капиталу, превращаются в его функции и сами обретают симулятивные формы. Креатосфера, как и превратный сектор, начинает в определенной мере (последняя зависит от соотношения сил гегемонии и освобождения) превращаться в области создания *виртуальных симулякров* культуры (масс-культура), ценностей (символическое потребление), знаний (образование как производство корпоративным капиталом «профессионалов», чьи качества детерминированы параметрами тотального рынка)... В результате разворачивается двоякий процесс: и (1) постепенной *экстенсивной экспансии превратного сектора, вытесняющего креатосферу, т. е. внешнего замещения креатосферы превратным сектором,* и (2) *интенсивного самовырождения креатосферы в превратный сектор, превращения имманентных для креатосферы*

практик (деятельностей, субъектов, пространств, результатов) *в отрасли превратного сектора*[1].

Именно таков глубинный политико-экономический и — шире — социо-философский — смысл типичных для современного этапа инволюции позднего капитализма процессов (1) сокращения пространств и роли фундаментального, развивающего личность образования, высокой культуры, добровольческой деятельности по рекреации общества и природы и их замещения функциональным обучением профессионалов, масс-культурой и т. п., а также (2) коммерциализации и бюрократизации образования, искусства, науки, социальной и природной рекреации ит. п.

Второй аспект названного выше «двоякого замещения» также требует некоторого комментария. *«Профессионал» становится субститутом homo creator'a в той мере, в какой происходит не только замещение креатосферы превратным сектором, но и в какой на место субъекта свободной универсальной всеобщей творческой деятельности приходит субъект преимущественно репродуктивного разделенного (частичного) интеллектуального труда, подчиненного в своих основных целях, мотивах и функциях внешней силе* (в данном случае — корпоративному капиталу).

Несколько подробнее эту связь можно выразить так: в той мере, в какой работник, осуществляющей интеллектуальную, требующую высокой квалификации деятельность (1) свободно и самостоятельно выбирает цели и механизмы своей деятельности, потребные для нее «ресурсы» (знания, культурные блага), а также круг лиц, с которыми он включается в диалог в процессе ее осуществления; (2) его ценности и мотивы связаны с самореализацией в процессе этой деятельности (труд есть стимул самого себя[2]); (3) время этой деятельности есть свободное и ненормируемое, а сам труд (4) носит всеобщий универсальный характер и имеет творческое содержание — в этой мере мы можем говорить о субъекте творческой деятельности.

В той мере, в какой субъект интеллектуального высококвалифицированного труда (1) работает в соответствии заданными извне целями, функциями, формами кооперации; (2) мотивирован внешними для творчества (прежде всего — денежными и иными отчужденными) ценностями; (3) осуществляет свой труд в рабочее (отделенное от досуга) время, а труд его носит характер (4) репродуктивного и разделенного — в этой мере мы можем говорить о «профессионале» — подчиненном отчужденным силам [корпоративного капитала] субъекте.

Названное двоякое замещение — важнейшее основание создания механизмов реального подчинения и разделения труда, в принципе не характерных для творческой деятельности.

Сказанное позволяет нам сделать еще один шаг по пути исследования отношений подчинения Человека капиталу, и показать, что для современной эпохи характерно доминирование корпоративного капитала как не только финансового, но и *информационно-креативного*, так как информационная

[1] Л. А. Булавка, исследуя проблему творчества в условиях симулятивной реальности, отмечает следующую закономерность: «...индивид в значительной степени сегодня отчужден еще и от самого творчества, которое все активнее вытесняется из всех сфер жизнедеятельности индивида засильем технологизма разного рода, постепенно превращая его в функционера социальных, рыночных, политических институтов. Но даже тогда, когда процессы творчества имеют место, они, как правило, оказываются во власти превратных форм. В любом случае, современный индивид связывает творчество с чем-то конечным, преходящим, изменчивым, а вот превратные формы действительности, властвующие над ним, он воспринимает уже как некую трансценденцию, абсолютно неизменную во времени и пространстве» (*Булавка Л. А.* Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2. С. 102).

[2] Напомним: этот атрибут творческой деятельности выделяют многие исследователи, причем далеко не только зарубежные. В нашей стране этот аспект раскрыт весьма полно: от работ психологов, акцентировавших деятельностную природу личности через не раз уже упоминавшихся марксистов-«шестидесятников» (Г. С. Батищев, В. С. Библер, Н. С. Злобин, В. М. Межуев и др.), до работ авторов этих строк 1980-х годов и В. Иноземцева 1990-х. Последний, правда, необоснованно ограничивает differentia specifica творческой деятельности только этим ее свойством, оставляя в стороне все иные аспекты, раскрытые в работах его предшественников.

сфера становится доминирующей превратной формой креатосферы.

Тем самым скачок «по ту сторону материального производства» в условиях гегемонии корпоративного капитала оказывается началом движения в направлении *превращения информации в основную форму движения капитала* (инвестиционных, финансовых, маркетинговых и т. п. процессов). Особенно важно в данном случае то, что монополизация этой формы обеспечивает контроль за финансовым капиталом, а через контроль за финансовыми процессами — за движением капитала в целом и, следовательно, за функционированием всего материального производства, протекающего в капиталистической форме.

Оборотной (а скорее всего, напротив, «лицевой») стороной этого процесса является *монополизация корпоративным капиталом ключевых инноваций, нововведений и know-how* (как важнейших слагаемых конкурентоспособности товаров-вещей, товаров-услуг) и *информации* как товара в современном мире.

Во многом таким же образом современный корпоративный капитал подчиняет себе государство (или, точнее, сращивается с ним, ибо здесь трудно сказать, кому принадлежит больше власти — транснациональным корпорациям или национальным государственным институтам).

Национальные *государственные институты* также претерпевают существенные изменения. Все «стандартные» функции государства (института, защищающего волевыми, в том числе политическими и идеологическими, методами господство буржуазии; обеспечивающего определенный баланс классовых интересов и воспроизводство общества как целого; гарантирующего соблюдение институциональных правил функционирования буржуазной экономики, прав частной собственности и т. д.) во многом подчиняются этой новой функции.

Поскольку (1) на протяжении всего XX века, и особенно во второй его половине, государство осуществляло еще и функции регулирования экономики, и социума, а кроме того (2) крупнейшие корпорации тоже способны частично регулировать рынок и социальную жизнь, постольку сращивание этих сил приводит к тому, что в условиях перехода к новому качеству экономики и общества *отношения и процессы, лежащие «по ту сторону собственно материального производства», также становятся объектом государственного регулирования.*

В условиях генезиса креатосферы регулирующие функции не только корпораций, но и государства дополняются функциями *информационного обслуживания и контроля.* Эти функции сращиваются с информационным контролем корпораций, и эта объединенная власть является новым феноменом, характеризующим данный уровень гегемонии корпоративного капитала.

В результате всех этих процессов *соединение ростков нового реального подчинения не только труда, но и Человека капиталу с использованием новых механизмов формального подчинения создает предпосылки для сращивания элиты корпоративного капитала и элиты новаторов («профессионалов»), мультиплицируя власть капитала, как бы* ***«перемножая» власть современного корпоративного капитала на «власть» творцов.*** И если в прежние эпохи этот, в принципе известный феномен, был скорее исключением, чем правилом практик отчуждения в силу редкости и уникальности творческой деятельности, то в последние десятилетия, в связи с превращением «креативного класса» в массовой слой, производящий ключевые ресурсы обогащения капитала, эта мультипликация стала важнейшим слагаемым власти корпоративного капитала.

При этом, естественно, *гегемония капитала приводит к тому, что прогресс творческой деятельности и ее материальных факторов протекает в формах, наиболее адекватных не для свободной творческой деятельности, а для подчинения новаторских способностей капиталу.*

В результате *прогресс креативной деятельности уходит преимущественно в русло развития превратных форм творчества*:

- экспансию бесполезного сектора (в частности, превратных форм креатосферы);
- формирование узких *специалистов* (превратной формы универсально раз-

вивающегося homo creator'a), работающих преимущественно на заказ превратного сектора (финансового капитала, ВПК, массовой культуры и т. п.);
- превращение культурных ценностей в интеллектуальную собственность вследствие того, что капитал «надевает» на них превратную форму информационных *товаров,* находящихся в частной собственности крупнейших корпораций, и т. д.

Что же касается собственно творческого труда в его действительном содержании, то *капитал здесь оказывается в двойственном положении.*

С одной стороны, он не может не развивать креативную деятельность, ибо нуждается в ее продуктах для повышения производительности труда, что дает возможность получать избыточную прибавочную стоимость, и создания всеобщего общественного богатства — научных, художественных, педагогических и т. п. новшеств, присвоение которых капиталом позволяет ему присваивать интеллектуальную (культурную) ренту.

С другой стороны, капитал не может содержательно подчинить себе этот труд.

В результате формируется система *переходных* отношений, где, с одной стороны, капитал стремится подчинить себе творчество формально и через «окольные пути» (мы о них писали выше, размышляя о трансформации свободного времени и т. п.), а с другой — вынужден идти на компромиссы, развивая не только прагматически-ориентированное и/или симулятивное, но и реальное фундаментальное образование, науку и т. п.

7.4. Подчинение капиталу Человека: заключительные ремарки

Развивая ростки новых механизмов формального и реального подчинения капиталу не только труда, но и человека, его творческих способностей, нынешняя эпоха дополняет их системой отношений ***корпоративного доминирования*** капитала над трудом и (шире) человеком.

Суть этого доминирования состоит в том, что *современный корпоративный монополистический капитал представляет собой* не просто предприятие, но *как бы «административно-командную систему»*[1] *в миниатюре,* в чем-то сходную с бюрократической подсистемой «реального социализма» и включающую многие свойственные для такого типа систем каналы власти/подчинения. Это *закрытая и в определенной мере бюрократическая система.* Попав в нее, работник становится не столько свободным наемником, сколько членом закрытого «клана», дающего определенные привилегии, гарантии, защищающего от некоторых внешних воздействий и т. п., но вместе с тем требующего и определенных жертв, обязательств по отношению к системе (это особенно характерно для японских и других азиатских ТНК). Отношения управления, обретающие черты бюрократизма, также вносят свою лепту в систему подчинения работника как личности капиталу, в данном случае выступающему в принципиально чуждой для него, но свойственной для больших корпораций форме власти «бюро», канцелярии, формы.

Тем самым корпорация строится как сложная иерархическая система, целостно (в том числе административно-бюрократически) подчиняющая *личность* человека (а не только его рабочую силу) некоему безликому, внеличностному механизму — административно-бюрократической власти. Подчеркнем: такой характер власти означает не столько ее неэффективность, сколько другие качества бюрократии — власть замкнутого безликого привилегированного слоя, обособленного от низов и реального процесса деятельности; при этом сам этот слой подчинен интересам сохранения господства и экспансии безликой машины в целом, над ним довлеют фетишизм формы, тенденции к доминированию вертикальной власти («я — начальник, ты — дурак») при постоянных болезнях ведомственности, коррупции etc.

---

[1] Термин появился в статье Г. Попова «С точки зрения экономиста» (Наука и жизнь. 1987. № 4). В ней, на основе отсылок к роману Александра Бека «Новое назначение», Г. Попов пытался свести сущность плановой экономики СССР к командным функциям административной системы.

И хотя всякая корпоративная структура постоянно борется с этим, затрачивая массу усилий и средств на создание эффективного менеджмента, в целом она остается *по сути* бюрократической системой, т. е. системой, основанной на отчуждении управления от труда.

Этот подход авторов резко контрастирует с современными трактовками внутрикорпоративных отношений и систем управления в корпорациях. Большинство исследователей, пишущих о корпорациях эпохи генезиса информационного общества, акцентируют внимание на совершенно ином. Как правило, речь идет даже не о «революции управляющих» как новой (по сравнению с капиталом XIX века) эффективной управляющей силе-власти (это было характерно преимущественно для работ до 1960-х гг.), а о новой роли интеллектуалов («меритократия»), профессионалов как относительно независимых от менеджмента, но принципиально важных для корпорации лиц; переходе от вертикально-иерархической к модульной организации труда и гипертекстовой — управления; снижении роли административных каналов власти и возрастании значения внутрикорпоративной культуры и традиций и т. п.

Как же объяснить это радикальное различие подходов?

Мы отнюдь не игнорируем названные выше новые тенденции, однако, на наш взгляд, большинство зарубежных авторов, пишущих на эту тему (можно упомянуть работы таких ученых как Белл, Дракер, Кэннон, Тоффлер, Нэсбитт и мн. др.), и их российские последователи (В. Иноземцев, прежде всего), по сути дела, во-первых, *выделяют лишь одну из многих тенденций*. Они акцентируют феномены, которые мы назвали подрывом отношений подчинения труда капиталу в сферах управления и организации, развивающиеся по мере роста значения новаторских и предпринимательских способностей служащих среднего и высшего уровней.

Во-вторых, в качестве предмета анализа они берут *не столько факты и действительные отношения в корпорациях, сколько декларации о намерениях высшего руководства кампаний и поучения из курсов менеджмента, модели управления* и организации корпораций.

Наконец, в-третьих, что особенно важно (и потому мы это повторяем), в качестве отношений внутри *корпорации* названные выше авторы рассматривают, как правило, модели управления *служащими штаб-квартиры*, а не всеми звеньями гигантских транснациональных корпоративных структур. О сети же клиентов и говорить не приходится.

В результате происходит *идеализация* (*приукрашивание*) *реальных внутрифирменных отношений*, подобная идеализации «социалистической организации управления». Эти тексты похожи на реалии корпоративного управления примерно в той же мере, в какой советская теория планирования была похожа на работу Госплана и министерств в СССР.

В результате бытия ТНК как административно-командной системы в миниатюре ее *наемный работник превращается еще и в служащего иерархической системы* со всеми свойственными для нее специфическими законами, интересами и ценностями (от карьеризма до коррупции), в принципе не свойственными для «классического» индустриального наемного рабочего. Он подчиняется капиталу не только как частичный работник сложной системы технологически разделенного труда, но и как *«винтик» бюрократической системы*.

Вследствие названных причин *«профессионалы» превращаются в слуг* (если не крепостных-дворовых, иные из которых жили не хуже обедневших помещиков) *корпорации*. В этом смысле они становятся в некоторой мере (разной для разных работников разных корпораций) высокопоставленными рабами некой *«матрицы» корпоративных отношений*[1]. В этом смысле они *подчиняются* даже не столько конкретной корпорации (хотя в условиях «пожизненного найма» или долгосрочных контрактов

[1] Содержательно эту тему начала раскрывать в свей успешно защищенной магистерской диссертации одна из наших учениц — М. Альбац, которая выдвинула гипотезу *«нового крепостничества»* в отношениях работников и хозяев корпорации. К сожалению, эта работа не была продолжена.

возможно и такое), сколько *корпоративному капиталу как конкретно-всеобщему содержанию современной системы экономических отношений.*

Более того, как «винтик» этого корпоративно организованного капитала-функции работник становится *трудоголиком, склонным к самоэксплуатации* не столько вследствие творческого содержания труда, сколько вследствие своего подчинения этому капиталу-функции, превращения, если так можно выразиться, в ничтожно малого *«частичного капиталистика»* (*причем не столько в своем качестве собственника своего человеческого и социального капитала или акций, сколько в качестве элемента корпоративного капитала как целого*).

Последнее возникает при соединении этого превращения с (1) возможностью социально-престижной творческой деятельности в рамках корпорации (например, работа в «Майкрософте», являвшаяся с конца XX века априори престижной для молодежи), дающей прогресс (2) не только рабочей силы, но и человеческого и социального «капитала» работника, плюс (3) участием в собственности данной корпорации, а также (4) современными методами управления для слоя «профессионалов» (т. е. меньшей части наемных работников пирамиды ТНК). При интеграции всех этих параметров и создается новая мощная система мотивации к работе «профессионала» на благо фирмы и тем самым окончательного превращения его в «раба матрицы».

Материальным базисом массового развития такого типа работников и их административно-бюрократического подчинения капиталу становится отмеченный выше рост сферы трансакций, и, прежде всего, перемещение наиболее мощных корпоративных структур все более в сферу движения фиктивного капитала и управления им, а также других видов деятельности в сфере трансакций (от аудита и консалтинга до маркетинга и финансов).

Как таковая, корпоративная система воздействует на *личность* работника, создавая социальные, юридические, психологические, идеологические и т. п. механизмы подчинения работника иерархии. Здесь вновь проявляется тотальность гегемонии капитала, *«экономический империализм» особого рода — использование неэкономических механизмов с целью усиления экономического подчинения.* Это подчинение может осуществляться в тонких и «деликатных» формах, свойственных для системы «человеческих отношений», а может иметь вид тоталитарного по своей сущности подавления, широко использующего механизмы насилия (преимущественно в развивающихся странах).

Наконец, *корпоративная система усложняет и «размывает» границу между капиталистом и наемным работником,* «втягивая» последнего (как служащего управляющей иерархической системы) в *частичное* осуществление деятельности, свойственной для капитала-функции. Для «закатных» состояний экономических систем (а поздний капитализм относится именно к таким состояниям) диффузия «классических» отношений и структур является правилом, а не исключением, что и происходит в данном случае с отношением капиталиста и наемного работника. Так наемный работник, осуществляющий функции управления (даже на низшем уровне), встраивается корпорацией в деятельность по подчинению труда, порождая как бы самоподчинение и самоэксплуатацию (естественно, тоже частичную).

Корпоративная структура тем самым *создает объективную видимость* (превратную форму, скрывающую все описанные выше «пласты» гегемонии капитала) *трансформации наемного работника в члена корпорации,* связанного с другими работниками системой «контрактов» в рамках единой структуры. Так создается основа *объективной видимости единства интересов, ценностей и т. п. работника-члена корпорации и капитала-корпорации.* Это еще более подчиняет первого второму, *тотально «растворяя» работника в корпорации и подчиняя его не столько отдельному капиталисту, сколько целому — корпоративной структуре* (которая, как уже отмечалось, в конечном счете фактически приватизирована корпоративно-капиталистической номенклатурой, контролирующей основные пучки прав собственности).

Включая работника-профессионала в иерархию корпоративной организации, капитал тем самым должен существенно видоизменять *параметры воспроизводства товара рабочая сила,* прежде всего — способности к труду работника-новатора, являющегося в то же время и «рабом матрицы».

Каковы же эти новые качества? Такой работник (*новатор и одновременно «раб матрицы»*) должен иметь (1) высокое образование; (2) определенную стабильность своей жизнедеятельности; вследствие этого (3) высокую продолжительность жизни и хорошее здоровье, а также (4) значительное не-рабочее время для воспроизводства квалификации... Перечень легко продолжить.

Если эти параметры не обеспечиваются общедоступной социальной системой, их должен воспроизводить сам работник (семья). Отсюда, в частности, прямо вытекает *необходимость осуществления наемными работниками в массовых* (в меру массовости «профессионалов») *масштабах значительных* (достаточных для решения как минимум задач 1–4) *сбережений*, прямо связанных с названными параметрами воспроизводства качества человека как дорогостоящей рабочей силы и «винтика» капитала-функции. Тем самым *капитал сам вызывает к жизни массовые сбережения* (высших и средних слоев развитых стран) *и сам же присваивает контроль над ними и права пользования* (заметим: здесь авторы с новой стороны приходят к дополнительному обоснованию предложенной ими в начале раздела схемы производства и присвоения прибавочной стоимости в условиях развития массовых сбережений работников).

Такая модель воспроизводства работника-служащего (добавим сюда также закономерности воспроизводства «общества потребления») продуцирует формирование *«общества стариков»*, где наряду с позитивным процессом значительного роста продолжительности жизни, наблюдается вытеснение всех сторон вне-корпоративной жизни человека и откладывание их на период старости. Последняя, кстати, тем самым тоже превращается в «досуг» потребителя-клиента...

Суммируем: в условиях позднего капитализма *человек целостно подчиняется корпоративному капиталу, одновременно воспроизводя последний всей своей жизнедеятельностью.* Основными *каналами такого подчинения-воспроизводства* становятся, *во-первых,* труд человека как не просто наемного работника, но и «раба матрицы» — трудоголика-профессионала, чьи новаторские качества и стремление к качественной деятельности подчинены и впитываются корпорацией, *во-вторых,* его бытие как клиента-потребителя и, *в-третьих,* аккумуляция его сбережений.

А теперь обратимся к давно откладывавшемуся вопросу о ***(не?) подчинении капиталу внекорпоративной творческой деятельности*** — тех интеллектуалах, кто на первый взгляд самостоятельно (по контракту) работает на любого из представленных в сети потребителей, находясь в своем «электронном коттедже».

Развитие в конце XX века информационных технологий, гибких производственных систем, процессы миниатюризации и т. п. дали (по видимости) новый импульс для развития внекорпоративных систем организации труда (труд на дому, частичная занятость, job sharing и др.). С точки зрения большинства (но не всех!) западных исследователей этого феномена и их российских последователей во всех этих случаях развиваются формы не подчиненного капиталу свободного интеллектуального труда.

Авторы же ниже постараются доказать, что на самом деле в большинстве случаев в эти формы камуфлируют обратный процесс: *рост реальной зависимости труда от капитала как целого* (конкретно-всеобщего), т. е. прогресс именно тотальной зависимости. Другое дело, что развертывается эта зависимость в камуфлирующих ее содержание формах и по зачастую малозаметным каналам.

Среди последних:

- отсутствие существенных гарантий социального обеспечения и, что особенно важно, *занятости* для лиц, работающих неполный день, по временному контракту, на дому и т. п.;

- увеличение вследствие этого не только нормы *эксплуатации*, но и *зависимости* такого работника как от отдельного работодателя, так и от капиталистической системы в целом;
- существенное ограничение возможности *самоорганизации* и коллективного противостояния гегемонии капитала;
- воспроизведение механизмов *«рассеянной мануфактуры»* на новом этапе, лишающих работников преимуществ обобществленного труда, и не создающих коллективы (подобные фабрично-заводским), в которых развиваются отношения *солидарности*;
- интенсификация *конкуренции* между наемными работниками;
- *«очастнивание»* не только труда, но и всех сторон социальной жизни работника, что приводит к еще большему подчинению человека тотальной власти не только капитала, но и рынка.

В результате формируется (этот тезис развивается в рамках концепции *двойственной экономики — dual economy*) разделение трудящихся не только в мире в целом, но и внутри развитых стран на «элиту» постоянно (а подчас и гарантированно) занятых служащих, сращенных с капиталом-корпорацией, и остальных наемных рабочих, попадающих (в силу отсутствия социальной защиты) в полурабскую зависимость от капитала.

Особенно важен в этом контексте переход к все более широкому использованию формы, которую мы в конце 1990-х гг. назвали *«постиндустриальной рассеянной мануфактурой»*. Использование широко разрекламированной еще в работах Д. Белла формы «электронного коттеджа» создало видимость перехода в случае с постиндустриальным работником от формы наемного труда к форме труда по предоставлению услуг одним независимым товаропроизводителем (постиндустриальным работником) другому (корпорации). Эта видимость не случайна: отношения наемного труда и капитал по видимости всегда были и остаются отношениями двух независимых товаровладельцев, что специально подчеркнуто К. Марксом. Но так же верно и то, что в сущности своей они были и остаются отношениями подчинения труда капиталу.

Другое дело, что форма этого подчинения может быть, была и будет различной для разных в технологическом и организационном отношении капиталистических предприятий. Мы не случайно уделили некоторое внимание теории формального и реального подчинения труда капиталу. Она «работает» во многих случаях, в том числе и в случае с «постиндустриальной рассеянной мануфактурой». В данном случае мы видим действительно имеющий место отход от отношений реального подчинения труда капиталу, типичных для индустриального капитализма (фабрика, конвейерное производство). Но этот процесс не отменяет старых механизмов формального подчинения труда капиталу и добавляет новые механизмы тотального подчинения интеллектуального работника капиталу, описанные выше. Так что сравнение «электронного коттеджа» с рассеянной мануфактурой — это более чем аналогия. Это характеристика действительного сходства методолого-теоретической природы отношений подчинения труда капиталу.

Продолжим наш анализ. Система названных каналов подчинения человека капиталу, мультиплицированная развитием «общества профессионалов» (как, повторим, одной из превратных форм генезиса креатосферы), приводит к ***разрушению «общества двух третей», размыванию «среднего класса».*** Образуется не только социальный слой («прото-класс»), персонифицирующий гегемонию корпоративного капитала («корпоративная номенклатура»), но и социальный слой («прото-класс»), непосредственно осуществляющий (прежде всего в превратном секторе) эту гегемонию («профессионалы» — новое качество капитала-функции)[1].

[1] Выделение этих слоев проведено в соответствии с классическими марксистскими критериями, прежде всего — местом в системе общественного разделения труда и системе производственных отношений.

В целом эти два подразделения новой корпоративной буржуазии вкупе с интегрированными в эту систему интеллектуалами, превращенными в «человеческий капитал» и непосредственно обслуживающими гегемонию капитала в духовном производстве, плюс средняя и преуспевающая часть мелкой буржуазии образуют новую *«высшую 1/3»* (а где-то и меньше) общества развитых стран. Социальный статус, доходы и власть этой 1/3 активно растут (не только абсолютно, но и относительно) на протяжении последних 20–30 лет.

В противоположность этому собственно наемные работники (*потенциальные субъекты массовой общедоступной творческой деятельности — учителя и воспитатели, «рядовой» медицинский персонал, инженеры, рекреаторы общества и природы*) *все более отстают от этой высшей части. Динамика* их социального положения (отсутствие существенных положительных сдвигов на протяжении последних 30–40 лет при росте интенсивности труда) становится все ближе к положению низшей трети населения развитых стран.

В результате можно предположить, что *при сохранении этих тенденций в недалеком будущем развитые страны станут* ***«обществами одной трети (четверти...)»***, выкинув большинство своих граждан за порог «прогресса».

В результате в мире в целом складывается аморфный, но постоянно растущий ***массовый слой лиц, «исключенных» из системы стабильных, институционально-гарантированных отношений труда и капитала — прекариат*** (в некоторых случаях понятие «прекариат» переводится на русский как «отверженные», что, учитывая традиции перевода Виктора Гюго, даже ближе русскоязычному читателю)[1].

* * *

Завершая наш анализ подчинения капиталу Человека и креативной деятельности, гегемонии корпоративного капитала в сферах, лежащих «по ту сторону собственно материального производства» напомним, что *не* рассматриваемые в этом подразделе многие противоречия подчинения *индустриального* труда капиталу ныне «выносятся» в страны «Третьего» мира, где эти «старые» формы доминирования капитала до сих пор являются наиболее актуальными. В полной мере они актуальны и для большей части отраслей сервиса во всем мире, в том числе — в развитых странах. Более того, начинающаяся после мирового экономического кризиса 2007–2009 годов волна реиндустриализации в ЕС и США может реактуализировать названные выше проблемы, расширив сферу материального производства этих стран, где никогда полностью не исчезал традиционный индустриальный труд «обычного» наемного рабочего и его «обычное» формальное и реальное подчинение капиталу, описанные еще К. Марксом.

Наконец, не забудем и о том, что гегемония корпоративного капитала воспроизводит целый ряд как *бы «восстановленных» в новом качестве добуржуазных отношений отчуждения.* Последние не только включаются в систему отношений гегемонии корпоративного капитала, но и воспроизводятся параллельно с ним в странах «Третьего мира» и бывшей «Мировой социалистической системы».

Как мы писали выше, в развитых странах эти добуржуазные отношения зависимости (в частности, прямого подчинения творческого труда и присвоения человека вместе с его творческими способностями) сохраняются (в снятом виде) через специфическую систему бюрократического контроля, административного подчинения в рамках государства и корпораций, а также в виде различных механизмов внеэкономического принуждения (например, психологического и идеологического давления на работников), систему патерналистской зависимости работников от корпораций и ее

[1] Прекариат — понятие, пока не имеющее устойчивого значения. Как правило, под ним понимают весьма аморфный слой лиц, не имеющих стабильной занятости или, в более широком смысле, лиц, не имеющих стабильных оснований жизни, гарантий будущего (см.: *Boltanski L., Chiapello E.* The New Spirit of Capitalism. L.-N.Y.: Verso, 2005; *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2011).

боссов. Тем самым возникает сложная система не только экономической, но и психологической, идеологической, социальной власти корпоративного капитала.

В результате развертывания всех этих процессов в условиях позднего капитализма происходит формирование своеобразных *транснациональных кланово-корпоративных группировок* («пирамид»), в которых осуществляется интернациональная эксплуатация человека, а не только наемного работника, отчуждение и подчинение капиталу его личностных качеств.

Итак, важнейшим источником создания своего рода «субститутов», позволяющих использовать в рамках прежней системы прогресс технологий в материальном производстве и, главное, процессы, лежащие «по ту сторону собственно материального производства», является гегемония корпоративного капитала, но не только она.

Своеобразной реакцией на процессы снятия буржуазных производственных отношений может быть сохранение в прежнем мире того, что Иштван Мессарош называет *метаболизмом капитала*. На основе разработок этого автора можно сделать вывод, что снятие буржуазных производственных отношений может не означать одномоментного снятия и всех остальных компонентов социальной жизни, характерных для этой системы[1]. Последние включают, в частности, общественное разделение труда, специфически капиталистическую структуру производства и его макротехнологии, типы организации хозяйственных звеньев и их взаимодействия, структуру социальной жизни общества, модели и традиции поведения и т. п.

Все эти процессы, противоположные генезису освобождения труда, позволяют *как бы* реставрировать и поддерживать механизмы отчуждения в отношениях соединения работника со средствами производства.

Именно в силу развития названных выше механизмов гегемонии корпоративного капитала и сохранения его «метаболизма» проблема снятия отчуждения (и, в частности, эксплуатации) не может быть и не будет решена сама собой вне качественных, диалектических изменений системы нынешних социальных отношений (социальной революции), осуществляемых вполне определенными социальными силами (какими именно, — это предмет другой работы), *объективно заинтересованными в осуществлении таких изменений.*

Капитал способен до определенного предела развивать переходные формы, абсорбирующие развитие творческой деятельности, но сам по себе он никогда не изменится так, чтобы утратить свою власть, гегемонию. Такое изменение может быть осуществлено лишь противоположной капиталу общественной силой — этот фундаментальный вывод К. Маркса не устарел и в XXI веке.

Перейдем к анализу экономических основ социальной структуры позднего капитализма.

Вопросы для самопроверки

П.7.1. Почему эксплуатация творческого труда приводит к подчинению капиталу не только рабочей силы, но и личности творческого работника?

П.7.2. Каким образом происходит замещение креатосферы превратным сектором, а человека-творца — «профессионалом»?

П.7.3. Какова роль частной интеллектуальной собственности: а) с точки зрения присвоения капиталом интеллектуальной ренты и б) с точки зрения развития творческого потенциала человека?

П.7.4. Каковы внеэкономические формы контроля капитала над творческой личностью?

П.7.5. Как создается видимость превращения творческого наемного работника в члена капиталистической корпорации?

П.7.6. Каким образом капитал контролирует творческую деятельность т. н. самозанятых?

[1] См.: *Mészáros I.* Beyond Capital: Toward a Theory of Transition. L.: Merlin Press, 1995.

Часть 4

Социальная структура позднего капитализма

Глава 8

Социальная структура позднего капитализма: к методологии исследования

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:

Часть 3. Классическая политическая экономия капитализма

Глава 11. Доходы и их источники: экономические основы социально-классовой структуры капитализма

Часть 4. Политическая экономия современного капитализма

Глава 13. Начало процесса разложения капитализма (п. 13.3 «Изменение социальной структуры современного капиталистического общества»)

В данном тексте мы как всегда использовали, прежде всего, диалектический метод исследования. Именно он дает возможность раскрыть природу не только меж-, но и внутриклассовых *противоречий* и показать *динамику* классовых противоречий, в том числе, подрыв собственных основ этих противоречий.

Последнее требует критического использования классического марксистского наследия.

Данный тезис необходимо подчеркнуть: видоизменение классовых противоречий, их самоотрицание и в тоже время углубление и усложнение как внутри капиталистической системы, так и под влиянием более масштабных сдвигов («закат» «царства необходимости»), — это процесс подтверждающий, а не опровергающий правоту марксистской методологии. И, напротив, сохранение старого тезиса о том, что капитализм характеризуется исключительно противоречием пролетариата и буржуазии, противоречит и методологии, и теории марксизма для современного этапа.

А теперь к существу проблемы.

Для характеристики классов общества позднего капитализма необходимо использовать ту богатую картину общественно-экономической формации, которую мы можем найти в сумме работ Маркса, Энгельса, Ленина и *их последователей*, включая разработки авторов, а не просто ленинское определение классов. Формулы Маркса

о том, что есть капитал и наемный труд, и формулы Ленина, которые несколько более богаты, принципиально важны, но недостаточны. Для того чтобы определить класс, нужна совокупность образующих единую систему признаков, генетически взаимосвязанных между собой, где одни вырастают из других (хотя могут быть и какие-то рассогласования), и тогда классовая структура становится сложной, но целостной.

Только в этом случае мы получаем адекватное реалиям современного капитализма развитие классических характеристик.

В силу этих причин в основу социальной стратификации ниже будут положены критерии, развивающие традиционные марксистские взгляды и исходящие из структуры экономической общественной формации. При этом коррекция будет обусловлена, прежде всего, развертыванием процессов подрыва собственных основ как капитализма, так и «царства экономической необходимости» в целом. Соответственно, важнейшими основаниями выделения классов (с учетом внутриклассовой стратификации) в современном глобальном позднем капитализме станет положение этих групп в следующих сферах социального бытия.

Во-первых, *место человека в общественном производстве* (включая сферы, лежащие «по ту сторону» собственно материального производства), рассматриваемом на данном уровне исследования как процесс функционирования *производительных сил*. Важнейший аспект в данном случае — место человека в системе *общественного разделения труда*. Последнее предполагает, в частности, учет деления на репродуктивный (доиндустриальный, индустриальный) и творческий труд; связь социальных групп с трудом по управлению и др., т. е. учет такого параметра, как *содержание труда*.

Во-вторых, *положение человека в системе производственных отношений*. Она оказывает определяющее влияние на содержание и структуру классов. Здесь, однако, надо принять во внимание, что система производственных отношений любой общественной системы несводима лишь к отношениям собственности и способу распределения доходов. Действительная структура системы производственных отношений много богаче.

Отсюда оказывается, что для классовой структуры в ее динамике важно принимать во внимание все основные блоки этой системы.

Первый ее блок — исторически определенный тип *хозяйствования* (*способ аллокации ресурсов*). Исторически первый такой тип в классовом обществе — натуральное хозяйство и насилие как способ обмена деятельностью во всем многообразии его форм: феодальный грабеж, крестовые походы и иные «религиозные» войны и т. д. Наиболее известный тип — рынок, в его различных модификациях. В последнее столетие рынок дополняется совокупностью отношений сознательного общественного регулирования хозяйства. Определенный тип хозяйствования (и это существенно) влияет на формирование типа личности и, следовательно, социальную структуру общества, интересы общественных групп, их самосознание и т. д. В частности, экономические и социальные ценности и мотивы, самосознание у человека, занятого натуральным хозяйством, и у человека, включенного на преимущественно в рыночное хозяйствование, будут разными. Рынок — система производственных отношений, которая задает определенный тип экономического поведения и сознания, определенные политические интенции и даже идеологию. На этом, в частности, основана марксистская постановка вопроса о мелкой буржуазии как особом социальном слое или (в определенных условиях) — классе.

Второй блок производственных отношений, которым детерминируется социальная структура — специфические для данной общественной системы *отношения собственности*. Здесь важна не столько форма собственности, сколько ее содержание, отношения между собственником средств производства и работником. Мы этот абсолютно классический марксистский тезис несколько уточним, сделав акцент на характере отчуждения/освобождения труда (от эксплуатации и подчинения наемного или даже лично зависимого работника до

формально/реально свободного труда) и присвоения прибавочного труда и продукта.

Это отношение, однако, опосредованно оказывает влияние на классовую структуру. Последнее связано с достаточно сложной *системой прав собственности*. Соответственно, для понимания экономических основ социальной стратификации (особенно *внутриклассовой*) важно учитывать такой критерий, как специфика и объем прав собственности, концентрируемых в руках некоторой страты: от положения реального хозяина через контроль за функцией распоряжения собственностью до отчуждения от собственности.

В силу этого в условиях, когда отношения собственника и работника становятся многоаспектными (что типично для стадии «заката» общественной экономической системы в целом и позднего капитализма, в частности), возникает сложная совокупность форм, усложняющих внутриклассовую структуру. Это касается как структуры класса буржуазии (сошлемся здесь на хорошо известные проблемы «революции управляющих» и экспансии власти «инсайдеров», к которым вернемся ниже), так и класса наемных работников.

В последнем случае это, с одной стороны, такие процессы как диффузия класса наемных работников и класса собственников средств производства (в условиях позднего капитализма существует немало форм, позволяющих работнику получить некоторые права собственности: участие в акциях, прибылях, управлении). С другой стороны, возможна обратная траектория: *ин*волюции капиталистического найма, когда эксплуатация наемного работника дополняется формами внеэкономического принуждения (как у многих российских гастарбайтеров).

Все это влияет на классовую структуру и определенность классов в рамках некоторого общественного организма, усложняет его социально-классовую структуру. Поэтому при анализе классов необходимо рассматривать всю совокупность реально существующих отношений собственности, выражающихся в тех или иных институтах, правах, формах собственности, а не сводить все к дилемме частной или государственной формы.

Третий блок детерминации социальной структуры — *способ формирования и получения доходов, включая перераспределение доходов*.

Скажем, 50 % подоходный налог на богатых существенно реформирует классовые параметры в условиях социал-демократической модели современного капитализма, хотя и не изменяет их основы.

Четвертый блок — *воспроизводство производственных отношений и детерминируемой ими социальной структуры*. В этой связи, в частности, отметим, что в условиях «заката» определенной экономической системы (в нашем случае — в условиях позднего капитализма) обязательно развивается феномен самоотрицания тех отношений, которые воспроизводят социально-классовую структуру, что приводит к *диффузии и размыванию границ классов* и более мелких социальных групп, к *усложнению всей социальной структуры*. Это закон «заката» способа производства.

Выходим на уровень ***надстройки***. Здесь выявляется проблема *политического представительства* определенной социальной силы (класса). Оно, подчеркнем, может и отсутствовать.

Завершенным политическое бытие класса становится при наличии классовой *идеологии* (от проблем [классовой] культуры в данном тексте мы абстрагируемся, адресуя читателей к ряду работ по этой теме наших коллег[1]), что делает возможным превращение класса в себе в *класс для себя*[2]. Для этого необходимо самоосознание социаль-

---

[1] См.: *Булавка Л. А.* «Пролетарские массы» и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12. С. 74–88; *Булавка Л. А.* Пролетарская культура: культура для пролетариата? // Альтернативы. 2011. № 4. С. 41–51; *Булавка Л. А.* Пролеткульт. Отношение к культурному наследию // Альтернативы. 2012. № 1. С. 4–32.

[2] «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя» (*Маркс К.* Нищета философии // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 4. С. 183).

ной массой себя как особого класса, самоопределение в деятельности и в идейном поле своей классовой природы, фундаментальных классовых интересов и т. д.

В условиях позднего капитализма одним из важнейших критериев станет также *место класса (слоя) в системе отношений глобальной гегемонии корпоративного капитала.* Это добавит ***социопространственное*** измерение социально-классовой структуры.

Социовременное измерение этой структуры требует учета того, что в условиях качественных социально-экономических и политических ***трансформаций*** возможно рассогласование параметров, образующих классовую структуру. *Нелинейность и неравномерность эволюции социальной структуры,* типичная для трансформационных состояний, обусловливает то, одни из социальных параметров идут в одном направлении, а другие — в другом.

Таковы некоторые тезисы, показывающие, как можно соединить в относительно целостную *систему* в принципе хорошо известную марксистам совокупность признаков, показав, как они взаимообусловливают друг друга, построив такую *систему классообразующих параметров, в которой они генетически взаимосвязаны отношениями прямой* (базисная экономическая) *и обратной детерминации.*

Сказанное позволяет достаточно аргументированно утверждать: ***у всякого общества есть определенная классовая структура.*** Другое дело, что это утверждение верно, только если мы понимаем этот тезис *не* так, что в современную эпоху существуют только два класса — пролетариат и буржуазия, — а все, что сверх того — от лукавого.

Мы можем утверждать, что акцент на исследовании классовой структуры не устарел, но только при условии, что мы **(1)** используем сложную систему классообразующих признаков, причем **(2)** рассматриваем все это в динамике, подчеркивая активное образование **(3)** межклассовых и **(4)** внутриклассовых переходных форм. Только в этом случае тезис о том, что классы есть, причем есть и как диалектическая абстракция, и как реальный экономико-социополитический феномен, окажется актуальным и, более того, принципиально значимым для понимания природы современного капитализма.

В этой связи требуется оговорка: *есть сущностные классообразующие признаки, лежащие в основании этой структуры, и есть производные.* Классический марксистский тезис о том, что отношение работника и собственника есть фундаментальный классообразующий признак и ныне остается в силе. Из него, действительно, вытекают в конечном итоге все остальные. Оно сложно, диалектично, «завязано» на основах классообразования, лежащих в производительных силах, и не менее сложно взаимосвязано с производными признаками: способом формирования и величиной дохода и т. д.

Если мы наблюдаем размывание сущностного классообразующего признака, то изменяется и природа, состояние социальной структуры. Диффузия классовой структуры есть свидетельство видоизменения социально-экономической системы, ее «заката», трансформации, связанной с зарождением в ее недрах новой системы. Однозначное доминирование классических классовых признаков, в свою очередь, есть свидетельство классического состояния системы. И если последнее столетие есть эпоха «заката» капиталистической системы, то диффузия классовой структуры есть совершенно закономерное свидетельство этого. Попытка же утверждать, что такой диффузии нет, означает, что нет и «заката» капитализма, а это отрицание современного марксизма. Если же оказывается, что где-то на практике возникает жесткая классовая модель с индустриальным наемным работником и частным капиталистом в простейшей форме акционерного общества, то это означает, что в данном социальном анклаве капитализм либо еще не достиг своего «позднего» состояния, либо покатился назад, от стадии «заката» к стадии «классики».

Этот методологический подход позволяет нам сделать вывод: *тяготея к двум «традиционным» классам (индустриальный наемный работник — частный собственник капитала), нынешняя социальная структура капитализма рождает широкую и при этом размытую картину социальных слоев, как*

это всегда бывает на нисходящей стадии эволюции всякого способа производства. На этой стадии развитие разнообразных переходных производственных отношений, вызванное к жизни процессом подрыва коренных отношений способа производства (а именно последние вкупе с основными полюсами общественного разделения труда *базисно* детерминируют классовую структуру), приводит к образованию многообразных межклассовых и *внутриклассовых страт и слоев*. Последние в отличие от классов, становятся следствием «диффузии» коренных производственных отношений.

Кроме того, как мы покажем ниже, это в целом базирующееся на структуре отношений «царства необходимости» классово-групповое деление необходимо, но недостаточно для понимания социальной структуры позднего капитализма. Генезис «царства свободы» вносит и еще одно важное основание: *роль различных социальных групп в процессе рождения креатосферы, а также выделение особых социальных сил — субъектов рождающегося ассоциированного социального творчества.*

При всем кажущемся многообразии выделенных выше критериев и параметров на самом деле только их целостное системное использование позволяют построить единую модель реальной социальной стратификации общества позднего капитализма.

Ее мы и рассмотрим ниже, интегрируя названные выше основания для выделения социальных групп.

Вопросы для самопроверки

П.8.1. Какие блоки экономической системы общества и каким образом определяют его социальную структуру?

П.8.2. Какова роль надстроечных и идеологических факторов в классообразовании?

П.8.3. Как влияют на классовую структуру отношения глобальной гегемонии капитала?

П.8.4. Является ли классовая структура застывшей и неизменной? Что влияет на ее эволюцию?

Глава 9

Социальная структура позднего капитализма: классы, меж-/внутриклассовая диффузия и противоречия

Структура главы

- Внутренние противоречия и основные характеристики класса наемных работников в условиях глобального капитализма
- Структура мирового класса наемных работников в условиях позднего капитализма
- Прекариат
- Классовая борьба в условиях позднего капитализма

Основные понятия:

класс наемных работников
«общество одной трети»
«общество двух третей»
прекариат
люмпен-пролетариат
классовая борьба

9.1. Внутренние противоречия и основные характеристики класса наемных работников в условиях глобального капитализма

Для анализа гегемонии капитала наиболее значим ***класс наемных работников.*** Причины этого очевидны: именно этот слой был и остается наиболее многочисленным в условиях современного глобального капитализма и именно на труде наемных работников базируется вся пирамида власти корпоративного капитала.

Начать, как и в некоторых других разделах нашей книги, придется с напоминания некоторых *классических марксистских положений*, которые, к сожалению, ныне преданы едва ли не полному забвению.

Для начала подчеркнем: этот класс является *внутренне* противоречивым, что обусловлено системой производственных отношений капитализма. На это в марксистской литературе не принято обращать внимание, хотя внутренние противоречия этого класса отображены в «Капитале» и очень подробно развиты Лениным[1]. В то же время, будем откровенны, целостная и закон-

[1] К. Маркс отмечает в «Капитале», что наемный работник есть собственник товара рабочая сила. Как таковой он не может не быть носителем внутренне присущего любому товаровладельцу мелкобуржуазного по своей сути стремления к выигрышу в конкуренции и максимально дорогой продаже своей рабочей силы. В. И. Ленин именно с этим связывал экономизм в рабочем движении. С другой стороны, класс наемных рабочих — и это азбука марксизма — коллективная, созданная обобществлением сила, призванная снять капиталистическую систему в целом, «могильщик» капитализма.

ченная характеристика внутренних противоречий класса наемных работников у классиков отсутствует. Посему напомним азбуку марксизма.

Внутренние противоречия классического индустриального наемного работника связаны с тем, что с одной стороны, он является субъектом, заинтересованным в снятии присвоения прибавочной стоимости классом капиталистов и обобществлении средств производства. С другой стороны, он является частным собственником товара «рабочая сила», заинтересованным в максимизации дохода от продажи своего товара. И как частный собственник этого товара он является «нормальным», адекватным рынку и капитализму субъектом, у которого нет никакого другого интереса, кроме как подороже продать и подешевле купить.

Кроме того, значимые противоречия в среде класса наемных рабочих обусловлены существенными различиями в содержании труда (здесь как минимум необходимо выделять ручной репродуктивный труд, индустриальный труд частичного работника и креативную деятельность; то, что рабочий класс может базироваться на ручной или машинной репродуктивной деятельности, описано опять-таки в «Капитале»; ответ же на вопрос о природе эксплуатации креативной деятельности мы постарались дать выше).

Наконец, важные внутриклассовые противоречия пролетариата связаны с социопространственным делением глобального капитализма и противоречиями глобализации.

В связи с коллективным по преимуществу характером труда представителей этого класса встает и очень интересный вопрос о природе и мере его сплоченности и коллективизма. Как собственники товара «рабочая сила» наемные работники имеют абстрактно общий интерес — подороже продавать свою рабочую силу (его объективация — профсоюзы). Почему абстрактно? Потому что, если возникает возможность продать свою рабочую силу подороже за счет других, этот интерес подорвет абстрактно общий интерес — всем *вместе* подороже продавать рабочую силу (штрейкбрехерство). Отсюда возможная противоположность интересов индивидуального работника и профсоюза.

Но у этого коллективизма есть и другая сторона — *конкретно-всеобщее единство интересов наемных работников как эксплуатируемого класса, заинтересованного в снятии своего подчинения капиталу и освобождении труда.*

Отсюда противоположная мелкобуржуазности владельцев товара-рабочая сила сторона содержательного противоречия класса наемных работников — обусловленное обобществлением воспроизводство рабочего класса как ассоциации, заинтересованной в освобождении труда. Последнее обусловливает и сформулированную еще Марксом интенцию снятие себя как класса, присущую именно и исключительно классу наемных работников: будучи классом, заинтересованным в снятии отчуждения труда и, следовательно, классового деления, *пролетариат стремится и к уничтожению самого себя (а отнюдь не только буржуазии) как класса*[1].

Таковы некоторые классические марксистские постановки вопроса, нередко, к сожалению, «забываемые» как сторонниками, так и критиками марксизма.

А теперь обратимся к наиболее значимым для нашего исследования проблемам ***специфики класса наемных работников в условиях глобального капитализма.***

Среди наиболее актуальных проблем исследования этой специфики едва ли не наиболее часто задаваемый нам вопрос: *насколько индустриальный рабочий класс является прошлым?* Этот вопрос воспроизводится в сотнях публикаций на протяжении последнего полувека[2]. В чем прав Горц и его

[1] «Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов» (*Маркс К.* Нищета философии // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 4. С. 184).

[2] Генезис постиндустриальных тенденций и сокращение численности промышленных рабочих в развитых странах позволили Г. Маркузе еще в конце 1960-х (а А. Горцу десятилетие спустя) сделать выводы о сокращении роли этого класса, развитии не-класса постиндустриальных пролетариев (А. Горц) и т. д. По этому поводу авторы уже замечали, что (1) анализ исключительно развитых стран — неправомерно узкая абстракция, (2) даже если рассматривать развитые

коллеги? В том, что, действительно, происходит развитие нового типа работника, связанного с интеллектуальной (в определенной мере креативной) деятельностью и что является следствием генезиса постиндустриального технологического базиса. Но Горц прав далеко не во всем и об этом тоже писалось уже много раз, но для дальнейшего важно эту неправоту зафиксировать, поскольку это поможет понять специфику противоречий современного рабочего класса.

Во-первых, Горц не прав в том, что работник сферы услуг не является индустриальным наемным рабочим, поскольку значительная часть современной сферы услуг — это *индустриальный* труд. Он специфичен (часто связан с созданием симулякров и других продуктов превратного сектора, для него как правило характерен низкий уровень коллективизма, обобществления), но в главном он остается наемным индустриальным трудом, формально и реально подчиненным капиталу. Для тех, кто работает в механизированной прачечной, химчистке, на автотранспорте, их труд по содержанию, очевидно, является индустриальным. И это принципиально: мы неслучайно выше подчеркнули содержание труда как важный классообразующий признак.

Кроме того, в сфере услуг возникает реверсивная тенденция развития в массовом масштабе ручного труда, который является *до-*, а не постиндустриальным. Это наемный рабочий, напоминающий своего собрата эпохи мануфактурного капитализма. Классическим примером такой «рассеянной мануфактуры» является организация торговых процессов во многих развивающихся и развитых странах.

Еще более важно то, что в третьем мире происходит *ренессанс классического индустриального рабочего класса, и доля* индустриальных рабочих *мира* в общем числе занятых в XXI веке больше, чем в XIX или в XX веках.

При этом, однако, важно и другое — то, что определяющей тенденцией современности является все же развитие креативной деятельности, а не индустриального труда, даже если количественно доля последнего растет.

9.2. Структура мирового класса наемных работников в условиях позднего капитализма

После этих предварительных ремарок мы можем внимательное взглянуть на *внутреннюю структуру мирового класса наемных работников*. К ним относятся по меньшей мере следующие слои.

Во-первых, массы *«классических» наемных работников*, занятых, как правило, репродуктивным индустриальным (или даже доиндустриальным) трудом (именно их мы можем вслед за К. Марксом и его единомышленниками называть классом наемных рабочих или пролетариатом, прекрасно отдавая себе отчет в многозначности последнего термина). Они подчинены капиталу как формально, так и реально, а в некоторых случаях (иммигранты) являются объектом и добуржуазной эксплуатации. В подавляющем большинстве они отчуждены не только от средств производства и продуктов своего труда, но и от управления, а также возможностей повышения квалификации. Их заработная плата обеспечивает лишь минимум средств, необходимых для воспроизводства данного качества рабочей силы; система социальной защиты как правило находится на уровне, характерном для развитых стран в начале XX века. В большинстве это рабочие в странах периферии и полупериферии (в том числе, занятые в

страны как образец будущего (а такой подход, по меньшей мере, сомнителен, ибо, на наш взгляд, «Первый» мир реализует тупиковую, превратную форму постиндустриальных тенденций), то и здесь предлагаемая в данном тексте система критериев социальной стратификации и, глубже, классового деления позволяет существенно продвинуться по сравнению с выводами Г. Маркузе о снижении роли промышленного пролетариата и возрастании роли люмпенов и интеллектуалов или тезисами Горца о том, что только не-класс не-производителей способен стать основой рождения «царства свободы» (см.: *Marcuse H.* One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. 2-nd edition. L.: Routledge, 1991; *Gorz A.* Farewell to the Working Class. L., 1982).

филиалах ТНК). Старый тезис В. Ленина, Розы Люксембург и их коллег о двойной эксплуатации работников «Третьего» мира для них верен в полной мере. К тому же ныне они являются объектами информационного, культурного и т. п. гегемонизма.

В то же время в ряде новых индустриальных стран (Бразилия и др.) они могут представлять собой социально и политически организованный класс с достаточно сильным самосознанием «классических» наемных пролетариев.

Численно это наиболее массовый слой наемных работников в современном мировом капиталистическом хозяйстве. Именно они по большей части (повторим тезис предыдущей главы) производят ныне ту прибавочную стоимость, которой хватает на содержание всего превратного сектора и перепотребление привилегированных слоев в развитых странах.

Близко к ним по социальному положению располагаются *рабочие в развитых странах, занятые низкоквалифицированным трудом* (причем не только в индустрии, но и в сфере обслуживания, всех занятых в которой иногда ошибочно относят к более «продвинутому», нежели промышленные рабочие, слою; заметим также, что значительная часть из них — рабочие-иммигранты).

Во-вторых, наемные работники, занятые квалифицированным индустриальным (но преимущественно репродуктивным) трудом в развитых странах. Они также являются объектом всех современных механизмов формального и реального подчинения труда, но на них распространяются некоторые переходные формы (от охраны труда и социальной защиты до участия в управлении и собственности), а также механизмы перераспределения в их пользу части мирового общественного богатства, снижающие прямое бремя эксплуатации, но усиливающие в конечном итоге их подчинение капиталу. Особенно важно подчеркнуть их подчинение стандартам общества потребления, товарному и денежному фетишизму, а также фетишизму симулякров.

Экономически и социально они, как правило (прежде всего, в Западной Европе), достаточно организованны, но политически оппортунистичны вследствие наличия названных выше переходных форм, принадлежности к «золотому миллиарду» и других причин.

В-третьих, наемные работники массовых творческих профессий, включенные в потенциально общедоступную креативную деятельность, — учителя, воспитатели, врачи общедоступных госпиталей и клиник, социальные работники, низшие государственные служащие, работники учреждений культуры (библиотек, музеев) и т. п. Они, как правило, подчинены гегемонии корпоративного капитала в той мере, в какой (1) последняя является всеобщей, а также (2) государства и общественные организации сами являются агентами этой гегемонии.

Эти слои наемных работников стоят несколько особняком по отношению к первым двум. В то же время по мере размывания среднего класса *«рядовая» интеллигенция* (работники массовых творческих профессий) *вместе с квалифицированными рабочими корпораций даже в развитых странах все более,* как мы уже отмечали выше, *исключаются из числа среднеобеспеченных слоев,* являвшихся опорой «государства всеобщего благоденствия», *переходя в группу «низов» формирующегося на наших глазах* ***«общества одной трети»,*** активно сменяющего в странах «центра» прежнее «общество двух третей».

Совершенно особое социальное положение занимают, *в-четвертых,* «*профессионалы*», работающие в штаб-квартирах *корпораций* (особенно занятые в превратном секторе — корпоративное управление, финансы, маркетинг и мн. др.). Они соединяют в себе черты наемного работника (последние доминируют у низших служащих) и членов корпоративной иерархии (они более типичны для служащих среднего и высшего уровня), а также некоторые черты капитала-функции. В силу этого последние превращаются в своего рода ***«жрецов гегемонии капитала».***

Несмотря на наличие некоторых творческих функций в их деятельности, занятые в корпорациях «профессионалы» в наи-

большей степени (среди работников) подчинены гегемонии капитала, сращены с ним (привилегированное материальное положение, врастание в бюрократическую иерархию и другие описанные выше механизмы). Соответственно, они в наименьшей степени способны на самостоятельных реализацию интересов себя как представителей класса наемных работников. Именно они вкупе с «верхушкой» — персонифицированным корпоративным капиталом — составляют наряду со средней буржуазией и «элитой» работников свободных профессий основу верхней «одной трети» населения развитых стран и менее чем десятипроцентной «верхушки» населения Земли.

В современном глобальном мире, где-то уже десятилетия живущем по правилам позднего капитализма, а где-то еще сохраняющем пережитки феодализма, необходимо выделить такой социальный слой как ***крестьянство*** и другие слои стран 3-го мира, занятые до- и ранне-индустриальным трудом и являющиеся объектом *до-буржуазной* и ранне-буржуазной эксплуатации.

Формально *вне рамок гегемонии корпоративных капиталистических структур* находятся и ***работники кооперативных и коллективных предприятий***. Эта группа крайне неоднородна (здесь следует выделить, по меньшей мере, мелкие крестьянские кооперативы, кооперативы, основанные на индустриальных технологиях, добровольные научные и иные творческие ассоциации). Но при этом, несмотря на малочисленность (около 1 % занятых), группа «кооператоров» весьма интересна как пример рождения ограниченно (вследствие доминирования общей атмосферы капитализма) свободного ассоциированного труда, не подчиненного прямо гегемонии капитала.

Отчасти сходное положение занимают ***лица творческих профессий, работающие в рамках относительно свободных общественных и государственных структур*** (университетов, NGO) или самостоятельно.

Достаточно многочисленный слой ***работников, являющихся одновременно мелкими частными собственниками*** (*в т. ч. определенная часть «интеллектуалов»,* возделывающих свой частный интеллектуальный огородик)[1] в условиях современного глобального капитализма как правило ***непосредственно включен в орбиту гегемонии капитала.*** В той мере, в какой они подчинены создаваемому корпоративным капиталом «полю зависимости» (мы его описали в начале этой части) эти акторы выступают в качестве придатка корпоративного капитала. Они подчинены ему технологически, заняты преимущественно в превратном секторе и — особенно это касается таких массовых в развитых странах профессий, как адвокаты и им подобные — по самому содержанию своей деятельности заняты укреплением механизмов гегемонии корпоративного капитала.

Что касается ***класса буржуазии***, то в современных условиях внутри него следует выделить прежде всего расположенный наверху современной социальной пирамиды весьма аморфный слой *субъектов гегемонии корпоративного капитала*, которых мы можем назвать ***номенклатурой глобального капитала***[2] (от высших менеджеров, держа-

---

[1] Отметим: в строгом смысле слова к этому слою относятся только лица, не использующие в своих фирмах наемный труд. В противном случае они попадают в разряд мелкой и средней буржуазии. С этой точки зрения т. н. «малый и средний бизнес» в подвляющем большинстве случаев представляет собой ничто иное как подвиды класса буржуазии, господствовавшие в условиях европейского капитализма XIX века.

[2] Термин «номенклатура» в данном случае неслучаен. М. С. Восленский не дает собственного определения номенклатуры, заимствуя его из учебного пособия: «*Номенклатура* — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах». (Партийное строительство. Учебное пособие, изд. 6-е. М., 1981. См.: *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991 (доступ к электронной версии по ссылке: http://lib.ru/POLITOLOG/woslenskij.txt).

Авторы вслед за М. С. Восленским и отечественными «прорабами перестройки» под номенклатурой понимают замкнутый, привилегированный, самовоспроизводящийся слой хозяев корпоративных

телей крупных пакетов акций и государственной номенклатуры до лиц, контролирующих основные права собственности в корпоративных группах — мы много писали о них выше).

К подгруппам класса буржуазии сегодня, естественно, относятся также во многом зависимые от корпоративной номенклатуры господствующие слои в странах 2-го и 3-го мира (от полуфеодальных вождей до российских олигархов), а также страты частных собственников относительно независимых некорпоративных капиталов (средняя буржуазия), рантье и т. п.

9.3. Прекариат

Весьма интересный продукт противоречий позднего капитализма являет собой слой ***«исключенных»*** (***прекариата***). Он весьма противоречив по своему положению и внутренней структуре.

Во-первых, «исключенные» довольно устойчиво делятся на две существенно различающиеся группы. Первая — это имеющие образование и некий «человеческий капитал» профессионалы, тяготеющие к самозанятости и занимающие пусть неустойчивое, но в общем и целом близкое по параметрам к «среднему классу» положение. Вторая — представители «социальных низов», особенно массовые в странах «Третьего» мира. Это лица, годами не могущие найти работу, безземельные крестьяне, бездомные, люмпены, не имеющие прав мигранты и разного рода меньшинства)[1].

Во-вторых, прекариат обладает некоторым кругом качеств, отличающих его от других слоев общества. «Исключенные» действительно выключены из непосредственного воспроизводства корпоративного капитала: они не имеют стабильной (а в ряде случаев — вообще никакой) занятости, устойчиво воспроизводимого социального статуса (они на протяжении короткого времени становятся то наемными работниками, то «фрилансерами», то мелкими предпринимателями, то безработными или даже люмпенами), устойчивого, определенного дохода и т. п.

Говоря образно, прекариат — это, с одной стороны, выход вовне глобального капитала, и потому отрицание глобального капитала, но с другой — это выход в большинстве случаев «в никуда» и потому это, образно говоря, «отходы» жизнедеятельности глобального капитала. Говоря строго этот слой образуется вследствие неспособ-

структур (в СССР — относительно единой бюрократической пирамиды, в глобальном капитализме — многообразных пирамид-капиталов). «Легко меняются специальности, кабинеты и персональные машины, незыблемой остается принадлежность к номенклатуре. Эта незыблемость гарантируется самим порядком формирования номенклатуры. Освобождает от номенклатурной должности тот орган, который на нее утверждал. Но правило таково, что освобождают от одной должности, назначая тут же на другую (или в связи с уходом на пенсию). Значит, освобожденного номенклатурного работника назначает на новую должность тот же орган, а назначать он может только на номенклатурные должности. Так самой структурой власти обеспечена незыблемость пребывания в номенклатуре» (*Восленский М. С.* Номенклатура. М., 1991. Доступ к электронной версии по ссылке: http://lib.ru/POLITOLOG/woslenskij.txt). В условиях глобальной гегемонии капитала в рамках класса капиталистов образовалась именно «корпоративная номенклатура» — устойчиво воспроизводимый относительно замкнутый слой, являющийся персонификацией не просто капитала, а глобальных корпоративных систем — этих миниатюрных административно-командных систем (отсюда, кстати, именно номенклатурная модель воспроизводства этого слоя — слоя хозяев и одновременно функционеров корпоративных структур). Подробнее тема бюрократии и ее субъекта развита, в частности, в нашей работе «Анатомия бюрократизма» (М.: Знание, 1988).

[1] Как мы уже отметили, прекариат — это не только «лица свободных профессий», но и не имеющие стабильных (или вообще каких-либо) источников дохода люмпенизированные слои стран «Третьего» мира, составляющие большую часть этого прото-класса.

Существенно, однако, что этот прото-класс обладает, однако, немалым потенциалов самоорганизации и создания новых форм экономической жизнедеятельности (это показал, в частности, британский исследователь Дж. Лестер. См.: *Лестер Дж.* Отверженные как новый революционный класс // Альтернативы. 2009. № 1. С. 85–90), Один из самых ярких примеров такой социально-творческой активности — движение безземельных крестьян и безработных Латинской Америки, которые провели массовые акции по оккупации необрабатываемых земель и создали на них систему многообразных форм семейных и коллективных хозяйств.

ности глобального капитала подчинить себе все аспекты воспроизводства человека вообще и совокупного работника, в частности, в условиях глубинных технологических и социально-экономических трансформаций. В результате в современных условиях складывается не только традиционная капиталистическая резервная армия труда и сохраняется безработица (в том числе — застойная, известная еще со времен К. Маркса и ранее) среди «обычных» наемных рабочих, являющихся [потенциальными] субъектами репродуктивного труда, но и формируется «резервная армия профессионалов» — [потенциальных] творческих работников. Это особый по своему содержанию тип безработицы, к анализу которого мы еще вернемся ниже.

Кроме того, представители прекариата не менее, чем все остальные члены общества подчинены глобальному капиталу и являются объектами манипулирования. Последней цели служит сложная система методов — от доступного ныне даже голодному безработному телевидения, которое уводит его в виртуальный мир MTV, SPORT-TV, «мыльных опер» и т. п., для «низов» прекариата, до искусственно («как бы») исключенного из общего потока мира «исключительной» («элитной») субкультуры для «элитных» «исключенных». Причем и для тех, и для других широко открывается мир таких неизбежных сателлитов современного корпоративного капитала как наркотики, «виртуалка»[1] и иные формы ухода от действительности. Только для одних — постмодернистских интеллектуалов — это превращается в игру в жизнь пресыщенного детерриаризатора всяческих ценностей. Для других — жителей фавел, которым нечем кормить и не на что лечить детей — в борьбу за физическое выживание. И к чести последних следует сказать, что они находят и новые, некапиталистические альтернативы криминалу и наркотикам, о чем умно и красиво написал упомянутый выше профессор Дж. Лестер.

Однако возвращаясь к низшему слоя прекариата — *люмпенам* — мы должны подчеркнуть, что специфика положения этого слоя состоит ныне в том, что глобальная гегемония капитала:

- делает этот слой чрезвычайно массовым и «запирает» его в многочисленные «гетто отсталости», разбросанных как анклавы-болота по мегаполисам развитых стран и превращающихся в целые «саргассовы моря» в третьем мире;
- превращает эти гетто во все более замкнутые образования, из которых чрезвычайно сложно выйти;
- при этом (как alter ego этого принудительного замыкания бедноты в «гетто отсталости») порождает массовую миграцию, превращая ее в глобальную проблему;
- в условиях развития высоких технологий и образования усугубляет социальную поляризацию образовательно-квалификационной, создавая мощную, вязкую границу, препятствующую выходу из этого почти самодостаточного, замкнутого, засасывающего, как болото, гетто социальной и образовательно-квалификационной отсталости, но открытую для «входа» в него[2].

Таковы краткие выводы, касающиеся экономических основ социальной структуры позднего капитализма, которые мы можем сделать, основываясь на нашем пред-

[1] Так называемая интернет-зависимость появилась еще на заре Интернета и впервые подробно описана в статье: *Young K.* Internet Addiction: The Emergence Of A New Clinical Disorder // CyberPsychology and Behavior, Vol. 1. 1998. № 3. P. 237–244. Причиной ее формирования является стремление уйти от различного рода социального дискомфорта, напряжения, проблем в реальной жизни. «71 % офисных работников злоупотребляют интернетом в рабочее время, посещая сайты социальных сетей, онлайн магазины, читая личную электронную почту или просматривая порнографию, играя в азартные или ролевые игры. У людей, страдающих от депрессии, тревожности и тревожных расстройств, социальной фобии и других навязчивых состояний, чаще чем у других развивается интернет-зависимость» — говорится на сайте Психологического центра (http://www.psyq.ru/internet-zavisimost/internet-zavisimost.html).

[2] Формирование такого массового социального слоя как феномена глобального капитализма было проанализировано А. Горцом, а также в работах Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Ю. Хабермаса и др.

шествующем анализе системы производственных отношений этой системы.

Однако приведенная выше социальная стратификация, основанная на выделении классов и внутриклассовом делении, ныне недостаточна.

Большинство специалистов, акцентирующих эту недостаточность, обращаются в поисках путей ее преодоления к генерируемому современными постиндустриальными тенденциями новому образовательно-профессиональному делению (возникновение слоя «профессионалов», меритократии и т. п.).

Выше нами уже было показано, что такое деление реально и отражает превратные (порожденные гегемонией корпоративного капитала) формы роста роли и масштабов творческой деятельности. В то же время мы уже отметили и то, что это деление лишь дополняет один из классообразующих принципов (место в системе общественного производства) и приводит к социальным различиям лишь вследствие особых отношений, когда капитал воспроизводит «профессионалов» как полузамкнутую страту («жрецов гегемонии»), обслуживающую и воссоздающую власть корпоративного капитала; в то же время эта же гегемония запирает малообразованные слои в «гетто отсталости», крайне затрудняя для них доступ к образованию (в этой связи мы не можем не подчеркнуть еще раз: *всеобщий равный доступ к качественному образованию является одним из важнейших объектов и средств борьбы против глобальной гегемонии капитала в условиях генезиса постиндустриального общества*).

Критическое отношение к названным выше интенциям дополнения «классического» социального структурирования указывает на то, что поиск новых, дополняющих классовое, социальных делений ныне должен идти по другому пути.

Однако прежде чем мы пойдем дальше, авторы должны хотя бы кратко остановиться на проблеме ***классовой борьбы***. Мы ограничимся только несколькими ремарками, которые станут своего рода пролегоменами к последующим выводам.

9.4. Классовая борьба в условиях позднего капитализма

Во-первых, авторы хотели бы подчеркнуть очень важный тезис, в принципе принадлежащий к классике марксизма, но в явном виде, выпукло едва ли не в первые сформулированный нашим другом и коллегой профессором М. И. Воейковым: *для капитализма типична классовая борьба не только пролетариата с буржуазией, но и буржуазии с пролетариатом*[1]. Поэтому в случае (как, например, в современной России), где и когда заработная плата наемных работников абсолютно или относительно сокращается по сравнению с прибылью капитала, усиливается формальное и реальное подчинение труда, сокращаются социальные трансферты и т. д. и т. п., там и тогда мы видим победу класса буржуазии в экономической борьбе с классом наемных работников. Более того, где и когда сокращаются возможности создания профсоюзов, проведения забастовок (в том числе — с политическими требованиями), деятельности

[1] М. И. Воейков справедливо пишет: «Нелогично полагать, что в классовой борьбе участвуют только рабочие. Борьба не бывает односторонней. Еще в 1931 году Н. А. Бердяев сделал в этой связи очень глубокое наблюдение: „В действительности классовую борьбу ведет и буржуазия и всегда вели господствующие классы. Но когда борьба ведется за сохранение своего господствующего положения, она менее производит впечатление борьбы, чем когда она ведется за изменение существующего социального строя. Это есть обычная иллюзия восприятия. Сохранение существующего не кажется насильственной борьбой. Именно это и есть преимущество рабочих и социалистов, что они ведут классовую борьбу открыто, в то время как буржуазные командующие классы ведут ее замаскировано" (*Бердяев Н. А.* Христианство и классовая борьба. Париж, 1931. С. 181).

Сегодня мы видим довольно вялую борьбу со стороны рабочего класса. Это верно. Но почему-то не замечаем очень активную борьбу со стороны хозяев „работодателей". Все эти годы характеризовались очень активной и острой борьбой именно предпринимательского класса по отношению к наемному труду. Это невыплата зарплаты, искусственное банкротство предприятий, незаконные увольнения, понижения зарплаты и т. д.» (*Воейков М. И.* Социальные реформы и социально-классовая проблема в современной России // Социальные реформы: иллюзии и реальность. Материалы научной конференции. М.: URSS, 2006. С. 222–223).

левых партий и общественных организаций, нарастают другие формы социального отчуждения и гегемонии капитала, там и тогда мы можем говорить о политическом, стратегическом наступлении капитала в его классовой борьбе с трудом. Высшей и наиболее жестокой формой этой классовой борьбы капитала с трудом является, как мы хорошо знаем из истории, фашистская диктатура.

Во-вторых, в условиях позднего капитализма диффузия социальной структуры, рост внутри-, а не только меж-классовых различий и противоречий существенно усложняет общую картину классовой борьбы. Она не сводится исключительно к противостоянию двух «чистых» классов — индустриальных наемных рабочих и частных собственников капитала. Это противоречие остается *действенной абстракцией*, которая может и должна лежать в исходном пункте анализа классовых конфликтов, но не может подменять всего исследования, восходящего от абстрактного (противостояния двух названных классов) к конкретному — кратко охарактеризованной выше системе меж- и внутриклассовых противоречий.

Отсюда практическая актуальность многообразных и гибких, всякий раз привязанных к специфике исторически-конкретных условий и конкретным сферам социального пространства, форм и методов классовой борьбы и союзов.

Характеристика основных «реперных точек» этих сложных противостояний не является предметом настоящего издания. Однако следует подчеркнуть, что существует достаточно четкий водораздел, разводящий по разные стороны баррикад силы прогресса (социального освобождения) и регресса (социального отчуждения), определению которого посвящены другие работы авторов.

В-третьих, классовая борьба в условиях позднего капитализма неизбежно сращена с более широким и глубоким, нежели характерное для капиталистического способа производства как такового, социальным противостояниям, связанным с борьбой за рождение «царства свободы».

Вопросы для самопроверки

П.9.1. В чем противоречивость классовых интересов наемного работника при капитализме?

П.9.2. Каковы основные группы внутри класса наемных работников?

П.9.3. Какие есть промежуточные группы между классом наемных работников и буржуазией?

П.9.4. Какие внутриклассовые группы выделяются в среде буржуазии (класса капиталистов)?

П.9.5. Какова роль классовой борьбы в эволюции классовой структуры общества?

Литература для самостоятельного изучения

- *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- *Тощенко Ж. Т.* Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
- *Тощенко Ж. Т.* Новое в социальной структуре общества: прекариат // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100–108.
- *Хубиев К. А.* Инновационная экономика против наемной формы труда // Вопросы политической экономии. 2018 № 1. С. 55–61.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 10–34.
- *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.

Глава 10

Человек и социум как функции капитала и как его предел: к критике теорий «человеческого» и «социального» капитала

Структура главы

- Человек в экономике: к критике теории «человеческого капитала»
- Некапиталистические социально-экономические отношения или «социальный капитал»?

Основные понятия:

роли человека в экономике
«человеческий капитал»
изменение качества и роли работника под влиянием генезиса постиндустриального общества
творческая деятельность с точки зрения политической экономии
«социальный капитал»
не-рыночные (не-капиталистические) отношения
посткапиталистические отношения

«Закат» капиталистического способа производства, не случайно совпадающий в социальном времени и пространстве с «закатом» экономической общественной формации, порождает феномены будущего, включенные в уходящее настоящее в подчиненных последнему превратных формах. Так происходит и с ключевыми атрибутами снимающей мир отчуждения креатосферы и адекватными для нее общественными формами «царства свободы». Рождение первой предполагает переход от репродуктивного труда и, соответственно, господствующего общественного бытия человека как носителя рабочей силы, к творческой деятельности и, соответственно, бытию человека как ее субъекта — целостной личности, Человека как родового существа (К. Маркс, Д. Лукач). Генезис второго знаменуется превращением социально-преобразовательной деятельности человека и его неотчужденных общественных отношений, т. е. ассоциированного социального творчества в то, что классики называли «основным фактором новой общественности».

В этих условиях глобальная гегемония капитала, подчиняющая себе не только экономическую сферу, но и всю общественную жизнь и ее субъекта — Человека, в процессе своей экспансии не может не порождать двоякого рода процессов.

Первый — трансформация человека как носителя рабочей силы и субъекта репродуктивного труда в Человека как целостную личность, субъекта креативности. И это — важнейшее направление технологического прогресса, без которого жизнедеятельность капитала вообще и позднего, в частности, невозможна. Но служить капиталу этот феномен может лишь в том случае, если он хотя бы формально (в сфере производственных отношений) подчинен капиталу и сам обрел [превратную] форму капитала. Последняя, в отличие от переменного капита-

ла, в который превращается товар рабочая сила, будучи приобретен капиталистом, имеет именно превратный вид. Причина этого в том, что для Человека как целостной личности отчужденное бытие в социальной «одежде» капитала неадекватно и в этом отличие Человека от рабочей силы человека, его способности к [репродуктивному] труду, для которой в условиях капитализма превращение в товар и, далее, в капитал, органично.

Второй феномен — социальное творчество — оказывается необходим позднему капитализму как одна из форм смягчения его противоречий (социал-реформизм) и как адекватная форма организации творческой деятельности (напомним: по своей сущности она есть со-творчество, субъект-субъектный диалог). Как таковое социальное творчество (так же как и Человек в его качестве «родового существа») носит неотчужденный характер, есть феномен деятельности свободной добровольной работающей ассоциации, предполагающей господство отношений солидарности и субъект-субъектного диалога[1]. Как таковая эта форма общественного взаимодействия личностей также может быть подчинена капиталу лишь при помощи некоторой превратной формы, и в этом ее отличие от отношений конкуренции и иных отчужденных по своей природе товарно-капиталистических общественных отношений.

Так перед нами встает проблема «капиталоподобных» форм бытия Человека и неотчужденных социальных отношений в мире глобальной гегемонии капитала.

10.1. Человек в экономике: к критике теории «человеческого капитала»

Сама по себе проблема Человека в экономической теории стоит как минимум со времен Адама (Смита), да и термин «человеческий капитал» появился и стал общераспространенным в мировой литературе много лет назад. При всем при этом отношение к проблеме во многом остается скорее прикладным. Фундаментальные теоретические проблемы и вопросы методологии поднимаются относительно редко. Тем важнее, что хотя бы некоторые авторы (в России, в частности, В. Автономов, А. Вереникин, К. Маркарян[2]) сделали предметом своих исследований именно эти аспекты. Впрочем, и для этих работ во многом характерны тяга к неоклассической методологии и/или стремление к развертыванию и дальнейшему обоснованию подхода к экономическому качеству человека как «капитала», что провоцирует скорее на полемику с этими авторами, нежели на воспроизведение их выводов.

Мы постараемся кратко обосновать следующую систему тезисов: *историко-системный взгляд позволяет показать, что в экономике XXI века Человек все более выступает как (1) субъект творческой деятельности, который при этом (2) многоаспектно подчинен тотальному рынку и капиталу и в силу этого (3) обретает превратную форму «человеческого „капитала“».*

Обоснование этих положений позволит, в свою очередь, показать противоречия и границы развития человеческих качеств (прежде всего — творческого, личностного потенциала) в условиях тотальной гегемонии капитала.

В современной экономической науке, развивающейся преимущественно в рамках «рыночноцентрической» парадигмы, историко-системный подход не пользуется популярностью вообще и в связи с исследованием проблемы Человека — в частности. Между тем, достаточно хорошо известно, что *Человек в экономике играет много качественно различных ролей, каждая из которых существенно изменяется исторически.*

---

[1] См.: *Бузгалин А. В.* По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б. Ф. Славина. М.: Ленанд/URSS, 2013.

[2] См.: *Автономов В. С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998; *Вереникин А. О.* Человеческий потенциал экономического развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2005; *Маркарян К. В.* Человеческий капитал в постиндустриальной экономике. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2005.

Человек есть (1) *субъект деятельности*. Этот пункт важен тем, что позволяет показать качественно иную, нежели у других экономических феноменов (денег, товаров), природу Человека (он активный субъект) и провести различение репродуктивного труда и творческой деятельности. Кроме того, сказанное позволяет зафиксировать: некоторые функции человека как субъекта деятельности могут быть отчуждены от человека (например, в условиях разделения труда функция целеполагания — то, что наиболее ярко отличает деятельность Человека от функций животного — может быть отделена от непосредственного работника).

Далее, (2) человек есть *субъект исторически специфических экономических отношений* (купли и продажи товаров или подчинения общинным традициям, найма на работу или рабства, получения социальных трансфертов или присвоения ренты, и т. п.), которые различаются исторически.

В эти отношения человек вступает (3) в некотором особом историческом обличии (*конкретно-исторический социально-экономический тип человека*, одним из примеров которого является homo economicus). Этот тип, в свою очередь, определяет систему ценностей и мотивов деятельности, поведения, принятия решений в экономике и не только.

Продолжим. Экономическая теория должна учитывать (4) *различный социально-экономический статус представителей разных социальных групп* и прежде всего классов. Но и здесь различение (по содержанию деятельности, роли в экономической системе и т. п.) люмпена, классического наемного рабочего, менеджера, мелкого предпринимателя, олигарха и государственного чиновника выглядит достаточно важным, даже если оставить в стороне марксистский классовый подход.

Наконец, не забудем о том, что человек есть не только функция объективных экономических отношений, но и (5) (в рамках марксистской парадигмы) творец истории, *субъект социального творчества* (институционализм в данном случае сказал бы — создатель институтов), а также (6) гражданин, *личность с особой культурой, нравственностью и т. п.* и что все это (7) имеет существенные *национальные, исторические и т. п. особенности*.

При таком подходе достаточно очевидна, по меньшей мере, ограниченность взгляда, фактически сводящего статус человека в современной экономике к «человеческому капиталу» (одно из свидетельств чему — почти повсеместная подмена в экономических работах понятия «человек» термином «человеческий капитал»).

И все же появление этого термина (равно как и стремление использовать его как синоним человеческих качеств) сугубо не случайно. Более того, причины генезиса категории «человеческий капитал» укажут нам и на то, почему он столь распространен, каково действительное содержание процессов, вызвавших к жизни этот термин, и как оно преломляется в термине «человеческий капитал», а также почему именно он столь активно используется в современной науке.

Прежде всего, встает вопрос о том, *почему в аппарате экономической теории появилось понятие «человеческий капитал»*, а традиционные представления о «труде» (педанты-марксисты сказали бы — «рабочей силе»), как том товаре, который работник продает на рынке, оказались недостаточны.

Для этого есть несколько хорошо известных оснований.

Первое и главное основание связано с изменениями в практике жизнедеятельности капитала: начиная с некоторого этапа, значительная часть фирм столкнулась с тем, что использование ими человеческих ресурсов не исчерпывается проблемой приобретения на рынке и использования в производстве товара «рабочая сила» («труда»). Практика поставила задачи существенных инвестиций в развитие человеческих качеств работников и, как следствие, необходимость отображения этих расходов, измерения их эффективности и т. п. Поскольку внешне эти расходы и отдача от них по механизму своего воспроизводства напоминают капитал, постольку в рамках неоклассической парадигмы этот феномен и не мог получить другого имени. Сама по себе практическая необходимость учета новой роли человеческого фактора нарастала

постепенно, но с некоторого момента количественные изменения явственно привели к некоторому качественному скачку.

Этот момент оказался связан с существенными изменениями в технологии и структуре производства: *Вторым основанием для широкого использования категории «человеческий капитал» стало существенное изменение качества и роли работника под влиянием генезиса постиндустриального общества.* Произошел значительный рост значения творческой деятельности и соответствующее изменение человеческих качеств. В этих условиях стал очевиден бурный рост объемов использования и экономического значения высококвалифицированной рабочей силы, требующей значительных затрат на образование, здравоохранение и т. п. Перед капиталом встала проблема приобретения и использования в производстве не просто рабочей силы, субъект которой занят репродуктивным трудом, а цели, организация и результативность которого задаются извне. Возникла новая задача — взаимодействия с субъектом творческой (хотя бы в некоторой степени) деятельности.

Здесь сразу же появилась совокупность новых теоретических и практических проблем, отражающих не только изменения в практике бизнеса, но и существенные подвижки в качестве работника.

Во-первых, как мы постарались доказать выше, рабочая сила субъекта творческой деятельности по определению неотчуждаема («не продается вдохновенье...»). Этим субъектом самостоятельно определяются основные параметры как своего трудового процесса, так и кооперации с партнерами, более того, в пределе, он может самостоятельно задавать результат и цели всего процесса производства, т. е. выполняет ряд функций капитала (предпринимателя) и в этом смысле он сходен с капиталом-функцией.

Во-вторых, творческая деятельность создает всеобщее богатство, априори являющееся (как всякий феномен культуры, например, теория относительности Эйнштейна или романы Льва Толстого) общественно-необходимым благом, имеющим общественную ценность независимо от рыночного признания. И в этом смысле творческая деятельность имеет природу, сходную с деньгами (всем всегда необходимым общественным богатством), причем постоянно возрастающими в своем объеме, т. е. капиталом.

Эти первые два момента уже делают творческую деятельность и ее носителя внешне *«капиталоподобным»*.

Однако этим дело не исчерпывается. *В-третьих*, развитие человеческого капитала не случайно приходится на период активного роста таких сфер, как финансовый рынок (и вообще все институты и инфраструктура, обеспечивающие рыночные трансакции), менеджмент, консалтинг, аудит, а также масс-культура и производство медиапродукции, другие сферы, которые авторы этого текста обозначили как «превратный сектор». В нем не происходит создание материальных благ и культурных ценностей, служащих прогрессу материального производства и/или гармоничному развитию личности, а создаются преимущественно социальные формы, вызванные к жизни собственно рыночной системой и вне нее ценности не имеющие (в отличие от хлеба, станка, синхрофазотрона, научной теории или произведения искусства). Здесь развитие «капиталоподобного» труда становится особенно массовым явлением.

Наконец, *в-четвертых*, период экспансии неолиберальной модели рыночной экономики привел к существенным изменениям в функционировании сфер, в которых создаются и воспроизводятся человеческие качества. Прежнее бытие образования, здравоохранения, культуры и т. п. как сфер создания и использования по преимуществу общественных благ, постепенно во все большей мере смещается (в результате все более широкой их коммерциализации и приватизации) в частную сферу. Соответственно, воспроизводство человеческих качеств в большей мере стало частным делом индивидов и фирм. Так появилась еще одна объективная предпосылка для развития теории «человеческого капитала».

Сказанное позволяет сформулировать утверждение: *«человеческий капитал» есть*

(1) превратная форма некоторого реального содержания, а именно — действительных изменений (2) в качестве деятельности и ее субъекта, а также (3) в роли человека в рыночной экономике, происходящих в условиях генезиса постиндустриальных технологий и экспансии неолиберальных тенденций. Эти изменения суммируются в (4) развитии нового качества Человека (homo creator) и его деятельности (ее творческое содержание), которые делают капитал (как особое экономическое отношение, институт) излишним.

Положения (2) и (3) мы постарались раскрыть выше. Тезисы (1) и (4) — суть теорема, подлежащая доказательству.

Рассмотрим основные пункты такого доказательства.

Как мы уже заметили, термин «человеческий капитал» обязан своему происхождению очевидному сходству с «обычным» капиталом по форме воспроизводства. И в том, и другом случае мы имеем дело с долгосрочным расходованием средств (инвестированием) на создание некоторых факторов, которые затем применяются и обеспечивают отдачу от вложенных средств. Как и вещественный капитал, «человеческий» (также применяются термины «интеллектуальный» или «культурный») капитал обеспечивает при своем применении эффект, превышающий объем затрат на его создание.

Более того, выше были показаны некоторые содержательные черты «капиталоподобия» творческой деятельности в современной рыночной системе.

Однако различия между человеческими способностями к творческой деятельности и капиталом достаточно велики для того, чтобы с научной точки зрения было бы оправдано объединение их в общий класс явлений — «капитал».

Начнем с того, что понятие капитал, как бы оно ни трактовалось различными направлениями экономической теории, предполагает такой фундаментальный факт, как *применение капитала человеком в процессе деятельности (трудовой или предпринимательской)*. Очевидно, что к «человеческому капиталу» такая трактовка уже не подходит. За внешним «капиталоподобием» здесь скрывается другое содержание: формирование и использование самим Человеком своих же способностей. Человеческие способности, в отличие от капитала, не представляют собой некий инертный потенциал, требующий для своего производительного применения *внешней* по отношению к нему активной силы человека. Напротив, *способности человека к творческой деятельности, как и живой труд вообще, выступают как необходимое условие производительного применения капитала.* Одного этого уже достаточно, чтобы провести качественную границу между рассматриваемыми категориями.

Далее, капитал выступает в своей денежной форме, как стоимость, авансируемая на приобретение вещественных элементов производства. Даже если вести речь о средствах производства с длительным циклом изготовления (сооружение зданий, строительство судов, прокладка трубопроводов...), то и в этом случае авансирование денег на формирование творческих способностей человека отличается от авансирования денег на создание средств производства с длительным циклом освоения авансированных средств. Человек *постоянно* формирует свои творческие способности и осуществляет их использование (хотя бы в процессе обучения). Он начинает их применять задолго до окончания процесса их формирования. Соответственно, цикл авансирования средств растягивается на весь период активной жизни человека (непрерывное образование, обмен знаниями и информацией, совершенствование своих способностей). Кроме того, сам процесс применения творческих способностей человека одновременно является и процессом их совершенствования, чего никак нельзя сказать о вещественных элементах капитала — они лишь снашиваются в процессе применения.

Добавим, что «человеческий капитал» нельзя приобрести простой покупкой, например, «услуг» образования. Покупатели таких «услуг» одновременно (и в активном сотрудничестве) с их продавцом выступают как «производители» творческих способностей человека, чего вовсе нельзя сказать о покупателе капитальных благ. «Человече-

ский капитал» нельзя не только купить, но его нельзя и продать, поскольку творческие способности человека неотделимы от их носителя.

Что же касается семейных «инвестиций» в воспитание подрастающего поколения, то их вообще нельзя рассматривать как капитал даже и по форме движения, ибо эти «инвестиции» совершаются, как правило, без расчета на последующую коммерческую отдачу. *Надежда* на материальную поддержку со стороны детей качественно отлична от конкретного *расчета выгоды* от инвестиций в них — такой расчет, строго говоря, невозможен, ибо упирается в факторы неопределенности. К ним также в полной мере относится и то, что было сказано выше об услугах образования.

Кроме того, прибыль на капитал в свою очередь распадается на капитал (реинвестируемую прибыль) и доход. Если проводить аналогию, то доход, получаемый благодаря применению творческих способностей человека в производстве, «реинвестируется» целиком — то есть расходуется на потребление человека. Поэтому здесь вообще невозможно провести границу между потреблением и «инвестированием».

Наконец, *рассмотрение человеческих способностей как капитала — стоимости, авансируемой для производства добавочного дохода — противоречит общей тенденции эволюции мотивов и стимулов человеческой деятельности*[1]. Рассмотрение человеком самого себя как инструмента получения повышенного заработка, что прямо вытекает из концепции «человеческого капитала», вполне возможно. Но тогда следует категорически отвергнуть другую концепцию, согласно которой спецификой изменений, происходящих в условиях генезиса постиндустриального общества, является развитие совсем иных тенденций: творческие мотивы человеческой деятельности, стремление реализовать себя, свои способности, свой творческий потенциал оттесняют вещные, денежные стимулы на второй план. И напротив, следует категорически заявить, что стремление развивать свои человеческие качества определяется исключительно стремлением сделать свои способности основанием для претензий на повышенный доход.

Но даже если признать последнее утверждение, то и в этом случае цели вложений капитала и расходов, например, на высшее образование, будут отличаться, поскольку *стремление надежно обеспечить себе высокую доходную базу все же отличается от стремления получить наивысшую прибыль на вложенный капитал.*

За всеми этими внешними различиями скрыта *сущностная противоположность Человека как субъекта творческой деятельности и капитала.*

Выразить эту противоположность, однако, можно лишь в рамках марксистского категориального аппарата, поскольку аппарат неоклассики принципиально ограничивает исследование (1) полем обмена, отказываясь от анализа содержания деятельности, и (2) рассмотрением исключительно рыночных форм, квалифицируя все остальные феномены как провалы рынка.

Если же мы рассмотрим проблему, используя марксистский категориальный аппарат, то творческая деятельности будет определена как процесс непосредственной, неотчужденной кооперации, диалога, сотворчества субъектов деятельности. Для включения в этот процесс нужны (1) личностные способности к опредмечиванию и распредмечиванию [результатов творчества] и (2) открытый, не ограниченный [частной собственностью] доступ к культурным ценностям (поскольку они сами по себе безграничны, то и использовать их можно безгранично: читайте книги, слушайте музыку сколько угодно — их не убудет...). Капитал же, наоборот, предполагает отчуждение личностных качеств человека, и частную собственность на знания и другие культурные ценности (своего рода «средства производства» для формирования человеческих качеств).

Однако в рамках буржуазной системы вообще, а современной — в особенности,

[1] Аналогичная аргументация развивается в: *Марцинкевич В. И.* Человек в экономической науке и в российской экономике (что скрывается за термином «человеческий капитал») // Человеческий капитал и Россия. Материалы теоретического семинара ИМЭМО. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 26, 30.

человек и его творческая деятельность воспроизводятся (оставим пока в стороне провалы рынка) посредством рынка и капитала. Как следствие, они не могут не обретать и соответствующих форм. Но здесь есть нюансы (понятные, впрочем, лишь тем, кто помнит или вновь узнал тонкости марксистской методологии). Если товарная форма была адекватна для рабочей силы в условиях капитализма (в условиях этой системы рабочая сила действительно есть товар и, более того, иначе не может быть использована в процессе производства), то *«человеческий капитал» есть превратная форма.*

Раскроем этот сформулированный еще в анонсе данного текста тезис подробнее. «Человеческий капитал» — это форма, создающая видимость иного (чем действительное) содержания. Данная форма создает видимость того, что человеческие качества есть капитал, который приносит его владельцу прибыль (т. е. доход, больший, чем заработная плата работника)[1]. В действительности же здесь складывается иное отношение.

Если оставить в стороне сферу самозанятости творческих работников (индивидуальная деятельность, кооперативы, временные творческие коллективы, государственные университеты), и посмотреть на отношение творца с корпорацией, то здесь происходит (1) приобретение собственником капитала человеческих качеств работника, несводимых к качеству рабочей силы (творческого потенциала человека, т. е. его неотчуждаемых личностных качеств) и, как следствие этого, (2) большей части всеобщего общественного богатства, созданного этой творческой деятельностью. Работник же (1) теряет контроль над своим творческим потенциалом, но (2) получает некоторую (оговоренную контрактом) долю созданного им богатства. В практике развитых капиталистических экономик эта доля, как правило, больше, чем просто цена рабочей силы. В других экономических системах (например, в условиях России) ситуация может быть иной.

Тем самым действительным содержанием категории «человеческий капитал» является описанное нами отношение подчинения капиталу не только рабочей силы и [репродуктивного] трудового процесса, но и Человека как целостной [творческой] личности и, соответственно, присвоения (в форме т. н. «интеллектуальной ренты») капиталом всеобщего богатства, создаваемого этой личностью в процессе ее творческой деятельности.

«Наведенным» же, превратным (это действительная, практическая «кажимость») содержанием «человеческого капитала» выступает функция инвестирования некоторого субъекта в развитие человеческих качеств некоторого субъекта (возможного, его самого) с целью получения результата, стоимость которого превышает по своей величине ту, что была инвестирована.

Так очень кратко может быть охарактеризован этот пласт отношений, если мы остаемся в рамках марксистской парадигмы.

В этом случае нельзя отрицать некоторого внешнего сходства между творческой деятельностью человека в условиях капитализма и капиталом; нельзя отрицать и того, что применение творческих способностей человека в производстве имеет тенденцию занять место капитала в качестве ведущего фактора производства. По этим причинам применение слов «человеческий капитал» *в качестве образного выражения* оказывается не случайно — если не забывать, что *это не капитал в научном смысле слова.*

Достаточно очевидно, что экономическую оценку суммы творческих способностей человека нельзя свести только к цене его рабочей силы или цене труда. И здесь нет особого предмета для полемики. Но следует ли на этом основании согласиться с тем утверждением, что оплата жизнедеятельности (не просто труда!) творческого работника означает не покупку его рабочей силы, а приобретение услуг труда? Или точнее будет иная формулировка: присвоение

[1] Упомянутый выше К. Маркарян, развивая положения зарубежных теоретиков человеческого капитала, делает на этом основании вывод, что в получаемой наемным работником заработной плате есть две составляющие: собственно заработная плата (амортизация «человеческого капитала») и прибыль. См.: *Маркарян К. В.* Общая теория постиндустриального государства. М.: URSS, 2002.

капиталом и подчинение ему человеческих качеств, личности («божественной души», суть которой — то самое «вдохновенье», которое не продавалось во времена Пушкина, а сейчас стало предметом рыночно-капиталистических отношений)? Безусловно, и в первом и во втором случае объем сделки между капиталистом и творцом не может быть сведен к возмещению издержек на формирование способностей к труду данного качества. Соответственно, эта величина («зарплата» творца) может выходить далеко за пределы величины издержек на формирование рабочей силы. Но вопрос о природе этой сделки остается.

Мы согласны с тем, что владелец капитала *может* приобретать «услуги труда». Однако такое отношение между капиталом и трудом возникает только в том случае, если предоставление этих услуг не контролируется владельцем капитала, не обусловлено применением капитала, и, напротив, целиком осуществляется «трудом» по собственному усмотрению и за собственный счет. Иными словами, этот тот случай, когда капитал не нанимает трудящегося, а *покупает услуги творческой деятельности независимого производителя* (*работника*).

Однако, как мы показали выше, анализируя механизмы подчинения творческой деятельности капиталу, в большинстве случаев в условиях позднего капитализма присутствует иное отношение. По форме оно напоминает «рассеянную мануфактуру», оставляющую лишь видимость независимости «интеллектуала».

По сути, здесь присутствует новый вид подчинения капиталу труда, имеющего, кстати, старую форму *наемного* труда. В этом случае оплата труда работника определяется не результатами творческой деятельности, а ставками заработной платы, предусмотренными договором найма. В основе этих ставок лежит описанный выше механизм, по своей сущности сходный с механизмом купли-продажи рабочей силы. Основа стоимости «человеческих качеств» («бессмертной души») — как всегда в условиях товарного производства — ни что иное как общественно необходимые затраты живого и овеществленного труда на воспроизводство этого «товара» (включая сюда, естественно, затраты на высшее образование, обеспечение здорового образа жизни и большой продолжительности жизни, обеспечение социальной стабильности и других условий, без обеспечения которых затруднительно получить воспроизводство слоя «профессионалов» в массовых масштабах). Цена же этого товара, как и в случае с другими товарами, колеблется вокруг стоимости под влиянием соотношения спроса и предложения, национальных особенностей, места данной экономики в глобальном мире и т. п.

Однако не следует рассматривать концепцию «человеческого капитала» как банальную попытку замаскировать эксплуатацию капиталом творческих работников. В отличие от работников репродуктивного, рутинного труда, творческие работники представляют собой зачастую не только уникальный, но и критический для данной фирмы ресурс, главный источник ее дохода — постольку, поскольку таким источником повсеместно становится технологическое применение науки[1].

Именно поэтому отношения таких работников с владельцами капитала фирмы могут строиться не только на основаниях купли-продажи рабочей силы: *собственник капитала может вступать с таким творческим работником в фактическое соглашение о разделе части прибыли, добиваясь подчинения творческого труда капиталу не на основе экономического принуждения, а на основе компромисса*. Ведь, по существу, деятельность такого творческого работника теперь выступает не только как необходимое (подобно живому труду всех других работников), но и как уникальное условие эффективного функционирования капитала фирмы, без которого капитал обесценивается. Здесь и лежит едва ли не самое глубокое основание развития концепции «человеческого капитала».

В рамках неоклассической парадигмы эта проблема решается, естественно, совсем

[1] «...Накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала...» (*Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. С. 205).

иначе. В данном случае человеческие качества выступают как всего лишь один из видов ресурсов и потому вполне могут рассматриваться как «капитал» — понятие крайне многозначное в рамках этой школы. Более того, поскольку эта парадигма предполагает (основываясь на известной формуле Сэя), что каждый фактор производства создает некоторый доход, постольку вполне логично выглядит тезис о том, что человеческий капитал, как и физический, создает сумму, достаточную для амортизации и получения прибыли его владельцем.

Далее может встать вопрос: какую форму на практике имеет «прибыль», получаемая «человеческим капиталом»? Некоторые теоретики считают (и их теории активно используются рядом профсоюзных лидеров), что прибыль человеческого капитала есть часть прибыли, получаемой фирмой от продажи товара (чистая прибыль должна распределяться между работниками и собственниками физического капитала пропорционально стоимости каждого из этих двух слагаемых). Другие считают, что при заключении трудового договора рынок (конкуренция работников и работодателей) уже определил пропорцию, в которой должен быть распределен конечный доход, и вся проблема заключается в том, чтобы специально выделить в заработной плате долю, соответствующую «амортизации» человеческого капитала и его прибыли.

Возвращение к марксистскому категориальному полю требует не только констатации того, что феномен «человеческого капитала» оказывается отображением закономерных изменений роли человека и качества его деятельности, происходящих под влиянием постиндустриальных сдвигов, но отображаемых в виде превратной формы и того, что эта форма неслучайна Требуется анализ и иных проблем, порождаемых практикой широкого развертывания творческой деятельности в условиях нового качества рынка и капитала, характерных для позднего капитализма. Эти проблемы и противоречия заслуживают самого пристального внимания в силу своей практической актуальности и для критиков капиталистической системы, и для ее адептов, и для наемных работников, и для предпринимателей и собственников капитала, желающих с открытыми глазами встречаться с действительными проблемами.

В рамках неоклассической парадигмы эти проблемы и противоречия просто не видны. Она исходит из того, что «человеческий капитал» есть не более чем новая разновидность капитальных ресурсов[1], некоторые особенности которой требуют не более чем некоторых коррекций при учете затрат на этот вид капитала и при оценке эффективности его использования. Все прочее — провалы рынка, которые, как известно, надо минимизировать.

В рамках же марксистского категориального поля видна принципиально сложная и значимая проблема. Если мы исходим из того, что анализ реальной системы отношений современной рыночной экономики указывает на то, что в ее основе лежит система подчинения Человека (а не только труда) капиталу в условиях глобальной гегемонии последнего, то оказывается, что ***проблема соотношения понятий «Человек» и «человеческий капитал» не сводима к терминологической: различие теоретических трактовок прямо связано с различием стратегических установок развития экономики.***

Поясним это положение. Теоретические дебаты о природе и роли Человека в рыночной экономике можно было бы считать чисто академическим спором о словах, если бы не некоторые весьма важные обстоятельства.

Во-первых, трактовка человека как особого вида «капитала» обусловливает и соответствующее отношение к его развитию. В рамках данной парадигмы Человек опре-

[1] Неоклассический подход к капиталу, как к некоему стоимостному (денежному) фонду, приносящему добавочный доход — не важно, в чем воплощен этот фонд, — позволяет «безразмерно» расширять понятие капитала (см., например, трактовку капитала в известной работе: *Хикс Дж.* Стоимость и капитал. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. С. 265–266). Но и в этом случае применительно к способностям человека возникают затруднения в трактовке их как некоего денежного фонда (хотя бы потому, что, в отличие от денежного фонда, человеческие способности не могут сменить владельца — ведь мы имеем дело не с рабовладением!).

деляется как (1) частная собственность (то ли самого работника, то ли фирмы, инвестировавшей в развитие данного «капитала»; здесь, следовательно, возникает целый круг хорошо известных теоретических и практических проблем: кто и почему может и должен получать доход от инвестиций в образование и как обеспечить использование новых знаний, полученных работником за счет фирмы исключительно в интересах фирмы; еще шаг — и будет введено «контрактное крепостное право»[1]). Если человеческие качества (напомним: это не только рабочая сила, но прежде всего творческий потенциал, т. е. личностные качества человека) определены как частная собственность и, более того, капитал, то они (2) становятся отчуждаемы. Следовательно, их (3) можно продать (будь Пушкин сторонником теории «человеческого капитала», он бы, наверное, написал Оду в честь продажного вдохновенья... Не нравится? Но ведь *теория человеческого капитала прямо утверждает, что гений и продажность — две вещи... совместные, более того, органично единые для современного человека.*

Во-вторых, легко выводится еще одно следствие: если человеческие качества есть капитал, находящийся в частной собственности, то его развитие и приумножение является частным делом каждого отдельного собственника. Задача государства состоит всего лишь в создании «гарантий прав [интеллектуальной] собственности» и «благоприятного инвестиционного климата». В результате приватизация образования и здравоохранения, культуры и спорта становится социально прогрессивной и теоретически вполне обоснованной. И напротив, трактовка человеческих качеств как неотчуждаемых свойств личности служит одним из теоретических оснований для обоснования необходимости развития культуры, образования, здравоохранения и т. п. как общедоступных сфер.

В-третьих, трактовка человека как «капитала» прямо обусловливает и то, что мерой его развития и эффективности становится денежный доход, получаемый посредством рыночных трансакций с данным «капиталом». Отсюда несколько следствий.

Первое: *«качество» человека (ценность и самоценность Личности) с экономической точки зрения становится равно рыночной цене его «человеческого капитала»* (отсюда еще одно любопытное следствие: *если исходить из доктрины «человеческого капитала», то оказывается, что человеческие качества учителя из российской глубинки в сотни тысяч раз ниже, чем у успешного финансового спекулянта, а у миллиарда беднейших жителей человечества они вообще близки к нулю...*).

Второе: образование и другие формы «инвестиций в человеческий капитал» должны быть нацелены на формирование максимальной *рыночной* ценности этого «капитала», следовательно, ориентироваться, прежде всего, на конъюнктуру рынка (отсюда практическое следствие: качество образования и вуза, его давшего, определяется зарплатой выпускника...), а не на свободное и гармоничное развитие личности. Эту цепочку следствий легко продолжить.

Наконец, и это очевидно, трактовка человека как носителя «человеческого капитала» в применении к наемному работнику «окончательно» снимает проблему эксплуатации: становится «очевидно», что в современной экономике происходит не более чем взаимодействие (конкуренция, социальное партнерство) двух видов капитала. Все разговоры о противоположности интересов (стратегических, долгосрочных) труда и капитала в этом контексте становятся «пережитком прошлого». Но вот что-то этот пережиток не хочет уходить из практической жизни...

Сказанное, однако, не следует понимать как отрицание возможности использования термина «человеческий капитал».

Напротив.

Авторы стремились показать, что это закономерно появившееся в рамках mainstream'а понятие, отражающее те превра-

[1] Данный термин взят в кавычки как образное выражение. Но оно не случайно: долгосрочный контракт с творческим работником, обязывающий последнего передавать фирме все свои разработки, по сути дела есть элемент именно личной зависимости. Можно, конечно, считать, что «человеческий капитал» вообще не может быть продан, а могут быть проданы лишь его услуги. Но тогда что же это за капитал, который нельзя продать? Системное качество капитала здесь отсутствует...

ные формы бытия человеческих качеств (прежде всего — креативного личностного потенциала), которые становятся особенно значимы с переходом к знаниеинтенсивной экономике и которые создает общая атмосфера тотальной маркетизации. В этой обстановке господства рыночного фундаментализма (используем вновь термин Дж. Сороса) вышедшие на первый план креативные свойства человека будут объективно превращаться в частную собственность, которую корпоративный капитал будет стремится присвоить (или хотя бы использовать), надевая на творческую личность маску «капитала» и отрицая все формы неотчужденного развития человеческих качеств. Между тем от широты развития именно этих неотчужденных форм, от возможно более широкого развития творческого потенциала всех людей, независимо от их способности «инвестировать в самих себя», во все большей и большей мере зависит не только прогресс современного общества — в том числе и экономический, — но и сама его способность к прогрессу, а то и к выживанию.

Феномен «человеческого капитала», стал едва ли не первым в чреде разного вида новых «капиталов» — интеллектуальных, культурных, природных и т. п. Что касается исторического первенства «человеческого капитала», то авторы не берутся утверждать наверняка (мы не занимались специальными историко-библиографическими изысканиями на эту тему) но логически он неслучайно занимает первое место. Именно подчинение человеческих качеств стало закономерным первым (но не последним) шагом капитала в область присвоения им не-экономических ресурсов. Если оставить в стороне природу как источник сырья, то прогресс капитала в XX веке уперся, прежде всего, в необходимость подчинения себе науки, образования и культуры, что и породило проблему Человека и капитала и феномен «человеческого капитала». Развертывание научно-технического прогресса неизбежно генерировало совокупность глобальных проблем и среди них как едва ли не ключевые — экологические. Здесь в принципе должен был бы встать в полный рост вопрос развития Природы (как абсолютной предпосылки жизнедеятельности человечества и как культурной ценности) и можно было бы ожидать появления проблемы «природного капитала» как одной из наиболее актуальных. Но вот незадача: Природа *как культурная ценность* что-то плохо поддается приватизации и капитализации и потому категория «природного капитала», хотя и появилась, но так и не стала особенно популярной.

Иное дело — неотчужденные общественные отношения людей как личностей, субъектов тех или иных форм общественного диалога. Этот феномен стал неизбежным практическим и логическим следствием развития человеческих качеств и капитал, естественно, не мог пройти мимо этой сферы, не превратив ее в объект своей экспансии. Так возникли проблема «приватизации» и капитализации социальных межличностных взаимодействий и понятие «социальный капитал».

10.2. Некапиталистические социально-экономические отношения или «социальный капитал»?

Итак, гегемония капитала на обозначенном выше этапе экспансии делает своим объектом и едва ли не большую часть сферы социальных связей, отношений и институтов, обозначая их термином «социальный капитал», который «вдруг» (в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов) оказался очень удобным и востребованным понятием.

10.2.1. «Социальный капитал»: как ищут и что находят западные и копирующие их отечественные авторы?

Начнем с того, что первым импульсом для появления этого термина стало «открытие» в 1980-е годы прошлого века несколькими учеными феномена, не описываемого традиционными неоклассическими терминами и/или терминами нового институционализма — того, что, в частности, об-

разно называют «доверительной распиской» (членство в группе, которое дает право на «кредит», в разных смыслах этого слова). Кроме известного еще с XVIII века феномена «доверия» (кстати, один из наиболее маститых авторов в этой тематике — Ф. Фукуяма — во многом сводит «социальный капитал» именно к этому феномену) в это поле были включены такие явления как дружба, членство в добровольных организациях и обществах, семейные и другие некоммерческие связи, а также особая (о том, какая именно — ниже) роль социальных структур. Получилась некая весьма аморфная совокупность, которую, «естественно», тут же назвали капиталом, а прилагательное «социальный» появилось *как бы* само собой.

Описывающие эту совокупность в предельно общем виде справочники и словари, делают «социальный капитал» поистине безграничным понятием: это институты, отношения и нормы, которые формируют качественно и количественно, социальные взаимодействия в обществе (определение Мирового банка). В профессиональных работах эта аморфность, однако, отчасти преодолевается, что позволяет несколько специфицировать данную категорию.

Позволим себе для начала выделить ряд устойчиво повторяющихся феноменов, которые разные группы авторов относят к «социальному капиталу».

Первый, очевидно бросающийся в глаза — *доверие и связанные с ним феномены знакомства, признания, толерантности.*

Второй — социальные связи, контакты разного рода (перечень этих связей, встречающихся в разных работах, очень широк: семья, религиозные группы, сети выпускников, сообщества по национальному признаку, знакомства и т. п.) с выделением неформальных (то, что мы бы назвали «блатом») и чисто личностных (товарищество, дружба и т. п.).

Третий — социальные структуры. С этим ситуация сложнее. Сделанный рядом авторов выбор таких структур показывает, что наиболее часто упоминаются различного рода элитные структуры (вплоть до закрытых бизнес-клубов и разного рода «саммитов» типа Давосского, о чем, правда, упоминают редко), но есть и работы, в которых речь идет о разного рода социальных сетях и/или добровольных организациях, структурах гражданского общества.

Если же говорить о более-менее устоявших типах связей, выделяемых в литературе, то о них пишут авторы, делающие акцент на (1) внешних связях, также называемых связями преодоления (bridging) или коммунальными связями и/или (2) на внутренних связях — связях «склеивания» (т. н. bonding).

Наконец — и это очень важный аспект — некоторые из зарубежных авторов отмечают, что отношения, описываемые понятием «социальный капитал» по преимуществу *не*-конкурентны[1].

Для целей нашего исследования, однако, особенно важным будет иное деление зарубежных авторов. Первая и *доминирующая группа — те, кто «социальный капитал» понимает сугубо коммерчески* (или экономически в узком смысле слова), т. е. как те социальные параметры (как правило, это прежде всего доверие и знакомства в той или иной сети), которые могут быть использованы для получения дополнительной коммерческой (и иной) выгоды, или как заметил один из этих исследователей (М. Шифф) — являются аргументом производственной функции и/или функции полезности. Вторая группа — те, для кого он есть *еще и* феномен, описывающий особый (мы бы сказали — не типичный для рынка) круг отноше-

[1] Отмечая этот аспект, мы хотели бы в то же время заметить, что акцент на преимущественно неконкурентном характере связей как одной из отличительных черт «социального капитала» для зарубежной литературы не характерен. Описывая по преимуществу именно не-конкурентные отношения, большинство авторов тщательно старается этого не замечать. И ведь у них это получается!

Еще один вопрос: если верить неоклассике, то атрибутом рынка (и, следовательно, капитала) является конкуренция. Следует ли отсюда, что это (как и многие другие формы взаимодействия в капиталистической системе) — не-рыночный феномен? Или не-конкурентные отношения есть один из атрибутов рынка? В самом деле, почему бы не считать отношения солидарности одной из прогрессивных форм рынка и обеспечивать переход к рынку в России путем сворачивания конкуренции и развития солидарности? Глупость? А считать не-конкурентные отношения по своей природе рыночными — это что?

ний, в которых *«социальный капитал» выступает как общественное благо.* Это отношения «сотрудничества» (Патнэм, Брем и Ран), «оказания помощи и поддержки» (де Грааф, Боксман, Флап, Бурдье и Вакан) и т. п., которые способствуют «развитию коллектива в целом» (Томас), «с целью решения проблем *коллективных* действий» (Брэм и Ран).

Иными словами, можно сказать, что последняя группа авторов в совокупности определяет «социальный капитал» как... *систему отношений коллективизма, помощи, поддержки и взаимного сотрудничества с целью развития сообщества в целом.*

...Приостановив анализ взглядов западных авторов и написав выделенную выше курсивом дефиницию, я (этот пассаж писал А. Бузгалин) едва не упал со стула: в самом деле, любой обществовед, заставший советские времена, знает, что это ничто иное, как... определение основного производственного отношения социализма в учебнике по политической экономии Академии общественных наук при ЦК КПСС[1]...

Оставим пока в стороне это неслучайное сходство и лишь запомним проведенное выше деление на две группы западных авторов: тех, кто акцентирует рыночный капиталистический эффект (*«капиталистическая» трактовка»*) и тех, кто рассматривает в первую очередь новый тип и характер общественных отношений (*«социальная трактовка»*). Это деление принципиально важно для нашего дальнейшего исследования и потому мы уделили ему столько внимания.

Если же суммировать общие подходы к исследованию социального капитала, содержащиеся в работах большинства известных нам авторов, пишущих о «социальном капитале» на Западе и воспроизводящих эти трактовки в нашей стране, то получится следующий набор характеристик:

- использование методологии позитивизма и потому выделение преимущественно эмпирически наблюдаемых черт;
- у многих (но не у всех) авторов — господство прагматического подхода, обусловливающее выделение, прежде всего, тех социальных связей и отношений, которые могут обеспечить прирост исходных ресурсов (в большинстве случаев — дополнительный денежный доход);
- выделение в качестве предмета исследования процессов, отождествляемых (в какой мере правомерно — это особый вопрос) с рыночными, капиталистическими отношениями;
- ориентация на выделение функциональных и иных связей, которые позволяют формализовать и квантифицировать выделяемые черты «социального капитала», неявное абстрагирование от связей, взаимодействий и аспектов исследования, не поддающихся математическому моделированию;
- господство методологического индивидуализма в большинстве работ (исключение составляют немногочисленные авторы, включающие и анализ социально-групповых процессов)...

Перечисленные выше параметры не выбиваются из типичного пейзажа «основного течения» современной экономической и социальной теории ни по предмету, ни по методу. Это позволяет, в частности, объяснить, почему едва ли не все известные исследователи «социального капитала» никогда даже не задаются вопросом о том, насколько правомерно называть совокупность подводимых под это имя явлений именно *капиталом*. Почему бы их не назвать, скажем, «социалом» — не-рыночной и некоммерческой социальной связью индивидов?

Ответ на этот вопрос довольно очевиден: принадлежащие к mainstream'у авторы все, что производительно, как и вообще любую форму богатства, считают капиталом (ибо они *как бы* не знают никакой другой формы богатства), а то, что социальные связи могут быть производительны, знает всякий, кто использовал в целях собственной выгоды дружбу, кумовство, связи внутри национальных диаспор и т. п. Впрочем, открытие «продуктивности» социального капитала также считают важным научным достижением, и не без оснований: теперь

[1] Политическая экономия социализма — научная основа руководства народным хозяйством / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Каф. марксист.-ленин. полит. экономии. Каф. основ науч. упр. социалист. экономикой / Под ред. И. И. Кузьминова, С. В. Рогачева. М.: Мысль, 1975.

у экономистов есть несколько способов, при помощи которых можно посчитать экономическую эффективность товарищества, дружбы и семейных привязанностей, что (без всяких шуток!) весьма важно для всякого серьезного бизнесмена и менеджера.

Для нас здесь, впрочем, важен не ответ, а *вопрос*. Задав его, мы ставим под сомнение не прилагательное, а существительное — самую суть феномена «социальный капитал». Мы ставим проблему: *а капитал ли это?* Можно, конечно, все, что так или иначе дает некий прирост богатства, считать капиталом. И это правильно с точки зрения неоклассического нарратива. Более того, даже спорящий с этим в принципе марксизм, подтверждает, что капитал, будучи в условиях капитализма всеобщей формой богатства, придает всем феноменам этого общества вид капитала.

Вот только вопрос: а можно ли, например, считать *капиталом* (пусть и социальным) общественные связи, создаваемые добровольными и легальными организациями, постоянно и неуклонно проводящими деятельность (исключительно легитимную, мирную и демократическую) по:

- ограничению доходов собственников капитала и перераспределению их (в размерах до 50 %) в пользу беднейших слоев населения?
- национализации образования, здравоохранения, природных ресурсов, объектов инфраструктуры, телекоммуникаций и т. п.?
- развитию селективного регулирования экономики и увеличению даже не до 50 (как сегодня в скандинавских странах) а до, скажем, 70–80 % доли ВВП, перераспределяемой обществом (НПО, органами местного самоуправления *и* государством)?

А деятельность профсоюзов, органов местного самоуправления, социалистической, коммунистической и других левых партий, обеспечивших победу на президентских выборах в 1971 году Сальвадора Альенде, начавшего в Чили социалистические преобразования, была прогрессом социального *капитала*?

Между тем, все эти явления в полной мере подпадают под то определение «социального капитала», которое принято на Западе: они являются формой общественной связи индивидов, обеспечивающих рост полезного эффекта — в данном случае, социального равенства и социальной справедливости.

Так вопрос в современных западных исследованиях «социального капитала» никто не ставит. И это неслучайно.

Во-первых, mainstream названные процессы вообще не замечает, считая их незначительными маргинальными возмущениями на границах системы. Более того, mainstream вообще не хочет видеть ничего, что указывает на наличие иных, нежели рынок и капитал, феноменов в реальной действительности. А они есть.

Во-вторых, прогресс социального равенства и справедливости принадлежащие к mainstream'у исследователи «социального капитала» вряд ли будут считать продуктивным актом, если это не вызывает рост прибыли корпораций или хотя бы рост ВВП страны.

Фиксация такого подхода для нас важна, ибо соглашаясь с ним (в самом деле, называть капиталом, пусть даже и социальным, то, что не увеличивает денежное богатство, странно), мы можем провести то ограничение, которое сами по себе исследователи «социального капитала» проводят редко. Мы можем сказать, что «социальным *капиталом*» можно называть только *те социальные взаимодействия, которые прямо или косвенно результируются в росте рыночного эффекта, в первую очередь — приросте денег, капитала.*

Все остальные социальные связи даже по аналогии называть «капиталом» не стоит, ибо в этом случае «социальном капиталом» окажется и вся совокупность отношений, формируемых в СССР под мудрым руководством Коммунистической партии и Советского правительства, а любое общество и любой экономический строй будет капиталистическим... (В самом деле, вряд ли ученые, стоящие на позициях экономического либерализма, согласятся с тем, что социализация экономики есть прогресс капитала, пусть даже и «социального»...).

В этом случае та трактовка исследуемого нами понятия, которую мы выше назвали «социальной», выйдет из поля, обозначаемого понятием «социальный капитал» и это важный аспект, к которому мы еще вернемся.

Итак, перед нами два подмножества явлений, обозначаемых понятием «социальный капитал»: (1) некие ранее не описывавшиеся экономической теорией формы социальных взаимодействий, включение в которые дает *рыночный, капиталистический эффект* и (2) формы социальных взаимодействий, которые дают *не рыночный, а социальный эффект*. Существенно, что эти два подмножества пересекаются.

А теперь поставим вопрос: а какова природа этих социальных взаимодействий? Едина ли она для первого и второго подмножеств?

10.2.2. Отступление. Несколько предварительных определений

Гипотеза, которую авторы будут разворачивать и аргументировать в этом подразделе, состоит в следующем: отношения и процессы, обозначаемые термином «социальный капитал», являются par excellence некапиталистическими (и не-рыночными) феноменами, которые обретают форму капитала в силу всеобщности бытия и господства последнего в современных условиях. Эти некапиталистические отношения могут служить прогрессу преимущественно капитала («социальный капитал» первого вида) или общества («социальный капитал» второго вида). В первом случае включение и собственно капиталистических отношений является правилом, во втором — исключением.

Прежде чем начать пояснять и аргументировать эти положения, позволим себе (в качестве одного из блоков гипотезы) акцентировать некоторые понятия, уже исследовавшиеся нами в книге.

Будем считать:

(1) *рынком* — форму только таких взаимодействий, субъекты которых независимы друг от друга; функционируют в условиях общественного разделения труда, преследуют цели максимизации дохода (имеющего в развитой рыночной экономике денежную форму или денежный эквивалент) и минимизации затрат труда, а также других ресурсов; взаимодействуют посредством отношений конкуренции;

(2) *капиталом* — только такой процесс прироста общественного богатства по сравнению с исходным (процесс создания прибавочного продукта), в основании которого лежит частная собственность одних лиц на не-персонифицированные факторы этого процесса (в частности, средства производства, включая такие, как информация), а других лиц — на рабочую силу, причем собственник рабочей силы лично свободен и лишен какой-либо иной собственности;

(3) иные феномены — *не-рыночными и/или не-капиталистическими*. В частности, не-рыночными, будем считать отношения натурального хозяйства (производства и потребления продукции внутри одного хозяйственного субъекта); безвозмездного дарения и безвозмездной помощи; не-ориентированных на максимизацию частного эффекта сотрудничества и кооперации; сознательного распределения и перераспределения благ на основе непосредственно-общественного принятия решений исходя из социальных (гуманитарных, экологических и т. п.) критериев и т. п.

К не-капиталистическим при таком подходе будут отнесены, например, процессы получение прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения лично зависимых работников; или создание прибавочного богатства общества ассоциацией собственников общественных средств производства; или сотворение свободным креатором, работающим на основе гарантированного обществом обеспечения рациональных потребностей нового культурного феномена, передаваемого человечеству бесплатно, как общественное благо (научная работа сотрудника НИИ или университета в общественном секторе экономике);

(4) *переходными* — всякие процессы, в которых противоречиво соединяются черты рыночных и не-рыночных (капиталистических и не-капиталистических) отношений. Достаточно очевидно, что в современных экономиках господствуют именно такие,

переходные отношения: от 30 до 50 % ВВП развитых стран распределяется и перераспределяется по не-рыночным критериям на основе общественных, сознательно-вырабатываемых решений; многие работники являются собственниками акций, а высшие менеджеры соединяют в себе черты собственника капитала и наемного работника и т. п.;

(5) что в классе переходных процессов можно, в частности, выделить, *отмирание до-рыночных (до-капиталистических)* отношений и *генезис пост-рыночных (пост-капиталистических)* в процессе эволюции рыночной капиталистической экономики. В качестве основы для такого выделения будет использован известный в социально-философской литературе *критерий прогресса*: мера свободного гармоничного развития личности (его косвенным социально-экономическим измерителем может служить Индекс человеческого развития, а также ряд других показателей, используемых ООН и ЮНЕСКО для сравнительного анализа социального, гуманитарного и экологического развития стран). Соответственно, в том случае, если переход осуществляется от менее прогрессивных отношений, чем рынок (капитал), к рынку (капиталу), мы можем говорить об отмирании до-рыночных (до-капиталистических) отношений. В случае, если осуществляется переход от рынка (капитала) к более прогрессивным отношениям, мы будем говорить о генезисе пост-рыночных (пост-капиталистических) отношений.

Понятно, что на основе дорыночных, рыночных, капиталистических, пострыночных и посткапиталистических отношений (а также и их переходных форм), формируются также и не экономические отношения (дружба, родство, землячество и т. п.), которые не могут быть прямо подведены под рубрики рыночных или нерыночных, капиталистических или некапиталистических. Именно такого рода отношения и пытаются подвести под рубрику «социального капитала», априори приписывая им рыночно-капиталистические свойства (которые они могут обретать, а могут и не обретать).

Эти предпосылки доказательства сформулированной выше гипотезы, естественно, будут приняты далеко не всеми.

Радикально-правые сторонники свободного рынка и частной собственности не примут ни тезис об исторической ограниченности рынка и капитала, ни положение о том, что не-рыночные и не-капиталистические отношения могут быть более прогрессивны, нежели рынок и капитал. Они *не* будут отрицать, что возможна экономика с бесплатным образованием, здравоохранением и большим госсектором в промышленности, на транспорте, в энергетике, с селективным регулированием, с прогрессивным налогообложением и т. п. Но они скажут: такая экономика менее эффективна, чем экономика с минимальными госсектором и социальной защитой, а также невмешательством государства в процесс аллокации ресурсов. Тем самым они скажут, что есть такие формы организации экономики, которые мешают рынку и капиталу и, следовательно (это будет уже продолжением их логики) являются не-рыночными. Тем самым они волей-неволей вынуждены будут согласиться, что не-рыночные и не-капиталистические отношения возможны, но лишь как менее эффективные. Запомним вывод о том, что в экономике могут действовать не-рыночные и не-капиталистические механизмы присвоения и отчуждения, аллокации ресурсов и распределения (перераспределения) дохода и др.

Как ни странно, но гораздо резче к сформулированным нами выше предпосылкам отнесутся сторонники социально-ориентированной и регулируемой рыночной экономики. Они напомнят известный тезис о том, что рынок и капитализм уже в XX веке существенно изменились и потому перераспределение государством значительной части ВВП есть развитие рынка (а не форм, переходных к пострыночным), что участие работников в собственности есть прогресс капитала (а не ростки посткапиталистических отношений) и т. п.

Авторы уже не раз полемизировали со сторонниками этих взглядов[1], поэтому напомним только один аргумент, касающийся

[1] См.: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009. С. 443–456.

капитала. Если участие работников в собственности есть прогресс капитала, то почему бы тогда не перейти к собственности работников на средства производства (кооперативной, коллективной, коммунальной, муниципальной, федеральной и т. п.) как главной форме *капиталистической* организации экономики? Или же такой переход будет означать скачок *«по ту сторону»* капитала?

Нам ответят: этот процесс может идти лишь до определенной *меры*, до тех пор, пока основой экономики будет все же оставаться частная собственность. И этот ответ будет абсолютно правомерен: в самом деле, до тех пор, пока новые формы (те же ассоциированные формы собственности) развиваются лишь в виде переходных отношений и как подчиненные по отношению к капиталу как таковому (отношению, в котором собственник и наемный работник отделены друг от друга), они (эти новые формы) могут служить укреплению капитализма. Если же новые отношения станут доминирующими... то мы окажемся «по ту сторону» капитала. Точно так же обстоит дело и с соотношением рыночного саморегулирования и сознательного регулирования.

Итак, введение в анализ параметра исторического развития и перехода количественных изменений (например, нарастания регулирования) в качественные (переход «по ту сторону» рынка в нашем примере) позволяет нам аргументировать тезис о том, что наличие не-рыночных отношений может быть признано, даже если стоять на позициях, которые мы бы обозначил политическим маркером — как социал-демократические.

10.2.3. Отношения и процессы, скрытые за понятием «социальный капитал»: базовые социальные взаимодействия

После этих предварительных замечаний мы можем вернуться к проблеме историко-диалектического исследования феномена, называемого «социальным капиталом».

Что же скрывается за этим термином?

Если мы рассмотрим первый подвид «социального капитала» (отношения, приносящие рыночный эффект), то окажется, что основанием для такого имени является способность этих отношений и общностей приносить прибыль тем агентам, кто умело использует их для своих частных целей. Итак, внешне все параметры соблюдены. Даже с точки зрения марксовой всеобщей формулы капитала (*Д—Т—Д'*) перед нами капитал. Более того, мы можем представить его формулу: *Д—С—Д'*, где *С* — социальные связи и отношения. Эта формула, как выяснится ниже, несколько упрощена, но *пока* это не важно. С практической точки зрения она предстает в несколько циничном, но вполне понятном виде. У некоего агента Х есть, скажем, 1 млн долларов, которые он хочет приумножить. В случае обычных вложений этот исходный капитал принесет, скажем, 10 % прибыли, т. е. 0,1 млн. Но если осуществить эти вложения, пользуясь протекцией однокашников по престижному Н-скому университету, то процент окажется выше, и наш агент Х получит не 0,1, а, скажем 0,2 млн долларов прибыли. Соответственно 100 000 долларов в этом случае будут продуктом «социального капитала»[1].

Однако с точки зрения Маркса всеобщая формула капитала есть не сущность, но видимость капитала как особого историко-экономического феномена. Под эту формулу подпадают и те формы, которые характерны и для «допотопного» (например, ростовщического и купеческого) капитала. Для нас эта «деталь» очень важна, ибо эти формы капитала, существовавшие задолго до капитализма, были классическим примером переходного экономического отношения. Возьмем в качестве примера следующую типичную для купеческого капитала эпохи российского позднего Средневековья сделку: купец покупает у помещика в Н-ской губернии некий товар, везет его в Петербург и продает другому помещику (или царскому двору) с выгодой[2]. Этот пример ука-

[1] В приведенном выше примере «социальный капитал» выступает в виде своего рода мультипликатора, что позволяет уточнить приведенную выше формулу. Она получит вид: Д — Т(С) — Д'.

[2] Со стороны производства эта сделка будет представлена в виде формулы: Произведенный в не-капиталистической сфере товар — Деньги... и... Полученные в не-капиталистической сфере Деньги — Товар.

зывает на отношение, которое противоречиво соединяло феодальное по своей социально-экономической сути производство (производство, основанное на использовании лично-зависимого работника как продавцом товара, так и его покупателем, деньги которому принес опять же крепостной) и капиталистическое по форме обращение.

Идем далее. Если принять предложенное нами ранее и в меру наших сил обоснованное определение капитала, то окажется, что в приведенном нами примере капиталистического социально-экономического отношения нет. Есть лишь его *видимость* (вполне реальная), т. е. перед нами *как бы* капитал, видимость капитала[1].

Теперь мы можем взглянуть на систему отношений, которые характеризуют «производство» социального капитала в современную эпоху и на этом основании ответить на вопрос, является ли производство «социального капитала» капиталистическим производственным отношением.

Если мы посмотрим на процесс этого «производства» сквозь призму историко-диалектического исследования рынка и капитала, то окажется, что в данном случае мы имеем дело с классом явлений, которые по своим основным параметрам не принадлежат к атрибутам товарно-капиталистических отношений. Скрытые за термином «социальный капитал» отношения и процессы либо (а) существовали до и независимо от рынка и капитала, существуют при этой экономической системе и будут существовать после, либо (б) относятся к не-рыночным, не-капиталистическим (ниже мы постараемся доказать — в том числе и к пострыночным и посткапиталистическим) феноменам.

Что касается подвида (а), то здесь все относительно просто. В самом деле, вряд ли кто-то станет оспаривать, что семейные связи, дружба, религиозная или национальная общность не есть порождения рынка и капитала. Впрочем, и здесь есть нюансы.

Точно так же как станок (или даже кусок золота) по своей природе не капитал, а всего лишь некоторое технологическое устройство (или металл), так же и семья (остановимся в качестве примера на этой форме социальной связи) по своей природе есть способ воспроизводства рода Человек, а не средство получения прибыли. Однако будучи включен в капиталистический процесс производства станок становится [постоянным] капиталом. Можно ли по аналогии говорить о сходном превращении семьи?

Ответ будет не однозначным. Если семья «производится» как часть процесса создания прибыли (формирование капитала для начала семейной жизни — производство семьи — получение большего, чем авансированный, капитала в результате функционирования семьи), то по форме процесс является капиталистическим. Но по существу семейные отношения как таковые лишь в исключительном случае являются отношениями собственника капитала-семьи (того, кто вложил средства в создание семьи) и того, кого условно можно назвать «семейным наемным работником» (того, кто получает содержание от хозяина и выполняет оговоренные контрактом функции). Более того, переход внутрисемейных отношений на собственно капиталистические основы (или отношения рыночного партнерства — производства семьи со-владельцами «семьи-капитала») приводит к тому, что семья перестает быть собственно семьей — отношениями людей, основанными на взаимной любви, дружбе, традиции, взаимопомощи.

Итак, в случае с подвидом (а) «социального капитала», который мы рассмотрели на примере семьи, мы можем сделать важный вывод. Вместо формулировки «семья есть капитал» (мы просто опустили в данной формуле прилагательное «социальный») мы получили иную: семья по своей природе не есть капитал, но может иметь видимость капитала, если используется для извлечения прибыли. Более того, она может даже приобретать содержательные черты

[1] Заметим: если мы приведенное выше логическое построение отрицаем, то тем самым мы утверждаем, что с точки зрения капитала и основанной на нем капиталистической общественной системы нет никакого различия между производством, основанном на использовании наемного труда и на использовании крепостных (или иных лиц, находящихся в личной зависимости — скажем, колхозников сталинской поры или узников ГУЛАГа).

капитала, если строится на принципах, *отрицающих* собственно семейные.

Эту формулу можно генерализовать, заменив термин «семья» на «базовые социальные связи» (напомним, семья выше была использована лишь как пример для упрощения изложения). В этом случае мы можем сказать: *базовые (родовые) социальные связи человека по своей природе не есть капитал, но могут получить видимость капитала, если используются для извлечения прибыли и даже приобретать содержательные черты капитала, если строятся на собственно капиталистических (а не социально-инвариантных) принципах*[1].

В контексте нашего исследования этот подвид отношений не может быть квалифицирован ни как *до-*, ни как *пост-* рыночные и/или капиталистические отношения. Они в большинстве своем принадлежат к не-экономическим сферам жизни общества и лишь абсорбируются (подчиняются) рынком и/или капиталом.

Гораздо интереснее для нас социальные связи и взаимодействия типа (б) — среди которых есть и те, что мы назвали *пострыночными и посткапиталистическими*.

10.2.4. Феномены, скрытые за понятием «социальный капитал»: генезис нового класса отношений, переходных к посткапиталистическим

Для начала напомним, о каких процессах мы ведем речь. Рассматривая взаимодействия субъектов в рамках неправительственных организаций, социальных движений и других институтов гражданского общества, в некоммерческих коллективах ученых, художников и педагогов (школы, университеты и т. п. общественного сектора), взаимодействия людей в процессе совместной добровольной (voluntary) деятельности и т. п., ряд зарубежных авторов выделяет в качестве связей, описываемых категорией «социальный капитал», отношения *взаимного сотрудничества, солидарности, взаимопомощи, кооперации*.

Прежде чем продолжить анализ, напомним одно из тех положений, которые не следует забывать тем, кто хочет адекватно воспринять мысль авторов: в современной экономике мы практически никогда не встретим чистых не-капиталистических форм. Сегодняшний мир — это мир рынка и капитала. Единственное, что может быть в нем наряду с ними — формы, соединяющие черты этих отношений и ростки новой — посткапиталистической — или старой — докапиталистической — системы, но и только.

Мы сейчас не ставим практически актуальный вопрос о том, насколько широко распространены отношения солидарности, коллективизма и т. п. в современной экономике. Мы лишь фиксируем теоретически значимый тезис: не-рыночные отношения солидарности и кооперации в современной экономике есть и они настолько значимы, что зарубежные исследователи были вынуждены их не только заметить, но и обозначить как особый вид капитала.

Для авторов этот круг отношений интересен по нескольким причинам.

Во-первых, эти отношения an sich носят *не рыночный* характер. Главное основание такого утверждения в том, что эти отношения предполагают не обособление, независимость акторов, а кооперацию и диалог субъектов. Следствием этого является по преимуществу не-конкурентный характер этих взаимодействий. В рамках таких отношений *солидарность оказывается реально действующим, эффективным и практически используемым в экономике способом кооперации индивидов в процессе осуществления совместной деятельности*.

Во-вторых, эти отношения предполагают и полагают формирование черт иного,

[1] Здесь нас ждет большая трудность: с точки зрения неоклассики «естественным», родовым свойством человека является рациональный экономический эгоизм. Авторы выше показали неправомерность этого постулата, указав, что исторически доказанным является наличие существенно иных, нежели рыночные, капиталистических принципов, ценностей и мотивов поведения у представителей самых разных до- и внекапиталистических общностей (так, для доклассового общества дарение было правилом, а эквивалентный обмен — случайным исключением, для добуржуазного общества правилом было внеэкономическое принуждение, а утверждение о равенстве дворянина и крепостного как экономических агентов выглядело как нонсенс...).

нежели характерные для рационального homo economicus, типа личности с иными ценностями и иной мотивацией, иными социально-экономическими интересами.

Если в рамках рыночного, конкурентного отношения общественный интерес реализуются лишь post festum, в конечном итоге, как продукт взаимодействия *противоположных* интересов участников конкурентного процесса, то в отношениях солидарности с самого начала, a'priori интересы субъектов кооперации едины и в основном совпадают с общим интересом. Так, принципиально и a'priori едины интересы участников экологических организаций или субъектов глобальной сети АТТАК, предупреждавшей об угрозе мирового финансового кризиса с конца 1990-х годов прошлого века. В основе своей едины интересы членов профсоюза и партнеров в рамках бизнес-ассоциаций[1]. Более того, отношения солидарности (или, в менее продвинутых «по ту сторону» рынка и капитала, формах — партнерства) могут быть характерны и для некоторых взаимодействий участников рыночного процесса: то, что взаимодействия бизнесменов включают не только конкуренцию, но и партнерство, хорошо знают не только теоретики, но и практики бизнес-процесса.

Оговоримся: совпадение интересов и целей субъектов отношения солидарности может быть основано на *формальной*, заданной извне, общности целей и ценностей и тогда оно легко вырождается в бюрократическую проформу, представителем которой становится оторванный от кооперирующихся субъектов координирующий орган. Но оно может быть и следствием *взаимодополнения интересов, потребностей, целей участвующих в диалоге субъектов*. В последнем случае (типичный пример здесь — кооперация ученых, разрабатывающих единую проблему в рамках творческого коллектива) бюрократическая инверсия общности оказывается принципиально затруднена, хотя и не невозможна. (В качестве краткой ремарки заметим: подобная инверсия возможна с любым типом экономических взаимодействий, Так, в условиях нестабильности институтов рыночная конкуренция легко вырождается в криминальные разборки или даже войны: у каждого свои «болезни»...).

В рамках отношений солидарности формируется и особый тип соперничества, являющийся не иным именем конкуренции, а принципиально иным способом самореализации.

Рассмотрим в качестве примера сферу науки. Здесь в соревновании участников научного диалога выигрывает не тот, кто наиболее «защищен» от партнеров, а тот, кто максимально открыт к диалогу, кто постоянно дарит свои знания другим в ожидании критики (т. е. ответного подарка — нового блока знаний) и стремится превзойти своих оппонентов, доказав им в открытом споре свою правоту (подарив новый блок знаний). Во многом сходно строятся и отношения в творчески работающей студенческой группе, где каждый из участников стремиться проявить себя как можно полнее, доказать в диалоге, что он (она) талантливее других, победить в дискуссии, получив максимальное признание коллег и профессора, т. е. стремится к победе через дарение своих знаний и талантов...

В-третьих, отношения, которые были выше обозначены термином «солидарность», носят не-капиталистический характер. Они основаны на концентрации основных прав собственности в руках всех членов кооперации и в строгом смысле не совместимы с отношениями капиталистического найма одними участниками солидарного трудового процесса других. И распоряжение процессом (в частности, целеполагание и другие функции управления), и присвоение факторов деятельности, и использова-

[1] Проблеме развития бизнес-ассоциаций посвящены работы ряда представителей российской группы исследователей, работающих преимущественно в рамках парадигмы нового институционализма, в частности, А. А. Аузана и его коллег по кафедре на экономическом факультете МГУ (см., например: *Аузан А. А. Золотов А. В., Ставинская А. А., Тамбовцев В. Л.* Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах. Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000–2009. М., 2010; *Аузан А. А.* Коалиции за модернизацию: возможности возникновения и методология анализа // Вопросы экономики. 2008. № 1).

ние ее результатов (например, отказ от вырубки леса как следствие деятельности экологической НПО) носит *непосредственно-общественный* характер.

Более того, с точки зрения отношений собственности в данном случае мы можем говорить о наличии и такого аспекта как безвозмездная *взаимопомощь* участников солидарной деятельности и их непосредственное (не опосредованное принципами эквивалентности и иными видами отчуждения) *сотрудничество* в процессе реализации конкретно-всеобщих целей и ценностей (напомним: все это пересказ не текстов по политэкономии социализма, а упомянутых выше *западных работ о «социальном капитале»*).

Другое дело, что в реальности отношения солидарности всегда противоречиво соединены с отношениями частного присвоения и коммерциализации, бюрократического управления и карьеризма, порождая погоню за деньгами и местом в иерархии в науке и педагогике, бюрократизацию управления и злоупотребления в НПО и т. п. Но ведь и собственники капитала «вырождаются»: одни норовят подкупить госчиновников, другие превратиться в «бароновразбойников» (господствующий тип крупного бизнеса в США второй половины XIX века и России конца XX века и далее), третьи — создать под видом частной службы безопасности мафиозную структуру... Причем степень вырождения особенно высока на этапе генезиса системы, так что *только зарождающиеся отношения солидарности и другие посткапиталистические отношения просто обязаны все время «грешить» тенденциями коммерциализации, бюрократизма и иными «пережитками прошлого» вследствие тех же законов, по которым капитал в эпоху первоначального накопления «грешил» страстью к использованию в целях обогащения не только наемного труда, но и нелегитимного насилия и государственной власти...*

Вернемся к нашей проблеме анализа отношений солидарности и сотрудничества, и поставим проблему: о чем свидетельствует их наличие — о сохранении (возрождении) до-рыночных и до-капиталистических отношений или о генезисе отношений *пост-рыночных и пост-капиталистических*?

Авторы и здесь предлагают пойти по традиционному для нас пути историко-логического анализа содержания этих отношений. Такой анализ позволит выделить внешне сходные, но содержательно различные отношения, подпадающие под имя «солидарности».

Это могут быть до-капиталистические отношения сотрудничества, основанные на доиндустриальном типе технологий, ручном репродуктивном труде, подчинении человека традиции и другим формам личной зависимости (наиболее типичный пример — община).

В наиболее варварском виде эти отношения могут существовать в форме принудительной «солидарности» («коллективная организация труда» в условиях ГУЛАГов), которая является сущностно иным отношением, а именно технологической кооперацией, осуществляемой при помощи внеэкономического принуждения. Ничего общего с социально-экономическим отношением солидарности эта принудительная кооперация не имеет, хотя «имена» (в стиле сталинских *«коллективных хозяйств»* — колхозов) и отсутствие конкуренции создают видимость их внешнего сходства. Но еж, как ни странно, по существу имеет гораздо более общего с зайцем или бегемотом, нежели с половой щеткой, которая, в свою очередь, содержательно гораздо ближе к пылесосу, чем к ежу. Так и с принудительной солидарностью: хотя внешне она в силу отсутствия конкуренции похожа на свободную ассоциацию, содержательно она ближе к кооперации наемных работников на капиталистическом конвейере, куда рабочего гонит не любовь к одуряюще-однотипному наворачиванию гаек, а нужда и угроза безработицы, т. е. внешнее *принуждение*. Как и в случае с общиной крепостных здесь налицо зависимость и принуждение работников, только зависимость и принуждение экономические, а не основанные на личном подчинении.

Но возможны и принципиально иные отношения, предполагающие преимущественно творческое содержание деятельности

и добровольное свободное ассоциирование участников этого процесса. В случае, если в основе их сотрудничества лежит совместное социальное творчество, мы попадем в сферу деятельности социальных движений и НПО. Если же в основе такой кооперации лежит творческая деятельность ученого, художника, педагога, эколога, субъекта управления и т. п., то мы окажемся ближе к отношениям со-творчества в процессе деятельности креативного класса.

Наконец, возможны и промежуточные варианты, когда преимущественно репродуктивный индустриальный труд наемных работников организуется на основе отношений солидарности за счет использования отношений формального освобождения труда (авторы об этой переходной форме писали еще в 1980-е годы[1]). Ростки этих отношений существовали (хотя и были генетически обременены бюрократическими деформациями[2]) в СССР, где они получили имя «энтузиазма» и «социалистического соревнования», а в теории — основного производственного отношения нового способа производства, о чем мы уже упоминали.

Сказанное позволяет теоретически квалифицировать отношения, основанные на внеэкономическом принуждении, имеющие лишь видимость солидарности, как докапиталистические, ибо они базируются на отношениях, менее развитых социально и дающих меньший гуманитарный эффект, нежели капиталистические.

Отношения же солидарности, основанные на творческой деятельности (в том числе — социальной креативности) и свободном ассоциировании участников мы считаем правомерным квалифицировать как посткапиталистические (и, соответственно, пострыночные). И этот тезис следует аргументировать.

Во-первых, они базируются на творческом, *пост*индустриальном по своему содержанию труде, что позволяет оценить их как, по меньшей мере, не менее прогрессивные, чем капиталистические, по технологическому базису.

Во-вторых, они предполагают снятие капиталистических форм отчуждения. Они лежат «по ту сторону» наемного труда, когда работник продает свою рабочую силу и, следовательно, отчуждает свои способности и выполняет в процессе труда функции, диктуемые капиталом: цели, технологию и т. п. такой деятельности задает капитал. Кроме того, они предполагают преодоление отчуждения работника от функций управления, присвоения результатов деятельности и т. п., а также такой формы отчуждения как конкуренции.

Наконец, в-третьих, они ставят задачи свободного развития человеческих качеств или сходные задачи как непосредственные цели деятельности и, как правило, обеспечивают высокие результаты в их достижении (косвенным подтверждением этого является то, что страны, широко использующие эти формы организации, — выше мы их обозначили как социал-демократические — имеют наивысшие рейтинги по Индексу человеческого развития, опережая по этому показателю аналогичные по уровню развития технологий страны с либеральной ориентацией экономики).

10.2.5. Генезис посткапиталистических отношений: эмпирические проявления

А теперь, после того, как теоретически сформулированы критерии, позволяющие выделять ростки посткапиталистических отношений, мы можем завершить нашу спираль, начавшуюся с систематизации эмпирических черт «социального капитала», фиксируемых западными исследователями, и вновь обратится к практике. Обогащенное теоретическими выводами, это обращение позволит нам показать, где именно и как именно проявляются в практике современного позднего капитализма отношения, которые мы обозначили как посткапиталистические и которые в западной литературе причисляются к сфере явлений, называемых «социальным капиталом».

---

[1] См.: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.

[2] См.: *Колганов А. И.* Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990. С. 90–97.

Построим *классификацию этих эмпирически наблюдаемых в условиях позднего капитализма посткапиталистических отношений, проявляющих себя как «социальный капитал»*, на основе выводов проведенного выше краткого исследования, а именно, по принципу нисхождения меры развития посткапиталистических начал в эмпирически данных переходных отношениях и институтах позднего капитализма.

Первый блок — совокупность отношений и процессов, где в наибольшей степени (возможной в условиях капитализма) развиты эти начала. Это феномены, где (1) труд имеет значимые творческие компоненты, (2) главными целями деятельности непосредственно являются социальные, гуманитарные, экологические и т. п., а денежная мотивация субъектов играет подчиненную роль и (3) отношения par excellence носят характер свободной добровольной кооперации (отчуждение работников от средств и результатов деятельности, а также от управления если и присутствует, то не является доминирующим). На этих основаниях сегодня строится деятельность многих социальных движений и НПО, коллективов ученых, занятых преимущественно фундаментальными исследованиями, значительной части педагогов в начальной, средней и высшей школе (как правило, в общественном секторе), социальных работников, работников некоммерческих организаций в сфере культуры и взаимодействия человека с природой, людей искусства, ориентированных не на коммерческие результаты.

Эти пласты практики довольно редко упоминаются в исследованиях по «социальному капиталу» и еще реже о них вспоминают экономисты, принадлежащие к mainstream'у, но с нашей точки зрения они принципиально важны. Важны, так как это постиндустриальные сферы экономики, являющиеся *наиболее значимыми для прогресса в XXI веке*, ибо они формируют креативные качества человека — главный ресурс развития экономики, основанной на знаниях. Важны они еще и потому, что здесь скрыт ключ к ответу на заявленный в начале этого раздела вопрос: что есть «социальный капитал». Образно этот вопрос можно переформулировать так: «социальный капитал» — это скрепы современного капиталистического общества или же гексоген в его основании?

Второй блок. Элементы посткапиталистических отношений в индивидуальном поведении акторов экономики позднего капитализма, ориентированном на развитие человеческого и социального «капитала». Этот блок изучен и описан едва ли не наиболее полно, поэтому позволим себе лишь напомнить некоторые известные положения. Мы бы их сформулировали так: в той мере, в какой индивид (1) действует (как работник, потребитель, собственник), исходя из ценностей и мотивов развития человеческих качеств, социальной кооперации, максимизации общественных благ и т. п. как приоритетных по отношению к целям максимизации [частного] денежного дохода; (2) включен в отношения солидарности, а не конкуренции и (3) осуществляет свою деятельность свободно, а не как наемный работник или функция (персонификация) частной собственности (в развитом виде — капитала) — в этой мере он включен в посткапиталистические отношения и формирует «социальный капитал» (а также свой «человеческий капитал») как систему посткапиталистических по своей сущности отношений. Эти три параметра сегодня в немалой степени характерны, в частности, для представителей «рядовой» интеллигенции, лиц, занятых в экономике солидарности и т. д., и, следовательно, этот блок в значительной мере пересекается с первым.

Третий блок. Элементы отношений солидарности, взаимопомощи и т. п. в организации деятельности персонала в современных креативных фирмах, фирмах, использующих доктрину «человеческих отношений» и другие механизмы неотчужденного социального взаимодействия и мотивации. Этот блок отношений и механизмов достаточно подробно описан в зарубежной литературе, посвященной, однако, преимущественно проблемам менеджмента, а не «социального капитала». Естественно, в этих источниках почти никогда не говорится не то что о посткапиталистических формах организации труда, управления и других видах

социально-экономических взаимодействий, но даже и о «социальном капитале». Посвященные этим вопросам работы по менеджменту вновь и вновь на протяжении вот уже почти столетия «открывают» для себя то, что индивид является не только рациональным экономическим человеком, максимизирующим денежный доход и минимизирующим затраты (своего труда и др. ресурсов), но и личностью, со сложной системой интересов и потребностей, ценностей и мотивов.

Для нас здесь наиболее интересны следующие компоненты, в набольшей степени проявляющие себя у индивидов, описанных выше, при характеристике второго блока:

- превращение творческого труда из бремени в ценность и стимул, что позволяет развивать формы стимулирования труда... трудом, имеющим творческое содержание;
- трансформация времени досуга в свободное время (время развития человеческих качеств, в том числе — время творческой деятельности)[1], что позволяет развивать формы стимулирования труда и активности свободным временем;
- стремление к включению в отношения солидарности, а не конкуренции в процессе трудовой деятельности, в том числе в трудовом микроколлективе (развитие форм коллективной организации труда, «работы командой» и т. п.);
- формирование долгосрочной некоммерческой (о коммерческой — участии в прибылях и т. п. — уже говорено-переговорено) заинтересованности в результатах деятельности макроколлектива: фирмы, организации, в случае социально-ответственного бизнеса — граждан страны в целом или даже человечества (работа на фирму, строго соблюдающую экологические нормы, является в странах, широко использующих модель социально-ответственного бизнеса, одним из важных стимулов мотивации ответственной, высококачественной творческой работы персонала);
- развитие форм некоммерческого соревнования, ориентированного на максимальную реализацию личностных качеств и самореализацию индивида, индивидуальный престиж в коллективе, а также социально-гуманитарное стимулирование персонала (вплоть до форм, поразительно напоминающих «моральное стимулирование» участников социалистического соревнования в СССР);
- формирование климата неотчужденных социальных отношений и практики взаимопомощи в коллективе (в частности, доктрина «фирмы-семьи») и мн. др.

Четвертый блок. «Социальный капитал» как слагаемое отношений партнерства в бизнесе и социального партнерства. Как мы уже заметили выше, отношения между персонифицированными капиталами (фирмами, предпринимателями) также включают не только отношения конкуренции, но и партнерства. Последние нельзя в строгом смысле считать разновидностью отношений солидарности или взаимопомощи, т. к. целевые установки, мотивация и положение акторов этого отношения характеризуют его как в основе своей рыночное, более того, капиталистическое.

В то же время, наличие общих (не конкурентных) целей у участников бизнес-ассоциаций или партнерств (как явных, так и скрытых), содействие развитию каждого из участников ассоциации (партнерства), а не стремление к разорению конкурента, инициативная выработка неких общих «правил игры» (в том числе во взаимодействии с третьими лицами), добровольные ограничения коммерческих целей (вплоть до соглашений о не превышении неких заранее установленных уровней нормы прибыли) и т. п. говорит о наличии в рамках таких соглашений и элементов пострыночных, неконкурентных отношений.

Отношения социального партнерства капитала и наемных работников, в частности, трехсторонние соглашения профсою-

[1] Едва ли не самая интересная характеристика свободного времени как богатства, ценности и стимула, развивающая идеи К. Маркса, содержится в работах Побиска Кузнецова (см.: По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез). М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1990).

зов, государства и бизнес-ассоциаций, мы бы квалифицировали как более продвинутые по шкале социализации, нежели чистое бизнес-партнерство, поскольку в таких договорных отношениях собственно гуманитарные, социальные цели играют несколько бо́льшую роль.

В то же время авторы не склонны преувеличивать пост-рыночные элементы в отношениях, которые были условно отнесены к четвертому блоку. Они есть, но здесь доминируют преимущественно рыночные, капиталистические параметры.

В качестве особого блока отношений, напрямую не встраивающегося в приведенную выше классификацию, выделим отношения *доверия*. Известный еще с XVIII века как один из краеугольных камней рыночных отношений и воспетый в массе произведений, восхвалявших честность купечества и крепость слова бизнесмена еще на заре капиталистической эры, феномен доверия в новом столетии стал едва ли наиболее часто упоминаемым (а у такого мэтра как Ф. Фукуяма, как мы заметили выше, — едва ли не единственным) слагаемым «социального капитала».

Этот феномен интересен тем, что соединяет в себе сложный комплекс отношений, принадлежащих к взаимопересекающимся, но разноплановым пластам общественной организации. В самом деле, доверие есть (и это общеизвестно) один из институтов, обеспечивающих предпосылки функционирования рынка и капитала, наподобие других институциональных условий. Так, в сфере права рынок и капитализм невозможны вне гарантий неприкосновенности частной собственности и соблюдения контрактов. Такие же гарантии должны существовать и в нравственной сфере, и они существуют. Напомним лишь один аспект: из 10 заповедей христовых в буржуазном обществе наиболее хорошо известны и чаще других упоминаются именно те, что охраняют право частной собственности и контрактов: не возжелай чужого имущества, не укради, не приноси ложной клятвы, не убий (т. е. не используй внеэкономических методов воздействия на контрагентов). Первые же четыре заповеди, где говорится о том, что единственный господин человека — бог, большинство даже не знает[1].

Доверие есть одна из таких «заповедей» — нравственный гарант соблюдения контрактов и обязательств. Впрочем, как и все остальные нравственные заповеди, эта имеет и вне-рыночный[2], общечеловеческий смысл и основания, что свидетельствует об особом месте *доверия* и позволяет отнести его к тем базовым человеческим ценностям и отношениям (наподобие семьи и т. п.), которые рыночная капиталистическая система превращает в «социальный капитал». Как и все такие отношения, «доверие» не исчерпывается статусом одной из предпосылок рынка и капитала, но включает в себя и вне-исторический нравственный смысл — отношение к другому человеку как к субъекту, который соблюдает установленные нормы, прежде всего — нравственные. И этот аспект позволяет квалифицировать «доверие» как феномен, имеющий не только рыночное содержание. Это общегуманистиче-

---

[1] Считаем важным привести здесь их полностью, так, как они изложены в Ветхом Завете (по Синодальному переводу Библии):

«1. Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

4. Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмый — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмый почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исход, 20 : 2–11).

Согласитесь, сложно назвать это универсальными, общечеловеческими этическими принципами. Лишь после них идут требования — почитай отца твоего и мать твою, не убивай, не прелюбодействуй, не кради и т. д.

[2] См.: *Гумаргалиев И. Е.* «Доверие» как феномен пострыночных отношений // Альтернативы. 2009. № 1.

ская норма, которая именно в силу этого и совершенно неслучайно отнесена к «социальному капиталу», а не просто к одной из институциональных предпосылок рынка.

Наряду со слагаемыми «социального капитала», которые чаще или реже, но все же исследуются как компоненты этого феномена, существуют и такие общественные отношения, которые мы также квалифицируем как пост-капиталистические, но которые обычно *не* включают в «орбиту» «социального капитала». В частности, это отношения:

- добровольного *дарения* (*gift-economy*), включая как давно известные пожертвования и взносы граждан на развитие неправительственных организаций и социальных движений, благотворительность и т. п., так и особенно быстро прогрессирующие в условиях развития информационных технологий новые формы со-творчества как дарения (викиномика, анархономика и др.);
- *социальные трансферты* и иные легитимные формы безвозмездного перераспределения благ через государство и НПО (они составляют десятки процентов ВВП развитых стран),
- *добровольная безвозмездная деятельность* (*волонтерство*), которая является типичной для очень разных социальных слоев в странах с социальной ориентацией развития (от среднего класса Западной Европы до прекариата Латинской Америки) и др.

Не включение этих форм в сферу «социального капитала» неслучайно: они, как правило, не могут быть использованы как фактор увеличения выгодности инвестиций, позволяющий получить рыночный эффект. Но их широкое распространение указывает на наличие в современной экономике социально-экономических процессов и отношений, которые не дают рыночного, но дают социальный эффект. Этот пласт явлений, на наш взгляд, также может быть назван *пост*-капиталистическим на тех же основаниях, что и рассмотренные выше элементы социального капитала. Добавим к прежним еще один аргумент: эти отношения рождаются, как правило, как следствие компенсации провалов рынка, т. е. именно там, где отношения рынка и капитала не могут дать ответ на вызовы новой реальности.

И последняя ремарка в связи с анализом посткапиталистических отношений как специфических оснований «социального капитала». Эти отношения в большинстве своем *позволяют компенсировать провалы не только рынка, но и государства*. Лежащие в основе «социального капитала» и таких институтов как НПО, социальные движения, научные, педагогические, экологические и т. п. ассоциации, отношения солидарности, социально-гуманитарные ценности и мотивы, т. е. *отношения и формы свободного добровольного ассоциирования граждан, по своей природе лежат «по ту сторону» не только рынка и капитала, но и государства* с его бюрократизмом, иерархией, карьерными и властными устремлениями и т. п.

А теперь давно напрашивающийся вопрос: *а что же делает эти вне-рыночные по своей природе отношения и связи людей капиталом?* Пусть всего лишь по видимости, но капиталом?

Ответ на этот вопрос уже был дан выше: то, что в большинстве случаев суммированные выше отношения и процессы в условиях современной экономики можно использовать как одно из средств для увеличения прибыли, как *один из мультипликаторов процесса накопления капитала*.

Соответственно, ответ на вопрос о том, почему это всего лишь *симулякр* капитала, *как бы* капитал, тоже был дан выше: здесь нет сущности капиталистического отношения, в котором есть не только процесс самовозрастания стоимости (подчеркнем: именно стоимости, адекватной всеобщей формой которой являются деньги, а не любого богатства), но и взаимодействие лично свободного и не имеющего капитала наемного работника с собственником капитала (об эксплуатации мы намеренно не ведем здесь речь, чтобы остаться в рамках аксиоматики, приемлемой и для неоклассики).

Если на языке постмодернизма это положение дел обозначается как симулякр, то

в марксизме для этого используется категория «видимости» и «превратной формы». Видимость, как известно, обретается на поверхности явлений и отрывается от сущности, скрывая ее. Воспроизводство этих видимостных феноменов приводит к возникновению превратных форм — форм, которые создает видимость иного, чем действительное, содержания некоторого процесса.

Именно это и происходит в случае с социальным капиталом. *Воспроизводство отношений позднего капитализма, тотальная гегемония капитала приводят к тому, что и базовые человеческие связи, и порождаемые «закатом» капитализма ростки посткапиталистических отношений эта ставшая тотальностью сила превращает в* ***как бы*** *капитал, создавая превратную форму, получившую имя «социальный капитал».*

Впрочем, все это непосредственно касается только тех форм «социального капитала», которые дают его агентам рыночный эффект.

Гораздо менее понятно, почему не только эти отношения, но и отношения, не дающие частного рыночного эффекта, тоже называют «социальным *капиталом*». Мы лично видим только одно основание для такой квалификации: они производительны, хотя и не в рыночном, частном, смысле. Они результативны лишь как социальное явление, дают в первую очередь собственно социальный (гуманитарный, экологический и т. п.) эффект. Но, как уже было отмечено ранее, такой подход позволяет в качестве капитала квалифицировать и все мероприятия НПО, социальных движений и иных левых сил по ограничению рынка и капитала, что, на наш взгляд, делает *такое* употребление термина «капитал» просто абсурдным...

Более того, учитывая, что социальные трансферты и аналогичные им социальные феномены зачастую вызывают снижение прибыли частных корпораций и доходов их собственников, мы бы назвали этот класс явлений «*социальным анти-капиталом*», в отличие от приведенных выше классов явлений, которые с полным правом можно называть видимостью (или, еще точнее, симулякром) «социального капитала».

10.2.6. Новая реальность, скрытая за видимостью «социального капитала»: что было бы полезно увидеть бизнесу и наемному работнику

На наш взгляд, проделанное выше исследование позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, вывод о том, что открытие в течение последних десятилетий целого сонма разного вида новых «капиталов» (мы их уже перечисляли: человеческий, социальный, природный, культурный...) позволяет говорить о развертывании в рамках позднего капитализма новых общественных отношений и процессов, не вписывающихся в «классику» капитализма и описывающих его теорий. Эти отношения (в частности, «социальный капитал») по своему содержанию капиталом не являются, они лишь создают симулякры капитала, превратные формы базовых социальных и посткапиталистических отношений. Соответственно наличие последних и их все большее распространение есть первый вывод.

Во-вторых, скрывающиеся под именем социального и иных «капиталов» отношения, будучи в своей сущности противоположностью капитала, в конкретных условиях современной экономики используются во многих случаях к вящей выгоде последнего, служат его укреплению, трансформируя некапиталистические формы в «капиталоподобные» и интегрируя их в систему. В то же время, прогресс посткапиталистических основ социального и иных «капиталов», особенно в их наиболее адекватным формах, перейдя определенную меру, способны подрывать основы позднего капитализма.

Глобальный капитал как субъект, заинтересованный в сохранении своих основ, устами теоретиков, отражающих его интересы, формулирует это адекватным для себя образом: с их точки зрения, развивающиеся до определенной меры новые формы есть лишь особые разновидности рынка и капитала, а далее этой меры их развивать не следует, ибо это неэффективно. Вот и все. И никаких зародышей посткапиталистических отношений.

С нашей же точки зрения именно эта граница и указывает на самые интересные

проблемы — проблем *пределов капитала и формирования элементов новой социальной системы в его недрах.*

В-третьих, исследование «социального капитала» позволяет сделать и некоторые выводы, небезынтересные с точки зрения бизнеса: развитие не-рыночных, не-капиталистических форм, в том числе тех, что крайне «дешевы» (если не вообще бесплатны) для капитала, может давать значимый *капиталистический* эффект, обеспечивая не только большую устойчивость системы, но и позволяя повысить рыночную эффективность ее агентов, развивая активность ее субъектов, в том числе — наемных работников, создавая для них не оплачиваемые капиталом стимулы работать более производительно, творчески, содержательно.

Этот вывод, на первый взгляд, «льет воду на мельницу капитализма»: авторы указывают на новые способы повышения не только эффективности капитала, но и — переводя разговор на язык марксизма — эксплуатации. И это действительно так.

Но это лишь одна сторона медали. Противоположная сторона состоит в том, что, трансформируя наемных работников в субъектов человеческого, социального и т. п. «капитала», поздний капитализм развивает основы своего самоотрицания. На смену формально и реально подчиненного капиталу частичного наемного работника классического капитализма приходит *Человек*, активный субъект социальных отношений, для которого полнота личностного развития и социальных связей становится важной ценностью и стимулом. И такой *Человек* подрывает собственные основы капитала, становясь потенциальным субъектом созидания новых социально-экономических отношений и институтов. Капитал «нутром» чувствует эту угрозу и потому с большой опаской идет на развитие описанных выше переходных форм взаимодействия с работниками и организации их труда даже там, где это сулит ощутимый коммерческий эффект.

Впрочем, здесь есть и поле для компромисса: упомянутые выше модели социального государства, социально-ответственного бизнеса, не-капиталистически организованные формы хозяйства («экономика солидарности» и т. п.) показывают возможный исторический компромисс. Другое дело, что он выгоден капиталу лишь в очень ограниченных рамках, ибо сколько-нибудь серьезное продвижение по пути развития этих новых переходных форм создает мощные предпосылки и импульсы для перехода к иной, посткапиталистической общественной системе.

И последнее. Выше мы заметили, что «социальный капитал» в настоящее время часто рассматривается в качестве некоего «клея», социальных скреп, соединяющих разрозненные и во многом противоречащие друг другу фрагменты общества. И это действительно так: все описанные нами переходные формы позволяют, при их эффективном использовании, в некоторой мере снимать (в гегелевском смысле — отрицания с удержанием положительного) ключевые антагонизмы рынка и капитала — эгоизм, конкуренцию, противостояние наемного труда и капитала и другие формы отчуждения, способствуя кооперации и устойчивости общественных связей. Но есть здесь и диалектически противоположная сторона: все эти позитивные результаты, связанные с развитием «социального капитала», в большинстве случаев связаны с прогрессом не-капиталистических и, более того, посткапиталистических отношений, т. е. отношений, подрывающих основы господствующей ныне системы.

Вопросы для самопроверки

П.10.1. Что называют «человеческим капиталом» представители основного течения в экономической теории?

П.10.2. В чем принципиальное различие творческих качеств человека (могущих приносить при капитализме добавочный доход) и капитала, как производственного отношения?

П.10.3. Почему человеческие качества одевают при капитализме форму «человеческого капитала»?

П.10.4. В чем принципиальное отличие социальных связей людей (которые могут содействовать получению добавочного дохода) и капитала, как производственного отношения?

П.10.5. Почему социальные связи людей одевают при капитализме форму «человеческого капитала»?

П.10.6. Какие посткапиталистические отношения рождает современный капитализм?

П.10.7. Каким образом базовые социальные отношения людей и даже посткапиталистические отношения могут принимать при капитализме форму капитала?

Литература для самостоятельного изучения

Статьи в журнале «Вопросы политической экономии» [электронные версии статей доступны на официальном сайте журнала: www.interpolitec.su] и других периодических изданиях:

- *Лэйн Д.* «Пост-капитализм» как новая экономическая система: критика // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 8–21.
- *Джабборов Д. Б.* Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития // Экономическое возрождение России. 2016. № 4. С. 68–73.
- *Яковлева Н. Г.* Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 3. С. 122–130.
- *Яковлева Н.Г.* Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 149–153.
- *Музычук В.Ю.* Сфера культуры и результаты культурной деятельности в контексте политэкономического подхода // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 91–103.
- *Бузгалин А. В.* Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 190–201.
- *Булавка-Бузгалина Л. А.* Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 202–214.

Часть 5

Глобализация

Глава 11

Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации

Структура главы

- Глобализация: вводные замечания
- Глобализация производительных сил
- Глобализация производственных отношений
- Транснациональная корпоративная сеть: анатомия, структура, доминирование
- Каналы внешней власти корпораций: некоторые дополнительные замечания

Основные понятия:

капиталистическая глобализация*
транснациональная корпорация
противоречие труда и капитала эпохи глобализации
глобализация воспроизводственного процесса
«неомаркетизация»
неоприватизация
финансовая глобализация
субъекты и объекты гегемонии глобального капитала
корпоративная номенклатура

Предшествующие разделы основной части учебника, полезные для понимания темы:

Часть 4. Политическая экономия современного капитализма
Глава 13. Начало процесса разложения капитализма (п. 13.2 «Капиталистическая глобализация»)

В обыденной жизни глобализация ощущается большинством населения Земли во всех сферах своей социальной жизни: начиная с практически актуальных для каждого глобальных проблем и заканчивая всемирным рынком товаров (когда мы покупаем китайскую одежду, голландское масло, австралийские яблоки и т. п.) и еди-

ным «информационным полем» (чего стоят хотя бы всемирные СМИ и одинаковая по всему миру реклама всего — от прохладительных напитков до кинофильмов).

11.1. Глобализация: вводные замечания

В качестве отправной точки для своего анализа используем ряд в принципе общепризнанных тезисов.

Воспользуемся в качестве первого приближения представлением о глобализации как процессе, *во-первых*, характеризующем некоторое *новое качество* современного общества как единого, всемирного, глобального.

В чем состоит это новое качество, мы постараемся разобраться ниже, а пока заметим, что глобализация, *во-вторых*, есть именно *процесс*, а потому она имеет определенную *меру своего развития*. Более того, этот процесс (как и всякий социальный процесс) *противоречив и нелинеен*. В силу сказанного, естественно, мера глобализации может быть и является различной для разных периодов социального времени и «локусов» социального пространства (проще говоря, мера глобализации социальной жизни различна для деревни в российской глубинке и для Брюсселя, она может расти или снижаться от года к году в зависимости от многообразных обстоятельств).

Соответственно, *в-третьих*, мало у кого вызовет сомнения, что *наряду с глобализацией в современном мире развиваются и противоположные ей процессы* (локализации, ренессанса социальной роли ряда национальных государств, «разбегания» и столкновений цивилизаций, дифференциации качества жизни и т. п.).

Наконец, логичным выглядит и утверждение, что это процесс, протекающий на уровне и технико-экономических (производительные силы), и социально-экономических (производственные отношения), и социально-политических, и культурных отношений.

Если согласиться с этими представлениями, то на первый план выходит вопрос: а в чем же состоит это новое качество социопространственного бытия современного мира, и есть ли оно вообще?

Авторы ответили бы на это вопрос так (пока что это не более, чем гипотеза): *глобализация развивается в современном мире в той мере, в какой «глобальные игроки»* (их перечень общеизвестен; это ТНК, такие наднациональные институты как НАТО, МВФ, ВТО и т. п., сверхдержавы...) *оказывают влияние (вплоть до решающего) на экономические, социальные, политические и духовные процессы, протекающие в национальных государствах и на международной арене.*

Если же посмотреть на процесс глобализации строже, то мы, используя марксистский подход, можем выделить как *объективные основы и причины* этого процесса (прогресс мирового обобществления производства, в частности углубление международного разделения труда до такого уровня, когда оно становится не менее значимым, чем внутринациональное; обострение глобальных проблем до такого уровня, когда их решение затрагивает жизненные интересы большинства граждан Земли и требует вмешательства мирового сообщества; развитие мировых транспортных и телекоммуникационных систем до такого уровня, когда они становятся частью повседневной жизни граждан и т. п.), так и их *специфическую историческую форму.*

Именно последняя часто обозначается термином *«глобализация» и есть социопространственное бытие противоречий всемирной гегемонии корпоративного капитала* или, иными словами, глобальная гегемония корпоративного капитала как особая историческая социальная форма процессов интернационализации, «глобализация по-капиталистически». *Вот почему мы настаиваем на различении (1) объективных и в целом, при всех их противоречиях, прогрессивных процессов интернационализации и (2) их особой поздне-капиталистической формы, которая может и должна быть снята, преодолена. Интернационализация может и должна приобрести новые общественные формы.*

Капиталистическая глобализация —

социально-экономическая форма объективного процесса интернационализации производства, свойственная позднему капитализму. Выражается в установлении всемирной гегемонии крупного корпоративного капитала и формировании всемирного рынка капитала как инструмента этой гегемонии.

11.2. Глобализация производительных сил

В качестве ***первого «пласта»*** процесса глобализации мы можем выделить глобализацию производительных сил, и, в частности, интернациональную макротехнологию, характеризующуюся рядом специфических черт.

Во-первых, производительные силы достигли состояния глобальных.

Проблема использования природных ресурсов обернулась своей противоположной стороной: сохранения, восстановления и развития природы как культурной ценности, т. е. оказалась глобальной проблемой, соединяющей различные государства (в пространстве) и различные поколения (во времени). Отныне использование в сколько-нибудь значительном масштабе любого природного ресурса в любой стране становится глобальной (во времени и в пространстве) проблемой, т. е. проблемой, наличие которой необходимо учитывать при определении технологии производства, издержек, полезного эффекта этой деятельности практически всем крупным (имеющим статус «глобальных игроков») хозяйствующим, политическим и т. п. субъектам.

Кроме того, не только оружие массового уничтожения, но и современная энергетика, транспорт, ядерные, химические, микробиологические и т. п. технологии делают мир единым и целостным как с позитивной, так и с негативной (возможности его уничтожения) точек зрения.

Во-вторых, в мировом социуме складывается система крайне противоречивых и далеко не всегда эффективных, но жестких зависимостей, которые в духе старых марксистских традиций следует назвать *всемирным обобществлением.*

По сути дела, глобальным стало международное разделение труда; постепенно оно начинает оказывать большее влияние на производство и экономическую жизнь, чем разделение труда внутри национальных государств. Производство даже вполне обычных индустриальных продуктов (автомобилей, например) осуществляется на основе международной кооперации (в том числе, внутри одной — но транснациональной! — фирмы). Единые мировые технологические стандарты ныне распространяются на все основные изделия в области индустриальных и постиндустриальных технологий (от типоразмеров проката и качества бензина до программного обеспечения и даже размеров овощей и фруктов). Уже в середине XX века энергосистема стран-членов СЭВ показала технологическую эффективность единых международных энергетических сетей. По сути, мировыми стали требования к качеству и безопасности авиационного транспорта, стандарты грузовых контейнерных перевозок и мн. др.

Однако глобальное обобществление затрагивает не только международное разделение труда и крайне интенсивные потоки как сырья и материалов, так и готовых изделий, а также услуг, но и развитие международной кооперации труда, соединяющей гибкими кооперационными связями тысячи производств по всему миру. И если в сфере традиционных индустриальных технологий эти связи являются стабильными и долгосрочными, то в высокотехнологичных и постиндустриальных секторах кооперация приобретает вид сетевых структур и даже *сетевых предприятий*, где идеально выверенная и индивидуализированная (предназначенная для конкретного потребителя) продукция создается сотнями и тысячами звеньев с точностью до минут. Эта кооперация становится гибкой, но при этом и еще более интенсивной.

В силу этого мы можем сказать, что, *в-третьих,* важнейшей чертой глобального характера производительных сил является распространение *всемирных по своей природе новых индустриальных и постиндустри-*

альных, прежде всего информационных, технологий и телекоммуникаций (простейшая иллюстрация — всем известная сеть Интернет, которая с момента своего рождения имеет всемирный характер).

В целом процесс глобализации (даже если его рассматривать пока на технико-экономическом уровне — о его социальных и политических аспектах — ниже) оказывается обременен существенными внутренними противоречиями.

Они касаются и противоположных тенденций в развитии глобальной макротехнологии как таковой (прежде всего это — *противоречие интернационализации и локализации производственных процессов, находящее одно из своих разрешений в формировании открытых глобальных технологических систем*), и противоречий в развитии глобальных производительных сил, вызванных господствующей ныне общественной формой этого процесса — глобальным капиталом. Последний приводит, в частности, к *искусственно (по отношению к технологическим, экологическим и гуманитарным критериям) переразвитому международному разделению труда* и мощным *гео-технологическим диспропорциям*.

Эти диспропорции оборачиваются еще одним противоречием.

«Север» (обозначим этим общепринятым термином социальное пространство, являющееся «родиной» *субъектов* глобальной гегемонии, глобальных игроков), наследуя достижения столетий буржуазного развития, колониализма и неоколониализма и имея ограниченное, устойчиво воспроизводимое население с глубокими традициями жизни в условиях рынка, создает (и монополизирует) высокие технологии, квалифицированную рабочую силу и возможности прорыва в постиндустриальные сферы, поглощая при этом большую часть (до 80 %) природных ресурсов Земли и вывозя в «Третий» мир грязные технологии, требующие массового использования низкоквалифицированной рабочей силы и истощающие (загрязняющие, разрушающие...) природную среду.

«Юг» (обозначим этим термином социальное пространство жизнедеятельности *объектов* глобальной гегемонии) соответственно поставляет развитым экономикам природные ресурсы, концентрирует доиндустриальные и грязные индустриальные технологии, в силу этого (а также господства ранне- и добуржуазных традиций в образе жизни) оказывается обременен серьезными социальными, демографическими, экологическими проблемами и т. п.

Будучи характеристикой «заката» «царства необходимости» (мира социального отчуждения) в целом, эта черта глобализации приобретает особый аспект. Вспомним, что формой прогресса креатосферы в этом мире является рост *превратного сектора*. В силу этого возможности прогресса креатосферы поглощаются характерными для этого сектора превратными формами. *Процесс глобализации начинает «питаться» высвобождающимися из материального производства ресурсами и сосредоточивается преимущественно в таких сферах, как трансакции (особенно — финансы и торговля), милитаризм, бюрократия, масс-культура, СМИ и т. п.*

Так процесс глобализации оказывается направлен (даже на уровне производительных сил) в русло закрепления гегемонии транснационального корпоративного капитала, сращенного с верхушкой ряда государств (прежде всего, США и других стран «большой семерки»).

11.3. Глобализация производственных отношений

Рассматривая второй, лежащий на уровне социально-экономических отношений «пласт» процесса глобализации, выделим, прежде всего, ряд широко известных форм, обеспечивающих *всемирную* гегемонию корпоративного капитала и «закрепляющих» предпосылки такой гегемонии, выделенные на предшествующем — технико-производственном — уровне.

Воспользуемся для исследования диалектикой системы категорий, отражающей внутреннюю структуру производственных отношений и позволяющей выделить такие подсистемы как способ координации, от-

ношения присвоения/отчуждения, воспроизводство и др.

К ключевым противоречиям социально-экономической глобализации, лежащим в сфере ***аллокации ресурсов*** (***способа координации***) традиционно относят контрапункт национального, по преимуществу государственного, регулирования и мирового, и по преимуществу свободно-конкурентного, рынка. Это противоречие, действительно, «имеет место быть» и является одним из основных вызовов социал-демократическому тренду экономической политики последних десятилетий. Однако есть и другие, гораздо менее заметные, но от этого не менее значимые противоречия, характеризующие специфику способа координации глобальной экономики позднего капитализма.

Так, тезис о формировании тотального рынка сетей, пронизанного «полями зависимости», позволит сформулировать прямое следствие: наличие системы отношений *локального регулирования мирового рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы со стороны ТНК и других глобальных игроков*.

Намеренно повторим: *глобальный рынок*, вопреки господствующей ныне мифологии рыночного фундаментализма, *является сугубо регулируемым*, только не национальными государствами, а глобальными игроками. Существенно, что масштабы и интенсивность регулирования глобального рынка едва ли не значимее, чем регулирование национальных экономик. Причина этого состоит, в частности, в том, что ТНК и другие глобальные игроки подчиняют своему регулирующему воздействию по преимуществу качественно менее развитых контрагентов. Они, как правило, слабее ТНК в технологическом отношении, по уровню концентрации капитала, институциональному развитию, мощи политической «крыши» (одно дело, когда твои трансакции охраняют армия и флот США, другое — страны N с годовым ВВП, меньшим, чем объем продаж одного из филиалов средней ТНК) и других параметров, относимых неоклассикой к сфере «рыночной власти».

Не менее существенно и то, что наиболее «древняя» и общепризнанная в экономической теории функция государства — *формирование «правил игры» на рынке, установление и защита прав собственности и контрактов — по мере развития глобализации все более переходит от национальных государств к транснациональным институтам* — таким как ВТО и др.

Более того, *кажущиеся нейтрально-едиными «правила игры» на глобальных рынках на самом деле существенно различны для акторов, принадлежащих к разным по уровню развития национальным экономикам*. Как писал в свое время Джордж Оруэлл, «все звери равны, но некоторые равнее других».

Так, хорошо известно, что правила ВТО отнюдь не едины и существенно различаются для разных стран. Различаются, в частности, размеры разрешенной государственной поддержки сельского хозяйства[1], возможности использования демпинговых цен, таможенных квот и т. п., а также возможности принудить нарушителей к соблюдению этих правил.

Еще более значимо то, что реальные *возможности защиты прав собственности и контрактов также существенно различны для разных акторов мировой экономической системы*. Если важнейшие из них примут решение о том, что некоторое национальное государство с их точки зрения не соблюдает неких «общечеловеческих» норм и/или правил рынка, то они могут ввести и вводят санкции (вплоть до экономической блокады), которые не то что подрывают, но попросту уничтожают основы свободной глобальной конкуренции для целого спектра экономических игроков. Причем эти санкции. как правило, лишь прикрываются рассуждениями о «правах человека» и «демократии», ибо позволяют вести активное экономическое сотрудничество с фашистом Пиночетом и вводить блокаду Кубы, где реальные права рядовых граждан защищены куда лучше, чем во многих странах мира, с которыми «дружат» те же США.

Более того, поскольку, как мы уже отметили, некоторые национальные государства и их союзы (США, ЕС...) являются вместе

[1] См. подробнее *Бабкин К. А., Кузнецов А. В., Корчевой Е. А., Пронин В. В., Самохвалов В. А.* Последствия присоединения России к Всемирной торговой организации. М.: Центр полиграфических услуг «Радуга», 2012.

с тем и глобальными игроками, устанавливающими правила игры на мировых рынках, постольку мы можем говорить о *протоимперском регулировании глобальных рынков со стороны ограниченного круга [сверх]национальных государств. На мировом рынке осуществляется государственное регулирование, но для большинства национальных экономик мира это регулирование со стороны «чужого» государства.*

Оно оказывается тем более активным и значимым, чем в большей мере та или иная национальная экономика зависима от мировых технологических и экономических потоков. Особенно — финансовых рынков вообще и потоков свободно-конвертируемой валюты, в частности. В данном случае (особенно в случае с долларом США) особенно наглядно видно, что в современной экономике государственное регулирование (а регулирование денежного обращения — одна из ключевых функций государства) мирового рынка осуществляется одним из [сверх]национальных государств.

Наконец, *абсолютно неравными для разных акторов являются «правила игры» на глобальных рынках рабочей силы*, которые практически свободны для граждан «Первого» мира и жестко ограничены для граждан «Третьего».

Таковы лишь некоторые из реальных противоречий тотального регулирования мировых рынков глобальными игроками.

Поднимемся на уровень ***основного производственного отношения глобального капитализма*** — отношения глобального капитала и труда.

Капитал *как производственное отношение в условиях глобализации обретает ряд качественно новых признаков.*

Во-первых, господствующей формой капитала становится *транснациональная* корпорация (ТНК).

Начнем наш анализ с некоторых определений. Проделанное выше исследование позволяет показать, что *транснациональной корпорация является в той мере, в какой она (в отличие от «обычной» национальной корпорации-монополии) представляет собой субъект гегемонии (в частности, монопольного локального регулирования и влияния на рынок, подчинения труда и Человека и т. п.) в ряде государств.* Более того, ТНК представляет собой меж- и *над*-государственную институциональную форму международного капитала. Если при этом она базируется не в одной (как «обычная» ТНК), а в нескольких странах, то можно говорить о *мультинациональной корпорации* — но дело не в тонкостях терминологии. Важнее, что с содержательной точки зрения ее можно определить как *такой корпоративный капитал, который генерирует описанное выше «поле зависимости» и систему отношений подчинения труда и человека в международном (в пределе — общемировом) масштабе*, является «пауком», создавшим и воспроизводящим одну из мировых сетей.

В результате гегемония корпоративного капитала проявляет себя как власть всемирно-единого (хотя и внутренне конкурентно-антагонистического) глобального капитала.

Глобализация изменяет не только капитал, но и ***труд.***

Для процесса глобализации трудовых отношений характерно формирование *мирового* рынка рабочей силы, который пронизан глубочайшими *противоречиями*, порождаемыми мировой гегемонией капитала.

С одной стороны, этот рынок уже стал единым и мировым, ибо единый транснациональный глобальный капитал использует (эксплуатирует) наемных работников в любой стране, в любом регионе; *труд соединен использующим его капиталом (в частности, ТНК) в единый мировой воспроизводственный процесс.*

С другой стороны, капитал делает все возможное для того, чтобы *рынок труда* (в отличие от, например, рынка товаров) был:

- принципиально *фрагментарен*, жестко разделен на качественно различные, во многом закрытые, политически и экономически локализованные подсистемы;
- даже формально *несвободен*, подконтролен в каждом из своих фрагментов субъектом глобальной гегемонии;
- неравноправен: в разных «локусах» мирового рынка труда качественно различны содержание и структура сово-

купного работника, господствующие условия труда, цена рабочей силы, возможности развития человеческих качеств и реализации «человеческого капитала», мера социальной защищенности и организованности работников и т. п.

В результате глобальный капитал объективно и субъективно формирует такую систему экономических и социально-политических отношений, в которых наемные работники как социально-экономическая сила, противостоящая капиталу (на рынке труда, в социально-экономической и политической борьбе), воспроизводятся в условиях сохранения *глубоких диспропорций в заработной плате, социальном обеспечении, условиях и содержании труда* (а значит, и всем образе жизни трудящихся) в развитых и развивающихся странах.

Эти диспропорции включает:

- стабильное воспроизводство преимущественно низковалифицированного до- и раннеиндустриального труда в «Третьем» мире, квалифицированного индустриального и постиндустриального труда — в «Первом» мире, приводящее не только к принципиальному различию структур совокупного работника в одной и другой группах стран, но и к закреплению этого разрыва[1];
- разрыв в оплате труда работников одной и той же квалификации в десятки раз;
- качественные различия в уровне и масштабах социальной защиты, условиях труда, социального страхования и обеспечения между названными группами стран, что закрепляет качественные различия в содержании и характере воспроизводства труда и рабочей силы;
- устойчивые институциональные барьеры, разделяющие мировой рынок рабочей силы на жестко фиксированные сегменты (движение труда обставлено гораздо большими барьерами, чем движение капитала, эмиграция в развитые страны из развивающихся крайне затруднена).

Если же мы теперь взглянем на ***процесс взаимодействия труда и капитала***, то легко сможем зафиксировать ряд важных следствий проделанного выше анализа.

Единый мировой капитал (особенно финансовый), имеющий примерно одну и ту же ценность в любой точке земного шара (в ряде случаев, в «Третьем» мире, капитал может приносить даже большую прибыль, чем в развитых странах, при большей рисковости операций), взаимодействует с разделенным на сегменты и пронизанным диспропорциями классом наемных работников. Частичная защита интересов труда и хотя бы относительное ограничение эксплуатации труда осуществляются лишь в некоторых национально-государственных образованиях. В этих условиях у капитала, являющегося субъектом гегемонии в мировой экономике и использующего форму виртуального (особо мобильного) капитала, появляется возможность почти абсолютно свободного маневрирования в мировом масштабе, противостоя наемному труду и используя его там и так, где и как это обеспечивает ему наибольшую выгоду.

Глобализация гегемонии корпоративного капитала означает, следовательно, что единый мировой капитал:

- организован в рамках высокоэффективных транснациональных институтов (ТНК, МВФ, НАТО и т. п.), контролирующих в определенных пределах рынки и мелкий бизнес, наемных работников и «клиентов»;
- обладает почти неограниченной свободой выбора сфер своего приложения (эта свобода предполагает возможность перемещения по сферам деятельности, регионам мира и т. п.), что дает ему неоспоримые преимущества по отношению к наемному труду (он в большинстве случаев жестко «приписан» к национально-государственным, а в случае с низко квалифицированным трудом — региональным и профессиональным пространствам);
- использует преимущества своей транснациональной кооперации и мобильности для формирования всемирного

[1] Феномены, подобные Бангалору, относятся к разряду тех исключений, которое подтверждают правило.

господства и укрепления диспропорций, противоречий между регионами и странами, социальными и национальными группами.

Так складывается *противоречие* ***труда и капитала эпохи глобализации.***

На одном его полюсе — капитал: глобальный, интегрированный, организованный, свободно движущийся в рамках интернациональной экономики, сращенный с национальными государственными и международными институтами и обладающий не только экономической, но и политической, а также духовной властью.

На другом полюсе — труд: дифференцированный, раздробленный, *локализованный* в масштабах национальных государств, регионов, отраслей (до сих пор интересы и права трудящихся если и отстаиваются, то преимущественно в национальном, а то и локальном или отраслевом масштабах, что касается и профсоюзов, и государственных систем социальной защиты), слабо организованный и не являющийся в настоящее время силой, сопоставимой по своему влиянию с капиталом.

Более того, гегемония капитала, стремящегося в условиях генезиса постиндустриальных технологий к подчинению личности человека, приводит в условиях интернационализации этого процесса к всестороннему подчинению человеческих качеств наемных работников транснациональным стандартам, формируя из них *глобального обывателя* и вытесняя альтернативы капиталистической гегемонии на обочины национализма.

Так через сложную систему каналов своей гегемонии *глобальный капитал как целое стремится к подчинению человечества как целого.* Не только в отношениях отдельного капиталиста и нанимаемого работника, но и (постепенно) в масштабах Земли *осуществляется превращение человека* (работника, клиента, потребителя продуктов массового производства и mass media) *в обезличенную функцию глобального корпоративного капитала,* в *винтик «глобального человейника».*

Так мы вплотную подходим к феномену ***глобализации воспроизводственного процесса***, характерному для отношений позднего капитализма.

Начнем с того, что в результате синтеза в процессе воспроизводства названных выше свойств, *функционирование мировой экономики оказывается подчинено конкурентно-антагонистическому взаимодействию ТНК в той мере, в какой в мире развертывается процесс глобализации* (напомним, он неравномерен, не линеен, противоречив!).

Это подчинение проявляется, в частности, в том, что, ***во-первых***, ключевые глобальные игроки (ТНК и др.) оказываются способны оказывать локальное регулирующее воздействие (в международном масштабе!) на все те параметры, о которых речь шла выше:

- мировой рынок рабочей силы и «человеческого капитала», на котором складывается интернациональная, живущая по правилам корпорации армия работников, охватывающая десятки и сотни тысяч человек — от элиты менеджеров и разработчиков технологий в развитых странах до полунищих сборщиков компьютеров и официантов макдональдсов в «Третьем» мире;
- потребителей, превращая их в стандартизованных в международном масштабе «клиентов» кока-кол или представителей «поколения пепси»;
- мелкий бизнес (создавая международную, пронизывающую ряд государств зависимость мелких предпринимателей от данной ТНК);
- ряд государств, сращиваясь с их верхушками, имея лобби в правительствах, парламентах, муниципальных структурах;
- международные бизнес-структуры (от МВФ и ВТО до закрытых клубов элиты ТНК);
- информационные системы (в том числе международные), где господствуют медиа-холдинги, которые сами по себе являются ТНК и сращены с другими ТНК через перекрестное владение акциями, личную унию и т. п.;
- массовую культуру и шоу-бизнес, где складываются наиболее динамичная подсистема современной глобальной

экономики, базирующейся на генезисе и развертывании сфер, лежащих «по ту сторону материального производства»;
- образование, науку и подлинное искусство (через «благотворительные» фонды и ряд других неправительственных организаций).

Продуктом этих полей зависимости в конечном итоге становится «глобальный человейник» (А. Зиновьев) со стандартизованным, но при этом предельно противоречивым образом жизни. Глобальный стандарт для российской или китайской работницы, шьющей костюм от Hugo Boss, и для носящего этот костюм топ менеджера глобальной ТНК — это два образа жизни, отличные по всем параметрам друг от друга едва ли не сильнее, чем жизнь крепостного и помещика. Более того, описанные выше *процессы неомаркетизации (генезиса тотального корпоративно-сетевого рынка) и неоприватизации становятся всемирными и иначе как всемирные не могут быть поняты,* ибо, как правило, разные полюсы, субъекты и объекты гегемонии относятся не только к разным уровням социальной структуры, но и отделены друг от друга в пространстве (например, финансово-информационные центры и промышленная периферия корпораций, принадлежащие, как правило, не просто к разным странам, но и разным мирам). Борьба между этими ТНК и внутри них становится важнейшим фактором, определяющим состояние современного мирового сообщества.

Во-вторых, глобальный капитал, базируясь на международном обобществлении производства и росте сферы трансакций, *превращает мировой финансовый рынок, мировые рынки капитала и товаров в господствующие в мировом масштабе сферы экономической жизнедеятельности.* Те, кто властвует на этих рынках (особенно — мировом финансовом рынке), становятся хозяевами мирового сообщества.

Так встает важнейшая (и очень широко обсуждаемая) проблема *финансовой глобализации.* Именно в этой, ключевой для сегодняшнего капитала, сфере осуществляются процессы, определяющие экономику позднего капитализма и превращающие ее в процесс функционирования глобального виртуального фиктивного финансового капитала par exellence (мировой кризис, начавшийся в 2008 году, лишь на время притормозил развертывание этих процессов):

- значительно (вплоть до возникновения качественного различия) превышающие объемы производства материальных благ и торговли ими, масштабы трансакций на валютных и иных мировых финансовых рынках;
- доминирование мировых финансовых корпораций (банки с объемами капиталов в сотни миллиардов долларов, едва ли не на порядок превышающих бюджет большинства стран мира), оперирующих как монополисты-«пауки» на международных рынках;
- едва ли не определяющее влияние на геоэкономику международных институтов финансового регулирования (не секрет, что от МВФ и стоящих за ним частно-государственных капиталов зависят не только частные фирмы, но и многие десятки национальных государств);
- во многом определяющие судьбы национальных экономик международные потоки капиталов (включая государственные и частные долги) и т. п.

На наш взгляд, за этими явлениями скрыта сущностная подвижка, отмечаемая в том или ином виде сегодня многими исследователями. ***Финансовая глобализация*** *(глобальная гегемония виртуального фиктивного капитала) разворачивается в мире в той мере, в какой микро- и макроэкономические параметры национальных хозяйственных систем* (объемы и направления инвестиций, маркетинговая стратегия, направления роста, структурные сдвиги в национальных хозяйственных системах и в мировом разделении труда, уровень и динамика инфляции и мн. др.) *складываются под определяющим воздействием конъюнктуры финансовых рынков, на которых господствует ограниченный круг конкурирующих между собой финансовых ТНК («пауков»),* образующих взаимопересекающиеся виртуальные фиктивные сети («паутины»). *В конечном итоге*

именно глобальная борьба этих корпораций-сетей становится (но не стала) решающим фактором социально-экономической жизни не только отдельных капиталов, но и стран, народов.

При этом *в целом глобальная финансовая система остается преимущественно стихийным, слабо регулируемым «черным ящиком».* Однако в отдельных случаях крупнейшие финансовые корпорации-сети («пауки») способны проводить скоординированную стратегию подчинения (или разрушения) потенциальных конкурентов, захвата еще не подконтрольных пространств («асфальтирование» экономик) и иные скоординированные действия вплоть до войн (при консолидации с институтами политической глобализации).

В-третьих, господствующие в мировом масштабе ТНК сращиваются не только с национальными государствами, но и с *международными органами межгосударственного регулирования мировой экономики.* Создание последних является выражением, с одной стороны, международного обобществления экономики и социально-политических процессов, с другой — новым (по сравнению с первой половиной XX века) механизмом господства капитала и его институтов на макроуровне. Эти наднациональные межгосударственные институты оказываются важным слагаемым международной гегемонии капитала. Причем речь в данном случае идет не только об экономических, но и геополитических, идеологических и т. п. образованиях: от МВФ, МБ и ВТО до НАТО.

Вследствие этого *мировое социально-экономическое пространство довольно жестко делится на субъектов гегемонии* (ТНК и государства, являющиеся их «родиной», прежде всего США, затем Европейский союз и лидирующие в нем страны — ФРГ и т. д., Япония, Китай и — в гораздо меньших масштабах — Южная Корея и другие «тигры») *и ее объектов* (преимущественно «Третий» мир). Впрочем, реальный расклад сил гегемонии сложнее, ибо существуют и мощные тенденции к противостоянию власти сверхдержав и контролируемых ими международных структур; субъектами этого противостояния, однако, зачастую могут быть реакционные союзы, выступающие с добуржуазными интенциями антигегемонизма (фундаментализм и т. п.).

При таком раскладе сил складываются весьма своеобразные отношения ТНК с некоторыми национальными государствами: первые могут манипулировать своими капиталами, как бы выбирая себе «подходящее» государство, а вторые оказываются заложниками международных потоков капитала. Широко известен перелив капитала, особенно финансового (но не только) в оффшорные зоны, «под крыло» государств с льготным налогообложением, в зоны, защищенные от международных социально-политических потрясений (Швейцария), и т. п. Еще более заметной является миграция капитала в страны с дешевой рабочей силой, низким уровнем социальной защиты, слабым государственным регулированием, незначительными демократическими ограничениями деятельности капитала со стороны профсоюзов, местного самоуправления, экологических и т. п. ассоциаций.

Все это создает *серьезные угрозы развитию социальных и других регулирующих функций государства*, осуществляемых в национальных масштабах. В ряде случаев (например, для стран «Третьего» мира, для России) эта свобода движения капитала приводит к его периодическому массовому бегству, что интенсифицирует внутренние социально-экономические проблемы.

Интереснее акцентировать противоположный феномен: своего рода «помощь» ТНК со стороны своих «родных» государств, чья внешнеполитическая активность помогает развертыванию их гегемонии. Для этого может использоваться широкий набор методов: от проталкивания принципов свободы торговли для одних до блокады для других; от массового использования «гуманитарных» каналов и «помощи», создающих своего рода плацдармы для разворачивающих свою активность ТНК (вестернизация образа жизни является важнейшим условием проникновения западных ТНК, особенно в таких сферах, как производство товаров народного потребления и массовая культура) до прямой агрессии. Не менее важно и то, что «родные» для ТНК государства соз-

дают предпосылки гегемонии корпоративных капиталов по отношению к наемному труду (от «подкормки» своих до запрета иммиграции и консервации бедности «чужих», варварски эксплуатируемых теми же ТНК).

В этом контексте особенно выпуклой становится неправомерность позиции, согласно которой современная капиталистическая глобализация представляет собой исключительно благотворное явление, а за ее отрицательные последствия несут ответственность национальные государства, неправильно определяющие условия деятельности транснационального капитала[1]. Разумеется, государственные деятели тех или иных стран должны нести ответственность за экономическую политику, которой придерживаются. Но не является большим секретом тот факт, что именно уступки лидеров тех или иных государств (в частности, России в период «радикальных рыночных реформ» и не только) «пожеланиям» (а то и неприкрытому давлению) транснациональных компаний и их покровителей в МВФ, ВТО и Министерстве финансов США ведут к таким решениям, которые усугубляют отрицательные стороны неолиберальной глобализации.

Однако даже наиболее продуктивное использование возможностей капиталистической глобализации, осуществляемое в рамках неолиберальной модели и политики, соблюдающей правила «Вашингтонского консенсуса», сопряжено со значительным возрастанием неизбежно связанных с ней рисков. Укрепление позиций транснациональных компаний в экономике национальных государств влечет за собой возрастание зависимости от решений в штаб-квартирах этих корпораций, принимаемых под влиянием конъюнктуры мирового рынка, — причем ни эти решения, ни эта конъюнктура, ни в какой мере не поддаются контролю суверенных правительств и во многих случаях идут вразрез с национальными интересами этих государств и их народов.

Еще более беззащитными национальные государства выступают перед лицом действий глобальных игроков на мировом финансовом рынке: изменение направленности потоков «горячих денег» может в одночасье создать ситуацию финансового кризиса едва ли не в любой стране «Третьего» мира. И это не только возможность: сия угроза стала гиперреализованной реальностью во многих странах мирах, в том числе, в нашем Отечестве.

Наконец, тот тезис, что транснациональные компании приносят с собой более высокие технологии и относительно более высокий уровень оплаты труда и экологических норм, является полуправдой. Действительно, в ряде случаев (но далеко не всегда) транснациональный капитал более «продвинут» в технологическом, социальном и экологическом отношении, чем местный. Но это лишь одна сторона медали.

Другая сторона состоит в том, что *глобальный корпоративный капитал оказывает существенное регрессивное воздействие на «периферию»*.

Он, как правило, **(1)** не передает национальным системам современных технологий, вывозя в третьи страны наиболее примитивные производства.

Более того, он **(2)** инициирует и поддерживает такую (неолиберальную) экономическую политику национальных правительств, которая консервирует технологическую отсталость национальных экономик, а сами ТНК безжалостно подавляют ростки национального высокотехнологичного производства как своих потенциальных конкурентов.

Мера «социальности» ТНК в странах «периферии» **(3)** сугубо ограничена, крайне далека от уровня «своих» стран и нисколько не отменяет последовательной борьбы этих корпораций за ограничение социально-трудовых прав наемных работников и стремления воспрепятствовать выравниванию норм оплаты труда на периферии мирового хозяйства со странами «ядра» мировой экономики.

То же касается и **(4)** проблем экологии: большая часть производств ТНК в странах

[1] Такую позицию отстаивает лауреат Нобелевской премии Джагдиш Бхагвати (см.: *Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005). Ниже мы суммируем уже встречавшиеся в книге аргументы, показывающие неправомерность оптимизма адептов неолиберальной глобализации вообще и Дж. Бхагвати в частности.

«периферии» — это предприятия, которые неэффективно размещать в странах «центра», в том числе, по экологическим соображениям, и которые, следовательно, выгодно вывозить из метрополий с целью экспорта экологической «грязи».

И самое главное: адепты (если не сказать — апологеты) глобализации все время сравнивают неолиберальную глобализацию исключительно с консервативными, отсталыми, зачастую полуфеодальными интенциями тех или иных национальных правительств, убеждая нас, что глобализация — это наименьшее из зол. Но в том-то и суть дела, что это сравнение двух зол. Между тем и теория, и практика подсказывают, что в современном мире можно и должно выбирать не между консервативным полуфеодальным национальным изоляционизмом и неолиберальным «оглоблением», а между этими двумя негативными тенденциями, с одной стороны, и альтернативной моделью социально-, гуманистически-, экологически-ориентированного экономического развития национальных систем в рамках новой интеграции, строящихся на основе новых правил по-новому открытых экономик и сообществ.

В результате перечисленных выше процессов ***глобальная гегемония капитала*** как бы ***«взламывает» национальные народно-хозяйственные комплексы***. Прежние закономерности воспроизводства, развития и функционирования экономики на макроуровне, которые складывались (и описывались) как национальные, в условиях глобализации формируются и должны не только описываться, но и, что особенно важно, регулироваться (известно, что ни одна экономика не выживет ныне без макрорегулирования) на международном уровне.

Однако ныне такое регулирование если и существует, то нацелено почти исключительно всего лишь на поддержание правил и норм «свободного» рынка. Между тем *необходимо глобальное сознательное регулирование, как минимум, во всех тех сферах, которые в настоящее время являются объектом воздействия национального государства*. В странах Западной Европы это, например, социальные и экологические нормативы и программы, системы частичного перераспределения доходов в пользу беднейших и социально-незащищенных слоев населения, программы (и призванные их обеспечить регуляторы — финансово-кредитные и т. п.) структурной перестройки и многие другие.

Такое регулирование необходимо и в мировом масштабе, и это будет всего лишь один из элементов «программы-минимум», смягчающей противоречия глобальной гегемонии капитала. Однако эти *интернациональные механизмы глобального программирования и регулирования мировой экономики* ныне лишь зарождаются, причем как альтернатива [неолиберальной] глобализации, главным образом как инициативы разного рода неправительственных организаций, движений и т. п.

Практикой же является фундаментальное *противоречие в механизме функционирования глобальной макроэкономики*: все более взаимосвязанные и единые процессы функционирования и развития *интернациональной* экономики, требующие более интенсивного и комплексного регулирования (в частности, вследствие глубочайших контрастов в развитии), агенты глобализации пытаются *втиснуть в прежние рамки либерального рынка* при наличии *национального* государственного регулирования.

Вследствие этого складывается уже отмеченное нами противоречие между либеральной моделью глобализации, с одной стороны, и национально-государственными системами регулирования и социальной защиты — с другой. Так *национальное государственное регулирование, **по видимости**, оказывается тормозом глобализации*. Последнее создает опять же объективную видимость альтернативы: или сильное регулирование и социальное национальное государство, но при этом бегство капиталов и проигрыш в глобальной экономике, или сокращение госрегулирования и социальных ограничений (дающее, добавим, большую свободу для гегемонии агентов глобализации) и выигрыш на глобальных рынках (но, добавим, проигрыш в социальной защите и т. п.).

Рассматривая с***оциальные параметры функционирования глобальной экономиче-***

ской системы мы можем зафиксировать, что воспроизводство описанных выше противоречий и, в частности, противоречия труда и капитала в глобальной экономике XXI века, прошедшей через этап социально-регулируемой системы (и не до конца потерявшей его достижения), не может не обострять *антагонизм между принципами социального государства и законами жизнедеятельности глобального капитала,* для которого характерно свободное движение в поисках наименьших социальных ограничений (со стороны государства, профсоюзов, местного самоуправления и т. п.). Как и в случае с государственным регулированием, наличие этого противоречия и его острота сегодня не оспариваются никем. Однако и здесь выход из конфликтной ситуации большинство ищет на путях либо снижения социальной защиты, либо ограничения интернационализации.

Между тем существует и принципиально иной выход. Даже если пока не рассматривать путь перехода к посткапиталистическому обществу как наиболее общую альтернативу, возможна *борьба за реформирование мирохозяйственных отношений позднего капитализма, которая могла бы стать своего рода «отрицанием отрицания» отношений частичного социального регулирования капиталистической системы, когда обновленные принципы «социального государства» и гражданского общества были бы развиты в интернациональном масштабе.*

Подчеркнем, что ***глобальный капитал*** *не только противостоит наемному труду и другим антигегемонистским силам, но и* ***внутренне противоречив.*** Его жизнедеятельность — это экономическая, силовая, идеологическая и т. п. борьба (а не только конкуренция) различных группировок (корпоративных союзов), в которой используется весь тот сонм методов, которые были выделены нами при анализе гегемонии капитала, а также и другие, в данной (преимущественно политико-экономической) работе не исследуемые. Арены борьбы этих группировок крайне многообразны — от мировых рынков и геополитических столкновений держав до внутригосударственных структур (столкновение в борьбе за влияние на правительства, парламенты и президентов сил, лоббирующих интересы разных корпоративных группировок) или даже человеческих душ.

* * *

Завершая этот раздел, авторы хотели бы обратить внимание на то, что исходным пунктом, своего рода *«клеточкой» глобальной гегемонии капитала является*, на наш взгляд, то новое общественное *отношение корпоративного доминирования и манипулирования*, которое было проанализировано авторами выше, в разделе, посвященном новой — тотально-сетевой — природе современного глобального рынка. Именно это новое отношение, рождающее власть корпоративных сетей над рынком и даже шире — экономикой, обществом и человеком — становится системным качеством глобализации. И именно о нем пойдет речь ниже с акцентом на эмпирически-данных, а не только абстрактно-сущностных аспектах.

11.4. Транснациональная корпоративная сеть: анатомия, структура, доминирование

Исследование структуры и механизмов жизнедеятельности современного корпоративного капитала начнем с ***анатомии корпоративной сети.***

Категории *транснационального капитала* и *корпоративного капитала* широко используются в современной литературе, а понятие корпоративной сети мы рассмотрели выше, поэтому будем использовать их в дальнейшем как некоторые рабочие термины. Более точные их определения мы должны получить как итог нашего исследования анатомии того, что из себя представляет «единица» позднего капитализма — относительно обособленный капитал неолиберального периода капитализма.

Проделанный выше анализ отношений гегемонии капитала позволяет сразу же уточнить его: ***«типичная» транснациональная корпоративная сеть (группа)*** — это, на

наш взгляд (и здесь нет ничего особенно оригинального), система корпоративных капиталов, соединяемая в единое, но аморфное образование с размытыми границами и слабо специфицированными правами собственности, характеризующееся сложной совокупностью внутренних социальных связей.

Ее *системным качеством* (отличающем сеть от совокупности входящих в нее капиталов и других групп) является способность этой сети как целого **(1)** оказывать локальное регулирующее воздействие на рынок, быть субъектом гегемонии («пауком»), генерируя «поле зависимости», и **(2)** осуществлять отношения гегемонии данного капитала по отношению к включенным в него работникам. Оговоримся сразу: это определение носит политэкономический характер и не может служить рабочим для экономической практики. Но оно базируется на выводах предшествующего исследования и может служить отправной точкой для последующего.

Эта *группа представляет собой центр* (сердце и мозг) гигантской тончайшей, едва заметной, но мощной *сети, образуемой ее актуальными и потенциальными клиентами* во всем их многообразии (паук и его паутина). Типичным эмпирическим феноменом, с которым мы можем соотносить названную выше категорию, является транснациональная корпорация вместе со втянутыми в ее «поле зависимости» контрагентами: субконтракторами, аутсорсерами и т. д., а в той мере, в какой они тоже попадают в «поле зависимости» — всеми ее поставщиками, реализаторами и потребителями ее продукции. Такая корпорация-сеть переплетена с корпорациями-сетями других ТНК, пересекаясь с теми организациями, которые втянуты не только в ее «поле зависимости».

Как таковая, ***корпорация-сеть есть система определенных производственных отношений.*** Такой взгляд не является чем-то принципиально новым. Он восходит к марксовой трактовке отдельного (единичного) капитала как отношения двух полюсов — наемного труда и капитала в узком смысле слова. Однако для нас такой политэкономический акцент принципиально важен, ибо указывает на ключ к исследованию природы данного феномена: анализ параметров взаимодействий различных акторов, их форм и содержания.

Начнем этот анализ с фиксации полуэмпирических-полутеоретических, но относительно легко выделяемых параметров, постепенно продвигаясь от финансовой «вершины» к все более глубоким и низовым пластам.

«Наверху» наш объект предстает как сеть, которая **(1)** объединена *виртуальным финансовым капиталом* (в виде совокупности формально и неформально сращенных финансовых институтов, включая банки, холдинги, пенсионные и иные фонды).

Эта виртуальная и размытая финансовая сеть **(2)** сращена с несколько более определенной совокупностью относительно самостоятельных фирм-корпораций, имеющих эмпирически-фиксируемые атрибуты, в том числе, имя-бренд и юридически зафиксированные характеристики. Примеры их на слуху: Wal-Mart, Exxon, Apple, General Motors, Ford, General Electric, Hewlett-Packard, Bank of America, IBM, Procter&Gamble и другие представители верхних строчек списка Fortune-500. Именно эти «подсистемы» исследуемой нами сети как правило и ассоциируются с понятием «транснациональная корпорация» и это верно, но лишь отчасти, ибо действительная сеть, один из немногих центров внутренней и внешней власти современного рынка/капитала есть гораздо более крупное, аморфное и юридически не фиксируемое объединение с принципиально размытыми границами.

Входящие в эту сеть и имеющие «имя» корпорации, в свою очередь (и это уже банальность, но мы ее все же отметим) имеют **(3)** свои «штабы», «*центры*» где работают тысячи «элитных» служащих-профессионалов. Часто, говоря о внутренних отношениях в ТНК и характеризуя их как «креативные» фирмы, имеют в виду именно эту часть корпорации.

Однако, в действительности, корпорация — это **(4)** более или менее интегрированная единой системой отношений совокупность относительно независимых филиалов — «*периферия*» корпорации. Каждый

из таких филиалов может включать десятки [производственных, транспортных и т. д.] предприятий и [маркетинговых, снабженческих и т. п.] служб, а также свои управленческие центры. В целом это система, состоящая из многих сотен структур в странах не столько «Первого», сколько «Второго» и «Третьего» миров, на которых осуществляется производство широкого спектра товаров и услуг (диверсифицированная система взаимозависимых фирм или/и их филиалов). Мера интегрированности/независимости этих филиалов зависит от многих параметров (от технологической специфики до качества «местного» менеджмента), которые мы здесь не будем рассматривать. С политэкономической точки зрения в данном случае важно лишь то, что это система переходных производственных отношений, противоречиво сочетающих определенную меру развития рыночной конкуренции и планомерного регулирования.

Основа этой сети — **(5)** сотни и тысячи предприятий (преимущественно на периферии капиталистического мира), где заняты не только высокообразованные профессионалы, но и, прежде всего, сотни тысяч наемных работников средней и низшей квалификации, получающих в лучшем случае несколько долларов в час за сбоку машин и мобильных телефонов, разливку Кока-колы и приготовление гамбургеров... Это *рабочий класс корпорации*. Эти работники заняты преимущественно индустриальным (а в некоторых случаях, особенно в сфере услуг, и ручным) трудом и находятся в жесткой не только экономической, но и социальной зависимости от корпорации, что особенно характерно для малых городов в странах «Второго» и «Третьего» миров, где зачастую просто нет сколько-нибудь нормальных рабочих мест.

Внутри каждой из этих корпораций действует сложная *система каналов власти*, обеспечивающих **(6)** господство корпоративной номенклатуры. Важно подчеркнуть, что это не просто советы директоров отдельных фирм, а находящийся преимущественно в тени «мозг» не столько отдельных корпораций, сколько всей сети в целом. Основной отличительной особенностью это вершины является то, что она реально «приватизирует» основные права собственности (власти, контроля) и информации (что особенно важно для современного виртуального капитала эпохи информационного общества) в этой системе. Это специфическая «приватизация», ибо она распространяется не на общественные, а на частные ресурсы (ресурсы корпорации) и лишь отчасти фиксируется юридически. Опять же отчасти эта «корпоративная номенклатура» (реальные собственники и высшие менеджеры) сети может быть соотнесена с широко используемым в западной литературе понятием «инсайдеры»[1]. Последнее носит, как правило, негативный оттенок и связано с уголовно преследуемым использованием менеджерами внутренней информации фирмы в личных целях. Мы же говорим об ином — о реальной внутрикорпоративной власти, а это феномен, который лишь отчасти пересекается с феноменом инсайдерства.

Эта верхушка сети сращена с **(7)** рядом национальных и международных государственных институтов, причем не столько нелегальными отношениями коррупции, сколько легальными отношениями разнообразной кооперации — от сотен каналов экономического взаимодействия до взаимного легального «консультирования» по стратегическим вопросам в формах открытых «саммитов» типа Давоса и закрытых секретных переговоров «без галстуков», от влияния капитала на выборы до личной унии... Все эти каналы многократно описаны в самых разных формах: от журналистских «разоблачений» до личных мемуаров экс-руководителей государств и/или корпораций, от учебников по государственному управлению профессоров гарвардской «Kennedy School»[2] до монографий по проблемам государственно-монополистического капи-

[1] См.: *Дзарасов Р. С., Новоженов Д. В.* Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: URSS, 2005. С. 27, 189–216. См. также: *Hessen R.* The Modern Corporation and the Private Property: a Reappraisal // The Journal of Law&Economics. 1983. Vol. XXVI(2). P. 288.

[2] Harvard Kennedy School — Гарвардский институт государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди.

тализма советских академиков из Института мировой экономики и международных отношений (превращавшихся потом порой — в стиле академика Примакова — в руководителей внешней разведки и даже премьер-министров).

Не менее важна слаженность корпоративной номенклатуры с **(8)** системой институтов насилия — как легальных (собственная система охраны, разведки и т. п.), так и нелегальных, вплоть до организованной преступности (преимущественно в странах «Второго» и «Третьего» миров, где действуют филиалы фирм) и подчинения коррумпированных марионеточных правительств некоторых малых стран или отдельных регионов.

Эти структуры к тому же подчиняют себе **(9)** ряд средств массовой информации.

Наконец, **(10)** они контролируют систему воспроизводства «человеческого капитала» (колледжи, университеты, благотворительные фонды и т. п.).

Все эти «этажи» и слагаемые корпоративной сети мы выделили, синтезируя сказанное выше о природе тотального рынка и гегемонии капитала и соотнося эту теорию с общеизвестными чертами современного капитала. Существенно, что каждый из этих «этажей» корпоративной группы относительно самостоятелен, связи между ними (и горизонтальные, и вертикальные) пронизаны массой противоречий, но при этом они все соединены тем системным качеством, которое было отмечено выше — способностью этой сети как целого оказывать *внешнее* локальное регулирующее воздействие на рынок, быть субъектом гегемонии («пауком»), генерирующим «поле зависимости» и субъектом *внутренней* корпоративно-капиталистической гегемонии. Любопытно, что это системное качество (равно как и другие конкретно-всеобщие категории, например, стоимость) невозможно «пощупать», увидеть невооруженным [диалектическим методом] взглядом.

Однако и здесь есть некоторые важные «нюансы». Если сеть как таковую увидеть невозможно, то власть ее отдельных «видимых» слагаемых можно соотнести с некоторыми эмпирическими феноменами. К их числу относятся, в частности, такие выражающие своего рода «дух» фирмы феномены, как ее имя, бренд. Именно бренд фирмы ныне ценится как никогда высоко и составляет одно из важнейших слагаемых виртуальной ценности корпорации.

Последнее не случайно — этот *«бренд» и есть некоторая внешняя фиксация способности данной фирмы (корпоративного капитала как звена сети) генерировать «поле зависимости»*. Бренд — это в определенной мере симулятивный символ наличия устойчивой клиентелы («паутины» — например, людей, привыкших пить именно Пепси-колу в любом городе или стране мира, куда бы они не приезжали), знак зависимости определенного социально-экономического пространства от этой корпорации («поколение Пепси») и т. п.[1] Таким образом, мы можем дать достаточно строгое теоретическое объяснение кажущейся для теоретиков загадочной ценности *«бренда» — это косвенный символ системного качества корпорации*, утратив которое она может перестать существовать как субъект гегемонии, как не просто капитал (большего или меньшего размера), но как капитал особого рода — капитал, способный оказывать локальное регулирующее воздействие, имеющий «клиентелу» и отчасти подчиняющий ее своему воздействию. Поэтому мы можем предположить, что *высокая экономическая оценка этого бренда — это* не столько «цена» гарантированно высокого качества (костюмы от Hugo Boss ныне шьют преимущественно в Китае, а BMW собирают и в России из частей, сделанных в самых разных уголках Земного шара) и/или «интеллектуального капитала» фирмы, сколько *денежный эквивалент ее способности локально регулировать рынок*, навязывая (в определенных пределах, естественно) потребителям и иным контрагентам свои товары, эквивалент ее «рыночной власти».

Характеризуя корпорацию-сеть как генератор «поля зависимости», не следует за-

[1] Упомянем весьма показательную в этом отношении работу Н. Кляйн «NO LOGO. Люди против брендов», где показаны механизмы подчинения человека корпоративному контролю через систему «брендинга».

бывать, что эти сети вступают в систему разнообразных отношений борьбы и партнерства друг с другом, перераспределяя весьма аморфные границы своего влияния. Соответственно и круг клиентов каждой из корпораций всегда размыт, подвижен, не определен, да и подчинение не только локально, но и частично, неполно.

На поверхности явлений может казаться, что этот «бренд» создает команда менеджеров (или, в редких случаях, ее хозяин-основатель, например, мифологизируемые Форд иди Билл Гейтс), но в сущности дело в другом — в том, что в условиях глобальной гегемонии капитала не могут не возникать именно такие корпоративные структуры. Существование таких «фирм» (равно как и их борьба, взаимопоглощения и конкуренция) есть закон нынешней стадии развития позднего капитализма.

Возвращаясь к анализу структуры корпоративных групп, заметим, что не каждая из них включает все перечисленные выше блоки. Часть замыкается на операциях с фиктивным финансовым капиталом, оказываясь лишь косвенно связанной с производством товаров и услуг; иные, наоборот, относительно независимы от контроля отдельных финансовых институтов (но не от жизнедеятельности финансового капитала как конкретно-всеобщего феномена); возможны и иные модификации...

Естественно, что эта многоуровневая международная система весьма отлична от частнокапиталистической или даже акционерной капиталистической фирмы, которые были описаны в «Капитале» К. Маркса и к характеристикам которых (вот парадокс!) до сих пор апеллируют право-либеральные теоретики, размышляющие о преимуществах частной собственности (типичный пример — работа Дж. Сакса «Рыночная экономика и Россия»)[1].

Существенно, что в этих условиях *корпоративная группа превращается в миниобщество, где складывается своя система производственных* (но не только) *отношений.* В рамках корпоративной группы («паука» и его «паутины») начинает складываться даже особая социальная стратификация, особая система распределения прав собственности, посредством которой осуществляются важнейшие отношения производства, распределения труда и его продуктов в условиях современного капитализма.

Как было отмечено выше, эти отношения включают сложный комплекс механизмов подчинения труда капиталу (экономической власти).

Завершая этот подраздел, подчеркнем едва ли не важнейший его вывод: *основная власть в таких аморфных структурах принадлежит* (что в принципе давно известно специалистам, но почти никогда не раскрывается в учебниках, популярной и пропагандистской литературе) не акционерам, и даже не менеджерам (как это считают многочисленные сторонники теории «революции управляющих»), а, как уже было отмечено выше, ***корпоративной номенклатуре*** *— ограниченному кругу частных лиц, «приватизировавших» не собственно объекты, а преимущественно основные права собственности, каналы власти.*

Заметим, что на теоретическом уровне, при характеристике системы отношений тотальной гегемонии корпоративного капитала, мы уже показали принципиальное наличие этих «каналов».

Суммируем эмпирически фиксируемые проявления важнейших из ***каналов власти внутри корпорации.*** Это:

- власть, которую дает виртуальный фиктивный капитал (кто контролирует трансакции с фиктивным капиталом данной корпоративной структуры, тот получает контроль над ее «кровеносной системой»);
- контроль, сохранение и развитие «традиций» и имиджа фирмы (в т. ч. того самого «бренда»);
- контроль за информацией и монополия на ключевую внутреннюю информацию (в том числе о распределении прав собственности, движении финансов, персонале);

[1] *Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994. Безоглядным защитником частной собственности выступает также современный представитель австрийской школы М. Ротбард (см.: *Ротбард М.* Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010).

- стратегическое управление (принятие стратегических решений, контроль);
- управление кадрами и шире — функционированием «человеческого капитала» и т. п. (вплоть до жесткого административного подчинения труда на «периферии» корпорации);
- контроль за движением акций (не обязательно собственность на контрольный пакет);
- осуществление связи с государственными структурами и иными институтами легального и нелегального насилия, а также средствами массовой информации...

Таков далеко не полный перечень лишь важнейших из каналов власти в ТНК. Подчеркнем вновь, что юридически зафиксированная собственность на акции является не более, чем одним из них. При этом система отношений собственности (включающая доверительное управление, многоступенчатый контроль за фирмой через систему перекрестного владения акциями, контроль над долговыми обязательствами, дочерними или материнскими кампаниями etc.), как правило, принципиально сложна (если не сказать — запутана до степени превращения в уже упоминавшийся «черный ящик»). Акциями конкретных фирм в большинстве случаев владеют другие фирмы и многоступенчатая система холдингов (причем часть информации об этом является коммерческой тайной), а также мелкие акционеры, за которыми скрывается опять же очень мало кому известный круг физических и юридических лиц, которым акции переданы в доверительное управление (поэтому, кстати, авторы выделил информацию о правах собственности как важнейший канал власти).

11.5. Каналы внешней власти корпораций: некоторые дополнительные замечания

Первая ремарка. Проделанный выше анализ содержания гегемонии корпоративного капитала на нынешнем этапе его развития позволяет предположить, что *взаимодействие корпоративных групп между собой и с третьими лицами есть единый механизм, сохраняющий видимость рыночной конкуренции и интегрирующий все доступные этим группам каналы гегемонии.*

В результате *каждая из таких групп-«пауков» стремится сплести как можно более пространную и мощную паутину* (экстенсивно и интенсивно развивая каналы гегемонии), *стремясь* (в пределе, который она никогда может достигнуть) *к превращению всех контрагентов* (юридических и физических лиц — смежников, потребителей, работников, государственных чиновников, журналистов) *в своих клиентов,* зависимых (часто бессознательно) от «паука» — корпорации, генерирующей поле своей власти.

К ***каналам власти корпорации по отношению к «внешним» агентам*** можно отнести:

- монополизацию достижений международного обобществления (например, технологическая зависимость партнеров в третьем мире и мелкого бизнеса) и новых технологий (в первую очередь — высоких, доступных в большинстве случаев только крупным группировкам); подчинение клиентов технологическим *стандартам* корпорации;
- воспроизводимое на новом уровне монополистическое локальное регулирование рыночных параметров путем создания «паутин» (в настоящее время это не столько воздействие на уровень цен, сколько «огораживание» определенного социально-экономического пространства, *монополизация «имиджа» продукции, ее рыночных стандартов, качественных параметров* и т. п.), в том числе при помощи активной маркетинговой политики и иных названных выше методов;
- монополизацию определенных сегментов финансового рынка и финансовый контроль (контроль за движением фиктивного капитала), осуществляемые как открыто (например, «обслуживание» финансовых потоков банками, на деле часто дополняемое регулированием и контролем со стороны этих институтов), так и скрытно (например,

скупка акций через холдинги, не раскрывающие информацию о структуре своего пакета акций);

- основанное на сращивании с государственными институтами ряда стран и собственной институциональной власти воздействие на устанавливаемые региональными, национальными и международными институтами рамки и правила взаимодействия на рынке, стандарты, долгосрочные социальные, структурные и т. п. программы и даже на общую модель эволюции капитала (поддержка социал-демократических или либеральных партий на выборах как простейший и не самый важный пример);
- реализацию собственных стратегических долгосрочных программ нерыночными (бюрократически-плановыми, если угодно, «командно-административными») методами в рамках своих «империй» и на подконтрольной им экономической территории (например, в малых развивающихся странах, или в отдельных регионах, или в некоторых отраслях отдельных экономических систем);
- монополизацию информации и информационных каналов (в том числе путем сращивания с государством и СМИ) легальными (патенты и т. п.) и нелегальными методами, информационное давление на клиентов через эти каналы, рекламу и т. п.;
- использование всех описанных выше методов подчинения индивидуальных клиентов, прежде всего — конечных потребителей товаров и услуг (от общей стратегии навязывания потребительского образа жизни и уже упомянутой агрессивной рекламы до прямого принуждения в странах «Третьего» мира);
- подключение всего спектра неэкономических методов (от прямого и косвенного насилия до подчинения СМИ и воздействия через них на конкурентов, государственные институты, работников и клиентов).

Перечень этих каналов, равно как и их конкретизацию, можно дать даже исходя из приведенного выше анализа сущностных черт гегемонии капитала, не говоря уже о тысячах зарубежных и сотнях отечественных работ по этим вопросам.

Вторая ремарка. Описанные выше и все остальные *каналы гегемонии на практике действительно сращены в единую систему*, где каждое конкретное действие (например, продвижение нового товара на рынок или борьба за создание более благоприятных институциональных условий для деятельности фирмы путем избрания подходящего президента в одной из стран, где действуют филиалы ТНК) интегрирует практически все из них. При этом, однако, можно несколько условно выделить два типа взаимодействий.

Первый — взаимодействие между собой равносильных субъектов — *борьба за гегемонию* (отношения между корпоративными группами, в частности, ТНК, между ними и государствами или наднациональными институтами регулирования социально-экономических и геополитических процессов — от Всемирного банка и МВФ до НАТО). Здесь сталкиваются относительно равно «вооруженные» армии (каждый из субъектов-«пауков» может использовать практически весь описанный выше арсенал методов, а также какие-то иные, неизвестные авторам или вообще секретные виды «оружия»). Здесь борьба лишь внешне сохраняет атрибутику и видимость рыночной конкуренции и осуществляется как относительно «равномощное» столкновение агентов, использующих все названные выше механизмы гегемонии.

При этом столкновения часто (но не всегда!) проходят лишь на «предконкурентной» стадии (в процессе поиска параметров будущих контрактов, при разработке инвестиционных программ и т. п.), переходя затем, на стадии производства в систему отношений, иногда называемую «кооперативным» или «контрактным» («партнерским») капитализмом. Последнее не случайно: современное высокообобществленное (в индустриальном секторе) или вообще всеобщее (в информационном секторе) производство требует постоянно поддерживаемой гибкой пропорциональности, а

не периодических кризисов и коллапсов крупнейших производственно-информационных комплексов.

Второй тип взаимодействий — *подчинение субъектами гегемонии своих объектов* (работников, клиентов, мелкий бизнес и даже, отчасти, правительства малых стран «Второго» и «Третьего» миров). В этом случае использование названных выше каналов единого механизма гегемонии носит почти исключительно односторонний характер. Ни работники, ни клиенты, ни иные объекты гегемонии, как правило, не могут использовать ни один из названных выше механизмов подавления в ответ на действия корпоративного капитала.

Им остаются лишь различные *средства противодействия подчинению*.

Среди них попытки «восстановления» доимпериалистического «классического» капитализма, в частности культивирование общей атмосферы «свободного» рынка, где у наемного работника, потребителя, мелкого предпринимателя и т. п. как относительно независимых контрагентов сохраняется некоторая свобода выбора (повторим еще раз во избежание недоразумений: ***гегемония корпоративного капитала нигде не является абсолютной***; это лишь доминирующая сторона капиталистической социально-экономической и политической жизни).

К этой группе методов можно отнести и попытки использования механизмов представительной политической демократии и других способов давления на государство с целью «сдвига» его деятельности в сторону поиска компромисса между корпорациями и населением.

Более важна, однако, деятельность по объединению граждан в добровольные ассоциации (профсоюзы, экологические и иные союзы и т. п. вплоть до левых партий) для совместного противопоставления силе корпоративного капитала силы свободной ассоциации.

Возможны также и консервативные методы «отгораживания» от глобального капитала, которые пытаются использовать некоторые страны «Третьего» и «Второго» миров.

Вопросы для самопроверки

П.11.1. Каковы предпосылки капиталистической глобализации со стороны производительных сил?

П.11.2. Почему глобальное обобществление происходит неравномерно?

П.11.3. Как различия между центром и периферией мирового хозяйства в уровне развития производительных сил закрепляют глобальную гегемонию транснационального капитала?

П.11.4. Как глобализация изменяет отношения труда и капитала?

П.11.5. Какова роль финансовой глобализации?

П.11.6. Как складывается соотношение национальных государств и транснационального капитала?

П.11.7. Как складывается сеть глобального доминирования транснационального капитала?

П.11.8. Каковы каналы власти транснациональных корпораций?

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КУРСУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ»

Аннотация курса

Курс дает вводное, но системное представление о наиболее значимых современных разработках в области политической экономии, развивающей классические традиции, и показывает, что и почему остается актуальным из классического наследия марксистской политической экономии, а что и почему требует критического развития.

Постижение основных положений современной политической экономии, продолжающей разработки классической политической экономии (political economy, а не political economics — последняя является направлением неоклассического мэйнстрима), позволит студентам не только понять фундаментальные законы современной экономики — от природы рынка, денег и кризисов до основ человеческих ценностей в мире товарного фетишизма, но и освоить диалектический метод научного познания, позволяющий исследовать наиболее сложные, развивающиеся системы.

Цель курса: опираясь на работы исследователей — представителей современной политической экономии Запада, Японии, Китая, Латинской Америки и разработки постсоветской школы критического марксизма раскрыть ключевые проблемы политической экономии современного мира, а также предложить слушателям источники для дальнейшей самостоятельной работы.

В процессе изучения курса проводятся деловые игры, разбираются кейс-стади современных проблем. Курс принадлежит к кругу фундаментальных классических дисциплин, составляющих ядро университетского образования.

Содержание основных тем

Тема 1. Предмет политической экономии
Лекция 1

1. Классическая политическая экономия, политическая экономика, экономикс (political economy, political economics, economics).
2. Экономика: производственные отношения и их взаимодействие с технологическим развитием и социальными процессами. Экономика и политика.
3. Экономика как развитие конкретно-исторических систем производственных отношений: к критике рыночноцентрической модели экономической теории.
4. Экономические системы: рождение, развитие, закат. Трансформационные процессы в экономике.

Вопросы для обсуждения на семинаре:

1. Типы экономических систем: формационный и цивилизационный подходы (*доклады, письменные рефераты*).
2. Предмет классической политэкономии, неоклассики и political economics.
3. Экономика, технология, политика: проблемы взаимодействия.
4. Рыночная экономика и капиталистический способ производства: соотношение понятий.
5. Генезис и пределы рыночной экономики. Существует ли не-рыночная экономика? (*дискуссия*).

Тема 2. Метод политической экономии
Лекция 2

1. Диалектика: исследование противоречий и развития как ключ к пониманию

сущности явлений. Восхождение от абстрактного к конкретному. Зигзаги истории и закономерности экономического развития.
2. Что есть истина? Проблема верифицируемости знаний в мире превратных форм.

Вопросы для обсуждения на семинаре:
1. Основные слагаемые диалектического метода (*доклады, письменные рефераты*).
2. Диалектическое противоречие, абстрактное, конкретное: политэкономические рефлексии.
3. Системный взгляд на экономическую жизнь. Реальность абстракций. Превратные формы.
4. Потенциал и пределы позитивизма и математического моделирования в экономике.

Тема 3. Экономика XXI века: потенциал теории товарного производства и трудовой теории стоимости

Лекция 3.1. Марксистская теория товарного производства, стоимости и рынка.

Лекция 3.2. Трудовая теория стоимости: причины маргинализации, потенциал в решении фундаментальных проблем глобальной экономики знаний.

Вопросы для обсуждения на семинаре:
1. Классическая политэкономия: теория товарного производства и стоимости (*доклады, письменные рефераты*).
2. Трудовая теория стоимости и теория предельной полезности: сравнительный анализ.
3. Трудовая теория стоимости и теория предельной полезности: потенциал в решении проблем экономики знаний.

Тема 4. Труд и капитал: потенциал и пределы политико-экономического подхода

Лекция 4.1. Классическая марксистская теория капитала, немного труда и прибавочной стоимости.
1. Деньги.
2. Капитал.
3. Источник прибыли: теория факторов производства и предельной производительности.
4. Источник прибыли: теория эксплуатации К. Маркса.

Лекция 4.2. Капитал: теория факторов производства и предельной производительности или теория прибавочной стоимости? Теория эксплуатации в XXI в.

Вопросы для обсуждения на семинаре:
1. Марксистская теория эксплуатации и теории факторов производства, предельной производительности (*доклады, письменные рефераты*).
2. Система отношений эксплуатации в XXI веке: взгляд классической политэкономии.
3. Отчуждение и эксплуатация: экономическая реальность или идеологическая догма? (*дискуссия*).

Тема 5. Собственность и классы: классический и поздний капитализм

Лекция 5
1. Собственность: содержание, формы, система прав.
2. Собственность на знания и информацию.
3. Частная собственность на результат творческой деятельности.
4. Всеобщая собственность или собственность каждого на все.
5. Не-рыночные стимулы творчества и его экономического использования.
6. Классы.
   6.1. Классы: основные характеристики.
   6.2. Социальные структуры, социальная стратификация в капиталистическом обществе.
   6.3. Рабочий класс.
   6.4. Кто делает историю: умерли ли классы в эпоху постмодерна? («Прощание с рабочим классом» А. Горца, креативный класс Р. Флориды, прекариат).

Вопросы для обсуждения на семинаре:
1. Трактовка категории «собственность» основными школами экономической теории (*доклады, письменные рефераты*).
2. Понятие класса в политической экономии.

3. Перспективы частной и общественной собственности в глобальной экономике знаний.
4. Устарел ли социально-классовый подход к анализу экономики?

Тема 6. Экономическая динамика и кризисы: классика и современность
Лекция 6

1. Воспроизводство как проблема классической политической экономии: реактуализация. Рост и развитие.
2. Классическая политико-экономическая теория кризисов и первый мировой кризис XXI века: природа и причины (элементы марксистской теории кризиса; новые аспекты кризиса; выводы: причины и природа кризиса; сценарии посткризисного развития).

Вопросы для обсуждения на семинаре:

1. Экономический цикл: классическая политэкономическая трактовка.
2. Феноменология мирового экономического кризиса: факты и их трактовки (*доклады, письменные рефераты*).
3. Критерии социально-экономического развития и эффективности.
4. Первый мировой кризис XXI века: причины и природа.

Тема 7. Государство в экономике: от XIX до XXI в.
Лекция 7

1. О понятиях: природа государства (политэкономический взгляд).
2. Дискуссия о роли государства в национальной экономике (о чем не спорят и о чем забывают, о чем спорят).
3. Национальное государство в глобальной экономике, или О роли и мере общественного (государственного) регулирования экономики.
4. Планирование в рыночной экономике.
5. «Провалы» государства и их снятие.

Вопросы для обсуждения на семинаре:

1. Основные трактовки места и функций государства в экономической жизни (*доклады, письменные рефераты*).
2. Роль государства в преодолении кризиса: экономический либерализм vs. общественное регулирование (*деловая игра*).

Тема 8. Человек. Человеческий и социальный «капитал». Проблема отчуждения. Реалии XXI в.
Лекция 8

1. Человек. Человоческий и социальный капитал.
2. Отчуждение.
3. Социальное творчество.
4. Активизм и конформизм.

Вопросы для обсуждения на семинаре:

Политическая экономия vs. economics: потенциал в XXI веке. (*деловая игра*).

Тема 9. [Пост]классическая политэкономия(марсксистский этап): теоретический потенциал в XXI в.
Лекция 9

1. Политическая экономия как особая наука. Какие проблемы экономической жизни можно решить только при помощи классической и современной политической экономии?
2. Какие проблемы экономической жизни не объясняет марксистская политическая экономия?
3. Для чего и кому нужна марксистская политическая экономия.
4. Пример: постсоветская школа критического марксизма.

Вопросы для обсуждения на семинаре:

Политическая экономия vs. economics: потенциал в XXI веке. (*деловая игра*).

Тема 10. [Пост]классическая политическая экономия: потенциал решения проблем социально-экономической политики
Лекция 10

1. Система производственных отношений и системность социально-экономической политики: вступительные ремарки.
2. Формирование структуры общественного производства.
3. Соотношение рыночных и плановых регуляторов.
4. Политика в сфере отношений собственности.
5. Отношения воспроизводства и их отражение в экономической политике: кризисы, рост и эко-социо-гуманитарно-ориентированное развитие.

Экзаменационные вопросы

В каждом билете по два вопроса. Первый вопрос относится к теоретической, фундаментальной части курса, второй вопрос посвящен применению политической экономии для объяснения явлений и тенденций современной социально-экономической жизни.

А. Вопросы по теоретической, фундаментальной части курса

1. Предмет и метод политической экономии.
2. Производительные силы и производственные отношения.
3. Экономика: взаимодействие с технологическим развитием и социальными процессами. Экономика и политика.
4. Формационный и цивилизационный подходы к исследованию экономических систем.
5. Диалектический метод: исследование противоречий и развития как ключ к пониманию сущности социально-экономических явлений.
6. Труд: виды, двойственный характер труда, общественное разделение труда.
7. Трудовая теория стоимости и марксистская теория товарного производства и рынка.
8. Трудовая теория стоимости и теория предельной полезности: сравнительный анализ.
9. Теория товара и стоимости в классической политической экономии.
10. Деньги: определение, функции, противоречие денег.
11. Капитал: классическая и неоклассическая трактовки.
12. Прибавочная стоимость: определение, виды, формальное и реальное подчинение труда капиталу.
13. Воспроизводство как проблема классической политической экономии.
14. Классическая политико-экономическая теория кризисов.
15. Собственность, классы и экономические интересы.
16. Теория эксплуатации К. Маркса.
17. Классы: основные характеристики. Социальная стратификация в капиталистическом обществе.
18. Проблема «провалов» рынка и государства.
19. Основные трактовки места и функций государства в экономической жизни.
20. Общественное (государственное) регулирование экономики: политэкономический взгляд.

Б. Вопросы о применении политэкономических знаний для объяснения современных социально-экономических феноменов

1. Политическая экономия и экономикс: сравнительный анализ предмета, метода, трактовки рынка, стоимости, капитала, человека.
2. Что объясняет и чего не объясняет классическая (марксистская) политическая экономия.
3. Какие проблемы экономической жизни невозможно решать исключительно в рамках неоклассической парадигмы?
4. Потенциал и пределы математического моделирования в экономике.
5. Экономические системы: особенности трансформаций.
6. Специфика товара в XXI веке.
7. Специфика денег в XXI веке.
8. Специфика капитала в XXI веке.
9. Специфика человеческого капитала в XXI веке.
10. Специфика социального капитала в XXI веке.
11. Первый мировой кризис XXI века: природа и причины (реактуализация марксизма).
12. Интеллектуальная частная собственность: положительные и отрицательные последствия для экономического развития (политэкономический подход).
13. Перспективы частной и общественной собственности в глобальной экономике знаний (интеллектуальная частная собственность и собственность каждого на все).
14. Теория эксплуатации в XXI веке.
15. Классы в XXI веке (изменения рабочего класса, креативный класс Р. Флориды, прекариат).
16. Макроэкономическое планирование в рыночной экономике: цели и средства.

17. Роль государства в преодолении кризиса: экономический либерализм vs. общественное регулирование.
18. Трансформация отношений воспроизводства в условиях позднего капитализма.
19. Экономический рост: соотношение количественных и качественных параметров.
20. [Пост]классическая политическая экономия: потенциал решения проблем социально-экономической политики.

Тематика деловых игр, предусмотренных по курсу

1. «Минимизация участия государства vs активная роль государства в экономике: теория и практика последних десятилетий».
2. «Существует ли капиталистическая эксплуатация в XXI веке?»
3. «Воспроизводство и кризисы в XXI веке».
4. Политическая экономия vs. economics: потенциал в XXI веке.
5. Другие темы по согласованию.

Рекомендации по подготовке к обсуждению в ходе деловых игр и источники для подготовки размещаются на on.econ.msu.ru

Темы рефератов и эссе

1. Трактовка понятий «экономическая система» и «социально-экономическая система» в неоклассике, институционализме и марксизме.
2. Трактовка экономики неоклассикой, институционализмом и классической политической экономией.
3. Позитивизм как метод политико-экономических исследований: потенциал и пределы.
4. Постмодернизм как метод политико-экономических исследований: потенциал и пределы.
5. Диалектика как метод политико-экономических исследований: потенциал и пределы.
6. Методология экономического индивидуализма и методология, основанная на исследовании объективных производственных отношений: сравнительный анализ.
7. Сравнительный анализ взаимодействия технологических и экономических пластов общественной жизни в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
8. Основные технологические уклады: трактовка в современной экономической литературе.
9. Социально-экономические механизмы осуществления индустриализации: сравнительный анализ теоретических моделей и практик.
10. Социально-экономические механизмы осуществления «революции знаний»: сравнительный анализ теоретических моделей.
11. Траектории и содержания технологического развития, адекватные разным типам социально-экономических систем.
12. Трудовая теория стоимости: причины и последствия маргинализации.
13. Проблема полезности в классической политической экономии и неоклассике.
14. Сравнительный анализ трактовок собственности в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
15. Потенциал и проблемы использования теоретико-методологического потенциала неоклассики (институционализма, классической политической экономии) при анализе современного малого бизнеса (собственности корпораций, государственной собственности).
16. Капитал: трактовка в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
17. Наемный труд: трактовка природы и взаимодействия с капиталом в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
18. Человек как объект изучения в политической экономии и экономикс: сравнительный анализ.

19. Исторические типы социально-экономической детерминации ценностей и мотивации поведения человека.
20. Соотношение основных типов социально-экономической детерминации ценностей и мотивации поведения человека в современной рыночной экономике.
21. Сравнительный анализ рейтинга стран по ИЧР и по ВВП на душу населения и его политико-экономическая интерпретация.
22. Трактовки понятия «социальный капитал» в современной экономической теории.
23. «Социальный капитал» и социальные связи человека: экономические аспекты.
24. Экономическая эффективность и социальная справедливость: соотношение с точки зрения основных школ экономической теории.
25. Существуют ли экономические основы формирования и воспроизводства классов в современном обществе?
26. Экономические основы социальной структуры современного общества: трактовка в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
27. Существует ли классовая борьба в современном обществе? Если «да», то каковы ее социально-экономические основы. Если «нет», то почему она ушла в прошлое?
28. Мера социальной дифференциации и ее влияние на экономическую эффективность.
29. Бедность как явление и как политико-экономическая категория. Ее трактовка в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
30. Экономический рост: соотношение количественных и качественных параметров.
31. Кризисы: имманентная черта рыночной экономики?
32. Мировой экономический кризис 2008–2010 годов: кто и почему предвидел, а кто нет его появление?
33. Экономические кризисы: историческая последовательность.
34. Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г.: случайность или закономерность?
35. Взаимосвязь экономики и политики: трактовка в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
36. Экономическая политика: мера и пределы ее воздействия на объективные экономические процессы.
37. Основные экономические субъекты, их интересы и отражение этих интересов в экономической политике.
38. Трактовка экономической природы государства в работах представителей основных школ экономической теории (сравнительный анализ 2–3 школ по выбору студента).
39. В какой мере бюрократизм и коррупция являются свойствами государственной активности в экономике?
40. Потенциал основных положений политической экономии в решении проблем корпоративного управления, маркетинга, экономической политики и т. п.

Темы коллективных проектов

- Какие экономические, социально-экономические, экономико-политические процессы (не) может адекватно отобразить политическая экономия (экономикс)?
- Трактовка причин и природы мирового экономического кризиса в работах представителей основных школ экономической теории.
- Основные аргументы сторонников минимизации роли государства (или активной роли государства) в экономике: теория и практика последних десятилетий.

Требования к эссе и рефератам

Эссе — короткий (2–6 тыс. знаков) текст, содержащий авторские размышления в связи с вопросами, обсуждавшимися на лекции, на семинаре, в рамках деловой игры и т. п. Эссе не обязательно должно иметь ссылки на источники и развернутую структуру.

Реферат — развернутый (4–10 тыс. знаков) анализ одного или нескольких источников. Реферат должен содержать:

- Четкую формулировку проблемы;
- Структуру;
- Цитаты и ссылки на основные положения источника (ков);
- Воспроизведение основных аргументов автора (ов);
- Сравнительный анализ основных положений автора (ов);
- Авторскую оценку основных положений автора (ов);
- Библиографию.

Возможна (по согласованию с преподавателем) подготовка развернутого (10-20 тыс. знаков) авторского текста (**проекта**), содержащего оригинальный анализ проблемы с отсылками к достаточно широкому (5–10) кругу наиболее значимых источников. Проект может получить более высокую, нежели реферат, оценку.

Категорически неприемлемо заимствование фрагментов (1 фраза и более) ***из Интернета без точного обозначения рамок используемого проекта*** (кавычек) ***и ссылок на источник.***

Критерии оценивания работы по курсу

Виды работ	Баллы
Доклады, участие в деловых играх	от 3 до 10 баллов за выступление
Реплики на семинарах, участие в семинарских дискуссиях	от 1 до 5 баллов за выступление
Письменные работы: рефераты	от 3 до 10 баллов за работу: • всего не более 3-х рефератов за семестр; • принимается не более 1 письменной работы в неделю; • письменные рефераты могут быть представлены и в виде устного доклада на семинаре с особой оценкой за каждый вид работ. *Рефераты должны быть выполнены в соответствии с требованиями к рефератам*
Письменные работы: эссе	от 2 до 5 баллов • всего не более 3-х эссе за семестр; • принимается не более 1 эссе в неделю; *Требования к эссе и их отличие от рефератов см. в УМК курса и в материалах, размещенных на on.econ.msu.ru.*
Письменные работы: авторское участие в коллективном проекте	от 3 до 10 баллов
Результаты лекционных контрольных	1–2 балла за каждую положительно оцененную работу
Положительные результаты собеседований на контактных часах	1–3 балла за каждое собеседование
Конспекты первоисточников (рукопись!)	до 20 баллов
Участие и/или выступление на научных конференциях	2–8 баллов
Письменная контрольная работа	от 10 до 30 баллов
Экзамен (устный)	от 10 до 30 баллов Критерии оценивания ответов на экзамене: • от 10 до 15 баллов при удовлетворительном ответе (студент знает основные положения по 70 % заданных вопросов); • от 15 до 25 баллов при хорошем ответе (студент знает основные положения по всем заданным вопросам и по 50 % из них может дать самостоятельный развернутый ответ); • от 25 до 30 баллов при отличном ответе (студент может дать самостоятельный развернутый систематизированный ответ по всем заданным вопросам).

Тезаурус

АБСОЛЮТИЗМ (АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ) — форма феодального государства периода позднего феодализма. Характеризуется законченной политической централизацией — сосредоточением законодательной и исполнительной власти в руках монарха, опирающегося на подчиненный ему разветвленный бюрократический аппарат. Возникает единая государственная судебная, полицейская и фискальная система. Войско, комплектовавшееся из совокупности феодальных дружин и народного ополчения, сменяется постоянной королевской армией. [См. гл. 6]

АБСОЛЮТНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ — производство прибавочной стоимости путем удлинения рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени. [См. гл. 9]

АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА — часть арендной платы, уплачиваемая собственнику земельного участка, независимо от естественного плодородия последнего. [См. гл. 10]

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД — труд, безразличный к любой конкретной форме, для которого значим лишь тот факт, что это затраты человеческого труда, получившие общественное признание, что и придает товарам, при всем их различии, качественную однородность, как продуктов труда, обладающих свойством стоимости. [См. гл. 8]

АБСТРАКЦИЯ — способность человеческого мышления выделять общие свойства, присущие целому классу явлений или процессов, отвлекаясь от тех свойств, которые составляют особые, специфические черты этих явлений или процессов. [См. гл. 1]

АЛЛОД — наследственный надел земледельца-общинника, обладавший свойством отчуждаемости — перехода от условного держания, санкционируемого общиной, к условному держанию, санкционируемому частным магнатом или церковью. [См. гл. 6]

БАНКНОТА — вексель, выданный на банкира [См. гл. 10]

БЕНЕФИЦИЙ — пожалование земли (первоначально от лица королевской власти, а затем и крупных земельных магнатов) в личное условное держание (обычно на условиях несения военной или военно-административной службы). [См. гл. 6]

БРАК — социально закрепленный союз лиц противоположного пола. [См. гл. 5]

БЮРОКРАТИЯ — устойчивый, относительно замкнутый профессиональный слой высших государственных служащих со своими особыми интересами, которые относительно обособляются даже от интересов господствующего класса, которому служит эта бюрократия. [См. гл. 4]

ВАССАЛИТЕТ — система отношений внутри господствующего класса (феодалов), предполагавшая несение вассалом службы своему сюзерену в обмен на покровительство последнего. [См. гл. 6]

ВЕЩНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ: зависимость, определяемая ролью и местом человека в производстве вещей. Главной формой этой зависимости являются отношения товарного производства и рынок как их поверхностное выражение. Вещная зависимость людей создает условия для быстрого развития производительных сил в погоне за накоплением вещного богатства. [См. гл. 3]

ВИРТУАЛЬНАЯ ПРИБЫЛЬ, ИЗВЛЕКАЕМАЯ С ФИНАНСОВОГО РЫНКА — это плата, которую взимают денежные капиталисты (агенты финансового рынка) за предоставление капиталу возможности якобы неограниченного расширения и получения дохода от реализации товаров и услуг, удовлетворяющих мнимый спрос. [См. Прил. 1, гл. 4]

ВИРТУАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ — обособившаяся денежная форма движения виртуального капитала. Выступают главным образом в виде электронных денег, и обретают неопределенность стоимостного содержания, вызванную неопределенностью оценки виртуального капитала. Как и оценка виртуального капитала, стоимостная оценка виртуальных денег находится под манипулятивным воздействием крупного корпоративного капитала. [См. Прил. 1, гл. 3]

ВИРТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ — такой фиктивный капитал (см. определение фиктивного

капитала в основном тексте — глава 10, параграф 10.4.), который отрывается от стоимости действительного капитала под влиянием манипулятивного воздействия крупных корпораций на цены, складывающиеся на фондовом рынке. Виртуальный капитал приобретает симулятивную ценность, состоящую в создании видимости его способности к безграничному возрастанию. [См. Прил. 1, гл. 3]

ВНЕШНИЕ ЭФФЕКТЫ (ЭКСТЕРНАЛИИ) — побочные эффекты при производстве и потреблении товара, которые воздействуют на третьих лиц за пределами сделки продавец-покупатель, и (или) которые не учитываются в цене товара. [См. гл. 12]

ВОТЧИНА (НА РУСИ) — наследственное земельное пожалование на условиях несения службы. [См. гл. 6]

ВОТЧИННЫЙ ИММУНИТЕТ — право осуществления всей полноты административно-юридических функций на территории бенефиция. [См. гл. 6]

ВСЕОБЩИЙ ТРУД — труд в условиях превращения технологического применения знаний в непосредственную производительную силу, и потому протекающий в условиях универсальной взаимозависимости неопределенного круга его участников, поскольку требует для своего осуществления вовлечения заранее неизвестного круга знаний, приобретенных как предшественниками, так и современниками. [См. Прил. 1, гл. 1]

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — новая ступень интернационализации производства и капитала, характеризующаяся существенным снижением межграничных барьеров движения товаров и капитала, превращением крупного транснационального капитала в основную движущую силу глобализации и формированием не только всемирного рынка товаров, но и всемирного рынка капитала. См. также *Капиталистическая глобализация*. [См. гл. 13]

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ — историческая ступень в развитии капитализма, начиная с которой происходит усиление взаимной зависимости капиталистических монополий и государства: монополистический капитал укрепляет свое влияние на государственный аппарат, а капиталистическое государство увеличивает глубину и степень вмешательства в экономические процессы в интересах воспроизводства общественного капитала в целом, и крупнейшего монополистического капитала — в особенности. [См. гл. 12]

ГОСУДАРСТВО — характеризуется отделением власти от общества, созданием обособленного механизма осуществления власти независимо от массы членов общества. Такой характер устройства государства определяется его ролью как орудия власти господствующих классов. [См. гл. 4]

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ТОВАРА: товар выступает, с одной стороны, как потребительная стоимость, с другой — как меновая стоимость. [См. гл. 8]

ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем уплаты ему части своих денежных доходов, полученных в результате производства на рынок (со своего надела либо на отхожих промыслах). Перевод феодальных повинностей в денежную форму называется коммутацией. [См. гл. 6]

ДЕНЬГИ — товар особого рода, натуральная форма (потребительная стоимость) которого прочно срослась с исполнением этим товаром роли всеобщего эквивалента для всех остальных товаров. Тем самым деньги, в отличие от всех остальных товаров получают свойство всеобщей обмениваемости. [См. гл. 8]

ДЕФОРМАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА — образование, в силу недостаточности социально-экономических предпосылок, таких форм движения социалистических производственных отношений, которые неадекватны их содержанию. В силу обратного воздействия такие формы также искажающее влияют и на само содержание этих отношений. [См. гл. 14]

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА — часть арендной платы собственнику земельного участка, имеющая своим источником дифференциальную добавочную прибыль. [См. гл. 10]

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ — прибыль, получаемая капиталистами, хозяйствующими на относительно лучших по плодородию участках земли сверх средней прибыли в результате того, что цена производства в сельском хозяйстве регулируется средне-нормальными условиями производства на относительно худших по плодородию участках земли. [См. гл. 10]

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ — такие издержки, которые изменяют

полезные свойства товара и тем самым входят в процесс создания стоимости. [См. гл. 10]

ЕСТЕСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ — капиталистическая монополия, сформировавшаяся в такой отрасли, где монопольная организация производства является заведомо более эффективной, чем конкурентная. [См. гл. 12]

ЗАВИСИМЫЙ ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ — социально-экономическая модель капитализма, сформировавшаяся в относительно слаборазвитых странах (имеющих в основном сырьевую специализацию и незначительный сектор современной промышленности, контролируемый иностранным капиталом). Капиталистический уклад в этих странах развивается в основном не в силу внутренних причин, а под влиянием капитала более развитых стран. В силу этих причин формируется зависимость стран «периферии» от экономически более мощных стран «ядра» капиталистического мирового хозяйства. [См. гл. 12]

ЗАКОН ПРОСТОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: та часть производства средств производства в первом подразделении, которая соответствует по стоимости переменному капиталу и прибавочной стоимости первого подразделения, должна быть равна той части производства предметов потребления во втором подразделении, которая соответствует по стоимости постоянному капиталу второго подразделения [I(v + m) = II(c)]. [См. гл. 10]

ЗАКОН РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: производство во втором подразделении, соответствующее по стоимости постоянному капиталу второго подразделения и той части прибавочной стоимости второго подразделения, которая направляется на прирост постоянного капитала, должно быть равно производству в первом подразделении, соответствующему по стоимости переменному капиталу первого подразделения и той части прибавочной стоимости первого подразделения, которая направляется на прирост личного потребления капиталистов и расширение переменного капитала [II(c + [1 – b]m) = I(v + am)]. [См. гл. 10]

ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ (ЛЕНДЛОРДЫ) — лица, получающие основной доход в виде земельной ренты. [См. гл. 11]

ИДЕОЛОГИЯ: Идеология есть не просто отражение социальных, классовых интересов в духовной жизни общества, а выражение подчинения идейной сферы, духовного производства классовым интересам. [См. гл. 4]

ИМПЕРИАЛИЗМ — совокупность черт монополистического капитализма, характерных для его начальной стадии: появление капиталистических монополий, сращивание капиталистических монополий и государства, преобладание вывоза капитала над вывозом товаров, территориальный раздел мира на колониальные империи между капиталистическими державами и экономический раздел мира, ведущие к военным конфликтам в борьбе за передел мира. [См. Прил. 1, Введение]

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕНТА — присваиваемые капиталом результаты творческой деятельности на основе всеобщего труда, принимающие при капитализме стоимостную форму. [См. Прил. 1, гл. 5]

КАПИТАЛ: 1. Деньги, способные приносить прибавочную стоимость (первое, наиболее абстрактное и поверхностное определение); 2. Общественное отношение между капиталистом и наемным работником, основанное на эксплуатации приобретаемой капиталистом рабочей силы лично свободного наемного работника с целью извлечения прибавочной стоимости (второе, углубленное и развернутое определение). [См. гл. 9]

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — социально-экономическая форма объективного процесса интернационализации производства, свойственная позднему капитализму. Выражается в установлении всемирной гегемонии крупного корпоративного капитала и формировании всемирного рынка капитала как инструмента этой гегемонии. См. также *Глобализация*. [См. гл. 13, Прил. 1, гл. 11]

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНОПОЛИЯ — способность крупного капитала влиять на процесс формирования цены какого-либо товара в силу высокого удельного веса в производстве и/или сбыте данного товара. Эта способность позволяет монополистическому капиталу извлекать монопольную сверхприбыль. [См. гл. 12]

КАПИТАЛИСТЫ — лица, получающие основной доход от эксплуатации наемной рабочей силы. [См. гл. 11]

КЛАССОВАЯ БОРЬБА — действия представителей классов (и больших внутриклассовых или межклассовых социальных групп), направленные на представителей других классов, с целью изменения условий реализации классовых интересов, т. е. экономических, политических, правовых и т. п., условий сущест-

вования борющихся классов, вплоть до борьбы за государственную власть и использование ее для подрыва условий существования противостоящих классов. [См. гл. 4]

КЛАССЫ: согласно известному классическому определению В. И. Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [*Ленин В. И.* Великий почин // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39. С. 15]. [См. гл. 4]

КОНКРЕТНОЕ — предмет, взятый во всем многообразии его различных сторон. [См. гл. 1]

КОНКРЕТНЫЙ ТРУД — труд, который создает потребительную стоимость товара, определяется необходимостью придания товару определенных, конкретных физических свойств, с тем, чтобы товар представлял собой полезный продукт. [См. гл. 8]

КОНЦЕНТРАЦИЯ КАПИТАЛА — увеличение размеров капитала в процессе его накопления, а также за счет централизации капиталов. Представляет собой экономическую предпосылку концентрации производства. [См. гл. 12]

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА — сосредоточение производства на предприятиях, увеличивающих свою долю в общем выпуске продукции данного вида, что обычно сопровождается ростом размеров предприятий. [См. гл. 12]

КРЕАТОСФЕРА — часть системы воспроизводства, где существенную роль играют творческие функции трудовой деятельности, как источник получения и технологического применения новых знаний. [См. Прил. 1, гл. 5]

ЛЕН, ФЕОД — наследственное держание участка земли на условиях несения военной или военно-административной службы. [См. гл. 6]

МАНУФАКТУРА — крупное предприятие, основанное на использовании ручных орудий труда и разделения труда (попредметного или пооперационного) при изготовлении готовой продукции. Характерно для периода XIV – начала XIX вв. С точки зрения производственных отношений на мануфактурах мог применяться как крепостной, так и наемный труд. Мануфактура может быть централизованной или *рассеянной*, когда разрозненные мелкие производители подчиняются мануфактурному разделению труда в силу их зависимости от скупщика (поставляющего сырье и скупающего готовые изделия), выступающего нередко и их кредитором. [См. гл. 6]

МАШИНЫ — орудия труда, которые передают воздействие человека на предмет труда через специальный передаточный механизм и приводятся в движение, как правило, не мускульной силой человека или животных. Таким образом, машина состоит из трех основных частей — двигателя, передаточного механизма и рабочего орудия. Передаточное устройство преобразует движение двигателя в необходимую целесообразную форму, а рабочее орудие непосредственно воздействует на обрабатываемый предмет. [См. гл. 2, гл. 9]

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ — мелкие частные собственники, имеющие средства производства и получающие основной доход от их использования для производства товаров за счет собственного труда, или, более кратко — товаропроизводители, ведущие хозяйство в основном за счет собственного труда. [См. гл. 6, гл. 11]

МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ ТОВАРА — способность товара обмениваться на рынке в определенной пропорции на другие товары. [См. гл. 8]

МЕРКАНТИЛИЗМ — экономическая политика европейских государств в ранний период развития капитализма. Была ориентирована в первую очередь на накопление денег (благородных металлов) в руках королевской казны. С этой целью проводилась политика активного торгового баланса, торгового протекционизма (повышенное обложение импорта), поощрения мануфактурной промышленности, основания монопольных внешнеторговых компаний, торговой и колониальной экспансии. Эта политика вела к столкновениям европейских держав в борьбе за торговое и промышленное преобладание. [См. гл. 6]

МНОГОУКЛАДНОСТЬ — сочетание в рамках одного способа производства систем производственных отношений, качественно раз-

личающихся между собой, образующих самостоятельные (т. е. с относительно полным циклом воспроизводства продукта и общественных отношений) хозяйственные уклады. В переходных обществах многоукладность выступает как сочетание в рамках единого национального хозяйства укладов, опирающихся на разные способы производства. [См. гл. 6]

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ — капитал, обладающий свойствами капиталистической монополии. [См. гл. 12]

МОНОПОЛЬНАЯ СВЕРХПРИБЫЛЬ — прибыль, которая образуется в силу завышения монополистическим капиталом рыночной цены товара выше цены равновесия спроса и предложения, либо за счет монопольного удержания в своих руках условий для особо низких издержек производства. [См. гл. 12]

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА — превращение части прибавочной стоимости в элементы постоянного и переменного капитала. [См. гл. 9]

НЕОБХОДИМОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ — время, которое нужно для создания продукта, обеспечивающего воспроизводство самого работника, то есть возмещающего затраты его рабочей силы, и обеспечивающего физическое замещение работника по истечении его работоспособного возраста. [См. гл. 9]

НЕОБХОДИМОСТЬ — такая сторона человеческой практики, которая определяется объективными обстоятельствами. [См. гл. 1]

НЕОБХОДИМЫЙ ПРОДУКТ — продукт, обеспечивающий воспроизводство самого работника, то есть возмещающий затраты его рабочей силы, и обеспечивающий физическое замещение работника по истечении его работоспособного возраста. [См. гл. 9]

«НЕОПРИВАТИЗАЦИЯ» — на поверхности явлений характеризуется сокращением государственной и различных форм общественной собственности, а также возрастанием роли мелкого частного производства и мелкой частной собственности. В основе этого процесса лежит концентрация реальных прав собственности в руках корпоративного капитала, а внутри последнего — в руках узкого слоя корпоративной олигархии («корпоративной номенклатуры»). [См. Прил. 1, гл. 1]

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА — рост взаимной зависимости и взаимосвязи хозяйственных единиц индустриального производства в условиях все более усложняющегося разделения труда. Другими словами, это процесс, выражающийся в росте взаимной зависимости звеньев общественного разделения труда. Этот процесс основан как на концентрации и специализации производства и капитала, ведущим к росту общественных масштабов производства, так и на технологических сдвигах, усиливающих значение тесной кооперации производства между предприятиями. [См. гл. 14; Прил. 1, Введение]

ОБОРОТ КАПИТАЛА: непрерывные взаимосвязанные кругообороты капитала образуют его оборот. [См. гл. 10]

ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ — капитал, который входит в процесс обращения и потребляется в нем целиком, и должен возобновляться в каждом цикле кругооборота. Элементы оборотного капитала целиком переносят свою стоимость на готовый продукт в одном кругообороте. [См. гл. 10]

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — форма собственности, предоставляющая каждому члену общества равные возможности по присвоению (производственному и личному) общественного богатства. [См. гл. 14]

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО — товар, к которому неприменимо правило исключения, т. е. доступ к которому не может быть ограничен продавцом, в том числе и для тех потребителей, которые не оплачивали товар. Поэтому для общественных благ характерно наличие внешних эффектов (экстерналий). [См. гл. 12]

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА: возникновение общественного разделения труда означает постоянное закрепление конкретных лиц за определенными видами деятельности, т. е. специализацию людей. Такое разделение труда носит наименование общественного потому, что эти виды деятельности и занятые ими люди не могут существовать вне общественных (выходящих за пределы кровнородственных) связей, экономических отношений (отношений обмена деятельностью) между собой. [См. гл. 2]

ОБЩЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ — среднее при данных условиях рабочее время, потраченное на производство (точнее, на воспроизводство — т. е. на регулярно возобновляемое производство) той массы товаров данного вида, которая признана рынком отвечающей потребностям покупателей. [См. гл. 8]

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ — производственное отношение совокупного капиталиста к совокупной рабочей силе общества, проявляющееся как множество индивидуальных отношений, разделение на которые, равно как и связь их между собой в общественный капитал обусловлены общественным разделением труда. [См. гл. 10]

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД — труд, совершаемый в системе общественного разделения труда, и предназначенный для удовлетворения общественной потребности (то есть потребности других людей, а не самого производителя). [См. гл. 8]

ОБЩИНА — естественно возникший коллектив охотников и собирателей, позднее — сельскохозяйственных производителей. Первобытная родовая община характеризовалась общностью происхождения (родством) и общностью занимаемой хозяйственной территории. Община могла совпадать с родом или быть продуктом его территориального дробления. [См. гл. 5]

ОЛИГОПОЛИЯ — доминирующее положение в производстве и/или сбыте какого-либо товара нескольких крупных капиталов. [См. гл. 12]

ОПРЕДМЕЧИВАНИЕ — деятельность, позволяющая воплотить знание в предмете. [См. гл. 1]

ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА — стоимостное строение капитала (т. е. соотношение стоимости постоянного и переменного капитала), постольку, поскольку оно определяется его техническим строением. [См. гл. 9]

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ: вопрос о том, что первично — познаваемый нами материальный мир, или знание о нем, которым мы обладаем? Является ли материя внешнего мира источником наших знаний, или же она лишь воплощение наших собственных (либо исходящих свыше) идей, мыслей? [См. гл. 1]

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ — капитал, который в течение одного кругооборота лишь частично потребляется, а значит, и лишь частично входит в процесс обращения, хотя применяется целиком. Соответственно, он переносит свою стоимость на готовый продукт частями. Его полное возобновление должно совершаться лишь после множества циклов кругооборота. [См. гл. 10]

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ — прибавочная стоимость, производимая путем сокращения необходимого рабочего времени и изменения соотношения между величиной необходимого и прибавочного рабочего времени. [См. гл. 9]

ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА (БАРЩИНА) — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем работы в господском хозяйстве (домене). [См. гл. 6]

ПАТРИАРХАЛЬНОЕ РАБСТВО — превращение людей (пленных или изгоев) в неполноправных членов патриархальных семей — в рабов. [См. гл. 5]

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА — процесс формирования исторических предпосылок капиталистических производственных отношений, выражающийся в концентрации денежного богатства на одном социальном полюсе, и развитии отделения лично свободных мелких товаропроизводителей от средств производства и источников средств существования — на другом. Тем самым возникает возможность превращения денег в капитал путем найма и эксплуатации свободной рабочей силы. [См. гл. 6]

ПЕРЕНАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА — образование в процессе накопления капитала значительной массы добавочных капиталов, применение которых не обеспечивает средней нормы прибыли. [См. гл. 10]

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА — изменение, в результате недостаточности социально-экономических предпосылок, содержания социалистических производственных отношений, вплоть до превращения их в собственную противоположность. [См. гл. 14]

ПЕРЕХОДНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — такие отношения, в которых сочетаются элементы производственных отношений разных способов производства. *Переходные отношения в позднем капитализме* — такие отношения, в которых сочетаются элементы капиталистических и посткапиталистических производственных отношений. [См. Прил. 1, Введение]

ПЛЕМЯ — объединение нескольких родов. Первоначальной ячейкой племени был союз двух родов, члены которых были связаны взаимными брачными узами, а затем и

общим культом и общими органами самоуправления. Такой союз именуется также фратрией. [См. гл. 5]

ПОДРЫВ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА при капитализме — соединение отношений товарного производства и сознательного нерыночного регулирования производства, становящееся неизбежным при высоком уровне обобществления. [См. Прил. 1, Введение]

ПОЛИТИКА — деятельность, связанная с борьбой за использование государственной власти. [См. гл. 4]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — отношения, возникающие по поводу государственной власти. [См. гл. 4]

ПОМЕСТЬЕ (НА РУСИ) — земельное пожалование дворянину по месту службы (отсюда название). Носило личный характер, не могло продаваться, передаваться по наследству и т. д., что сближало его с западноевропейским бенефицием. Только в XVII веке разница между поместным и вотчинным землевладением сглаживается, а затем и исчезает. [См. гл. 6]

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: является разновидностью позднего капитализма полупериферийного типа, спецификой которой является сохранение некоторых черт экономики советского типа. [См. гл. 15]

ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ТОВАРА — полезность товара, способность удовлетворять определенные общественные потребности. [См. гл. 8]

ПРЕВРАТНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ (ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ) — экономические формы, превратно отражающие содержание производственных отношений, вплоть до создания видимости, противоположной их содержанию, или, другими словами: когда форма явления создает искаженное, или даже прямо противоположное действительному содержанию представление о нем, она выступает тем самым как превратная (превращенная) форма. [См. гл. 9; Прил. 1, гл. 1]

ПРЕВРАТНЫЙ (БЕСПОЛЕЗНЫЙ) СЕКТОР — та часть капиталистического производства, в которой создаются главным образом такие блага, которые не ориентированы на развитие или воспроизводство человеческих качеств, либо на создание соответствующих промежуточных благ. Этот сектор является не только бесполезным, но и превратным, поскольку основан на превратных экономических формах, а бесполезные блага, в нем создающиеся, главным образом представляют собой не материальные блага (пусть и имеющие фиктивную полезность), а такие же превратные экономические формы. [См. Прил. 1, гл. 1]

ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА — см. Превратные экономические формы.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ — та часть стоимости товаров, которую наемный работник создает в силу принуждения к труду сверх необходимого рабочего времени (то есть стоимость создаваемого им в течение прибавочного рабочего времени прибавочного продукта). [См. гл. 9]

ПРИБАВОЧНОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ — время труда сверх необходимого рабочего времени. В течение прибавочного рабочего времени создается прибавочный продукт. [См. гл. 9]

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — продукт, выходящий за рамки необходимого для текущего потребления. [См. гл. 9]

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ: когда человек становится способен производить больше, чем нужно для его текущего потребления (для поддержания жизни), то излишек — *прибавочный продукт* — может присваиваться другими людьми. *Эксплуатация* означает применение человека как своего рода живого орудия труда — принуждение его к производству прибавочного продукта с целью последующего присвоения последнего. [См. гл. 2]

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — продукт, производимый сверх производства необходимого продукта. [См. гл. 2, гл. 5]

ПРОВАЛЫ РЫНКА — ситуации, в которых рыночные отношения не обеспечивают адекватной информации об издержках и полезных эффектах через рыночные цены. Одним из частных случаев провалов рынка является производство товаров, характеризующихся наличием внешних эффектов (экстерналий), — например, производство общественных благ. [См. гл. 12]

ПРОДУКТОВАЯ РЕНТА (ОБРОК) — форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем передачи последнему части продуктов, произведенных на собственном наделе. [См. гл. 6]

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — специфические общественные отношения, в которые люди вступают в процессе произ-

водства материальных условий своего существования. [См. гл. 2]

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — общественные отношения между людьми, возникающие в процессе и по поводу производства их собственной материальной жизни. Содержание производственных отношений является объективным (не зависит от воли и сознания людей), поскольку определяется данным, наличным уровнем развития материальных условий производства, то есть уровнем развития производительных сил человеческого общества. [См. гл. 2, гл. 3]

ПРОИЗВОДСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС: общественное производство выступает одновременно и как производство продуктов труда, и как производство самих общественных связей людей, самого человеческого общества (как с точки зрения вещественных, так и с точки зрения социальных условий его жизни) или общественно-определенного человека. [См. гл. 3]

ПРОЛЕТАРИАТ (РАБОЧИЙ КЛАСС) — лица, не имеющие средств производства и получающие основной доход от продажи своей рабочей силы. [См. гл. 11]

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА — взаимодействие человека и средств производства в процессе труда. [См. гл. 2]

РАБОЧАЯ СИЛА — совокупность навыков, умений, приемов производства и способности привести их в действие, которыми обладает индивид. [См. гл. 2]

РАНТЬЕ — лица, получающие основной доход от вложения денежного капитала в банки или ценные бумаги. [См. гл. 11]

РАСПРЕДМЕЧИВАНИЕ — деятельность, позволяющая извлечь знание из предмета. [См. гл. 1]

РЕАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА будет достигнуто тогда, когда свобода, обеспечиваемая формальным освобождением труда, будет обеспечена и со стороны производительных сил, со стороны содержания самого процесса человеческой деятельности. [См. гл. 18]

РЕАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА КАПИТАЛУ — такое подчинение труда, которое, помимо характера капиталистических производственных отношений, определяется также и самим характером процесса производства, превращением наемного работника в придаток машины, техническим подчинением человека движению вещественных элементов постоянного капитала. [См. гл. 9]

«РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ» — тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от «царства необходимости» (в частности, капитализма) к «царству свободы» (коммунизму); это переходный общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму. [См. гл. 14]

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА В МАРКСИЗМЕ — совпадение объективно назревших исторических перемен и действий человека, направленных на эти перемены. [См. гл. 1]

РОД — союз кровных родственников, ведущих происхождение по одной линии (сначала родство считалось по материнской линии, позднее — по отцовской). [См. гл. 5]

СВОБОДА — свойство человека преодолевать границы того, что изначально дано ему внешним миром. [См. гл. 1]

СВОБОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ — социально-экономическая форма связи людей, основанная на их добровольном союзе для реализации общих целей в процессе свободной деятельности. [См. гл. 14]

СИМУЛЯКР (в экономической теории) — феномен приобретения экономическими благами свойств, симулирующих действительную полезность, и превращения этой симулятивной полезности в определяющую характеристику блага. Симулякры в экономике тесно связаны с господством превратных экономических форм, создающих искаженное представление о скрытом за ними содержании. Экономический смысл производства симулякров заключается в преодолении границ накопления капитала в реальном секторе экономики. [См. Прил. 1, гл. 2]

СИМУЛЯТИВНАЯ ОБОЛОЧКА ТОВАРА — та часть полезности товара-симулякра, которая носит собственно симулятивный характер, в отличие от полезности его материального носителя (которая может представлять собой реальное благо). [См. Прил. 1, гл. 2]

СОСЛОВИЯ — форма проявления классового деления общества при докапиталистических способах производства. Сословные группы характеризовались различным юридиче-

ским положением; носили, как правило, наследственный и относительно замкнутый характер. [См. гл. 6]

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — качественный скачок во всей системе общественных отношений при переходе от одного способа производства к другому. Когда старые производственные отношения становятся препятствием на пути развития новых производительных сил, происходит социальная революция как неэкономическое вмешательство в экономический строй общества, приводящее к разрушению устаревших производственных отношений и замене их новыми производственными отношениями, создающими возможность для быстрого роста производительных сил общества. На этой основе происходит и революционный переворот в общественной надстройке. [См. гл. 3]

СОЦИАЛЬНО-ГАРАНТИРОВАННЫЙ МИНИМУМ — обязательная составная часть дохода работающего населения, а также нетрудоспособных, обеспечивающая включение человека в общественную жизнь (социализацию). Социально-гарантированный минимум следует предоставлять (на особых условиях) и лицам, уклоняющимся от труда, чтобы предотвратить криминализацию этого социального слоя и не закрывать возможность их трудовой реадаптации. [См. гл. 18]

СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ — отчуждение людей друг от друга, от образуемых ими общественных связей, от социальных процессов и явлений. Выражается в противопоставлении людям их общественных связей, как чуждых, враждебных, навязанных им. Наиболее общей причиной отчуждения являются противоречия экономических интересов, особенно связанные с эксплуатацией труда. Это приводит не только к разобщению людей друг от друга, но и к тому, что сама трудовая деятельность, ее результаты и возникающие на основе этой деятельности общественные отношения выступают как навязанные человеку извне, чуждые ему. [См. гл. 3]

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА — сосредоточение производства определенного вида продукции на предприятиях, производящих только данную продукцию. Обычно приводит также к концентрации производства. [См. гл. 12]

СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА — ступень развития общественного производства, в основе которой лежит противоречивое взаимодействие производительных сил исторически определенного уровня и характера, и соответствующей им системы производственных отношений. [См. гл. 3]

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА — определенная комбинация элементов производительных сил (простых элементов процесса труда) и характера их взаимодействия в процессе производства. [См. гл. 2]

ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ: превращение вещного мира, созданного человеком, в независимую от него и господствующую над ним общественную силу. [См. гл. 8]

ТОВАРЫ — продукты независимых друг от друга, частных работ, поступающих в общественное потребление через обмен их на рынке. См. также: Симулятивная оболочка товара. [См. гл. 8]

ТОТАЛЬНЫЙ РЫНОК СЕТЕЙ — рынок, опирающийся не просто на общественное разделение труда, а на создаваемые монополистическими тенденциями явления зависимости и подчинения, складывающиеся между различными капиталами. Эти связи, основанные на зависимости и подчинении, носят характер гибких, изменчивых, жестко не фиксированных, перенастраиваемых сетей. [См. Прил. 1, гл. 1]

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ — капитал, базирующийся в нескольких странах, причем иностранные филиалы по объему оборота сопоставимы с материнской компанией. Организован, как правило, в форме транснациональных корпораций, по масштабу сопоставимых с экономиками отдельных государств. [См. гл. 13]

ТРАНСФЕРТНЫЕ ЦЕНЫ — цены, применяемые для расчетов между составными частями крупных монополистических организаций. [См. гл. 12]

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА: такой подход, при котором капитал представляется, как приносящий процент, земля — земельную ренту, а труд — заработную плату, К. Маркс назвал «триединой формулой». [См. гл. 11]

ТРУД — целесообразная деятельность по изменению формы природных объектов, приспосабливающая их для удовлетворения человеческих потребностей. [См. гл. 2]

ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ: исходит из того, что при обмене самых разнообразных товаров единственной возможной основой их приравнивания друг к другу вы-

ступает тот общий для подавляющего большинства из них факт, что товары есть продукты труда. Кроме того, товаропроизводители, совершая обмен товаров, должны в этом обмене экономически возместить свои затраты на производство товаров. И, соответственно, количество затраченного на их производство труда выступает основой установления пропорции обмена. [См. гл. 8]

ФАБРИКА — предприятие, процесс производства на котором основан на системе машин. [См. гл. 9]

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА — основная форма присвоения прибавочного продукта в феодальном обществе путем несения крепостными повинностей в пользу сеньора (в разных формах — отработочная рента или барщина, рента продуктами или оброк, денежная рента). [См. гл. 6]

ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ — форма существования капитала, при которой титул, удостоверяющий права собственности на действительный капитал, совершает самостоятельное обращение, отделенное от движения действительного капитала, хотя фиктивный и действительный капитал сохраняют каналы взаимного влияния. [См. гл. 10]

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ — монополистический капитал, образовавшийся благодаря сращиванию промышленного и банковского монополистического капитала и занимающий ведущие позиции на финансовом рынке. [См. гл. 12]

ФОРМА СТОИМОСТИ ТОВАРА — выражение стоимости одного товара через его меновую стоимость, то есть через количество потребительной стоимости, на которую обменивается данный товар. [См. гл. 8]

ФОРМАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА выступает как становление свободы общественных отношений людей в труде, в производстве — но только по социально-экономической форме, т. е. только со стороны новых производственных отношений. [См. гл. 18]

ФОРМАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА КАПИТАЛУ — такое подчинение труда, которое определяется капиталистической формой процесса производства, то есть капиталистическими производственными отношениями, и, прежде всего — характером отношений между капиталистом и наемным работником. [См. гл. 9]

ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА — цена товаров, формирующаяся на основе конкуренции капиталов за равную прибыль на равновеликий капитал и количественно равная издержкам производства плюс средняя прибыль. [См. гл. 10]

ЦЕНА ТОВАРА: выражение стоимости товара в деньгах называется ценой товара. [См. гл. 8]

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА — объединение нескольких самостоятельных индивидуальных капиталов под контролем одного собственника. Содействует процессу концентрации капитала, но прямо не связана с концентрацией производства (перемена собственника сама по себе не влияет на размеры и специализацию производства). [См. гл. 12]

ЧАСТНЫЙ ТРУД — труд, совершаемый независимыми друг от друга, частными индивидами, на свой страх и риск и за собственный счет. [См. гл. 8]

ЧИСТЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ — такие издержки обращения, которые не присоединяют к товару новой стоимости. [См. гл. 10]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ: характеризуется выделением из общественных отношений производственных отношений, и сложной дифференциацией последних. Производственные отношения в рамках экономической общественной формации окончательно приобретают роль определяющих общественных отношений. [См. гл. 6]

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — такие производственные отношения, которые связаны со стремлением к наиболее эффективному получению вещного богатства, т. е. к увеличению размеров этого богатства при относительном сокращении затрат на его приобретение. [См. гл. 6]

ЭКСПЛУАТАЦИЯ — принуждение одного человека другим к труду с тем, чтобы присвоить производимый им прибавочный продукт, оставив лишь необходимые средства существования. [См. гл. 2, гл. 5]

Предметный указатель

Воспроизводство — гл. 10, п. 10.6
— воспроизводственный процесс в России: причины и последствия экстенсивной модели эволюции — гл. 16, п. 16.3
— воспроизводственная ловушка постсоветской России — гл. 16, п. 16.3.2

Гегемония капитала
— личность и свободное время как ее объекты — Прил. 1, гл. 7, п. 7.2
— субъекты и объекты гегемонии глобального капитала — Прил. 1, гл. 11

Глобализация — гл. 13, п. 13.2;
— производительных сил — прил. 1, гл. 11, п. 11.2
— производственных отношений — Прил. 1, гл. 11, п. 11.3
— финансовая глобализация — Прил. 1, гл. 5
— в условиях позднего капитализма — Прил. 1, гл. 11
См. также: ТНК

Государство
— как политическая и юридическая надстройка — гл. 4, п. 4.3
— государственное регулирование в постсоветской России — гл. 16, п. 16.1

Деньги — гл. 8, п. 8.2
— виртуальные — Прил. 1, гл. 3
— квази-деньги — Прил. 1, гл. 4
— неоденьги — Прил. 1, гл. 4, п. 4.2
— феноменология современных денег — Прил. 1, гл. 3, п. 3.1
См. также: Капитал / виртуальный фиктивный финансовый капитал.

Диалектика — гл. 1, п. 1.4

«Долговая экономика» — Прил. 1, гл. 4, п. 4.1

Доход
— его капиталистические формы и их источники — гл. 11, п. 11.1

Законы и закономерности в экономике:
— капиталистический закон народонаселения — гл. 9, п. 9.3
— тенденция относительного и абсолютного обнищания пролетариата — Прил. 1, гл. 5

Заработная плата — гл. 9, п. 9.1; гл. 10

Империализм
— крах колониальной системы — гл. 12, п. 12.5
— как первая стадия позднего капитализма — Прил. 1, Введение; Прил. 1, гл. 5

Издержки обращения капитала — гл. 10, п. 10.1

Индустриальное общество
— позднее индустриальное общество — гл. 12, п. 12.4
— развитие постиндустриальных тенденций — гл. 13, п. 13.1

Капитал
— монополистический — Прил. 1, Введение.
— промышленный — гл. 10, п. 10.3
— ростовщический — гл. 7, п. 7.2
— «социальный» — Прил. 1, гл. 10
— ссудный — гл. 10, п. 10.4
— торговый — гл. 7, п. 7.2; гл. 10, п. 10.3
— фиктивный финансовый — гл. 10, п. 10.4; Прил. 1, гл. 3, п. 3.2; Прил. 1, гл. 4, пп. 4.2, 4.3
— человеческий — Прил. 1, гл. 10, п. 10.1
— и прибавочная стоимость — гл. 9, п. 9.1
— и творческая деятельность — Прил. 1, гл. 6
— его «диффузия» — Прил. 1, гл. 5, п. 5.2
— его обращение — гл. 10, п. 10.1
— как глобальное явление — см. Глобализация
— присвоение им всеобщего культурного богатства — Прил. 1, гл. 6, п. 6.4
— человек и социум как функции и как предел капитала — Прил. 1, гл. 10
См. также: Подчинение труда капиталу.

Капитализм
— государственно-монополистический — гл. 12, п. 12.2
— монополистический — гл. 12, пп. 12.1 и 12.3; Прил. 1, Введение; Прил. 1, гл. 5
— «мутантный» — гл. 16
— поздний (позднее индустриальное общество) — гл. 12, п. 12.4
— — его первая стадия — Прил. 1, Введение.
— поздний капитализм полупериферийного типа — гл. 16
— его пределы — гл. 17
— «окультуривание» капитализма — Прил. 1, гл. 6
— стадии развития капитализма в промышленности — гл. 9, п. 9.2
— «экологизация» капитализма — Прил. 1, гл. 6
См. также: Классы / экономические основы социально-классовой структуры капитализма.

Кланово-корпоративная группа
— и отношения собственности — гл. 16, п. 16.2

Классы
— классовая структура капиталистического общества — гл. 11, п. 11.2

— экономические основы социально-классовой структуры капитализма — гл. 11
— изменение межклассовых и внутриклассовых отношений при монополистическом капитализме — гл. 12, п. 12.3
— изменение социальной структуры современного капиталистического общества — гл. 13, п. 13.3
— социальная структура позднего капитализма — Прил. 1, гл. 8 и 9
— в эпоху позднего капитализма — Прил. 1, гл. 9
— меж- и внутриклассовая диффузия на современном этапе развития капитализма — Прил. 1, гл. 9
— класс наемных работников — Прил. 1, гл. 9
— классовая борьба — гл. 4, п. 4.2; Прил. 1, гл. 9
— соотношение классового и национального — гл. 4, п. 4.4

Коммунизм
— социально-экономическая система неполного коммунизма — гл. 18, п. 18.3
— условия перехода к его высшей фазе — гл. 19, п. 19.1
— «полный» коммунизм — гл. 19, п. 19.1
— освобождение человека — гл. 19, п. 19.4

Корпорация
— корпоративные сети — Прил. 1, гл. 1
— корпоративное манипулирование — Прил. 1, гл. 1, п. 1.2
— «креативная корпорация» — Прил. 1, гл. 6
См. также: Транснациональные корпорации (ТНК); «Революция управляющих»

Креативная деятельность
— ее субъект: формальное подчинение капиталу — Прил. 1, гл. 7, п. 7.1
См. также: Эксплуатация / креативной деятельности

Креатор — см. Человек.

Креатосфера — Прил. 1, гл. 5. См. также: Творческая деятельность.

Кризис экономический — гл. 10, п. 10.6
— гиперреализованные угрозы кризиса и дерегулирования — Прил. 1, гл. 4, п. 4.2

Криптовалюты — Прил. 1, гл. 3, п. 3.2

Культура
— культурная (креатосферная) рента — Прил. 1, гл. 6
— «окультуривание» капитализма — Прил. 1, гл. 6
— эксплуатация культуры капиталом — Прил. 1, гл. 6
— присвоение всеобщего культурного богатства — Прил. 1, гл. 6

Мануфактура — гл. 7, п. 7.1

Марксистский метод исследования — см. Политическая экономия (философские основы метода), марксизм

Материализм
— философский материализм — гл. 1, п. 1.3
— материалистический подход к общественным явлениям — гл. 2, п. 2.1

Монополистический капитализм — см. Капитализм

Накопление капиталистическое — гл. 9, п. 9.3

Наемные работники — см. Классы.

«Неомаркетизация» — см. Рынок.

Неоприватизация — см. Приватизация.

Не-рыночные (не-капиталистические) отношения — см. Посткапиталистические отношения

Обобществление производства — Прил. 1, Введение

«Общество одной трети» — Прил. 1, гл. 9
«Общество двух третей» — Прил. 1, гл. 9

Освобождение труда (формальное и реальное) — гл. 18, п. 18.3
См. также: Подчинение труда (формальное и реальное).

Отношения координации в российской экономике — гл. 16, п. 16.1

Отношения присвоения и отчуждения в российской экономике — гл. 16, п. 16.2

Первоначальное накопление капитала — гл. 7, п. 7.1

Переход от «царства необходимости» к «царству свободы»
— «реальный социализм» как его ступень — гл. 14, п. 14.5

Подчинение труда капиталу (формальное и реальное)
— гл. 9, п. 9.2; Прил. 1, гл. 5
— трансформации реального подчинения труда капиталу в XXI веке — Прил. 1, гл. 7, п. 7.2
— парадоксы реального подчинения капиталу творческой деятельности — Прил. 1, гл. 7, п. 7.3
— подчинение капиталу Человека — Прил. 1, гл. 7, п. 7.4
См. также: Освобождение труда (формальное и реальное)

Политическая экономия
— современного капитализма — гл. 12 и 13
— социализма — гл. 18
— посткапиталистического мира — гл. 17, 18, 19
— глобализации — прил. 1, гл. 11
— товара-симулякра — Прил. 1, гл. 2, п. 2.3

— современного капитализма — Прил. 1
— творческая деятельность с точки зрения политической экономии — Прил. 1, гл. 10
— возвращение политической экономии — введение, п. 1
— что позволяет изучить классическая политическая экономия и не позволяет «экономикс» — введение, п. 2
— философские основы метода — гл. 1
— социально-исторические основы метода — гл. 2
— предмет — гл. 3

Постиндустриальное общество
— изменение качества и роли работника под влиянием генезиса постиндустриального общества — Прил. 1, гл. 10
См. также: Индустриальное общество

Посткапиталистические отношения
— их предпосылки — гл. 17
— их генезис — гл. 18, п. 18.2; Прил. 1, гл. 5; Прил. 1, гл. 10, п. 10.2.5
— генезис нового класса отношений, переходных к посткапиталистическим, скрытый в феномене «социального капитала» — Прил. 1, гл. 10, п. 10.2

Превратные экономические формы — Прил. 1, гл. 1
— «долговой экономики» — Прил. 1, гл. 4, п. 4.1

Превратный (бесполезный) сектор экономики — Прил. 1, гл. 1. п. 1.1; Прил. 1, гл. 4. п. 4.3.

Прекариат — Прил. 1, гл. 9. См. также: Пролетариат

Прибавочная стоимость
— и капитал — гл. 9., п. 9.1
— превращение ее в прибыль — гл. 10, п. 10.2
— ее присвоение в XXI веке — Прил. 1, гл. 5, п. 5.2
— снятие ее присвоения через присвоение интеллектуальной ренты — Прил. 1, гл. 6, п. 6.1

Прибыль
— без производства — Прил. 1, гл. 4, п. 4.1
— виртуальная — Прил. 1, гл. 4, п. 4.2
— монополистическая [сверх]прибыль — Прил. 1, гл. 5, п. 5.2
См. также: Прибавочная стоимость (превращение ее в прибыль)

Приватизация
— неоприватизация — Прил. 1, гл. 1, п. 1.4; Прил. 1, гл. 11

Производительные силы
— их основные элементы — человек и материальные средства производства — гл. 2, п. 2.2
— исторические стадии развития — гл. 2, п. 2.3
— противоречие между производительными силами и производственными отношениями — гл. 3, п. 3.2
— и социальные предпосылки социализма — гл. 17, п. 17.3
— социализма — гл. 18, п. 18.3

Производственные отношения
— содержание понятия — гл. 3, п. 3.1.
— в постсоветской России — гл. 16
— и социальные предпосылки социализма — гл. 17, п. 17.3
— социализма — гл. 18, п. 18.3
— коммунизма — гл. 19, п. 19.3
См. также: производительные силы (противоречие между производительными силами и производственными отношениями)

Пролетариат
— тенденция относительного и абсолютного обнищания пролетариата — Прил. 1, гл. 5
— люмпен-пролетариат — Прил. 1, гл. 9
— прекариат — Прил. 1, гл. 9

Промышленный переворот — гл. 7, п. 7.2

Процент — гл. 10, п. 10.4

Развитие
— социально-экономическое развитие: его периодизация — гл. 3, п. 3.3

«Реальный социализм» — см. Социализм.

«Революция управляющих» — Прил. 1, гл. 6

Реклама как инструмент рыночной манипуляции — Прил. 1, гл. 1

Рента — гл. 10, п. 10.5
— земельная — гл. 10, п. 10.5
— культурная (креатосферная) — Прил. 1, гл. 6
— интеллектуальная — Прил. 1, гл. 5, п. 5.2; Прил. 1, гл. 6
— — как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства — Прил. 1, гл. 6, п. 6.4

Рынок
— его локальное корпоративное регулирование в российской экономике — гл. 16, п. 16.1
— монополистический капитал как подрыв его основ — Прил. 1, Введение
— тотальный рынок сетей («рынок пауков и паутин») — Прил. 1, гл. 1
— симулякров — Прил. 1, гл. 2
— «неомаркетизация» — Прил. 1, гл. 1; Прил. 1, гл. 5; Прил. 1, гл. 11

Симулякр
— как превратная форма товарного фетишизма — Прил. 1, гл. 2, п. 2.4
См.: Политическая экономия / товара-симулякра; Рынок / симулякров.

Собственность
— отношения собственности в российской экономике — гл. 16, п. 16.2

— «ренессанс» частной собственности как результат и предпосылка тоталитарного рынка — Прил. 1, гл. 1, п. 1.4

Социализм — гл. 18
— деформированный социализм — гл. 14, п. 14.3
— — альтернативные взгляды на его экономическую систему — гл. 14, п. 14.1
— его материальные предпосылки — гл. 17, п. 17.2
— его социальные предпосылки — гл. 17, п. 17.3
— «реальный социализм» — гл. 18, п. 18.1; гл. 14, п. 14.5
— и товарное производство — гл. 18, п. 18.3

Способ производства — гл. 3, пп. 3.2 и 3.3
— добуржуазные способы производства — гл. 5, 6
— первобытный — гл. 5
— азиатский — гл. 6, пп. 6.1 и 6.2
— античный — гл. 6, пп. 6.1 и 6.3
— феодальный — гл. 6, п. 6.4
— границы капиталистического способа производства — гл. 17, п. 17.2

СССР
— социально-экономическая система: природа, причины возникновения и кризиса — гл. 14

Стоимость
— ее превращение в цену производства — гл. 10, п. 10.2
См. также: Трудовая теория стоимости

Творческая деятельность
— эксплуатация творческой деятельности — Прил. 1, гл. 6
— снятие эксплуатации творческой деятельности — Прил. 1, гл. 6
— с точки зрения политической экономии — Прил. 1, гл. 10

Товарное обращение — гл. 8, п. 8.2

Транснациональные корпорации (ТНК)
— транснациональная корпоративная сеть: анатомия, структура, доминирование — прил. 1, гл. 11, п. 11.4
— каналы внешней власти корпораций — прил. 1, гл. 11, п. 11.5
см. также: Глобализация

Трансформации социально-экономические
— формирование основ рыночной экономики как результат постсоветских трансформаций — гл. 15, п. 15.2
— динамика макроэкономических индикаторов в период постсоветских трансформаций — гл. 15, п. 15.3

Труд — гл. 2, п. 2.2
— производительный и непроизводительный — гл. 10, п. 10.3
— всеобщий — Прил. 1, гл. 1
— всеобщий творческий — Прил. 1, гл. 5
— частичный работник — Прил. 1, гл. 5
— противоречие труда и капитала эпохи глобализации — Прил. 1, гл. 11
См. также: Подчинение труда капиталу; Трудовая теория стоимости.

Трудовая теория стоимости — гл. 8, п. 8.1

Феодализм — гл. 6, п. 6.3 и п. 6.4

Фетишизм товарный — гл. 8. См. также: Симулякр / как превратная форма товарного фетишизма.

Формации общественные — гл. 3, п. 3.3
— архаическая (предэкономическая) — гл. 5
— экономическая — гл. 6

Хомо креатор — Прил. 1, гл. 6
— и присвоение интеллектуальной ренты — Прил. 1, гл. 5, п. 5.2

«Царство необходимости»
— его пределы — гл. 17, п. 17.1

Цена производства — гл. 10, п. 10.2

Человек
— как субъект истории — гл. 19, п. 19.4
— его освобождение — гл. 19, п. 19.4
— роли в экономике (критика теории «человеческого капитала») — Прил. 1., гл. 10, п. 10.2
— как функция капитала и как его предел — Прил. 1, гл. 10
— homo creator (креатор) — Прил. 1, гл. 6
См. также: капитал / человеческий; социальный.

Человеческий капитал — Прил. 1, гл. 10

Экономика в системе общественных отношений — гл. 4
См. также: Долговая экономика.

Экономическая теория
— проблема плюрализма в экономической теории — Введение, P. S.

Эксплуатация
— с точки зрения классического марксизма — Прил. 1, гл. 5, п. 5.1
— изменение содержания и структуры отношений эксплуатации в XXI веке — Прил. 1, гл. 5, п. 5.2
— творческой деятельности — Прил. 1, гл. 6
— homo creator'a — Прил. 1, гл. 6, п. 6.1
— мира культуры — Прил. 1, гл. 6, п. 6.1
— количественные аспекты эксплуатации творческой деятельности — Прил. 1, гл. 6, п. 6.3
— снятие эксплуатации творческой деятельности — Прил. 1, гл. 6

Издательская группа
URSS представляет

Б. Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

МАРКСИЗМ

Введение в социальную и политическую теорию

Несмотря на попытки исключить марксизм из системы общественных наук и гуманитарного образования, его значение как теоретического метода остается непреходящим.

Однако российские студенты, заинтересованные в качественном социологическом образовании, до сих пор были вынуждены обращаться к публикациям американских и западноевропейских авторов, не стесняющихся своей марксистской методологии, поскольку старые советские учебники безнадежно устарели и представляют собой по большей части одностороннее, зауженное, а порой и искаженное изложение марксистской теории.

Настоящая книга призвана восполнить существующий пробел в современной отечественной социологической литературе. В ней представлен популярный очерк социологии марксизма, написанный с современных позиций; приводится описание основных марксистских течений и дебатов.

В основу книги положен курс лекций, прочитанный автором в Институте социологии в начале 2000-х годов.

Александр Владимирович БУЗГАЛИН

Доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. Визит-профессор Кембриджского и Пекинского университетов, главный редактор журналов «Вопросы политической экономии» и «Альтернативы».

Андрей Иванович КОЛГАНОВ

Доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительных исследований социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, член редколлегии журналов «Вопросы политической экономии» и «Альтернативы».

Ольга Владимировна БАРАШКОВА

Старший научный сотрудник Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, магистр экономики. Автор серии статей по вопросам политико-экономической теории, включая проблемы неравенства, отношений «центра» и «периферии»; соавтор ряда учебных программ по политической экономии и другим курсам, читаемым в МГУ имени М. В. Ломоносова и других университетах России и Китая.

Это монументальный текст, посвященный жизненно важному предмету. Книга открывает глубины марксистской политической экономии. Эта книга — результат сотрудничества ученых высокого уровня, чью целостность и независимость я знаю и ценю на протяжении многих лет научного диалога.

Джеймс К. Гэлбрейт, Техасский университет в Остине

Курс политической экономии следовало бы читать на экономических факультетах университетов и в экономических вузах наряду с курсами микро- и макроэкономики. Этот учебник раскрывает целый ряд проблем, принципиально значимых для понимания современных хозяйственных практик как в России, так и в мире, но не освещаемых другими направлениями экономической теории.

Научный руководитель Института экономики РАН, чл.-корр. РАН Р. С. Гринберг

В 2018 году учебник удостоен премии «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КНИГА ГОДА», присуждаемой Вольным экономическим обществом России

Издательская группа URSS

Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56

Телефон / факс (многоканальный) +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги на сайте http://URSS.ru

27753 ID 259147

9 785971 074007